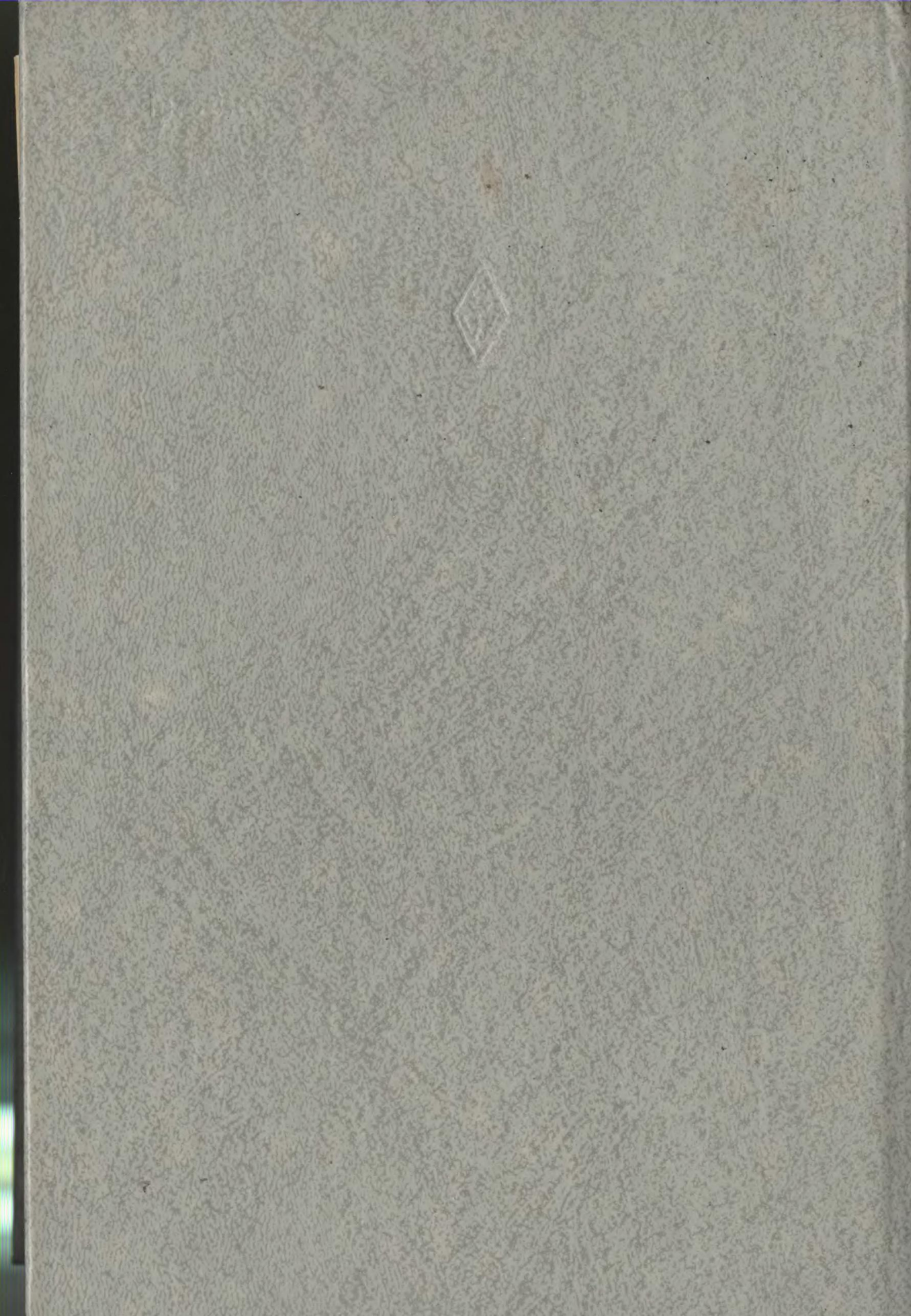

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ
СССР

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР

**Издание второе,
переработанное и дополненное**

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО**

**Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника для студентов
исторических специальностей университетов
и педагогических институтов**

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1981

Редакционная коллегия:
С. В. Воронкова (ответственный секретарь),
С. С. Дмитриев, В. З. Дробижев, А. В. Муравьев, Л. В. Милов

Рецензенты:
кафедра источниковедения истории СССР
Ростовского государственного университета
(зав. кафедрой — доктор исторических наук,
профессор А. П. Пронштейн),
доктор исторических наук,
профессор К. А. Хмелевский

Источниковедение истории СССР: Учебник/Под ред.
И91 И. Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш.
школа, 1981. — 496 с.

Авторы указ. в огл.

В пер.: 1 р. 50 к.

Учебник написан на основе программы курса. В нем рассматриваются важнейшие теоретико-методологические проблемы источниковедения, раскрываются марксистско-ленинские принципы исследования источников. Дается обзор основных письменных источников по истории СССР с древнейших времен до наших дней и охарактеризованы важнейшие методы их научной критики.

И 10602—426
001(01)—81 5—81

0503000000

ББК 63.2
902.9

Курс источниковедения истории СССР занимает важное место в профессиональной подготовке историков.

Роль и место в учебном курсе важных и сложных теоретических вопросов обусловлены и вытекают не только из особенностей развития исторической науки на данном этапе, но и из современных принципов и задач обучения и подготовки высококвалифицированных специалистов. Введение в научный оборот новых источников, существенное расширение приемов и методов их анализа и обработки требуют от исследователя умения ориентироваться в стремительном потоке информации и придают особое значение его методологической подготовке. Следует подчеркнуть актуальность вопросов изучения теоретических проблем марксистского источниковедения и в связи с задачами критики современной буржуазной историографии, нередко прибегающей к фальсификации сложностей и особенностей исторического познания.

В настоящем издании по сравнению с первым значительно переработано «Введение», усовершенствована и унифицирована структура отдельных частей, более последовательно проведен видовой принцип освещения материала. Целый ряд глав, особенно в разделе, характеризующем источники по истории советского общества, написан заново. Авторы в рассмотрении вопросов методики работы с источниками исходят из опыта их изучения на современном этапе.

Задачей учебника является рассмотрение и раскрытие источниковедения письменных источников по отечественной истории. Это обусловлено не только той ролью, которую играет данный тип источников в исторических исследованиях, но и необходимостью конкретного и последовательного ознакомления студентов с основными принципами, приемами и методами источниковедческого анализа, что невозможно сделать при обращении сразу ко всему комплексу сохранившихся источников.

Объем учебника, а также состояние разработки отдельных видов исторических источников, отражающих определенные исторические эпохи, позволили дать характеристику лишь основных видов письменных источников. В издание не включены самостоятельные обзоры источников по истории народов СССР XVIII—XX вв., когда еще сохранялись различия в источниках отдельных регионов России, а также публицистики, политических и научных трудов, литературных памятников XIX—XX вв. Вместе с тем выделенные для рассмотрения комплексы источников позволяют составить представление об основном корпусе письменных источников и методах работы с ними.

Современный этап развития исторической науки характеризуется усиленным вниманием к проблемам теории и методологии исторического познания. Теснейшим образом с этим связана и разработка теоретико-методологических вопросов источниковедения. Рассмотрению их посвящена первая глава, обобщающая итоги исследований советской историографии в этой области. Органически связана с ней вторая глава, в которой характеризуются труды классиков марксизма-ленинизма, составляющие методологическую основу советского источниковедения.

Глава 1

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

§ 1. Общие теоретико-методологические проблемы источниковедения

Формирование научных знаний об источниках обусловлено общим процессом эволюции исторической науки и до известных пределов совпадает с основными этапами ее истории. Развитие и обобщение научных представлений об источниках и методах их анализа происходило первоначально в ходе исследовательской практики установления подлинности источника, определения степени достоверности сообщаемых им фактов. Только к концу XIX — началу XX в. относится появление в зарубежной¹ и русской² историографии специальных работ, содержащих теоретическое осмысление накопленного опыта изучения источников с позиций буржуазной теории и методологии исторического познания.

Процесс разработки основных категорий и положений источниковедения на базе материалистической диалектики происходит в советской исторической науке уже в 20-е — начале 30-х годов³, хотя авторам и не всегда удавалось правильное и последовательное решение поставленных задач. Последующий период (середина 30-х — начало 50-х годов) характеризуется главным образом конкретной разработкой с позиций марксистско-ленинской теории источников отдельных этапов отечественной истории. Итоги этого

¹ См.: Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1889; Ланг-луа Ш. В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899.

² См.: Ключевский В. О. Соч., т. VI. Специальные курсы. М., 1959; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1910—1913, ч. I—II; Кареев Н. И. Теория исторического знания. СПб., 1913.

³ См.: Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. Пг., 1923; Пичета В. И. Введение в русскую историю. М., 1922; Шестаков А. В. Методика исторического исследования. Воронеж, 1929; Саар Г. Г. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930; Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931, и др.

исследования получили известное завершение в учебной литературе и в ряде специальных статей¹.

Положение меняется на рубеже 50—60-х годов, что было обусловлено рядом факторов развития как советской исторической науки в целом, так и источниковедения в частности. Этот период явился качественно новым этапом в развитии источниковой базы исторических исследований. Постепенное введение в научный оборот новых источников сменяется активной разработкой огромных комплексов малоисследованных или совсем не исследовавшихся до этого времени документов. Значительно расширяется изучение источников нового и новейшего времени. Преодолевая догматизм и иллюстративный подход в познании прошлого, советские историки разрабатывали более совершенные методы анализа и обработки источников, значительно увеличили арсенал исследовательских приемов. Эта громадная практика требовала теоретического обобщения. Дальнейшее развитие науки, ее прогресс усиливали действие и проявление этих тенденций.

Новый период развития советской исторической науки характеризовался необходимостью преодоления эмпиризма и в этой связи усилением внимания к теории исторического познания, к методологическим проблемам исторических исследований. Указанные моменты обусловили широкую разработку в последние два десятилетия и теоретико-методологических проблем источниковедения, осмысление его роли в процессе исторического познания. Эти исследования велись как историками², так и философами³.

¹ См.: *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1940 (2-е изд. М., 1962); *Никитин С. А.* Источниковедение истории СССР XIX века (до начала 90-х годов). М., 1940; *Черепнин Л. В.* Источниковедение. — БСЭ. М., 1953, т. 19.

² См.: *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС. М., 1973; *Данилов А. И.* Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука. — Средние века. М., 1963, вып. 24; *Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В.* Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке. — История СССР, 1976, № 5; *Ковальченко И. Д.* О моделировании исторических явлений и процессов. — Вопросы истории, 1978, № 8; *Лурье Я. С.* О некоторых принципах критики источников. — Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. I; *Макаров М. К.* К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР. — Труды МГИАИ. М., 1961, т. 16; *Медушевская О. М.* Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977; *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1976; *Пушкарёв Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975 *Стрельский В. И.* Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968; *Фарсобиан В. В.* К определению предмета источниковедения. (Историографические заметки). — Источниковедение истории советского общества. М., 1968, вып. II; *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. I; *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения. — Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов. М., 1979, ч. 1; *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980.

³ См.: *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. (Методологические аспекты). Томск, 1973; *Уваров А. И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973; *Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981, и др.

При осуществлении этих исследований, а также в ходе предшествовавших и сопровождавших их дискуссий¹ были достигнуты значительные результаты в понимании основных теоретико-методологических вопросов источниковедения: определение исторического источника и предмета источниковедения, классификация исторических источников, основные методологические принципы изучения и использования исторических источников, содержание и последовательность основных стадий работы с источниками.

Центральным, краеугольным в источниковедении и в исторической науке является понятие исторического источника. Это обусловлено своеобразием исторического познания, заключающимся в том, что между объектом изучения (исторической реальностью) и субъектом изучения (историком) находится исторический источник.

Раскрытие сущности исторического источника, являющегося основой наших знаний о прошлом, связано с проблемой объективности исторического познания. Положительный ответ на этот вопрос вытекает из марксистской гносеологии, из ленинской теории отражения.

Основные положения марксистской теории познания исходят из признания единства бытия и сознания. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни»²; «...ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они — только *проявления* действительной жизни»³.

Осуществляя разработку кардинальных проблем диалектического материализма, В. И. Ленин в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» дал определение материи как философской категории «для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»⁴. В основе теории отражения лежит, с одной стороны, признание объективности существующего вне сознания человека внешнего мира, а с другой — способности сознания отражать этот мир. В. И. Ленин писал: «Наши ощущения, наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира...»⁵; «...вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — *образы* их»⁶. В. И. Лениным еще раз была подчеркнута объективность человеческого познания,

¹ См.: Материалы симпозиума по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 1972). — Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977; Региональная научная конференция «Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины» (1975). — Известия СКНЦВШ, 1976, № 2; обсуждение доклада С. М. Каштанова и А. А. Курносова «Некоторые вопросы теории источниковедения» — Исторический архив, 1962, № 4; О критике исторических источников. — Исторический архив, 1957, № 5, и др.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 25.

³ Там же, с. 449.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 131.

⁵ Там же, с. 66.

⁶ Там же, с. 109.

которое дает образы, копии существующего мира: «Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель»¹. Вместе с тем им отмечалось, что картина (отражение бытия) может быть приблизительно верной, адекватной, идеально точной копией отражаемого, «но о тождестве тут говорить нелепо»². Человеческие ощущения, представления, будучи объективными по своему содержанию, являются субъективными по форме. Они — субъективный образ объективного мира.

Из этих положений можно сделать ряд выводов, раскрывающих как существо возникновения исторического источника, механизм его связей с действительностью, так и особенности восприятия историком через источник исторической действительности. Принцип сходства образа с отображаемым объектом — важнейший исходный пункт обоснования объективности источника, т. е. его способности объективно отражать историческую реальность, факты исторической действительности.

Источник есть диалектическое единство объективного и субъективного. Каждый источник субъективен, поскольку он является продуктом человеческого сознания, творением субъекта. С другой стороны, исторический источник объективен как в силу того, что он сам является частью исторической действительности, так и потому, что творцы источника способны объективно отражать действительность. То обстоятельство, что источник не может быть отождествлен с исторической действительностью, определяет необходимость разработки теоретических посылок, методологических принципов и методических приемов извлечения из него объективной информации, т. е. изучение, анализ источника.

Сознавая сложность указанной задачи, марксизм-ленинизм признает возможность объективного познания исторической реальности через источник. Это следует как из способности субъекта — творца источника (личность, коллектив) объективно отражать действительность, так и из способности субъекта — историка объективно раскрывать в своем исследовании содержащуюся в источнике объективную информацию. Эта последняя способность реализуется в общеполитической исследовательской практике как бесконечное движение ко все более полному и глубокому познанию исторической действительности, к абсолютной истине. Основой этого является неисчерпаемость самих источников, возможность решения на основе содержащейся в них информации все новых исследовательских задач.

Ленинская теория отражения раскрывает основные свойства и природу исторического источника. Содержание исторического источника объективно обусловлено и неразрывно связано с действиями человека. Источник возникает в процессе реальной человеческой деятельности, отображения сознанием человека реальной (исторической) действительности. На этой основе формируются вос-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 138.

² Там же, с. 343.

приятия, суждения, идеи, которые воплощаются в определенных носителях информации, объектах и затем выступают как свидетельства прошлого, т. е. исторические источники. Поэтому человеческая психика, постоянно участвуя в создании исторического источника, не является его первопричиной, как считают идеалисты. Источник — не продукт психики, а результат воздействия на нее окружающего мира.

Марксистская теория учитывает и другую сторону взаимоотношений объективной реальности и субъекта, а именно — активное воздействие человека на окружающий его мир. Отсюда следует положение о неотделимости отображения и практической деятельности. Возникнув, источник становится органической частью реальной действительности и только как ее часть может быть понят. Действительность не только отображается, но и воплощается в источнике.

Таким образом, исходя из материалистической, марксистской теории отражения можно дать следующее обобщенное определение исторического источника. Исторические источники — это всё, отражающее развитие человеческого общества и являющееся основой для его научного познания, т. е. всё, созданное в процессе человеческой деятельности и несущее информацию о многообразных сторонах общественной жизни.

Углублению представлений о природе исторических источников и возможности познания на их основе исторического прошлого служит на современном этапе развития науки материалистическое учение об информации. Учение об информации является одним из наиболее выдающихся достижений современной науки. Возникнув в середине XX в. в виде математической дисциплины, оно переросло в философскую дисциплину, занимающуюся изучением всех общих проблем информации, в том числе и социальной¹.

Исходным положением учения о социальной информации служит тот факт, что информационные процессы являются всеобщим и органическим свойством всех аспектов общественной жизни. Деятельность и общение людей невозможны без информации. Она является основой для регулирования и управления, научно-познавательной и просветительно-воспитательной деятельности. Социальная информация обладает рядом важных свойств. Прежде всего информация как совокупность тех или иных знаний и сведений, несмотря на ее идеальный характер (информация не вещь, а мыслительная категория), объективна по своей природе. Информация как отраженное разнообразие объективных свойств реального мира независима от субъекта. «Свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении»². Поскольку объективный мир представляет собой безграничное многообразие свойств и связей,

¹ См.: *Афанасьев В. Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975; *Урсул А. Д.* Проблемы информации в современной науке. — Философские очерки. М., 1975.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 67.

постольку и информация как отражение этого мира неисчерпаема. Следовательно, возможности получения субъектом информации об объективном мире принципиально не ограничены.

Вместе с тем социальная информация возникает в результате взаимодействия объекта и субъекта и поэтому представляет собой сочетание объективного и субъективного. Этим порождаются сложное соотношение информации с объектом и субъектом и необходимость выявления в этом соотношении объективного и субъективного. В социальной информации всегда имеет место ценностное, целевое отношение к информации. Субъект выбирает только те сведения об объективной реальности, которые необходимы для достижения поставленной цели. Здесь субъективный момент в информационном процессе проявляется в наибольшей степени. Однако прагматическое отношение к социальной информации само по себе не устраняет объективного характера этой информации. Для достижения поставленной цели субъект должен стремиться получить объективную информацию. Субъективные искажения информации порождаются не ее целевым назначением, а социальной ограниченностью в понимании цели. При соответствии цели реальному ходу общественного развития объективное восприятие информации лимитируется лишь соответствующими познавательными возможностями.

Важнейшим итогом учения об информации является выделение двух ее видов. Один вид — это информация, которая воспринята, осознана и используется субъектом, т. е. это выраженная, или актуальная информация. Другой вид — это информация, которая существует, но неизвестна субъекту и не используется им, т. е. это скрытая, потенциальная информация. Более того, в общем объеме социальной информации она составляет подавляющую часть. Появление скрытой информации является органическим свойством информационных процессов. В силу многообразия и безграничности свойств и взаимосвязей явлений объективного мира при их отражении в сознании субъекта, наряду с чертами, которые фиксируются как видимые, неизбежно улавливаются и невидимые. Этой невидимой, скрытой частью информации являются отраженные в воспринятых и сознательно учитываемых чертах объекта сведения о присущих ему взаимосвязях. Поскольку взаимосвязи прежде всего характеризуют структуру объектов, постольку этот вид информации называют еще структурной. Многообразие и сложность взаимосвязей, их скрытый характер, а также чаще всего опосредственное их отражение через другие свойства объекта и делают информацию о них невидимой для субъекта. Скрытая информация меньше подвержена субъективным воздействиям в момент фиксирования. Она наиболее адекватно отражает объективную реальность.

Указанные положения учения об информации имеют непосредственное отношение к пониманию и раскрытию природы исторического источника. Источник не только является носителем социальной информации, но и возникает в процессе отражательно-

информационной деятельностью людей, он является средством накопления, хранения и передачи информации. Учение о социальной информации подтверждает, во-первых, правомерность кардинального вывода диалектико-материалистического подхода к историческому источнику, который состоит в том, что исторические источники, несмотря на целевую природу возникновения и субъективное восприятие действительности, объективно отражают историческое прошлое и поэтому делают возможным последовательно научное познание этого прошлого. Во-вторых, всякий источник содержит ту или иную объективную информацию, и поэтому неправомерно противопоставлять одни источники другим. В-третьих, подтверждается также вывод об информационной неисчерпаемости источников в силу неограниченных возможностей извлечения из них скрытой информации путем сопоставления различных сведений источников и раскрытия их содержательного смысла. Наконец, учение об информации требует более сложного взгляда на исторический источник как продукт функционирования системы: объект — информация — субъект. Из этого следует не только вывод об информационном богатстве источника, превышающем его целевое назначение, но и необходимость учета роли субъекта в информационном процессе. Он выступает как отражающийся объект. Источник опосредственно, через сознание субъекта отражает объект и в то же время характеризует субъекта, отражает его подход к объекту. Наличие этой двойной информации является объективной основой для установления степени адекватности отражения в источнике исторической действительности.

Выявление сущности, природы исторического источника позволяет перейти к определению предмета и задач источниковедения. Определение предмета источниковедения в советской историографии было связано с более точным осмыслением соотношения источниковедения и исторической науки в целом, с одной стороны, и источниковедения и системы других вспомогательных исторических дисциплин — с другой. Решение этой задачи требовало углубления понимания особенностей предмета, объекта и задач источниковедения, составляющих специфику его как самостоятельной научной дисциплины. При этом предметная определенность науки является показателем ее зрелости, уровня развития.

При раскрытии понятия предмета источниковедения нельзя забывать, что марксизм-ленинизм под предметом каждой науки понимает познание сущности и объективных закономерностей определенных явлений и процессов. Предметом источниковедения являются закономерности возникновения исторических источников и объективного отражения в них исторического процесса. Источниковедение есть наука об исторических источниках. Источниковедение включает теоретическое и конкретное раскрытие связей познающего субъекта — историка с изучаемым им источником. Отсюда следует, что источниковедение есть также теория и практика изучения и использования источников в историческом исследовании.

Задачами источниковедения является разработка на основе его теоретико-методологических принципов приемов изучения степени адекватности источников в отношении исторической действительности, а также выработка методов выявления, отбора и последующей обработки содержащейся в нем информации. При этом источниковедение в отличие от других вспомогательных дисциплин (нумизматики, генеалогии, геральдики, сфрагистики, дипломатики, метрологии, хронологии, палеографии и др.), которые занимаются изучением отдельных групп источников или их признаков, разрабатывает наиболее общие приемы научной критики и методы работы исследователей со всей массой исторических источников.

В решении задач источниковедения большую роль играет классификация исторических источников, углубляющая наши представления о характере связей источника и действительности, источника и историка. Классификация источников базируется на основных свойствах их внутренней природы и является важным этапом в раскрытии закономерностей возникновения источников, способствует выработке принципов их изучения и использования. Сложность, многообразие исторических явлений вообще и исторических источников в частности обуславливает трудность их классификации. Типологическая классификация источников имеет своим основанием учет их социальных функций, а также характера тех знаковых систем, посредством которых в них фиксируется информация.

Одной из первых классификаций было деление источников на остатки, т. е. реликты исторической действительности, и предания, т. е. отражение этой действительности в сознании творца источника. Эта классификация, учитывавшая опосредованное выражение в источниках исторической реальности, важна как попытка уловить связь, отношение источника и действительности, что обусловило длительность существования этой классификации. Основной ее недостаток, вытекающий из теоретических посылок и методологических принципов буржуазной науки, состоит в разрыве диалектического единства объективного и субъективного в источнике. Поэтому в современной советской исторической литературе отмечается несовершенство этой классификации, ее гносеологическая неоправданность.

В процессе исследования проблемы классификации источников получила новое подтверждение и реальное воплощение в источниковедении категория социально-экономической формации, как основная в познании закономерностей общественного развития. Отражением этого факта является деление всей суммы источников по формационному признаку. Более того, само развитие источниковедения отечественной истории на основе этого принципа привело к формированию как самостоятельных научных направлений источниковедения феодализма, источниковедения истории

российского капитализма и источниковедения истории советского общества. Подобная классификация позволяет учесть закономерности и особенности формирования и эволюции исторических источников в зависимости от условий общественного развития.

Наиболее распространенной, наряду с указанным делением источников, является их классификация по типам и видам. Тип объединяет источники, отличающиеся способом кодирования информации и ее хранения. Большинство авторов выделяют семь типов источников: письменные, вещественные, этнографические, устные, лингвистические, фотокинодокументы, фонодокументы. Эта классификация учитывает, с одной стороны, наиболее существенные признаки, характерные для тех или иных источников (происхождение, содержание, форма), а с другой — объекты исследования конкретных отраслей исторической науки. Однако нельзя не отметить условность данной классификации. Во-первых, этнографические, устные (фольклорные) и лингвистические источники могут быть представлены в письменной форме или в виде фонодокументов, а этнографические — в виде вещественных памятников и фотокинодокументов. Во-вторых, различные исторические дисциплины (археология, этнография, историческая лингвистика) могут опираться на различные группы источников. Поэтому с точки зрения форм фиксирования социальной информации правомерно выделять следующие типы источников: вещественные, художественно-изобразительные и графически-изобразительные, письменные и фонодокументы.

Видовая классификация разработана преимущественно к системе письменных источников. Разработка видовой классификации отразила углубление и расширение знаний о связях источника и исторической действительности. В частности, определение вида привело к исследованию такой методологически значимой проблемы, как социальные функции источников. Большинство авторов связывают понятие вида с единством происхождения и внутренней формы конкретных групп источников. Под видом понимается исторически сложившаяся совокупность источников, которая характеризуется одинаковостью внутренней формы источника (структурой), вытекающей из единства происхождения, содержания, назначения источника при его создании. Вид рассматривается как феномен исторической реальности и как познавательная категория источниковедения. Выделение больших комплексов источников, обладающих видовой общностью, позволяет увидеть повторяемость свойств источников, что служит основанием выработки общих методов их исследования.

В общем корпусе письменных исторических источников по отечественной истории можно выделить следующие виды: летописи, законодательные акты, делопроизводственную документацию, частные акты, статистические источники, периодическую печать, документы личного происхождения (мемуары, дневники, письма), литературные памятники, публицистику и политические сочинения, научные труды. Приобретают признаки вида в силу

особой значимости выполняемых ими социальных функций такие группы источников, как труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документы КПСС, материалы планирования народного хозяйства. В то же время ряд источников, имея значительную специфику в своем составе и содержании, не может рассматриваться как самостоятельный вид источников (например, экономико-географические и статистические описания). Необходимо подчеркнуть, что классификация источников по виду не связана с решением проблемы достоверности источников. Видовой признак не является признаком достоверности, и на основании его не может быть оказано предпочтение одному источнику перед другим.

Все другие группировки источников представляются производными, имеющими право на существование в рамках решения конкретных проблем или разработки отдельных видов источников. Более общий характер имеет деление источников на массовые и уникальные. Понятие массовых источников выводится из своеобразия характеризующихся этими источниками явлений (фактов) действительности. Многообразную совокупность явлений общественной жизни можно разделить на две категории — явления массовые и индивидуальные.

Массовые явления представляют собой совокупность исторических феноменов (объектов), обладающих одинаковыми свойствами и характеризующихся различной мерой этих свойств. Совокупности таких объектов составляют системы с присущими им структурами, подверженными непрерывным колебаниям и изменениям. Поэтому совокупный результат функционирования подобных систем представляет собой равнодействующую разных ее состояний, т. е. является объективно закономерным. В отличие от массовых индивидуальные явления общественной жизни проявляют себя в общественном развитии как таковые, т. е. являются единично-субъективными.

Массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем. Массовыми по своей природе является вся совокупность статистических источников. Что касается других видов, то здесь в качестве массовых выступают лишь отдельные их разновидности или жанры¹.

В процессе исследования проблемы классификации источников и, в частности, разработки понятия вида исторического источника была выдвинута и рассмотрена проблема эволюции источников, прежде всего эволюция видов². В ходе ее постановки и последующего изучения были сформулированы важные положения, спо-

¹ См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма (под ред. И. Д. Ковальченко). М., 1979. Предисловие.

² См.: Курносков А. А. К вопросу о природе видов источников. — Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977.

собствующие раскрытию сущности и характера закономерностей возникновения источников и отражения ими истории человеческого общества. Исследование данной проблемы позволило выделить те факторы, которые оказывают воздействие на процесс эволюции источников. К ним относятся: развитие социально-экономических отношений; изменение надстройки; классовая борьба и социальная структура общества; уровень материальной и духовной культуры; саморазвитие видов исторических источников. Тем самым углубилось наше представление об обусловленности источника определенной исторической эпохой, его органической связи с социальной деятельностью человека.

Важнейшим выводом из рассмотрения проблемы эволюции источников, органически связанным и вытекающим из основного принципа формационного деления источников, было положение о том, что каждому историческому этапу присущ свой круг источников, что происходят коренные изменения корпуса источников при смене социально-экономических формаций.

Отметим некоторые из этих изменений и черт. По мере развития общества происходило изменение соотношения, роли и значимости отдельных типов, видов и категорий источников. Так, в ходе исторического развития общества появились новые типы источников (кинофотодокументы, фонодокументы), произошло исчезновение некоторых видов (детописи) и формирование новых (периодическая печать, статистические источники). Приблизительно с начала — середины XIX в. идет бурный процесс количественного роста источников и увеличения их качественного многообразия. На определенном этапе исторического развития происходит появление массовых источников. Эти черты с новой силой проявляются в условиях развития социалистического общества.

* * *

С понятием исторического источника как продукта человеческой деятельности связано содержание теоретико-методологических основ источниковедения. Познавание источника, закономерностей его возникновения и развития, разработка теории и практики его применения в историческом исследовании базируется на диалектическом и историческом материализме как общей теории и методологии научного познания. В отдельных науках (естественных и гуманитарных) основные теоретические посылыки, методологические принципы, категории диалектического и исторического материализма находят конкретное и реальное воплощение. Подчеркивая этот момент, Ф. Энгельс отмечал, что диалектический материализм есть «мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»¹. Данное обстоятельство обусловлено тем,

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 20, с. 142.

что каждая наука, исследуя качественно определенную систему закономерностей в мире, имеет свою теорию и методологию. Но при этом теория и методология конкретных общественных наук основывается на общих положениях диалектического и исторического материализма.

Современный уровень и характер развития марксистской гносеологии, а также конкретных общественных наук, в том числе исторических, придали новые черты этой диалектической связи. Так, существенным явлением стал процесс дифференциации указанных наук, который неизбежно сопровождался разработкой и выяснением их частных теоретических и методологических проблем. Это обнаружило всю сложность применения общих принципов в конкретном социальном познании, недостаточность имеющегося категориального аппарата, необходимость выработки и усвоения новых понятий. В итоге разработка теоретико-методологических проблем конкретных общественных наук способствует развитию исторического материализма и поднимает на новую ступень теоретический уровень этих наук. В отношении источниковедения можно отметить, что изучение его теоретических и методологических вопросов бесспорно обогащает теорию и методологию исторического познания в целом. В свою очередь, постановка и активное исследование общих проблем исторического познания оказывают непосредственное воздействие на теорию и практику источниковедения.

К основным методологическим принципам марксистско-ленинского исторического познания относится принцип объективности, находящийся в органической связи с принципом партийности, поскольку партийность рабочего класса не противоречит научной объективности, а способствует ее последовательной реализации. Принцип объективности предполагает всесторонность изучения исторических явлений во всей их сложности, разносторонности и противоречивости. Подчеркивая значимость данного принципа в социальном познании для обеспечения научной объективности исследования, В. И. Ленин писал: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...»¹.

Следует выделить два аспекта применения этого принципа в источниковедении. Прежде всего, он должен лежать в основе

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350—351.

изучения каждого отдельного источника. Для раскрытия достоверности содержания источника, установления степени объективности отражения в нем исторической действительности источник должен быть рассмотрен и проанализирован как целое, с учетом всей диалектической сложности сочетания в нем объективного и субъективного. Историк в своей исследовательской практике в зависимости от поставленной задачи может использовать только какую-то часть информации источника, отдельный пример, факт из источника. Однако правильное научное объяснение смысла этой информации, точная передача ее в самом исследовании возможны лишь при соответствующем целостном анализе всего источника. Так, отдельные статьи, положения законодательного акта могут быть правильно поняты и истолкованы только в общем контексте всего закона. Это особенно важно в случаях существующей или кажущейся противоречивости информации источника. Важно подчеркнуть и необходимость совокупного изучения источников, находящихся во взаимосвязи. Например, раскрытию объективного смысла того же законодательного акта помогает изучение документации государственных учреждений, периодической печати, мемуаров, т. е. источников, отразивших как сам процесс возникновения закона, так и практику его применения.

Особое значение имеет реализация этого принципа при формировании источниковой базы исследования, т. е. при выявлении и отборе источников. Для построения фундамента из прочных и надежных фактов необходимо всестороннее изучение всего многообразия корпуса источников. Само понятие «все источники» корректируется рамками поставленной исследовательской задачи. Оно может быть конкретизировано в том аспекте, что должны исследоваться источники различных видов и категорий, отражающие в силу своей специфической природы различные черты и свойства изучаемого явления или процесса. Не может отдаваться априорно предпочтение какому-либо источнику. Только после выявления и сравнения всех имеющихся источников можно выделить основные из них. При ограниченности источниковой базы особенно важна мобилизация новых типов источников. Хорошо известно, насколько продвинулось и какие выдающиеся результаты были достигнуты в разработке истории Древнерусского государства при комплексном изучении всей совокупности сохранившихся источников: письменные, вещественные, устные и т. д.

Принцип партийности ставит в центр изучения источника его социальный анализ: выявление того, интересам какого класса служил данный источник, насколько открыто и точно выражены в источнике эти классовые интересы. Надо, как писал В. И. Ленин, определять прежде всего классовые корни воззрений, «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»¹. Лишь классовый, партийный

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

подход к источнику позволяет установить степень объективности отражения в нем исторической действительности.

Наряду с партийностью важнейшим принципом марксистской методологии исторического познания является историзм. Принцип историзма органически связан с диалектическим методом и является его составной частью. В современной науке внимание к историзму обусловлено быстрорастущей теоретизацией социально-исторического познания, проникновением в общественные науки математических методов, все большим использованием абстракции и формализации и острой неудовлетворенностью эмпиризмом.

Раскрывая суть исторического метода, В. И. Ленин писал, что марксистская наука обязывает «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Таким должен быть подход и к анализу исторических источников.

Называя принцип историзма в числе важнейших методологических принципов источниковедения, обычно подчеркивают лишь необходимость конкретно-исторического подхода к источнику, т. е. исследования тех событий, процессов, которые обусловили появление данного источника. Историзм сводится в подобных случаях к последовательному описанию отдельных стадий возникновения конкретного источника. Между тем принцип историзма требует более целостного и углубленного подхода к источнику. Например, изучение статистических источников по истории России начала XX в. предполагает не только анализ конкретной истории формирования отдельных комплексов, но и рассмотрение их с точки зрения общей эволюции статистических источников в данную историческую эпоху, определение их места в этой эволюции. Представляется важным и сопоставление сложившихся основных комплексов статистических материалов с лучшими достижениями статистической науки и практики, которые уже тогда выработали достаточно точные и совершенные формы фиксирования исторической информации.

Рассмотренные основные принципы методологии источниковедения находят конкретное проявление на различных стадиях работы с источником.

§ 2. Основные стадии исследовательской работы с источниками

На современном этапе развития общества в различных областях научного познания все чаще возникает потребность в рассмотрении логического аппарата науки, в установлении характера

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

и последовательности этапов познавательной деятельности. Эта тенденция нашла отчетливое проявление и в развитии источниковедения. В последние годы вопросы последовательности логических процедур работы исследователя с источником, их содержание и структура были предметом обсуждения в литературе¹. При этом происходит активный переход от эмпирического в значительной мере применения принципов и приемов работы с источником к научно обоснованному их использованию.

Можно выделить следующие основные стадии работы с источником: поиск, выявление источников; источниковедческий анализ (иначе — научная, или источниковедческая, критика); разработка методов изучения, обработки и анализа данных, содержащихся в источниках. Все они составляют содержание источниковедческого исследования.

Распространенное выделение в источниковедческом анализе внешней и внутренней критики источников является необоснованным. Подобное разделение, возникшее в буржуазном источниковедении, основано на формальном подходе к источнику, на разрыве его единой и целостной структуры. Поэтому оно не раскрывает содержания и задач работы исследователя с источником.

Сложность поиска, выявления источников во все увеличивающемся комплексе исторической информации, необходимая в связи с этим разработка специальной методики данного этапа работы с источником обусловили возникновение и развитие вспомогательных исторических дисциплин (архивная эвристика, историческая библиография), решающих эти задачи.

Понятие источниковедческого анализа, или научной критики, источника содержит целый ряд последовательно решаемых вопросов изучения исторического источника: определение внешних особенностей памятника, установление его подлинности, прочтение текста источника, установление времени, места, авторства, обстоятельств и мотивов происхождения текста, истолкование текста, определение его достоверности, полноты, представительности, научной значимости. Источниковедческая критика обусловлена самой природой исторического источника, поэтому неправильно ограничивать эту задачу только источниковедческим анализом документов, вышедших, например, из среды эксплуататорских классов. В источниковедческом анализе нуждаются все источники.

При выявлении внешних особенностей письменных источников (материал, почерк, шрифт, оформление текста) источниковедение пользуется методами и приемами других наук, и прежде всего палеографии.

---

¹ См.: *Варшавчик М. А.* Вопросы логики исторического исследования и исторический источник. — Вопросы истории, 1968, № 10; *Тартаковский А. Г.* Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении. — История СССР, 1973, № 6; *Пронштейн А. П.* Истолкование исторических источников. — Вопросы истории, 1969, № 10, и др.

Критический анализ источника требует как установления происхождения источника (подлинности, обстоятельности и целей составления), так и его текста (выявление первоначального текста, дополнений и переработок, редакций и списков). Разбор письменного источника начинается с установления его подлинности. Необходимо выяснить, что имеющийся документ действительно возник в определенном месте и в определенное время. При установлении подлинности источника учитывают внешние его особенности, хронологические и метрологические сведения, данные языка и стиля, формуляр и структуру, упоминаемые в самом источнике сведения о событиях, лицах, организациях, учреждениях, географических пунктах и др.

Эта работа требует использования данных других исторических дисциплин — палеографии, хронологии, метрологии, дипломатики, лингвистики, топонимики, исторической географии и т. д. При установлении подлинности источника необходим учет всех его особенностей. Так, зная, что бумага как писчий материал стала употребляться на Руси лишь с середины XIV в., мы должны критически относиться к датировке бумажных рукописей более ранним временем. Источники, написанные гражданским алфавитом, не могут быть отнесены ко времени ранее первой четверти XVIII в., а источники, написанные металлическим пером, хотя и на бумаге XVII—XVIII вв., могут быть отнесены ко времени не ранее XIX в.

Установив факт подлинности источника, следует определить, является ли дошедший до исследователя документ первым экземпляром, копией или списком. Это требует выявления времени составления таких копий и списков и установления их соответствия оригиналу. При этом необходимо учитывать, что не всегда список, более близкий по времени к подлиннику, соответствует первоначальному тексту, чем позднейшие списки. Копии, если они действительно являются таковыми, должны полностью повторять текст своего оригинала, в то время как списки могут иметь разночтения.

Следующий этап работы с источником — прочтение текста. Даже прочтение текста документов XIX—XX вв. имеет свои трудности. Прочтение же письменных памятников XI—XVIII вв. требует специальной палеографической подготовки, учета особенностей уставного, полууставного и скорописного письма с их сокращениями, выносными буквами, отсутствием разделения на фразы и слова. Текст их должен быть разбит на фразы и слова, а перевод на современный язык — совершаться на основе знаний грамматических форм и лексики языка эпохи, к которой относится документ.

Помимо установления имеющегося буквального смысла текста важно выявить первичный (начальный) текст и возможные дополнения и изменения. Переработки, дополнения, сокращения письменного источника могли быть неоднократными. В результате возникают редакции, т. е. произведения, основанные на одном

протографе (первоначальном тексте), но получившие новую направленность, форму, содержание. В ряде случаев редакции источника сохраняются в нескольких списках, которые имеют свои особенности и отличия.

Таким образом, прочтение текста может потребовать текстологического анализа источника, когда устанавливается основной текст, производится его кодификация (организация) и комментирование.

Последующая работа над источником заключается в установлении времени и места, обстоятельств и целей его создания, авторства. Выяснение времени появления источника очень важно, так как от этого во многом зависит оценка как самого источника, так и сведений, им сообщаемых.

Время появления недатированных источников может быть установлено по их внешним признакам. Для датировки источников имеют значение и такие данные, как упоминание лиц, учреждений, организаций. Датировка некоторых источников может быть осуществлена на основе учета хронологических систем. Поэтому необходимо знание хронологии. Ряд ценных наблюдений по датировке источника дают метрологические материалы, данные нумизматических наблюдений, выводы сфрагистики, если исследуемый источник имеет соответствующие печати, и т. д.

С проблемой датировки тесно связана задача установления места возникновения источника. При отсутствии прямых указаний часто пользуются косвенными данными. Среди них важное место занимают географические и топографические сведения, упоминание лиц, связанных с определенным местом, манера изложения материала. Широко используются наблюдения над языком и стилем источника.

Важное значение приобретает вопрос об авторстве источника. Установление авторства необходимо не только ради выяснения имени лица, написавшего источник, или установления учреждения, организации, принимавших участие в его составлении. Оно нужно для определения происхождения источника, социальной среды его возникновения, установления места и времени создания памятника, для более глубокого и всестороннего исследования его содержания. В ряде источников имя автора указано. Однако эти данные требуют критического отношения. Иногда имя, указанное в тексте, не имеет отношения к автору источника. Возможны случаи, когда вместо имени автора в тексте упомянут его псевдоним. Так, статьи В. И. Ленина в дореволюционной печати появлялись, как правило, под различными псевдонимами.

Для решения вопроса об авторстве важное значение имеет изучение самого текста, где автор мог дать если не прямые, то косвенные сведения о себе. Это могут быть указание на место, время создания источника, упоминание круга людей, с которыми автор был связан, сведения, позволяющие отнести автора к определенным социальным кругам, указание на события, в которых автор участвовал или свидетелем которых являлся.

Для установления авторства широко используется исследование почерка. Много дает изучение приемов письма, идеологической направленности источника и ряда других признаков.

Выявив подлинность источника, прочитав текст, установив место и время его составления, авторство, можно выяснить обстоятельства и цели составления документа, т. е. исторические условия его появления. Каждый источник является продуктом определенного времени, его появление обусловлено конкретными причинами, он имеет свою цель. Выяснение исторических условий появления источника требует детального изучения эпохи, среды, условий, при которых он возник.

Особой задачей в процессе источниковедческого исследования источника является интерпретация (истолкование) его текста. Она связана с раскрытием истинного смысла тех понятий, словесных выражений, которые есть в источнике. Интерпретация источника учитывает конкретно-исторические изменения понятий, тот индивидуальный смысл, который мог вкладывать составитель в отдельные слова и выражения, неадекватность заставивших формул документа реально существовавшим отношениям, использование иносказаний, неточное и неправильное употребление понятий в тексте и пр. Правильное истолкование отдельных частей источника и в целом источника возможно лишь на основе всестороннего знания и учета конкретно-исторической ситуации его возникновения¹.

Следующий этап работы с источником требует изучения содержания источника и установления его соответствия исторической действительности. Каждый письменный источник содержит факты, характеризующие определенные события, явления. Историку необходимо знать, насколько полно в этих материалах выражается как фактическая сторона, так и суть этих событий. Следовательно, при анализе источника нужно обращать внимание на полноту имеющихся в нем сведений и степень их точности и достоверности.

Источник выражает интересы определенного круга людей, определенной социальной среды. Полнота, точность, достоверность передачи событий кроме классовой направленности во многом определяются осведомленностью авторов, его методикой и техникой выявления, сбора и обработки конкретно-исторических сведений и т. д. Поэтому нужно установить источник информации автора (является ли он участником, очевидцем события или передает факт по рассказам), его личную и общественную заинтересованность в характере фиксации и в толковании фактов, влияние на него условий создания источника (служебное и общественное положение), его способность наблюдать и истолковывать факты.

---

¹ См.: *Пронштейн А. П.* Истолкование исторических источников. — Вопросы истории, 1969, № 10.

Вопросы, рассмотренные выше, дают самое общее представление об основных путях, направлениях, этапах и содержании научной критики письменных источников. При исследовании отдельных конкретных видов и категорий источников очередность, содержание работы могут несколько меняться в зависимости от их особенностей и конкретных целей исторического исследования. Эволюция источников и особенно их коренные изменения, вызванные сменой социально-экономических формаций, также вносят определенные изменения в задачи и характер источниковедческого анализа.

Источниковедческая критика источников является предпосылкой выработки методов обработки и последующего анализа содержащихся в них данных. Только всесторонний критический разбор источника может обеспечить выявление его научно значимой информации и помочь исследователю в выборе методов ее обработки для создания системы исторических фактов, раскрывающих внутреннюю сущность изучаемых явлений и процессов, их взаимосвязь и тенденции развития. Выбор методов исследования диктуется, однако, не только характером используемого источника и содержащихся в нем данных, но и поставленной исследовательской задачей, т. е. самой конкретно-исторической проблемой. Следует напомнить, что развитие науки совершается в значительной степени благодаря разработке более совершенных приемов и методов интерпретации источников, а также обработки их данных. Например, применение количественных, математических методов как на стадии критики источников, так и при систематизации, обработке и анализе содержащихся в них данных обеспечивает возможность выявления новой информации и расширение круга используемых источников, углубляет их анализ.

* * *

На всех стадиях работы исследователя с источником существует органическое единство методологии, методики и техники исследования, которые представляют собой тесно взаимосвязанную, единую цепь.

Определяющая роль в этой цепи принадлежит методологии. Методология определяет принципы и пути, способы и приемы познания, практическая реализация которых невозможна без определенных правил и процедур. Разработка их есть предмет методики. Методология является учением о методе, т. е. это его теория. Методология источниковедения содержит обоснование приемов познания источников, которые вытекают из общей теории исторического процесса. В силу этого нельзя рассматривать изолированно исторические концепции и источниковедческие приемы отдельных авторов. Техника исследования включает применение и использование в работе с источниками прикладных знаний, суммы определенных навыков технического порядка. Их автоном-

ность от методологии источниковедения относительно и ограничена; она исчезает, как только встает вопрос о целях исследования.

Коренное отличие советского источниковедения от буржуазного, качественное изменение его методики обусловлено отходом от формально-логических по своей природе принципов в источниковедческом анализе к разработке методики их изучения, пронизанной принципами партийности и историзма. Марксистская теория познания превратила комплекс отдельных приемов источниковедения в научную систему, устанавливающую взаимосвязь между источником и тем обществом, в котором последний возник, дающую историку возможность теоретически осмыслить и понять, как отражена в источнике действительность.

Глава 2

ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА, Ф. ЭНГЕЛЬСА, В. И. ЛЕНИНА

§ 1. Труды основоположников марксизма-ленинизма как исторический источник

Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина имеют многоаспектное значение¹.

Труды основоположников научного коммунизма являются прежде всего методологической основой исторической науки в целом и источниковедения в частности. В них сформулированы марксистско-ленинская концепция исторического процесса, материалистическое понимание истории, раскрыты закономерности развития человеческого общества. В работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина дается обоснование и конкретное применение метода

---

¹ В настоящее время существует значительная литература, посвященная различным проблемам источниковедения трудов классиков марксизма-ленинизма. Укажем некоторые из них: Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М., 1969; Великое наследие. О втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1968; Сокровищница великих идей ленинизма. О Полном собрании сочинений В. И. Ленина. М., 1966; Как В. И. Ленин готовил свои труды. М., 1969; Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970; *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС (гл. IV). М., 1973; *Черепнин Л. В.* К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения. — Источниковедение. М., 1969; *его же*. Некоторые проблемы исторического источниковедения в трудах В. И. Ленина. — Исторические записки, 1969, т. 84; *Гольмай Л. И.* Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического познания. — Вопросы истории, 1976, № 3; *Ждановская З. В.* Вопросы методики изучения ленинского наследия. М., 1979.

материалистической диалектики в историческом познании. Им принадлежит заслуга не только в развитии общих положений исторического материализма, но и в выработке отдельных его категорий. В произведениях классиков марксизма-ленинизма, как было показано в главе I, изложены исходные принципы теории, методологии и методики источниковедения.

Как методологическая основа истории и источниковедения выступает все наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Особенно велико значение их крупнейших трудов по философии, политической экономии, научному коммунизму, истории. В них последовательно сформулированы основные вопросы марксистско-ленинского познания общественных явлений. Они с наибольшей полнотой раскрывают творческую лабораторию основоположников марксизма-ленинизма, применение ими на практике всего многообразия принципов материалистической диалектики. Отмечая значение «Капитала» К. Маркса, Владимир Ильич Ленин писал: «Если Магх не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала». В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма»¹. Роль этого гигантского труда Маркса именно для теории и методологии исторического познания была раскрыта В. И. Лениным в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», содержащей дальнейшее развитие методологических проблем выявления и раскрытия исторических закономерностей.

Неоценимо с точки зрения систематизированного изложения вопросов исторического материализма, разработки многих его категорий значение философского труда Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» и ряда его исторических сочинений («Крестьянская война в Германии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Положение рабочего класса в Англии»). Энгельсу принадлежат ценнейшие замечания о специфике истории как науки, особенностях ее предмета, об отличительных чертах исторического познания.

Велика роль В. И. Ленина в разработке марксистской теории познания. Ленинская теория отражения является краеугольным камнем теории исторического источника, составляет основу методологических принципов источниковедения. Особое значение в этой связи имеют классический труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и материалы его «Философских тетрадей».

Труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина выступают в качестве конкретной методологии источниковедения истории СССР, поскольку они содержат анализ определенного круга документов и материалов, отражающих отечественную историю. Осуществляя разработку ряда проблем истории нашей страны, Маркс, Энгельс,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

Ленин в своих произведениях давали не только оценку того или иного явления или процесса, но нередко останавливались на вопросах характера источниковой базы, путях и методах извлечения полной и достоверной информации из источников.

Большой интерес представляют работы К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященные рассмотрению реформы 1861 г. («Вопрос об отмене крепостного права в России», «Об освобождении крестьян в России», «Социальные отношения в России»), а также характеристике идейных течений русского освободительного движения и их представителей. Количество таких работ, правда, невелико. Тем большее значение имеют подготовительные материалы Маркса и Энгельса, отразившие более детально процесс изучения ими разнообразных источников по истории России. В известной мере этот аспект трудов Маркса и Энгельса может быть расширен изучением опыта их источниковедческого анализа однотипных источников по всеобщей истории.

Ленинские произведения содержат анализ значительного круга проблем отечественной истории и разнообразных источников по истории СССР. Труды В. И. Ленина заложили основы марксистской концепции истории СССР, знаменовали начало нового этапа в развитии исторической науки в нашей стране. Чрезвычайно велик вклад В. И. Ленина в разработку кардинальных проблем истории России XIX — начала XX в. В. И. Ленин был первым историографом Октябрьской революции и начального этапа Советского государства. В отношении источников советского периода и документов Коммунистической партии В. И. Ленин не только оставил блестящие образцы их исследования, но и оказал активное воздействие на процесс формирования этих источников, вырабатки наиболее правильных принципов отражения в них исторической действительности.

Источниковедческая практика классиков марксизма-ленинизма столь богата и значительна, что она постоянно является предметом исследования советских историков¹.

Труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина имеют и совершенно определенный источниковый аспект, т. е. выступают в качестве непосредственных документальных свидетельств при изучении отдельных проблем отечественной истории. Эта черта произведений Маркса и Энгельса обусловлена прежде всего реальными связями, существовавшими между Марксом, Энгельсом и деятелями русского революционного движения, тем вниманием, которое уделяли они событиям в России, их деятельностью, направленной на

---

¹ См.: Литвак Б. Г. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина. — Источниковедение истории советского общества. М., 1964; *его же*. О ленинской методике статистического анализа политических явлений. — Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. I; Медушевская О. М. К изучению ленинских методов работы с историческими источниками. — Труды МГИИИ. М., 1974, т. 30, вып. I; О ленинской методологии исторического исследования. Киев, 1970, и др.

поддержку демократических течений русской общественной мысли, активной помощью в формировании марксистской идеологии русских революционеров. Это породило, в частности, переписку Маркса и Энгельса с общественными, особенно революционно настроенными, деятелями России. В течение долгих лет К. Маркс и Ф. Энгельс переписывались с П. В. Анненковым, А. А. Серно-Соловьевичем, Н. И. Утиным, Г. А. Лопатиным, П. Л. Лавровым, Н. Ф. Даниельсоном, Г. В. Плехановым, В. И. Засулич. Сохранились письма Маркса и Энгельса в редакции русских демократических журналов. Без учета этих источников невозможно исследование проблем истории русского освободительного движения. Многие работы Маркса и Энгельса, посвященные русской истории, интересны как непосредственные отклики современников на события в России. Источниковый аспект трудов Маркса и Энгельса обусловлен их изданием и распространением в России. Они выполняли реальные, социальные функции в распространении идей марксизма в русском освободительном движении.

Велико значение произведений, документов В. И. Ленина как источников по отечественной истории. Труды В. И. Ленина знаменуют и составляют новый период в развитии марксизма. Произведения В. И. Ленина обогатили философию и политэкономию марксизма, теорию и практику научного коммунизма. «Ленинизм — это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества»¹, — отмечалось в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Ленинизм — этап в развитии отечественной науки. Труды В. И. Ленина — выдающийся памятник русской общественно-политической мысли, революционной отечественной журналистики.

В. И. Ленин был не только теоретиком, но организатором, руководителем, участником революционного движения в России конца XIX — начала XX в. В силу этого его произведения выступают как неотъемлемая часть самого российского революционного движения, богатейший источник, отразивший борьбу российского пролетариата и его партии за торжество идей социалистической революции.

Деятельность В. И. Ленина как вождя большевистской партии, создателя и руководителя Советского государства нашла отражение в разнообразных политических и публицистических произведениях. Деятельность В. И. Ленина на посту Председателя СНК обусловила возникновение документов законодательного и управленческого характера, являющихся важнейшими источниками по истории советского общества.

Значение трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина не

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1972, т. 10, с. 144.

ограничивается только временем их жизни и деятельности. Отчасти это обусловлено силой научного предвидения, присущей трудам классиков марксизма-ленинизма, тем, что они содержат ценнейшие теоретические положения о проблемах перехода человечества к коммунистическому обществу. Особенно велико значение работ В. И. Ленина. Ленинский план построения социализма в нашей стране, разработанный в ряде его трудов, не только был теоретическим источником политики партии в годы индустриализации и коллективизации, но и реально воплощался в жизнь в ходе социалистических преобразований. В процессе сегодняшней борьбы за формирование коммунистической нравственности, и в первую очередь коммунистического отношения к труду, задачи, выдвинутые в таких работах В. И. Ленина, как «Великий почин», «О задачах союзов молодежи», сохраняют свою актуальность и политическую значимость. Если говорить более широко о задачах выработки коммунистического мировоззрения, то наследие основоположников марксизма-ленинизма и сегодня в арсенале партии, составляет ее идейное, теоретическое богатство. Наконец, нельзя не отметить глубокой, органической связи современных решений партии и документов Советского государства с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

§ 2. Поиск, выявление произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина

Громадная работа по поиску, выявлению, организации хранения богатейшего документального наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, являющегося неоценимым достоянием не только мирового коммунистического, рабочего движения, но и всего прогрессивного человечества, широко развернулась в нашей стране после победы Великой Октябрьской социалистической революции и велась под непосредственным руководством и на основе специальных решений Коммунистической партии и Советского правительства.

Розыск произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, осуществляемый по инициативе В. И. Ленина с первых лет Советской власти, имел целью как сбор оригиналов, так и создание в СССР фонда фотокопий рукописей их трудов. Уже к 1931 г. в Институт Маркса — Энгельса поступило свыше 4300 документов, из которых 437 были подлинными автографами. В настоящее время уникальная коллекция документов основоположников научного коммунизма, хранящаяся в фонде № 1 Института марксизма-ленинизма, насчитывает свыше 6000 документов. Она включает рукописи трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, подготовительные материалы (черновые записи, конспекты, выписки, заметки), корректуры их произведений, документы международных пролетарских организаций, переписку, материалы биографического характера.

В громадной работе по поиску, собиранию ленинского наследия можно выделить условно четыре этапа, отличающихся в известной мере источниками поступления документов, организациями, руководившими и возглавлявшими розыск, а также самой методикой поиска материалов.

✓ На первом этапе (с 1917 до 1924 г.) работа по сбору ленинских документов, главным образом дореволюционного периода, велась Истпартом, Институтом В. И. Ленина, редакцией издания первого собрания его Сочинений, а также частично самим Владимиром Ильичем. Основными источниками поступления материалов были заграничные архивы партии и личные фонды В. И. Ленина.

Начальный этап поиска ознаменовался находками ряда выдающихся произведений и документов В. И. Ленина. Именно в эти годы были обнаружены отдельные экземпляры первого и третьего выпусков ленинской брошюры «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В Институт В. И. Ленина Н. К. Крупская передала бумаги из «чемодана Фрея» (псевдоним В. И. Ленина) и коллекцию документов из личного архива. Последняя, в частности, включала 36 тетрадей переписки редакции «Искры» и автографы некоторых работ («Задачи русской социал-демократии», «Проект программы нашей партии»). В «чемодане Фрея» находились рукописи работ «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и др., а также бесценные реликвии из истории создания партии («Дневник II съезда», «Как чуть было не потухла «Искра», проект Программы партии, написанный еще в 1895 г. в тюрьме).

✓ На втором этапе (1924—1945) был выявлен и собран основной комплекс документов ленинского наследия: рукописи трудов, печатные издания, подготовительные материалы, переписка и документы государственной деятельности. Работа осуществлялась сначала Институтом В. И. Ленина, а затем Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. Источниками поступления ленинских материалов были: личный фонд документов В. И. Ленина; фонды СНК, других советских государственных учреждений и партийных органов; зарубежные партархивы; фонды дореволюционных госучреждений; личные фонды. В состав Женевского архива, библиотеки РСДРП и Парижского партийного архива поступили материалы, отразившие участие В. И. Ленина в работе съездов, конференций, совещаний партии, редакций большевистских газет. Документы, переданные из архива СНК, запечатлели титаническую деятельность В. И. Ленина во главе Советского государства. Всего к 1945 г. в Институте было 4694 подлинных ленинских документа и 1407 копий. В этот же период начинается разработка научных принципов поиска и систематизации ленинских произведений.

✓ На третьем этапе (1945 — конец 50-х годов) дальнейший розыск ленинских трудов в значительной степени был связан с подготовкой новых изданий собраний Сочинений В. И. Ленина. Весь комплекс этих работ осуществлялся Институтом марксизма-ленинизма. Основ-

ными источниками поступлений были заграничные архивы партии, фонды исторических архивов, ряда партийных органов и советских учреждений, частично — личные коллекции. Успешному поиску ленинских произведений в этот период способствуют общая систематизация и упорядочение хранения документов в исторических и ведомственных архивах. Одной из крупнейших находок этого времени стали материалы Краковско-Поронинского архива и библиотеки.

Четвертый этап (с конца 50-х годов и до настоящего времени) характеризуется активным поступлением ленинских документов из фондов различных исторических архивов нашей страны, личных коллекций советских граждан, а также из зарубежных архивов (в том числе из ряда социал-демократических организаций, государственных архивов западноевропейских капиталистических стран, из архивов и библиотек американских университетов) и частных коллекций иностранных граждан. В большинстве случаев найденные документы представляют статьи, выступления, интервью, письма В. И. Ленина, пометы его на других документах¹. Эффективность поиска стала более значительной благодаря огромной исследовательской работе по изучению почерка В. И. Ленина; составлению списков работ, речей, документов, подлежащих розыску; установлению отдельных этапов истории исчезнувших работ и современных мест их хранения.

Большое значение в увеличении бесценного фонда документов В. И. Ленина имеет метод атрибуции, т. е. определение факта ленинского авторства. Проводится атрибуция автографов, не имеющих заверительной подписи. При современной изученности почерка В. И. Ленина и средств графологической экспертизы это один из наиболее простых способов установления авторства. Он обеспечивает выявление целого ряда ленинских документов, особенно советского периода: небольшие письма и записки Ленина, резолюции, пометы на документах.

Более сложной является методика исследовательского определения авторства. Способом атрибуции выявляются листовки и статьи, опубликованные В. И. Лениным до революции и после Октября на страницах различных периодических изданий и не имеющие подписи. Можно выделить некоторые общие приемы методики атрибуции подобных ленинских текстов. Это прежде всего анализ текста в целом, по разделам, частям, фразам, отдельным выражениям для выявления общей политической направленности, основных языковых и стилистических особенностей. Проводится сопоставление исследуемого текста с другими ленинскими произведениями этого периода для определения круга проблем, которые интересовали в тот

---

¹ См.: Кузьмин С. И. Бесценное ленинское наследие. Поиски и находки. М., 1976; Веселина М. С. О дальнейшем собирании документального наследия В. И. Ленина. — Вопросы истории, 1974, № 4; Жуйков Г. С. О втором выпуске работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». — История СССР, 1961, № 2.

момент В. И. Ленина. Анализируемый текст сравнивается также с тематически однородными произведениями В. И. Ленина различных периодов с целью установления используемой им аргументации, примеров, фактов при рассмотрении данной проблемы. Для доказательства авторства используется анализ источниковой базы текста и исследуется факт знакомства В. И. Ленина с данными источниками. Большое внимание уделяется литературному стилю произведения. Учитываются яркость, образность языка трудов В. И. Ленина, присущая им публицистичность изложения, множественность определений, повторение одного, часто акцентированного слова, противопоставление понятий. Наконец, важным подтверждением ленинского авторства является нахождение документальных свидетельств о факте написания им или намерении написать работу по данному вопросу. Большая исследовательская работа, позволившая выявить 40 новых произведений В. И. Ленина, проводилась при подготовке Полного собрания сочинений.

Был установлен факт ленинского авторства листовки «К русскому пролетариату», выпущенной в связи с началом русско-японской войны. Импульсом к розыску документа и его последующей атрибуции послужили письма Н. К. Крупской из Женевы деятелям партии в России. В них сообщалось, что В. И. Ленин собирается написать листок о войне, что 3 февраля 1904 г. листок ЦК о войне написан и отправлен в Россию для напечатания и распространения. В архивах, в коллекциях нелегальных изданий был обнаружен листок «К русскому пролетариату», распространявшийся в Москве, Екатеринославе, Саратове, Нижнем Новгороде, Киеве, Твери, т. е. в городах — адресатах Н. К. Крупской. При этом на листовке, изъятой в Екатеринославе, стояли дата — 3 февраля и подпись — ЦК РСДРП. Идентифицировать данный листок ЦК с ленинским документом позволила, однако, лишь найденная в ЦГАМ перлюстрация письма Крупской от 16 февраля большевикам Москвы. В нем сообщалось, что В. И. Ленин написал листок о войне, который отправили для перепечатки и распространения в Москву, Одессу, Саратов, Нижний Новгород, Екатеринослав, Томск, Самару.

При атрибуции статьи «Плеханов о терроре», опубликованной без подписи в декабре 1917 г. на страницах «Правды» и «Известий», было учтено два основных момента. Во-первых, данная проблема (демократия и диктатура пролетариата, революционный террор) была предметом ряда выступлений и статей В. И. Ленина конца 1917 — начала 1918 г. Во-вторых, приведенная в статье цитата из речи Плеханова на II съезде РСДРП неоднократно упоминалась в других работах В. И. Ленина, как более раннего периода («Шаг вперед, два шага назад» и подготовительные материалы к этой работе), так и более позднего времени («Пролетарская революция и ренегат Каутский»). Обращает на себя особое внимание ленинский набросок декабря 1917 г. под заголовком «Из дневника публициста (темы для разработок)». В этих черновых заметках были такие пункты: демократия и диктатура пролетариата; цитата из речи Плеханова 1903 г.

В Полное собрание сочинений В. И. Ленина включены две новые статьи «Нищета народных учителей» и «О наших школах», опубликованные в «Правде». Исходным моментом поиска послужили подготовительные материалы из фонда документов В. И. Ленина, в частности таблица, составленная им по данным публикации однодневной переписи 1911 г. начальных школ в России. Разработанные Лениным показатели не вошли в другие статьи этого времени, явившиеся откликом на проходивший в конце 1913 — начале 1914 г. съезд народных учителей, но присутствуют частично или целиком именно в двух указанных статьях. Характерными чертами анализируемых работ были употребление присущих Ленину оценок, определений государственной статистики, сходность выражений в отношении министерства народного просвещения.

Атрибуция ленинских произведений требует убедительности и четкости аргументации. В настоящее время ведется исследовательская работа по анализу почти 40 произведений, в отношении которых высказано предположение о возможности ленинского авторства. Разработка методики и обобщение накопленного опыта установления авторства ленинских документов стали важными направлениями источниковедения Ленинианы¹.

При атрибуции ленинских произведений проводится большая работа по изучению литературных и партийных псевдонимов В. И. Ленина. Литературными псевдонимами подписывались произведения, изданные как легально, так и нелегально. Партийные псевдонимы широко употреблялись в документации большевистских организаций (протоколы съездов, переписка, листовки и т. д.).

Хорошо известны такие ленинские псевдонимы, как Тулин, В. Ильин, Вл. Ильин, Фрей. Практически все экономические работы В. И. Ленина, изданные легально, подписаны псевдонимом В. Ильин. Он использовал его даже для расшифровки своего основного псевдонима, ставшего, по существу, вторым именем, — Ленин. Иногда авторство обозначалось так: Ленин (В. Ильин). История возникновения, выбора псевдонима Ленин (часто Владимиром Ильичем ставилась подпись — Н. Ленин) не установлена. Вариант псевдонима «Н. Ленин» использовался при издании работ и после Октябрьской революции. Очень важным моментом явились расшифровка и установление ленинского авторства в отношении псевдонимов, которые им употреблялись редко или даже один раз. Сейчас известно около 150 псевдонимов В. И. Ленина.

В последние годы успешно велось исследование по установлению ленинского авторства в составлении ряда документов коллективного творчества. Особенно много сделано по выявлению декре-

---

¹ См.: Горбунов В. В. О методике установления ленинского авторства. — История СССР, 1969, № 2; Володарская А. М. Из опыта работы по установлению авторства статей В. И. Ленина. — Проблемы источниковедения, 1959, т. VII; Логинов В. Т. О принадлежности В. И. Ленину некоторых статей, опубликованных в «Правде» (1912—1914 гг.). — Исторический архив, 1961, № 2.

тов, тексты которых полностью или частично были написаны В. И. Лениным¹.

§ 3. Публикация трудов основоположников марксизма-ленинизма

Важные источниковедческие сюжеты исследования трудов классиков марксизма-ленинизма связаны с изучением истории их публикаций. Это определяется рядом моментов. Во-первых, многие работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина дошли до нас только в виде определенных публикаций. Отсутствие рукописей, авторизованных текстов (заверенных корректур, экземпляров изданий) требует знания особенностей публикации для изучения текста, его правильного прочтения и интерпретации. Во-вторых, условия издания, особенно публикация в подцензурной печати, влияли на характер работы и, в частности, на изложение проблемы. В-третьих, исследователи, обращаясь к работам классиков марксизма-ленинизма, ведут их изучение на основе публикаций. Знание особенностей и типов публикаций поможет выявлению необходимого, полного круга работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, уяснению истории их создания, обеспечит изучение точных и достоверных текстов. Наконец, сам процесс издания творческого наследия основоположников научного коммунизма является своеобразным итогом, обобщением результатов их поиска, атрибуции, текстологического исследования на различных этапах развития советского источниковедения.

Основной комплекс документального наследия К. Маркса и Ф. Энгельса представлен в собраниях Сочинений. Первое русское издание, начатое в 1928 г. и завершенное к 1947 г., состояло из 29 томов.

Значительно более полным является второе издание, осуществленное в 1955—1966 гг. и состоящее из 39 томов (42 книги). Впоследствии проводилась публикация дополнительных томов. Второе издание включает законченные труды К. Маркса, Ф. Энгельса, значительную часть подготовительных материалов, переписку. В ходе его подготовки проводилась огромная работа по собиранию текстов, их расшифровке, совершенствованию переводов. В состав издания вошел ряд впервые опубликованных документов и впервые опубликованных на русском языке. Более полному и глубокому прочтению и правильному использованию произведений К. Маркса и Ф. Энгельса способствует научно-справочный аппарат издания, содержащий комментарии, пояснения фактов из истории создания произведений и наиболее сложных частей текста.

Значительность масштабов подготовительных материалов и черновых вариантов рукописей отдельных работ обусловила как самостоятельное их издание, так и систематизированную публикацию в составе «Архива Маркса и Энгельса». Тысячи страниц тетрадей и отдельных листов, являющихся конспектами, заметками, выписками из огромного числа источников и литературы, вошли в тринадцать

¹ См.: Ленинские декреты. 1917—1922. Библиография. М., 1974.

томов «Архива». Здесь же представлены краткие замечания Маркса, Энгельса как по поводу источников, так и тех явлений, процессов, которые они отражали.

Результатом многообразной и сложной работы по розыску трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, их источниковедческого исследования является подготовка полного академического, историко-критического издания всего их литературного наследия — K. Marx, F. Engels. Gesamtausgabe (MEGA — МЭГА).

МЭГА включает все сохранившееся документальное наследие основоположников научного коммунизма, в том числе черновые рукописи и наброски, конспекты, выписки, заметки на полях книг (маргиналии), записи речей и бесед, документы демократического и рабочего движения, в составлении которых они принимали участие, литературно-художественные произведения (юношеские стихи К. Маркса, наброски драматических произведений Ф. Энгельса). Эпистолярное наследие классиков марксизма представлено в этом издании одновременно с публикацией писем в их адрес и ряда корреспонденций третьих лиц друг другу. Это помогает реконструировать тексты несохранившихся писем Маркса и Энгельса.

Одной из основных задач МЭГА является аутентичное воспроизведение текстов, что достигается благодаря их публикации на языке оригинала. Около половины произведений и других документов написано Марксом и Энгельсом на немецком языке, примерно одна треть — на английском. Кроме того, они писали на французском, итальянском, испанском, русском, датском, шведском, а если учесть цитирование, то почти на 20 языках. Публикация на языке оригинала должна послужить основой точного текстологического анализа, в том числе терминологии марксизма.

Структура МЭГА отражает сложный состав документального наследия основоположников научного коммунизма. Все издание планируется в 100 томах (число книг значительно больше), разделенных на четыре отдела. Первый отдел включает тома с публикацией произведений, статей, набросков, второй посвящен «Капиталу» и подготовительным работам к этому труду, третий охватывает переписку, четвертый — выписки, заметки, конспекты, маргиналии.

Вышедшие тома различных отделов показывают огромную работу по поиску произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, атрибуции и датировке текстов отдельных их документов, выявлению разночтений, окончательных авторских редакций и т. д. В ходе этих исследований было доказано, например, авторство ряда статей К. Маркса в газете «Rheinische Zeitung», статей Ф. Энгельса в одном из чартистских органов.

Учитывая сложный характер многих рукописей Маркса и Энгельса: неразборчивый почерк, написание карандашом, разрозненность листов, последующие многочисленные вставки, — осуществляется большая работа по расшифровке текстов, установлению состава рукописей с помощью палеографического и текстологического анализа. Подобное изучение рукописей позволило внести исправле-

ния в структуру текста публикуемой докторской диссертации К. Маркса, ряда писем Ф. Энгельса.

При издании в МЭГА конспектов и выписок Маркса и Энгельса проводится вычленение текста, дословно воспроизводящего источник и содержащего их собственные выводы и оценки.

Публикация произведений основоположников марксизма, начиная от первых набросков и включая многочисленные варианты, черновые рукописи, позволит проследить историю развития текстов их произведений и будет способствовать более правильной их интерпретации и использованию, борьбе с фальсификаторами марксизма¹.

В истории публикаций ленинских трудов необходимо выделить два периода: дореволюционный и послеоктябрьский. В первый период различаются легальный и нелегальный методы изданий.

При нелегальном способе публикации, осуществлявшемся в российских подпольных типографиях или за границей, имелась возможность открытого высказывания политических идей, лозунгов, задач движения, что облегчает прочтение и понимание текста. Однако необходимо учитывать, что при нелегальных изданиях на простейших множительных аппаратах (гектографах, мимеографах, стеклографах) и обычно неспециалистами публикации отличались слабой печатью, ошибками и пропусками в тексте. В целях конспирации в нелегальных изданиях не всегда имелось точное указание места, времени публикации, авторства; широко использовались система псевдонимов, вымышленные выходные данные, проставлялся гриф — «дозволено цензурой». Например, в изданной в подпольной типографии в Петербурге брошюре В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах» не указывалась фамилия автора, была изменена дата публикации и сообщалось, что она напечатана в Херсоне с разрешения цензуры.

Легальный характер издания существенно влиял на содержание, проблематику ленинских работ, ограничивая круг рассматриваемых вопросов. Многие положения, факты, имена сообщались в индифферентной форме. Эти особенности легальных произведений подчеркнуты В. И. Лениным в предисловии к работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Работа, подготовленная к печати еще до Февральской буржуазно-демократической революции, вышла в свет в апреле 1917 г. В связи с этим В. И. Ленин писал в предисловии к ней: «Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм

---

¹ Подробнее см.: Длубек Р. (ГДР), Левиова С. З. Сокровищница идей научного коммунизма. — Вопросы истории, 1976, № 5.

заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения»¹.

Огромные трудности вставали перед автором, когда он обращался к политическим сюжетам в легальном произведении. Используя эзоповский язык, необходимо было разработать такую систему индифференции, которая бы была понятна читателям. К такому методу В. И. Ленин был вынужден прибегнуть в своей статье «От какого наследства мы отказываемся?», вошедшей в состав легально изданного сборника «Экономические этюды и статьи». Заметим, что содержание статьи не отвечало общему названию сборника. Ее проблематика включала рассмотрение вопросов соотношения демократических задач и борьбы за социализм, отношения социал-демократии к народничеству, сути буржуазного демократизма, взаимоотношений идей Н. Г. Чернышевского и народничества и т. п. Условия подцензурного издания породили чрезвычайные сложности в изложении основных сюжетов. Интерпретация данной статьи вызвала определенные споры в среде социал-демократов после ее опубликования. Дискуссионность в понимании целого ряда замечаний, положений, высказанных В. И. Лениным в этой работе, сохраняется и в современной советской историографии².

При работе с легальными произведениями В. И. Ленина следует учитывать возможные искажения авторского текста, так как при подготовке публикации по требованиям цензуры, осторожности издателей и редакции могли вноситься изменения. Об этом свидетельствует, в частности, история первой публикации ленинской работы «Империализм, как высшая стадия капитализма». По требованию издательства из рукописи была удалена критика К. Каутского, сделаны некоторые изменения в терминологии, которые внешне могут показаться несущественными, но которые в действительности искажали смысл ленинских понятий. Так, брошюре было дано другое название — «Империализм, как новейший этап капитализма». Определение «реакционный» характер теории ультраимпериализма было заменено на «отсталый». Все эти изменения делались вопреки воле автора, о чем свидетельствуют письма В. И. Ленина к М. Н. Покровскому, осуществлявшему связи с издательством. В последующих изданиях текст работы был восстановлен в соответствии с авторской рукописью.

Для более полного и точного раскрытия содержания легально изданных произведений важно сопоставить их с нелегальными работами по той же теме. Рассмотрим этот вопрос на примере ленинских статей, посвященных юбилею реформы 1861 г., учитывая характер и назначение изданий, где они публиковались. Статья «Пятидесятилетие падения крепостного права» была напечатана без подписи в нелегальном популярном большевистском издании «Ра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 301.

² См.: Виленская Э. С. К истории статьи В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?». — Источниковедение. М., 1969; Вандакловская М. Г. К истории создания и изучения статьи В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?». — История СССР, 1979, № 2.

бочая газета». Статья «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» также без подписи была помещена на страницах центрального органа РСДРП «Социал-демократ». Статья «По поводу юбилея»¹ за подписью «В. Ильин» вышла в легальном большевистском философском и общэкономическом журнале «Мысль». Даже простое сопоставление названий работ отражает характер и направленность изданий. Несмотря на то что после революции 1905 г. в легальных изданиях стало возможным прибегать к таким понятиям, как «марксизм», «народники», «буржуазный демократизм», «эволюция монархии», содержание и стиль изложения легальной статьи В. И. Ленина заметно отличаются от двух первых. В двух первых статьях открыто заявляется, что «освобождение» было бессовестным грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними, что крестьяне вышли на свободу «ободранные до нищеты», что помещики награбили крестьянские земли. В статьях четко обозначаются революционно-демократические круги во главе с Чернышевским, боровшиеся за революционный путь освобождения крестьян. В этих работах В. И. Ленин формулирует одно из важнейших положений об объективных причинах первой русской революции: «1861 год породил 1905». Большое внимание уделено задачам союза пролетариата и крестьянства в ходе грядущей революции.

В статье «По поводу юбилея» круг проблем пришлось ограничить. В. И. Ленин пишет об этом в начале работы: «Пятидесятилетие так называемой крестьянской реформы возбуждает много интересных вопросов. Из них мы можем здесь коснуться лишь некоторых экономических и исторических вопросов, оставляя до другого случая темы публицистические в более узком смысле слова»².

Отметим ленинские слова о «так называемой крестьянской реформе». Взятые отдельно, они кажутся просто литературным оборотом. Но если сопоставить их с текстами двух первых статей, где Ленин пишет о «пресловутом «освобождении» и даже берет в кавычки слова «крестьянская реформа» (считая, очевидно, невозможным называть ограбление крестьян в 1861 г. «крестьянской реформой»), то и это положение легальной статьи будет не столь безобидным. Интересно, как в определении задач статьи В. И. Ленин избегает употреблять понятие «политические темы», заменяя его иносказанием. В легальной работе нельзя было часто называть дату 1905 г. Говоря о событиях первой русской революции, Ленин поэтому пишет: «события, разыгравшиеся спустя 44 года после реформы», «события новейшего времени». Отмечая деятельность революционеров-демократов, В. И. Ленин иногда определяет их условно как «общественные элементы, интересы которых требовали преобразования», или как «демократическая тенденция, опирающаяся на сознательность и самодеятельность непомещичьих, нечиновничьих и небуржуазных кругов».

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 139—142, 171—180, 161—170.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 161.

Рассмотренные примеры говорят о необходимости тщательного и всестороннего текстологического анализа легальных произведений, тем более что далеко не все автографы этих работ сохранились.

Второй период в истории публикаций произведений В. И. Ленина ознаменован прежде всего широким научным изданием его творческого наследия. Поиск и собирание документов В. И. Ленина имели своей первоочередной задачей издание его трудов. Значение издания ленинских произведений было отмечено в резолюции XIII съезда РКП(б) о задачах Института В. И. Ленина. Съезд считал главной задачей Института «научное и самое тщательное издание Полного собрания сочинений Ленина и подготовку ленинской библиотеки для более широких масс рабочих из избранных произведений». Второй съезд Советов СССР также подчеркивал: «Лучшим памятником В. И. Ленину будет широкое массовое распространение его сочинений, которое сделает идеи коммунизма достоянием всех трудящихся».

Сегодня по данным ЮНЕСКО ленинские произведения занимают первое место в мире среди переводной литературы.

Существует несколько основных типов публикаций ленинского наследия. Самое значительное место среди них занимают издания собраний сочинений В. И. Ленина. Первое издание собраний сочинений вышло в 20 томах (26 книг). Издание было осуществлено в 1920—1926 гг. В основе публикации лежал тематико-хронологический принцип, что приводило, например, к искусственному разделению ленинских работ на экономические и политические. Поскольку это был первый опыт широкой публикации, то издание еще не отличалось тщательностью подготовки текстов. В состав сочинений было даже ошибочно включено около 30 работ, не принадлежавших перу В. И. Ленина.

Второе и третье издания, осуществленные в 1925—1932 гг. и состоявшие из 30 томов, отличались друг от друга только полиграфическим оформлением. По составу произведений и научно-справочного аппарата это, по существу, одно издание, которое характеризовалось значительным увеличением числа опубликованных произведений, подготовительных материалов, писем, разработкой детальных примечаний к текстам.

Четвертое издание вышло первоначально в 35 томах (1945—1950). В дальнейшем к нему была произведена допечатка еще 10 томов. Это одно из самых массовых изданий, включавшее в свой состав все основные группы ленинского наследия: законченные произведения, подготовительные материалы, письма и коллективные документы. Около 500 произведений В. И. Ленина впервые увидело свет на страницах этого издания. Недостатком его является лаконичность научно-справочного аппарата.

В 1958—1965 гг. по постановлению ЦК КПСС была осуществлена публикация в 55 томах пятого, Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Издание представляет итог огромной работы по розыску, выявлению, расшифровке и уточнению ленинских текстов,

использованных в них источников, уточнению адресатов ленинских документов. В пятое издание вошло около 9000 произведений и документов В. И. Ленина, из которых 1100 было опубликовано впервые. Значительную часть этого числа составляют письма и подготовительные материалы. Кроме того, около 200 документов впервые было опубликовано в составе примечаний к ленинским произведениям. Полное собрание сочинений является наиболее последовательной публикацией основного фонда ленинских документов.

Необходимо остановиться на работе, проведенной по уточнению текстов ленинских произведений. Благодаря новым находкам и более тщательной сверке ленинских рукописей с их публикациями были изменены источники публикации. Так, в четвертом издании (т. 9) ленинская статья «Революция учит» (Полн. собр. соч., т. 11) воспроизводилась по газетной публикации. Сопоставление ее с авторской рукописью позволило восстановить изъятия текста, сделанные в газете.

Большое внимание было уделено расшифровке отдельных рукописей. Н. К. Крупская, характеризуя манеру письма В. И. Ленина, отмечала: «Писал ужасно быстро, с сокращениями... Сокращение букв (гласных часто) и слогов практиковал очень часто, в целях ускорения письма»¹. Трудность расшифровки состоит в том, что сокращения делались Лениным по своей системе, и особенно часто он прибегал к ним в подготовительных материалах. Примером расшифровки, точнее даже новой расшифровки, является прочтение части текста из ленинского «Плана лекции о марксизме». У В. И. Ленина было сделано такое сокращение: «креп. кр: н. паупер. пр.»². Первоначально этот текст был прочитан так: «крепкое крестьянство — пауперизация — пролетаризация». В пятом издании дано новое раскрытие этого сокращения, придающее ему логическую и историческую согласованность: «крепостной крестьянин — паупер — пролетарий».

При исследовательской работе с произведениями В. И. Ленина целесообразно обращаться к пятому изданию, обеспечивающему комплексный метод изучения всей совокупности ленинских текстов, т. е. его законченных произведений, богатейшего фонда подготовительных материалов и громаднейшей коллекции писем. Эти возможности расширяются за счет научно-справочного аппарата издания. Публикация снабжена общим предисловием и предисловием к каждому тому; даются примечания к текстам, указатели имен, а также литературных работ и источников, цитируемых и упоминаемых В. И. Лениным, перечень дат жизни и деятельности Ленина. В ряде томов имеются приложения, включившие личные документы В. И. Ленина; коллективные документы партии и Советского государства, в разработке которых он участвовал; документы, отразившие историю создания некоторых работ («Дневник дежурных

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 482.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 443—444.

секретарей В. И. Ленина»). Большую помощь исследователям оказывают специальные справочные тома к пятому изданию (т. 1 — Предметный указатель; т. 2 — Алфавитный указатель), а также выпущенные «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина. 1886—1923 гг.» (М., 1959, ч. I; М., 1961, ч. II) и «Вспомогательные указатели к Хронологическому указателю» (М., 1963).

Важнейшим типом публикации ленинского наследия является издание «Ленинских сборников», начатое в 1924 г. и продолжающееся до настоящего времени. Эта публикация включает подготовительные материалы; письма В. И. Ленина; документы малых форм (ленинские резолюции и пометы на деловых бумагах, записки, выписанные им мандаты); коллективные документы, в разработке которых участвовал Ленин; страницы прочитанных им книг, содержащие его пометы и замечания, и т. д. «Ленинские сборники», наряду с Полным собранием Сочинений, отражают исследовательскую лабораторию В. И. Ленина. Они ярко демонстрируют обширность привлекаемых им материалов при подготовке и больших монографий, и кратких выступлений, в том числе и устных; тщательность, глубину и всесторонность анализа используемой информации. «Ленинские сборники» запечатлели громадную практическую деятельность В. И. Ленина на посту главы правительства Советского государства.

Известное значение в публикации ленинских документов, главным образом малых форм, имеет издание «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Это издание важно при изучении истории создания ленинских произведений, поскольку позволяет уточнить время, обстоятельства их написания.

Из других типов публикаций отметим тематические сборники ленинских произведений («В. И. Ленин о профсоюзах», «В. И. Ленин о молодежи» и т. п.), сборники избранных произведений В. И. Ленина, а также массовые издания его отдельных работ, брошюр и выступлений. В отдельных случаях на страницах партийной печати публикуются вновь найденные работы В. И. Ленина.

§ 4. Некоторые общие проблемы источниковедения ленинских произведений

Многоаспектность значения и использования трудов В. И. Ленина определяет многообразие источниковедческих проблем и направлений их изучения. Одно из этих направлений имеет своей задачей выяснение особенностей отдельных видов ленинских произведений и документов, влияющих на интерпретацию и использование ленинских текстов. То, что составляет творческое наследие В. И. Ленина, представляет чрезвычайно сложный по своему составу комплекс материалов. Фактором, обусловившим их объединение и исследование как единого целого, является личность В. И. Ленина. В силу этого документам различного вида придается одинаковая значимость. Этот момент был подчеркнут еще в Обращении ЦК РКП(б) (июль 1923 г.) ко всем членам партии и беспартийным по

поводу сбора ленинских документов. В нем указывалось: «Члены РКП(б) не должны забывать того, что всякий маленький обрывок бумаги, где имеется надпись или пометка В. И. Ленина, может составить огромный вклад в изучение личности и деятельности вождя мировой революции и поможет уяснить задачи и трудности, стоящие на том пути, по которому мы идем...».

Однако сказанное не исключает необходимости учитывать специфику отдельных произведений и групп документов. По своему происхождению, целевому назначению, социальным функциям, жанрам можно выделить такие группы в составе ленинского наследия: политические и научные сочинения; публицистика; письма; партийные и государственные документы.

К политическим и научным сочинениям В. И. Ленина относятся его книги, брошюры, разрабатывающие проблемы марксистской философии, политэкономии, заложившие теоретические основы партии, ее стратегии и тактики. Именно они выступают как выдающиеся памятники общественно-политической и научной мысли. К ним близки публицистические статьи, доклады, написанные в историко-ретроспективном плане («Роль сословий и классов в освободительном движении», «Памяти Герцена», «Доклад о революции 1905 года»). Отмеченные черты этой группы работ обуславливают широкое применение историографического метода в их анализе.

Публицистические произведения В. И. Ленина составляют разнообразные по жанру материалы: передовые статьи, обзоры, отклики, памфлеты, заметки, рецензии, некрологи, опубликованные главным образом на страницах газет и журналов. К этой группе могут быть отнесены листовки, прокламации, популярные брошюры, служившие делу практической агитации в среде рабочего класса и крестьянства. При обращении к ленинским публицистическим произведениям следует видеть многоаспектный характер заключенной в них информации. Непременной чертой публицистических материалов, принадлежавших перу В. И. Ленина и создававшихся как отклик на конкретное событие, было раскрытие через отдельные факты основных явлений социально-экономической, общественно-политической, культурной жизни России. Это можно видеть на примере таких работ, как «Отдача в солдаты 183-х студентов» (т. 4), «Самодержавие колеблется» (т. 7), «Соловья баснями не кормят» (т. 9), «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти» (т. 11), «Кукушка хвалит петуха...» (т. 15), «Заметки. *Меньшиков, Громобой, Изгоев*» (т. 20), «Л. Н. Толстой» (т. 20).

Анализ и использование публицистики требуют особого внимания к изучению конкретных обстоятельств создания этих работ, характера и содержания дискуссии, элементом которой они нередко были. Эти произведения В. И. Ленина, как, впрочем, и многие научные труды, имеют острополемическую окраску, которую нельзя не учитывать при интерпретации высказанных им оценок и положений. В этом отношении показательным сопоставление ленинских статей и работ, написанных в 90-е годы XIX в. в ходе яростной полемики с Н. Михайловским как представителем тогдашнего либе-

рального народничества, с его небольшой статьей «Народники о Н. К. Михайловском», опубликованной на страницах «Правды» в 1914 г. В этой работе очень кратко, но удивительно емко отмечены не только ошибочные теории Михайловского, но и вскрыта суть идей Михайловского как одного «из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии», его историческая заслуга в буржуазно-демократическом движении.

Анализ написанных В. И. Лениным популярных брошюр показывает, какое внимание придавал он форме, характеру изложения вопроса в зависимости от целей, назначения работы. Эта особенность ленинских произведений хорошо видна на примере двух его брошюр — «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих» и «Новый фабричный закон». Обе работы ориентированы на широкие круги рабочих и должны были путем разъяснения содержания прав рабочих, классовой направленности царского фабричного законодательства способствовать вовлечению новых отрядов пролетариата как в экономическую, так и в политическую борьбу. Доступность изложения важнейших задач агитации, направленной против предпринимателей и царизма как защитника их интересов, достигалась самым построением работ. Они были разбиты на небольшие части, заголовки которых формулировались в виде конкретного вопроса. В конце каждой такой части содержался ответ на поставленный вопрос. В итоге всего изложения, построенного на привлечении фактов из жизни самих рабочих, неизбежным оказывался вывод, что борьба за улучшение положения рабочего класса, расширение самых элементарных прав приведет к борьбе не только с промышленниками, но и с царским правительством.

Существенную часть ленинского наследия составляют письма. В жанре письма создавались некоторые публицистические работы В. И. Ленина («Письма из далека» — т. 31), партийные документы («Доклад об Объединительном съезде РСДРП. Письмо к петербургским рабочим» — т. 13). Эти письма, а также директивные, циркулярные письма, письма-заявления публикуются в хронологической последовательности в соответствующих томах Полного собрания Сочинений. Личная корреспонденция В. И. Ленина и деловая переписка, не предназначавшаяся в момент создания к публикации, помещена в 46—55 томах Полного собрания Сочинений. Эпистолярные материалы отражают прежде всего гигантскую практическую деятельность В. И. Ленина как организатора, вождя партии, руководителя Советского государства. Письма В. И. Ленина способствуют раскрытию обстоятельств создания многих его произведений и документов, содействуют более глубокому их прочтению. Ленинские письма — незаменимый источник для раскрытия значимости многогранной личности вождя российского и международного пролетариата. Строки его писем, особенно обращенные к родным, товарищам по партии, раскрывают всю силу характера, человечность, целеустремленность борца за торжество идей пролетарской революции. Необычайно искренне звучат ленинские слова в его письме от декабря 1916 г.: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за

другой — против политических глупостей, пошlostей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 г. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками»¹.

Изучение ленинских писем имеет некоторую историографическую традицию².

Написанные целиком или частично при участии В. И. Ленина документы партии (программы, уставы, резолюции и решения съездов, конференций, совещаний; обращения ЦК и т. д.), а также законодательные акты Советского государства занимают значительное место среди ленинских материалов. Методика их изучения и принципы использования диктуются прежде всего видовыми особенностями этих памятников.

Совершенно особую группу в ленинском документальном фонде занимают так называемые подготовительные материалы. Условность понятия «подготовительные материалы» очевидна. В эту группу входят ленинские конспекты трудов других авторов, выписки и материалы обработки источников (таблицы, диаграммы, графики, схемы); краткие, предварительные заметки о содержании будущих работ; планы, тезисы книг, брошюр, статей, докладов, рефератов. Сюда же включают ленинские проекты партийных решений, правительственных постановлений, планы мероприятий Советского правительства. Подготовительные материалы противоположны всем указанным выше группам (как законченным произведениям). В сложном взаимодействии подготовительные материалы находятся с записями устных выступлений В. И. Ленина. От части этих последних сохранились предварительные ленинские планы, наброски, заметки. Преимущество этой группы подготовительных материалов по сравнению с самими записями состоит в том, что они представляют подлинные авторские тексты.

Разнохарактерность подготовительных материалов диктует и разнообразие вопросов их источниковедческого изучения. Подготовительные материалы очень часто отражают процесс выработки В. И. Лениным конкретных понятий, категорий, определений и оценок. В этой связи они очень важны для полного и всестороннего раскрытия смысла положений законченных ленинских работ. Покажем это на примере выработки определения экономической сущности монополистического капитализма. Ленинское определение основных черт империализма, данное в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», хорошо известно. Подготовительные материалы к этой работе («Тетради по империализму») запечатлели сложный процесс поиска В. И. Лениным на основании многообразных сведений источников тех признаков, которые наиболее

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 340.

² См.: Ульянова М. И. Предисловие к сборнику «Письма к родным». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55; Обишкин Г. Д., Панкратова М. Я. Письма В. И. Ленина. М., 1968; Дейч Г. М. К вопросу о письмах В. И. Ленина как историческом источнике. — Вопросы истории КПСС, 1967, № 2; его же. Твой В. Ульянов (В. И. Ленин в письмах к родным). Л., 1971.

полно отражал и существо высшей стадии развития капитализма. Так, в одном из первых вариантов определения империализма выделялись такие признаки:

«(1) банковый капитал

(2) монополии (тресты etc.)

{ (3) раздел мира. [Колонии]

{ (4) союз (связь, *слияние*) банкового (финансового) капитала с государственной машиной

(5) высшая степень концентрации»¹.

Затем был составлен иной перечень признаков:

{ «1. I монополия, как итог концентрации

2. II вывоз капитала (как главное)

4. III { (а) соглашения интернационального капитала

5. IV { раздел мира (β) колонии

3. V банковый капитал и его «нити»

6. VI смена свободной торговли и мирного оборота политикой насилия (пошлины; захваты etc. etc.)»².

Порядок этих признаков несколько раз менялся. Вносились коррективы и в само содержание определений и в выбор характерных черт. Наконец, в «Плане книги» читаем: «*И т о г и. Основные экономические (производственные) черты империализма...*

{ а: Концентрация и монополии. 1

{ β: Вывоз капитала (главное). 2

{ γ: Банковский капитал и его «нити». 3

{ δ: Раздел мира монополистами производства 4

{ ε: Idem — колонии. 5 } »³.

Данный пример показывает все значение подготовительных материалов для уяснения смысла ленинских положений и предостерегает в то же время от расширительного толкования и использования оценок, содержащихся в них.

Среди ленинских документов особой спецификой отличаются записи его устных выступлений. Они представлены в виде стенограмм и протоколов, газетных отчетов. Основная особенность этой группы в составе ленинских документов — отсутствие заверченного авторского текста. От многих выступлений В. И. Ленина сохранились планы, наброски, заметки, сделанные им в процессе подготовки к докладу, выступлению на собрании и даже в прениях. Данное обстоятельство помогает в прочтении неавторизированных текстов.

Необходимость критического подхода к стенографическим записям своих произведений была поставлена еще В. И. Лениным. Он писал об этом в 1919 г. в предисловии к брошюре «Успехи и трудности Советской власти» и в 1921 г. в послесловии к брошюре «К вопросу о новой экономической политике». В. И. Ленин указывал, что не надо «полагаться на стенографическую, ни на какую

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 91.

² Там же, с. 177—178.

³ Там же, с. 212—213.

нную запись» его речи, поскольку нет сколько-нибудь удовлетворительных записей. «Лучше хороший отчет о речи, чем плохая запись речи», — подчеркивал он. Обстоятельства, которые обусловили невысокое качество записей, были следующие: во-первых, небольшое число и недостаточная квалификация стенографов, работавших в то время в советском и партийном аппарате; во-вторых, влияние личности В. И. Ленина и особенностей его речевого стиля. Волнение аудитории в момент ленинских выступлений передавалось стенографистке и сказывалось на скорости записи. Это отмечала в своих воспоминаниях В. П. Остроумова, которой приходилось неоднократно стенографировать выступления В. И. Ленина. Она подчеркивала такой факт: «Чем живее речь, чем жизненнее, оригинальнее построение фразы, чем больше оратор сливается с аудиторией, чем захватывающе он говорит, тем труднее стенографировать». Эти черты как известно по многим воспоминаниям, сохранившимся фоно- и кинодокументам, были в высшей степени присущи докладам и речам В. И. Ленина.

Указанные моменты обуславливают определенные требования к изучению и использованию текстов записей ленинских выступлений. Необходимо привлекать все варианты записей, включая газетные отчеты. Последние, по мнению В. И. Ленина, нередко более точно передавали основной смысл речи. Это помогает в восстановлении пробелов, пропусков, в самом прочтении текста. Наибольшей достоверностью в этой группе документов обладает большинство записей (протокольных и стенографических) ленинских выступлений на съездах партии, поскольку, как правило, они выверялись автором. Требуется всесторонне использовать сохранившиеся авторские планы, наброски выступлений. Наконец, следует сопоставлять записи с текстами его книг, брошюр и статей, посвященных тем же проблемам. Им должно быть отдано преимущество при дословном цитировании. Это обстоятельство подчеркивалось и В. И. Лениным: «...ответственности за записанные мои речи я на себя текстуально не беру и прошу их не перепечатывать... Для перепечатки же... достаточно брошюр и статей, за текст которых я безусловно и целиком ответственен»¹.

Рассмотренные черты стенографических записей устных выступлений В. И. Ленина в известной мере относятся и к стенографическим записям, выполненным под его диктовку. Они противоречили многолетней привычке к собственноручному письму, никак не отвечали ни существу, ни форме его работы над текстами своих произведений. Это подтверждают записи, сделанные стенографисткой М. А. Володичевой в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина»², и факты из истории создания работ «Очередные задачи Советской власти» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Выполненные сначала в виде стенографических диктовок, они не удовлетворили В. И. Ленина, и он заново сам написал их тексты.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 170; см. также т. 38, с. 73; т. 44, с. 248.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 479, 482.

Наряду с указанными проблемами изучения и использования ленинских трудов, обусловленными особенностями и характерными чертами тех групп произведений и материалов, которые составляют фонд документов В. И. Ленина, необходимо отметить ряд общих принципов работы с ленинскими произведениями. Они вытекают прежде всего из оценки ленинского литературного наследия как методологической основы истории и источниковедения истории СССР. Это обстоятельство диктует внимательное и всестороннее изучение всего многообразия трудов В. И. Ленина, независимо от той конкретной проблемы, которой занимается исследователь. Особо в этой связи стоит задача изучения творческой лаборатории В. И. Ленина, его методов подготовки своих крупных монографических работ, публицистических произведений, а также докладов, рефератов, речей. В процессе этого изучения важно выявить наиболее общие, принципиальные моменты работы В. И. Ленина по выявлению, отбору, систематизации источников, методике оценки их полноты, достоверности, представительности и научной значимости, установить ленинские приемы выявления как прямой, так и скрытой, косвенной информации из источников. В указанных аспектах особенное значение приобретает исследование таких трудов В. И. Ленина, которые сохранились вместе с подготовительными материалами к ним.

Изучение истории создания и особенно анализ источниковедческой базы работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» показывают определяющее воздействие его методологии на весь процесс методики и техники исследования источников. Эти факты ярко выступают при сравнительном анализе данного труда с работой народнического экономиста В. Воронцова «Судьбы капитализма в России». У В. И. Ленина мы видим последовательно осуществленный отбор наиболее объективных и массовых данных, отражающих основные процессы социально-экономического развития России в пореформенную эпоху. При этом предпочтение отдается анализу первичного материала. У Воронцова, напротив, на первый план выступают источники, содержащие готовые оценки происходящих явлений: речи, мнения, отзывы, доклады и т. д. Заметно даже различие в самом объеме использованных источников. Ленинская работа была создана не только на более представительном, но и более значительном по своему масштабу материале. Существенно отличается и сама методика обработки и использования источников. Даже обращаясь к таким массовым источникам, как, например, «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», Воронцов прибегает к иллюстративному методу использования отдельных фактов и весьма ограниченного числа примеров, содержащихся в них. Критически проанализировав тот же источник, В. И. Ленин проводит комплексную и систематизированную обработку его сведений. Это нашло, в частности, отражение в построении по материалам «Трудов» таблицы о 37 промыслах в Московской губернии. Методы всестороннего критического анализа источников в сочетании с последующей обработкой содержащихся в них данных нашли широкое применение в этой работе В. И. Лени-

на по отношению к громадному комплексу материалов земской и фабрично-заводской статистики. Вся многообразная исследовательская работа В. И. Ленина была подчинена основному принципу марксистского научного познания: «...не конструировать действительность под теоретические положения — для этого нужны только примеры, а проверять теоретические положения многообразием действительности — только в таком случае требуется всесторонняя информация»¹.

Этот же подход как основной метод научного исследования проявился и в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», когда встала задача разобраться в сущности происходящих экономических процессов. Для этого, по мнению В. И. Ленина, требовалось «взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных об *основах* хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и *всего* мира»².

Сложность этой задачи была обусловлена отсутствием возможности исследовать те источники, которые непосредственно отражали процесс создания промышленных и банковских монополий, формирование и рост могущества финансовой олигархии в границах отдельных стран и во всем мире. Эти сведения бесспорно наиболее полно, детально запечатлены в делопроизводственной документации трестов, концернов, банков, в тайных монополистических соглашениях, в том числе и международного характера, которые еще и сегодня скрыты от исследователей в большинстве капиталистических стран. В этой связи значимость решенной В. И. Лениным задачи представляется особенно грандиозной. Ленинский анализ экономической сущности империализма — это результат величайшей научной интуиции и плод титанического труда по изучению огромнейшего комплекса самых разнообразных материалов. «Тетради по империализму», в которых заключены выписки из 148 книг и 232 статей, в известной мере отражают этот процесс. В. И. Лениным были привлечены в качестве источников своей работы статистические публикации, географические атласы, монографии и докторские диссертации буржуазных исследователей, труды политических деятелей, в том числе II Интернационала, свидетельства банковских и трестовских воротил, статьи, заметки, рецензии в научно-отраслевой и общеполитической периодике. В этом безбрежном, казалось, море информации приходилось с величайшим трудом разыскивать «рациональные зерна», т. е. достоверные и представительные факты, позволявшие характеризовать основные экономические черты последней стадии капитализма³. Данный опыт работы В. И. Ленина

¹ Литвак Б. Г. Ленинские приемы источниковедческого анализа и методика исследования массовой документации. — История СССР, 1970, № 2, с. 69.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 304.

³ Подробнее об этом см.: Леонтьев Л. А. О ленинских «Тетрадах по империализму» (характеристика творческой лаборатории В. И. Ленина). М., 1962; его же. Ленинская теория империализма. М., 1969.

имеет огромное методологическое значение, поскольку вооружает исследователей приемами критики и использования источников, содержащих не первичную, а обработанную, обобщенную информацию. В этом смысле значение ленинских «Тетрадей по империализму» выходит за пределы изучения и использования их как методологической основы при исследовании проблемы монополистического капитализма.

Представляется необходимым тщательный анализ ленинской методики привлечения и обработки данных источников при подготовке им публицистических статей, рефератов, докладов, речей. Важно отметить, во-первых, строгое определение В. И. Лениным аспектов и пределов изучения проблемы на данном ограниченном круге источников; во-вторых, активное воздействие В. И. Ленина, особенно в годы Советской власти, на процесс формирования источников, которые дали бы полную информацию о происходящих явлениях. Показателен пример с рассылкой по инициативе В. И. Ленина всем местным Советам и земельным комитетам листка по вопросу об их отношении к заключению Брестского мира.

Сложные задачи выдвигает перед исследователями методика использования ленинских работ как конкретно-методологической основы отдельных исторических и источниковедческих проблем. Самый главный недостаток и опасность заключается в потребительском отношении к ленинскому наследию, в иллюстративном и догматическом методах их использования.

Такому подходу должен быть противопоставлен метод подлинно диалектического, творческого изучения и использования ленинского наследия. Условиями его применения должны быть:

- 1) выявление и тщательное изучение всего круга ленинских произведений и материалов, отражающих данную проблему;
- 2) особое внимание к исследованию конкретных обстоятельств появления и направленности ленинских работ и документов.

Метод сплошного и всестороннего анализа ленинских текстов получил в последние десятилетия значительное распространение при изучении многих проблем отечественной истории (формирование всероссийского рынка, революционное народничество, роль иностранного капитала, военно-феодальный империализм) и сыграл важную роль в преодолении ошибочных концепций и утверждений. Исследование всего круга ленинских произведений по конкретной теме требует обращения как к законченным, так и к подготовительным материалам, учитывая специфику этих групп. Следует обратить внимание на существующий иногда формальный подход к изучению ленинских трудов: при рассмотрении проблем дооктябрьского и советского периодов отечественной истории соответственно ограничивают и комплекс произведений В. И. Ленина. Это глубоко неверно. Практика советской историографии показывает, как важно, например, в исследовании истории разработки ленинского плана индустриализации обратиться к ленинским работам дореволюционного периода. Точно так же для понимания ленинских характеристик аграрного и промышленного строя России огромное значение имеет

ряд его трудов, созданных после Октября, особенно в период разработки второй Программы партии и новой экономической политики. Необходимо сознавать границы применения метода сплошного анализа ленинских текстов. Всестороннее изучение трудов В. И. Ленина важно и существенно для правильного понимания его оценок тех или иных процессов и явлений, для выработки точной методологии исследования данных исторических фактов. Однако это изучение не может подменять и заменять исследования самой проблемы. Подлинное овладение ленинской методологией предполагает на основе всестороннего и глубокого изучения его произведений идти вперед, осуществляя разработку проблем на новых источниках, совершенствуя методику их анализа и обработки.

Такая практика изучения и использования ленинских текстов отвечает в полной мере методу В. И. Ленина, применявшемуся им в исследовании произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Напомним опыт создания ленинской работы «Государство и революция», теоретически обобщившей достижения революционной борьбы пролетариата, особенно российского пролетариата, в начале XX в. Развитию учения марксизма о государстве предшествовало тщательное и всестороннее изучение В. И. Лениным высказываний Маркса и Энгельса о государстве, в первую очередь о диктатуре пролетариата.

Сплошной анализ совокупности ленинских текстов не означает бессистемного, простого фиксирования всех высказываний В. И. Ленина по данной проблеме, а требует их конкретно-исторического анализа.

В процессе точного интерпретирования ленинских положений особое значение имеют тщательность изучения обстоятельств создания, адресатов его работ и выявление тех целей, задач, которые ставились В. И. Лениным при их написании. Это тем более важно, что ленинские труды не могут рассматриваться как обычные исторические сочинения. Обращение Ленина к истории (в том числе и к современной ему истории) было подчинено практическим задачам, стоящим перед партией. Исторический анализ событий в его произведениях служил потребностям разработки стратегии и тактики партии. В то же время В. И. Ленин придавал громадное значение истории, что обусловило пронизанность историей его крупных теоретических сочинений, публицистических статей, докладов и речей. Все указанное определяет масштабы и характер обращения советских историков к ленинскому наследию.

Часть первая

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XVIII В.

В первой части учебника рассматриваются письменные источники по истории СССР с древнейших времен до XVIII в. Выделение отдельных видов и комплексов источников позволяет проследить их эволюцию, изменение формы, содержания, отметить наиболее существенные особенности, показать отдельные стороны критического анализа источников. Задача охватить все источники не ставится. При общей характеристике источника как вида конкретно выделяются только наиболее важные, типичные, дающие возможность рассмотреть различные вопросы, относящиеся к критике источника. Это относится прежде всего к главам «Летописи», «Законодательные памятники», «Актовые материалы», «Литературные и публицистические памятники». Главы «Материалы делопроизводства государственных учреждений» и «Писцовое делопроизводство» хронологически посвящены тому периоду, когда сложились государственные и другие учреждения, в архивах которых отложились делопроизводственные документы, т. е. с рубежа XIV—XV вв. до конца XVII в. Обзорный характер носят главы «Источники по истории народов СССР древнейшего периода» и «Источники по истории народов СССР (X—XVII вв.)».

Глава 3

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА

§ 1. Древнейшие источники

Древнейшие письменные источники представляют собой, с одной стороны, эпиграфические памятники, а с другой — труды греческих, римских, западноевропейских, восточных авторов.

Наиболее ранние эпиграфические источники, имеющие отношение к народам на территории СССР, — ассирийские клинописные записи, восходящие к XIII в. до н. э. В них описываются походы ассирийцев против соседних стран, упоминаются народы, населявшие территорию будущего государства Урарту. Сохранилось также несколько сот надписей на ассирийском и халдском языках на территории Урарту. Ранние из них относятся к IX в. до н. э.

В каменных глыбах остатков стены у подножья Ванской скалы в городе Тушпа (Ван) ассирийская клинописная запись рассказывает о ее строительстве урартским правителем Сардури. Запись сына Сардури — царя Урарту Ишпуини о строительстве крепости сделана была уже на урартском языке. Наибольшее число клинописных записей сохранилось от времени царей Менуа и его сына Аргишти (IX—VIII вв. до н. э.) с сообщениями о строительных работах, которые велись в столице Тушпе и ее окрестностях, а также о войнах, добыче, захвате пленников и обращении их в рабов. Некоторые надписи были настолько большими, что их называют летописями. Так, «Хорхорская летопись» Аргишти I, высеченная на скале Хорхор, содержит более 400 строк текста.

Для истории Скифии и греческих колоний Причерноморья некоторый интерес представляют греческие надписи, найденные на территории Причерноморья и в Греции. В них имеются сведения о взаимоотношениях греческих метрополий с городами-эмпориями, разбросанными по побережью Черного моря, а также со Скифией. Древнейший эпиграфический материал (V—IV вв. до н. э.) представляет текст присяги, которую юноши Херсонеса принимали по достижении совершеннолетия. Значительный интерес вызывают эпиграфические источники по истории Боспорского царства, сохранившиеся в виде надгробных, строительных надписей, посвящений и т. д. Так называемый «Декрет о Диофанте», принятый херсонесским «советом и народом» в честь полководца Диофанта, повествует не только о военных действиях против скифов, тавров, строительстве городов, но и о восстании скифских рабов во главе с Савмаком. Греческие надписи дают возможность установить характер рабовладельческого хозяйства, положение рабов, частную жизнь граждан.

Для изучения истории Средней Азии важен текст надписи на Бехистунской скале (на территории современного Ирана), сделанной при персидском царе Дарии I (522—486 гг. до н. э.), где говорится о подчинении ему Парфии, Арии, Хорезма, Бактрии, Согдианы. Исключительное значение имеют открытые при раскопках древней столицы Парфянского царства — Нисы (около Ашхабада) — документы, написанные на глиняных черепках и свидетельствующие об экономике и административном устройстве Парфии.

Памятники письменности, представленные эпиграфическими материалами, несомненно имеют важное значение для воссоздания исторического прошлого. Однако по насыщенности материала они уступают трудам, принадлежащим перу греческих, римских, византийских, западноевропейских, восточных авторов.

Одним из древнейших исторических трудов со сведениями по истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии является «История» Геродота (род. между 490—480 — ум. между 430—424 гг. до н. э.), которая не была им завершена. Этот труд впоследствии был разделен александрийскими учеными на 9 книг по числу муз, покровительниц искусств и наук, именами которых и были названы книги. Первые четыре книги «Истории» дают исто-

рический и географический обзор стран, входивших в Персидское государство или соседствовавших с ним. В сочинении имеется материал и по истории народов Причерноморья, Закавказья, отчасти Средней Азии. Так, Геродот приводит сведения о скифах и соседних с ними народах, указывает на территорию, занятую ими, говорит об их хозяйственном положении.

Вопрос о достоверности исторических известий, приводимых Геродотом, является одним из сложных. Помимо личных наблюдений, полученных во время путешествий, Геродот использовал письменные источники по географии и этнографии, а также устные рассказы. Этим объясняются пестрота приводимого им материала и характер изложения. Хотя основной темой «Истории» являлось описание греко-персидских войн, Геродот сделал в книгах сообщения вводного и побочного характера, которые различаются по тематике и стилю изложения. Личные наблюдения, деловые справки перемежаются с известиями легендарного характера. Исследование «Истории» Геродота свидетельствует, что, несмотря на определенную политическую тенденциозность, неточности, ошибки, приводимый географический и этнографический материал может быть использован при изучении истории народов Причерноморья, Кавказа, Средней Азии.

Важным историческим источником является состоявший из 7 книг труд древнегреческого историка и писателя Арриана (ок. 95 г. — 2-я пол. II в. н. э.) «Анабасис Александра». Ценность источника определяется тем, что в нем широко использованы труды предшественников и современников Арриана, в том числе и труд полководца Александра Македонского Птолемея, включены письма Александра Македонского и придворный дневник. Арриан упоминает кавказское племя албанов, рассказывает о посольствах скифов к Александру и о македонском посольстве в Скифию, о восстании в Согдиане под руководством Спитамена против завоевателей греков. В другом труде — «Объезд Евксинского Понта», представляющем отчет Арриана, наместника римской провинции Каппадокии, об инспектировании укреплений и гарнизонов, много географических, этнографических и военно-политических сведений об исторической области Западной Грузии — Колхиде, входившей тогда в состав Каппадокии.

Громадный материал по истории причерноморских, прикаспийских и среднеазиатских территорий СССР дает труд древнегреческого географа и историка Страбона (ок. 63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) «География». Это сочинение в 17 книгах можно рассматривать как первую попытку создать историко-географическое описание территорий, с которыми сталкивался античный мир. «География» дает сведения, имеющие большое значение для изучения истории народов, населявших побережье Черного, Азовского и Каспийского морей, Грузию, Азербайджан, Армению, Среднюю Азию. Описание отдельных земель отличается обстоятельностью и точностью, что подтверждается другими источниками. Так, много внимания уделяя путям сообщения и торговли, Страбон, в част-

ности, отметил четыре пути в Иберию: со стороны Колхиды, с севера через Дарьяльское ущелье у р. Арагвы, горным проходом и низовьями Алазани из Албании и ущельем у р. Куры из Армении. По описанию Страбона столица Иберии представляется крупным торговым центром, где скрещивались пути из Причерноморья к Каспию и из Северного Кавказа на юг в Армению.

Ценны сведения «Географии», касающиеся политической истории, раскрывающие взаимоотношения между греческими городами и скифами, рассказывающие о походе киммерийцев на Каппадокию, и другие материалы.

Достоверность географического, исторического, этнографического материала «Географии» в значительной степени определяется тем, что Страбон пытался создать руководство для практической деятельности римских государственных и военных деятелей, администраторов, торговцев.

Римский писатель, географ, историк Плиний Старший (23 или 24—79 гг.) в труде «Естественная история» приводит некоторые сведения об экономической, политической жизни, быте народов Восточной Европы и Кавказа, упоминая, в частности, царей Колхиды, разделение Армении на 120 префектур-стратегий. Под именем венедов к востоку от Вислы и к северу от Дуная он упоминает племена восточных славян. Некритическое использование известных Плинию источников привело к тому, что его сочинение изобилует многими неточностями.

В «Географии» Птолемея Клавдия (первая половина II в. н. э.) много материалов по территории так называемой Сарматии, которую он делит на две части: «европейскую» между Вислой и Доном и «азиатскую» между Доном и Волгой. В перечне племен, населявших Сарматию, много заимствований из «Истории» Геродота. Особый интерес представляют те материалы Птолемея, которые касаются географической локализации отдельных племен Причерноморья, Кавказа, Средней Азии.

Сведения о Восточной Европе и Кавказе имеются в «Анналах» («Летописях») Корнелия Тацита (ок. 55—120 гг.). Рассматривая римскую историю от смерти Августа до смерти Нерона, Тацит рассказывает о борьбе Рима с Парфией за обладание Арменией в 63—66 гг., о вторжении роксоланов в римскую провинцию Мезию (ок. 70 г.), а также о сарматах и венедах.

О Боспорском царстве и Кавказе имеются известия в труде древнегреческого и римского историка Диона Кассия (род. между 155 и 164 гг. — ум. после 229 г.) «Римская история».

Территории, прилегающие к Черному морю, были предметом рассмотрения римского историка Аммиана Марцеллина (ок. 330 г.—ок. 400 г.). Его труд «Деяния» в 31 книге был задуман как продолжение «Анналов» Тацита. До нас дошли лишь фрагменты 18 книг.

В основе этого сочинения лежат не только известные Марцеллину письменные источники, но и личные наблюдения, свидетельства очевидцев, что обусловило значительную достоверность приводимых материалов. Исследователи отмечают значение изве-

жий Марцеллина о гуннах, в 70-х годах IV в. начавших передвижение на запад и представлявших большую угрозу для Восточной Римской империи.

Помимо названных существует ряд трудов греко-латинских авторов, в которых имеется некоторый материал по истории СССР. Однако в целом их сведения мелкие, отрывочные, часто случайного характера.

§ 2. Византийские, западноевропейские и восточные источники по истории СССР

Расширение круга письменных исторических источников по истории народов СССР отмечается примерно с VI в.

Византийская империя в VI в. входит в тесные контакты со славянами, активно заселяющими Балканский полуостров. В связи с этим в трудах византийских писателей появляются наиболее точные сведения о славянах, а также о народах Причерноморья, Кавказа, отчасти Средней Азии.

От VI в. сохранились исторические труды Прокопия Кесарийского (род. между 490 и 507 гг. — ум. после 562 г.), среди которых выделяется восьмитомная «История войны с готами». Значение источника определяется личными наблюдениями Прокопия, который был советником и секретарем византийского полководца Велизария и вместе с ним участвовал в походах против персов, вандалов, остготов. Кроме того, Прокопий пользовался различными письменными источниками, в том числе не дошедшими до нас ранними сочинениями об Армении. Прокопий одним из первых подметил то общее, что связывало «бесчисленные племена антов», живших к северу от Черного моря, со «склавинами». Он говорит, что «у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы... У тех и других один и тот же язык... И по внешнему виду они не отличаются друг от друга... и некогда даже имя у славян и антов было одно и то же». Примечательны наблюдения Прокопия об общественном строе славян: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считаются делом общим».

Труд Прокопия имеет материал о природных условиях, населении и поселениях, торговых путях Армении и Лазского царства в Западной Грузии.

На рубеже VI—VII вв. возникло важное для изучения ранней истории славян анонимное сочинение — «Стратегикон». Так как «Стратегикон» посвящен прежде всего военным вопросам, то в нем большое внимание уделено методам борьбы с наступающими на Византию народами, среди которых выделяются славяне. «Стратегикон» сообщает, что в ту пору многочисленные славянские племена были еще разрознены и враждовали между собой. В связи с этим даются рекомендации по привлечению части сла-

вян «на свою сторону речами и подарками», чтобы они не могли объединиться и «не стали бы под власть одного вождя».

К IX—X вв. относится ряд произведений византийских авторов, в которых имеются известия о Киевской Руси. Большинство их касается внешнеполитических событий, в частности походов русов на Византию. Наиболее ранние известия такого характера приводятся в беседах и посланиях константинопольского патриарха Фотия (IX в.) и в житиях византийских святых.

В сочинениях Фотия сохранилось описание похода Руси на Византию в 860 г., вскрываются его причины, которые он видит в расторжении греками договоров с Русью и в «бесчеловечных», «бешеных и озорных» действиях византийцев по отношению к русам. В окружном послании Фотия 867 г. рассказывается о крещении русов и об установлении русской епархии.

О начальной истории Киевской Руси свидетельствует произведение неизвестного автора IX в. «Житие Георгия Амастридского», повествующее о нападении русов (ок. 840—842 гг.) на южное Черноморское побережье и о крещении вождя русов.

Византийскому императору Константину Багрянородному (905—959 гг.) приписывается несколько сочинений, среди которых труд «Об управлении империей». В нем приводится огромный материал как о Византии, так и о соседних с ней странах. Первостепенное значение для историков имеют сведения о Киевском государстве, печенегах, болгарях, хазарах, о Грузии, Армении. Следует иметь в виду, что даже сравнительно небольшие известия Константина Багрянородного дают материалы для решения отдельных вопросов истории. Так, например, Константин Багрянородный рассказывает о построении хазарами на Дону крепости Саркел, в строительстве которой принимали участие византийские специалисты.

В другом сочинении Константина Багрянородного — «О церемониях византийского двора» отмечены поездка киевской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. для укрепления торговых и политических отношений и ее прием при византийском дворе.

Некоторые сведения по истории Армении имеются в третьем сочинении Константина Багрянородного — «О фемах», которое содержит описание отдельных частей Византийской империи.

Исследователи сочинений Константина Багрянородного отмечают сложности в использовании их материалов. Трудно определить, что написано самим Константином, а что сделано по его приказу; ряд названий, имеющих в сочинениях, не поддается расшифровке и не может быть объяснен; отдельные известия, восходящие к трудам предшественников, воспринимались некритично, а иногда искажались.

Перу византийского хрониста Льва Диакона принадлежит написанная около 990 г. «История в десяти книгах», охватывающая 959—976 гг. Первая часть труда — пересказ не дошедшего до нас сочинения современника («Истории Фок»), вторая составлена на основе личных наблюдений и свидетельств очевидцев.

Для историка важны материалы Льва Диакона, относящиеся ко времени правления киевского князя Святослава. Краткость, неясность и противоречивость других письменных источников, касающихся похода Святослава в Болгарию, его войны с Византией, заключения мира, делают сообщения Льва Диакона особенно значимыми, тем более что в отдельных случаях ощущается сходство повествования между «Историей» и Повестью временных лет. Так, подробно описывая битву под Доростолом на Дунае, Лев Диакон приводит слова Святослава на военном совещании в осажденном городе: «У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славой». (В Повести временных лет: «Не посраим земли русской, поляжем костями, мертвые срама не имут».)

Как непосредственный свидетель войн Византии с Русью Лев Диакон рассказывает о заключении мира и о встрече византийского императора Цимисхия и Святослава на берегу Дуная.

Определенный интерес как источник представляет так называемая «Записка греческого топарха» — путевые заметки чиновника, путешествовавшего с отрядом воинов в конце X в. вдоль Днепра, рассказывающие об опасности переправы через Днепр, трудностях зимнего путешествия в Крым, о сношениях Византии с Русью в период походов Святослава в Болгарию.

Из западноевропейских источников по истории Восточной Европы раннего периода важнейшим является сочинение готского историка VI в. Иордана «О происхождении и деяниях гетов». В основе этого труда лежит «Хроника», составленная в V — начале VI в. придворным историком готских королей Кассиодором. Иордан, видимо, не следовал «Хронике» буквально, так как признается, что имел возможность пользоваться ею только три дня. Иордан ставил перед собой задачу показать историю готов от их переселения из Скандинавии до войны остготов с Византией, практически доведя изложение материалов до 551 г.

В сочинении Иордана имеются историко-географические описания, которые делятся на три части: краткие и недостаточно достоверные сведения о древней эпохе, более подробные географические описания IV—V вв. и современные автору сведения (VI в.). Кроме того, приводится описание племен и народов, подвластных или соседствовавших с готами в период наибольшего возвышения готского племенного союза в IV в. при Гермонарихе. О славянах (склавиных) сообщается, что они занимали земли от Дуная до Карпат и Бескидов, за которыми начинались земли венедов, тянувшихся на восток до Днестра, далее жили анты, т. е. практически Иордан выделяет три основные славянские группы.

Следует отметить, что отдельные географические названия в сочинении Иордана устанавливаются с большим трудом, так как передача их на латинском языке приводила к большим искажениям, а многие сведения просто недостоверны. В связи с этим важно сопоставление материалов сочинения Иордана с писавшим одновременно с ним византийцем Прокопием Кесарийским.

Титмар Мерзебургский (976—1018 гг.) написал сочинение под названием «8 книг хроник». Особый интерес представляют «Хроники» конца X — начала XI в., где автор выступает как современник и очевидец происходивших событий. Хотя центральным событием этого времени была борьба немецких феодалов с Польшей, большое место в «Хронике» занимают поход польского короля Болеслава Храброго в Киевскую Русь, крещение Руси, описание Киева, который представлялся немецким наемникам, входившим в состав войск Болеслава, большим городом с многочисленным населением, множеством церквей и рынков. Так как Титмар Мерзебургский единственный из западных историков, зафиксировавший эти события, то его «Хроника» — важный источник для изучения истории Киевской Руси времени Владимира Святославича, хотя оценки им отдельных событий тенденциозны.

О времени Владимира Святославича сохранились известия в письме архиепископа Бруно германскому императору Генриху II в 1008 г. Бруно совершил поездку через Киев в печенежские степи, причем до границы, лежавшей в двух днях пути от Киева и представлявшей собой укрепления из валов и засек, его сопровождал сам Владимир.

Некоторые сведения о славянских странах, прилегающих к Балтийскому морю, имеются в сочинениях северогерманского хрониста XI в. Адама Бременского, написавшего «Деяние гамбургских епископов». Интерес представляют и так называемые «Бертинские анналы» IX в., где под 839 г. помещено сообщение о народе рос, послы которого прибыли к византийскому императору Феофилу. Это свидетельство может рассматриваться как одно из самых ранних упоминаний о Руси в Западной Европе, наряду с сообщением епископа кремонского Лиутпрандта, который в отчете о посольствах в Византию (в 949 и 968 гг.) также говорит о русах.

Значительную группу источников по истории народов СССР древнего периода, особенно Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Поволжья, представляют сочинения восточных авторов, различающиеся как по объему так и по достоверности сообщаемого материала. Большинство их — компиляции из сведений, полученных, как правило, через многие руки, сильно измененных и осмысленных. Специфика восточных рукописей, особенно языковая, затрудняет расшифровку собственных имен, географических названий, некоторых терминов.

Среди этих источников выделяются своей значимостью географические сочинения, которые явились результатом большого внимания к вопросам географии и истории среди арабских ученых.

Труд географа, иранца по происхождению, Ибн-Хордадбеха (ок. 820 — ок. 912/913 гг.) «Книга путей и государств» написан около 846 г. Ибн-Хордадбех был начальником почты в одной из провинций на северо-западе Ирана. В его обязанности входило наблюдение за деятельностью правителя области, составление карт маршрутов на случай войны. «Книга путей и государств» —

первое географическое сочинение на арабском языке, дошедшее до нас. В ней дается историко-географическое описание как самого Халифата, так и сопредельных стран, приводятся названия провинций, городов, расписаны дорожные маршруты с указанием расстояний и почтовых станций, даются сведения о налоговых поступлениях из областей и округов, о торговле. Особенностью этих в общем кратких материалов является их официальное происхождение. Большое значение имеют те разделы «Книги», которые касаются Кавказа и Средней Азии. В сочинении имеются краткие упоминания о славянах и русах («Русы суть племя из славян»).

Около 891 г. было составлено географическое сочинение ал-Якуби «Книга стран», из которого сохранились частично описания Ирака, Ирана, Афганистана и Средней Азии. В «Книге» даются сведения о городах, их жителях, указываются расстояния между городами, приводятся некоторые исторические факты.

Важное значение источника по истории народов Поволжья и славян имеет сочинение Ибн-Фадлана, который в 920—921 гг. как посол халифа Мухтадира из Багдада через Среднюю Азию и башкирские земли совершил путешествие в Волжско-Камскую Болгарию. Ибн-Фадлан сделал записи о туркменах и их занятии кочевым скотоводством, о башкирах, казахах, подробно рассказал о своем пребывании в столице Болгарии. Ему принадлежит одно из самых интересных описаний русов, с которыми он встретился на Волге, их внешнего вида, одежды, оружия, украшений женщин, верований, торговых обычаев и т. д.

Некоторые известия по истории СССР имеются в сочинениях арабского географа, историка и путешественника ал-Масуди (конец IX в. — 956 или 957 гг.). Его путешествия в Иран, Индию, на Цейлон, в Северную Африку, Азербайджан, Армению, Среднюю Азию привели к созданию 7 историко-географических трудов, из которых наиболее обширные — «Известия времени» и «Средняя книга» — не сохранились. Материалы этих книг в переработанном виде дошли до нас в сочинении «Промывальни золота и рудники самоцветов», а также в кратком изложении всех трудов ал-Масуди — в «Книге предупреждения и пересмотра».

«Промывальни золота» — историко-географическая энциклопедия, в которой даются описания стран, расселение народов, сведения об их общественном строе, нравах и быте. Предполагают, что ал-Масуди посетил Поволжье и славянские земли, что дало ему возможность описать некоторые из них. В сочинении есть описание похода 913—914 гг. русов в Азербайджан по Каспийскому морю, где они появились на 500 судах по 100 человек в каждом, приводятся сведения об аланском племенном союзе, о башкирах и их кочевьях, о волжско-камских болгарях, о туркменах и их занятиях. Исторические экскурсии ал-Масуди интересны с точки зрения их сопоставления с данными других источников. Он, в частности, рассказывает о восточнославянском политическом объединении, существовавшем в Прикарпатье, о дулебах и т. д.

К историко-географическим сочинениям относится написанный в X в. труд арабского географа Ибн-Русте (Ибн-Дасте) «Книга драгоценных ожерелий», в котором есть описания Черного и Каспийского морей, Армении, Азербайджана, некоторых районов Средней Азии. Ибн-Русте рассказывает о хозарах, буртасах, славянах, о Волжско-Камской Болгарии. В последней он был сам, и тем значительнее его наблюдения о распространении ислама у болгар, их занятиях земледелием, о торговле с Русью и другими соседями. Многочисленные противоречия в описаниях Ибн-Русте требуют критического использования его сообщений.

§ 3. Источники по истории Закавказья и Средней Азии

Для истории Кавказа и прилегающих территорий большое значение имеют исторические труды армянских и грузинских историков, древнейшие из которых восходят к V в. н. э.

Ранние произведения армянских авторов представлены церковно-богословскими сочинениями. Однако в них можно найти ряд сведений по истории Армении. Так, в сочинении Корюна (V в.) «Житие Маштоца» содержится материал об армянском просветителе Месропе Маштоце, с именем которого связывается возникновение армянского алфавита. Корюн приводит сведения о борьбе церкви с ересями и язычеством.

«История Армении» Фавстоса Бузанда (V в.) сохранилась в четырех последних частях (из шести написанных), где излагаются события от царствования Хосрова Котакса до раздела страны в 384 г. «Историю Армении» можно считать первой попыткой дать сравнительно целостную историю страны, основанную на агиографической литературе. Наиболее ценные известия связаны с материалами эпоса и народной поэзии.

Во второй половине V в. появилось несколько трудов, имеющих значение как для установления отдельных исторических фактов, так и для понимания историографических проблем. Среди них — «История Вардана и войны армянской» Егише и «История Армении» Лазара Парбеци. Авторы этих трудов — современники важных событий, в том числе восстаний армянского народа против иранского владычества. Егише рассказывает о восстании 450—451 гг. под руководством Вардана Мамиконяна, о его предпосылках и ходе, приводит ряд известий о других государствах Закавказья. Парбеци кроме событий 450—451 гг. описывает восстание 481—484 гг. Так же как и Егише, его волнует судьба Армении, Грузии, Албании Кавказской. По сути дела «История» Парбеци может рассматриваться как продолжение труда Фавстоса Бузанда в той части, которая посвящена событиям от раздела Армении до 440 г.

Наиболее крупный исторический труд «История армян» принадлежит Мовсесу Хоренаци (Моисей Хоренский). Он как бы подводит итог предшествующему изучению Армении. По поводу «Ис-

тории армян» в исторической литературе высказывались мнения о более позднем ее происхождении (в VII или даже в IX в.). Основания для того искали в тех частях труда, которые явно позднего происхождения. Источниковедческий анализ свидетельствует, что «История армян», как и многие другие сочинения, не избежала интерполяции, что требует серьезного текстологического изучения. В то же время изучение биографических данных о Мовсесе Хоренаци, точность в сведениях о событиях конца IV — середины V в. и ряд других наблюдений позволили отнести сочинения Хоренаци к V в.

Труд возник в условиях возрождения определенной политической самостоятельности Армении во второй половине V в., когда задача создания истории армянского народа была очень острой. Первая книга — «Родословие Великой Армении» отличается легендарным характером приводимых сведений. Вторая книга «Средняя история наших предков» повествует о времени от Александра Македонского до признания христианства официальной религией в Армении (начало IV в.). В значительной степени и в этой части приводимые сведения носят легендарный характер. Третья часть представляет «конец истории нашего отечества». Эта часть доведена до 440 г., где дается эпилог «Плач» в связи с прекращением династии Аршакуни.

В основу сочинения Мовсеса Хоренаци был положен широкий круг источников. Помимо сказаний, мифов, эпических песен он использовал сочинения своих предшественников, армянских авторов, а также труды греческих и сирийских писателей.

Важным источником по истории Армении, а также Византии, Ирана, Месопотамии является «История» Себеоса, которая посвящена в основном периоду царствования византийского императора Ираклия (610—641 гг.). В «Истории» рассказывается о войнах между Византией и Ираном, а также об арабских завоеваниях в Армении. Ряд историков предполагают, что начальные части «Истории» Себеоса, известные под названием «Начальная история Анонима», со сведениями по древнейшему (легендарному) периоду Армении и истории I—V вв. не принадлежат Себеосу.

История арабских завоеваний на Кавказе нашла отражение в труде армянского историка VIII в. Гевонда «История халифов». Она охватывает период с 640 по 788 г. При этом события последнего периода даются как свидетельства очевидца. Обращают на себя внимание широта, разнообразие и подробность описания. Очень важны сведения о народных восстаниях 703, 748, 762, 774—775 гг. против ига Арабского халифата. Гевонд свидетельствует не только о выступлениях против иноземных завоевателей, но и о накале антифеодального движения, которое при этом проявлялось среди народа. Он осуждает людей, выступающих против арабов и против местной феодальной знати, называя их «сынами преступления, не знающими страха божия, ни страха перед ишханами, ни почтения к старцам». Классовая, феодальная позиция автора явственно выступает в этих словах.

Как историко-географический источник важна «География» Аняния Ширакаци (VII в.), одно время приписываемая Мовсесу Хоренаци. Труд дает материалы о географических представлениях, имевшихся в Армении, и делит мир на семь областей (климатов) с их внутренним административным делением. Особенно подробно в «Географии» дается описание Армении. Страна делится на 15 областей, указываются их границы, области подразделяются на районы (гавары), подробно сообщается о природе, полезных ископаемых и т. д. Отличительной особенностью труда является стремление его автора опереться на наиболее достоверный материал.

Ранние грузинские исторические труды, как и армянские, носили религиозно-церковный характер и написаны в форме «житий» святых. Древнейшее из них — «Мученичество Шушаники» (70-е годы V в.), автор которого Яков Цуртавели (духовник Шушаники) рассказывает о страданиях знатной женщины, жены правителя Нижней Картлии, за приверженность к христианству. Яков Цуртавели рисует социальную структуру современного ему грузинского общества, дает представление о быте, нравах, культуре того времени.

В конце VI в. возникло анонимное произведение «Мученичество Евстафия Мцхетели», повествующее о злоключениях некоего персидского христианина Евстафия, бежавшего в Восточную Грузию и казненного по приказанию персидского наместника. Значительный интерес представляют те страницы «Мученичества», где автор приводит материалы о политической, социальной и бытовой жизни Грузии, особенно точно описывая положение ремесленников, в среде которых жил Евстафий.

Большой материал по социально-политической истории Восточной Грузии и сопредельных с ней стран в период арабского владычества имеется в «Мученичестве Або Тбилели», созданном в 786—790 гг. Иоанэ Сабанисдзе по поручению картлийского католикаса. Жизнь мусульманина Або, принявшего христианство и казненного за это, послужила сюжетом для создания идейно-политического сочинения, автор которого много внимания уделяет вопросу о месте Картли среди других стран, возбуждению ненависти к поработителям, подъему и укреплению самосознания народа. Эта особенность выделяет сочинение Иоанэ Сабанисдзе из числа других «Мученичеств», так как оно создало предпосылку для написания подобных произведений: «Жития Константина Кахи» (IX в.) и «Мученичества Горбона» (X в.).

Следует иметь в виду, что житийная литература, зародившись как форма церковно-религиозных сочинений, со временем все больше наполняется светским содержанием, хотя многие труды по-прежнему носят название «жития».

Древнейшим светским памятником письменности Грузии является «Летопись обращения Грузии (Картли)», составленная неизвестным автором в IX в. Летопись состоит из двух частей. В первой части события излагаются от легендарного похода Александра

Македонского, а затем дается список грузинских царей и католиков до IX в. Вторая часть посвящена распространению христианства в Восточной Грузии, которое связывается с именем Нины Каппадокийской, «просветительницы» Грузии. Светский памятник сохранил в себе элементы житийной литературы, хотя в этих «житиях» наряду с явно недостоверным, легендарным материалом имеется много интересных фактов по истории Восточной Грузии. Переплетение реальных и вымышленных событий заставляет исследователей осторожно относиться к материалам «Летописи». Автор несомненно использовал исторические труды по истории Кавказа, которые принадлежат грузинским, армянским, сирийским, персидским, греческим писателям.

Материалы со сведениями по политической и церковной истории Закавказья, в особенности Азербайджана (Албании Кавказской), имеются в «Истории агван», написанной на армянском языке в X в. Вопрос об авторстве этого сочинения представляет особый интерес, так как долгое время им считался Мовсес (Моисей) Каганкатвази, а время составления труда относили к VII в. Новейшие исследования позволили установить, что автором ее являлся Мовсес Дасхуранци. Возможно, что Дасхуранци был компилятором, использовавшим многочисленные труды своих предшественников. «История агван» состоит из трех частей. Первая основана на сочинениях Егише, Мовсеса Хоренаци, «житиях», легендах, а вторая и третья части используют ряд документов VI—VII вв.

По древней истории Средней Азии сохранилось сравнительно мало местных письменных источников, что в значительной степени объясняется арабским завоеванием в VII—VIII вв. и фанатизмом мусульманского духовенства, уничтожавшего письменные памятники на местных языках. Поэтому особое значение имеет изучение сохранившихся документов, найденных во время раскопок в 30—40-х годах XX в. замка на горе Муг в верховьях Зеравшана. Остатки некогда большого архива представляют собой письма к согдийскому царю Диваштичу и от Диваштича к владельцу замка, а также деловые записи, отчеты на пергамене, бумаге и дереве в основном на согдийском языке.

Наиболее важные исторические факты сохранились в трудах ат-Табари и ан-Наршахи, написанных на арабском языке.

«История пророков и царей», составленная Табари (839—923 гг.) на основе многих исторических источников, не дошедших до нас, сохранилась в сокращенной редакции. Это сочинение было переведено (а точнее, изложено) и на таджикский язык (в 963 г.). Сохранившиеся списки этого произведения отличаются друг от друга, что ставит перед историками задачу их глубокого источниковедческого изучения.

«История Бухары» (или «История Наршахи») была составлена в 943—944 гг. (или в 948—949 гг.) среднеазиатским историком ан-Наршахи (899—959 гг.) с целью сообщить «о состоянии Бухары, ее достоинствах, прелестях, о всем, что есть в Бухаре и ее ок-

рестностях из удобств жизни и что вообще до нее относится». «История Бухары» в первоначальном виде до нас не дошла. Она дважды подвергалась сокращению: первый раз в 1128 г., когда была переведена на таджикский язык, и второй раз в 1178 г. Эта последняя редакция с дополнениями неизвестного автора и может являться предметом источниковедческого исследования. Даже в сокращенном варианте сочинение Наршахи дает исключительно важные сведения по истории и топографии Бухары, об ирригационной системе, поселениях вокруг города, об обычаях бухарских правителей, дворцах, ткацких мастерских и т. д. Кроме того, определенную ценность имеют материалы, связанные с историей завоевания Средней Азии арабами, о восстаниях Аброя в Бухаре в VI в. и Муканны в 70—80-х годах VIII в., о распространении ислама.

Глава 4

ЛЕТОПИСИ

Летописи — корпус важнейших источников по истории Древней Руси, объединяемых спецификой изложения материала в виде погодных записей событий. На протяжении нескольких столетий только летописи доносят до нас сведения об историческом процессе в его непрерывности и многообразии.

Летописью обычно называют реально сохранившийся летописный памятник, представленный одним или несколькими списками. Наименования существующих летописей случайны и условны. Лаврентьевская летопись ведет название от имени писца, списавшего уцелевший список летописи в 1377 г. Ипатьевская летопись называется по имени монастыря, где она была найдена. Некоторые историки предлагали переименовать все сохранившиеся летописи, связав их названия с историей летописания. Однако это означало бы, что уточнение происхождения летописей было бы невозможно. В равной мере это затруднило бы наименование вновь открываемых летописей и создавало бы неурядицу, что подтверждает практика. Так, А. А. Шахматов назвал свод 90-х годов XI в. Начальным сводом, а потом обнаружил, что есть еще Древнейший свод 30-х годов XI в. В условных названиях летописей встречаются и цифровые обозначения: Новгородская первая, вторая, третья и т. д. Цифры не определяют порядок происхождения.

Летописи — произведения со сложной структурой и во многих своих частях с неясной историей. Выработка принципов критики (анализа) летописей является одной из наиболее сложных и важных проблем исторического источниковедения.

Многочисленными исследованиями и прежде всего работами А. А. Шахматова установлено, что реально сохранившиеся летописи являются летописными сводами, соединившими в себе целый ряд предшествующих летописей. Работа сводчика летописей — компиляция, основное правило которой — цитирование старых

текстов при минимуме их переработки. В силу этого бывает, что древний памятник целиком сохраняется в рамках позднейшей летописи. Так, до нас дошла во многих летописных сводах Повесть временных лет, которая, в свою очередь, являлась сводом еще более древних летописей. Вместе с тем в летописных сводах древний памятник мог перерабатываться очень основательно. Так, в составе Рогожского летописца и летописи Авраамки Повесть временных лет сохранилась настолько приблизительно, что фактически исчезла. Летописный свод часто завершается какой-либо местной летописью. Например, Вологодско-Пермская летопись представляет собой большей частью Московский летописный свод конца XV в.

Летописи и летописные своды — памятники большого временного (обычно от «начала» Русской земли) и пространственного (общерусского или областного) охвата и соответственно внушительного объема. От них отличаются летописцы — произведения более локального характера, посвященные истории отдельного княжества, города, монастыря, княжеского рода. За время своего существования в различной социальной и культурной среде, в процессе переписывания и соединения с другими летописными и нелетописными памятниками летописный свод мог неоднократно подвергаться изменениям, переработке как механического, так и целенаправленного характера. В результате возникали изводы или редакции летописей и летописных сводов. Летописный текст, послуживший источником дошедшего до нас списка или группы списков, называют протографом.

§ 1. Летописцы и летописание

Для выработки методики анализа летописных текстов надо знать, как создавались летописи и какого рода информация в них сообщается; необходимо познакомиться с приемами работы летописцев. В науке долгое время господствовал взгляд на летописца как на бесстрастного и объективного наблюдателя, неторопливо и равнодушно фиксировавшего события. После работ А. А. Шахматова была доказана несостоятельность подобной точки зрения. Советские исследователи видят в составителе летописи писателя, отражающего классовые интересы, активного защитника взглядов той или иной феодальной группы или лица, собственной политической и исторической концепции. Правящие верхи феодального общества были заказчиками и заинтересованными читателями летописных сводов, активно вмешивались в процесс летописания, а порой являлись и непосредственными составителями летописей.

Политическая, классовая пристрастность, порой яркая публицистичность — важнейшие характеристики летописания.

Политические симпатии и антипатии летописца обуславливают характер летописи, интерпретацию и отбор фактов. Велика в этом отношении и роль его мировоззрения. Летописец — провиденциал-

лист. Отечественная и мировая история для него — продолжение «священной» библейской истории. Провиденциализм для летописца — это и способ видения мира, и философия истории, и инструмент раскрытия глубинных связей явлений.

Поэтому столь часто и охотно летописец говорит о различного рода «знамениях», цитирует Евангелие, Псалтырь и другие церковные книги, сравнивает своих героев с различными библейскими персонажами.

История для летописца — понятие событийное. Не в состоянии осмыслить долговременные общественные процессы как нечто изменяющееся, он фиксирует лишь объект, понимает факт лишь как событие. «Делают» историю руководители государства — князья, высшие духовные иерархи. Народ с его повседневными житейскими нуждами и заботами попадает на страницы летописи очень редко. Исключение представляют новгородские и псковские летописи, более демократичные по своему характеру и сосредоточенные на внутренней жизни города.

Большей частью переработка летописных материалов производилась с максимальным сохранением старого текста, что обнаруживает в поздних летописных памятниках относительно нетронутые древние пласты. Вместе с тем, составляя сводный текст на основе нескольких летописных источников, летописец расслаивал эти источники на отдельные годовые статьи, создавал новые текстовые комбинации.

Помимо летописей сводчик использовал близкие к ним по жанру хронографические компиляции византийского и южнославянского происхождения, произведения русской и византийской агиографии, светские повести, актовые и законодательные материалы. В древнейшем летописании относительно большую роль играли устные легенды и предания, связанные с народной, а отчасти и с феодальной средой, цитирования речей-грамот и т. д. О многих событиях или их подробностях летописец узнавал из чьих-либо рассказов, часть их описывал как очевидец, по собственным впечатлениям.

В творчестве летописца могут быть выделены две жанровые разновидности: более или менее краткие («протокольные») погодные записи, воспроизводящие главным образом фактическую сторону событий, и рассказы и даже повести, содержащие оценочные суждения. При этом летописец фиксировал далеко не все происходящее даже в тех областях русского исторического процесса, которые находились в сфере его внимания. Целый ряд безусловно важных исторических событий не нашел отражения в летописях вообще, иные отмечены в летописях одних княжеств и опущены в других. В этой избирательности проявляется оценка, определенное отношение к истории и современности.

Процесс создания летописных сводов отражает всю многосложную историю летописания и судьбы различных летописных памятников. Текст того или иного локального памятника — «летописца» — мог быть привлечен к оформлению нового летописного сво-

да, а этот, в свою очередь, следующего и т. д. Такими многослойными структурными образованиями являются все крупнейшие и известнейшие из дошедших до нас летописей.

§ 2. Методика исследования летописей

Оценить значение летописей как исторического источника, понять, какого рода историческую информацию они содержат, можно, лишь проследив, с одной стороны, историю летописания в целом, с другой — историю конкретных летописных текстов. Трудами А. А. Шахматова был разработан метод комплексного, сравнительно-исторического, текстологического исследования летописей с постепенным восхождением от известных летописных памятников к неизвестным, от реальных к реконструируемым, от позднейших слоев к более древним. Этот метод предполагает сравнительное изучение, сличение всех сохранившихся сходных летописных текстов с целью выявления их протографов, определения состава последних, времени и обстоятельств возникновения, идейной направленности, последовательного восстановления всех звеньев той или иной летописной традиции. Он рассматривает летописание как составную часть культурно-исторического процесса, стремится объяснить создание летописи требованиями исторической действительности, запросами и интересами феодальных групп.

Разумеется, такой подход не отвергает и других исследовательских приемов, основанных на наблюдениях над текстом, если они согласуются с данными, полученными с помощью комплексного анализа. Большое значение для определения времени составления отдельных записей и, следовательно, для определения времени ведения летописи имеют так называемые полные или точные даты (год, месяц, число, а то и день недели и даже время суток) описываемых событий. Существенное значение для датировки летописных известий имеют также характер упоминания в тексте исторических лиц, сведения об их возрасте, потомках и т. д.

Важно выяснить происхождение летописной информации. Это возможно через выявление политических тенденций и специфических интересов летописца, характера фактического материала. К признакам, указывающим на происхождение известия, относятся точные даты, подробности при рассказе о событиях, происходящих в каком-либо месте. То же самое нужно сказать о записях, в которых дается оценка событий, проявляются симпатии и антипатии летописца. Как правило, они отражают политические интересы различных феодальных центров. Но летописец мог занять и относительно независимую позицию по отношению к верховным властям своей земли, выражать мнение какой-либо оппозиционной феодальной группировки.

Выявляя источники, которыми пользовался летописец, нужно обращать внимание на дублировку известий, появлявшуюся в процессе механического соединения разных текстов. Обычно это сви-

детельствует о введении в повествование какого-то нового материала.

Определение места и времени создания летописного свода, датировки и происхождения отдельных известий, выявление источников летописи, ее политической направленности, симпатий и антипатий летописца, интерпретация им фактов — все это очень важные проблемы, без решения которых невозможно оценить и использовать летопись как исторический источник.

Летописи, созданные в различных землях, отличались друг от друга как по характеру материалов, так и по политической ориентации. Существовали различия и в летописях одного феодального центра. Все это приводило к тому, что отдельные, зачастую уникальные известия могли сохраняться лишь в одной летописи, что может свидетельствовать о разнообразии интересов летописцев, об индивидуальности их творчества, а также о разветвленности летописной традиции, дошедшей до нас далеко не полностью.

Анализ летописей на уровне содержащегося в них фактического материала является непременным предварительным условием использования летописных фактов в исторических исследованиях.

§ 3. «Повесть временных лет» и древнейшее русское летописание

Центральным памятником древнего русского летописания является Повесть временных лет. Она легла в основу подавляющего большинства русских летописей. Читатели и писатели Древней Руси видели в ней авторитетный труд о начале Русской земли и древнейшей поре отечественной истории.

Три редакции Повести временных лет. Сравнительный текстологический анализ сохранившихся в различных летописях списков Повести временных лет показывает, что эти списки представляют две летописные традиции. Одна сохранилась в Лаврентьевской летописи, написанной в 1377 г. монахом Лаврентием для суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Ту же традицию Повести содержат Троицкая летопись начала XV в., Московско-Академический список Суздальской летописи конца XV в., лицевая Радзивилловская, а также большинство летописей XVI и XVII вв.

Другая традиция дошла до нас в Ипатьевской летописи, названной по списку XV в., хранившемуся в Ипатьевском монастыре в Костроме. К этой же традиции относятся также Хлебниковский список XVI в., Погодинский XVII в., Ермолаевский конца XVII — начала XVIII в.

Текст Повести временных лет в Лаврентьевской редакции доходит до 1110 г., после чего (под 1116 г.) следует приписка игумена киевского Выдубицкого монастыря Сильвестра о написании им этой летописи. Однако в начале Повести по Ипатьевской летописи сообщается, что она была составлена монахом Киево-Печерского монастыря. Неоднократные подтверждения принадлежности летописца к этому монастырю можно встретить в тексте Повести.

Хлебниковская летопись называет имя летописца-печерянина. Это Нестор, известный еще как автор двух агиографических произведений — «Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия Печерского». «Блаженный Нестор, иже написа летописец», упоминается в XIII в. иноком Поликарпом в Киево-Печерском патерике. Хотя вокруг вопроса о Несторе как составителе Повести временных лет не прекращается полемика, вызванная рядом фактических несоответствий между принадлежащими Нестору житиями Бориса и Глеба и Феодосия, с одной стороны, и соответствующими рассказами Повести — с другой, отрицать участие Нестора в создании Повести нет достаточных оснований. Таким образом летопись, положенная в основу Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, принадлежала Нестору, который в хронологической выкладке, данной под 852 г., определил предел повествования годом смерти Святополка, т. е. 1113 годом. Поэтому исследователи считают, что первоначальная, несторовская редакция Повести временных лет может датироваться условно 1110—1113 годами.

Вудубицкий игумен Сильвестр около 1116 г. переработал Повесть. Следы его вмешательства в летопись видны в последней части, особенно в тех местах, где говорится о взаимоотношениях Святополка Изяславича и Владимира Мономаха. Святополк предстает в летописи как правитель неумный и легкомысленный. Мудрые же советы он постоянно получает от Владимира Мономаха. Здесь трудно не увидеть редакторскую руку Сильвестра — летописца промономаховской ориентации.

В Ипатьевской летописи текст Повести идет дальше статьи 1110 г. Непрерывное изложение событий, связанных главным образом с деятельностью Мономаха и его сыновей, продолжается вплоть до 1118 г., после чего в течение нескольких лет записи носят лапидарный и отрывочный характер. Статьей 1118 г. завершается текст последней, третьей редакции Повести временных лет.

Составление третьей редакции Повести связывают со старшим сыном Владимира Мономаха новгородским князем Мстиславом Владимировичем. С этим согласуется и пребывание в течение какого-то времени на новгородском севере летописца, засвидетельствованное им самим, и отражение в третьей редакции северных преданий (так, если по Лаврентьевской Рюрик княжит в Новгороде, то по Ипатьевской — сначала в Ладоге).

Таким образом можно считать, что первая — Несторова — редакция Повести временных лет (1110—1113 гг.) вскоре после своего создания была использована при составлении летописей, представляющих как вторую, так и третью редакции Повести (1116 и 1118 гг.). Следует, однако, иметь в виду, что тексты второй и третьей редакций Повести отразились в летописях Лаврентьевской и Ипатьевской традиции не в «чистом виде», поскольку ко времени создания старейших из известных нам списков Повесть временных лет насчитывала уже несколько веков бытования в разнообразной социальной и культурной среде.

Летописание, предшествовавшее Повести временных лет. Предшественником Повести был, вероятно, так называемый Начальный свод, датируемый 1093—1095 годами и фрагментарно сохранившийся в составе Новгородской первой летописи младшего извода. Эта летопись в своей древнейшей части (с начала X в. до 1016 г. и с середины XI в. до 90-х годов XI в.) отражает свод южнорусского происхождения, близкий к Повести временных лет и вместе с тем от нее отличающийся. Сравнительный анализ фрагментов Новгородской первой летописи и Повести временных лет приводит к выводу о первичности летописного текста, дошедшего в составе Новгородской летописи.

Начальный свод отразил, в свою очередь, более раннее летописание. В тексте Повести неоднократно встречаются записи о каком-либо лице или событии, которые не могли принадлежать одному и тому же летописцу. Летописные записи велись и до создания Повести временных лет, и до появления Начального свода, и в более ранний период. Обращает внимание такое обстоятельство — с 1061 г. в летописи появляются точные даты светских событий, что может свидетельствовать о составлении какой-то летописи именно в это время. Подтверждение этому находят в топографическом описании Киева под 945 г. и его сравнение с топографией Киева, современного летописцу. Упоминание города, который при княгине Ольге находился «идеже ныне есть двор Гордятин и Никифоров», и княжеского дворца, «идеже ныне есть двор Воротиславль и Чюдин», относит составление этой летописи к 70-м годам XI в. Если же мы вспомним, что одними из составителей Правды Ярославичей были Никифор и Чюдин, а последняя, как показали исследования М. Н. Тихомирова, была составлена не позже 1073 г., то понятно, почему этот свод датируется исследователями 1073 годом. А. А. Шахматов считал автором этого свода печерского монаха, впоследствии игумена, Никона. Семь лет Никон провел в Тмутаракани, и оказывается, что как раз за это время (между 2 февраля 1061 г. и 3 марта 1067 г.) нет в летописи точно датированных киевских известий и вообще почти нет киевских записей. Зато внесены известия тмутараканские. По мнению Д. С. Лихачева, Никон первым ввел в летописание погодную сетку, т. е. придал летописи ту форму, которая стала для нее традиционной.

Сведения о более раннем летописании не позволяют сколько-нибудь уверенно говорить о создававшихся в это время сводах. Существует предположение о составлении в конце X в. летописного свода при Десятинной церкви. Высказано мнение, что начало русского летописания следует относить к 1007 г., когда в связи с перенесением в Десятинную церковь мощей княгини Ольги — основательницы русского христианства — было создано сказание о русских князьях, составившее историческую основу летописания. Источники Повести временных лет многочисленны и разнообразны. По происхождению их можно разделить на отечественные и иностранные (византийские, инославянские и т. д.), по способу

передачи информации — на письменные и устные. Из иностранных источников наиболее широко привлекались византийские. В первую очередь это компиляции по всемирной истории, такие, как Хроника Георгия Амартола (доведенная до 842 г., с продолжением до 948 г.), Хроника Иоанна Малалы (доводящая изложение до 563 г.). По Амартолу летописец начинает изложение с рассказа о разделении земли между сыновьями Ноя, по нему же он дает описание обычаев разных народов, у его продолжателя заимствует сведения о походе Руси на Царьград в 866 г. Для хронологических выкладок (под 852 г.), связывающих библейскую историю с отечественной, использовался «Летописец вскоре» патриарха Никифора или близкий ему текст. Под 898 г. в Повести временных лет помещено сочинение, условно называемое «Сказанием о преложении книг на славянский язык» и основанное на источниках западославянского (чешско-моравского) происхождения. Это свидетельство пристального внимания летописца к истории славянских народов, к их культуре и письменности. Из отечественных письменных источников Повести необходимо отметить прежде всего договоры Руси с греками, жития Владимира и Ольги, Бориса и Глеба, светские повести, например Повесть об ослеплении Василька Теребовльского.

Очень многое составители Повести временных лет почерпнули из устных источников. Известны некоторые информаторы летописца — представитель старой родовой киевской знати Ян Вышатич и новгородец Гюрята Рогович. Устные предания и легенды особенно широко используются летописцем в начальной части Повести, при рассказе о событиях «давно минувших дней», не освещенных письменными источниками. Летописец передает поэтические легенды о Кие, Щеке и Хориве и об основании Киева, о вещем Олеге, о богатыре-Кожемяке и т. д.

§ 4. Областное летописание XII—XV вв.

Общей чертой областного летописания XII—XV вв. является сужение политического горизонта летописцев, их сосредоточенность на нуждах и интересах «своего» княжества, а не всей Русской земли. Одновременно летописание каждого феодального центра приобретает специфические качества, присущие только ему и отличающие его от летописания других областей.

Летописание Великого Новгорода. Новгородское летописание по древности мало в чем уступает киевскому. А. А. Шахматов, например, полагал, что одним из источников Начального свода 90-х годов XI в. был новгородский летописный свод 1050 г. (с дополнениями до 1079 г.), созданный в связи с сооружением Софийского собора. Б. А. Рыбаков датировал этот свод 1054 годом и связал с новгородским посадником Остромиром Константиновичем, дедом Яна Вышатича.

Новгородское летописание XII—XV вв. в основном дошло до нас в текстах Новгородской первой летописи старшего извода (до-

веден до 1352 г.) и младшего извода (последнее известие — в 1442 г.). Анализ их текстов показывает, что в XII в. в новгородском летописании в целом прослеживаются два центра — архиепископская кафедра и церковь св. Иакова в Неревском конце. Начало архиепископского («владычного») летописания, по-видимому, нужно связывать с 1136 г., когда в Новгороде произошел политический переворот, завершивший длительный процесс становления боярской республики с архиепископом во главе. В это время местная княжеская летопись была, видимо, коренным образом переработана по указанию архиепископа Нифонта. В основу ее был положен киевский Начальный свод 90-х годов XI в. В начале XIII в., возможно, был составлен новый владычный свод, доводивший изложение до 1204 г. и завершавшийся рассказом о взятии Константинополя крестоносцами. Летописцы церкви св. Иакова, ведя собственные записи, неоднократно обращались к архиепископскому летописанию и использовали его, поскольку уличанская церковь была достаточно тесно связана с софийским двором. О летописной деятельности священника церкви св. Иакова Германа Вояты свидетельствуют записи в Синодальном списке Новгородской первой летописи. Под 1114 г. читается авторская запись: «В то же лето постави мя попомъ архепископ святыи Нифонт». А под 1188 г. уже другой летописец сообщает: «Томъ же лете приставися рабъ божии Герман, иереи святого Иакова, зовемый Воята, служивъшу ему у святого Иакова полъпятадъсят лет...» Сопоставление этих записей позволяет установить, что Герман Воята и был тот священник, который был поставлен попом в церкви св. Иакова в 1144 г.

Одним из преемников Германа Вояты стал пономарь Тимофей, который обмолвился о себе под 1230 г. Поскольку в Синодальном списке читаются имена обоих известных летописцев церкви Иакова и в дальнейшем манера изложения и социальная позиция летописца существенно не меняются, можно думать, что весь Синодальный список (а это старейший из сохранившихся списков русских летописей, написанный на пергаменте почерками XIII и XIV вв.) относится к летописанию уличанской церкви.

Прочно встав на ноги в XII в., новгородское летописание продолжало развиваться, пережив существование самой новгородской государственности. Ряд летописных сводов был создан в Новгороде в начале и в первой половине XV в. Активизацию летописной работы в Новгороде связывают с именем архиепископа Евфимия II Брадатого (1429—1459 гг.), яростного борца за независимость боярской республики; его инициативе приписывают составление в 30—40-х годах двух новгородско-софийских сводов, тексты которых, доходившие до 1418 г., сохранились в Новгородской IV, Софийской I летописях и в некоторых других. Активную роль в летописании играл уставщик Софийского собора Матвей Михайлов (Кусов), ряд семейных записей которого читается в Новгородской IV летописи. Из поздних новгородских летописей особенно интересна относящаяся к концу XVII в. Новгородская.

III летопись, богатая сведениями по архитектуре и искусству. В ней находятся, в частности, известия о выдающемся зодчем Петре (XII в.) и великом художнике Феофане Греке (XIV в.).

Подобно летописанию других феодальных центров XII—XV вв., местное летописание замкнуто в основном внутри новгородской «околицы». Много внимания уделяли летописцы военной теме, отражению немецко-шведской, а затем литовско-польской экспансии. По-новгородски лаконичные, но в то же время обстоятельные и точные, полные скрытого пафоса повествования о сражениях с врагами Руси, описания, например, Невской битвы 1240 г., Ледового побоища 1242 г., кровопролитнейшего Раковорского боя 1268 г. принадлежат к самым ярким страницам местных летописей. Летописание ни одного другого феодального центра (кроме, пожалуй, Пскова) не рисует такой впечатляющей картины повседневной жизни крупного средневекового города и его округи, фиксируемой почти без перерывов на протяжении многих столетий. Ничто не ускользает от внимательного взгляда летописца: ни строительство храмов и оборонительных сооружений, ни бурные порой вечевые сходки, ни кровавые стычки на волховском мосту во время борьбы боярских группировок или столкновений «меньших» и «вятших» людей, ни пожары и стихийные бедствия, опустошавшие город. Особенно чуток летописец к разнообразным проявлениям неласковой северной природы, постоянно отмечая благоприятные или неблагоприятные условия для земледельческой страды, урожайные и голодные годы, цены и т. д. Новгородские летописцы часто находятся в гуще общественной жизни, знают в лицо многих из будущих персонажей своей летописи, не только тех, кто принадлежал к социальной верхушке, но и простолюдинов Домажир — иконного писца, Микифора-щитника, ушкуйника Прокопия Киева. Поэтому не случайно новгородские летописцы более других чутки и к вспышкам классовой борьбы, восстаниям, причем иногда им ближе позиция «меньших» людей.

В XV в. четко видны тенденции к возвеличиванию Новгорода. Новгородские летописи лишаются локального характера и стремятся превратиться в общерусские своды. Это проявляется в использовании Ростово-Суздальских и Московских летописных сводов. Общерусский материал четко виден в Новгородской IV и Софийской I летописях. В позднем новгородском летописании отразилась борьба сторонников и противников Москвы.

Язык новгородских летописей колоритен и ярок, лаконичен и точен, самобытен и исполнен внутренней силы, источник которой — живой разговорный народный язык. Например, оценивая значение Торжка в системе обороны новгородской земли, летописец поэтично скажет: «А то оплечье есть Новугороду».

Во многом близко к новгородскому по своим основным характеристикам **псковское летописание**. Оно дошло до нас в составе трех групп списков: первые две доведены до конца XV в., а третья — до 60-х годов XVI в. Они получили в литературе название Псковских I, II и III летописей. Все три группы псковских

летописей восходят к единому источнику, отражающему официальное псковское летописание.

Летописание Владимиро-Суздальской Руси сохранилось в составе Лаврентьевской, Радзивилловской, Троицкой летописей, Летописца Переяславля Суздальского, а также частично в Ипатьевской и ряде более поздних летописных источников. Северо-восточные, главным образом владимирские, известия систематически появляются в летописи с 1157 г., со времени вокняжения во Владимире Андрея Боголюбского. Однако первые записи об отдельных событиях в этом крае появляются в летописных сводах еще в начале XII в. С конца 50-х годов XII в. роль основного центра летописания переходит от Суздаля и Ростова к новой столице — Владимиру, где оно ведется при Успенском соборе. В основу владимирской летописи легло летописание Киева и Переяславля Русского, издавна связанного с Суздальщиной политическими и церковными связями.

Первый Владимирский летописный свод датируется 1177—1178 годами. Составленный сразу после драматических событий 1175 г., когда был убит Андрей Боголюбский, лихолетья «междукняжия» и острой схватки, он в последних своих статьях очень эмоционален. Победу владимирцев над враждебным ростово-суздальским боярством, дружиной и союзными им полками Ростиславичей прославляет составитель первого Владимирского свода, создававшегося в кратковременное правление Михаила Юрьевича, незаконченного, очевидно, уже при Всеволоде Большое Гнездо. Определить рубеж завершения свода помогает анализ южнорусских известий в своде. Эти систематические известия четко делятся на светские и церковные. Причем церковные сведения обрываются на 1175 г. Ученые установили, что здесь кончалась епископская летопись Переяславля Южного, использовавшаяся во Владимирском своде. Ее конец и есть рубеж в составлении свода во Владимире. Среди источников первого Владимирского летописного свода помимо южнорусского летописания были «старый летописец ростовский», княжеский летописец Андрея Боголюбского, прославлявший его подвиги на киевском юге, «Сказание о чудесах пресвятыя Богородица Володимерьской иконы», проложная статья 1164 г. об установлении праздника Спасу 1 августа. В Повести об убийстве Андрея Боголюбского летопись подробно рассказывает о драматических событиях 1175 г.

Основной тенденцией последующих сводов 1189 и 1212 гг. становится демонстрация политической консолидации на северо-востоке Руси и возросшего авторитета Владимирского княжества, поддержка завоевательных походов Всеволода Большое Гнездо. При этом неоднократно подчеркивается, что за великим князем стоят «люди», союз которых с княжеской властью и составляет основу могущества земли. Установлению рубежа 1185—1189 гг. как времени составления второго Владимирского свода также помогает нить южнорусских известий, но взятая уже из княжеской летописи Владимира Глебовича. Кроме того, в статье 1185 г. о

епископе Луке говорится как о живом (умер в 1189 г.); до 1186 г. владимирский князь Всеволод Юрьевич именуется князем, а с 1186 г. — великим князем, что подтверждает дату завершения свода.

Свод 1212 г. был, вероятно, лицевым и явился протографом Радзивилловской летописи. Рубеж составления этого свода определяется сопоставлением текстов сохранившихся ныне таких весьма близких, а во многом и совпадающих друг с другом летописей, как Лаврентьевская (доведенная до 1305 г.), Радзивилловская (до 1206 г.), Московско-академический список Суздальской летописи (копия с протографа Радзивилловской) и Летописец Переяславля Суздальского (1138—1214 гг.), основанный на своде 1212 г.

В начале второго десятилетия XIII в. заметно оживает политическая и общественная жизнь других центров северо-востока Руси. Помимо Владимира летопись снова начинают вести в Ростове и, возможно, в Суздале, что отражало соперничество сыновей Всеволода Большое Гнездо в борьбе за старейшинство. Возникает летописание в Переяславле-Залесском (свод Ярослава Всеволодовича 1215—1216 гг., известен по Летописцу Переяславля Суздальского).

Великокняжеское летописание во Владимире, связанное в XIII в. с Рождественским монастырем, занимавшим первенствующее положение в древнерусской монастырской иерархии, продолжалось и после татаро-монгольского завоевания. Своды составлялись в княжение Ярослава Всеволодовича (1239 г.), его брата Святослава (1247—1249 гг.), Александра Невского (1252 г.).

С точки зрения содержания и идейной направленности во владимирском великокняжеском летописании в большей степени, чем в летописании какого-либо другого русского центра этого времени, проявились общерусские тенденции. Владимирские летописные своды легли в основу летописания будущих «собрателей Руси» — тверских и московских князей.

Однако материал, на котором строилась владимирская великокняжеская летопись после монгольского нашествия, был уже более ростовским, чем владимирским. Ведение погодных записей в разгромленной столице постепенно прекращается, в то время как в Ростове, напротив, летописная традиция в XIII в. набирает силу, особенно с середины столетия. В XIV и XV вв. традиции северо-восточного летописания поддерживаются главным образом ростовской епископской кафедрой.

§ 5. Московское летописание XIV—XV вв.

Древнейшие московские летописи. В начале XIV в. на политической арене появляется Москва. В 1328 г. московские князья отобрали у тверских великое княжение Владимирское. Именно в это время зарождается и московское летописание, ориентированное на княжеский двор и митрополичью кафедру. Первые записи о московских событиях, которые содержат точную дату и могут быть при-

наны местными по происхождению, относятся к 1317 г. (рождение у Ивана Калиты сына Семена 7 сентября) и 1326 г. (рождение у Калиты сына Ивана 30 марта и закладка Успенского собора митрополитом Петром 4 августа). Эти и ряд других записей сохранили московские летописи XV в., в том числе древнейшая Троицкая летопись 1408 г., не дошедшая до нашего времени, но реконструированная и дающая возможность при сопоставлении с другими летописями представить основные этапы московского летописания хотя бы гипотетически. С 1326 г., т. е. после переезда митрополита Петра в Москву из Владимира, цепочка московских известий становится непрерывной, что позволяет с уверенностью говорить о начале регулярной летописной работы в Москве.

Первым известным памятником московского летописания был «Летописец Великий Русский». Об этом летописном своде мы узнаем из Троицкой летописи. Под 1392 г., разражаясь филиппикой против непокорных московскому князю новгородцев и припоминая проявления их упрямства и своеволия в прошлом, летописец советует читателю: «И аще хощеша распытовати, разгни книгу Летописец великий русьский и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго». «Нынешним» был московский князь Василий Дмитриевич, начавший княжить в 1389 г. Таким образом, «Летописец Великий Русский» мог возникнуть между 1389 и 1392 гг. К сожалению, о составе и содержании не дошедшего до нас «Летописца Великого Русского» судить очень трудно, о нем высказывались и высказываются самые различные мнения. Можно лишь думать, что это был московский великокняжеский свод общерусского охвата, отражавший основные политические концепции потомков Калиты.

Московские общерусские летописные своды в XV в. Летописание XV в. в значительной степени реконструируется на основе не дошедшей до нас Троицкой летописи и других, более поздних летописных сводов. Ряд интересных наблюдений над характером и временем возникновения сводов до сих пор представляется гипотезами, требующими дальнейшего изучения и подтверждения. Реальным является лишь летописный свод, дошедший до нас в списке первой половины XVI в. и условно названный Московским летописным сводом конца XV в.

Считают, что «Летописец Великий Русский» являлся одним из источников митрополичьего свода, составленного около 1408 г. и отразившегося в Троицкой летописи. Это был, видимо, отнюдь не единственный памятник московского летописания этого времени. К началу XV в. местная летописная традиция становится уже достаточно разветвленной. Так, в Рогожском летописце отразилась московская летопись, близкая к Троицкой, но значительно превосходящая ее по объему известий за XIV в. С именем митрополита Киприана (1390—1407 гг.) есть основания связывать создание ранней редакции степенной книги — «Владимирского полихрона», в котором со времени А. А. Шахматова обычно видят митрополичий свод Фотия 1418—1423 гг. Что касается свода 1408 г., то после утраты в 1812 г. Троицкой летописи судить о нем сложно.

Нам неизвестен во всех подробностях состав Троицкой летописи. Еще А. А. Шахматов обратил внимание, что Симеоновская летопись в части с 1177 по 1390 г. дает точные совпадения с многочисленными выдержками Н. М. Карамзина в «Истории Государства Российского» из Троицкой летописи, изученной им до пожара 1812 г. Этот факт и был положен в основу реконструкции М. Д. Приселковым текста Троицкой летописи. Кроме того, текст Троицкой летописи до 1409 г. (точнее, выписки Н. М. Карамзина) сходен с Московским сводом 1479 г. Дальнейшее уточнение состава свода 1408 г. — дело будущего. Свод 1408 г. был общерусской летописью, возможно использовавшей Ростовские, Суздальско-Нижегородские, Новгородские, Псковские, Тверские, Смоленские и другие летописи. Политическая направленность свода тесно связана с преобладанием московских известий и благожелательной позицией летописца к московскому княжескому дому и московским митрополитам.

Некоторые известия митрополичьего свода 1408 г., восходящие к летописям Твери, могли попасть в него из-за особого внимания митрополита Киприана (1390—1407 гг.), являвшегося в то время духовным главой и Тверского княжества.

Политическими симпатиями Киприана, бывшего около трех лет митрополитом в Великом княжестве Литовском, объясняется интерес летописи к Литве, в частности похвалы литовским князьям, особенно Ольгерду, который ставится в пример русским князьям.

О следующем гипотетически восстанавливаемом митрополичьем своде 1418—1423 гг. можно судить по его переработкам, попавшим в Софийскую I и Новгородскую IV летописи. Связанные с интересами Киприана известия из этого свода удаляются или перерабатываются. Усиливается его общерусский характер. Еще один общерусский свод предположительно был составлен в 1448 г.

В XV в. продолжается ведение летописного дела при великокняжеском дворе, начатое составлением «Летописца Великого Русского». Методом текстологического анализа устанавливается существование свода 1472 г. Он выявляется путем сопоставления более поздних Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей, общий источник которых завершается 1472 годом. Свод 1472 г. продолжил изложение предшествовавшей великокняжеской летописи, доведя его до знаменательного события — победы московских войск на Шелони, после которой с самостоятельностью Новгорода было покончено. В связи с этим подверглись переработке и известия о взаимоотношениях Новгорода с князьями и в более раннее время, включенные в московскую летопись из новгородских. Характер такой переработки обнаруживается, например, при сопоставлении известий 1187 г. по Новгородской I и по Никаноровской летописям. Если в первой из них читаем: «В то же лето выгнаша новгородци князя Мъстислава Давидовица», то во второй внесено изменение: «Выеде князь Мстислав Давыдович из Новгорода».

О том, что метод сравнительно-исторического, текстологического исследования летописания очень плодотворен, свидетельствует открытие А. А. Шахматовым Московского свода 1479 г., что явля-

ется одной из самых замечательных страниц в истории изучения русского летописания. Ученый заметил, что в основе Ростовской и Воскресенской летописей лежит общий протограф — свод 1479 г. Это предположение он блестяще подтвердил несколько позже, открыв список реконструированного им свода, относящийся к XVIII в. В 1928 г. М. Н. Тихомиров обнаружил в Уваровском собрании Государственного исторического музея в Москве список того же свода, но в рукописи первой половины XVI в. Этот список летописи, имеющий продолжение до 1492 г., получил название Московского летописного свода конца XV в. В этом своде подробно и обстоятельно изложены известия, связанные с княжением Ивана III. Дьяки, привлеченные к летописной работе, оснащали свод выписками из различных государственных документов, в том числе исходящих из посольской канцелярии. В летопись включались извлечения из великокняжеских дорожных дневников. В то же время в своде усиленно развивался наметившийся в предшествующем московском летописании интерес к истории Киевской Руси. Имевшиеся еще в Троицкой летописи сведения по ней теперь кажутся недостаточными, и для их пополнения был привлечен киевский источник, близкий к Ипатьевской летописи. Указанные дополнения касались главным образом событий, происходивших в Южной Руси. В конце XV в., когда перед Русским государством во всей своей реальности встала задача борьбы с Великим княжеством Литовским за киевское наследие, такого рода работа летописцев звучала весьма актуально.

Летописание XV в. многолико. Это не только обширные общерусские своды, составлявшиеся при дворе великих князей, митрополичьей и епископской кафедрах, но и краткие монастырские летописчики, не только произведения, отражающие официальную точку зрения, но и оппозиционные ей, «независимые». Вторая половина XV в. — время расцвета летописного дела.

§ 6. Общерусское летописание XVI—XVII вв.

С конца XV в. летописание все более жестко контролируется государственной властью. Летописи XVI в. становятся проводниками государственных политических концепций, послушными выразителями официальной идеологии. Отражая изменения в мировоззрении и культуре общества, в летопись начинают проникать вымысел, политическая легенда, использованные летописцами для пропаганды идей, возвеличивающих Московскую Русь и ее правителей. Характерной чертой летописания этого периода является тяготение к созданию монументальных по объему сводов, насыщенных материалами нелетописного характера (делопроизводственной документацией, литературными произведениями и т. д.).

Летописные своды XVI в. Московский летописный свод конца XV в. послужил основой для развития последующего официального московского летописания. Одним из его важнейших этапов было создание в начале 40-х годов Воскресенской летописи, доведенной до 1541 г. Передав с некоторыми сокращениями свод конца XV в.,

ее составитель с почти протокольной точностью продолжал изложение событий первых десятилетий XVI в. В описаниях битв, посольских приемов и других событий видно стремление прославить великокняжескую власть. Той же цели прославления великих князей служили и включенные в Воскресенскую летопись статьи по истории Византии, в которых проводилась идея о преемственности власти московских князей от византийских императоров в соответствии с доктриной «Москва — Третий Рим».

Важнейшие идеи, заложенные в Воскресенской летописи, были продолжены и развиты в царствование Ивана IV. Ряд грандиозных сводов, составленных при нем, открывает «Летописец начала царства», охватывающий 1534—1556 гг. Он начинался вступлением на престол Ивана IV и завершался развернутым описанием триумфа победы над Казанью. В «Летописце начала царства» все приподнято и торжественно, поучающе и велеречиво. Но все эти особенности в «Летописце» сочетаются со значительной документальностью. В первую очередь, она относится к описанию внешнеполитических отношений Руси, особенно к приемам и отправлению посольств. В этом легко убедиться, сопоставив соответствующие фрагменты «Летописца» с посольскими книгами. Как и в предшествующем московском летописании конца XV в., но с еще большей подробностью, описываются военные походы царя, его путешествия. Несомненно, что составитель «Летописца» обращался к архивным материалам, таким, как посольские и разрядные книги, различные дворцовые записи.

Самым обширным общерусским сводом XVI в. является Никоновская летопись (названная так по принадлежности в XVII в. одного из списков патриарху Никону). Первоначальная редакция Никоновской летописи, доведшая изложение до 1520 г., была составлена в конце 20-х годов XVI в. Возможным редактором ее был митрополит Даниил. Затем работа над летописью продолжалась в 1550—1560 гг. При составлении Никоновской летописи было привлечено множество разнообразных источников. В основу свода были положены, по-видимому, Новгородская V летопись, восходящая в основных чертах к Новгородской IV летописи, а также значительное число местных летописей, сказаний и повестей, большинство из которых в самостоятельном виде не дошли до нас. Благодаря этим источникам в Никоновской летописи имеется множество уникальных сведений по самым различным, в том числе и древнейшим, периодам истории Руси. Некоторые из них, похожие на позднейшие дополнения, нуждаются в тщательной проверке и анализе.

Никоновская летопись содержит ряд ценнейших повестей XIV в.: «О приходе Тахтамышева на Москву», о митрополите Михаиле-Митяе, о митрополите Фотии, о Тамерлане. Для изучения исторической географии исключительно богатые сведения содержит «Хождение митрополита Пимена», в котором самым подробным и точным образом описывается дорога из Москвы в Константинополь через Рязанскую землю, по Дону и Азовскому морю.

Никоновская летопись имеет два основных списка: Оболенского и Патриарший. Можно считать весьма вероятным, что список Оболенского в части до 1510 г. является не только древнейшим списком, но и оригиналом Никоновской летописи, с которого скопирован Патриарший список. Остальные части списка Оболенского, сделанные в более позднее время, не повлияли на Патриарший список, имевший свой особый протограф.

Никоновская летопись в варианте, представленном списком Оболенского, в 70-е годы XVI в. подверглась отчасти переработке, следы которой видны в замечаниях и приписках составителей. Никоновская летопись легла в основу грандиозного многотомного Лицевого свода XVI в., работа над ним продолжалась свыше 30 лет. Русская часть Лицевого свода представлена шестью томами (Голицынский, Лаптевский, Остермановский, Шумиловский, Синодальный и «Царственная книга»), передающими ход событий с 1114 г. Первый том русской истории не сохранился. Кроме того, летопись была дополнена изложением событий всемирной истории в трех томах, главным образом на основе хронографов с привлечением сочинений Иосифа Флавия, «Александрии», «Троянских деяний» и пр. Все девять томов снабжены иллюстрациями (16 000 миниатюр). Они представляют ценнейший источник для изучения самых разнообразных сторон русской истории, культуры, быта. Изложение событий Лицевого свода доведено до 1567 г.

С давних пор ученых занимают два последних (русских) тома Лицевого свода (Синодальный и «Царственная книга»). Синодальный том охватывает события с 1533 по 1567 г. с пропусками 1542—1553 и 1560—1563 гг. «Царственная книга» передает события 1533—1553 гг. Из сравнения событий 1533—1542 гг., которые описаны в обоих томах, выясняется, что «Царственная книга» — набело переписанный текст Синодального тома, который был правлен редактором. В свою очередь, и том «Царственной книги» правлен той же редакторской рукой. Характер исправлений резко меняет политическую концепцию первоначального текста по ряду важнейших событий 40—50-х годов XVI в. Правка настолько смела и тенденциозна, что многие историки видят в редакторе Ивана Грозного. Ряд исследователей называют в качестве редактора иных лиц (например, дьяка И. Висковатого).

События времени царствования Ивана Грозного нашли отражение не только в официальном летописании, но и в одном из летописцев частного происхождения, известном под названием Пискаревского (по фамилии его владельца в XIX в.). Пискаревский летописец завершается описанием событий 1615 г. В основе летописца лежат своеобразные воспоминания двух москвичей, ярко и непосредственно передающих события тех лет.

Летописание XVII в. В XVII в. официальное общегосударственное летописание прекращается. Это происходит из-за несоответствия летописей новым задачам историографии, призванной собирать в систематическом виде все сведения по истории России, осмыслив их

в плане единой концепции и показав их в связи со всемирной историей.

Правда, в XVII в. продолжают создаваться исторические сочинения, сохраняющие название летописи или летописца и некоторые внешние формы летописного повествования, но, по существу, эти произведения далеки от летописей. Характерным примером таких летописей может служить «Новый летописец», посвященный событиям Смутного времени.

Некоторое оживление летописной формы относится к середине XVII в. и связано с деятельностью патриарха Никона. Этому в немалой степени способствовало собирание древних рукописей, в том числе и летописей, как самим Никоном, так и его окружением в Новоиерусалимском монастыре. Среди таких летописей особенно характерен свод 1652 г., который продолжает древнюю часть летописи своеобразной церковной хроникой. Особое внимание уделяется в своде митрополиту Филиппу, задушенному по приказанию Ивана Грозного и канонизированному по настоянию Никона в 1651 г., — событие, имевшее большое значение для прославления церкви в преддверии острейшей борьбы между царской и патриаршей властью, развернувшейся в середине XVII в. Вообще многие события русской истории получают в летописании патриарха Никона черты церковной окраски и осмысленности.

Сибирские летописи. Летописная форма исторического повествования сохраняется в России XVII в. в виде областного, местного летописания. Особенно интенсивно она развивается в Сибири. Возможно, что уже в конце XVI в. одним из полковых казацких писарей было составлено «Написание, како приидоша в Сибирь...».

На основе «Написания» Киприан составил первую официальную Сибирскую летопись, возможно, используя и материал каких-то татарских записей. Этот свод Киприана выявляется как общий источник Есиповской, Кунгурской и Строгановской летописей. Сама же Киприановская летопись прославляла заслуги и героизм Ермака. Эту тенденцию в оценке Ермака сохранила Кунгурская летопись, обнаруженная в 1703 г. Семеном Ремизовым, знаменитым картографом и историком Сибири начала XVIII в., и приложенная к его собственной так называемой Ремизовской летописи или «Истории сибирской». Наряду с положенной в ее основу Есиповской летописью Ремизов широко привлек устные предания, материалы фольклора.

Глава 5

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

Право является совокупностью государственных установлений и законов, регулирующих общественные отношения между людьми. Это система юридических норм, правил поведения, которые устанавливаются в классовом обществе господствующим классом в сво-

их интересах, в целях охраны существующего общественного и государственного строя. Как показал Ф. Энгельс, «все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует, — неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение. Это — формальная сторона дела, которая сама собой разумеется. Но, спрашивается, каково же содержание этой только формальной воли, — все равно, отдельного лица или целого государства, — откуда это содержание берется и почему желают именно этого, а не чего-либо другого? Ища ответа на этот вопрос, мы находим, что в новейшей истории государственная воля определяется в общем и целом изменяющимися потребностями гражданского общества, господством того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и отношений обмена»¹. Право есть воля господствующего класса, возведенная в закон. Развитие правовых норм соответствует уровню развития производительных сил и характеру производственных отношений общества. Будучи частью надстройки, право активно содействует укреплению того базиса, интересы которого оно отражает. Отражая историю феодального общества, законодательные акты XI—XVII вв. дают материал для изучения социально-экономических, политических и правовых отношений этого периода.

Законодательные акты представляют собой правовые документы, исходящие от верховной государственной власти, и имеют высшую юридическую силу в пределах определенной территории, государства. Все остальные акты являются документами, фиксирующими в юридической форме сделки, договоры экономического и политического характера между частными лицами, частными лицами и государством, государствами, государством и церковью. Все акты принято делить на две основные группы: публичноправовые, т. е. правительственного происхождения, и частноправовые, т. е. заключенные между частными лицами. Это деление условно, так как некоторые публичноправовые и частноправовые акты имеют точки соприкосновения.

Развитие законодательных актов в XI—XVII в. можно рассматривать по трем периодам. Первый охватывает время существования Древнерусского государства, когда нормы обычного права постепенно заменяются нормами государственного права, часто возникшими на основе судебного решения, принятого по конкретному делу, и впоследствии сводившимися в общие законодательные установления. Второй период связан с феодальной раздробленностью. Ему присущи законодательные акты с более ограниченными функциями. Третий период характерен кодификацией норм русского права в условиях складывающегося и развивающегося Российского государства.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 310.

Старейшим законодательным актом Древней Руси является Русская Правда. Об исключительном значении этого памятника свидетельствует более 100 его списков XIII—XVIII вв., дошедших до нашего времени. По своему содержанию они делятся на три редакции: Краткую, Пространную и Сокращенную.

Краткая Русская Правда сохранилась в двух основных списках XV в. — Академическом и Археографическом — в Новгородской I летописи младшего извода. Существует еще 11 списков Краткой редакции XVIII—XIX вв., восходящих к Академическому списку. Краткая редакция Русской Правды была помещена в Новгородской I летописи под 1016 г., после сообщения о победе новгородского князя Ярослава Мудрого над великим киевским князем Святополком Окаянным. По сообщению летописи, Ярослав после одержанной победы щедро наградил своих воинов «и отпусти их всех домов и дав им Правду и Устав списав, тако рекши им: «По сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите. А се есть правда русская». Однако датировка Краткой Русской Правды 1016 годом (Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин) вызвала возражения. В записи упоминаются сыновья Ярослава, при которых уже после смерти Ярослава была составлена одна из частей Краткой Правды. Возможно, что слова о пожаловании Ярославом новгородцам Правды и Устава и текст Правды были внесены в летопись позднее. Древний пергаменный Синодальный список Новгородской I летописи (старшего извода) не имеет ни записи о грамоте Ярослава 1016 г., ни текста Русской Правды. В Софийской летописи (XV в.) есть два известия о Ярославовых грамотах. Первое — под 1019 г. — сходно с известием 1016 г. Новгородской I летописи младшего извода, второе относится к 1035 г. и также сообщает о грамоте Ярослава новгородцам. Если допустить, что под грамотой понимается Русская Правда, то датой возникновения Краткой редакции может считаться 1036 год.

По своему составу Краткая Правда делится на четыре части: Правда Ярослава, Правда (Устав) Ярославичей, Покон вирный, Урок мостникам.

К Правде Ярослава относят первые 17 статей. В самих списках нумерации статей нет. Она дана исследователями. При этом учитывались некоторые сигнальные моменты: красная строка, буква, логическое завершение мысли, существование определенных норм права, объекта права. Правда Ярослава идет до слов: «Правда уставлена руськой земли, егда ся съвокоупилъ Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячно, Перенег, Микифор Кыянин, Чюдин, Микула». Разрыв этот в тексте выделяется не только тем, что указывает на какую-то новую часть Правды, но и разбором терминологических особенностей первых 17 и последующих статей.

В Правде Ярослава предполагается существование двух слоев: древнего и более позднего. Еще В. Н. Татищев и Л. К. Гетц считали возможным отнести Правду Ярослава ко времени до крещения Руси. Однако сравнение юридических норм Правды Ярослава с дого-

ворами Руси с греками свидетельствует о том, что правовые нормы Правды Ярослава более позднего происхождения. В частности, в Правде право кровной мести сосуществует с заменой ее выкупом, договоры признают только кровную месть. И все же некоторые особенности первых статей позволяют говорить об их возникновении на основе более раннего памятника, что приводит к выделению этой части в так называемую Древнейшую Правду.

Вторая часть Краткой Правды получила название Правды Ярославичей. Время ее составления устанавливается прежде всего по упоминанию в заголовке Ярославичей — Изяслава, Всеволода, Святослава и лиц, бывших в их окружении и, по-видимому, принимавших участие в составлении Правды. Из текста преамбулы следует, что Ярославичи собирались в дни установления «Правды русской земли». Такой съезд мог состояться между 1054 г. (время смерти Ярослава) и 1076 г., когда умер Святослав.

Обращение к Повести временных лет помогает установить более точно встречу братьев Ярославичей. В 1072 г. они «совокупишася» под Киевом, в Вышгороде, для перенесения мощей Бориса и Глеба в связи с их канонизацией. Слово «совокупишася» в памятниках того времени означало съезд. Хотя съезд был формально посвящен торжественно-религиозному моменту и нет упоминания о выработке нового законодательства, логично предположить, что именно тогда Ярославичи обсудили ту часть норм древнерусского права, которая вошла в Краткую Правду. Выяснение причин, которые могли вызвать появление Правды Ярославичей, подтверждает эту мысль. «Можно думать, — отмечал М. Н. Тихомиров, — что Правда Ярославичей возникла в непосредственной связи с восстаниями в Киевском государстве 1068—1071 гг. Правда Ярославичей устанавливает особенно высокие ставки за убийства княжеских людей, участвовавшие в то время вследствие волнений на Руси». Материалы для датировки Правды Ярославичей можно получить и при анализе имен, упомянутых вместе с Ярославичами на съезде.

Особое место в Краткой Правде занимают Покон вирный и Урок мостникам. Первый представляет собой устав для вирников — сборщиков пошлин в пользу князя. Некоторые исследователи видят в его заключительных словах «то ти оурок Ярославль» подтверждение того, что Покон вирный возник при Ярославе. Устав мостникам большинство исследователей рассматривают как правила для мостовщиков, строителей и ремонтников деревянных мостовых. Другое толкование этого устава подразумевает мосты на реках.

Нет одинакового решения вопроса о времени и месте составления Краткой Правды в целом как единого памятника. Ряд исследователей считают Краткую Правду памятником конца XI в. (М. Д. Приселков, С. В. Юшков), другие (М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин) относят ее сложение ко времени новгородских событий 1136 г. Местом возникновения Краткой Правды указывают Киев и Новгород.

Пространная Правда дошла до нашего времени более чем в 100 списках. Она больше Краткой по объему и составу. Во всех древнейших списках Пространная Правда разделена киноварными

заглавиями на две части — «Суд Ярославль Володимирич. Правда Русьская» и «Устав Володимерь Всеволодича». На первый взгляд это дает основание рассматривать обе части как особые памятники. Однако изучение их приводит к выводу, что они возникли одновременно.

Одним из источников Пространной Правды была Краткая, некоторые статьи которой дословно или в значительно переработанном виде вошли в обе ее части.

Вторым источником Пространной Правды был устав Владимира Мономаха. Причем к уставу во второй части можно отнести только статьи о резах (процентах) и закупках. На это указывает начало текста в ряде списков: «...а се устави Володимер Всеволодович». Этот заголовок относится к статьям о резах. Время возникновения устава определяется по сообщению, в котором говорится, что Владимир после смерти Святополка «созва дружину свою на Берестове: Ратибора Киевского тысячьского, Прокопью Белгородьского тысячьского, Станислава Переславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича Олгова мужа, и устави...». Видимо, это совещание состоялось накануне въезда Владимира в Киев (после восстания 1113 г., направленного прежде всего против ростовщичества). Этим по мнению Б. Д. Грекова объясняется появление устава о резах.

Очень сложным представляется вопрос о возможном третьем источнике Пространной Правды. По мнению М. Н. Тихомирова, им мог быть протограф Сокращенной Правды. Вывод М. Н. Тихомирова о возникновении Сокращенной Правды во второй половине XII в. и существовании ее протографа основывается на том, что следы этого протографа имеются в Сокращенной и Пространной Правде. Некоторые исследователи предполагают позднее возникновение Сокращенной Правды, тем более что два сохранившихся списка относятся к XVII в. Так, С. В. Юшков относил возникновение ее к первой половине XV в., когда новые правовые потребности Московского княжества вынудили изъять из текста Пространной редакции статьи, потерявшие практическое значение.

Ряд статей Пространной Правды, в том числе устав о холопах, раздел о наследстве, возникли первоначально как самостоятельные акты, включенные затем в общий текст. Время возникновения сводного протографа Пространной Правды М. Н. Тихомировым и Л. В. Черепнинным связывается с восстанием 1209 г. (по уточнению В. Л. Янина, это восстание было в 1207 г.) в Новгороде против ростовщичества. Это мнение находит свое подтверждение при сравнении Пространной Правды с текстом договора Смоленска с Ригой 1229 г. Сопоставление свидетельствует о заимствованиях в договоре правовых норм и терминологии Пространной Правды. Характерно, что в тексте договора правовые нормы выделены даже названием «А се починается Правда». Вторичность договора видна из ссылки на Правду и употреблении в нем более позднего денежного счета.

Русская Правда отражает изменения правовых норм и освещает ряд вопросов социальной, экономической, политической жизни

XI—XV вв. При этом Древняя Правда в сведениях по истории Древней Руси первой половины XI в. не дает широкой дифференциации русского общества в целом и феодального класса в частности. Правда Ярославичей с дополнительными статьями к ней отмечает эти изменения для второй половины XI в. Пространная Правда содержит сведения о хозяйстве, категориях феодально-зависимых людей (холопов, закупов, смердов), о системе юридического оформления этой зависимости, углублении социальной, классовой дифференциации, отражает классовую борьбу, политические события, вводит нас в атмосферу быта феодальной городской верхушки и купечества, свидетельствует об оживленной торговой деятельности и т. д.

Источниковедческое изучение редакции и списков Русской Правды позволяет проследить процесс оформления этого законодательного памятника как свода постановлений и судебных обычаев, которым пользовались в различных русских землях.

С установлением феодальной раздробленности тексты Русской Правды (Пространной редакции) подвергаются переработке в соответствии с конкретными потребностями. Русская Правда дополнялась многочисленными руководствами для церковных и гражданских судей, что привело к широкому распространению списков Русской Правды в составе Кормчих и Мерил Праведных.

Почти все древнейшие списки Пространной Правды северного происхождения. Не случайно с наибольшей силой ее влияние прослеживается в юридических памятниках Новгородской, Псковской земель, Владимиро-Суздальского княжества. Русская Правда оказала воздействие и на развитие правовой мысли в тех южных и западных землях Руси, которые вошли в состав Великого княжества Литовского и Польского государства.

§ 2. Судные и уставные грамоты

В условиях феодальной раздробленности, монголо-татарского ига шло развитие местного законодательства, имевшего свои особенности как с точки зрения форм законодательных актов, так и их содержания.

Псковская судная грамота сохранилась в двух списках. Один из них — Синодальный начала 40-х годов XVI в. — имеет только 12 последних статей. Наиболее полный известный текст памятника (Воронцовский список) открыт Н. Мурзакевичем в 1847 г. в сборнике летописных статей XVI в.

Грамота вызывает споры прежде всего по вопросам времени составления и выделению ее составных частей. Уже само начало грамоты породило эти вопросы. В заголовке сказано: «Ся грамота выписана из великого князя Александровы грамоты и из княж Костянтиновы грамоты и изо всех приписков псковских пошлин, по благословению отец своих попов всех пяти соборов, и священноиноков, и дияконов, и священников, и всего божия священства всем Псковом на вечи, в лето 6905». Такое начало несколько необычно для

законодательных памятников и больше напоминает записи псковских летописей. Определение текста как грамоты может пониматься двояко: грамота как юридический акт или грамота как письменный документ. Впрочем, в одной из статей для обозначения текста употребляется название «Правда».

Если исходить из имеющегося текста Псковской судной грамоты, то нетрудно заметить, что речь идет о своде отдельных законов, выписанных из каких-то грамот великого князя Александра и князя Константина и из приписанных к ним псковских обычаев, которые были утверждены духовенством и псковским вечем. Судя по имеющейся в тексте дате (6905 г. от сотворения мира), написанной славянскими буквами под титлами, это 1397 год. Однако указания грамоты на великих князей Александра и Константина ставят под сомнение точность этой даты. Псковскими великими князьями, носившими имя Александра, были в XIII в. Александр Ярославич (Невский) и в XIV в. Александр Михайлович Тверской. Если Александрова грамота принадлежала одному из этих князей, то время ее составления — середина XIII в. или 20—30-е годы XIV в. Под именем Константина известен Константин Дмитриевич, княживший в Пскове в 1407—1414 гг., т. е. после того, как Судная грамота была составлена. Дата 1397 г. противоречит утверждению о благословении грамоты попами «всех пяти соборов». Известно, что пятый собор в Пскове был построен в 1462 г.

Исследованиями Ю. Г. Алексеева так восстанавливается история текста Судной грамоты. Наиболее древним законодательным памятником Пскова была грамота Александра Невского. В виде «выписи» она вместе с приписками о псковских пошлинах вошла в состав первой редакции Псковской судной грамоты 1397 г. Неоднократное редактирование, исключение старых и включение новых статей привело в начале XV в. к созданию второй редакции. И, наконец, третья редакция, дошедшая до нас, возникла после 1462 г.

Псковская судная грамота охватывает значительный круг вопросов и в отличие от Русской Правды больше внимания уделяет разработке норм гражданско-правовых отношений. В грамоте имеются статьи о княжеском суде, суде «владычного» наместника, суде посадника, определяется место судебного разбирательства (не на вече, а у «князя на сених»). Много места отведено судебным тяжбам по земельным делам, статьям о торговле, праве собственности, положению феодально зависимого населения (установление единого срока крестьянского перехода), по наследственному праву и т. д.

Новгородская судная грамота дошла до нас в единственном списке в сборнике 70-х годов XV в. Список этот не имеет конца, текст оборван на полуслове. Особый сборник, составленный, по мнению Л. В. Черепнина, при Иване III в середине XV в., включил целую группу документов. В него вошли подписанный в августе 1471 г. между Новгородом и великим московским князем Коростынский договор и Судная грамота. Ссылка на Судную грамоту в Коростынском договоре позволяет датировать ее не позднее 1471 г.

Первоначальная редакция Новгородской судной грамоты была составлена ранее — в 1385 г. Затем грамота, очевидно, прошла через несколько переработок, пока в 1471 г. не получила вида той редакции, которая сейчас имеется у исследователей и представляет свод судебных установлений.

В Судной грамоте сохранились в основном статьи по судоустройству и судопроизводству. Она обращает внимание на суд архиепископа (владыки), посадника, тысяцкого, определяет порядок рассмотрения отдельных дел, в том числе споров по земельным делам. Грамота фиксирует непосредственное вмешательство московского великого князя в новгородские дела, что отразилось в ограничении боярского самоуправления и в установлении, хотя и декларативно, «ровного» суда для бояр и молодых людей.

Новгородская судная грамота в отдельных своих частях перекликалась с Псковской судной грамотой. Псковская и Новгородская судные грамоты в условиях феодальной раздробленности и ее преодоления, имея в качестве источника Русскую Правду и сосуществуя с ней, разрабатывали новые правовые нормы и в определенной степени подготавливали основу для общерусского законодательства.

Для понимания этого законодательства, выявления его предпосылок важно изучение материалов, возникших в Великом княжестве Московском в XIV—XV вв. Это, прежде всего, комплекс уставных грамот — законодательных актов, исходивших от верховной власти и содержавших распоряжения относительно организации местного управления (наместничьи, губные, таможенные). Из 16 уставных наместничьих грамот, дошедших до нас, две — Двинская и Белозерская — вызывают особый интерес как с точки зрения развития правовых норм, так и с точки зрения отражения в них особенностей социально-экономического и политического развития Руси.

Составление Двинской уставной грамоты связано с восстанием на Двине 1397—1398 гг. против новгородцев. Воспользовавшись им, московский князь, стремившийся присоединить Двинскую землю, послал туда своего наместника с уставной грамотой, которой он «пожаловал есмь бояр своих двинских, также сотского и всех своих черных людей Двинские земли». Возможно, что грамота явилась следствием переговоров между двинянами и Москвой. Грамота была составлена в интересах двинских бояр и отчасти купечества, на которых опирался московский князь, хотя внешне она была обращена ко всем двинянам.

Сравнительно небольшая по объему (18 статей) грамота отразила те тенденции, которые фиксировались нормами права этого времени: защиту интересов феодальных землевладельцев, утверждение господства боярства и их слуг, закрепление системы феодальной эксплуатации. В этом отношении Двинскую уставную грамоту можно рассматривать как начальный этап законодательства складывавшегося Российского государства.

Вместе с тем в преамбуле, где говорится о возможности назначения наместниками двинских бояр, и отдельных статьях грамоты от-

ражено особое положение Двинской земли. Двинские бояре, купечество получили ряд привилегий: ограничение судебной власти наместников, запрещение великокняжеским приставам въезжать на территорию Двинской земли, льготы двинским купцам на территории Московского княжества, исключение двинских купцов из подсудности великокняжеских судебно-административных органов на Устюге, Вологде, Костроме и передача их дел для рассмотрения на Двину.

Двинская уставная грамота испытала влияние Русской Правды, жалованных грамот московских князей; использовала нормы обычного права, а в ряде случаев нормы права Пскова и Новгорода.

Если Двинская уставная грамота начала выработку общерусского законодательства, то Белозерская уставная грамота 1488 г. непосредственно предшествовала Судебнику 1497 г. Время ее составления устанавливается точно по записи в конце грамоты. Уделяя основное внимание деятельности органов административного управления, Белозерская грамота подробно регламентирует повинности населения по отношению к наместникам, (в лице которых выступает государственная власть), устанавливает административные и судебно-финансовые полномочия наместников, разрабатывает ряд положений, связанных с дальнейшим развитием феодальной собственности и положением феодально зависимого населения, уточняет и развивает отдельные стороны уголовного права, в том числе ответственность за наиболее тяжкие и опасные для правящего класса преступления. Одно из важных положений, нашедших отражение в статьях Белозерской уставной грамоты, — установление соотношения между местным наместничьим судом и центральным — великокняжеским.

§ 3. Судебники

Образование Российского государства вызвало потребность в выработке правовых норм, обязательных для всей страны. Судебник 1497 г. был первым кодексом Российского государства. Он подводил итоги предшествующей законодательной деятельности в Московском княжестве и в других землях, сделал первый шаг по созданию общегосударственного законодательства.

Текст Судебника сохранился в единственном списке, обнаруженном П. М. Строевым в 1819 г. и тогда же опубликованном. Сохранившийся список по палеографическим признакам можно отнести к концу XV — началу XVI в. Текст Судебника в списке имеет внутреннее деление. Заголовок, названия отдельных разделов, а также инициалы, которыми начинались некоторые части, выполнены кинноварью. Кинноварные строки, фразы, буквы имеют большое значение для понимания всего текста, ибо они, видимо, отвечали представлениям составителей о группировке отдельных вопросов и статей Судебника. Длительное время кинноварные выделения почти не учитывались исследователями. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов в «Хрестоматии по истории русского права» (1873) разделил Судеб-

ник на 68 статей, которые только частично соответствуют заголовкам и совершенно не учитывают инициалы. В настоящее время историки имеют возможность пользоваться фототипическим воспроизведением текста списка в публикации «Судебники XV — XVI веков» (1952).

Определенного источниковедческого анализа требует вопрос об авторстве. В самом Судебнике об авторе или авторах ничего не говорится. Однако Н. М. Карамзин, а вслед за ним и ряд других исследователей стали считать автором Судебника 1497 г. некоего дьяка Владимира Гусева. Это утверждение основывалось на записи Типографской летописи: «В лето 7006, февраля, князь великий Иван Васильевич посадил на княжение внука своего князя Дмитрия Ивановича. Того же лета князь великий Иван Васильевич и околничим и всем судям, а уложил суд судити бояром по Судебнику Володимира Гусева писати». Текст летописи не дает основания считать Владимира Гусева дьяком. Исследование Н. П. Лихачева о разрядных дьяках XVI в. установило, что такого дьяка не существовало. Как показал Я. С. Лурье, в рассматриваемом тексте 7006 г. (1497) слились два известия: о создании Судебника и о заговоре Владимира Гусева. Предполагают (Я. С. Лурье, Л. В. Черепнин), что слова «Володимира Гусева писати» не находились в том тексте, который послужил основой для составителя Типографской летописи. Их занесли на поля как напоминание о необходимости сделать запись о деле Владимира Гусева, а переписчик механически внес ее в текст после слов «по Судебнику». Такое толкование оспаривается А. А. Зиминим. Он замечает, что на полях могло быть в качестве пометы одно слово «писати» и тогда слова «суд судити бояром по Судебнику Володимира Гусева» могут указывать на автора. Видимо, текстологические объяснения записи летописи не проясняют вопроса об авторстве. Нужно учитывать личность самого Гусева, который был активным участником заговора против Ивана III и казнен в декабре 1497 г. Трудно предположить, чтобы Гусев одновременно выступал в качестве составителя Судебника.

В Судебнике имеется прямое указание на время его составления — 1497 год. Однако есть предположение, что окончательно он был доработан и введен в практику судопроизводства после венчания на царство в 1498 г. внука Ивана III Дмитрия Ивановича.

Вопрос об источниках, которые использовали составители Судебника 1497 г., еще не решен полностью. Из 68 статей (в принятом делении) 25 статей восходят к Русской Правде, Псковской судной грамоте, к уставным грамотам. Большинство же статей возникло, возможно, из норм судебной практики, обычного права того времени или были составлены заново.

Содержание Судебника охватывает все наиболее важные вопросы защиты феодального правопорядка в условиях создания единого Российского государства. Одна из главных тенденций Судебника — установление центрального (боярского) и местного (наместничьего) суда и определение круга вопросов, подлежащих их рассмотрению. Ясно прослеживается стремление к централизации суда,

что отвечало интересам дальнейшего укрепления феодального государства. Статьи, определяющие функции боярского суда, предусматривали контроль за его деятельностью путем участия в суде доверенных лиц великого князя — дьяков, определенного сужения судебных прав боярства. Эту же задачу имели статьи, ограничивавшие судебные полномочия наместников и волостелей.

Другим важным вопросом, рассмотренным в Судебнике, была защита основ феодальных отношений — права земельной собственности. Ряд статей ограничивал интересы крестьянской общины в пользу феодалов, санкционировал правовую защиту захваченных феодалами земель, вводил тяжелые наказания за нарушение прав земельной собственности. В тесной связи с этим находился вопрос о закрепощении крестьян. Еще в середине XV в. по отдельным вотчинам крестьянский выход был ограничен неделей до и неделей после Юрьева дня осеннего (26 ноября по старому стилю). В ряде мест выход разрешался и в другие сроки. Статья Судебника «О христианском отказе» законодательно оформила и распространила на все Российское государство правило крестьянского выхода только в Юрьев день осенний. Срок этот был выбран как окончание цикла сельскохозяйственных работ и охранял интересы феодального владельца. Право крестьянина на выход в Юрьев день обуславливалось уплатой «пожилого» за пользование двором, размеры которого определялись «в полах за двор рубль, а в лесех полтина» и сроком проживания крестьянина за феодальным владельцем. Судебник сделал важный шаг по пути оформления крепостного права в России.

Значительное место в Судебнике было отведено наказаниям за преступления против феодального правопорядка: вводилась смертная казнь за целый ряд преступлений, которые по сути дела являлись проявлением классовой борьбы. В области судопроизводства Судебник продолжает развитие правовых норм, элементы которых можно отметить в судебных и уставных грамотах. Одним из проявлений этого был переход от состязательного процесса к обыскному или розыскному.

Судебник 1497 г. более столетия являлся нормой действующего права и оказал огромное влияние на развитие правовой мысли не только в России, но и в странах Западной Европы, где в конце XVI в. единых общегосударственных судебных кодексов не было. Посол германского императора в Москве Сигизмунд Герберштейн, видимо, не случайно сделал перевод на латинский язык ряда статей Судебника; возможно, он был использован при подготовке в 1532 г. общегерманского свода законов.

Судебник 1550 г. в отличие от великокняжеского Судебника 1497 г. в исторической литературе иногда называют Царским. Подлинник Судебника не сохранился. Текст его был рассмотрен и принят Боярской думой в июне 1550 г., а затем представлен на утверждение Стоглавого собора 1551 г. Всего сохранилось 40 списков Судебника, из них 13 относятся к XVI в. Особенностью многих списков является оглавление, предшествующее основному тексту. Обычно

указываются 99 или 100 статей. В некоторых списках нет последней статьи, которая по мнению ряда исследователей, добавлена позже как особая статья «О суде с удельными князьями» и была направлена на ограничение судебных прав удельных князей.

Причины появления Судебника следует искать в обстоятельствах внутриаполитических: борьба между отдельными боярскими группировками; попытки отдельных кругов сохранить привилегии времени феодальной раздробленности; обострение классовой борьбы. В этих условиях правительство Ивана Грозного серьезное внимание уделило составлению нового Судебника.

Тенденции дальнейшей централизации управления и судопроизводства в стране, намеченные Судебником 1497 г., получили свое развитие в статьях нового Судебника. При сохранении системы кормления вводилось ограничение власти наместников и волостелей. Для ограничения прав наместников большое значение имела передача дел «о ведомых разбойниках» в ведение губных старост. Тем самым губная реформа, проведенная ранее в ряде северных уездов, получила общегосударственное распространение. Немаловажным фактором было введение приказной системы. Правда, указаний о деятельности приказов мало. Это объясняется тем, что в момент создания Судебника перестройка центральных ведомств и учреждений, подчиненных им на местах, только начиналась.

Стремление оградить интересы дворянства зафиксировано в запрещении перехода служилых людей в кабальное холопство, что мотивировалось необходимостью сохранения их для государственной службы. Судебник 1550 г., повторяя, на первый взгляд, положение о праве перехода крестьян только один раз в году, более детально рассматривает взаимоотношения, которые могут быть между феодалом и зависимым крестьянином. Вводя некоторые ограничительные меры против выхода крестьян, Судебник еще не мог зафиксировать полного прикрепления крестьян к земле и владельцу.

§ 4. Соборное Уложение 1649 г.

Развитие законодательства после Судебника 1550 г. нашло свое отражение в многочисленных указах, грамотах, постановлениях, уложениях, фиксировавшихся в специальных указных книгах, которые велись при центральных учреждениях. Отдельные из этих актов играли громадную роль. Так, заповедные лета (заповедь — запрещение), вводившиеся в интересах дворянства с 1581 г. и установившие вначале временное, а затем бессрочное запрещение крестьянского выхода в Юрьев день, и были важным шагом по пути окончательного закрепощения крестьян. В конце XVI в. была сделана попытка создать особый Судебник для русского черносошного Севера (Судебник 1589 г.). Около 1606—1607 гг. в одном из московских правительственных учреждений был создан так называемый Сводный Судебник. В его основу были положены Судебник 1550 г., указы о княжеских вотчинах, приговор о служилых холопах и ряд

других законодательных памятников. Этот Сводный Судебник сохранился как проект нового кодекса.

Крупнейшим законодательным памятником XVII в. явилось Соборное Уложение 1649 г., которое возникло под непосредственным влиянием и воздействием событий середины XVII в., прежде всего городских восстаний, развернувшихся в 1648—1649 гг. Земский Собор 16 июля 1648 г. рассмотрел челобитье служилых и торговых людей о составлении нового судебного — Уложенной книги. Для выработки Уложения была создана специальная комиссия (приказ), во главе которой стоял боярин князь Никита Иванович Одоевский «с товарищи» — князем С. Прозоровским, окольничим Ф. Волконским, дьяками Г. Леонтьевым и Ф. Грибоедовым. 1 сентября 1648 г. новый Земский Собор начал слушать проект Уложения. Как полагают, Уложение было утверждено Земским Собором 29 января 1649 г.

Оригинал Соборного Уложения представляет столбец длиной в 309 м из 959 отдельных сставов. Этот уникальный документ позволяет судить о работе над его составлением. По лицевой стороне столбца написан несколькими писцами текст Соборного Уложения. На обороте — 315 подписей участников Собора. По склейкам лицевой стороны скрепа думного дьяка И. Гавренева. Скрепы думных дьяков Ф. Елизарьева и М. Волошенинова и дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова сделаны на оборотной стороне по склейкам же. Специальные пометы на столбце указывают источники той или иной статьи. В рукописи имеются поправки, пропущенные при переписке места восстановлены. К Уложению приложена «Опись поправкам».

В то же время в судебной практике этим столбцом не пользовались. С подлинного столбца была сделана рукописная книга-копия «слово в слово», с которой были отпечатаны экземпляры Соборного Уложения. Установить число отпечатанных книг пока не представляется возможным. В одном из документов приводится цифра — 1200 книг. Это колоссальный по тому времени тираж.

В отличие от предшествовавших законодательных актов Соборное Уложение отличается не только большим объемом (25 глав, разделенных на 967 статей), но и большей целенаправленностью и сложной структурой. Краткое введение содержит изложение мотивов и истории составления Уложения. Главы построены не по отраслям права, а по рассматриваемому объекту правонарушения, со своеобразным тематическим их выделением специальными заголовками: «О богохульниках и церковных мятежниках» (гл. 1); «О государственной чести и как его государское здоровье оберегать» (2); «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги» (5); «О проезжих грамотах в иные государства» (6); «О службе всяких ратных людей Московского государства» (7); «О мытах и о перевозах, и о мостах» (9); «О суде» (10); «О посадских людях» (19); «Суд о холопах» (20); «О разбойных и о татинных делах» (21); «О стрельцах» (23); «Указ о корчмах» (25).

Такая схема построения глав позволяла их составителям придерживаться обычной для того времени последовательности изло-

жения от возбуждения дела до исполнения судебного решения. Это вызывает серьезные затруднения при анализе Уложения как по отраслям, так и по объекту права. Так, хотя поместным землям посвящено 69 статей специальной 16-й главы, еще 106 статей с правовыми нормами, касающимися поместного землевладения, разбросаны по 15 другим главам. Из 159 статей с правовыми нормами относительно вотчин в специальной 17-й главе только 55 статей. Аналогичные моменты отмечаются и по другим объектам права.

Соборное Уложение 1649 г. было завершающим этапом в процессе становления законодательства единого Российского государства. Этим определяется значение его как исторического источника в изучении сложных проблем социально-экономической и политической истории России XVII в. Доминирующим принципом Уложения было утверждение права как привилегии феодального класса. Отсюда курс на укрепление феодального, прежде всего дворянского, землевладения; определение правового статуса крестьян и посадского населения, выразившегося в юридическом оформлении крепостного состояния первых и в сословности вторых в рамках крепостнических отношений. Уложение отразило переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму, роль религии и церкви в этом процессе. В Уложении были зафиксированы понятия государственного суверенитета, безопасности, подданства, военного долга, государственных политических преступлений; осуществлена разработка вопросов материального и процессуального права и судопроизводства.

Пометы на списке-столбце Соборного Уложения в ряде случаев отмечают источник той или иной статьи. Анализ статей свидетельствует о творческой переработке использованных источников применительно к условиям России XVII в. Составители Уложения обращались к материалам Кормчих книг, Литовского статута, текущего законодательства, многочисленных челобитных дворян и посадских людей за первую половину XVII в., к материалам практического судопроизводства и многим другим источникам.

Можно на примере главы «Суд о крестьянех», являющейся одной из центральных и юридически оформившей крепостное право в России, проследить, какие источники легли в ее основу. Начиная с введения в 1581 г. заповедных лет, с указа 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян («урочные лета»), правительство неуклонно шло к юридическому оформлению крепостного права. Многочисленные коллективные челобитные дворян в первой половине XVII в. с требованием удлинения «урочных лет» нашли воплощение в законодательных актах, установивших в 1642 г. 10-летний срок розыска беглых крестьян и 15-летний сыск вывозных. Однако дворянство не было этим удовлетворено и добивалось бессрочного сыска, юридического прикрепления крестьян к земле и ее владельцу. Дворянские челобитные, а также материалы законодательства предшествующего времени были положены в основу Уложения. Кульминационной является статья 9 главы 11 «Суд о крестьянех», которая установила бессрочный сыск крестьян икрепила их к определен-

поному месту: «А которые крестьяне и бобыли за кем записаны в переписных книгах прошлых ... годов, и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они в переписных книгах записаны, збежали, или впредь учнут бегати: и тех беглых крестьян и бобылей, и их братью, и детей, и племянников, и внучат з женами и з детьми и со всеми животы, и с хлебом стоячим и с молоченым отдавать из бегов тем людям, из-за кого они выбежат по переписным книгам, без урочных лет, а впредь отнюд никому чюжих крестьян не принимать, и за собою не держать». Писцовые книги, составленные в 1646—1647 гг., стали теми документами, которые фиксировали прикрепление крестьян.

Работа комиссии по составлению Уложения заключалась не только в подборке материалов для глав и статей кодекса. Положения их были предметом тщательного рассмотрения как в самой комиссии, так и непосредственно при дворе. Текст проекта Уложения слушался и обсуждался на Соборе в двух палатах. В одной заседали царь с Боярской думой и Освященным собором, в другой, называвшейся «Ответной палатой», были выборные всяких чинов люди.

Созданное в середине XVII в. Соборное Уложение на протяжении длительного времени оставалось основным кодексом законов. Во второй половине XVII — начале XIX в. оно обросло большим числом дополнений, уточнений, изменений.

Глава 6

АКТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Название «акт» для документов юридического характера в России стало употребительным только с XVIII в. До этого все многообразие различных по содержанию и правовому значению документов называлось грамотами. Причем грамотами именовались и документы с определенной юридической формой и деловые или иные письма. Это требует особого внимания при отнесении отдельных грамот к числу актов.

Классификация актов необходима как с точки зрения изучения развития правовой надстройки, так и с точки зрения изучения отдельных групп и конкретных актов, выяснения их формуляра и состава, их изменений в связи с конкретной исторической обстановкой. Сложность классификации актового материала определяется обилием его разновидностей (их известно не менее 150) и многосторонностью каждого акта, тесным переплетением в них аспектов экономической, социальной, политической истории. Наряду с делением актов на публично-правовые и частноправовые в настоящее время получила распространение классификация актов на основе выяснения места акта в общественной жизни и его значения для изучения различных сторон общественных отношений. В связи с этим выделяются акты, отражающие и характеризующие борьбу феодалов за землю; акты, свидетельствующие

о борьбе феодалов за рабочие руки, ренту, за власть над непосредственным производителем; акты, фиксирующие систему внеэкономического принуждения непосредственных производителей; акты, характеризующие положение торгово-ремесленного населения; акты, отражающие политические отношения между княжествами и землями; акты государственного управления; акты феодального суда; внешнеполитические акты; акты церковного права. Такая классификация хотя и носит условный характер, но позволяет с наибольшей полнотой выяснить как всю совокупность актового материала, относящегося к определенному процессу, так и однотипные акты, получить необходимый, исходный материал для исторического исследования.

Изучение актового материала наиболее продуктивно при сопоставлении формальных черт акта с его содержанием, выявлением обстоятельств появления акта и его связей с общественной жизнью.

Акты в своем развитом виде имеют три основные части: протокол (начальный протокол), основной текст и конечный протокол. В протоколе выделяются религиозное посвящение (инвокация), имя и титул лица, от которого исходит документ (интитуляция), определение лиц, которым адресуется документ (инскрипция), приветствие (салютация). Основной текст включает преамбулу (с формулировкой высшей цели составления акта), формулу публичного объявления, изложение обстоятельств дела, распоряжение по существу дела, запрещение нарушать под угрозой божьей кары или штрафа распоряжение, удостоверение о скреплении документа подписью, печатью и пр. В конечный протокол входят указание места и времени выдачи документа и религиозная формула удовлетворения по поводу завершения. Подписи и печати примыкают непосредственно к конечному протоколу.

Такой «развитой» по своим пунктам акт применительно к отдельным русским актам имел свои особенности и отклонения, которые зависели как от времени и обстоятельств совершения акта, так и от специфики каждой разновидности и даже отдельных экземпляров акта.

Необходимость фиксирования в юридической форме экономических, социальных, политических взаимоотношений возникла с созданием государства. Но на раннем этапе развития феодализма, при господстве норм обычного права, потребность в письменном акте была незначительной. Изучение сохранившегося актового материала приводит к выводу, что первоначально доминирующее значение имели публично-правовые акты, главным образом фиксировавшие отношения между светской и церковной властями, жалованные грамоты на землю и другие объекты владения. Вопрос о существовании частных актов в Древней Руси долго ставился под сомнение. С. Н. Валк относил появление частных актов на Руси к середине XIV в. М. Н. Тихомиров был сторонником более раннего их возникновения. Исследования В. Л. Янина об актовых печатях Древней Руси убедительно показали, что най-

денные в Новгороде вислые свинцовые печати XII—XIII вв. являются остатками именно частных актов.

В силу целого ряда причин многие акты, особенно XII—XVI вв., до нашего времени не дошли. От XII в. сохранилось всего 8 актов (только по Новгороду и Пскову), а от XIII в. — 15. Это обстоятельство затрудняет изучение частных актов Древней Руси. Значительно возрастает число актов с конца XIV в. Актовый материал с этого времени становится массовым, что позволяет вести его изучение комплексно.

Практически все найденные акты Северо-Восточной Руси, Новгорода, Пскова, Рязани опубликованы. Их около 2250.

К древнейшим русским актам относятся первые международные договоры Руси с Византией: 911, 944 и 971 гг. Текст договоров известен по Повести временных лет. В летописи имеются указания и на договорные статьи 907 г., однако большинство исследователей не считают их реальными. Судить о том, каким путем попали договоры в летопись, трудно. Возможно, что это были переводные копии. По крайней мере анализ договоров позволяет сделать вывод о зависимости текста договора 911 г. от греческого оригинала.

Все три договора были заключены после военных столкновений, в первом случае успешном для Руси, в двух других — неудачных. Это отразилось в содержании статей. В частности, договор 911 г. устанавливал порядок выкупа пленных, наказания за уголовные преступления, совершенные греческими и русскими купцами в Византии, порядок судопроизводства. Договор 944 г. подтверждал несколько измененные нормы уголовного и процессуального права договора 911 г., но в то же время устанавливал некоторые ограничения для русских купцов, вводил систему княжеских грамот для русских послов и купцов. Договоры 944 и 971 гг. устанавливали определенные обязательства Руси не претендовать и не нападать на владения Византии.

К наиболее ранним русским актам относятся церковные уставы. Устав князя Владимира Святославича — древнейший акт, определяющий правовое положение церкви. Считают, что из шести его сохранившихся позднейших редакций первые две сложились в конце XII — начале XIII в. Причем в основе устава была уставная грамота князя Владимира (конец X — начало XI в.), представлявшая по форме внешнеполитический акт. Это своеобразный договор Владимира с женой Анной, сестрой византийского императора. Устав князя Ярослава Владимировича сохранился в переработках XIV—XV вв. Многочисленные списки делятся на две редакции. Из них Краткая, как полагают, ближе к первоначальному тексту и отражает правовые нормы XI—XII вв. Устав Ярослава, подобно уставу Владимира, имел предшественником уставную грамоту — договор князя с первым русским митрополитом Илларионом. На это есть указание в начале устава: «Се яз, князь великий Ярослав, сын Володимерь, по данью отца своего сгадал есмь с митрополитом Ларионом».

В XII в. возникают местные церковные уставы. К ним относятся новгородский устав Святослава Ольговича 1137 г. и смоленский устав Ростислава Мстиславича 1136 г. (ранее, по позднейшей приписке, его датировали 1150 годом). Устав Святослава Ольговича представляет акт, регулировавший доход новгородского владыки и дававший ему известную независимость от княжеской власти. В уставе имеются сведения по организации управления в землях Новгорода, структуре раннефеодального государственного аппарата, системе эксплуатации населения.

Церковные уставы Ярослава, Святослава, как и другие акты этого времени, не имеют развитой протокольной части, в них распорядительное начало превалирует. Они ближе по своему характеру к законодательным актам. Более выражено договорное начало в Смоленской грамоте.

Новгородскому князю Всеволоду Мстиславичу принадлежат два устава. Один из них определял состав торговых пошлин, сбор которых передавался епископской кафедре и церкви св. Ивана, а также устанавливал объем епископской юрисдикции и перечень групп населения, подведомственного церковному суду. Второй устав, известный как грамота князя Всеволода Мстиславича церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде, был составлен в 1137 г. Он утверждал юридический статут сложившегося при церкви купеческого общества — «Иванского ста». И хотя в подлинниках уставы не сохранились и вопрос о времени их составления окончательно не решен (А. А. Зимин относит их к XIV в., В. Л. Янин первый устав относит к 1219—1221 гг., а второй — к концу XIII в.), большинство исследователей видят в них отражение правовых норм XII в. Уставы отличает акцентирование внимания не на получении доходов от эксплуатации земельных владений, а на торговых пошлинах.

Другая группа актов — жалованные грамоты; они сохранились начиная с XII в. и получают свое развитие в XIV—XVII вв., когда появляются их многочисленные разновидности. Суть жалованных грамот заключается в распоряжении княжеской (а позже — царской) власти о пожалованиях (отсюда их название) земель, крестьян, угодий, податных и судебных льгот светским и духовным феодалам. Дошедшие от XII в. четыре жалованные грамоты монастырям говорят в основном о пожаловании земель, хотя в одной грамоте упоминаются в качестве объектов пожалования люди и кони, в другой — смерды, в третьей — серебряное блюдо. Две грамоты жалуют также освобождение от пошлин.

Среди этих грамот находится древнейший русский акт, сохранившийся в подлиннике на пергамене, со следами прикрепления печати, — жалованная грамота Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю (около 1130 г.).

Многие акты XII—XIII вв. дошли до нас в позднейших списках. Составление списков или копий более ранних документов в XVI—XVII вв. было обычным делом. Такие списки-копии возни-

кажи чаще всего при спорах, судебных разбирательствах, когда тяжущиеся стороны предъявляли судьям различного рода акты, подтверждающие их правоту. Особая система записи таких документов, когда писец оговаривал, что он составлен «слово в слово», как бы подтверждала соответствие копии подлиннику. Нотариальность таких списков очень высокая, что хорошо показано Л. М. Марасиновой, обнаружившей 30 таких копий в столбцах Поместного приказа по Пскову.

С XII в. связаны два акта, известных под названием данная (дарственная), или купчая, и духовная (завещание) Антония Римлянина. Грамоты известны в списках 1573 г.

Копии с купчей и духовной Антония Римлянина входят в состав дела, связанного с тяжбой властей новгородского Антониева монастыря с посадскими людьми из-за пашни и луга. Подлинность и датировка этих грамот вызвали большие споры. Так, С. Н. Валк считал грамоты фальсификацией. М. Н. Тихомиров противоречия текста (например, счет на рубли) объяснял его поновлением при переписке с подлинника. Последние исследования грамот В. Л. Яниным привели к выводу, что духовная Антония Римлянина могла возникнуть до 1131 г., чему не противоречит время деятельности самого Антония, а также характер и содержание грамоты. Что касается купчей Антония, то В. Л. Янин (на основе упоминания в грамоте рублей, что говорит в пользу составления грамоты не ранее конца XIII в., упоминания термина «посадничьи дети», который в других источниках встречается только с XIV в.) считает возможным отнести ее составление между концом XIII и серединой XIV в.

К числу древнейших актов относится и вкладная (данная) Варлаама Хутынского новгородскому Спасо-Хутынскому монастырю. Грамота написана на пергамене и по палеографическим особенностям относится к XII—XIII вв., хотя некоторые исследователи считают ее более поздней (XIV—XV вв.). Датируют грамоту или 1192 годом, под которым в летописи имеется запись о построении Варлаамом церкви на Хутыни, или 1211 годом (год смерти Варлаама). К древнейшим подлинным пергаменным актам относится духовная новгородца Климента, составленная не позднее 1270 г., и псковская рядная (договорная) Тешаты и Якима. Начиная с XIII в. встречаются акты, написанные на бересте, среди них духовная, данная о возврате серебра.

Таким образом, можно отметить, что древнейшие дошедшие до нас акты возникли в основном в сфере внешнеполитических и социально-политических отношений. Акты социально-экономических отношений только зарождаются.

Усложнение структуры социально-экономических и политических отношений средневековой России обусловило появление новых разновидностей актов, охватывающих практически все стороны жизни. Усилилась многозначность, многоаспектность информации каждого отдельного акта. Отсюда затруднения в отнесении конкретно взятой грамоты к какой-то четко определенной

групп или разновидности. Так, в сфере социально-экономических отношений с XII в. входит в обиход данная грамота, означавшая передачу (отдачу) недвижимого имущества (деревень, земель, промысловых угодий и т. д.) духовному учреждению (монастырю, митрополичьей кафедре) или частному лицу. Выдаваемая монастырю или митрополиту такого рода грамота по сути дела являлась вкладной, как ее часто и называют. Эти акты обычно имеют запись о передаче имущества на «помин души». Провести четкую грань между данной и вкладной грамотами не всегда удается. С запрещением земельных вкладов в монастырь церковными соборами 1580 и 1584 гг. данные грамоты этого типа исчезают.

Значительное число актов публично-правового происхождения, известных под именем жалованных грамот, также очень разнотипно. Есть жалованные (вотчинные) акты о предоставлении земли и крестьян в вотчину и устанавливающие права их владельцев. Жалованная вотчинная льготная одновременно определяла податные или судебные льготы. Жалованные тарханские грамоты оформляли бессрочное освобождение (по-татарски «тархан») феодальных владений от государственных налогов и повинностей. Жалованная несудимая освобождала феодальные владения от княжеского (царского) суда и предоставляла им частичное право вотчинного суда. Жалованные грамоты выдавались на освобождение от торговых или проезжих пошлин (мытная), на право беспошлинного провоза товаров (проезжая). Жалованные грамоты выдавались населению городов и черных волостей. Исследователи часто встречаются с комбинированными грамотами в виде тарханно-несудимой, тарханно-несудимой и льготной, льготной-несудимой. К числу жалованных грамот относятся кормленные, связанные с местным управлением, таможенные, определявшие порядок местного таможенного управления, предметы обложения, виды и размеры пошлин и т. д.

Характер жалованных грамот имели акты, выдававшиеся митрополитами, архиепископами и епископами. Построенные по типу общегосударственных жалованных грамот, митрополичьи грамоты регулируют и регламентируют порядок отношений между феодалом и зависимым крестьянином, состав ренты. Митрополит выступает в этих грамотах не только как глава церкви, но и как глава сложной феодально-хозяйственной организации, имевшей светских вассалов. Такой тип грамоты имела уставная грамота митрополита Киприана Владимирскому Царевоконстантиновскому монастырю 1391 г.

В целом жалованные грамоты, действовавшие в сфере социально-экономических отношений, позволяют проследить закрепление перехода в собственность феодалов недвижимого имущества, иммунитет феодального землевладения, права феодалов на организацию промыслов, ведение торговли, сбор таможенных пошлин.

Широкое распространение имели грамоты, оформлявшие различные частные сделки на недвижимое имущество, прежде всего на землю: данные, купчие, меновные. Формуляр этих грамот содержит указания на участников, объект и характер сделки. Указываются границы отчуждаемой земли либо с подробным перечислением межей, либо глухой формулой «куда ходила соха, плуг, топор и коса»; свидетели (послухи) сделки; писец грамоты; наличие печати. Запись даты составления этих грамот, как и других частных актов, становится обязательной только с конца XV в.

По структуре и содержанию купчие грамоты близки к данным, но так как они оформляли куплю-продажу, то включали сумму, выплачиваемую покупателем продавцу, обязательства продавца «очищать» землю, т. е. отклонять претензии на нее со стороны третьих лиц. Формула «а купил ту землю себе и детям своим, впрок, без выкупа» защищала покупателя от претензий родственников продавца на выкуп земли. В данных грамотах этому соответствовала передача земли «в веки». Близки по типу к данным и купчим меновные (меновые) грамоты, оформлявшие обмен землями между их владельцами. Грамоты эти появились в Пскове в XIV в., а в общий обиход вошли в XV в.

К поземельным актам относятся закладные, деловые, полюбовные разъезжие грамоты. Особый вид имели закладные грамоты, оформлявшие заем денег под залог имущества, в том числе и земли. В условиях развития феодальной собственности на землю закладные акты способствовали концентрации земли в руках крупных светских и духовных феодалов, а также были способом закрепощения крестьян.

Деловые (дельные) грамоты фиксировали раздел земли между наследниками. По характеру они близки к духовным грамотам и могли составляться на основе последних. В то же время известны деловые (раздельные) грамоты, которые фиксировали раздел имущества между совладельцами, не являвшимися наследниками этого имущества. Такие грамоты не связаны с духовными, они ближе к актам межевания земли (отводным, разводным, разъезжим и др.), что иногда затрудняет отнесение той или иной грамоты к определенному виду.

Полюбовные разъезжие (разводные) грамоты были документами размежевания («разъезда», «развода») соседних или спорных частных владений на основе мирного соглашения, без суда. Все эти акты утвердились с середины XVI в., хотя разновидности деловых (раздельных) и полюбовных разъезжих грамот были в Новгороде и Пскове в XIV в.

С образованием единого Российского государства возникают новые разновидности земельных актов.

Оброчные грамоты (XVI—XVII вв.) оформляли отдачу в аренду (оброчное пользование) земель. Они могли выдаваться земельными собственниками на земли, входившие в состав их владений и в силу каких-то причин не использовавшиеся. В то же

времена оброчные грамоты могли выдаваться и правительством на pasture земли, рыбные ловли, бортные леса. Следует отличать оброчные арендные акты от других, тоже правительственных оброчных грамот, которые оформляли замену всех государственных податей и повинностей с феодального владения единой, определенной суммой оброка (XV—XVI вв.).

Группу актов, оформлявших сделки на отчуждение земель, составляют отступные, посылные, отданные грамоты. В основе их названий понятия «отступиться» — уступить, «посилье» — тягловый участок, владение, «отдача» — отдавать. Эти грамоты в XVI—начале XVII в. составлялись в основном среди черносошных крестьян. Сделки представляли практически продажу земельного участка другому черносошному крестьянину или феодалу и близки к купчим грамотам.

В XVII в. встречаются кортомные записи («кортома» — аренда, наем земли, плата за наем), близкие к оброчным грамотам. Они оформляли сдачу на срок за плату не только земли, но и мельниц, других объектов, расширяя тем самым круг арендных сделок.

Тесно с развитием феодальных отношений связаны акты, фиксировавшие ту или иную степень зависимости населения от феодалов.

Одной из форм зависимости было холопство. Документы, оформлявшие поступление людей в полные холопы («в полницу»), известны с XV в. под названием полных грамот. Они в основном дошли до нас в составе новгородских записных книг старых крепостей конца XVI в. Для закрепления полного холопства сделки такого рода могли быть совершены с доклада наместнику, что отмечалось специальными докладными грамотами.

Изживание полного, докладного холопства привело к появлению с начала XVI в. новой разновидности актов, посредством которых осуществлялся переход в холопы, — служилой кабалы. Зависимость по служилой кабале была связана с заемной операцией, когда зайщик в счет уплаты долга должен был у займодавца во дворе «служити по вся дни и всякое дело делати». И хотя по служилым кабалам кабальные люди предстают как лица, имеющие право погашения долга и выхода из кабалы, практически такая возможность реализовывалась редко. Не случайно в этих кабалах отмечались физические приметы кабального человека (рост, цвет волос, глаз), необходимые для разыска в случае его бегства, а также его юридический статус до заключения сделки, например: «Преже сего нигде не служивал, сказался вольной человек».

Определенная схожесть была у служилой кабалы с другими актами, носившими кабальный характер: с закладной и заемной грамотами. Если заклад (залог) самой земли под определенную денежную сумму ставил закладчика в зависимое положение, то заемная кабала, не обусловленная залогом земли и требовавшая от зайщика уплаты «займа» в срок, а при просрочке —

с процентами («ростом»), могла привести к закабалению человека.

С середины XVI в. сохранились порядные грамоты — договоры на поступление в крестьяне к феодалу. Обе стороны брали на себя обязательства: порядчик — освоить надел и после этого нести повинности в пользу землевладельца, а феодал давал крестьянину «льготу» на срок по оброку и барщине и «подмогу» натурой, скотом, деньгами.

С 20-х годов XVII в. появляются ссудные грамоты, постепенно заменившие порядные. Суть их заключалась в получении вступающим в крестьяне денежной ссуды, в обязательстве «жить... безвыходно» и безотлагательно платить оброк, нести тягло, работать на владельца. Тенденция внедрения барщины и крепостного состояния выражена в ссудных грамотах более отчетливо, чем в порядных. Они больше приближаются к служилым кабалам, что может рассматриваться как ликвидация различий в правовом положении крепостных крестьян и холопов.

В XVII в. получили распространение жилые — записи, определявшие отношения господина и «жильца», нанимавшегося на службу за определенное вознаграждение.

В условиях крепостнического государства феодалы пользовались правом отчуждения крестьян, которое оформлялось в поступных, купчих, отступных записях. Поступные записи появились в конце XVI в., а наибольшее распространение получили во второй половине XVII в. Запись фиксировала передачу крестьянских семей или отдельных лиц за долг. Часто «уступка» крестьян означала отказ прежнего владельца от беглого крестьянина, осевшего на земле другого феодала. Продажа крестьян без земли в собственность другому феодалу оформлялась купчей записью. Грамоты этого типа появляются с середины XVII в. Иной характер носили отпусные (вольные) грамоты (XVII в.), которыми оформлялось освобождение от личной крепостной зависимости холопов, кабальных людей и крестьян. На практике отпусная грамота часто означала перераспределение рабочих рук между различными категориями феодалов.

С утерей значения данных грамот как актов вклада в XVII в. получают распространение данные (дарственные) записи, по которым производилась передача зависимых людей между владельцами.

Своеобразными были рядно-сговорные грамоты — брачные сделки. Возникнув в среде феодалов и определяя приданое, куда входили наряду с имуществом, скотом и зависимые люди без земли, эти акты в XVII в. проникли и в среду зажиточных крестьян.

Для XVII в. отмечаются складные записи — договоры хозяйственного предпринимательства. Стороны договаривались о долях капитала или имущества, вкладываемого в дело.

Как средство прикрепления крестьянина к несению тех или иных обязательств по отношению к государству, к феодалам

использовались поручные записи (грамоты). Такие записи практиковались при поступлении в черносошные крестьяне, при подражении пришлых людей в крестьяне у феодала (вместо порядных грамот). Особенностью этих сделок было участие трех сторон: человека, ставшего объектом поруки; волостных властей или феодала; поручителей, бравших на себя материальную ответственность за выполнение поряжавшимся условий порядка. Аналогичны поручные записи при вступлении в посадскую общину.

В целом отмеченные публично-правовые и частные акты регулировали очень широкий круг вопросов: производство и распределение ренты; закрепощение крестьян; перераспределение и обмен земельных фондов, движимого имущества, крестьян, холопов, денег; аренду земли; предпринимательство и др.

Политические взаимоотношения между княжествами и землями в XIII—XVI вв. получили отражение в духовных грамотах великих и удельных князей, договорных (докончальных) грамотах между великими князьями и великих князей с удельными, в договорах Великого Новгорода с князьями.

Обычные частные акты завещания — духовные грамоты — распоряжения на землю, движимое имущество, людей, долги и т. д. в княжеских грамотах получили политическое содержание, отражающее сложные процессы развития государственных отношений. Самые ранние образцы княжеских завещаний — два «рукописания» владимиро-волынского князя Владимира Васильевича дошли в записи Ипатьевской летописи под 1287 г. В настоящее время известно около 30 княжеских духовных грамот за XIV—XVI вв. Древнейшая духовная грамота князей Северо-Восточной Руси принадлежит Ивану Калите. Она сохранилась в двух списках, в подлинниках на пергамене. Обычно датируют их 1339 годом. Придавая большое значение духовным грамотам, их тщательно оберегали. Этим объясняется, что до нас дошли грамоты Семена Гордого, Ивана Ивановича, Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича, Василия Темного, Ивана III и Ивана Грозного в подлинниках или списках. Не сохранилась грамота Василия III, хотя летописи о ней упоминают. Духовные московских князей выдержаны в одном стиле, за исключением грамоты Ивана Грозного, носящей черты полемического сочинения. Грамоты начинались с традиционного богословия («Во имя отца и сына и святого духа»), с обстоятельств ее составления. Основная, завещательная, часть посвящена распределению территории, имущества, установлению служебных и финансовых прерогатив наследников, вассально-сюзеренных отношений между ними. В конце грамоты традиционно отмечались свидетели (послухи), писец, определялось наказание за нарушение завещания («А кто грамоту порушит, судит ему бог»). Удостоверялась грамота печатью.

Хорошая сохранность московских великокняжеских и других княжеских грамот дает возможность проследить по ним рост и усиление Московского княжества и возникновение Российского государства. Уравнительный раздел владений между наследника-

ми в духовной Ивана Калиты сменяется тенденцией усиления экономической мощи старшего наследника уже в грамотах XIV в., например в духовной Дмитрия Донского. Резко увеличиваются владения старшего наследника, а следовательно и политическая власть, в духовных Василия Дмитриевича (1406, 1417, 1423 гг.), Василия Темного (1461/1462 гг.). Иван III уже благословляет «сына своего старейшего Василья своею отчиною великими княжества» (1503/1504 гг.).

В княжеских духовных грамотах много материалов по истории хозяйства, торговли, таможенной политики, положению зависимого населения, нормам права. По ряду духовных грамот остаются спорные вопросы, связанные с датировкой их, установлением соотношений между списками-редакциями, соответствия копий оригиналу.

Межкняжеские договорные (докончателльные) грамоты составляют важную группу актов, раскрывающих взаимоотношения между великими князьями; великими и удельными. Ранний из сохранившихся межкняжеских договоров был заключен в середине XIV в. московским великим князем Семеном Гордым с братьями — удельными князьями Иваном и Андреем. Последнее докончание составлено между Василием III и дмитровским князем Юрием Ивановичем в 1531 г.

Договорные грамоты составлялись в двух экземплярах — «противнях». После требования целовать крест в знак верности соглашению договаривающиеся стороны определяли, кто из них «брат старейший», а кто «брат младший», чем обуславливался вассально-сюзеренный характер договора. Договорные грамоты фиксировали союзные обязательства князей «быти ны заодин до живота», «ввести на конь» в случае военной необходимости, соглашения по вопросам владения территориями, статуса различных категорий населения, права отъезда бояр и вольных слуг, порядка взимания пошлин и выплаты «выхода» — ордынской дани. Значительное число договорных грамот было составлено во второй четверти XV в., когда в условиях феодальной войны проблемы военных и политических союзов были очень острыми.

К договорным грамотам близко примыкают перемирные и меновные межкняжеские грамоты. Перемирные грамоты — договоры между воюющими сторонами об установлении перемирия. В них, как правило, нет фиксации вассально-сюзеренных отношений. Определяя срок перемирия, грамоты обуславливают его взаимными обязательствами воздерживаться от мероприятий, могущих привести к возобновлению военных действий. Меновные грамоты по своей форме были соглашениями на обмен владениями между великими и удельными князьями. Именно такой характер имеет последняя меновная грамота, заключенная Иваном IV и старицким князем Владимиром Андреевичем в период опричнины, в 1566 г.

Разновидностью договорных грамот были церковно-княжеские договоры, среди которых выделяется договорная грамота Васи-

лия Дмитриевича с митрополитом Киприаном (1404 г.), регулирующая взаимоотношения церкви с государственной властью в сфере суда, податей, патроната.

Особенность политического строя Новгорода обусловила возникновение специальных договоров Великого Новгорода с князьями.

Сохранилось за XIII—XV вв. около 30 таких договоров. Первоначально эти договоры заключались почти исключительно с тверскими князьями. Первый договор с московскими князьями относится к 1471 г. Есть также договоры Новгорода с великими литовскими князьями. Древнейшие три договора Новгорода с князем Ярославом Ярославичем тверским относятся к 1264—1270 гг. Последние договоры московских великих князей — Яжелбицкий 1456 г. и Коростенский 1471 г. — завершали историю новгородской самостоятельности. Новгородско-тверские договоры сохранились в подлинниках на пергамене, удостоверены печатями, московские договоры — в подлинниках и списках. Подобно другим договорным грамотам, соглашения Новгорода с князьями составлялись в двух экземплярах. Если новгородско-тверские договоры посвящены трем основным вопросам: степени участия князя в управлении землей и его правах, военной помощи, миру, то последующие грамоты стали больше отражать борьбу князей за усиление своей власти в Новгороде.

Среди внешнеполитических актов выделяются договоры с иностранными государствами, которые заключались Новгородом, Псковом, Смоленском, великими московскими, тверскими, рязанскими и другими князьями, и ханские ярлыки. Договоры Новгорода и Пскова со Швецией, Ригой, Готландом, немецкими ганзейскими городами во главе с Любеком сохранились в подлинниках на русском, латинском, немецком языках. Сохранились также проекты договоров, дипломатическая переписка. Договоры устанавливали границы, определяли условия проезда и торговли, регулировали взаимные претензии и т. д. Таким был, например, Ореховецкий договор 1323 г. Новгорода со Швецией.

С образованием Российского государства заключение международных договоров становится прерогативой московских великих князей (царей).

Ханские ярлыки, данные русским митрополитам в XIV—XV вв., сохранились только в русских переводах в сборниках, составленных при митрополичьей кафедре в конце XV — начале XVI в. Самый ранний ярлык — ярлык Менгу-Темира 1267 г., самый поздний — ярлык Туюка 1397 г. Митрополиты предоставляли эти копии для подтверждения иммунитетных привилегий церкви.

Среди актов государственного управления выделяются уставные наместничьи (кормленные), таможенные и земские грамоты. Система наместничьего управления, связанная с кормлением как способом содержания должностных лиц за счет местного населения, продержалась в России до середины XVI в. В условиях

складывания и развития единого государства великокняжеская власть постепенно ограничивала власть кормленников, вводя строгую регламентацию их привилегий. Специальные кормленные грамоты, определявшие доходы наместников и волостелей, выдавались великими московскими князьями уже с середины XV в. Часто поводом для дачи кормленной грамоты служили челобитные местных жителей с просьбой защитить их права, что специально отмечалось в грамотах. Грамоты фиксировали размеры «корма», судебных пошлин, штрафов и другие сборы в пользу должностных лиц.

Известный удар по системе кормлений нанесла выдача уставных таможенных грамот, начавшаяся с конца XV в. Сбор таможенных пошлин, входивший в компетенцию кормленщиков, передавался или особым должностным лицам — «верным» таможенникам, или «откупным» таможенникам. Первые все таможенные сборы сдавали в казну; вторые вносили заранее установленную по откупу сумму («оклад»). В таможенных грамотах, выдававшихся на имя «верных» или «откупных», определялся размер таможенных пошлин с разных видов товаров и с разных категорий купцов. Грамоты выдавались вплоть до издания общерусского Торгового устава 1653 г.

Институт «откупных» и «верных» таможенников, так же как и институт городских приказчиков, ведавших сбором прямых налогов, сосуществовал с системой кормлений. Прямая борьба с ней началась с 30-х годов XVI в., когда одна из самых ответственных функций наместников — преследование «разбойников» и суд по «разбойным» делам — была передана губным старостам. Юридически это оформлялось в уставных губных грамотах. Помимо губных грамот, адресованных разным категориям населения определенного административного округа, имелись еще губные наказы, получаемые должностными лицами губного аппарата управления.

Появление первых уставных земских грамот (1551—1552 гг.) также было связано с ликвидацией наместничьего управления. Грамоты, адресованные тяглым слоям населения, регулировали организацию управления посадскими людьми, черными и дворцовыми крестьянами. Контроль за деятельностью земского самоуправления осуществлялся правительством. Земские грамоты делились на собственно уставные, посвященные главным образом сбору налогов с населения, и судные, которые определяли порядок судопроизводства. Губные наказы и земские грамоты выдавались и в XVII в. К губным и земским уставным грамотам примыкают крестоцеловальные записи губных и земских старост, закреплявшие их обязательства перед царем в добросовестном несении службы.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ XVI—XVII вв.

Процесс становления единого Российского государства сопровождался постепенным формированием системы органов государственного управления в лице центральных и местных правительственных учреждений. Важнейшим органом государственной власти становится Боярская дума. С середины XVI в. примерно в течение столетия бытовала практика периодического созыва земских соборов. С конца XV в. зарождается приказная система управления. Генезис приказов связан с практикой личных поручений (приказов) великого князя по государственному управлению ближайшему окружению из князей и бояр. Постепенно приказы стали функционировать постоянно и обросли стабильным аппаратом. Система приказов и приказных учреждений со временем дополнялась все новыми и новыми звеньями. В XVII в. насчитывалось уже около 50 приказов. Функции их не были четко разграничены, что служило дополнительным фактором в расцвете волокиты и бюрократизма. Во главе приказа стоял приказный судья, назначавшийся из «думных чинов». Основными действующими фигурами приказов были дьяки, числом от одного до трех, редко до пяти человек. К концу XVII в. в крупных приказах число дьяков достигало 6—10 человек. Дьяки руководили всей текущей работой приказов, в их руках было и делопроизводство. Техническую работу приказов выполняли подьячие, среди которых различались «старые», «средней руки» и «молодые». Подьячие были распределены по «столам».

Приказное делопроизводство представляет собой более или менее стройную систему документирования, необходимую для реализации законов феодального государства и потребностей функционирования органов управления. Сложились определенные каноны инициации и порядка прохождения дел, система оперативного учета документации, принципы фиксирования и обобщения информации. В приказных учреждениях постепенно создавалась строгая система регламентации документов по их внешним признакам (формулярам) и по их содержанию.

Наиболее распространенные и характерные формы письменного делопроизводства, различающиеся по чисто внешним признакам — грамоты, книги и так называемые столбцы (или свитки). Столбцы были наиболее массовой формой ведения дел. Столбец (столп) представлял собой длинную полосу бумаги шириной 15—17 см, состоящую из так называемых склеек. Места склеенных стыков, а иногда и сами склейки назывались сстами. Склейки подсоединялись друг к другу, сообразуясь с последовательностью документов в деле. Дело могло состоять из одного или нескольких столбцов. Столбцы обычно хранились свернутыми в рулон. Размер таких свитков иногда был очень большим. Тексты писались в столбцах на одной стороне.

Дьяки приказов заверяли дело (скрепляли) «приписью» (т. е. росписью), нанося свою фамилию и имя по слогам на места сставов один или несколько раз (смотря по величине дела). Так «нотариально» заверялась подлинность дела и его целостность. Столбцы хранились в приказах в специальных ларях. Это был текущий архив. Иногда столбцы копировали или хранили черновые экземпляры (так называемые отпуски). В массовой документации приказного делопроизводства путеводной нитью для определения принадлежности дела или документа тому или иному приказному ведомству служат «приписи» и скрепы дьяков и подьячих, для чего исследователями привлекаются списки приказных судей, списки дьяков и т. д.

Вполне правомерно применительно к средневековому делопроизводству выделение документирования общей деятельности и документирования специальной деятельности.

Основные разновидности системы общего документирования. Из широкого комплекса документации, носившего общее название грамот, необходимо выделить царские указы, или указные грамоты. В них отражались многочисленные распоряжения от имени царя. Это пожалования земель, налоговые льготы, новые назначения, разнообразные акты конфискации владений, их передачи новым лицам, распоряжения о судебных расследованиях, воинские мероприятия и т. д. В грамотах могли содержаться (цитироваться) челобития, «сказки», доклады, т. е. документация, служившая непосредственным поводом к созданию царской грамоты. Так, в царской грамоте восставшим в 1650 г. псковичам от 19 мая 1650 г. подробно цитируется так называемая Большая челобитная псковичей, поданная в Москве 12 мая 1650 г. Царская грамота имела традиционное начало: «От царя и великого князя... всеа Руси». Завершалась она указанием на место и день составления документа («Писан на Москве...», «Писан на нашем стану на реке на Дубне лета...» и т. д.). Царская грамота заверялась «приписью» думного дьяка. Указные грамоты могли иметь разновидности по назначению («ввозная грамота» оформляла право владения помещьем; «отписная грамота» — конфискацию имущества; «жалованная грамота» как правило оформляла налоговые льготы).

Приговоры — документы, фиксировавшие наиболее важные решения царя и Боярской думы. Как правило, приговоры содержат ценнейшие материалы по политической и социально-экономической истории Русского государства XVI—XVII вв. Так, в частности, «приговорами» оформлялись основные решения по сыску беглых крестьян, начиная с указа 1597 г. о пятилетнем сыске и кончая указом 1646 г. о составлении переписных книг и бессрочном сыске беглых крестьян. Ключевые формулы приговоров были следующего типа: «Царь и великий князь... всеа Руси указал и бояре приговорили:...» (в присутствии государя), «По государеву указу бояре приговорили» (в отсутствие государя).

Форма «приговора» бытовала и в документации приказных и местных учреждений. В практике деятельности земских соборов XVI—XVII вв. фигурируют также «приговоры», или «приговорные грамоты». Решения, фиксируемые в них по важнейшим поворотным моментам в судьбах Русского государства, сопровождалась заверяющими подписями участников соборов. Такого рода документация — источник первостепенной важности по проблемам внутренней и внешней политики правящего класса.

«Приговорные грамоты», или «записи», находили применение и в делопроизводстве стихийно возникавших органов управления в народных движениях. Такие документы сохранились единицами по чистой случайности, поскольку «воровское» делопроизводство уничтожалось после подавления этих движений. В литературе известен интереснейший факт, когда отрывки таких «грамот», составленных от имени одной из групп восставших в период первой крестьянской войны, сохранились и дошли до нас на оборотных сторонах столбцов приказного делопроизводства более позднего времени.

На казны. Поток документации, идущей «сверху» в нижестоящие инстанции, представлен главным образом «наказами» и «грамотами». В феодальной монархии документация такого рода составлялась от имени царя. Поэтому формуляры «наказа» и «грамот» во многом сходны. Оба типа документов имеют часто одинаковое начало: «От царя и великого князя... всеа Русии воеводе нашему», или «дьяку нашему», или «писцом нашим». Отличие грамот состоит в том, что раздел санкции в них начинается с традиционной формулы: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б велел...» или «и вы б ехали...» «Наказы» такой формулы не имеют и по содержанию являются большей частью сложным, а иногда и многотемным документом. «Наказы» часто представляют собой подробные инструкции воеводе либо посланному со специальным поручением (миссией) должностному лицу или писцам, ~~отправлявшимся~~ описывать тот или иной уезд. Завершаются «наказы» и «грамоты», как правило, формулой типа: «Писан на Москве лета 7153-го декабря в 26-ой день».

Отписки и челобития. Поток документации, направлявшейся «снизу», представлен главным образом «отписками» и «челобитными». «Отписки» — основная форма письменных сношений должностных лиц с царем или со своим учреждением. «Челобитные», как правило, подавались частными лицами или корпорациями (посадской общиной, крестьянами какой-либо волости). «Отписки» и «челобитные», направленные в государственные учреждения, подавались на имя царя. Вот, например, начало «отписи» царю князя И. Н. Хованского: «Государю и царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии холоп твой Ивашко Хованский челом бьет...» Начальный протокол челобития одинаков с «отпиской». В частности, челобитная посадских людей Устюжны Железопольской начинается с формулы: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии

бьют челом и плачютца сироты твои бедные и должные и беспомощные Устюжны Железопольской выборные Васька Игнатьев да Еуфимка Степанов...»

В «отписке» содержатся различные информационные материалы, составленные произвольно, а не по формуляру. Иногда «отписка» завершается запросом: «И о том о всем нам, холопам своим, как ты, государь, укажешь?» «Челобитные» имели более определенный формуляр. Большая часть текста посвящалась изложению обстоятельств дела. Сама же просьба неизменно начиналась стандартной формулой: «Милосердый государь... всеа Руси, пожалуй меня, вели...» Далее следовала конкретная просьба. Завершалась челобитная строго традиционно: «Царь, государь, смилуйся, пожалуй!»

В «отписках» и «челобитных» в приказные учреждения представители феодального класса и должностные лица непременно именовали себя «холопами», а представители городских посадов и крестьян — «сиротами». Особо важным источником являются коллективные челобитные (например, челобития дворян Ивану IV об опричнине).

Доклады представляют документацию, идущую «вверх». Этот тип текстов наиболее неопределен по формуляру. Иногда начало было традиционным: «Доложити государя и царя и великого князя... всеа Руси». В других случаях «доклад» определяется по формуле: «Написано в доклад».

Наконец, надо упомянуть и такую разновидность документации общего делопроизводства, как «сказка». Текст «сказки» неопределенного формуляра и по сути ничем не отличается от так называемых «распросных речей». «Сказки» как тип документации самостоятельно почти не фигурируют. Иногда «сказку» отличает формула: «А у выписки сказал». В основном они сохранились (как и «распросные речи») в составе различного рода грамот, наказов, докладов и т. д.

Памяти. Текущая переписка между приказами и другими равными по рангу ведомствами велась с помощью «памятей». Их начало строго традиционно. Например: «Лета 7154-го декабря в 12 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу память дьяку Мине Грязеву». Поскольку Мина Грязев был дьяком в Устюжской четверти, можно установить, что «память» адресована именно в этот приказ. Ведомство, отправившее «память», определяется с помощью «приписки» дьяка или «скрепы» подъячего того или иного приказа.

Если «память» адресована подчиненной инстанции, то она, как правило, называлась «наказной памятью». Иногда так назывался и собственно «наказ». «Памяти» как тип делопроизводственной документации олицетворяют существовавшую в приказах систему проверки данных других документов.

Важное значение имеют приказные пометы на оборотной стороне документа. На подлинниках могут стоять записи типа: «Го-

сударю чтена», «Государю чтена и бояром», «Указал государь отписать в Новгород...»

В «отписках», «докладах», «наказах» содержится огромная информация по истории Российского государства XVI—XVII вв. «Наказы» и «доклады» часто обобщали сведения предшествующих по времени документов, до нас не сохранившихся. Например, реконструкция законодательства по закреплению во многом связана с изучением такого типа документации. При анализе писцовых наказов само понимание юристами XVII в. механизма эволюции законодательства по сыску беглых крестьян позволяет точнее интерпретировать это законодательство. Известно, что некоторые историки считают указ о 5-летнем сыске эпизодической временной мерой, установленной в 1597 г. по отношению к крестьянам, сбежавшим до его издания. Согласно этой точке зрения, указ 1597 г. санкционировал право возврата лишь беглых крестьян, ушедших от своих помещиков с 1592 по 1597 г., и закреплял за новыми владельцами всех ушедших до 1592 г. В такой трактовке указ не мог действовать как закон на будущее время, т. е. в качестве пятилетней нормы лет, в течение которой вообще можно вернуть беглого к прежнему владельцу. Однако «наказ» писцам Тотьмы и Тотемского уезда 1646 г. вполне определенно трактует систему урочных лет именно как юридический срок давности. Не случайно в наказе выделены основные этапы изменения этого срока: 1597 г.—сыск 5-летний; 1637 г.—сыск 9-летний; 1641 г.—сыск 10-летний; 1646 г.—сыск бессрочный. Кроме того, в наказе упор сделан не на конкретный рубеж 1592 г. или 1597 г. (о них вообще не упоминается), а на 5-летний норматив: «Беглых крестьян... по суду и сыску отдавать... за пять лет, а дале пяти лет беглых крестьян, о которых в пять лет челобитье не было, никому не отдавать». О том же свидетельствует и историческая справка, составленная в Разрядном приказе в 1645/1646 гг.

* * *

К числу систем специального документирования можно отнести огромный комплекс материалов по вопросам военной и административной организации господствующего класса. Главным образом это документация так называемого Разрядного приказа. Разрядные книги — книги регистрации разрядов, т. е. распределений на военную, придворную и гражданскую службу, производившихся ежегодно. Разрядные книги вобрали сведения многочисленной документации, а иногда и тексты самих документов (росписей войск, воеводских отписок, наказов воеводам, приговоров о походах, дневников походов, царских грамот, выборки местнических дел и т. д.). Разряды сохранили тексты некоторых литературных памятников (Описание похода на Югру 1499—1500 гг., Сказание о смерти царя Федора Иоанновича).

Разрядные книги служат первостепенным источником по исто-

рии организации, комплектования и снабжения русской армии в XVI—XVII вв.; по истории военных действий русской армии с конца XV—XVII вв.; по истории пограничных и гарнизонных служб. Они содержат также материалы о первой крестьянской войне начала XVII в. Разрядные книги — важный источник по истории «Государева двора», государственного управления, истории Боярской думы, назначений и перемещений на должности и т. д. В отличие от «боярских списков» в разряды заносятся наиболее существенные назначения и перемещения, свидетельствующие о «честности» службы и имеющие непосредственное отношение к проблемам местничества. Наконец, «разряды» освещают нормы придворной жизни, средневековые обычаи (так называемые «Дворцовые разряды» XVII в., «Свадебные разряды»).

Важная особенность этого комплекса — лаконизм записей, конспективность изложения, характерная, в частности, для записей середины XVI в.

Соотношение разрядных книг, их классификация довольно сложны. Ученые различают три типа разрядных книг: официальные разрядные книги (так называемый «Государев разряд»), частные разрядные книги и компилятивные редакции разрядных книг. Наиболее ранние официальные разрядные книги сохранились в редакции 1556 г. с записями за 1475—1556 гг. Кроме того, известны редакции «Государевых разрядов» 1584, 1585, 1598 и 1604—1605 гг. «Государевы разряды» — это, как правило, уже сокращенные редакции первичных разрядных книг. В XVII в. «Государевы разряды» составляются ежегодно. В особую разновидность выделяются «разряды» о службе на южных границах. В XVII в. как оперативный справочный материал появляются «перечневые разряды».

«Частные разряды» сохранились в многочисленных списках. Происхождение их связано с делопроизводством некоторых феодальных родов и сопряжено со списыванием записей с официальных разрядов, что диктовалось необходимостью соблюдения местнических традиций и норм. Однако частные разряды имеют изрядное количество ошибок, для них характерна путаница с чередованием назначений и т. д. Вместе с тем «частные разряды», а также компилятивные редакции разрядных книг в основе своей сохранили тексты древнейших разрядных книг в более полной редакции, чем тексты «Государева разряда». На этом основании некоторые ученые объединяют их в особую группу разрядных книг с древнейшими записями. Таким образом, этот источник в ряде моментов дает для последней четверти XV — начала XVII в. более полный комплекс сведений, чем «Государев разряд». В 1682 г. с отменой «местничества» многие разрядные книги были сожжены.

«Десятни» — так назывались именные военно-учетные списки служилых людей «по отечеству» (дворян и детей боярских). Сохранилось свыше 300 десятен Разрядного приказа за 1577—1682 гг. по 87 городам. «Десятни» охватывают основную массу

служилых людей, относящихся к местным городovým корпорациям дворянства, и характеризуют численность, боевое снаряжение, военно-служилую иерархию городского дворянства, условия отбывания разных служб, порядок получения и размеры денежного жалования, величину поместного оклада. Различают «десятники» верстальные, т. е. фиксирующие зачисление на службу («верстание»), разборные, оценивающие готовность к службе («разборы»), и «десятники» раздаточные, фиксирующие раздачу денежного жалования. Многие «десятники» были смешанного типа (верстально-разборные или верстально-раздаточные). Могли быть «десятники», фиксирующие служилых людей «старо» и отдельно «нови́ков». Во многих «десятиках» соблюдается выделение трех разрядов служилых людей: выбор, дворовые и городové. Приведем образец «десятника» верстально-раздаточной по Коломне 1577 г.: «Тимофей Васильев, сын Юрьева-Козлова, дано ему жалованья половина его окладу 4 руб.; быти ему на службе на коне, в пансыре, в шапке в железной, в саадаке, в сабле, да человек на коне, в пансыре, в шапке железной, в саадаке, в сабле, с конем простым, да человек на мерине с юком. Порука по нем в службе Василей Семенов, сын Козлов». Текст разборно-раздаточной «десятника» несколько отличен: «Влас Онкудинов Совостьянов. По смотру, на мерине с корабином, с саблею. Окладчики и сам про себя сказал: поместья за ним в Рязком уезде в дачах с меньшими братьями... вместе 70 четей, а в нем 3 двора бобыльских; дано ему государева жалованья 6 рублей» (из десяти 1647 года). «Десятники» являются важным источником по истории феодального сословия, по истории военного дела, вооружения. Далеко еще не использованы информационные возможности десяти в комплексе с таким источником, как писцовые книги. Больше того, «десятники» могут существенно облегчить реконструкцию некоторых писцовых книг.

Особую группу составляют «Смотренные списки ратных людей», содержащие, как правило, лишь имена и должности служилых людей.

Важную разновидность документации Разрядного приказа составляют разнообразные учетные документы по фиксации контингента служилых людей «по прибору» (в основном это «раздаточные книги денежного жалования», хотя встречаются и «разборные книги»). Интереснейшим источником по истории городов и военного дела являются «Книги смотренные городов», посвященные досмотру городских и уездных укреплений. Аналогичным источником являются «Засечные книги», фиксировавшие результаты инспекции засечных укреплений.

Боярские книги и списки. Среди источников видное место занимают материалы по истории «Государева двора». «Государев двор» — иерархический чиновно-родовой регламент высшего слоя господствующего класса феодалов, ближайшего окружения царя. Структура «Государева двора» отражена в различных документах второй половины XVI—XVII вв. Это так на-

зывается «Дворовая тетрадь» 1551—1552 гг., «Боярские книги» (в частности, «Боярская книга» 1556 г.), «Боярские списки», «Жилецкие списки» и др. Все эти документы включали в себя персональный перечень всех рангов «Государева двора»: Бояре, Окольничие, Дворецкий, Конюший, Кравчий, Оружейничей, Казначей, Дворяне в Думе, Дьяки в Думе, Постельничие, Печатники, Сокольничии, Ловчие, Ясельничие, Дьяки по приказам, Стольники, Стряпчий с ключом, Стряпчие с платьем, Стряпчие с чеботами, Жильцы, Бараши, Князья служилые, Князья Ростовские, Суздальские, Оболенские, Ярославские, Стародубские, Мосальские, Черкасские, Дворяне выборные (выбранные от городов).

Все эти средневековые чины были главным образом чинами придворными, конкретные же служебные назначения могли и не совпадать с названием придворного чина. Документация такого рода была оперативно-учетной и составлялась, по крайней мере с конца 70-х годов XVI в., почти ежегодно. Реальная сохранность ее лишь частично отражает когда-то существовавший делопроизводственный комплекс. «Боярские» книги, списки и другие перечни «дворовых» являются важнейшим источником по социальной структуре высшего слоя феодального класса, его эволюции и его функций. Книги и списки дают ценные сведения о количественном и чиновном составе двора XVI—XVII вв., о путях его комплектования, сведения по генеалогии крупнейших дворянских фамилий, их служебной деятельности. Большую информацию содержат так называемые пометы боярских списков. Эти материалы позволяют, в частности, выяснить состав кормленщиков.

Из этих документов мы извлекаем ценнейшие сведения не только о крупных назначениях, поддерживающих приоритет «чести» того или иного феодального рода, но и о назначениях более прозаических: служба столичных и выборных дворян в московских приказах, в органах местного управления, в частности губными старостами, разного рода поручения, как, например, сбор даточных людей, сбор налогов, вершение судебных правей, служба в судебных приставах и др. Так, выявляются особенности службы стольников, стряпчих, жильцов, московских дворян и дворян выборных. В источниках такого рода много сведений чисто биографического характера (производства в новые чины и должности, изменения поместных окладов, отставки и опалы, болезни и смерти и т. д.).

Сопоставление «боярских списков» с рядом других источников дает самые разнообразные результаты (в частности, по выяснению личного состава некоторых земских соборов). От XVI — начала XVII в. сохранились боярские списки 1577, 1588—1589, 1598—1599, 1602—1603, 1606—1607, 1610—1611 гг. Известны также и фрагменты списков.

Родословные книги — книги родословия (родословцы) боярских и княжеских родов, сохранившиеся во многих списках. Родословцы, как правило, содержат лишь мужскую линию генеалогии. Как источник они тесно примыкают к официальной раз-

рядной документации. Больше того, сохранилась официальная версия родословий верхушки феодального класса под названием «Государев родословец». В основе его лежит редакция 1555 г. Здесь отобраны наиболее достоверные (с официальной точки зрения) сведения о происхождении княжеских и боярских родов (включая иногда и нетитулованные фамилии). Основу родословца составляют поколенные росписи.

Частные родословия — источник «довольно мутный по составу», как отмечал М. Н. Тихомиров, но они могут быть использованы в сочетании с разрядными записями, актовым материалом и летописями. В конце XVII в. (после 1682 г.) была составлена новая редакция официального родословца — «Бархатная книга» (названная так по бархатному переплету). Все эти источники являются важным подспорьем при изучении многих проблем истории внутренней политики Русского государства XVI—XVII вв.

Комплекс судебно-следственных материалов является второй системой специального документирования. Поскольку приказы были и функциональными, и территориальными, и дворцовыми, и общегосударственными учреждениями, то судебно-следственные дела велись в разных приказах. Местнические дела велись в Разрядном приказе, в Судной палате, дела о политических восстаниях («разбое» и «грабеже») рассматривались в Разбойном приказе, дела о сыске беглых крестьян и земельные споры были главным образом в Поместном приказе, дела «еретиков» разбирались церковным Собором и т. д.

В приказном делопроизводстве откладывались непосредственно судные дела, т. е. все материалы судебного следствия и суда. Помимо интереса к самому объекту судного дела, и, в частности, к земельным спорам крестьян, этот комплекс делопроизводства особенно ценен документацией, фигурирующей в деле. Часто эти документы как источник неизмеримо важнее, чем само судное дело. Состав судного дела бывает довольно сложным. Так, судное дело крестьян Кондушской волости Обонежской пятины 1610 г. содержит: 6 челобитных разных лет, 2 указные грамоты, 2 наказа воевод, 2 отписки, 1 память, список с приговорной грамоты, поручную запись, послужную грамоту, список с правой грамоты, список с отдельной книги, перечневую выпись обыскных речей сыска, явку и запись полюбовной грамоты и список с полюбовной межевой грамоты. Документация эта датируется разными годами и приведена в судном деле в списках. В литературе известен случай обнаружения в судном деле конца XVI в. Новгородского Пантелеймонова монастыря документа первой половины XII в. (полный список с грамоты 1134 г. Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю). В спорных земельных делах Поместного приказа и Псковской приказной избы было обнаружено (в списках) свыше 30 грамот XIV—XV вв. по Псковской территории (купчие, рядные, меновные, раздельные, духовные грамоты и т. д.). В судных делах часто фигурируют свидетельства предъявления в суде подлинных документов. В частно-

сти, в ходе спора 1678 г. Старо-Вознесенского монастыря с Духовским монастырем о землях была предъявлена купчая XIV—XV вв., и перед текстом ее списка стоит пояснение: «К сему ж делу... строительница Соломонида подала с харатейной даной список, а подлинная харатейная, справя списком, отдана ей, строительнице».

Особой разновидностью судных дел являются так называемые местнические дела. Краткие резюме этих дел входили в разрядные книги, но сохранились и подлинные судные дела по местничеству, отложившиеся в Разрядном приказе. Дела этого типа состоят из трех частей: а) фиксация исходных моментов процесса, б) ход самого процесса: вопросы судей, ответы спорщиков, их препирательства («бренные речи»), подача в качестве доказательств различных документов; в) приговор. Примечательно, что в ходе местнических дел наряду с подлинными документами иногда фигурировали и подлоги (так называемые «воровские грамоты»).

Протокол судного дела назывался судным списком. Судный список отличался от подлинного дела тем, что при переписке судное дело подвергалось разнообразной обработке, в том числе и сокращениям. Судным списком писцы именовали иногда и правую грамоту, т. е. протокол суда с текстом решения, выданного стороне, выигравшей дело. От XVI в. многие судные списки сохранились в поздних обработках. Так, «Розыск об Иване Висковатом 1554 г.», посольском дьяке Ивана Грозного, видном государственном деятеле, сохранился в столь измененном виде, что о протокольной основе можно только предполагать. Судный список по делу Максима Грека конца XVI в. сохранился с сокращениями. Недавно обнаружен более ранний и более полный текст этого важного документа.

В судопроизводстве XVI—XVII вв. особое место занимали документы, известные под названием «распросных речей». Как правило, это показания на допросе подсудимых и свидетелей, хотя во время следствия показания, снятые со свидетелей, иногда назывались «сыскными речами». «Распросные речи» необязательно связаны с судом, так как допрос мог быть учинен и вне процедуры суда вызовом в съезжую избу, к воеводе, в приказ, в условиях военной обстановки и т. д. В так называемом розыском процессе нередко «распросные речи» сопровождалась пытками (отсюда иногда их название «пыточные речи»). Это главным образом материалы по политическим процессам, а также наиболее важным уголовным и гражданским делам. Особое место среди них занимают следственные дела участников народных восстаний.

Лаконичные записи протокола сыска лишь отдаленно воспроизводят мрачную обстановку средневекового застенка. Вот как выглядит часть такой записи из следственного дела о Псковском восстании 1650 г. В июле 1650 г. шел допрос языков, захваченных в плен князем И. Н. Хованским: «И языки, знаменщик Пет-

рушка Борисов сын Пивоваров с товарищи, в распросе сказали: во всяком воровском заводе заводчики всегородные старосты Гаврилко Демидов, Мишка Мощницын, Иевко Копыто, Максимко Яга, Прокопейко Коза да Томилко Слепой... И языки, знаменщик Петрушка Пивоваров... у пытки распрашиваны и испытаны накрепко, а в роспросе и с пытки говорили прежние свои речи...» Названные в распросных речах лица составляли наиболее радикальную часть руководства восставшими. Пытки при допросах могли быть многократными. Трудно представить грань, за которой пытка была уже невозможна. Неслучайны поэтому и самооговоры допрашиваемых.

Материалы сыска беглых крестьян — особо важная разновидность судебно-следственной документации. Дела по сыску, формировавшиеся с 80—90-х годов XVI в., вели как центральные, так и местные учреждения. В делопроизводстве сыска беглых содержатся данные о занятиях крестьян «в бегах»: крестьянских промыслах, работах на судах (например, на Волге), о земледелии крестьян в районах оседания беглых. «Распросные речи», «сказки», поданные в ходе сыска, дают обильный материал о крестьянском хозяйстве (о хлебных запасах и посевах, иногда по отдельным культурам, о численности семьи, численности рабочего и продуктивного скота, птицы). Эти ценнейшие сведения помогают составить целостную картину социально-экономического развития больших территорий Русского государства XVII в. (например, районы Нижегородского, Казанского, Самарского Поволжья, районы Шацкого, Тамбовского и других уездов).

Материалы сыска дают возможность получения информации, в частности по истории закрепощения крестьян. Именно в материалах сыска крестьян находятся указания на законодательство о «заповедных годах». В сыске беглых, как и в любом сыске, важную роль играло получение следственных доказательств через так называемый «обыск» (форма повального опроса жителей той или иной местности о беглых, о различного рода «лихих людях» и т. д.). И вот в обыске губного старосты В. И. Мусина от 11 апреля 1588 г. встречается указание на первый «заповедный год» (1581—1582 гг.). Упоминание последнего из известных науке «заповедных лет» находится также в материалах о беглых — в указной грамоте на Двину от 14 апреля 1592 г. о возвращении беглых из вотчины Николо-Корельского монастыря: «Да и впредь бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указу в наши в черные деревни не вывозили». На материалах сыска зиждется и гипотеза о существовании указа Федора Ивановича 1592—1593 гг. о всеобщем запрете выхода крестьянам и бобылям.

Специальной системой документирования является комплекс документов по хозяйственно-финансовой деятельности государства и господствующего класса. Важнейшей функцией финансового аппарата был сбор прямых налогов с податного населения, а также налогов косвенных. Этот процесс отразился в особой докумен-

тации — в книгах сборов. Книги ямские фиксировали сбор ямских денег (кроме дворцового и черного крестьянства, выполнявших ямскую повинность). Кроме того, существовали книги сборов полоняничных, данных денег и т. д. Фиксировались в них и сборы натурой (так называемый стрелецкий хлеб и др.). В я с а ч н ы х к н и г а х регистрировался ясак. В вотчинном делопроизводстве документация сбора налогов и компонентов феодальной ренты была более дробной. Так, в XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре велись учетные книги сбора оброка и других денежных повинностей (книги сборов пустошных денег, баранных денег, масляных денег, боровных денег). В документации государственных учреждений встречаются также оброчные книги, но это книги сбора платежей за аренду рыбных ловель, мельниц, иногда запустевших (от тягла) пашенных и сенокосных угодий и т. д.

Из комплекса документации, отразившей сборы косвенных налогов, следует отметить книги кабацких сборов и таможенные книги. Огромной ценности источником являются таможенные книги. Сохранность их лишь частичная. За XVII в. имеется 35 книг по Устюгу Великому, (24 книги по Соли Вычегодской, 30 книг по Тотмю, а за отдельные годы — по Белоозеру, Твери, Смоленску, Вязьме, Орлу, Белгороду и другим районам. По Москве сохранились лишь фрагменты таможенных книг (например, «Книга записная мелочных сборов» за 1684 г.). Из таможенных книг исследователи черпают разнообразный материал по истории экономики России: о торговых людях, в том числе посадских и крестьянских, их торговых маршрутах, характере ассортимента товаров в «явках», т. е. предъявляемых к записи в книги товаров, об объеме торговли, специфике географии товаров.

Интересна документация бюджетного характера. Это так называемые окладные книги, сметные росписи и т. д. Сумма сборов налогов и пошлин текущего года служила основой для составления «оклада» на следующий год. Прикидки подобного рода практиковались большей частью в местных учреждениях.

Особой формой делопроизводства являлись приходо-расходные книги. Двойная структура этих книг (приход и расход) получает развитие примерно с 20—30-х годов XVI в. Такая форма делопроизводственной документации широко практиковалась как в дворцовом хозяйстве, так и в хозяйстве частновладельческом (в частности, в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря, в вотчинах боярина Б. И. Морозова и т. д.). Приходо-расходные книги позволяют сделать важные наблюдения о степени натуральности вотчинного хозяйства XVI—XVII вв., выявить сферы этого хозяйства, ранее всего соприкасавшиеся, а со временем втягивающиеся в орбиту товарно-денежных отношений.

Особое место занимают книги приходные и книги расходные Казенного приказа, Государевой и Царицыной мастерских палат. Во все вникающее делопроизводство позволяет

изучить это своеобразное хозяйство вплоть до мельчайших деталей: описи царской казны с ее раритетами и драгоценностями, прихода-расходные книги денежной казны, описные и прихода-расходные книги большой Государевой шкатулы. Поскольку в феодальном государстве наряду с денежным и земельным жалованием служилых людей по отечеству были широко распространены натуральные формы мелких пожалований (особенно служилых людей «по прибору»), постольку делопроизводство, регистрирующее такие пожалования, представлено весьма широко. Это прихода-расходные книги товарам и вещам, расходные книги на жалование разных чинов людям, так называемые кроильные книги платья, где указаны вид изделия, его габариты, количество и качество материала, затраченного на него. В делопроизводстве такого рода можно обнаружить даже оценочные описи «отставного платья», т. е. поношенного или ставшего негодным, царевичей Петра и Ивана Алексеевичей, предназначенных к распродаже.

Большое место в казенном и вотчинном делопроизводстве занимает регистрация хлебных запасов. Ужинно-умолотные книги (ужина и умолота хлебов) — источник для конца XVI—XVII в. уникальный, поскольку он единственный, позволяющий прояснить многие проблемы земледельческого производства. Из этого источника мы узнаем о культурах земледелия, об урожайности, о нормах высева и т. д. Древнейшие ужинно-умолотные книги — это книги Иосифо-Волоколамского монастыря (с конца XVI в.). За вторую половину XVII столетия сохранились ужинно-умолотные книги по ряду вотчин Б. И. Морозова.

Следует упомянуть и о таком важном источнике, как книги выплаты оброка, сохранившиеся как в дворцовом, так и в вотчинном делопроизводстве. В данном случае имеется в виду выплата жалования казенным и вотчинным ремесленникам, ключникам, дворникам, конюхам, а также так называемым монастырским детенышам, деловым людям и т. д.

Документацию Посольского приказа, или дипломатическую документацию, по форме можно разделить на несколько групп: столбцы, грамоты и посольские книги. По содержанию они делятся на «дела польские», «дела крымские», «дела шведские» и т. д. Сохранность дел неполная. Однако документация Посольского приказа — важнейший источник по истории внешней и внутренней политики России XVI—XVII вв.

В комплексе дел о приемах в Москве иноземных послов можно выделить подлинники грамот иноземных государей (грамоты польских королей, турецких султанов, крымских царей и т. д.), представляющие собой иногда редчайшие, богато оформленные документы на пергамене. Наряду с подлинниками сохранились и синхронные переводы этих документов. В этом комплексе дел надо выделить записи о переговорах с иноземными послами и гонцами. Наиболее подробным документом о приемах иноземных посольств служат так называемые статейные списки,

т. е. подробные отчеты, составленные по определенным разделам (статьям). Одним из древнейших является статейный список 1493 г. о приеме посла от князя Конрада Мазовецкого и отправлении русского посольства в Мазовию. От времени обострения отношений с каким-либо государством сохранилось делопроизводство о «размене» послами и посланниками (например, с Крымом в первой половине XVII в.). Это переписка лиц, осуществлявших «размен», записи о переговорах с «разменным» представителем иной державы, различные донесения, докладные выписи и т. п.

Основным компонентом делопроизводства Посольского приказа являются статейные списки (отчеты) послов и посланников о деятельности посольства в той или иной стране. Составление статейного списка подчинялось довольно строгой процедуре. В основу документа положены ежедневные записи послов о том, что они видели и слышали, сделанные непременно в тот же день. Причем процедурой предусматривалось совместное составление ежедневных записей послом и его «товарищем» в присутствии и при участии младшего члена посольства — подьячего, который выполнял запись. Подобным способом гарантировалась достоверность и объективность сведений, попадающих в статейный список.

Программа деятельности посла и его «товарища» была пунктуально определена подробнейшим наказом правительства, где порой были предусмотрены не только вопросы, но и ответы на наиболее вероятные вопросы другой стороны. Так, в наказе Ф. И. Умнову-Колычеву, отправленному послом в Польшу в 1567 г., был запрограммирован ответ на вопросы об опричнине и опалах грозного царя: «Государь наш царь и великий князь прежде сего был в Слободе и положил опалу свою на своих бояр и дворян, которые ему, государю, изменные великие дела делали...» Наказ посольству Е. М. Пушкина в Польшу в апреле 1581 г. точно определил линию поведения с бежавшим в Польшу князем А. Курбским. В последние годы Ливонской войны русский царь добивался мира с Польшей. Вследствие этого велась напряженная дипломатическая работа. А. Курбский мог появиться на приемах посольства и использоваться во время переговоров польской стороной. Заранее составленные ответы наказа имеют сами по себе немалый интерес. Вместе с тем наказы содержат сведения подчас столько же ценные, сколько и неожиданные. В ответах на возможные оправдания А. Курбского, что он бежал в Польшу ввиду угрозы смерти, в наказе приведен текст ответа-упрека: «Ты изменил не от неволи — своею волею, еще на Москве не хотел еси государю добра... и изменивши, грамоту ко государю невежливо писал». Это ценнейшее указание на подлинность знаменитой переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским.

Наказ послам или посланникам лежит в основе всей деятельности посольства и таким образом тесно сопряжен с текстом самого отчета посольства — статейным списком. В ходе посольства составлялся «черный» статейный список, а на его основе — чистовой список, который, как правило, заносился потом в По-

списки могли быть и «большими» и «перечневыми», т. е. краткими. При этом они все одновременно являлись подлинниками статейных списков. И черновые, и чистовые экземпляры приводились послами в Посольский приказ.

По мнению некоторых историков, статейные списки в приказе не подвергались какой-либо политической редакции. Дьяки проверяли их по другим источникам информации лишь с точки зрения достоверности материалов. В статейных списках кроме информации, идущей непосредственно от послов, содержались сведения, даваемые толмачами (переводчиками).

В комплексе документации посольств имеются еще так называемые «отписки» посланников и «вести», или «вестовые списки». Это были более оперативные документы, доставлявшиеся в страну обычно раньше статейных списков (если последние не отправлялись по частям). Тем не менее они только дублируют материал статейных списков.

Глава 8

ПИСЦОВОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО (XV—XVII вв.)

Материалы писцовых описаний охватывают огромный комплекс делопроизводственной документации, связанной с основой основ феодального государства — с феодальным землевладением. Вся эта документация обусловлена существованием трех фактов: фиксации права владения землей, изменений в землевладении, государственного налогообложения подвластного населения. В основе всех разновидностей писцовых материалов лежит описание в каждом владении крестьянских дворов и земельных угодий. Основным результатом писцовых описаний являются писцовые книги, создававшиеся в период общих, «валовых» описаний территории всей страны или ее важнейших частей. Писцовым книгам сопутствовали так называемые приправочные книги, бывшие в распоряжении составителей писцовых книг для справок как вспомогательный материал. В период между валовыми писцовыми описаниями, совершавшимися раз в 20 — 30 лет, по челобитиям с мест составлялись дозорные книги, смягчавшие налоговое бремя во владениях, где в силу тех или иных причин произошло резкое падение платежеспособности подвластного населения. Среди писцовых материалов определенное место занимают платежные книги, составлявшиеся на основе писцовых книг для фиксации доли обложения налогами поместья или вотчины. Писцовым книгам, создававшимся, как правило, на территории целого уезда, сопутствовали различные вариации выписок из них (на посад, волость, на все территории какого-то конкретного владельца, например Троице-Сергиева монастыря, и т. п.). Выписки эти назывались сотницами, сотными выписями или грамотами (в XVII — XVIII вв. бытовали и простые выписи из писцовых книг). Наконец, в сере-

дине XVII столетия появляется особая разновидность писцовых описаний — переписные книги, которые заменяли прежние писцовые книги и отличались от них особым вниманием к переписи мужского населения.

Тесно связаны с указанными писцовыми материалами описания вотчин и поместий, составлявшиеся в момент перехода владения от одного лица к другому. Важнейшими из них являются от ка з н ы е книги, фиксирующие факт передачи владения другому лицу, и описные книги, составлявшиеся при передаче его в казну.

Материалы писцового делопроизводства — довольно сложный и трудный исторический источник. Это прежде всего отражается в специфике терминологии, в особой «писцовой» трактовке объектов описания, выраженных лаконичным, подчиненным строгому формуляру книг, языком. Иллюстрируя данный тезис, коснемся терминов, встречающихся в обычном перечне крестьянских дворов в писцовых книгах. Наряду с дворовладельцем и его взрослыми сыновьями или родственниками (зятья, шурины, племянники) в составе крестьянского двора встречаются «суседи», «подсуседники», «захребетники» и т. д. Определить правовое и социальное положение этих категорий населения очень трудно, хотя несомненно, что все они не имеют дворов, не несут государственного тягла, находясь «за хребтом» дворовладельца. Характер их взаимоотношений с дворовладельцем часто остается неясным, особенно в тех случаях, когда в захребетниках сидят родственники (сыновья, зятья) или малолетние (6—8 лет). Иногда в состав писцовых книг (особенно переписных) попадает категория «наймитов» и «работников», положение которых (наемные они или кабальные) также трудно понять.

Терминология писцовых материалов затрудняет анализ не только в части описания крестьянских дворов. Специфичен язык писцов и там, где речь идет о типах пахотных угодий, сенокосов, лесных участков, окладных единиц систем налогообложения.

Пашенная земля в этой группе источников разделяется, как правило, на «пашню паханую», «пашню наездом», «пашню перелогом» (или «перелог»), «пашню, лесом поросшую», или «пашню, перелогом и лесом поросшую». Встречаются и такие уточнения, как «пашня лесом поросла в руку», «в кол», «в бревно», «пашня лесом поросла большим». Если к этому прибавить, что все пашенные угодья представлялись в писцовых книгах разделенными на три равных поля, то будут понятными те трудности, которые возникли у первых исследователей писцовых материалов. Однако с течением времени стало ясно, что многообразная терминология пашенных земель имеет в основе стройную систему. «Пашня паханая» означает пашню, постоянно действующую. Она, как правило, разделена на три поля (озимое, яровое и пар). Поля эти могли быть неодинаковыми по размеру, но при писцовом описании бралась реальная сумма площадей всех трех полей и в итоге деления на три все поля «становились» одинаковыми. Правда, точность этих измерений относительна, так как писцы практически мерили паровые поля, а осталь-

ные лишь «смечали», расспрашивая местных жителей. Вследствие этого в писцовых книгах стала традиционной формула: «Пашни паханой столько-то четвертей в поле, а в дву потому ж». Понятная при применении к «пашне паханой», эта формула становилась загадочной при употреблении ее, например, к «пашне, лесом поросшей в бревно». В самом деле, какой смысл делить лес на три поля? Возможно, что способ деления пашенных земель на три поля постепенно механически распространился с собственно пашни на другие измеряемые территории бывших угодий. Как известно, в феодальную эпоху огромнейшую роль играли традиционные обычаи, представления. В частности, большой, ставший уже строевым, лес, если он когда-то был пашней, в силу традиции, а может быть, из-за обычая строго учитывать годную к пашне землю назывался «пашней, лесом поросшей». К примеру, в писцовой книге 1615 г. по Чухломе в ряде случаев указывается, что пашня «запустела в лихолетье от хлебного недороду 40 лет», т. е. 40 лет тому назад; «...пашня лесом поросла большим 18 четьи... запустела от войны казанских людей 130 лет». Таким образом, пашни уже нет с конца XV столетия, а место до сих пор именуется «пашней, лесом поросшей».

Вероятно, деление на три поля со временем стало чисто техническим приемом, и судить по нему о применении трехполья нельзя. В частности, в районах Поморья, где не было правильного трехпольного севооборота, писцы всюду употребляют формулу «пашни паханой столько-то в поле, а в дву потому ж».

Наиболее трудными для понимания являются термины «пашня наездом» и «пашня перелогом». В литературе высказаны разноречивые суждения по поводу того явления, которое скрывается под термином «пашня наездом». Например, по мнению Н. А. Рожкова, «пашня наездом» — это пашня без правильного севооборота, явление регрессивное с хозяйственной точки зрения. Наоборот, В. О. Ключевский считал «пашню наездом» не признаком упадка земледелия, а следствием перемещения хлебопашца, свидетельствующим о зарождении земледелия там, где его еще не было. Ю. В. Готье и С. Б. Веселовский пришли к выводу, что «наезжая пашня» лишь означает, что при данной пашне нет поселения, люди обрабатывают ее «наездом». Видимо, такая пашня могла обрабатываться регулярно, т. е. с правильным севооборотом. В писцовом наказе 1622 г. наезжая пашня характеризуется следующим образом: «А которые будут земли: паханные наездом, пашут помещики или вотчинники сами на пустошах или в наймы отдают, или которые помещики и вотчинники бедные люди усад своих сами не припахивают и отдают в наймы, им про то сыскивать накрепко, а ссыскивая те пашни писать в наезжую».

Таким образом, в «пашню наездом» начислялись не только ненаселенные, но и распахиваемые земли и земли непосредственно усадельные («усады»). Такие земли объявлялись наезжими для того, чтобы ввиду бедности владельцев не включать их в число тягловых земель.

Не менее сложно обстоит дело с оценкой термина «перелог». К сожалению, писцы не сообщают «возраст» перелога. А ведь заброшенная «перелегающая» пашня может лежать 3 — 5 лет, 5 — 10 лет и, наконец, 10 — 20 лет, когда она зарастает лесом. Правда, иногда перелог отличают от «пашни, лесом поросшей», но эта граница очень неопределенна. Отсутствие указаний на возраст «перелога» затрудняет оценку данного явления с точки зрения бытовавших тогда систем земледелия. В самом деле, если перелог — это всего лишь заброшенная в силу социальных бурь и стихийных бедствий (война, голод, тяжкая эксплуатация крестьян и их бегство и т. п.) пашня, как полагали многие ученые конца XIX — начала XX в., тогда его присутствие при трехпольном севообороте на «пашне паханой» вполне понятно.

Однако в писцовых описаниях встречаются и такие случаи, когда при отсутствии социальных потрясений и бедствий переложная земля не исчезает, т. е. при существовании «пашни паханой» есть и перелог. Тут-то и нужны данные о «возрасте» перелога, ибо если это перелог, забрасываемый на время из-за истощения земли, то перед нами, быть может, пример применения каких-то элементов переложной системы земледелия. Но, к сожалению, писцовые книги не дают ответа на этот важный вопрос.

Писцовые «шарады» наиболее сложны тогда, когда исследователь приступает к изучению материалов, тесно связанных с вопросами налогового обложения.

В феодальную эпоху главным средством производства являлась земля и ее размерами, качеством определялась платежеспособность населения. В роли единицы оклада с древности фигурировала так называемая соха. Еще в 1275 г. великий князь Василий Ярославич возил в Орду дань по полугривны с «сохи» («...а в сохе числиша 2 мужа работника»). В XVI в. мелкие единицы обложения еще были во многих районах. В Новгороде, например, «соха» (или «сошка») состояла из трех обож (обжа — «один человек на одной лошади пашет»), а 10 «сошек» равны одной московской «сохе» (30 хозяев).

Примерно с середины XVI в. все более распространяется земельная большая московская соха. Земельная «соха» учитывала не число дворовых хозяев, а площадь пашенной земли («пашни паханой»). Для разных категорий землевладельцев «соха» обнимала разную по площади территорию.

Категории землевладения	Пашни паханой четвертей в поле		
	доброй	средней	худой
Поместно-вотчинное	800	1000	1200
Монастырское и церковное	600	700	800
Дворцовое	500	600	700
Государственное землевладение (черносошное крестьянство)			

В писцовых описаниях существовала так называемая система «одабривания». Если земля была «худой», то к «сохе» приравни-

вали большее количество четвертей земли. Помимо налогового урегулирования система «одабривания» имела непосредственную связь с практикой наделения дворян поместными окладами. Поскольку поместные оклады определялись в четвертях только «доброй» земли, для сравнения реальной территории владения с полагающимся окладом необходим был перевод фактической площади «середней» или «худой» земли на четверти земли «доброй». Этот перевод часто встречается в писцовых книгах.

Второй важный момент — изменение размера земельной «сохи» в зависимости от категории землевладельцев. Дворцовое и черносошное крестьянство находилось в худшем положении, чем вотчинно-поместное, так как при взимании налогов одна и та же сумма (например, 30 руб. с «сохи») в поместьях и вотчинах падает на сравнительно большую площадь пашни, чем в дворцовых и черносошных землях, а следовательно, и на большее число крестьян. Правда, вотчинно-поместное крестьянство платило еще и ренту феодалу.

При практическом описании земель большая московская «соха» дробилась на доли: четь (четверть) «сохи» — $\frac{1}{4}$ часть; полчети — $\frac{1}{8}$ часть; полполчети — $\frac{1}{16}$ часть; полполполчети «сохи» — $\frac{1}{32}$ часть или полполполтрети «сохи» — $\frac{1}{24}$ «сохи» и т. п. Мелкие дроби «сохи» вынуждали писцов к сложному вычислению. Писцы не практиковали иных дробей, кроме производных от четверти и трети, а реальные размеры пашни не укладывались в эти доли. Остаток не поместившейся в доли «сохи» писался отдельно либо как излишек, либо как недостаток к соответствующей доле «сохи». Это вело к многочисленным ошибкам.

Вследствие этого, а также ряда других причин писцы стали прибегать при расчетах к более дробным единицам. Одной из таких единиц является выть. «Выть», как и земельная «соха», приравнивалась к определенному количеству пашенной земли. В поместно-вотчинных и черносошных землях на основании данных писцовых наказов «выть» составляла или 12 четвертей «доброй» земли, или 14 четвертей «середней» земли, или 16 четвертей «худой» земли; для монастырских земель — соответственно 10, 12 и 14 четвертей.

При этой окладной единице в некоторых писцовых книгах 1624 — 1628 гг. доли оклада стали доводиться не только до вотчины или поместья в целом, но и до каждого двора. Это наблюдается главным образом по черносошным и дворцовым территориям.

Система поземельного обложения в писцовых материалах осложнялась разделением всех объектов описания на две категории: «в живущем» и «в пусте». Значение этих терминов легко понять из выдержки писцового наказа 1622 г.: если «послыша писцов, ис тех сел и деревень и починков крестьян и бобылей помещики и вотчинники вышлют по лесам с лошадьми и с животиною, а дворы тех крестьян развезут, а иные пожгут, и те села и деревни и починки учнут у писцов писать за собою в пусте, а землю паханную тех развоженных дворов напишут в пустех», то такие помещики

подлежат строжайшему наказанию. Следовательно, пустое — это то, что действительно запустело, заброшено. В дозорных книгах, составленных после польско-шведской интервенции и крестьянской войны начала XVII в., особенно яркок материал, связанный с запустением. Так, в одной из дозорных читаем: «Дер. Кузнецово, а в ней крестьян: во дворе Васька Коротаев, двор пуст Левки Иванова, двор пуст Ивашки Игнатьева, двор пуст Замятенки Игнатьева — сошли безвестно во 116 (1608) году; пашни паханая 4 четьи да перелогу 16 четьи в поле, а в дву по тому ж, сена 30 копен, лесу непашенного болота 10 десятин, в живущем четв. выти, а в пусте выть»¹.

Наряду с этим писцы трактовали «пустоту» и в другом смысле — с точки зрения платежеспособности населения. «Пусто» — то, что не может быть обложено тяглом. Этот аспект, пожалуй, наиболее сложен для исследователя. Ведь с точки зрения тягла надел мог «запустеть», хотя на нем могут жить на льготном положении, т. е. не неся тягла. Об этом можно найти довольно много разъяснений в писцовом делопроизводстве. В силу того, что общие описания производились раз в 20 — 30 лет, то в период между ними что было «в живущем», могло стать «в пусте», а что было «в пусте», могло снова стать «в живущем». В частности, в практике, видимо, часто случалось так, что «крестьяне пашут в деревнях пустые одворишные места, а свою тягловую пашню в полях мечут в пусто».

С точки зрения «пустоты» труднее всего анализировать состояние пашенной земли. В «живущее» зачислялась, как правило, только «пашня паханая», т. е. полевая. Остальное — «пашня перелогом», «пашня лесом поросла» — зачислялось в «пустоту». Но самое парадоксальное состоит в том, что в «пустоту» зачислялась и «наезжая пашня», т. е. пашня, которая могла быть не запустелой и не заброшенной, а сдаваемой, например, внаем. Больше того, в книгах по территории русского Поморья «наезжая пашня» зачислялась в «живущее», а в описаниях по центру России, особенно в XVII в., та же «наезжая пашня» всюду зачислена в «пусто».

Выяснение соотношения «живущего» и «пустого» следует завершить упоминанием о том, что, в частности, на черносошных землях «пустые выти» писцы должны были сдавать в оброк из выделенного снопа, т. е. каждый третий или четвертый сноп (25—30%) шел в казну. Широко бытовала отдача (часто принудительная) «пустых» земель на условиях выплаты денежного оброка. Таким образом, в действительности земли распахивались, с них снимали урожай, а для писца, для тягла они «пустые».

Помимо «сохи» земельной сошное письмо включало и «соху» подворную. Подворная «соха» применялась при переписи городских посадков. Здесь писцы были вынуждены брать в качестве критерия «прожиточность» (состоятельность) посадского двора и «посильность» его обложения. Так как этот критерий неопределенен,

¹ В выти предполагается 16 четвертей, видимо, «худой» земли.

то нормы подворной «сохи» часто менялись и были очень разнообразными. В XVII в. наиболее частой нормой включения дворов в «соху» была норма, приведенная в вологодском наказе 1627 г., где велено «класти в соху на Вологде на посаде тяглых черных дворов лучших людей по 40 дворов, а середних по 50 и 60 дворов, а молодых по 70 и по 80 дворов, а которые добре бедны и тех по 100 дворов в соху, рассмотря о том накрепко, и по людям, и по прожиткам, и по торгам, и по промыслам, и примеряся к прежним писцовым и платежным книгам... Как бы государеве казне убыли не было, а вологжанам всяким тяглым людям большие тягости не было же».

Таким образом, подворная «соха» организована была также по принципу «одаб्रивания». «Соху» могли составить 40 дворов «лучших людей», т. е. наиболее платежеспособных, или 50 — 60 дворов «середних людей», или 70 — 80 дворов «молодших людей», или, наконец, 100 дворов «добре бедных людей». Поэтому при описании городов работа писцов была усложнена, так как в основе ее лежала экономическая оценка посадских черных дворов (дворы служилых людей по прибору, т. е. стрельцов, затынщиков, пушкарей и т. п., а также осадные дворы местных землевладельцев тяглу не подлежали). Кроме того, соотношение лучших, средних и бедных дворов было подвержено существенным колебаниям, вследствие чего по одному и тому же городу при валовых или частных писцовых описаниях нормы сохи менялись. Впрочем, часто эти нормы менялись и по прямому произволу властей.

С 20 — 30-х годов XVII в. в писцовых книгах намечаются изменения в сошной системе обложения. Несмотря на сложность структуры дворовой посадской «сохи», принцип учета не только земли, но и числа дворов начинает распространяться и на население уездов.

Одним из возможных объяснений этого явления служит неспособность старой посошной системы обложения улавливать неземледельческий доход, в то время как с ростом производительных сил, общественного разделения труда, неземледельческого населения уезда такой доход несомненно возрастал. Это сказывалось в том внимании, которое уделяли организаторы писцовых описаний проблеме «бобыльства». В XVI столетии «бобыль» — это крестьянин, разорившийся или обедневший, не тянувший тягла. Писцы исключали его из посошного обложения и переводили на более льготное, оброчное обложение. Однако в XVII в. «бобыльство» — категория более разнообразная по составу, в нее все более включалось «непашенное», торгово-промышленное население. Кроме того, фиск стремился уловить в тягло и обычных бобылей. Так возникла проблема возвращения бобылей в тягло. Видимо, отражая какой-то шаг к решению этой задачи, примерно с конца 20-х годов XVII в. в писцовых книгах появляется термин «живущая», или дворовая, четверть. За этим термином скрывается сильно видоизмененная, а по мнению некоторых историков — новая система оклада налогами. Дворовая четверть означала прежде всего сумму

дворов крестьянских и бобыльских. Количество тех и других дворов, их разные сочетания зависели от общего уровня экономики того или иного края, но в конечном счете в 30 — 40-х годах XVII в. утвердилось два основных типа дворовой четверти: 8 дворов крестьянских + 4 двора бобыльских; 12 дворов крестьянских + 8 дворов бобыльских.

На практике эта шкала могла быть подвижной, так как возможна была взаимозаменяемость крестьянского и бобыльского двора. Обычно крестьянский двор приравнялся к двум бобыльским, т. е. при первом варианте нормы дворовой части крестьянских дворов могло быть 10 (при отсутствии бобыльских) или, наоборот, одних бобыльских дворов могло быть 20 (при отсутствии крестьянских) и т. д. Дворовая четверть еще не отвергала традиций сошного письма, т. е. при определении дворовой нормы, максимальной (12 дворов) или минимальной (20 дворов), наряду с другими показателями учитывалось количество и качество четвертей пашенной земли. Однако на практике писцового делопроизводства дворовая четверть неизбежно все более отдалялась от сошного письма. Правда, в литературе вопрос этот до сих пор не решен. Крупнейшие буржуазные историки-исследователи А. С. Лаппо-Данилевский и С. Б. Веселовский придерживались взаимно противоположных точек зрения. Если А. С. Лаппо-Данилевский считал дворовую четверть самостоятельной (отличной от сошного оклада) единицей обложения, служащей своего рода переходом к подворному обложению, то С. Б. Веселовский считал дворовую четверть простым производным от большой московской сохи и имел в виду, что дворовая четь составляет $\frac{1}{800}$ часть большой «сохи» в доброй земле для поместных и вотчинных земель и $\frac{1}{600}$ часть — для земель монастырских.

Вопрос об отношении дворовой чети к сошному письму имеет огромное значение с точки зрения оценки степени достоверности писцовых книг как исторического источника. Если прав С. Б. Веселовский и дворовая четверть составляла $\frac{1}{800}$ часть большой московской «сохи», то это значит, что на полудесятине тягловой пашенной земли в 30 — 40-х годах XVII в., как правило, сидело 12 — 20 крестьянских и бобыльских дворов. Если принять во внимание, что бобыли не имели пашни или имели ее очень мало, то в переводе на одни крестьянские дворы на четверти (т. е. полудесятине) тягловой пашни сидело 10 — 16 дворов. В трех полях эта пашня составит 1,5 десятины, а этого не хватило бы на существование даже одного, а не полутора десятков дворов. Что же это значит? Это значит, что, во-первых, крестьяне имели еще и другую пашенную землю, а, во-вторых, пашня паханая в писцовых книгах является условной единицей, не отражающей реального количества распаханной земли. Другими словами, писцовые книги являются абсолютно недостоверным источником.

Если принять точку зрения А. С. Лаппо-Данилевского о самостоятельности дворовых четвертей как окладной единицы, то вопрос об абсолютной недостоверности писцовых книг будет снят.

В буржуазной исторической науке вопрос о достоверности писцовых материалов подвергался длительным и бурным обсуждениям. В ходе полемики выявились две основные тенденции: полное доверие к писцовым книгам (Н. А. Рожков) и скептическое отношение к ним (С. Б. Веселовский). В то время как представители первой использовали писцовые материалы как достоверный и массовый статистический источник, вторые считали возможным почерпнуть из них лишь частные наблюдения.

Советским историкам присущ более широкий взгляд на писцовые материалы как исторический источник. В нашей историографии уделялось много внимания писцовым описаниям и книгам как важнейшему источнику по истории закрепощения крестьян. Советские историки использовали писцовые материалы как источник по истории крестьянства и многим другим вопросам.

Вместе с тем многие вопросы методики использования писцовых материалов до сих пор не решены. Прежде всего не решены вопросы, связанные с оценкой землемерных работ писцов. Могут ли служить подсчеты писцов площади пашни, сенокосов и лесов, свидетельствующие об уровне развития земледелия, о степени распаханности угодий и т. п., для исторического исследования?

Разумеется, здесь необходим дифференцированный подход. Наибольшей достоверностью обладают, видимо, данные о всех разновидностях пашенной земли, так как именно этот вид угодий пользовался наибольшим вниманием писцов, а также был наименее сложным с точки зрения техники обмера. Однако и здесь регулярную пашню отделить от пашни, используемой периодически, пока что не представляется возможным. Это легко увидеть на примере. В 1618 г. писец Фокин Дуров, описывая Вожбалскую волость (Тотемский уезд), отошел от обычной практики. Это выразилось в том, что «всякие запольные земли и отхожие пашни и пенники, которые места пашут не во многие годы и после того много лет лежат в пуге и однохлбные места... писали и мерили в выти в полевую землю». В итоге вместо обычной тягловой земли была учтена вся регулярная и нерегулярная пашня и в тягло попало земли в 2 раза больше. Около 10 лет разоренное податями население этой волости добивалось дозора, который ввел бы старый порядок описания, т. е. учел в тягло лишь полевую регулярную пашню. Сохранился текст перечневой росписи этого дозора, в нем нерегулярная пашня снова исчезла под традиционным термином «пашня перелогом», «пашня лесом поросла» либо вообще не была записана в текст. Именно так обстояло дело с описанием пашенных земель в огромном большинстве писцовых материалов.

Второй момент, затрудняющий итоговые подсчеты пашенных земель, состоит во взаимозаменяемости различных угодий. Например, в писцовом наказе 1622 г. предусмотрено следующее: «А где будет пашня перелогом лежит, а запустела будет от тех помещиков, за которыми те поместные переложные земли, и писцам тем помещикам переложную землю давать в пашен место против па-

шенные земли, потому, что от них запустело». Таким образом, перелог мог быть записан как пашня паханая.

Сложнее обстоит дело с достоверностью сведений о площади сенных покосов. Причудливая конфигурация сенокосных лугов, полян, перелесков, оврагов затрудняла обмер площади.

Многие ученые считают, что сенокосы не измерялись, а сведения о количестве скашиваемого сена в копнах собирались от населения. Действительный обмер совершался изредка. Лесные уголья часто совсем не обмерялись. По сведениям И. И. Лаппо, из 282 поместий Тверского уезда лес был описан лишь в 115 имениях. По сведениям Е. Сташевского, в писцовой книге Московского уезда (конец XVI в.) из 347 имений в 93-х лес также не указан. Ю. В. Готье считал, что «лес измерялся только в небольших участках, приписанных к отдельным поместным и вотчинным участкам». Таким образом, данные о лесных территориях в писцовых материалах весьма неполные.

С другой стороны, необходимо иметь в виду специфику итоговых данных писцовых книг по лесным участкам. Писцы часто складывали все «длинники» и «поперечники» лесных участков вместе. В результате исследователю подсказывалось перемножение этих компонентов для получения размера площади. Однако этого делать нельзя, ибо полученный итог, как правило, в несколько раз преувеличит истинную площадь. Например, итог площади по трем участкам длиной в версту, шириной в полверсты будет равен 1,5 кв. версты ($1 \times 0,5$; $1 \times 0,5$; $1 \times 0,5$), в то же время перемножение суммы «длинников» с суммой «поперечников» дало бы площадь в 4,5 кв. версты ($3 \times 1,5$), что искажает действительность. Писцы, видимо, и не имели в виду это перемножение, но в таком случае суммирование «длинников», равно как и «поперечников», лишает историка реальных исходных данных для подсчета площади лесных территорий.

Писцовые, приправочные, дозорные и переписные книги являются важным источником по древней топографии русских городов. Читая писцовую книгу, как бы совершаешь путешествие по средневековой Рязани, Ярославлю или Нижнему Новгороду. Описание, как правило, начинается с Кремля и дается весьма детально (что служит важным подспорьем при реставрационных работах). Например, в описании нижегородского Кремля 1621 — 1622 гг. отмечается: «Башня Часовая круглая, покрыта; а в ней три бои; верхней, средней, исподней; в ысподнем бою под башнею погреб: ставят зелье и кладут всякие городовые запасы. Из-ысподнево бою вдоль по стенам для очищенья два окошка боевых; из среднево бою три окошка боевых, с верхнего бою с зубцов восемь окон боевых же. Да на башню из города въсход; лестница каменная, да з города въсход на башню: двои двери, а на башне часы боевые, часы и колокол делан из государевой казны». Вслед за описанием крепости следует описание «пушечного наряду»: «Да на Ивановских воротех вверху, в башне: две пищали волконей в станках на колесах, а к ним по кружалу 250 ядер, по 2 гривенки без четверти ядро;

а к другой 140 ядер — обливаны свинцом, ядро гривенка без четверти. А у них пушкари Петрушка Рукавишников, да Ивашко Денисов». Тщательно описаны церковные здания в крепости и вне ее. Далее идет описание жилых дворов и казенных строений крепости, а затем описание посада. Тщательно ориентированы главные улицы того или иного посада, основные городские слободы. По некоторым писцовым книгам восстанавливается подробнейшая, вплоть до мельчайших деталей, топография средневекового города, с его крепостью, улицами, мостами, торговыми рядами и основными строениями города. Иногда писцовые книги отмечают в саженях площадь каждого посадского двора с огородами. Имея подобного рода источники за XVI — XVII вв., исследователь получает редкую возможность проследить эволюцию городской территории и самого города. За пределами города писцовые книги дают ценнейшие сведения по топографии уезда, волости, стана, являясь одним из главных источников по исторической географии XVI—XVII вв. В литературе известны попытки создания карт феодального землевладения конца XVI — начала XVII в. на основе комплекса писцовых и актовых материалов.

Один из важнейших материалов писцовых книг — сведения о численности населения. Достоверность этих материалов в рамках самих писцовых или отказных, переписных и других книг неодинакова. Например, в XVI в. и в первой трети XVII в. писцовые, приправочные, дозорные книги, сотницы отмечали исключительно дворовладельцев и лишь иногда (в XVII в.) взрослое мужское население двора.

С 1644 — 1646 гг. писцы, отражая, видимо, общие изменения в эволюции принципов писцовых описаний, исключительное внимание стали уделять переписи мужского населения, включая малолетних (от 1 года до 15 лет) и вдов. Разумеется, речь идет только о тягловом населении. Неподатные слои не включены в эти переписи. Не попадают туда и обедневшие слои населения, неспособные нести тягло. Следовательно, и здесь необходима выработка поправочных коэффициентов. Но тем не менее теперь вопрос о численности населения стал основным вопросом переписи. Это повысило качество и полноту данных. Поэтому переписные книги, появившиеся с середины XVII в., являются важнейшим демографическим источником второй половины XVII — начала XVIII в.

Став важным источником по истории численности населения, переписные книги существенно обеднели в другом отношении. Исчезают важнейшие данные о промысловых занятиях горожан и крестьян. Между тем благодаря именно этим сведениям наша литература имеет более или менее приближенные данные о степени развития промыслов и торговли в русском средневековом городе первой половины XVII в. Данные о типах ремесленных и торговых занятий имелись в писцовых и описных книгах по многим торгово-промышленным селам Центральной России. Так, в частности, из писцовой книги 1624 — 1626 гг. по с. Мурашкино Нижегородского уезда известно о существовавших там 32 ремесленных и торговых

специальности. Писцовая книга отметила торгово-ремесленные занятия в 114 из 454 дворов села. Разумеется, эта цифра приблизительно. Сопоставление имен лавководельцев, которые тщательно фиксируются писцами, с дворовладельцами дает возможность увеличить список торгово-ремесленных дворов, так как при описи лавок писцы указывали на род ремесленных занятий торговца. В итоге там, где идет роспись дворов, многие лавководельцы указаны без специальности, а при описи лавок она дается. Дополнением при разыскании торгово-промышленного населения являются таможенные книги, в которых фиксировались привозные товары и имена торговцев.

При анализе писцовых книг важно сочетание их не только с другими видами источников, но и с разновидностями писцовых материалов, в частности сопоставление данных писцовых книг с дозорными и описными книгами. В тех случаях, когда разница между писцовым описанием и отпиской владения в казну составляла 5—6 лет, сравнительный анализ помогает уточнить пропуски как в той, так и в другой.

Приблизженный характер сведений писцовых материалов о торгово-ремесленном развитии сочетается с часто встречающейся возможностью отдельных, весьма точных наблюдений. Это касается главным образом судеб отдельных крестьян, посадских людей и их потомков, которые можно проследить при наличии последующих переписных и писцовых книг. При этом следует учитывать, что в XVII в. фамилий в нашем смысле слова еще не было (если отец был Ефим Иванов, то сын мог быть Николай Ефимов, а внук Иван Николаев и т. п.), что сильно затрудняет поиски. Правда, в XVII в. прозвища иногда переходят по наследству, что, в свою очередь, облегчает поиск. С переписными книгами работать легче, так как эти сведения представлены в них с большей тщательностью. Переписные книги отличаются от писцовых указаниями на степень платежеспособности населения. Этот материал весьма важен, но его также нельзя переоценивать. Следует помнить, что «лучшие» и «молодые» посадские люди — это не столько бедные и богатые, сколько люди, более или менее способные нести тягло. Скажем, какая-нибудь богатая вдова могла и не быть в числе «лучших», так как тягло подразумевает еще и обязанность выполнения натуральных повинностей (подворная повинность, служба в целовальниках и т. п.).

Важны материалы писцовых, переписных и других книг, отражающие передвижение населения, бегство посадских людей и крестьян как одну из форм проявления классовой борьбы. В писцовых, а особенно в переписных книгах довольно регулярно фиксируются дворы опустевшие. Писцы отмечали причины запустения: «умре», «сшол в лихолетье, в голодные годы», «убит за Костромою... от лисовского приходу в 117 г.», «сшол безвестно в 122 г.» и т. д. Концентрация таких сведений по возможно более точным датам (война, неурожай, эпидемия в конкретные годы) может дать интересные и важные наблюдения. Подобного рода материалы нужно

сочетать с изучением делопроизводства Поместного приказа, где могут быть важные дополнения (челобития о дозоре и разорении, нормы окладов, приведших к разорению, и т. д.).

При работе с материалами писцового дела следует иметь в виду их наиболее важные разновидности.

Писцовые книги. Наиболее ранние писцовые книги конца XV в. сохранились по району Новгорода. Их два слоя: книги «старого письма» конца 70-х — начала 90-х годов XV в. и книги «нового письма» 1495 — 1505 гг. Лучше сохранились книги по Деревской, Водской и Шелонской пятинам. От писцовых описаний XVI столетия (1538 — 1547 гг., 1550 — 1580 гг.) по иным районам книги сохранились фрагментарно (например, Торопецкая писцовая книга 1540 г.).

Значительно больше сохранилось писцовых книг от конца XVI в., охватывающих главным образом центр Русского государства (территории будущих Московской, Тверской, Ярославской, Костромской, Рязанской, Тульской, Орловской, Калужской, Смоленской и Витебской губерний; частично по ряду уездов Пскова). Не исключено, что многие из них служили позднее приправочными книгами и поэтому несут на себе следы сокращений. Больше того, часть ученых считает их собственно приправочными книгами, созданными по особой форме.

Из писцовых книг XVII столетия самым значительным комплексом является комплекс книг, сохранившийся от писцового описания 20 — 30-х годов. Он охватывает большинство районов Русского государства и насчитывает сотни экземпляров.

Во второй половине XVII в. количество книг резко сокращается. Начиная преобладать переписные книги, хотя попытки составления писцовых книг предпринимались в 1680 и 1710 гг.

Сотницы. Наиболее важное значение имеют сотные выписки XVI в., так как они восполняют в значительной мере пробел из-за пропажи писцовых книг. Сотные грамоты в большинстве своем не опубликованы.

Приправочные книги сохранились фрагментарно. Для XVI столетия приправочные книги могли представлять собой конгломерат жалованных, ввозных грамот, сотниц и т. п. Большой же частью это были книги, передававшие в краткой редакции основные тексты писцовых книг.

Платежницы. Не всегда книги этого рода сохранились на уезд или город в целом; встречаются платежницы по отдельным станам и волостям. Иногда писцовые книги могли выполнять функции платежниц, если они были насыщены конкретными нормами сошного и оброчного обложения. Платежницы ценны тщательной фиксацией объектов оброчных сборов (оброчные дворы, лавки, полулавки, лавочные места, полки, шалаши в качестве торговых помещений, амбары для хранения клади, кузницы, кожевенные избы и другие промысловые помещения, харчевни, кабаки, мельницы, рыбные оброчные угодья, оброчные пустоши и т. п.), а также размеров оброка, давая косвенное свидетельство о примерной доходности

указанных объектов. Платежные книги давали подробную картину недоимок (кто за какие годы и сколько должен). Они переписывались заново при каждой новой переоброчке или дозоре, однако сохранились несистематически, в небольшом числе.

Межевые книги. Оброд межи (границ владения) иногда выделялся из писцовых книг в качестве самостоятельного текста. Основная его задача — подробное описание внешних признаков границы владений, а отчасти и территории, по которой идет граница. Разумеется, такого рода источник может дать важные материалы при специальном изучении данной территории или при реконструкции общей картины края (соотношение леса, пашни, лугов и т. п.).

Дозорные книги. Основная масса их сохранилась от первой четверти XVII в., когда острый экономический и социальный кризис потряс все здание феодального государства. Как отмечалось, дозорные книги интересны тогда, когда им предшествуют более ранние писцовые книги (или приправочные, платежницы). Вместе с тем наибольшая ценность дозора заключается в отклонениях от трафарета писцовых книг. Дозорщик часто вынужден давать пояснения изменениям, происшедшим в период до дозора. Так, дозоры приоткрывают завесу над фактическим использованием земли. Например, в основном тексте дозора 1616 г. стана Баскак в Бежецком Верхе Городецкого уезда значится: «Деревня Олександрово, а в ней крестьян: во дворе Филип Иванов, во дворе Василей Иванов, оба их живут на полчети выти, во дворе Миня Васильев, во дворе Ваня Семенов, оба их на полчети; во дворе Михайло Васильев, живет на полполтрети и всего в живущем четь выти и полполтрети, да пусто три четвертки вытных без полполполтрети выти». Это типичный текст писцовой книги, и не будь дозора, мы так и не узнали бы, что «сеяли ту пусторную землю (т. е. «три четвертки без полдвугонатцатой доли выти») Филя Иванов да Миня Васильев с товарищи». Значит, вся земля фактически распахивалась. В другой дозорной книге с. Микулинское Переяславского уезда выясняется, что приказчик отдавал пусторные земли «без найму и без окладу». Можно узнать, кто из крестьян их распахивал, какие культуры сеял и сколько. В тех случаях, когда есть площадь пашни и объем сева, можно определить и норму высева. Дозорные книги помогают узнать, что в пустых полях устраивались огороды, что отдельные дворы не выпаживали всей своей тяглой пашни, оставляя половину, или треть, или две трети в перелог, и т. д. Таким образом, на материале дозорных книг можно сделать множество таких наблюдений, каких не дают писцовые книги.

Переписные книги отличаются тщательной фиксацией населения (мужского пола) описываемых территорий. Основная масса их сохранилась от переписей 1646 — 1648 гг. и 1676 — 1678 гг. Отдельные экземпляры датируются началом XVIII в.

Переписные книги, как и дозорные, давая довольно достоверные сведения о численности тяглого населения, могут служить важным источником и по истории миграции населения. В них тщательно отмечены беглые, а часто — причины и время их бегства. Встре-

чаются и такие разновидности переписных книг (особенно по южным, вновь осваиваемым районам), где даются сведения о том, откуда прибыл тот или иной житель, где он жил в бегах и т. п.

Отказные книги, как правило, довольно лаконично освещают состояние крестьянской части вотчины или поместья. Но так как они выдавались при передаче от одного владельца к другому (по завещанию, по дарственной и т. п.) либо фиксировали передачу тому или иному служилому дворянину вотчины или поместья от феодального государства, то этот источник приобретает громадное значение при изучении истории феодального землевладения. Масовые данные отказных книг дают возможность охарактеризовать основные тенденции и этапы в развитии поместного землевладения, процесс концентрации земельной собственности в руках отдельных лиц, наконец, в результате их изучения могут быть получены более или менее достоверные данные о характере и эволюции вотчинного землевладения.

Основная масса отказных книг (а они сохранились главным образом по XVII в.) не опубликована и не изучена историками, в то время как только они в сочетании с другими писцовыми материалами могут дать наиболее достоверную характеристику эволюции феодального землевладения, только они могут дать ответ на вопрос, на какой стадии развития находилась феодальная собственность в России XVII в.

Описные книги — это факты передачи имения в руки государства. С этой точки зрения их можно характеризовать как наиболее исчерпывающие по своему содержанию, так как казна была весьма заинтересована в осведомленности о состоянии и помещичьего, и крестьянского хозяйства. Описные книги сохранились главным образом по XVII и первой половине XVIII в. При этом чем ближе к середине XVIII в., тем беднее они по своему материалу. Однако в некоторых описных книгах XVIII в. можно встретить подробные указания на состояние господской усадьбы (типы строений, их размер, внутреннее убранство и мебель, характеристика хозяйственных помещений, запасы хлеба молочного и немолочного, количество и вид скота и птицы, рабочий инвентарь и т. п.). Самое же ценное заключается в том, что среди описных книг изредка встречаются такие, где есть характеристика крестьянских хозяйств (население двора, его состав, хоромы и хозяйственные строения, описание крестьянского имущества, включая мебель, посуду и одежду, количество крупного и мелкого скота, в том числе и рабочего, домашней птицы, хлеба молочного и немолочного, размер посевной площади, количество высеянного зерна и т. д.). Данные эти статичны, и для динамической характеристики крестьянского хозяйства они дают недостаточный объем материала. Однако они очень ценны, потому что это единственный тип делопроизводственной документации XVII — XVIII вв., который дает примерное представление о жизни и труде русского крестьянина.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ (XI—XVII вв.)

Произведения древнерусской литературы, где художественная форма не менее значима, чем само содержание, и публицистики, для которых характерно преобладание полемической функции над эстетической, среди исторических источников занимают особое место. Они не столько документально фиксируют события, сколько отражают чувства, мнения авторов по поводу тех или иных явлений. Литературные и публицистические памятники имеют первостепенное значение для изучения истории культуры, идеологии эпохи. При утрате других источников они помогают выявлению общеисторических сведений.

Произведения XI—XVII вв. разнообразны как по содержанию, так и по форме (жанру). Одни их группы существовали на протяжении всего рассматриваемого периода, другие появлялись на определенном историческом этапе. Учитывая эволюцию групп, раскрывая смысл и значение их изменений, исследователи в то же время должны решать ряд постоянных задач источниковедческой критики. К ним относятся датировка памятника и неразрывно связанная с ней проблема подлинности, вопрос об авторстве, выяснение редакций, определение степени точности отражения памятником конкретных исторических фактов. Методика решения этих задач в силу разнохарактерности рассматриваемых памятников в значительной степени индивидуальна.

§ 1. Литературные произведения XII—XV вв.

Наиболее ярким произведением русской эпической поэзии является «Слово о полку Игореве», посвященное описанию неудачного похода 1185 г. на половцев черниговско-северских князей во главе с новгород-северским князем Игорем Святославичем. Датировка этого произведения обуславливается его содержанием. Оно говорит о князьях Ярославле Осмомысле Галицком и Владимире Глебовиче Суздальском, умерших в 1187 г., как о живых. Следовательно, «Слово» могло быть создано между 1185—1187 гг. Палеографическая проверка времени создания и раннего бытования на Руси «Слова» невозможна, так как единственный рукописный сборник со «Словом», относившийся, по-видимому, к XVI в., исчез во время московского пожара 1812 г. До наших дней дошли только списки конца XVIII в. и печатное издание 1800 г. Эти обстоятельства породили сомнения в подлинности «Слова» как произведения XII в. Однако конкретный анализ исторического содержания «Слова», исследование художественного стиля и языка, сопоставление с произведениями ранней средневековой русской литературы показали, что этот памятник мог быть создан на Руси в XII в. Особенно плодотворным оказалось сравнение «Слова» с русскими летописями.

Поход князя Игоря описывается, например, в Ипатьевской летописи под 1185 г. Историческое содержание «Слова» во многом сходно с летописным рассказом. Но при сюжетном сходстве обоих произведений интерпретация одних и тех же фактов была не совсем одинаковой. Труды русских и советских историков и филологов доказано, что отступления «Слова» от Ипатьевской летописи не являются измышлениями позднейшего автора. Так, князь Олег Святославич назван в «Слове» каганом. Ни в каких письменных источниках этот титул, характерный для правителей Хазарии, не связывается с именем Олега Святославича. На этом основании можно было предположить, что автором «Слова» как позднейшим компилятором допущена ошибка. Но в 50-х годах нашего века румынским ученым Н. Бэнеску была опубликована греческая надпись на византийской печати, в которой Олег Святославич именовался «архонтом Матрахи, Зихий и всей Хазарии». Таким образом, будучи правителем Хазарии, он мог носить титул кагана.

Характеристики русских князей XI—XII вв., данные автором «Слова», профессиональное описание дружинной стихии (боя, соколиной охоты), четкое понимание политической обстановки на Руси XII в. — все это, облеченное в совершенную художественную форму, говорит о том, что «Слово» было создано поэтом. XII в., человеком, близким воинскому окружению русского князя. Опубликованный в 1968 г. В. П. Адриановой-Перетц «Стилистический и лексический комментарий к «Слову о полку Игореве» показал прочную связь стиля и языка «Слова» с другими произведениями древнерусской литературы XI—XII вв.

Доказательством бытования «Слова» в начале XIV в., а следовательно, и его раннего происхождения является цитирование отрывка этого произведения на псковском «Апостоле» 1307 г. Запись-перефраз сделана почерком писца самой рукописи, а поэтому может быть отнесена к 1307 г. Укоряя за раздоры тверского и московского князей, автор записи печалится о родной земле, которой княжеские междоусобицы, как и во время Киевской Руси, грозили разорением и гибелью.

«Слово о полку Игореве» — памятник идеологии своего времени. Значение его как исторического источника состоит в достоверном отражении взаимоотношений сил русских князей XII в. Будучи создано в период феодальной раздробленности Руси, «Слово» страстно призывало к ее государственному единству и сплочению князей в борьбе с внешними врагами. Этот призыв был возможен потому, что, несмотря на политическую разобщенность, русский народ сохранял единство языка и культуры, единство в ощущении и понимании Русской земли. Само «Слово» — лучший показатель этого единства и любви к родной земле. Большое место автор уделит описанию феодального быта, предметов военного обихода, оружия, одежды. Это ценно для воссоздания колорита эпохи, помогает уточнить определение и датировку вещей, хранящихся в музеях. Наконец, «Слово» служит источником для изучения верований Древней Руси. В нем слабо отразилась официальная церковная

идеология (есть единственное упоминание церкви Пирогошей), но языческие представления и обряды (олицетворение сил природы в плаче Ярославны, обращение героев к славянским божествам Велесу и Дажьд-богу) отражены в высказываниях и действиях героев «Слова». По своей идейной направленности и высокому эмоциональному настрою «Слово о полку Игореве» перекликается с другим произведением древнерусской литературы — «Словом о погибели Русской земли».

Сюжет «Слова о погибели Русской земли» несложен. Вначале дана поэтическая картина природы Северо-Восточной Руси: «...озер многих, дубрав частых, полей дивных». Рисуются «города великие и села». Далее следует тщательно составленное описание истинных границ Русской земли и соседних народов. Вместе с этим описанием идет прославление князей из рода Владимира Мономаха: Юрия Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Всеволодовича, — которым приписывается честь создания огромной русской державы. Здесь же упоминаются дары, якобы присланные греческим царем Владимиру Мономаху, чтобы тот «Царя-города не взял». Величественная панорама могучей Руси омрачается началом рассказа о бывших и настоящих усобицах князей, о набегах иноземцев. Автор «Слова о погибели» как бы предчувствует, что эти раздоры навлекут на его родную землю новые напасти, новую «погибель» от нашествия врагов. Обращаясь к примерам прошлого, он зовет Русь к единству действий.

«Слово о погибели» известно по двум рукописям XV — XVI вв. Оно располагается в них перед «Житием Александра Невского» и поэтому могло бы быть принято за часть «Жития». Однако такой взгляд опровергается сопоставлением дат возникновения обоих произведений. Одни исследователи связывают появление «Слова» с 1223 г., т. е. со временем поражения русских на р. Калке (М. Н. Тихомиров), другие указывают 1237 г., когда Русь получила первые вести о монголо-татарском нашествии (А. В. Соловьев). Таким образом, «Слово о погибели» может считаться памятником кануна грозных для Руси событий середины XIII в. «Житие» же Александра Невского не могло быть составлено ранее 1263 г. — года его смерти. Следовательно, «Слово о погибели» является самостоятельным литературным произведением. Поскольку его автор воспевал род Владимира Мономаха, из которого происходил Александр Невский, то составители или переписчики использовали «Слово о погибели» в качестве предисловия к тексту житийной повести.

Идейная близость и прямые заимствования связывают «Слово о полку Игореве» с циклом повестей о Куликовской битве 1380 г., в первую очередь с поэтическим «Словом о Куликовской битве Софония Рязанца» (с «Задонщиной») и историческим «Сказанием о Мамаевом побоище». Поэтому несмотря на то что эти памятники сложились в конце XIV — первой четверти XV в. и дополнялись на протяжении XVI — XVII вв., т. е. уже в период образования и укрепления единого Российского государства, они рассматриваются вместе с произведениями древнерусского цикла. Образцом для

«Задонщины» послужило «Слово о полку Игореве». Несмотря на разную политическую обстановку, в которой создавались и которую воспроизводили эти произведения (в «Слове» — поражение русских войск, в «Задонщине» — победа над полчищами Мамаю), оба они воспевают единство и величие Русской земли. Отсюда возможность не только заимствования отдельных слов и выражений, но и сходство в построении сюжета.

Имя автора «Задонщины» указано в самом произведении: Софоний Рязанец, т. е. выходец из Рязани. Некоторые списки «Задонщины» XVI — XVII вв. называют его иереем, а Кирилло-Белозерский список XV в. — старцем, т. е. монахом. Однако вряд ли автор светской воинской повести был священником и тем более монахом. Против этого свидетельствует тот факт, что, судя по более поздней краткой редакции «Задонщины», Софоний не изменил своего имени в конце жизни, как это обычно делали монахи. Поэтому термин «старец» можно рассматривать в качестве возрастной характеристики: пожилой человек, старик. Кроме того, в тверской летописи начала XVII в. о Софонии говорится, как о брянском боярине. Многие исследователи подвергают сомнению указание на Брянск как на родину автора «Задонщины». Во-первых, в самой «Задонщине» (а не в более позднем летописном рассказе) Софоний называется рязанцем. Во-вторых, автор «Задонщины» явно проявляет симпатию и сочувствие к Рязанской земле, что тоже может говорить о его рязанском происхождении. В-третьих, в жалованной грамоте рязанского князя Олега 1372 г. в числе рязанских бояр назван некий Софоний Алтыкулачевич, которого В. Ф. Ржига отождествляет с автором «Задонщины». Если принять за дату создания «Слова Софония» конец XIV в. (как это сделал М. Н. Тихомиров на основании упоминания в «Слове Софония» столицы Болгарского царства Тырново, которая пала под ударами турок в 1393 г.), то это отождествление представляется вполне вероятным.

Как исторический источник поэтическая воинская повесть «Задонщина» важна прежде всего своим идейным содержанием. Ее автор четко выразил мысль, что только единение политических сил Руси привело к победе на Куликовом поле. Он охарактеризовал и резонанс, вызванный в Европе этой битвой: «Шибла слава к Железным вратом, к Риму и к Кафы, по морю и Торнаву, и оттоле к Церюграду на похвалу: Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликове». В «Задонщине» можно найти и некоторый историко-бытовой материал.

«Сказание о Мамаевом побоище», созданное в Москве в XV в., дошло до нас более чем в 100 списках XVI — XIX вв., из которых 9 иллюстрированы миниатюрами работы русских художников XVI — XVIII вв. Для «Сказания» характерна большая широта исторического содержания по сравнению с «Задонщиной», что определяет его значение как исторического источника. «Сказание» подробно описывает сборы Мамаю против Руси и подготовку похода для отражения монголо-татарского нашествия Дмитрием Донским, рисует интересные подробности Куликовской битвы, сообщает на-

звания полков и имена воевод. Ценность представляет описание московского Кремля, московских дорог и перевозов.

При работе с этим памятником следует помнить, что он носит компилятивный характер. В его основу была положена воинская повесть, подвергшаяся затем всесторонней церковной обработке. Кроме того, «Сказание о Мамаевом побоище» дополнялось на протяжении XV — XVI вв. Отсюда пестрота содержания и хронологическая сложность этого источника.

Текстологический анализ позволил выделить четыре редакции «Сказания о Мамаевом побоище»: основную, летописную, распространенную и киприановскую, — из которых две последние определяются как вторичные. На основе сравнительного изучения основной и летописной редакций наиболее ранней, а следовательно, более близкой к авторскому тексту признана основная. Анализ исторической обстановки на Руси в конце XIV — 1-й половине XV в. и сопоставление с историческими данными основной редакции самого «Сказания» позволили ряду исследователей датировать его временем между 1406 и 1434 гг. Другие же, проводя сопоставление текстов основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» с летописной повестью о Куликовской битве 1380 г., считают, что основная редакция «Сказания» базируется на этой повести. Воспринимая датировку повести 40-ми годами XV в., они относят создание «Сказания о Мамаевом побоище» к середине XV — началу XVI в.

§ 2. Публицистические произведения XI—XIII вв.

Большое историческое значение имеют произведения XI — XIII вв., известные под названиями «Послание», «Слово», «Поучение». Среди этих памятников есть сочинения светские и церковные.

Сохранившееся в ряде списков «Слово Даниила Заточника» представляет послание с просьбой о милости. Оно составлено неким Даниилом и обращено к новгородскому князю Ярославу Владимировичу (княжил с перерывами с 1180 по 1199 г.). Автор послания, по-видимому, попал в опалу и был сослан на озеро Лаче (район Каргополя), о котором он писал так: «...кому Лаче озеро, а мне на нем седа плачь горький». Поскольку «Слово» обращено к новгородскому князю и в словах Даниила есть намек на знание им пределов северной Руси («...кому Бело озеро, а мне черней смолы...») и «кому ти есть Новгород, а мне и углы опадали...»), можно говорить о новгородском происхождении автора. Свое «Слово», включавшее множество социальных и бытовых описаний, Даниил составил в форме притч и изречений, что делало его произведение очень популярным на Руси. Судя по приводимым им поучениям и афоризмам, это был человек достаточно образованный для своего времени. Высоко ставя личность князя, Даниил видел залог княжеского могущества в отстранении от междоусобных распрей и в союзе с умными советниками, «думцами». Однако сам он, по-видимому, не принадлежал к этим «думцам». В «Слове» встречаются образы, связанные с описанием помола хлеба, варкой железа, литьем из

олова и золота. Естественное предположить, что создатель «Слова» был неплохим знаком с городским ремеслом и мог сам происходить из мастеров-ремесленников. Отсюда демократический характер его произведения, его яростная ненависть к боярам, понимание пропасти между богатыми и бедными. «Богат возглаголет, — пишет Даниил, — все молчат и вознесут слово его до облак, а убогий возглаголет, вси на нь кликнуть...». «Слово» — единственный памятник раннего периода древнерусской литературы, который создан представителем демократических кругов. В этом его основная ценность как исторического источника.

Другое произведение, называющее имя Даниила Заточника, — так называемое «Послание» или «Моление» — является переработкой «Слова», выполненной неизвестным автором в XIII в. Автор «Моления», испытав злоключения, подобно Даниилу Заточнику, пишет: «...кому Переславль, а мне Гореславль, кому Боголюбиво, а мне горе лютое». Приведенный каламбур позволяет связать происхождение этого человека с Суздальской землей. По своему социальному положению автор «Моления» — служилый человек, советник князя, бывалый и много видевший. Так, в его «Послании» дается даже описание цирковых игр, мало известных на Руси в XIII в. С презрением относясь к холопам («не лепо у свини в ноздрех рясы златы также на холопе порты дороги»), он не так резко, как Даниил в «Слове», отзывается о боярах и превышает всех ставит князя, окруженного «мужами сильными». Не посягая на основы христианской религии, он делает ряд выпадов против монашества. «Моление» — памятник более поздний и более компилятивный, чем «Слово», — отразило многие стороны социально-политической жизни Руси XIII в.

К другой разновидности гражданской литературы относится «Поучение Владимира Мономаха». Оно известно в одном списке, помещенном как вставка в Лаврентьевскую летопись под 1096 г. Однако «Поучение» написано значительно позднее. При перечислении воинских подвигов Владимира Мономаха в тексте упомянут поход на Глеба Минского, состоявшийся в 1117 г. При описании другого похода говорится о рождении у Владимира Мономаха сына Мстислава, который назван «детем старейшим новгородским», что могло быть только до 1117 г., когда Владимир Мономах перевел его на княжение в Белгород. Следовательно, «Поучение» не могло быть написано ни ранее, ни позднее 1117 г. В летописи оно оказалось под 1096 г. потому, что поздний редактор Повести временных лет или Лаврентьевской летописи стремился ретроспективно обосновать позицию Владимира Мономаха на Любечском съезде 1097 г. По своей форме «Поучение Владимира Мономаха» находит аналогии в римско-византийской и в англосаксонской литературе, но по своему содержанию это оригинальное русское произведение. Под общим названием «Поучение» объединены три различных сочинения: поучение к детям, воспоминания и послание к своему противнику Олегу Черниговскому. Перечислив общие нормы христианской морали, Владимир Мономах переходит к вполне конкретным

политическим рекомендациям. Помня о крестьянских и городских выступлениях конца XI — начала XII в., он призывает «...куда же ходяще путем по своим землям, не дайти пакости деяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селах, ни в житех, да не кляти вас начнуть». Владимир Мономах выступает за единство действий русских князей против внешних врагов и готов ради этого примириться с князем Олегом. Большое место в этом произведении занимают описание военных походов и княжеских охот, наставления по ведению хозяйства. События жизни автора «Поучения» являются и фактами политической истории Руси конца XI — начала XII в., его взгляды отражают мировоззрение дальновидного государственного правителя. Этим определяется место и значение «Поучения Владимира Мономаха» как исторического источника.

Значительный историко-философский материал содержится в церковных «Словах», «Поучениях» и «Хождениях». Наиболее ранним произведением такого характера является «Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру», составленное митрополитом Илларионом между 1037 — 1050 гг. В «Слове», описывающем борьбу религиозных и политических идей в Киеве XI в., превозносятся государственная мощь Руси и христианство (благодать) в противоположность иудаизму (закону), который был религией враждебного Руси Хазарского каганата. «Слово» возвеличивает русских покровителей христианства — княгиню Ольгу, князей Владимира и Ярослава. Интересные сведения о культуре и быте Киевской Руси дают «Поучения Кирилла епископа Туровского» (1171 — 1182 гг.) и «Послание к смоленскому пресвитеру Фоме» Климента Смолятича (русского митрополита с 1147 г.). Авторы этих сочинений выступают за широкую образованность, порицают стяжательство духовенства и монастырей.

§ 3. Произведения агиографической (житийной) литературы XI—XVII вв.

Русские жития по своей идейной направленности и содержанию стоят на грани церковных «Слов» и «Поучений», с одной стороны, и исторических повестей — с другой. В них, как правило, переплетаются религиозно-нравственная проповедь и историко-бытовое повествование.

Ранних агиографических произведений (до XV — XVI вв.) сохранилось сравнительно немного, да и те большей частью в поздних списках. Поздние жития (XV—XVII вв.) более многочисленны. Наряду с традиционными их формами, где облик главного лица схематизирован до общепринятого христианского идеала («Житие Сергея Радонежского» — XV в.), здесь встречаются сочинения, близкие обычным биографиям («Житие Михаила Клопского» — XV в.). Рисуя, хотя и несколько односторонне, духовный мир человека Древней Руси, произведения русской агиографии дают конкретно-исторические свидетельства о взаимоотношениях князей, военных столкновениях и дипломатических связях (княжеские жи-

тия), о выступлениях городской бедноты и крестьян («Житие Авраамия Смоленского» — XIII в.), о состоянии образования («Житие Евфросинии Полоцкой» — XIV в., «Житие Сергия Радонежского»), содержат своеобразнейший этнографический материал по русскому Северу («Житие Зосимы и Савватия» и «Житие Антония Сийского» — XVI в.).

Особую форму агиографических произведений представляют житийные сборники: «Патерики» (сборники рассказов о монахах), «Прологи» (сборники житий краткой редакции), «Четьи-Минеи» (сборники житий пространной редакции, предназначенные для повседневного чтения). Из житийных сборников раннего периода необходимо отметить «Киево-Печерский патерик», сложившийся в течение XIII — XIV вв. и дошедший до нас в двух редакциях: редакции тверского епископа Арсения 1406 г. и редакции монаха Печерского монастыря Касьяна 1462 г. Сборник состоит из сказания об основании Киево-Печерского монастыря, жития одного из основателей этого монастыря Феодосия, двух монашеских посланий и рассказа о двадцати шести печерских черноризцах. Поскольку Киево-Печерский монастырь стоял в центре политической жизни Киевской Руси, описания, связанные с жизнью его обитателей, людей разного социального ранга, имеют большую историческую ценность. Рассказы «Патерика» помогают в решении ряда источниковедческих вопросов, например об авторстве Нестора в русском летописании. Среди житийных сборников XV — XVI вв. наиболее известны «Четьи-Минеи», созданные в середине XVI в. по инициативе митрополита Макария. Как свод житий и церковно-поучительной литературы общерусского значения они были призваны идеологически укрепить политическое объединение России под эгидой Москвы.

Своеобразными повестями-отчетами о путешествиях русских людей в другие страны являются так называемые «Хождения», начало которым было положено описанием паломничества игумена Даниила в Палестину в конце XI — начале XII в. Помимо церковных «Хождений», которые по характеру описаний близки русским «Житиям», существует и светская разновидность этих повестей, например «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, относящееся к XV в. Все эти повести богаты историко-географическими сведениями, относящимися, как к иностранным государствам, так и к самой Руси.

§ 4. Публицистические памятники XV—XVI вв.

Памятники политической литературы, появившиеся в конце XV — начале XVI в. и связанные с образованием и укреплением Российского государства, объединены общей идеей исконности и незыблемости этого государства. Наибольшее распространение получили «Повесть о белом клобуке» и «Сказание о князьях Владимирских».

В «Повести о белом клобуке» говорится о том, как знаки высокого священнического сана — белый клобук и кресчатые ризы, по-

жалованные императором римским Константином папе Сильвестру, были после разделения христианских церквей чудом перенесены в Царьград, а оттуда переданы патриархом Филофеем на Русь новгородскому архиепископу Василию. «Повесть о белом клобуке» имеет более 250 списков. Из пяти редакций, которые выявляются с помощью текстологического сопоставления отдельных списков, наиболее резко отличаются по своей идейной направленности две: одна из двух пространных и одна из двух Кратких. Обе они возникли в Новгороде. Первая датируется концом XV — началом XVI в., а вторая, составленная на ее основе, — серединой XVI в. В Пространной редакции, оттеняющей мысль о духовном и политическом наследстве, перешедшем от Рима и Византии к России, к единому государству с большим будущим, воплощена общерусская идея «Москва — третий Рим». В Краткой редакции отразилась сложность межобластных отношений в процессе формирования централизованного государства. В ней сказалось усиление сепаратизма новгородского боярства, что проявилось в затушевывании общерусских политических идей и акцентировании значения Новгорода.

Еще большее богатство политических идей раскрывается в «Сказании о князьях Владимирских», созданном по заказу Василия III в начале XVI в. для обоснования родословия великих русских князей. Обращая внимание на преемственность русского самодержавия от императорского Рима и тем самым подчеркивая безусловную законность первого, «Сказание» вместе с тем показывает неразрывность исторических связей между Киевом, Владимиром и Москвой. В обстановке объединения русских земель вокруг Москвы этот акцент служил идеологическим обоснованием прав московских государей. Идеи «Сказания о князьях Владимирских» нашли отражение в «Степенной книге», Воскресенской летописи, макарьевских «Четьях-Минеях», в «Государеве родословце». Несмотря на то что «Сказание» носило легендарный характер, его использовали в политической практике правительства Василия III и Ивана IV. Иван Грозный, рассматривая «Сказание» в качестве официального источника, делал на него ссылки в своей духовной грамоте 1572 г.

В посланиях Ивана Грозного «Сказание» послужило целям идеологического обоснования прав на неограниченную самодержавную власть. Свои послания, обращенные к определенным лицам, Иван IV предназначал для широкого круга московских людей, для «всего Российского царства». Для выявления эпистолярного наследия Ивана IV (как и любого другого исторического лица) источниковеды, наряду с анализом самого содержания, большое внимание уделяют исследованию литературного стиля и языка его произведений. В посланиях Ивана Грозного сочетаются элементы церковнославянского языка и деловой письменности, живая разговорная речь. Это определяет своеобразие словарного состава и литературного стиля посланий Ивана IV. Такой анализ помогает установить авторство Ивана Грозного, но он недостаточен для определения его автографов. В дополнение к нему требуется провести палеографическое исследование посланий в сохранившихся списках XVI в.

Среди посланий Ивана Грозного выделяется его переписка с князем-«крестопреступником» Андреем Курбским. Она отражает социально-политические взгляды носителя и идеолога самодержавия, с одной стороны, и представителя боярской оппозиции — с другой. Грозный, отстаивая свое право на неограниченное самодержавие, заявляет, что он наследник византийских императоров и великих киевских князей, что власть досталась ему по закону «божьем изволением и родителей своих благословенем». Полемизируя с Курбским, Иван IV обосновывает необходимость для России борьбы с Ливонией за бывшие русские территории, за выход к Балтийскому морю, считая войну с Крымом второстепенной задачей своей внешней политики. Большое место отводится Иваном Грозным изобличению политических интриг и козней бояр в дни его малолетства и юности.

Едкое саркастическое послание царя белозерскому игумену Козьме направлено против сосланных в Кириллов монастырь и нарушающих монастырские порядки бояр Шереметьева и Хабарова. Иваном IV проявляются опасения, что монастыри благодаря крупным земельным вкладам бояр превращаются в их вотчины.

Послания к Василию Грязному и Симеону Бекбулатовичу представляют редкие источники, дающие возможность выяснить точку зрения Ивана Грозного на роль и значение опричнины. В этих посланиях сформулированы основные принципы внешней и внутренней политики правительства Ивана IV.

В ряд произведений, связанных с образованием и укреплением единого Российского государства, следует поставить и такой памятник XVI в., как «Домострой». Основное место в этой книге отведено советам по устройству хозяйства и быта семьи, но в ней рассматриваются и более общие, социальные вопросы. Главы «Домостроя» носят наставительный характер. Среди них имеется особая глава, в которой говорится о необходимости преданного отношения к царю и «властителям». «Царя бойся и служи ему верно, — учит «Домострой», — истину отвечаю ему, яко самому богу». Такое возвышение личности самодержца служило той же цели укрепления центральной государственной власти.

Среди литературных памятников конца XV — первой половины XVI в. значительную группу образуют произведения церковно-политической мысли, отразившие взаимоотношения между различными классами и социальными слоями русского общества и ту острую идеологическую борьбу, которая им сопутствовала. Прежде всего следует обратить внимание на сочинения игумена Волоколамского монастыря Иосифа Санина (1440 — 1515 гг.). Его «Просветитель» (сборник обличительных слов), послания и монастырский «Устав» представляют, по существу, политические трактаты, рассчитанные на широкие круги светских феодалов и образованных горожан. Иосиф Волоцкий обрушивается на рационалистическую критику основных догматов православной церкви, с которой выступали новгородские еретики, и требует расправы с ними. В новгородской ере-

сти он видит угрозу как существованию церкви, так и основам феодальной власти.

Помимо пространной редакции «Устава» начала XVI в. существует более ранняя, краткая редакция того же произведения, возникшая в конце XV в. Сравнение этих двух редакций обнаруживает некоторую эволюцию взглядов Иосифа Волоцкого. В краткой редакции «Устава» Иосиф Волоцкий неизменноими условиями монашеской жизни при сохранении общего монастырского имущества ставил полное отсутствие личной собственности и обязательность труда для каждого из монахов. В поздней, пространной редакции «Устава» последовательно проводится принцип накопления монастырских богатств и делается упор на строгое соблюдение общежитийных монастырских правил. В «Уставе» и посланиях Иосиф Волоцкий отстаивает необходимость церковного землевладения, существование крупных богатых монастырей, которые, по его мнению, должны быть опорой великокняжеской власти и центрами подготовки высшего духовенства из среды феодалов.

Церковно-политические взгляды Иосифа Волоцкого получили развитие в произведениях его последователей — иосифлян, или стяжателей: в словах и посланиях митрополита Даниила, сочинениях Нила Полева, митрополита Макария, в произведении Зиновия Отенского «Истины показание». Взгляды иосифлян заняли господствующее положение в официальной идеологии России XVI в.

В это же время в России развилось другое направление церковно-политической мысли, сторонники которого получили название нестяжателей. Главой его был основатель заволжского (на р. Суре) монастыря Нил Сорский (1433 — 1507 гг.), происходивший из крупного боярского рода Майковых. Сочинения Нила Сорского (монастырский «Устав», «Предание учеником», послания) и его последователей отражали взгляды боярских кругов, недовольных ростом монастырского землевладения. Нил Сорский призывал монахов обратиться прежде всего к духовному совершенствованию, трудиться только ради пропитания и не заботиться о приобретении материальных богатств. Его ученики пришли к абсолютному отрицанию монастырских земельных владений. Этот же принцип развивал Василий Косой (в миру — боярин Василий Патрикеев) в своих посланиях и в редактируемой им «Кормчей книге», откуда он исключил все разделы о монастырских владениях.

К нестяжателям по своим взглядам был близок крупный писатель, переводчик и церковно-политический деятель первой половины XVI в. Максим Грек. В своих «посланиях», «словах» и «сказаниях» Максим Грек разоблачал стяжательские стремления монахов и распушенность духовенства, писал о жестокой эксплуатации крестьян монастырями, о непосильных поборах с населения. В аллегорической форме он осмеливался даже говорить о «нестроениях и безчиниях царей и властей». Острота поднимаемых Максимом Греком социально-политических проблем делает его произведения одним из ярких источников по истории развития общественно-политической мысли феодальной Руси.

Своеобразным литературно-публицистическим памятником является «Судное дело Максима Грека». Исследование самого раннего списка «Судного дела» (открыт в 1968 г. в составе Сибирского сборника, датируемого 90-ми годами XVI в.) показало, что в нем смешаны сведения о разных процессах, имеются недопустимые в «судоговорении» пропуски, сделаны тенденциозные вставки повествовательного характера (например, во введении дано осуждение «еретических» взглядов Максима Грека). Следовательно, «Судное дело Максима Грека» — это не список подлинных судебных протоколов соборов 1525 и 1531 гг., осудивших Максима Грека, а их литературно-публицистическая переделка. Оно было составлено в 40-е годы XVI в. в процессе подготовки суда над бывшим сотрудником Максима Грека — Исааком Собакой. Значение «Судного дела Максима Грека» как исторического источника трудно переоценить, так как оно построено на основе не дошедших до нас протоколов и переписки участников церковно-политических процессов.

§ 5. Социально-экономические проекты и трактаты XVI в.

Особую группу литературно-публицистических памятников составляют социально-экономические проекты и трактаты XVI в. К ним принадлежат произведения Ермолая-Еразма, Ивана Пересветова.

Перу Ермолая (в монашестве — Еразма) источниковеды приписывают ряд произведений 40 — 60-х годов XVI в. Круг сочинений Ермолая-Еразма устанавливается путем тщательного сравнения их содержания, стиля и палеографических особенностей с произведениями, бесспорно ему принадлежавшими. Таким образом была определена принадлежность Ермолаю-Еразму трактата «Благохотящим царем правительница и землемерие». В сочинении Ермолая-Еразма «Моление к царю» (под ним поставлено его имя — «Ермолаиц») сказано, что он напишет Ивану IV еще одно послание, в котором расскажет «о мирьских вещех... к благоугодию земли и ко умалению насильства», т. е. о том, что составляет содержание «Правительницы». В «Правительнице» Ермолай, рассуждая об ответственности царя, ссылается на один из текстов Священного писания. Этот же текст приведен в более позднем произведении Ермолая-Еразма, где имя автора стоит в заглавии. Кроме того, «Правительница» находится в сборнике других сочинений Ермолая, являющихся, по-видимому, его автографом, хотя последнее требует еще дополнительных палеографических изысканий. Время написания «Правительницы» устанавливается с учетом двух фактов. Ермолай-Еразм писал о необходимости закрыть корчмы, которые были закрыты в 1547 г. Подготовка государственной реформы поземельного обложения с введением новой единицы, за которую ратовал Ермолай, была начата в 1549 г. Исходя из того что целесообразность составления такого проекта существовала только до начала реформы, это произведение датируют второй половиной 40-х годов XVI в. В «Правительнице» Ермолай-Еразм выступал за некоторое

облегчение положения крепостных крестьян, труд которых он считал основой благосостояния всего общества, за упрочение положения служилых людей. С помощью этих реформ автор «Правительницы» надеялся, не посягая на основы крепостнической системы, предотвратить народные выступления, примирить социальные противоречия русского общества XVI в.

Основными сочинениями Ивана Пересветова были «Большая» и «Малая» челобитные, «Повесть о падении Царьграда», сказания о книгах, о царе Константине, о Магмете-салтане, первое и второе «Предсказания философов». Они появились в конце 40-х — начале 50-х годов XVI в. и отражали взгляды и настроения русского дворянства. Излагая в своих произведениях проекты преобразования, которые охватывали почти все стороны социально-политической и экономической жизни России, Иван Пересветов направлял их к одной цели: укрепить самодержавие, опираясь на служилое дворянство, оттеснив при этом на второй план бояр и подавляя всякие попытки народных выступлений. Первостепенное значение он придавал проекту военной реформы: создание постоянного войска из дворян, находящихся на денежном жаловании государства. Для повышения боеспособности войска, отмены полного и кабального холопства Пересветов предлагал провести судебную реформу: кодифицировать законы, поручить судебное разбирательство специальным судьям, создать сословно-дворянский суд и особый суд губных старост по делам «татей и разбойников». Основными налогоплательщиками он считал крестьян и горожан, которых рассматривал как объект определенной государственной политики, обходя молчанием вопрос их положения в крепостническом обществе.

Направленность реформ, выдвигаемых Иваном Пересветовым, определялась социальным положением автора. А. А. Зиминым на основе сопоставлений фактов биографии, приводимых в произведениях самого И. Пересветова, с многочисленными архивными материалами первой половины XVI в. аргументированно определено, что И. Пересветов выехал из Литвы (возможно, с территории Белоруссии, где эта фамилия часто встречается), побывал в Польше, Чехии, Молдавии, Венгрии и в конце 1538 — начале 1539 г. приехал в Россию. Судя по его произведениям, он влился в сословие служилых людей, стал преданным сторонником централизации и самодержавия, выступавшим в защиту прав русского дворянства против боярского самовластия.

§ 6. Литературные и публицистические произведения XVII в.

Литературно-публицистические произведения в XVII в. получают дальнейшее распространение.

Многочисленную их группу образуют литературные памятники, связанные с польско-шведской интервенцией и классовой борьбой в России начала XVII в. Их авторами были, как правило, представители социальных верхов. Поэтому оценки событий, особенно

имеющих отношение к народным движениям, в этих произведениях отличаются большой тенденциозностью.

По богатству фактического материала и яркой публицистичности выделяется «Сказание Авраамия Палицына», келаря Троице-Сергиева монастыря. Являясь очевидцем «смуты», он описывал ход событий постепенно, отдельными частями. Впоследствии Палицын собрал эти части в единую книгу, окончательно завершив работу, как он сам пишет, в 1620 г. «Сказание Авраамия Палицына» известно по двум редакциям. Краткая редакция охватывает время с царствования Федора Иоанновича до Василия Шуйского включительно. В полной редакции изложение событий начато с царствования Ивана IV и доведено до 1618 г. Особое место в ней отведено описанию осады Троицкого монастыря польскими войсками в 1609 г. «Сказание Авраамия Палицына» не отличается точностью в освещении исторических фактов, в нем встречаются противоречивые данные и оценки, характерно чрезмерное преувеличение заслуг Троице-Сергиева монастыря и своих собственных в борьбе с иностранной интервенцией. В своем сочинении Авраамий Палицын пытается найти причины потрясений в России в начале XVII в. Выступая с позиций церковно-феодалных верхов, он видит корень зла в грехах своих соотечественников, а также в том, что «всяк от своего чину выше начаша восходить: раби убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще».

В некоторых сборниках за «Сказанием Авраамия Палицына» следует другое сочинение, о котором говорится: «Той же первой истории последует вторым сказанием, ижи в первой скращено, zde же приполнено, и где в первой полно, zde же скратно писано. Иного творения». Приняв во внимание этот заголовок, издатель памятника И. Д. Беляев назвал его «Иным сказанием». В результате всестороннего источниковедческого исследования «Иного сказания» С. Ф. Платонов пришел к выводу, что оно состоит из шести самостоятельных частей, включающих повести, летописные заметки, акты и грамоты, которые отражают события 1591 — 1645 гг. Особую ценность из них представляет «Повесть 1606 г.», богатая интересными подробностями времени правления Бориса Годунова и Лжедмитрия I. События поданы автором с точки зрения той части московского общества, которая поддержала правительство Шуйского. Имя автора «Повести» известно. Но судя по косвенным упоминаниям в тексте «Повести 1606 г.», он принадлежал к числу монахов Троице-Сергиева монастыря. Из других частей «Иного сказания» интересен рассказ о восстании Болотникова. Хотя сообщение очень краткое и крестьянская война представлена только как эпизод среди других выступлений против Шуйского, этот рассказ важен самим фактом своего существования, так как в большинстве других памятников сведения о восстании Болотникова вообще отсутствуют.

Другим памятником, содержащим повествование о Крестьянской войне под руководством Болотникова, является «Казанское сказание» из сборника Уваровского собрания Государственного истори-

ческого музея. Текстологический анализ сборника М. Н. Тихомировым показал, что эта рукопись представляет собой компиляцию литературных и документальных материалов середины XVII в. Рассказ о восстании Болотникова в сборнике разъединен. Однако сопоставление последовательности в повествовании о событиях первой четверти XVII в., единство стиля и лексического состава двух отрывков текста позволили М. Н. Тихомирову объединить их в целое произведение под названием «Казанское сказание» (по предполагаемому месту составления сборника). Исходя из того что в «Казанском сказании» упоминается взятие поляками Смоленска (июнь 1611 г.), но ничего не сказано ни о приходе к Москве первого ополчения, ни о смерти Гермогена (1612 г.), М. Н. Тихомиров датирует это произведение 1611 годом. От других публицистических памятников начала XVII в. «Казанское сказание» отличаются большая полнота и стройность изложения хода восстания Болотникова, а также уникальные факты и цифры, характеризующие это народное движение. Составитель «Казанского сказания» принадлежал к господствующему классу. Народное движение он считал наказанием за грехи, а о восставших говорил с ненавистью.

Такая же оценка выступления крестьян и холопов дана в повести, написанной около 1619 г. и известной под названием «Временник Ивана Тимофеева». «Временник Ивана Тимофеева» представляет собой сборник очерков и характеристик отдельных политических деятелей конца XVI — начала XVII в. Его отличает большая достоверность фактов и четкая публицистическая окраска. Сочинение Ивана Тимофеева интересно тем, что, выступая как идеолог и защитник класса феодалов, он открыто выражает свои симпатии и антипатии к отдельным политическим деятелям. Ивана Грозного он осуждает за введение опричнины и политическую жестокость, Бориса Годунова — за незаконный захват русского престола, Василия Шуйского — за «самопоставление и скоропомазание». Только царь Федор удостоивается его одобрения и похвалы. Безусловному проклятию подвергается «розстригино беззаконное царство».

Исключительное место в истории русской публицистики XVII в. занимают произведения, сложенные сторонниками простого народа. Это ряд псковских повестей и сказаний, возникших в среде посадских людей, которые так же, как стрельцы и крестьяне, принадлежали к «меньшим людям», т. е. к угнетаемой части городского населения. Из этих сочинений в первую очередь следует отметить «Повесть о разорении Пскова», вошедшую в состав псковских летописей и отличающуюся своей демократической направленностью. Автор подробно повествует, как в Пскове разгорелась борьба городских низов с «лучшими людьми» — боярами, купцами и духовенством, как «меньшие люди» захватили в городе власть, называют имя одного из вождей народного выступления — крестьянина Кудекуши Трепеца. В конце «Повести» автор скорбит о горькой судьбе «меньших людей», подвергшихся жестоким пыткам после разгрома восстания. «Повесть о разорении Пскова» представляет собой ред-

кий памятник публицистики, отразивший взгляды угнетенного большинства России первой половины XVII в.

В ряду исторических источников литературно-публицистического характера XVII в. необходимо отметить «Сочинение о России в царствование Алексея Михайловича» Григория Котошихина. Будучи подьячим Посольского приказа, он участвовал во многих дипломатических переговорах, бывал в Швеции и Польше. В 1664 г. Котошихин бежал за границу, скитался по Польше и Пруссии, переехал в Швецию, где вскоре был казнен. Рукопись с русским текстом «Сочинения о России» Котошихина хранится в университетской библиотеке г. Упсалы. Сравнение почерков этой рукописи с известными образцами письма Григория Котошихина показало, что упсальский список является автографом и, следовательно, относится к 60-м годам XVII в. Свое произведение Котошихин написал по заказу шведского правительства. Желание угодить заказчику сделало труд Котошихина тенденциозным в оценке многих явлений русской жизни.

Котошихин подробно описал обиход русских царей и цариц, чины и разряды московских служилых людей, посольские приемы и образцы дипломатических титулов. Всесторонне охарактеризованы им московские приказы, их организация и работа, обязанности дьяков, подьячих, писцов. Значительное место в сочинении отведено описанию русских городов с воеводским управлением. Отдельные главы посвящены крестьянам и торговым людям, при этом приведены интересные факты и цифры по землевладению и торговле. Весь этот обширный материал изложен в форме живого описания с элементами оригинального юмора, точным и образным языком. Сочинение Котошихина воссоздает запоминающуюся колоритную картину жизни России накануне петровских преобразований.

«Житие протопопа Аввакума», появившееся в 70-х годах XVII в. в связи с событиями церковного раскола и известное во многих списках, можно сопоставить с традиционными русскими житиями только по заглавию, отдельным изречениям из книг христианской канонической литературы да элементам церковной фантастики, вкрапленной в текст. По содержанию это автобиография или, если принять во внимание широту охвата Аввакумом современных ему событий и многоплановость их описаний, первые русские мемуары. Фанатичный поборник старообрядчества, Аввакум в своих воспоминаниях много рассказывает о перипетиях церковного раскола, о преследовании старообрядцев официальной церковью и государственной властью. Пишет он и о тяжелом положении простого люда, голоде, тюрьмах, жестоких воинских начальниках. В «Житии» есть любопытные бытовые зарисовки, например эпизод прихода в село скоморохов, у которых были «плясовые медведи с домрами и бубнами». Значительное место занимают описания природы и населения Сибири. «Житие Аввакума» представляет один из самых выразительных памятников оппозиции официальной идеологии XVII в.

Источником, характеризующим оппозиционные настроения демократических слоев русского общества XVII в., в первую очередь

посадских людей, являются сатирические повести «Азбука о голом и небогатом человеке», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Служба кабаку», «Калязинская челобитная». Пародируя формы делопроизводственных документов и церковной письменности, эти сочинения обличают пороки господствующих классов и официальной церкви.

Итак, рассмотренные литературные и публицистические памятники XI — XVII вв. показывают, насколько богатый исторический материал имеется в этих источниках. Не всегда отличаясь документальной точностью, они тем не менее необходимы для исторических исследований. Именно эти памятники позволяют нарисовать полную, живую картину эпохи, так как благодаря своей художественной форме передают колорит времени. Публицистические и литературные произведения служат основными источниками по истории идеологии, отражая взгляды современников на важнейшие процессы и события жизни их общества. Им свойственны политическая тенденциозность и авторский субъективизм. При работе с этими источниками следует принимать во внимание, что они, как правило, отличаются сравнительно узким хронологическим диапазоном изображаемых событий. Для них характерно присутствие элементов художественной фантазии, а для многих из них сильная церковная окраска. Методика источниковедческого анализа этих различных по содержанию, форме и хронологии памятников не может быть стандартной. Она варьируется в зависимости от особенностей каждой небольшой группы источников.

Глава 10

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР (X—XVII вв.)

§ 1. Источники по истории Закавказья, Средней Азии, Прибалтики и монголо-татарских завоеваний в XI—XIII вв.

Среди источников по истории Армении выделяется «Судебник» Мхитара Гоша (примерно 30-е годы XII в. — 1213 г.) — руководство для судей, в основу которого были положены Моисеевы законы в изложении их по Библии, постановления вселенских соборов, статьи Василия Великого, заимствованные из Номоканона (сборник церковных и гражданских законов, относящихся к церкви), а также нормы обычного права. Исследователи отмечают, что из 130 статей «Судебника» 56 основаны на обычном праве. «Судебник» дает довольно четкую картину противоречивых социально-экономических взаимоотношений в Армении XII — XIII вв.

В конце X — первой половине XI в. Степанос Таронаци (Асохик) написал «Всемирную историю». В трех книгах излагается библейская история (от Авраама до 286 г. н. э.), история армян до 885 г., история 885 — 1004 гг. Для первых двух книг Асохик использовал сочинения Мовсеса Хоренаци и Гевонда. Наибольший ин-

терес представляет третья книга, которая составлялась автором по более точным свидетельствам и как современником событий.

Как бы продолжением третьей части труда Асохика является сочинение армянского историка XI в. Аристакаеса Ластивертци «История Армении» за 1001 — 1072 гг. Ценность этого труда заключается в значительной достоверности приводимых фактов, так как некоторые события описываются очевидцем, о чем автор уведомляет: «Знаю достоверно и видел своими глазами». Ластивертци приводит материалы о восстании тондракийцев, которому посвящены две главы «Истории», о падении Багратидского царства в Армении, нашествиях сельджуков, опустошении страны, разрушении крупных торговых городов Ани, Арци и др.

В XIII в. армянским ученым-монахом Варданом (умер в 1271 г.) была составлена «Всеобщая история» с древнейших времен до 1267 г. Помимо общих сведений о Закавказье Вардан сообщает о тяжелых последствиях набегов и владычества монголо-татар, когда «сосуд горького укуса и осадок гнева божия был излит на народ».

По истории монголо-татарского нашествия и владычества большой материал дает «История Армении» Киракоса Гандзакеци (1200 — 1271 гг.). Первая часть рассматривает события с начала IV в. до 1197 г., вторая — с 1197 по 1265 г. Во второй, наиболее ценной части много сообщений, сделанных очевидцем, бывшим в плену у монгол: «Есть что сам видел своими глазами, есть что сам слушал своими ушами». В ней рассказывается о появлении монголо-татар на Кавказе в 1220 — 1221 гг., их жестокости, разрушении городов, дается словарь татарских слов с переводом на армянский язык. Гандзакеци неоднократно выходит за рамки описания Армении, приводя материалы о Грузии и других странах, вводит читателя в обстановку сложных политических взаимоотношений на Кавказе.

Для изучения истории Закавказья обширный материал дают грузинские исторические труды и грамоты. Наиболее существенные исторические факты сохранились в сборнике грузинских летописей, возникшем в XII в. и неоднократно пополнявшемся вплоть до XIX в., — «Картлис Цховреба» («Житие Картли»).

Сохранившиеся списки «Картлис Цховреба» представляют собой сборники летописей, которые в силу их особенностей сложения, редактирования, пополнения можно разделить на две группы. В первую входят летописи до XIV в., составившие так называемую «Древнюю Картлис Цховреба». Вторая представлена сборниками XVIII в., куда вошли отредактированные материалы Древней Картлис Цховреба и изложение истории Грузии за XIV — XVIII вв. Особое значение имеют списки летописей первой группы. В их составе находятся: «Жизнеописание первых грузинских отцов и царей» Леонтия Мровели (XI в.), доведенное до V в.; «История царя Вахтанга Горгасали» Джуаншера (XI в.) с событиями V — VIII вв.; «Мученичество царя Арчила» Леонтия Мровели; «Летопись Картли» анонимного автора XI в., охватывающая время VIII — XI вв.; «История царского рода Багратиони» Сумбата Давитисдзе (XI в.); «История царя царей Давида» неизвестного автора XII в.; две «Ис-

тории царицы Тамары» (XIII в.), «История царей Дэметрэ, Георгия, Тамары, Лаша Георгия» и «Хронография» с событиями истории Грузии XIII — XIV вв. Составленная из произведений разных авторов летопись не производит впечатления цельного исторического труда. Многие сообщения, в частности Мровели и Джуаншера, носят сказочно-легендарный характер, что сближает их, как отмечают исследователи, со средневековыми хрониками. Значительно больший конкретно-исторический материал имеет «Хронография» анонимного автора XIV в., рассматривающая историю Грузии от царствования Георгия Лаши (1213 — 1222 гг.) до воцарения Георгия Блистательного (1341 г.). Автор рисует картину разорения страны в XIII в. вначале хорезмшахом Джелал-ад-дином, а затем монголо-татарами, отмечает их губительные последствия: голод, истребление населения, разрушение городов, тяжесть налогов и т. д. Для историка очень важны сообщения о государственном строе, управлении, церковной жизни, быте и других сторонах жизни Грузии этого периода, которых мы не находим в других исторических источниках.

Большое значение приобретает источниковедческое изучение дошедших до нас немногих актовых материалов, представляющих собой грамоты иммунитетного характера. Они в основном устанавливают привилегии феодалов.

В копии сохранилась древнейшая грамота, оригинал которой относят к X в. В оригинале, на пергаментном свитке дошла грамота — «гуджар» — 1058 г., данная царем Багротом Шио-Мгвимскому монастырю. В ней говорится о пожаловании «отца Шио и святым отцам мгвимским» земель в ущелии «во всех его границах с полем, равниною, водою, лесом, мельницею и совсем потребным и непотребным» (т. е. со всеми годными и негодными землями), с освобождением монастыря от всех повинностей в пользу государства.

От начала XII в. (1123 г.) дошла жалованная грамота Шио-Мгвимскому монастырю Давида Строителя, которой определяются повинности монастырских крестьян и монастырю передаются функции суда и расправы над крестьянами. 1193 годом датируют грамоту царицы Тамары, которая была дана монастырю в Гелати. Хотя грамота дошла до нас в испорченном виде, ее текст восстанавливается по позднему списку, сделанному, видимо, с оригинала. Обращает на себя внимание, что и эта грамота составлена по установившемуся формуляру пожалования. В ней перечисляются земли, отходящие к монастырю, «с горой и равниной, лесом, полями, водою, мельницей и со всеми [своими] справедливыми границами и причитающимися ему [землями], годными и негодными».

Жалованные иммунитетные грамоты отражают социальную структуру общества, роль и место духовенства, податную систему, судебные иммунитетные права церкви, положение отдельных групп крестьян.

Письменные источники по истории Средней Азии сложны по составу материалов и характеру изложения. Особенностью их яв-

ляется хроникальное описание событий, которое дается с точки зрения идеологии господствующего феодального класса.

Наибольшую известность получили сочинения ал-Бируни, Гардизи, Бейхаки и Казвини.

Ахмед-ал-Бируни (973—1048 гг.) написал историко-астрономический трактат «Памятники минувших поколений», который содержит материалы по хронологии и праздникам известных ему народов. Они даются вместе с замечаниями об исторических событиях.

Учеником Бируни считают Гардизи, который между 1049—1053 гг. написал сочинение «Украшение летописей», где собрал большой материал по истории Хорасана. Помимо этого Гардизи изложил историю древнеиранских царей и халифов, используя материалы источников, не дошедших до нашего времени.

Современник Гардизи, Абу-ль-Фазль Бейхаки написал тридцатитомный труд «История Бейхаки», сохранившийся в небольшой части, относящейся к правлению Масуда (1030—1041 гг.). В какой-то степени «Историю Бейхаки» можно считать мемуарами, автор которых около двадцати лет служил в канцелярии Масуда Газневи и был свидетелем многих событий. Сообщаемые в «Истории» сведения раскрывают характер дипломатических отношений, политику Газневидов, дают представление о феодальном быте, положении народа, налогах и др.

К 1340 г. относятся «Избранная история» и «Услада сердец» Хамдаллаха Казвини, которые помимо сведений о монгольских ильханах и местных династиях Ирана сообщают интересные факты о Средней Азии и Азербайджане. Особенно важны географические материалы и данные о налоговой политике.

Материалы по истории монгольских завоеваний в Средней Азии и на Кавказе имеются в ряде других исторических трудов на арабском и персидском языках.

Персидский историк и государственный деятель Джувейни, поступивший на службу к монгольским ханам, около 1260 г. написал трехтомную «Историю миропокорителя», где излагалась история монгольских походов и завоеваний Чингисхана, история хозермшахов и монгольских наместников в Иране. Используя многие устные рассказы и письменные источники, Джувейни не скрывает промонгольской направленности своего труда, хотя и говорит об отрицательных сторонах монгольского владычества.

До 1231 г. довел свою «Полную историю» арабский историк Ибн аль-Асир (1160—1234 гг.). Первая часть его труда — это сокращенное изложение «Истории» ат-Табари (до 923 г.), далее следует изложение, основанное на использовании имевшихся письменных источников, устных рассказов и личных наблюдений. У Ибн-Асира есть рассказ о битве русских с монголо-татарами на р. Калке в 1223 г.

Наиболее важным источником по истории монгольских завоеваний является труд Рашид-ад-дина (1247—1318 гг.), служившего визиром у монгольских ханов в Иране, — «Сборник летописей»,

две части которого (из трех) дошли до нашего времени. В первой части излагается история монголов, Чингисхана и созданных монголами государств (до 1304 г.), во второй — всеобщая история. С источниковедческой стороны обе части вызывают особый интерес, так как автор пользовался документами архива монгольских ханов, написанными на монгольском языке, и монгольским письмом, которые ранее никому не давали для прочтения. Рашид-ад-дин сделал смелую попытку создать «Всеобщую историю» известных тогда стран и народов, используя с этой целью свидетельства разных ученых. В труде много материалов, имеющих первостепенное значение для истории Средней Азии, а также Закавказья (особенно Азербайджана) в эпоху монгольских завоеваний.

Об истории монголо-татар повествуют в своих сочинениях западноевропейские авторы Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло.

Монах-францисканец Плано Карпини, будучи послом папы Иннокентия IV, совершил в 1246—1247 гг. через Киев, Хорезм, Семиречье, Тарбагатай поездку в Монголию (Каракорум). В отчете о поездке подробно описывается пройденный путь, приводятся сведения о Монгольском государстве и народах, ему подвластных.

В 1253—1255 гг. во главе посольства Людовика IX Монголию посетил монах Виллем Рубрук (Рубруквис). Труд Рубрука, известный под названием «Путешествие в восточные страны», содержит сведения о Каракоруме, об областях, через которые проходило посольство (Константинополь, Крым, Донские степи, Средняя Азия, Сарай, Астрахань, Дербент, Грузия, Армения, Малая Азия). Исторические, географические известия отличаются большой достоверностью. Однако следует учитывать, что посольство Рубрука имело определенные политические и религиозные цели (союз против тюрок-сельджуков и Никейской империи и принятие католичества монголами), которые не были достигнуты, что наложило отпечаток на оценку отдельных событий.

Интересные данные по истории Азии сохранились в «Книге» итальянского путешественника Марко Поло (1254—1324 гг.), который вместе с отцом и дядей (венецианскими купцами) совершил далекое путешествие в Китай. Около семнадцати лет Марко Поло был на службе у монгольского хана Хубилая, а затем вернулся на родину.

Описание путешествия было записано на старофранцузском языке пизанцем Рустичано, с которым Марко Поло, захваченный генуэзцами во время войны с Венецией, находился в тюрьме. Сообщения Марко Поло долгое время воспринимались как фантастический рассказ, хотя на самом деле они отличались большой достоверностью. Особое значение имеют известия, относящиеся к истории Китая, Средней Азии и Кавказа.

Среди письменных источников по истории Прибалтики выделяется «Хроника Ливонии», составленная в 1224—1227 гг., как предполагают, католическим священником одного из латышских

приходов Генрихом Латвийским. Идеолог немецких крестоносцев и участник походов в латышские и эстонские земли, автор составил «Хронику» в трех книгах по числу ливонских епископов (примерно с 1180 по 1227 г.): Мейнарда, Бертольда и Альберта. «Хроника» особенно подробно излагает события в третьей книге, которая разделена по годам епископства Альберта («второй год епископства Альберта», «третий год...» и так с 1198 по 1226 г.). В книге рассказывается о появлении в Ливонии Альберта, захвате крестоносцами земгальской гавани на Двине и основании Риги (1201 г.), организации ордена немецких рыцарей (меченосцев), разбойничьих походов этих «христовых рыцарей» на ливов и эстов. В «Хронике» имеется подробный рассказ об осаде и взятии ливонцами города Юрьева, который защищали эсты и русские во главе с князем Вячко, и истреблении его защитников и населения (1224 г.). В этом источнике сохранились некоторые материалы актового характера. В частности, сообщается о договоре 1222 г. Мстислава Давыдовича Смоленского (от имени Полоцка и Витебска) с Ригой.

При всей тенденциозности «Хроники» исследователь получает большой конкретный материал по истории народов Прибалтики и их славянских соседей конца XII—XIII вв.

В конце XIII в. возникла так называемая «Рифмованная хроника», автор которой — немецкий рыцарь — поставил перед собой задачу прославить Ливонский орден.

§ 2. Источники по истории Украины, Белоруссии, Литвы, Прибалтики, Закавказья и Средней Азии в XIV—XVII вв.

Акты Великого княжества Литовского. Основной массив актов Великого княжества Литовского находится в книгах «Литовской метрики», где собраны документы с конца XIV до конца XVIII в. Их можно рассматривать как архив государственной канцелярии, отражающий особенности формы записей различных документов в книги. По правилам государственной канцелярии со всех документов от имени великого князя, государственного совета («панов рады»), сейма, а также входящих документов делались копии или записи более или менее пространного содержания, которые вносились в специальные книги. Они в какой-то степени напоминают «копийные» книги, составлявшиеся в России. Таким образом, «Метрика» в большинстве случаев не сохраняла текста оригинала, а давала только его краткое изложение. Тем не менее «Метрики» составили 600 книг. В конце XVI — начале XVII в. с обветшалых книг-оригиналов были сделаны копии. Впоследствии большинство оригиналов погибло в пожаре. Книжки-копии стали единственными источниками, сохранившими акты до конца XVI в.

Все книги «Метрик» в зависимости от содержания делятся на «Книжки данин», «Книжки справ судовых», «Книжки аренд», «Книжки посольств». Однако тематический подбор документов не всегда выдерживался.

Огромное значение имеют книги, содержащие документы о социально-экономическом развитии Белоруссии и Литвы. Здесь находятся акты на земельные владения, о создании городов, открытии торгов, ярмарок, корчем, таможенных сборах, арендах, разнообразных привилегиях. Материалы судебно-правового характера раскрывают систему феодальной эксплуатации, социально-классовую политику государства, содержат свидетельства о борьбе народа с феодальным гнетом. Документы внешней политики, собранные в особых книгах, представлены «листами» к иноземным правителям, наставлениями послам и другими материалами дипломатического характера.

Значительную группу актовых источников составляют жалованные грамоты (привилеи), которые давались великим князем на земли, на освобождение от налогов, торги и т. д. Среди них особо выделяются привилеи, данные дворянству — шляхте. Они свидетельствуют о феодальных правах дворянства и определяют экономическое и юридическое положение католической церкви. Именно такой характер носит Городельский привилей 1413 г., объявивший унию Польского королевства и Великого княжества Литовского. Этим привилеем определялись прежде всего политические права высшего католического духовенства, панов и шляхты. Католики-феодалы освобождались от ряда повинностей в пользу великого князя, получали права на избрание польских королей и литовских великих князей, а также на участие в совете (раде) Великого княжества Литовского.

Расширение прав католического духовенства и шляхты, освобождение шляхетства от посылки своих крестьян для выполнения повинностей в пользу великого князя, передача судебных прав над крестьянами их владельцам зафиксированы в привилее 1447 г. великого князя Казимира.

Помимо привилеев, носивших общегосударственный характер, сохранялись жалованные акты на отдельные земли, уезды (поветы) Смоленской (1505 г.), Киевской (1529 г.), Полоцкой (1547 г.) и других земель, а также грамоты городам о даровании им самоуправления на основе магдебургского права (Вильно, Троки — 1387 г., Киев — 1516 г. и др.).

Материалы политической истории, истории шляхетских вольностей сохранились в дневниках государственных сеймов и сеймиков поветов. Особенно ценны документы, отложившиеся в «Дневнике» Люблинского сейма 1569 г. В течение нескольких месяцев шли дебаты об унии Литовского княжества с Польшей, которые отразили острые противоречия шляхты и литовских магнатов. Две редакции «Дневника» имеют текстуальные различия, хотя и составлены они сторонниками унии, видимо, в Польше. Протокольные записи речей литовских и польских делегатов дают возможность проследить выработку основных положений, на основе которых образовалась Речь Посполитая.

Материалы по социально-экономической истории, положению крестьян, городского населения, ремесленным цехам, судебной си-

стеме сохранились в книгах городских, земских, магистратских судов и в книге высшего судебного органа (с 1581 г.) — Трибунале.

В земских судах судебными чиновниками, выбираемыми пожизненно, рассматривались гражданские дела между шляхтой повета. В городских судах судебные разбирательства совершались городским судьей, подсудком и писарем под председательством воеводы или старосты. Решения этих судов могли быть обжалованы в Трибунале.

Особый характер носили так называемые подкоморные суды. Так как они разбирали споры о поземельной собственности, то их дела важны для решения вопросов, связанных с землевладением и землепользованием.

Города, управлявшиеся на основе магдебургского права, имели магистратские суды, в делопроизводстве которых отложились гражданские и уголовные дела, дающие материалы не только чисто судебного порядка, но и рисующие социальные и бытовые условия жизни городского населения.

Для изучения хозяйства и крестьянского населения Украины, Белоруссии и Литвы в XVI—XVII вв. крайне важны уставы, инвентари (описи) и ревизии. Уставы предназначались для господарских (великокняжеских) имений и имели областные отличия, что связано с характером хозяйств. Такими были, например, уставы 1514 г. для Виленского и Троцкого поветов. На основе местных уставов в 1557 г. был выработан «Устав на волюки», который в дальнейшем дополнялся, уточнялся и служил образцом для будущих уставов. Целью устава были размежевание княжеских и боярских земель, проверка прав на владения, возвращение великому князю земель, захваченных другими феодалами, перепись крестьян и их земель, установление крестьянских повинностей. Основной податной единицей была установлена «волока», считавшаяся нормальным наделом для крестьянского двора (около 21 га в трех полях). С «волюки» определялись крестьянские повинности, состоявшие из барщины, натуральных и денежных взносов и т. д. Введение «Устава на волюки» привело к государственному обмежеванию господарских земель, установлению твердых поступлений в великокняжескую казну.

Хозяйственные описания Великого княжества Литовского сохранились в инвентарях и ревизиях начиная с XVI в. В инвентарях, как правило, указываются граница имений, сведения о господской усадьбе, хозяйстве (фольварке), о церкви и духовенстве, городах и деревнях, количестве хозяйств в них, обеспеченности земель, рабочей силой, инвентарем. Инвентари отмечают также источники и размеры доходов, подати и повинности горожан, крестьян, общин, национальный состав и вероисповедание населения, качество почв, леса, водные пути и т. д.

Близки к инвентарям ревизии, периодически проводившиеся как в имениях великого князя, так и у частных владельцев. Если инвентари представляют описания широкого плана со всесторон-

ним охватом территории, то многие ревизии имеют более локальную задачу. Так, «Ревизия пущ и переходов» 1559 г. и «ординация» (устроение) 1631 г. включают материалы только о лесных угодьях княжества.

Ценные материалы по экономике имеются в писцовых книгах. В них основное внимание уделялось описанию городов и селений, установлению изменений границ между ними, есть сведения и о крестьянских повинностях.

Законодательные установления нашли свое отражение в Литовских статутах. Известны три статута — 1529, 1566 и 1588 гг.

Первый Литовский статут был выработан сеймами 1528 и 1529 гг. Он имел 13 разделов, делившихся на артикулы или статьи. Источниками его были привилеи 1447, 1529 и других годов, материалы текущего судопроизводства, Русская Правда, некоторые положения римского, польского и немецкого права. Исследователи первого статута отмечают неполноту и противоречивость отдельных его статей. Возможно, что это было одной из причин, приведших к появлению второго Литовского статута 1566 г. Новый статут поправил погрешности предыдущего, дополнил его новыми статьями, включенными в 14 разделов. Однако последовавшая вскоре уния Литвы с Польшей потребовала согласования норм Литовского статута 1566 г. с польскими законами, что было отмечено в постановлении Люблинского сейма 1569 г.

Третий Литовский статут был утвержден в 1588 г. королем Сигизмундом III и стал законодательным актом для территории Великого княжества Литовского в ее границах после Люблинской унии. Статут состоит из 14 разделов. В них говорится о «парсоне господарской», т. е. о власти великого князя (разд. 1); об основных положениях военной службы (разд. 2); о вольностях шляхетских (разд. 3); о гражданском и уголовном праве, судьях и судах, приданом, завещаниях, земельных спорах, межах и т. д. (разд. 4—14).

Сравнивая все три статута, нетрудно заметить их ярко выраженный классовый характер, изменение расстановки сил феодалов, усиление закрепощения крестьян. В частности, прослеживается эволюция политического строя княжества от магнатской к шляхетской монархии, установление сословных привилегий шляхетства, оформление его кастового характера, защита земельных прав литовской шляхты от посягательств польских магнатов. Статуты дают возможность проследить некоторые этапы закрепощения крестьян, которое завершилось статутом 1588 г., оформившим единое сословие крепостных крестьян.

Если статуты 1529 и 1566 г. известны по рукописным описаниям, то статут 1588 г. был напечатан на белорусском языке. Отметим, что если на раннем этапе существования княжества документы составлялись на латинском языке, то с XV в. их основная масса на русском (белорусском), а с 1569 г. на польском.

Украинские, белорусские и белорусско-литовские летописи. Сохранившиеся летописные памятники XIV—XVII вв. сравнитель-

но невелики и составляют, очевидно, только часть имевшихся летописей, тем не менее они дают представление о характере летописей, путях их развития, содержаниях.

Густынская летопись, названная так по списку XVII в., принадлежавшему Густынскому монастырю на Полтавщине, состоит из двух частей. Первая по содержанию близка к Ипатьевской летописи, а вторая часть (1300—1597 гг.), хотя и очень краткая, отличается определенной самостоятельностью. Летописец использовал Воскресенскую, Троицкую летописи, польские, западноевропейские хроники, русские временники, на которые он делал иногда ссылки на полях рукописи. Возможно, что летопись оканчивалась 1515 годом, так как статьи о начале казаков (1516 г.), новом календаре (1582 г.) и унии (1588 г.) носят характер приписок. Наибольшую ценность представляют известия летописи о войне с монголо-татарами (1489 г.), восстании Мухи Волошина (1491 г.), войне Ивана III с Литвой. Автор выступает как защитник украинского народа и православной церкви.

Супрасльская летопись — сборник летописных текстов первой половины XVI в. Рукопись принадлежала Супрасльскому монастырю под Белостоком. В основе летописи — извлечения из Новгородской IV и Новгородской V летописей, восходящих к псковскому своду XV в. Ряд известий восходит к Киевской летописи с событиями за 862—1515 гг. Предполагают, что в последней части события 1491—1541 гг. записаны современником-очевидцем. Среди них находится повесть о битве под Оршей в 1514 г.

Ценнейший исторический материал содержит «Летопись Самовидца», приписываемая исследователями генеральному подскарбию Роману Ракушке-Романовскому. Летопись начинается кратким изложением событий с древнего времени до середины XVII в. Затем идет основная часть — «Летописец о начале войны Хмельницкого», после чего следуют записи дневникового характера до 1702 г. Отдельные списки летописи продолжены до 1734 г. Не исключено, что «Летописец о начале войны Хмельницкого» и продолжение принадлежат разным авторам. Логично видеть в авторе «Летописца» человека, тесно связанного с казацко-старшинскими кругами. Положительно оценивая воссоединение Украины с Россией, восхваляя старшину, автор в то же время видит в освободительной войне под руководством Богдана Хмельницкого лишь проявление борьбы против гнета польской шляхты и администрации. В связи с этим антифеодальные выступления казачьих низов и украинского крестьянства находят резкую, отрицательную оценку. При определенной тенденциозности в оценке событий в летописи отложился значительный конкретно-исторический материал по истории освободительной борьбы украинского народа против гнета панской Польши.

Такого же рода материалы имеются в Хмельницкой и Львовской (Львовско-русской) летописях.

«Хмельницкая летопись» охватывает события за 1636—1650 гг., которые происходили на Подолии, отчасти Волыни и Киевщине.

Ее неизвестный автор, возможно житель из местечка Хмельник на Подоллии (отсюда и название летописи), в форме дневниковых записей излагает события, связанные с предысторией и началом освободительной войны.

«Львовская летопись», как считают, была написана служителем войсковой канцелярии при Богдане Хмельницком Михаилом Гунашевским. Первая часть летописи (1498—1626 гг.) не представляет большого интереса. Во второй части (1626—1649 гг.) автор выступает как очевидец и современник, подробно освещая казачье восстание 1630 г.

Для изучения истории Украины XVII в. большой материал дают летописи Грабянки и Величко, хотя они были созданы в XVIII в.

«Летопись Грабянки» написана в начале XVIII в. Григорием Грабянкой — видным деятелем казачьей старшины, гадяцким полковником. Идея летописи — дать историю Украины с древнейших времен до 1709 г. (избрание гетманом Скоропадского). Наибольшую ценность имеет часть, повествующая о событиях XVII в., особенно периода 1648—1655 гг., от битвы при Желтых Водах до похода Хмельницкого и Бутурлина в 1655 г.

«Летопись» Самуила Величко (1670 — ок. 1728 гг.) также вышла из-под пера человека старшинского круга. Автор ее служил в Генеральной войсковой канцелярии, откуда был уволен после казни В. Кочубея. Используя широкий круг источников: краткие казацкие летописные записи, универсалы, письма, грамоты, — Величко, видимо, недостаточно хорошо в них разбирался, чем объясняются многочисленные ошибки в летописи, охватывающей время с начала освободительной войны украинского народа до 1700 г.

Большое число известий по истории Украины, Белоруссии и Литвы сохранилось в составе белорусско-литовских (или, как их называли, «западнорусских», «литовских») летописей, написанных на белорусском языке. Их делят на две группы — Краткие и Пространные своды. Это деление, хотя оно и имеет некоторую условность, если судить по размерам летописей, отвечает характеру происхождения известий: в кратких списках сведения главным образом белорусского происхождения, в пространных — литовского.

Краткая редакция возникла не ранее конца XIV в. и не позднее XV в. Она состоит из общерусского свода в западнорусской обработке и «Летописца великих князей Литовских», созданного около 1428—1430 гг. Изложение событий в Краткой редакции доводится до 1446 г. Проникнутая идеей возвеличивания Великого княжества Литовского и его князей, Краткая редакция в то же время проявляет большой интерес к Русскому государству и тем связям, которые имелись между двумя соседними странами. Значение многих известий летописи определяется записями современников, как, например, о Смоленском восстании 1440 г. против наместника великого князя Сигизмунда — Андрея Саковича. Отдельные списки летописи дают описание битвы при Грюнвальде и

Танненберге в 1410 г., где объединенные русские, литовские и польские войска одержали победу над немецкими рыцарями.

К Краткой редакции относят «Летопись Авраамки», Супрасльский, Уваровский, Познанский, Никифоровский, Академический списки, а также «Кроники о великих князех литовских» Красинского. Среди них обращает на себя внимание несколько отличная от остальных «Летопись Авраамки», составленная в конце XV в. и названная так по имени переписчика. Летопись использовала компилятивный псковский свод, близкий к Новгородской IV и Новгородской V летописям, что придает ей известный общерусский характер. Вызывает интерес Супрасльский список, представляющий собой летопись в сборнике, переписанном в 1519 г. и впоследствии принадлежавшем Супрасльскому монастырю. В этом списке отразился первоначальный текст белорусско-литовской летописи в Краткой редакции, который лег в основу всех последующих сводов.

Пространная редакция белорусско-литовских летописей — «Летописец великого княжества Литовского» — возникла во второй половине XVI в. в период обостренных дискуссий по поводу характера намечавшейся унии между королевством Польским и Великим княжеством Литовским. В этих условиях нужно было идеологическое, политическое обоснование ведущей роли и значения Великого княжества Литовского и его князей по отношению к Польше. Поэтому Краткая редакция летописей в Пространной редакции была дополнена легендарными, недостоверными в своей основе сведениями о происхождении отдельных родов и литовской шляхты в целом и начальной истории Великого княжества Литовского. В ней нашла, в частности, отражение история о латинском происхождении литовского народа, поэтому летопись начинается с рассказа о некоем князе Палемоне, родственнике Нерона, бежавшем из Рима и поселившемся на Немане.

Пространная редакция представлена несколькими списками, которые в отличие от списков Краткой редакции, написанных жителями белорусских земель, по большей части белорусами, составлялись, как правило, в Литве. К спискам Рачинского, Евреиновскому, Румянцевскому и другим близка летопись («Хроника») Быховца, ныне утерянная, но сохранившаяся в издании 1846 г. «Хроника» обрывается на 1506 г. Текстологическое исследование свидетельствует, что кроме общих с Пространной редакцией источников автором использована летопись, близкая к Ипатьевской, а описание событий от 1453 г. носит самостоятельный характер.

По составу сведений обе редакции летописей можно разделить на две части — до последней четверти XIV в. они мало достоверны, а для конца XIV—XVI вв. дают значительный материал.

По истории Белоруссии середины XVI — начале XVII в. первостепенное значение имеет Баркулабовская летопись, написанная на белорусском языке в городке Баркулабово (близ Орши) в середине XVII в. Она отличается от остальных белорусско-литов-

сих летописей не только сочным, живым, образным языком, но и особым, местным характером, так как основное внимание автора обращено на Баркулабово, Могилев, Полоцк и ближайшие районы. Материалы летописи неравномерно распределены во времени. Первое известие записано под 1545 г. (о Берестейском сейме 1544 г.), затем после некоторого перерыва освещаются события с 1563 по 1608 г., а в конце идет запись за 1633 г. Наиболее точные описания относятся к событиям последнего десятилетия XVI — начала XVII в., где автор выступает их очевидцем. Известия о повседневной жизни простых людей, хозяйственном положении, быте крестьян, о времени и условиях проведения полевых работ заполняют страницы летописи. Особое значение имеют записи более чем за 20 лет о ценах на рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, коноплю, горох, капусту, об урожайных и неурожайных годах, голоде и его последствиях для простых тружеников. Глубокий интерес к жизни народа, сочувствие к его страданиям и положению проходят через всю летопись. Летопись имеет сведения о действиях русских войск под Могилевом в конце Ливонской войны, об украинских казаках, бывших в Белоруссии, о Лжедмитрии II.

Церковно-полемические сочинения XVI—XVII вв. отражают не только вопросы взаимоотношений католической и православной церквей, но и социально-экономическое положение, которое складывалось с принятием той или иной веры. Образование на церковном соборе в Берестье (Бресте) в 1595 г. униатской церкви привело к появлению сочинений, одни из которых защищали унию и связанное с ней положение, а другие выступали против нее в защиту религиозных прав белорусского и украинского народов.

В защиту католической церкви и унии выступил ксендз-иезуит, ректор иезуитской академии в Вильне, а затем надворный проповедник Сигизмунда III Петр Скарга (1536—1612 гг.). Церковно-идеологическая позиция Скарги совершенно ясна: он был одним из инициаторов Брестской унии и в своем сочинении «Берестейский собор и оборона его» доказывал правомерность создания униатской церкви тем, что константинопольские патриархи православной церкви зависят от турок и «от пана бога прокляты», а также необходимостью церковного единства, под которым понималось подчинение православной церкви католической. По идейно-церковному содержанию к Скарге близок ряд других сочинений иезуитов, а также униатского епископа Ипатия Потее, доказывавшего, что униатская церковь не нарушала обрядов православной церкви.

В ответ на эти сочинения появился ряд белорусских и украинских произведений церковно-полемического характера, отстаивавших самостоятельность православной церкви и право населения ее исповедовать. К ним относится «Апокрисис» («Отповедь»), написанный в конце XVI в. автором, скрывшим свое имя под псевдонимом Христофора Филалета, «Панолидия, или Книга обо-

роны католической святой апостольской восточной церкви и святых патриархов и о грехах и о россах христианах» епископа Захария Копыстенского и др. Наибольшее значение для понимания сути полемики имеет сочинение Ивана Вишенского «Книжка Иоанна мниха Вишенского от святыя Афонские горы в написание всех православных христиан братствам и всем благочестивым в Малой России в короне Полской жительствоющим». Иван Вишенский (род. между 1540—1545 гг.— ум. в 20-х годах XVII в.) происходил из местечка Вишня в Галиции. Уйдя на Афон, принял монашество. В 1604—1606 гг. жил на Украине, затем снова вернулся в монастырь, откуда присылал послания. «Книга» состоит из 10 глав с кратким «О чину прочтения сего писания» введением. Хотя основная задача Вишенского — обличение католиков и «латинян», однако по сути это трактат о равенстве народов, праве каждого человека исповедовать свою религию, о ненависти народа к крепостничеству и национальному угнетению, праве его на свободу.

Об Украине, Белоруссии и Литве имеются материалы в сочинениях иностранцев. Исследуя эти сочинения, следует учитывать особенности, заключающиеся в подходе средневековых авторов к явлениям и событиям другой страны, к быту, праву, верованиям и воззрениям людей, а также трудности языкового характера (многие географические названия, имена, термины получают искажение).

Среди немногих иностранцев, посетивших в XV в. Восточную Европу, был бургундский рыцарь и дипломат Гильбер де Ланноа (1386—1462 гг.). В сочинении «Путешествия и посольства» он рассказал о посещениях Ливонии, Новгородской и Псковской земель, Литвы и Украины. Наибольший интерес представляют материалы описания городов (Рига, Нарва, Псков, Новгород, Дерпт, Вильно, Троки), а также наблюдения о политической жизни, быте, нравах населения Руси, Литвы, Ливонии.

Ценные сведения об Украине имеет «Дневник» Эриха Ляссоты — участника посольства 1594 г. германского императора Рудольфа II в Запорожскую Сечь с целью привлечения казаков на императорскую службу против турок. Заметки дневникового характера отражают восприятие исторических фактов автором. Он рассказывает о пребывании в Киеве, переговорах с казаками, дает описание интересных подробностей быта и порядков запорожских казаков. «Дневник» Ляссоты включает также материалы о Молдавии, Польше и Швеции.

«Описание Украины» составлено французским инженером Гийомом Бопланом, который в 1630—1648 гг. был на польской службе и принимал участие в строительстве крепостей на юге Украины. Помимо общих сведений об Украине интерес представляют описания Днепра с порогами, границ, а также составленные карты, изданные в 1648—1650 гг.

Источники по истории Прибалтики. Латвия и Эстония со второй четверти XIII в. до 1561 г. входили в состав Ливонии. Это

наложило отпечаток на характер сохранившихся письменных источников как актового, так и описательного характера, написанных в основном на немецком языке.

Актовые материалы судебного характера показывают не только взаимные тяжбы феодалов, но и жесточайшую эксплуатацию эстонского и латышского населения немецким дворянством и бюргерством. Источники свидетельствуют о барщине, доходившей в XVI в. в Латвии до 300 дней в году.

Документы органов городского управления, ландтагов, цеховых организаций представляют значительный интерес, так как во многих делопроизводственных записях отразилось социально-экономическое развитие земель, хотя в целом эти материалы носят тенденциозный характер, касаются узкокастовых групп населения. Протоколы ландтагов, статуты устанавливали судебные порядки, нашедшие отражение в судопроизводственной практике. Среди них выделяется Курляндский статут 1617 г., которым устанавливались крепостное право и связанные с этим юридические и другие отношения.

Среди исторических произведений выделяются хроники, в разной степени продолжавшие развивать тенденции, заложенные ранее в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского и «Рифмованной хронике».

«Новая Рифмованная хроника» XIV в. сохранилась отрывками в составе поздних хроник. В ней даны описания 1315—1348 гг., которые были использованы в конце XIV в. при составлении хроники Германом Вартбергом, начальником канцелярии магистра Ливонского ордена. «Хроника» Вартберга представляет интерес для изучения истории 1358—1378 гг., в кратких записях много сообщений о войнах Ливонии с литовцами.

Наиболее значительным историческим сочинением XVI в. является «Хроника Ливонской провинции», составленная Бальтазаром Руссовым. Она была напечатана на немецком языке в 1578 г., а затем переиздана в 1584 г. Первые две части носят компилятивный характер; история Ливонии доведена до 1561 г. В третьей части (1561—1583 гг.) Руссов как очевидец рассказывает о Ливонской войне, оправдывая позицию Ревеля (Таллина) в этой войне и захват эстонских земель Швецией. Наряду с этим в «Хронике» отмечается неизбежность распада Ливонии, высказывается сочувствие тяжелому положению эстонских и латышских крестьян.

Несколько позже написал «Хронику Ливонии» Франц Ниенштедт (1540—1622 гг.) — купец, помещик, рижский бургомистр. «Хроника» начинается с древнего периода, однако интерес вызывают описания XVI в. Часть их основана на «Хронике» Руссова, личных воспоминаниях, на использовании некоторых документов. Интересно сопоставление материалов «Хроники» с мемуарами Ниенштедта, охватывающими историю Риги за 1571—1609 гг.

Источники по истории Грузии XIV—XVII вв. представлены в основном историческими и географическими сочинениями.

«Памятник эриставов», составленный в начале XV в., как и другие труды этого времени, не дает обобщающего представления о Грузии. Второго интересует история феодалов, что приводит к фиксации событий, относящихся к внутренней жизни ксанского и отчасти аравгского эриставств. К этому сочинению примыкает по характеру «Хроника Месхийской псалтыри», где изложены некоторые исторические события княжества Месхети (1559—1587 гг.).

Значительный материал по истории Грузии вошел в так называемую «Новую Картлис Цховреба» — летописный сборник, возникновение которого относится к началу XVIII в. Специально созданная «комиссия ученых мужей» как бы ликвидировала «пробел» предшествующих списков «Картлис Цховреба», дополнив их событиями XIV—XVIII вв. Материалы были взяты из грузинских, армянских, греческих, персидских и других памятников, а также из устных рассказов. Комиссия некритически восприняла многие материалы, что снижает значение приводимых известий. Определенной редакционной обработке подверглась «Древняя Картлис Цховреба», чем в значительной мере можно объяснить разночтения поздних списков летописи. В XIX в. к «Картлис Цховреба» причислили еще ряд исторических сочинений XVI—XVIII вв., затрагивавших историю Грузии.

Материалы по истории и географии Грузии до XVIII в. содержит «Сакартвелос Цховреба» («Жизнь Грузии»), составленная Багратиони Вахушти (1695 или 1696—1784 гг.), жившем с 1724 г. в Москве. Особую ценность имеют историко-географические описания Грузии с середины XV в. до 1744 г. с приложением хронологических и генеалогических таблиц, а также хорошо выполненных карт. Хотя многие материалы даются в обработке XVIII в., они восходят к ранним источникам.

Сохранились грузинские акты материалы XVI—XVII вв., что позволяет с наибольшей достоверностью изучать социально-экономическую историю, особенно историю и положение крестьянства. Большинство сохранившихся грамот — иммунитетные и жалованные. В них отразились история землевладения и землепользования, права феодалов, обязанности населения. Ряд актов касается судебно-правовых вопросов.

Многие вопросы социально-экономической, политической, правовой истории Грузии отразились в «Законах Вахтанга» — кодексе феодального права, составленном в 1705—1708 гг. при Вахтанге VI и основанном на более ранних юридических памятниках. Особое внимание в «Законах Вахтанга» уделено юридическому оформлению крепостного права.

По истории Армении XIV—XVII вв. сохранилось небольшое число письменных источников, особенно до второй половины XVII в.

Труд Аракела Доврижеци (1595—1669 гг.) «Книга историй» впервые напечатан в 1669 г. «Книга» рассказывает о событиях, совершившихся в Армении в 1602—1662 гг., в том числе о массо-

вом переселении армян в Южную Персию, проведенном Шах-Аббасом. Аракел много путешествовал, записывал рассказы участников и очевидцев событий, изучал и использовал в своем сочинении памятные записи в рукописях, мелкие хроники и другие источники.

«История» Захария Канакерци (1627—1700 гг.) излагает события XV—XVII вв., связанные с Арменией, Ираном, Турцией. Наибольший интерес представляют материалы по социально-экономической, культурной истории, этнографии армянского народа XVII в., т. е. те сведения, которые отличаются конкретностью и достоверностью. Захарий Канакерци не ставил задачи критики используемых материалов, а предупреждал: «...все, что понаслышке дошло до нас, то и написал я, и ложное, и правдивое... а вы как хотите, так и делайте».

Наиболее крупным источником по истории Азербайджана XV в. является географическое сочинение ал-Бакуви «Отбор лучших памятников среди диковинок стран». Его ценность определяется описаниями Тебриза, Ардебилля, Барда, Нахичевани и других городов страны. Особенно подробно описан Баку.

В XVI в. была написана «Лучшая из историй». Из 12 томов до нашего времени дошли лишь два последних, охватывающих время с 1405 по 1578 г. Автор ее — Хасан-бек Румлу был придворным историографом, поэтому основное внимание он уделил восхвалению деятельности иранских шахов. Наибольшую ценность представляют сведения о системе землевладения, собираемых налогов, народных восстаниях.

Как официальный историограф выступает в сочинении «Мироукрашительная Аббасова история» Искандер Мюнши, служивший секретарем (мюнши) в диване. Он имел возможность пользоваться архивом. Как современник Мюнши особенно подробно описал события 1578—1628 гг., где наряду с политической историей имеются сведения об экономике и народных восстаниях, к которым автор относился явно враждебно.

По истории Дагестана материалы имеются в сочинении конца XVI — начала XVII в. Мухаммеда Рафи Ширвани «Повествование о династии Рустам-хана», у которого Мухаммед Рафи был на службе.

Источники по истории Средней Азии в значительной степени представлены сочинениями на персидском, таджикском и узбекском языках. Многие из них посвящены описанию Тимура (Тамерлана) и его походов. Выделяется труд Низам-ад-дина на персидском языке «Книга побед», составленный в 1401 г., с использованием официальных записей, и «Дневник похода Тимура в Индию» Гиясуддина Али. На их основе после смерти Тимура Шереф-ад-дином была составлена еще одна «Книга побед», где приводится подробный рассказ о походе Тимура против Тохтамыша.

Источником по истории Средней Азии и соседних стран служит труд Абд-ар-раззак (1413—1482 гг.), большую часть своей жиз-

ни прошедшего в Самарканде и прозванного Самаркандским. В исторической хронике «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей» даны описания истории монголов, Тимура и Тимуридов с 1304 по 1471 г. на основе более ранних источников и дополнений собственных наблюдений.

Несколько повествований по истории Средней Азии сохранилось от конца XV—XVII вв. История ханских завоеваний описана таджикским поэтом Бенаи (ум. в 1512 г.). Одна из сохранившихся редакций известна под названием «Шейбони намэ» (книга о Шейбани-хане). Семитомный труд по истории (от «сотворения мира» до начала XVI в.) «Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов» был написан Мирхондом (1433—1498 гг.). Однако оригинальными считаются лишь часть шестого и седьмой тома, впоследствии завершенные, обработанные и дополненные до 1521 г. внуком Мирхонда — Хондемиром.

Сведения по географии, экономике Средней Азии, Афганистана, Индии имеются в «Записках Бабура», составленных на узбекском языке Захиреддином Бабуrom (1483—1530 гг.) — основателем династии Великих Моголов в Индии. Особую ценность представляют материалы конца XV — начала XVI в., где показана политическая ситуация в Средней Азии, подробно излагаются военные действия в Мавераннахре.

Ряд известий по истории Средней Азии сохранился в записках путешественников.

Немец Ганс Шильбергер в 1395 г. попал в плен к туркам, жил при дворе султана Баязида, а с 1402 г. — при дворе Тимура. По возвращении на родину (в 1427 г.) написал книгу «Удивительная история, как Шильбергер из Мюнхена был уведен в плен и вернулся обратно», где рассказал о Турции, Средней Азии, Золотой Орде, а также о Грузии, Крыме.

Посол кастильского короля к Тимуру Руи Гонзалес де Клавихо в начале XV в. совершил большое путешествие в Самарканд, которое подробно записал в «Дневнике путешествия в Самарканд в 1403—1406 гг.». В «Дневнике» рассказано о приеме посольства Тимуром, который в это время «был уже так стар, что почти не мог поднять веки», о садах и дворцах Самарканда и т. д.

О Средней Азии оставил записки арабский путешественник Ибн-Баттута (1304—1377 гг.), посетивший среди многих стран также Крым, южные области Руси, Волгу. Рассказы о своих путешествиях он продиктовал секретарю марокканского султана, и их можно рассматривать как отчет о его деятельности. Подробности экономического, этнографического и культурно-бытового характера делают записки Ибн-Баттута одним из значительных исторических источников.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Период XVIII — первой половины XIX в. характерен большими изменениями в истории нашей страны. В это время оформляется капиталистический уклад в экономике страны, с которым неразрывно связан процесс разложения феодально-крепостнической системы хозяйства, завершившийся кризисом в 30—50-х годах XIX в. Вместе с тем этот период характеризуется заметным укреплением могущества абсолютистского государства, резким проявлением его дворянской политики с ярко выраженной крепостнической сущностью. Это время наиболее активного нарастания классового антагонизма, завершившегося крахом крепостного права. Именно в эту эпоху пробуждается и развивается антикрепостническая общественная мысль и революционно-демократическое движение.

Указанные аспекты развития исторического процесса повлияли и на характер эволюции исторических источников. Развитие бюрократического аппарата абсолютистского государства, постепенное усложнение и упорядочение системы органов государственного и местного управления приводят к появлению новых форм делопроизводства. Вместо столбцового делопроизводства к середине XVIII в. четко выкристаллизовывается система журналов и протоколов, фиксация входящей и исходящей документации, утверждение формы доношений. Бюрократическое делопроизводство абсолютизма создает описания, где помимо фискальных моментов («ревизий») решаются и более широкие задачи научного изучения производственных ресурсов страны. Так, появляются «Экономические примечания к Генеральному межеванию», многочисленные статистические описания первой половины XIX в. Государственное управление посредством коллегии, а потом министерств создало огромные фонды делопроизводственной переписки и отчетного материала. Абсолютизм развил систему обнародования государственных актов в области законодательства и государственного управления. Превращение России в великую европейскую державу, активизация взаимоотношений с европейскими государствами, приобщение массы дворян к государственному управлению — все это благоприятствовало развитию дворянской культуры. Зарождаются и превращаются в целую систему периодические издания, появляются массовые переводы иностранной литературы. Резкое увеличение дворянской и разночинной интеллигенции способствовало активизации и бурному развитию обще-

ственно-политической мысли, что привело к расцвету жанра политических сочинений и публицистики. Быстро развивается мемуаристика в ее различных жанрах, переписка. Важными историческими источниками становятся научные сочинения и литературные произведения. Вместе с тем эпоха разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства создает источники, донесшие до нас дух расчетливой эксплуатации и угнетения крестьянских масс. Этот период породил так называемое вотчинное делопроизводство, изобилующее помещичьими циркулярами и инструкциями, перепиской феодалов с приказчиками, подробнейшими описями крестьянских дворов, многочисленной документацией по нормам оброчного обложения и размерам барщинных работ, документацией, фиксирующей недоимки, и т. п. Источники XVIII — первой половины XIX в. передают классовую борьбу угнетенного крестьянства. Это тексты крестьянских жалоб и наказов, материалы карательных экспедиций, манифесты Е. И. Пугачева и его соратников, материалы политических процессов.

Глава 11

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

Основные разновидности законодательных актов. В XVIII в. в структуре и функциях центральных и местных органов власти и управления России произошли серьезные изменения. В стране сложился абсолютизм в форме самодержавия. Определяя его сущность, В. И. Ленин писал: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением*. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа»¹.

В этот же период сложился централизованный чиновничье-бюрократический аппарат власти, управления, суда, полицейского надзора и сыска. Церковь утрачивает роль независимой от светской власти политической силы и превращается в часть чиновничье-бюрократического аппарата. Все это определило существенные изменения в характере, содержании и форме законодательных материалов.

В XVIII в. и еще более последовательно в первой половине XIX в. в законодательстве осуществлялся принцип — право издания новых законов принадлежит только царю. Что касается Сената, Синода, коллегий и других правительственных учреждений,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 251—252.

то они имели лишь право обращаться к нему с докладами, предложениями.

Политической теории абсолютизма свойственна глубокая убежденность во всеилии государства и государственного управления, в том, что путем издания законов можно достигнуть процветания общества, развить экономику, воспитать народ и т. д. Эта отличительная черта абсолютистского законодательства сочеталась вместе с тем с социальной демагогией и политическим лицемерием. Иллюзия всеилии государства породила в XVIII в. поток указов, регламентов, наставлений, охватывающий разнообразные стороны экономики, политики, общественной жизни и пр.

Классификация законодательных актов сопряжена с большими трудностями. Они издавались под названиями манифестов, указов, регламентов, учреждений, наставлений, инструкций, положений, наказов, жалованных грамот. При этом название не всегда соответствовало содержанию акта и его значению: под одним названием издавались акты, устанавливающие новые правовые нормы (нормативные акты), и акты, связанные с применением предшествующих, с их распространением на новые категории населения, на новые территории. Свои распоряжения и приказания чисто исполнительного характера Сенат, коллегии, губернские, провинциальные и уездные канцелярии в XVIII в. именовали указами.

Среди десятков тысяч законодательных актов этого времени значительное место принадлежит манифестам, которые издавались в связи с важнейшими событиями в политической жизни страны: объявление состояния войны или мира, восшествие на трон нового монарха, изменения в структуре органов власти и управления, подавление мощных антифеодальных и противоправительственных выступлений. Манифесты начинались с «большого императорского титула», состоявшего из ретроспективного перечисления титулов властителей всех земель, входивших в состав Российской империи. Их стиль отличался напыщенностью и витиеватостью. Манифесты печатались массовым для того времени тиражом, в XIX в. публиковались в газетах, объявлялись населению после торжественных богослужений в соборах и церквях и рассматривались самодержавием как одно из важнейших средств идеологического воздействия на народные массы. Необходимо иметь в виду, что в манифестах наиболее ярко выступает стремление самодержавия представить себя в качестве надклассовой силы, заботящейся о «всенародном благе», стремление изобразить манифест как акт, идущий навстречу интересам народа, как очередное проявление «милосердия» монарха.

В манифестах, изданных в связи с восшествием на престол или победоносным завершением войны, обычно содержались пожалования всем подданным или отдельным сословиям. Так, в манифесте о восшествии Екатерины II на престол как об особой милости извещалось о снижении цены пуда соли на 10 копеек. Работая над текстом подобных манифестов, можно выяснить дей-

ствительные причины пожалований, их место в политике сохранения и укрепления существующего строя и влияние на последующее развитие страны.

Для манифестов, связанных с антифеодальными и революционными выступлениями и восстаниями, характерна следующая схема: темнотой и невежеством простого народа ради своей корысти пользуются «злонамеренные люди». Поэтому расправа власти с «ворами и разбойниками», «врагами установленного богом закона и порядка» изображается как забота об общенародных, общенациональных интересах. В таких манифестах (например, о восстании декабристов) ни слова не говорится о подлинных целях восставших, об их требованиях, действительных причинах их выступлений.

Другую, более многочисленную группу законодательных актов составляют указы. Указы делились на три категории: именные, указы, объявленные из Сената, и сенатские. Именные указы являлись распоряжением, приказом императора, направляемым Сенату для исполнения. Указ, объявленный из Сената, был также распоряжением императора, на основании которого Сенат составлял текст указа, предназначенного для обнародования. Наконец, сенатский указ представлял собой постановление Сената по общему или конкретному вопросу, оформленное в форме указа от имени Сената.

По своему содержанию и значению указы весьма различны. Одни из них имеют нормативный характер, т. е. устанавливают какие-то новые юридические нормы, приобретающие силу закона, или отменяют старые нормы права. В этом случае они по своему значению не уступают манифестам, а иногда имеют даже большее значение, так как законодательно оформляют важные изменения в политике правительства по коренным вопросам жизни страны. Так, предоставление помещикам права ссылать крепостных крестьян в ссылку и на каторгу (1760, 1765 гг.), объявление всякой жалобы крестьян на своих помещиков государственным преступлением (1767 г.) были оформлены как указы.

Большая группа указов была связана с реализацией политики царизма в отношении национальных окраин и с распространением на них общерусского законодательства, учреждений и чинов. Примером подобных актов могут служить указ 1722 г. о создании Малороссийской коллегии, указ 1764 г. об уничтожении на Украине гетманства, указ 1783 г. о распространении крепостного права на Левобережную и Слободскую Украину.

Работа над законодательными актами часто требует привлечения массы указов, имеющих, казалось бы, сугубо частный характер. Возьмем, например, многочисленные указы о пожаловании помещикам земли и крестьян, которых за последние 40 лет XVIII в. было пожаловано 1 млн. 200 тыс. душ мужского пола, указы о приписке государственных крестьян Урала и Приуралья, Карелии и Западной Сибири к металлургическим заводам.

Без совокупности законодательных актов, оформивших неограниченную власть помещика над имуществом и личностью крестьянина во второй половине XVIII в., невозможно понять причины и действительную роль указа 1797 г. «О трехдневной барщине», указа 1803 г. «О вольных хлебопашцах», указов 1804, 1816—1819 гг. об «освобождении» крестьян Прибалтики, о введении инвентарей для крестьян Украины и Белоруссии в 1847 г., значение реформ П. Д. Киселева в отношении государственных крестьян в 1837—1841 гг. и т. д.

В 1722 г. издается «Табель о рангах», знаменовавшая собой окончательную победу принципа государственной службы и чина, полученного на службе, над принципом родовитости, господствовавшим в XVI—XVII вв. Теперь служба всех дворян должна была начинаться с младшего офицерского чина. В сухопутной армии, во флоте и в гражданской (статской, штатской) службе устанавливалась иерархия из 14 чинов. Шесть нижних объединялись названием обер-офицерских, четыре следующих, начиная с чина майора, назывались штаб-офицерскими и четыре высших, начиная с генерал-майора, — генеральскими. Названия отдельных чинов, особенно в нижней части таблицы, не раз менялись, но «Табель о рангах» в целом и ее роль в бюрократической структуре государственного аппарата оставалась неизменной вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Получение обер-офицерского чина на военной и штаб-офицерского чина на гражданской службе давало недворянину потомственное дворянство и все сословные дворянские права и привилегии. Однако множество указов XVIII в. в итоге затрудняло получение офицерских чинов недворянами и создавало сверхльготные условия их получения дворянами.

Остановимся еще на некоторых важных особенностях этой разновидности законодательных актов. Указы, предназначенные для обнародования, печатались значительным тиражом и снабжались оттиском государственной печати. Одной из главных причин этого была борьба с подложными указами и манифестами, особенно распространенными во второй половине XVIII в. Некоторые из них сопровождались текстом доклада Сената или специальной комиссии, на основании которого был издан указ. Нередко указ состоял из доклада и царской резолюции «Быть по сему».

Очень важны документы, связанные с подготовкой того или иного указа: проекты, записки, замечания, мнения отдельных лиц и учреждений и другие материалы, хранящиеся в архивах Сената, коллегий и других государственных учреждений. Они, естественно, не публиковались, но содержали первостепенной важности материалы для анализа законодательных актов, политики правительства, позиций отдельных учреждений, группировок господствующего класса, отдельных государственных деятелей.

Манифесты и указы нередко сопровождались приложениями, большей частью не публиковавшимися. Они были предназначены для лиц и учреждений, которые должны были проводить меро-

приятия, предусмотренные манифестом. Если одна их часть имела непосредственное отношение к документам делопроизводства, то вторая содержала важные нормативные положения, раскрывавшие действительный характер и цели осуществляемых мероприятий и жалований.

Одной из важных разновидностей законодательных актов этого периода являлись регламенты. Эти весьма обстоятельные законодательные акты определяют структуру, функции, штаты, задачи, методы и формы деятельности различных органов власти и управления, их место и роль среди других учреждений, их соотношение и соподчиненность, права и обязанности должностных лиц учреждения, порядок делопроизводства в них, их финансирование и ряд других вопросов. «Генеральный регламент», утвержденный Петром I в 1720 г., подчеркивает преимущество коллегий перед приказами и обосновывает необходимость коллегиальной системы. Но четкое разделение функций между всеми государственными учреждениями в нем отсутствует. Особенностью «Генерального регламента», как и других законодательных актов петровского времени, является обилие иностранных слов, определений, терминов.

Вслед за «Генеральным регламентом» были изданы регламенты отдельных коллегий, в которых раскрывались специфика и функции каждой из них. Показателен написанный Феофаном Прокоповичем, отредактированный Петром I и изданный в качестве законодательного акта в 1721 г. регламент духовной коллегии — «Духовный регламент». Он устанавливал место Синода, заменившего патриарха и ставшего частью чиновничье-бюрократического аппарата, в системе других правительственных учреждений. Регламент определял функции Синода, его состав, распорядок работы, формы и методы руководства церковью. Основные положения «Духовного регламента» действовали вплоть до Октябрьской революции.

Отражением возросшей роли города и изменения политики правительства в отношении посадского населения и управления городом является изданный в 1721 г. «Регламент Главного магистрата».

В ряде случаев вопросы, составлявшие предмет и содержание регламентов, получали оформление через указы. Таковы указ 1711 г. о создании Сената как высшего законодательного, исполнительного и судебного органа страны, которому подчинялись все местные и центральные государственные учреждения, указ 1722 г. об учреждении должности главы Сената, его генерал-прокурора, подчиненного непосредственно императору и выполняющего функции «ока государева». Разделенный указом 1764 г. на 6 департаментов, 2 из которых перемещаются в Москву, Сенат лишился былой роли и превращался в бюрократическую канцелярию с весьма ограниченными функциями. А указы 1802 г. «О должности Сената» и 1810 г. об учреждении Государственного Совета низвели Сенат на роль высшей судебной апелляционной инстанции.

Во второй половине XVIII в. цели и назначение ряда местных органов власти были сформулированы в таких разновидностях законодательных актов, как учреждения и уставы. Важнейшим законодательным актом, определившим структуру, функции, задачи органов власти, управления и суда в губернии и уезде, принципы определения их территории и границ по одинаковой для всех численности населения, было «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. Основные положения «Учреждения» действовали вплоть до буржуазных реформ 60—70-х годов XIX в. «Учреждение» передавало всю полноту власти в уезде в руки сословных организаций дворянства и устанавливало сословный принцип судостроительства и судопроизводства. «Учреждение» является одним из важнейших документов, регламентировавших функционирование сословно-крепостнического строя в России.

В этом законодательном акте определены состав, функции, штаты, чины, права и обязанности всех губернских и уездных учреждений и должностных лиц, начиная с губернатора и кончая заседателем уездного суда.

Почти половина глав «Учреждения» посвящена созданию громоздкой судебной системы и осуществлению судопроизводства. Для каждого сословия создавался свой особый суд. Но во всех этих судах судьи, прокуроры, ассессоры, стряпчие назначались правительством из дворян. Что касается помещичьих крестьян, то «Учреждение» не предусматривало создания каких-либо судебных учреждений для них. Тем самым за помещиками юридически закреплялась вся полнота права их суда и наказания.

Ряд положений «Учреждения» развивал и продолжал «Устав благочиния», изданный в 1782 г. Во всех городах учреждалась Управа благочиния, возглавляемая в уездном городе городничим, а в губернском — полицмейстером. Устав предусматривал деление города на части и кварталы во главе с частными приставами и квартальными надзирателями. Он возлагал на управу и всех его чинов задачу пресечения «всякой новизны, узаконению противной», охраны «мира и тишины» церкви, недопущения не разрешенных законами обществ, товариществ, братств, собраний, «незаконных сходбищ или скопищ людей». Аналогичные функции в уезде возлагались на капитана-исправника и уездного стряпчего.

Своеобразными разновидностями законодательных актов были воинские уставы, возникшие в условиях создания регулярных армии и флота. В «Воинском уставе» 1716 г. и «Морском уставе» Петра I рассматриваются обязанности и права всех воинских чинов, устройство армии и флота, вопросы воинской дисциплины. Центральное место в них занимает обобщение боевого опыта русской армии и западноевропейских армий, разработка прогрессивных принципов строевой и тактической подготовки, боевых действий, организации войсковой разведки, принципов передового военного искусства.

Прямую противоположность представляет «Войсковой устав о полевой пехотной службе», изданный Павлом I в 1796 г. Армия рассматривается в нем как машина, а солдат — как «механизм, артикулом предусмотренный». Основное внимание в уставе сосредоточено на парадной стороне обучения, на жесточайшей палочной дисциплине. Хотя направленность этого устава находилась в кричащем противоречии с передовыми военными традициями русской армии, она соответствовала крепостническому строю и сословно-крепостническим принципам комплектования армии. Эта тенденция не только сохранялась, но и распространялась во время аракчеевщины и царствования Николая I.

Весьма важными разновидностями законодательных актов являлись инструкции, наставления и наказания. Следует иметь в виду, что эти законодательные акты существенно различаются между собой. Одни из них связаны с событиями или правительственными мероприятиями большого значения, другие не выходят за рамки служебной инструкции по какому-то конкретному второстепенному вопросу. Одни из них объявлялись для всеобщего сведения, другие предназначались для непосредственных исполнителей, третьи были секретными и адресовались немногим или одному доверенному лицу, на которого возлагалось руководство особо важным мероприятием, учреждением, комиссией. Это обуславливало их форму и степень раскрытия действительных целей поручения, методов, которыми его следует выполнять.

Примером законодательного акта, вносящего существенное изменение в структуру органов власти, является «Наставление губернаторам» 1764 г. Оно не только четко определяло права и обязанности губернатора, но и превращало его в полноправного «главу и хозяина всей врученной в смотрение его губернии», в особо доверенную особу императора.

Важнейшими законодательными актами являлись инструкции генералу А. А. Вяземскому, направленному в 1763 г. на подавление волнений приписных крестьян Урала и Приуралья, и П. А. Румянцеву при назначении его генерал-губернатором Малороссии. В этих документах четко определены цели, формы и способы их действий, указано, как целесообразно сочетать обещания, уступки, льготы с экономическими и административными репрессиями, карательными мерами, с применением военной силы, на какие социальные и сословные категории и группы целесообразнее опираться. Реализация задач первого документа способствовала приведению в полное повиновение и безоговорочное выполнение приписными крестьянами заводских работ, суровому наказанию «зачинщиков и возмутителей». Второй документ играл важную роль в завершении процесса сближения сословной и социальной структуры, законодательства, порядков, учреждений и государственных повинностей в Левобережной и Слободской Украине.

Среди законодательных актов XVIII — первой половины XIX в. можно назвать жалованные грамоты. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. явилась завершением оформления и закрепления прав и привилегий дворянства в условиях разложения крепостного строя. Перечисляя и подтверждая сословные права и привилегии дворян, она закрепляла создание дворянских сословных организаций в уезде и губернии, их роль в формировании уездных органов управления и суда, открывала значительные возможности для влияния на деятельность государственных губернских учреждений. Не удовлетворяла она лишь единственное требование дворян, точнее сказать, его аристократической верхушки, о создании общерусской сословной организации дворян, поскольку такая организация могла стать определенным противовесом неограниченной власти монарха.

«Жалованная грамота городам» по построению и форме соответствовала грамоте дворянству. Это должно было показать одинаковую заботу самодержавия о благосостоянии всех сословий. Но за одинаковой формой стояло диаметрально противоположное содержание, поскольку грамота закрепляла неполноправие горожан и сословно-крепостническую структуру управления городом. Городская дума собиралась лишь для выбора городского головы. Функции шестигласной думы ограничивались раскладкой и сбором податей, наблюдением за выполнением государственных повинностей да довольно узким кругом вопросов, связанных с благоустройством. Реальная же власть над городом была у городничего и управы благочиния.

Особую группу по своей проблематике составляют законодательные акты по внешнеполитическим вопросам. Трактаты, конвенции и договоры России с другими государствами в XVIII и первой половине XIX в. сильно отличаются от соответствующих документов предшествующего времени как по форме, так и по содержанию. В них обстоятельно изложены и аргументированы условия, обязательства обеих сторон. Как правило, эти акты сопровождаются ссылками на более ранние документы. Им сопутствуют всякого рода приложения — карты, протоколы, дополнительные соглашения, инструкции о порядке осуществления договора и соглашений и т. п. В ряде случаев в них содержатся обязательства в отношении других государств, а также секретные статьи. Так, в Георгиевском трактате 1783 г. секретные статьи предусматривали поддержку действий Ираклия II по объединению всех грузинских земель, помощь русской армии в предотвращении турецкой и иранской агрессии. Тильзитский договор 1807 г. с наполеоновской Францией содержал секретные статьи о присоединении России к континентальной блокаде Англии.

Особенностью значительной части внешнеполитических законодательных актов конца XVIII — первой половины XIX в. является обоснование действий договаривающихся сторон о необходимости защиты феодально-абсолютистских порядков. Так, третий раздел Польши монархи Австрии, России и Пруссии обосновы-

вали необходимостью «обуздания мятежа и восстания, обнаружившихся в Польше». Аналогичные цели лежат в основе заключительного акта Венского конгресса и Акта Священного союза 1815 г., перекроивших карту Европы, реставрировавших монархию в ряде стран и объединивших силы реакции для борьбы против нарастания революционного и национально-освободительного движения народов Европы.

Очень важны договоры, трактаты, конвенции, оформляющие завершение войн, в которых участвовала Россия, и определяющие ее новые границы. Первым в их ряду стоит Ништадтский мирный договор 1721 г., завершивший Северную войну и закрепивший включение в состав России Эстляндии, Лифляндии, Ингрии и Выборга. Целая серия мирных договоров с Турцией (Кючук-Кайнарджийский — 1774 г., Ясский — 1791 г., Бухарестский — 1812 г.) оформила вхождение в состав России Крыма и территории Причерноморья от Прута до Кубани.

Особую группу внешнеполитических актов составляют акты, посвященные разработке принципов международной политики и международного права. Наиболее ярким примером является Декларация о вооруженном нейтралитете 1780 г., провозгласившая право нейтральных стран вести морскую торговлю с любыми странами, в том числе и с теми из них, которые ведут войну между собой, право нейтральных стран вооруженным путем защищать свои корабли, участвующие в этой торговле.

Законодательные акты могут быть классифицированы не только по формальным признакам, на основе особенностей отдельных разновидностей, но также проблемно-тематически. Такая задача возникает в процессе решения конкретной исторической проблемы. При такой группировке актов особенно ощутима необходимость учета всего многообразного комплекса многочисленных законодательных актов. Число сюжетов, по которым могут быть систематизированы законодательные акты, очень велико. Рассмотрим некоторые из них.

Среди законодательных актов видное место занимают акты, посвященные правам и привилегиям господствующих классов. Первым в их ряду стоит «Указ о единонаследии» 1714 г., оформивший превращение всех дворянских поместий в вотчины. За ним следует «Манифест о вольности дворянства» 1762 г., сохранивший за дворянством все имущественные и личные привилегии, но освободивший их от обязательной службы.

«Манифест о секуляризации церковных имений» 1764 г. не просто превратил в государственных крестьян более миллиона душ мужского пола монастырских крестьян и отобрал у церкви огромные земельные владения, он завершил процесс оформления монопольного права дворян на владение землей и крестьянами. «Манифест о генеральном межевании земель» 1765 г. устанавливал порядок размежевания земель, ограничивал число земельных споров и тяжб, закреплял за дворянами земли, захваченные ими у государственных, монастырских, приписных крестьян и одно-

дворцев, передавал помещикам значительный земельный фонд в районе прежних засечных черт. Прямым продолжением тенденции названных законодательных актов являлись указы 1782 г. о распространении права собственности дворян на воды, леса и недра земель их вотчин, а также указы 1760, 1763, 1765, 1767 гг., предоставившие помещику право неограниченной собственности в отношении его крепостных, их имущества, право суда над ними и наказания.

Число законодательных актов, относящихся к области науки, культуры и просвещения, невелико. Их можно отнести к двум группам. Первую из них составляют акты, связанные с созданием научных и учебных учреждений. Наиболее важными из них являются указы 1724 и 1725 г. об учреждении и открытии Петербургской Академии наук, Сухопутного шляхетского корпуса 1731 г., Московского университета 1755 г., Академии художеств 1758 г., Медицинской коллегии 1763 г. и Института благородных девиц 1764 г. Особенностью их является создание особо привилегированных условий деятельности и финансирования сословных учебных заведений для дворянства. Большинство из этих актов сопровождалось изданием уставов или инструкций для каждого из учебных заведений, определяющих их задачи, число учащихся, штаты преподавателей, длительность обучения, условия приема, состав изучаемых предметов.

Вторую группу составляют акты, определяющие систему организации просвещения в стране и принципы управления ею. К ней относятся уставы Московского университета 1755 и 1804 г., Главных и Малых народных училищ 1786 г., положивших начало системе общеобразовательных училищ в России, «Предварительные правила народного образования» 1803 г., учреждавшие гимназии и новую структуру учебных заведений от начальных школ до высших учебных заведений, проникнутую принципами сословности.

Ряд указов отличался крайне реакционной направленностью в вопросах просвещения. Так, указ 1817 г. создавал Министерство духовных дел и народного просвещения, что сопровождалось значительным усилением влияния церкви на состав и направление изучения различных предметов в учебных заведениях. Указ 1827 г. запрещал прием во все виды школ лиц «несвободного состояния». Школьный устав 1828 г. ликвидировал преемственность между низшей, средней и высшей школой, устанавливал строго сословный принцип образования, вводил телесные наказания во всех видах школ. Главной задачей школ всех типов отныне считалось внушение учащимся их обязанностей «к богу, к себе, ближним и поставленным над ними властям». Университетский устав 1835 г. ликвидировал автономию университетов, запрещал преподавание философии, политической экономии и естественного права. В законодательных актах 20—50-х годов XIX в. реакционный характер политики самодержавия в вопросах просвещения и культуры выступал с особой силой.

Публикации законодательных актов. Многочисленность законодательных актов нередко порождала противоречивость их друг другу. Это создавало невообразимую путаницу и открывало неограниченные возможности для волокиты, взяточничества, административного и судебного произвола.

Последний общерусский свод законов «Соборное уложение» 1649 г. уже абсолютно не соответствовал политическому строю, социально-экономическому и культурному развитию страны, ее социальной и сословной структуре, правам и привилегиям сословий.

Неоднократные попытки составления нового уложения, предпринимавшиеся в XVIII в., не увенчались успехом. В XIX в. при Николае I было решено ограничиться новой систематической публикацией и кодификацией законодательства. Специальная комиссия во главе с М. М. Сперанским подготовила и издала в 1830 г. «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах (I Собрание). Это издание и сейчас остается наиболее полной публикацией законодательных актов с 1649 по 1825 г. Однако в это издание не вошел целый ряд законодательных актов, в том числе и важных. Одни из них не были известны Сперанскому, другие он считал не заслуживающими внимания, третьи отбрасывал из политических соображений. Аналогичные недостатки характерны и для именного и предметного указателей, которые сопровождают это издание.

Законодательные акты, изданные в 1825—1880 гг., составили II Собрание. В его томах также имеются пропуски, продиктованные секретностью и политическими соображениями. Следует отметить, что и в I и во II собраниях ряд документов опубликован с неоговоренными сокращениями, с ошибками и заголовками, которые не соответствуют их содержанию.

Комиссия Сперанского подготовила и издала в 1832 г. 15-томный «Свод законов Российской империи», в который вошли важнейшие действующие законодательные акты XVIII — первой четверти XIX в. Если в ПСЗ акты издавались в хронологической последовательности, то в «Своде законов» были приняты тематический принцип публикации и систематизированное обобщенное изложение текстов ряда актов, относящихся к одному вопросу.

Значительное число законодательных актов XVIII — первой половины XIX в., не вошедших в ПСЗ, опубликовано в ряде периодических изданий — в «Русском архиве», «Русской старине», «Чтениях в обществе истории и древностей российских», в «Сборниках Русского исторического общества».

Наиболее полным дореволюционным изданием актов, относящихся к внешней политике, является многотомное издание Ф. Ф. Мартенса «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Оно дополняется осуществляемым в настоящее время изданием документов по внешней политике России начиная с 1800 г.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

§ 1. Материалы общего делопроизводства государственных учреждений

В XVIII — первой половине XIX в. в делопроизводстве окончательно складывается «канцелярский» стиль, характерный для всех документов, создававшихся в недрах чиновничье-бюрократического аппарата: нанизывание придаточных предложений, употребление особых оборотов, выражений, терминов. Для замечаний, предложений, исправлений, резолюций на документе оставлялись широкие поля. Исковые заявления, просьбы, документы частных лиц могли писаться только на гербовой бумаге определенной стоимости, являющейся своеобразной формой взимания налога или пошлины. Размер этой пошлины обозначался особым знаком, оттиснутым в верхнем правом углу бумаги, на котором был изображен государственный герб и обозначена стоимость листа бумаги.

В ходе работы государственных учреждений разных рангов материалы делопроизводства формировались в делах самых разных размеров и содержания. Значительная часть документов объединялась по хронологическому принципу. Другим принципом комплектования дел было сосредоточение в них документов по какой-то отрасли управления, комплексу вопросов. Наконец, огромное число материалов делопроизводства собрано в делах, посвященных рассмотрению конкретных вопросов.

Разновидности делопроизводственных документов. Так как по статуту многие учреждения были коллегиальными, то одной из главных разновидностей делопроизводственных документов являлись протоколы, журналы заседаний или дневные записки. В журналах отмечались дата, время заседания и состав его участников, перечень обсуждавшихся вопросов и решение по каждому из них. Изложение вопроса и ход обсуждения фиксировались большей частью в протоколах суммарно. Мнения отдельных членов коллегии вносились в протокол в том случае, если они расходились с мнением большинства.

Изучая конкретное дело, совершенно необходимо ознакомиться не только с протоколом, но и со всеми сопроводительными материалами по обсуждаемому вопросу. Ими могли быть представление или доклад нижестоящего учреждения, специальной комиссии, одного из членов коллегии, замечания и проекты других учреждений, отдельных лиц, справки и выписки из предшествующего законодательства, донесения местных органов власти и управления о состоянии дел по обсуждаемому вопросу. Кроме того, к докладу обычно прилагался особый экстракт или справка, кратко и далеко не всегда объективно излагавшая суть дела и имеющихся в нем документов.

«Восподданнейшие доклады» были особой разновидностью официальной документации, подаваемой на имя императора представителями высшей администрации.

Представления, предложения, которыми обменивались равные по рангу учреждения, носили название промеморий. Пришедшие на смену «памятей» XVI—XVII вв., промемории сохраняли место и во внутренней делопроизводственной документации учреждений. В XIX в. на смену им пришла форма отношения.

Нижестоящие учреждения обращались к вышестоящим с рапортами о получении указов, ходе их выполнения, состоянии того или иного дела и с доношениями (в XIX в. — донесениями) и представлениями, в которых они сообщали о рассмотрении какого-то вопроса, излагали предложения, мнения, просьбы по данному вопросу.

Формально к этой же категории относились отчеты. Их значение как источника очень велико, так как в большинстве случаев они содержали характеристику общего состояния определенной отрасли государственного управления или отрасли хозяйства. С конца XVIII в. представление ежегодных отчетов губернаторов о состоянии вверенных им губерний становится системой.

После учреждения в начале XIX в. министерств известную регулярность приобретает практика представления ими ежегодных отчетов. Круг вопросов, рассматривавшихся в отчетах, определялся функциями и задачами данного министерства. Важное значение имели годовые отчеты, представлявшиеся царю III Отделением и Министерством внутренних дел. В них содержались обзор политического положения в стране, характеристика вопросов, которые привлекали особое внимание общества, рассматривались наиболее опасные направления в обсуждении этих вопросов в прессе, слухи и толки, распространявшиеся среди разных социальных слоев и групп населения, масштабы, формы, места крестьянского и солдатского движения, сообщалось о «противоправительственной деятельности» отдельных лиц и т. д.

По своему содержанию к отчетам близки и материалы сенатских ревизий, содержащих самые разнообразные сведения о состоянии отдельных губерний, деятельности губернских и уездных учреждений.

Составной частью отчетов и аналогичных материалов являлись ведомости: о государственных доходах и расходах, поступлении податей, таможенных сборах, недоимках, промышленных предприятиях, наборе рекрутов, численности армии и флота, штатах различных учреждений, о числе и размерах крестьянских волнений и многие другие.

Видное место в делопроизводстве занимали инструкции. Они вырабатывались учреждениями различных рангов по конкретным поводам: в связи с расследованием какого-то дела, ведением дипломатических переговоров, подавлением волнения, в связи с полицейской слежкой за определенными организациями и

лицами и т. п. При составлении докладов, отчетов, рапортов, инструкций составлялся проект документа, в который руководитель учреждения вносил необходимые исправления и дополнения. Сохранявшаяся в делах данного учреждения копия с отосланного документа носила название отпущка.

Особую группу документов составляют материалы учреждений, созданных для подготовки новых сводов законов. Наиболее важными из них являются «Комиссия по составлению Нового уложения» 1767—1768 гг. и «Второе отделение собственной е.и.в. канцелярии», созданное в 1826 г. Материалы Уложенной комиссии составляют уникальный для XVIII в. комплекс источников. В него вошли полторы тысячи одновременно составленных наказов дворян, горожан, казаков, разных категорий государственных крестьян с изложением жалоб, нужд, просьб и требований этих сословий, материалы обсуждения этих наказов, существующего законодательства по ряду вопросов, а также составленных Комиссией проектов прав сословий. Особенно важны наказания государственных крестьян (помещичьи, как известно, не были представлены в комиссии). Они позволяют выяснить, какие действия крепостнической администрации вызывали наибольшее число жалоб, чем отличались положение, жалобы, просьбы различных категорий крестьян разных районов, в каких формах осуществлялось усиление крепостного гнета, как и какие черты крестьянской идеологии отражаются в наказах, в какой степени совпадают жалобы и просьбы наказов с жалобами и просьбами крестьянских челобитных и с материалами правительственных ревизий, комиссий, карательных экспедиций.

Материалы делопроизводства часто содержат не менее важные сведения, чем сами законодательные акты, хранящиеся в архивных фондах центральных и местных органов власти и управления. Историк должен помнить, что одними и теми же вопросами занимался ряд государственных учреждений, поэтому интересующие его материалы могут находиться в архивах самых различных учреждений и ведомств.

Материалы делопроизводства лучше, чем какие-либо другие источники, позволяют увидеть весь механизм работы чиновничье-бюрократического аппарата Российской империи во всех его звеньях, в самых различных сферах и направлениях. При наличии общих черт материалы центральных и местных государственных учреждений имеют и существенные различия.

Каждое из центральных учреждений власти и управления ведало определенной отраслью или сферой политической, экономической, культурной жизни страны. Поэтому материалы этих учреждений содержат сведения общего характера, дают возможность проследить, как обстояло дело в той или другой отрасли управления на всей территории Российской империи, какими методами осуществлялось то или иное мероприятие царизма, с какими трудностями сталкивалось его проведение, к каким результатам оно приводило. В этом несомненное достоинство делопроиз-

временной документации центральных учреждений. Одно временно эти достоинства порождают и определенные недостатки. Документы центральных учреждений иногда оказываются слишком обобщенными. Кроме того, для большинства из них характерно стремление дать картину полного благополучия в стране и порядка в работе государственного аппарата. Особенно это типично для материалов, выходивших из центральных органов власти для представления императору.

Материалы делопроизводства губернских и уездных учреждений локальны по своему характеру, поэтому часто не дают необходимых сведений для обобщений. К этому необходимо добавить, что в большинстве случаев состояние и сохранность документации местных учреждений несравнимо хуже, чем в центральных учреждениях. Наконец, если публикации делопроизводственных материалов центральных учреждений крайне редки, то публикации аналогичных документов местных учреждений практически отсутствуют.

Но при всем этом документация местных учреждений имеет и ряд достоинств. Она является первичным источником, в котором содержится огромное количество фактов и деталей, не находящихся отражения в материалах центральных учреждений. Другими словами, именно материалы делопроизводства местных учреждений позволяют проникнуть в «кухню» государственного аппарата и лучше увидеть самую действительность.

Научное и объективное исследование интересующего вопроса требует сочетания документов центральных и местных учреждений.

§ 2. Судебно-следственные документы

Судопроизводство и судебный процесс дореформенной России имели свои особенности, определившие состав и характер судебно-следственных документов.

В XVIII в. функции полицейского надзора, сыска и следствия по делам о политических преступлениях и вынесения приговора, который утверждался императором, принадлежали сменявшим друг друга различным правительственным учреждениям. Первым из них был Преображенский приказ (1695—1729 гг.); с 1718 г. параллельно стала действовать Тайная канцелярия. С 1731 по 1762 г. функционировала Тайная канцелярия розыскных дел. Процедура следствия по поступившему доносу складывалась из допросов доносчиков, обвиняемого, свидетелей, сопровождавшихся пытками. На основе «допросных» и «пыточных речей», записывавшихся секретарями, составлялись «выпуски», которые представлялись членам канцелярии — «министрам», имевшим право выносить приговор. Во время особо важных допросов присутствовали члены канцелярии, а иногда и сам император. В 1762 г. Тайная канцелярия розыскных дел была ликвидирована. Через полгода в составе Сената была создана Тайная экспедиция, фор-

мально возглавлявшаяся генерал-прокурором Сената, а фактически подчинявшаяся императору и являвшаяся самостоятельным центральным учреждением политического сыска и расправы.

Для расследования отдельных крупных дел создавались специальные секретные следственные комиссии, подчинявшиеся Тайной экспедиции. Так, для следствия и расправы над участниками Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева были созданы такие комиссии в Оренбурге, Казани, Уфе, Царицыне и Симбирске.

С образованием в 1802 г. системы министерств политический сыск и карательные функции осуществляло Министерство внутренних дел. На первое революционное вооруженное выступление против самодержавно-крепостнического строя царизм ответил созданием в 1826 г. III Отделения собственной, е. и. в. канцелярии. III Отделение, исполнителем органом которого был корпус жандармов, ведало организацией политического сыска и наблюдения, вело следствие, осуществляло казни и ссылки по политическим делам.

Судебный процесс в современном понимании слова в дореформенной России отсутствовал. Доносы, перлюстрация писем, агентурные сведения, информация жандармских управлений, слухи являлись основанием для обысков и арестов, дававших в руки III Отделения всякого рода «вещественные доказательства» противоправительственной деятельности. А дальше начиналась процедура допросов, очных ставок, письменных объяснений. Для следствия по делу о наиболее массовых и значительных политических выступлениях в первой половине XIX в. иногда создавались чрезвычайные суды и особые следственные комиссии. Так, следствие по делу декабристов осуществлял специально созданный «Тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества». Материалы «Тайного комитета» поступали в Верховный уголовный суд. Задача этого суда сводилась к тому, чтобы на основании материалов «Тайного комитета» определить степень вины каждого из обвиняемых, распределить их «по разрядам» и дать наказание каждому.

«Учреждение для управления губерний» 1775 г. отделило судебную власть от административной, исполнительной власти, но на деле она по-прежнему оставалась придатком царской администрации и полиции. Следствие осуществляли полицейские органы и органы политического сыска и надзора. Основная задача следствия состояла в том, чтобы доказать вину подсудимого, а главным доказательством вины считалось его собственное признание. Поэтому в процессе следствия полицейские органы, не останавливаясь ни перед чем, добивались признания подсудимого. Следует иметь в виду, что в процессе следствия и составления приговора судебные органы руководствовались сословными принципами. Даже в Уголовном уложении, утвержденном незадолго до крестьянской реформы (в 1845 г.), суду предписывалось: «При равной степени достоверности законных свидетелей, в слу-

чае противоречия их, давать преимущества: 1) мужчине перед женщиной; 2) знатному перед незнатным; 3) ученому перед неученым; 4) духовному лицу перед светским».

Материалы следствия, осуществленного полицейскими учреждениями, передавались соответствующему судебному органу. На их основании чиновники суда составляли подробную записку, в которой излагались сущность дела, характер обвинения, показания и объяснения подсудимых, свидетелей, делались ссылки на указы, регламенты, уставы и другие законодательные акты, в нарушении которых обвинялся подсудимый, предлагалась мера наказания. Краткое заключение по делу докладывалось на закрытом заседании суда, на котором ни обвиняемый, ни свидетели, ни представители обвиняемого не имели права присутствовать.

Характер следствия и судопроизводства, роль полицейских органов в судебных делах XVIII — первой половины XIX в. определяли состав, степень достоверности и полноты источников по истории крестьянского и революционного освободительного движений этого периода. Состав источников, их характер и особенности весьма различны и в каждом конкретном политическом процессе.

Разновидности судебно-следственных материалов. Начало значительной части дел положили доносы, донесения платных и добровольных агентов, сведения органов полицейского надзора о слухах, распространявшихся в стране или данном городе. Эти источники, как и другие материалы следствия, требуют осторожного и критического отношения.

Доносы. Значимость этого источника во многом определялась тем, кто был автором доноса, побудительными причинами его представления, осведомленностью доносчика, компетентностью его в тех вопросах, о которых он доносил.

Нередко встречаются нелепые доносы. Одни из них основаны на передаче всякого рода слухов и сплетен. Другие являются актом сведения личных счетов. Третьи, принадлежавшие платным и добровольным агентам, содержат сведения о каком-то реальном факте, вокруг которого нагромождены небылицы. Как правило, это было продиктовано стремлением раздуть дело и тем самым повысить ценность своего доноса и вознаграждение за его подачу.

Различна была роль доносов в процессе следствия и суда. Восстанию декабристов предшествовали доносы Шервуда, Бошняка, Витта, в которых сообщалось о существовании тайного общества, о его отдельных членах и их действиях; донос члена Южного общества капитана Майборода, назвавшего почти 50 имен декабристов; наконец, донос Ростовцева накануне 14 декабря. Суд над декабристами происходил уже после восстания, поэтому сведениям доносов не уделялось большого внимания. В то же время доносы позволяют судить о том, какой информацией располагало накануне восстания правительство, объясняют принятые им некоторые меры (арест П. И. Пестеля, Сергея Му-

равьева-Апостола, приведение к присяге Сената рано утром 14 декабря).

В деле петрашевцев доносам принадлежит огромная, если не решающая роль. П. Д. Антонелли, тайный агент Министерства внутренних дел, пользовался полным доверием М. В. Петрашевского и был в курсе всех замыслов петрашевцев. Он ориентировался в существе деятельности кружка, довольно правильно передавая содержание бесед, споров, планов, что были вынуждены признать сами петрашевцы во время следствия.

Историческая ценность всякого рода слухов, зафиксированных в донесениях полицейских агентов и других материалах полицейского сыска, весьма сомнительна. В то же время полностью игнорировать их нельзя. Достаточно сказать, что следствие по делу А. Н. Радищева началось с письма графа А. А. Безбородко графу А. Р. Воронцову: «Е. и. в., сведав о вышедшей недавно книге под заглавием «Путешествие из Петербурга в Москву», оную читать изволила и... указала исследовать о сочинителе сей книги. Между тем достиг к ее величеству слух, что она сочинена г. коллежским советником Радищевым...» Как видим, в отношении авторства книги слухи соответствовали действительности.

Пыточные речи. Протоколы допросов. Письменные показания. Все эти источники отличаются необычайной сложностью, их значение весьма противоречиво и они требуют тщательной проверки. Необходимо выяснение тактики, избранной подсудимым, причин изменения им своих показаний по ряду вопросов, связи между показаниями и предшествующей позицией и действительно подсудимого, а также влияния показаний на приговор и последующую борьбу обвиняемого.

В этих источниках содержатся важные и в большинстве случаев правильные сведения биографического характера об обвиняемых. В них немало фактического материала о составе революционных кружков и организаций, их деятельности, роли отдельных членов, планах и целях организаций, их программе, ходе ее выработки и по другим вопросам.

При пользовании протоколами допросов следует помнить, что они велись органами полиции. Терминология и формулировка ответа, особенно в тех случаях, когда обвиняемый был неграмотным, принадлежит не ему, а тому, кто вел протокол допроса. Так, записи показаний Е. И. Пугачева изобилуют такими формулировками: «В первый день приходу его с своею сволочью под город Яик... Приехал он с своею злою шайкою на хутор... В сей злодейской составленной мерской бумаге написано было, что называли его Петром третьим...» и т. д. С этой особенностью мы встречаемся не только тогда, когда имеем дело с записью допросов неграмотных обвиняемых, но и в ответах Новикова, Радищева, декабристов.

Для большинства показаний характерно, что обвиняемые сообщали лишь те сведения, которые были известны следователям и отрицать которые было бессмысленно. После ознакомления

с протоколами первых допросов и первыми показаниями обвиняемых, сравнения их между собой, сопоставления со сведениями доносов, агентурными и прочими данными руководители следствия составляли дополнительные вопросы, на которые обвиняемый должен был дать письменный ответ. Целью этих «допросных пунктов» было заставить обвиняемых давать показания по тем вопросам, которые представлялись следователям наиболее важными и которые обвиняемые старательно обходили.

Как первые показания (протоколы допросов), так и ответы обвиняемых на «допросные пункты» различны. Одни предельно кратки, даже, можно сказать, формальны, в них почти отсутствуют факты, имена. Другие пространны, но крайне общи. Третьи пестрят датами, именами, фактами. Эти различия определяются разными факторами. В одних случаях решающую роль играла стойкость и убежденность обвиняемого в правоте дела. В других все определяется той тактикой, которую избрал обвиняемый, и теми целями, которыми порождена эта тактика. Отмечено немало случаев, когда характер показаний в первую очередь обусловлен реакцией обвиняемого на неудачу революционного выступления, арест, тюремный каземат, на обстановку следствия и его методы. Различия в показаниях обвиняемых с особой силой выступают в ответах на дополнительные вопросы, поскольку подсудимый, находясь в тюремной камере, имел возможность обдумать свои ответы.

Пользуясь показаниями как источниками, следует иметь в виду по крайней мере еще два обстоятельства. Отстаивание своих революционных взглядов и деятельности несомненно было актом мужества и стойкости убеждений, но участники революционного движения в дореформенной России не могли не считаться с тем, что канцелярский характер следствия и суда не дает возможности использовать суд в качестве трибуны.

Хотя канцелярское судопроизводство и не оставляло места для состязательного процесса, лежащего в основе буржуазного судопроизводства, в действительности на протяжении всего следствия непрерывно шла неравная борьба следователей и обвиняемых.

«Искренние показания» и «раскаяние» нередко было формой состязания со следователями, определенной тактикой, рассчитанной на «чистосердечное» признание того, что уже невозможно отрицать, и направленной на то, чтобы под предлогом «искренних показаний» обходить острые углы следствия. Другое дело, если обвиняемый при этом шел на раскрытие следствию неизвестных фактов.

Используя показания обвиняемых, необходимо учитывать, что они умышленно ссылались при объяснении своих позиций, взглядов и действий на разрешенные цензурой издания, переводы произведений, отдельные положения законодательных актов и правительственных деклараций, на заявления самого царя. Так, в ряде ответов А. Н. Радищев воспроизводил изложения екатеринин-

ского «Наказа», ссылаясь на Монтескье, которого цитировала сама Екатерина, говорил о том, что он писал о дурных царях, а отнюдь не «о такой самодержице, которой удивляется свет». Н. И. Новиков систематически подчеркивал, что книги, в изданиях которых его обвиняют, были разрешены университетской цензурой или полицией. Только сейчас, познакомившись с их содержанием, он «ужаснулся, что они были напечатаны». М. В. Петрашевский подробнейшим образом рассказывал о том, какое сильное впечатление произвела на него книга Фурье. Он много беседовал о ней с друзьями, расхваливая социальную систему, предлагаемую Фурье. Эта тактика будет понятна, если знать, что книга Фурье не была запрещена в России. П. И. Пестель, Н. Муравьев и многие другие декабристы ссылались на некоторые указы и высказывания Александра I, на конституционные проекты Сперанского, деятельность Негласного комитета и уверяли, что не только не считали свою деятельность антиправительственной, но, наоборот, думали, что они помогают правительству в осуществлении его намерений. Таким образом, при использовании показаний и других следственных материалов нужно определить и отделить заявления и утверждения, сделанные из тактических соображений, от действительных взглядов и намерений обвиняемых.

Вещественные доказательства. Заключение о бумагах обвиняемых. Важным источником для изучения деятельности, программы, планов революционных организаций и их членов являются бумаги обвиняемых, обнаруженные полицией во время обыска и ареста: дневники, письма, заметки, программные документы, политические и литературные произведения, записные книжки. Правда, зная о возможности ареста, часть обвиняемых успевала заблаговременно их уничтожить. Так было с бумагами Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, П. И. Пестеля, С. Г. Волконского, М. Ф. Орлова, Муравьевых, А. С. Грибоедова, М. С. Лунина. Для изучения истории революционных организаций и деятельности его членов важна точная датировка писем и других документов, отобранных при аресте. Не менее важно определение авторства этих документов. Сплошь и рядом в бумагах одних декабристов оказывались, например, копии документов других декабристов. Необходимо точное определение лиц, упоминаемых в этих документах. Между тем очень часто они обозначены инициалами, одной буквой, псевдонимом, прозвищем. Отдельные записи дневников, заметки зашифрованы и далеко не всегда поддаются расшифровке.

Особенностью судебно-следственных дел дореформенной России было то, что материалы, изъятые у обвиняемого, редко включались в состав следственного дела. Обычно для их разбора и изучения выделялись чиновники, которые составляли обзор изъятых материалов или заключение о разборе бумаг арестованного. В заключение включались выдержки из изъятых документов, иногда прилагались копии документов, которые каза-

лись наиболее важными для следствия. Заключение в качестве исторического источника имеют важное значение. Во-первых, они показывают, что особенно интересовало следствие, как интерпретировались документы, какое влияние они оказывали на ход следствия, приговор и судьбу обвиняемых. Во-вторых, часты случаи, когда после завершения следствия вещественные доказательства частично или полностью уничтожались. Так, по приказанию Николая I из материалов следственного комитета были изъяты и уничтожены все вольнолюбивые и революционные стихи А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева. Не сохранились бумаги, изъятые при аресте у А. Н. Радищева (за исключением рукописи «Путешествия из Петербурга в Москву») и Н. И. Новикова, уничтожено большинство рукописей М. В. Петрашевского.

Однако заключения, составлявшиеся полицейскими чиновниками, были далеко не равноценны. Одни из них носят чисто формальный характер и о содержании, характере и значении изъятых материалов дают мало представления. Другие составлены малограмотными людьми, которые плохо разбирались в вопросах, рассматриваемых в документах. Наконец, третьи составлялись весьма квалифицированно, в них содержится обстоятельная характеристика изъятых материалов, составители свободно ориентировались в проблемах, которые содержатся в документах обвиняемого. Но независимо от степени квалификации и подготовленности составителей заключений почти для всех этих источников характерна крайняя тенденциозность. Поэтому в заключениях нередко встречаем произвольные толкования документов и их отдельных положений, натяжки, домыслы, необоснованные выводы.

Заключения следствия. Приговоры. Итоги следствия оформлялись специальным документом, который в разное время и в разных делах носил различные названия: донесение, заключение, решение, представление,— но его содержание и назначение не изменялось. В том случае, когда дело решалось без передачи в суд (следствие по делу Новикова, кружков братьев Критских, Герцена и Огарева), составлялся доклад царю, представляемый Тайной канцелярией, III Отделением или другим полицейским учреждением.

Ценность заключения как источника заключается в том, что в нем подведены итоги следствия, излагается история создания и деятельности революционной организации, характеризуется роль и поведение во время следствия ее отдельных членов, приводятся наиболее важные факты и показания обвиняемых, дается оценка степени «преступности» того или иного общества в целом и каждого из его членов. В случаях утраты следственного дела, как это произошло со следственным делом петрашевца Н. А. Спешнева, заключение оказывается главным, если не единственным источником о революционной деятельности данного члена общества. Вместе с тем заключение следственного органа и приговор — это не столько источник по истории той или иной рево-

люционной организации, деятельности того или иного представителя русского революционного движения, сколько источник по истории внутренней политики самодержавия и его борьбы с революционным движением. В них грубо извращаются и сознательно фальсифицируются цели революционных организаций и их деятельность. В ряде случаев в этих источниках всячески замалчивается главная сторона и цель движения, которая представляла наибольшую опасность для самодержавно-крепостнического строя.

В указе Екатерины по делу Н. И. Новикова ничего не говорится ни о его выступлениях против крепостнических порядков и крепостнического произвола в стране, ни о его просветительской издательской деятельности. Он обвинялся в «любоначалии и корыстолюбии», в «слепоте, невежестве и развращении последователей». Объявляя Новикова невеждой, шарлатаном и обманщиком, достойным «тягчайшей и нещадной казни», Екатерина II характеризует свой указ о заключении его без суда на 15 лет в Шлиссбургскую крепость как проявление «сродного ей человеколюбия».

Уже в самом начале следствия над декабристами Николаю I и следственной комиссии стали ясны главные цели восставших: ликвидация крепостного права, уничтожение самодержавия, отмена крепостнических порядков в армии, полная перестройка правительственных, административных и судебных учреждений. Объявить об этом в приговоре означало признать, что декабристы выражали нужды, интересы и требования широких народных масс и всей прогрессивной части общества. Поэтому в заключении следственной комиссии красной нитью проводилась мысль о том, что это была лишь кучка «извергов-цареубийц», чуждых и враждебных народу и стране.

Что же касается действительных целей восстания, то о них следственной комиссии было приказано представить Николаю I неподлежащее опубликованию и разглашению «Особое приложение», в котором предстояло подробно охарактеризовать замыслы декабристов: «1) об убавке срока службы солдатам; 2) о разделении земель; 3) об освобождении крестьян; 4) о намерении возмутить военных поселян; 5) о государственных лицах».

Наконец, рассматривая следственное заключение и судебный приговор как исторический источник, следует иметь в виду, что эти документы часто являются лишь оформлением предрешенного приговора.

Важное значение имеют материалы III Отделения и карательных органов о судьбе осужденных, их пребывания в тюрьме, в ссылке, на каторге, о дополнительных репрессиях по отношению к ним, о лицах, состоящих под надзором полиции, апелляции и просьбы о помиловании и другие документы.

Большой круг источников, связанных с революционными выступлениями, стихийными восстаниями и проявлениями недовольства в армии, содержат архивы Военного министерства. В первую очередь это материалы военно-аудиторского суда, осуществляв-

шего судебную расправу с участниками этих выступлений. Судебно-следственные материалы этих фондов принципиально не отличаются от уже охарактеризованных. Их основная особенность — ограниченный состав документов, поскольку суд и следствие происходили ускоренным порядком, нередко в 24 часа. На солдат — участников выступлений военный полковой суд даже не заводил дел.

Особую группу судебно-следственных материалов составляют документы, связанные с имеющими самый различный характер и масштабы антифеодальными волнениями и восстаниями крестьян. Если ход судебного процесса и документов, оформлявшихся в ходе следствия по этим делам, практически не отличался от охарактеризованных выше, то состав документов, вышедших из среды восставших, отличался очень сильно и на нем необходимо остановиться особо.

И до возникновения первых революционных организаций, и после их возникновения в стране шла ожесточенная антифеодальная борьба, принимавшая самые разнообразные формы. Любое неповиновение и выступление крестьян правительство рассматривало как бунт, направляло на его усмирение воинскую команду и осуществляло массовую экзекуцию. Суд и следствие не интересовали действительные причины крестьянских выступлений, справедливость их обвинений по адресу помещиков и царской администрации.

Особый тип документов, исходивших от народных масс, составляют крестьянские жалобы и челобитные, значительная часть которых предшествовала и сопровождала волнениям. В них содержится большой фактический материал о положении крестьян, их повинностях, причинах и поводах волнений, просьбах, нуждах и требованиях восставших. Крестьянские жалобы и челобитные являются важнейшими источниками и для изучения крестьянской идеологии того времени, выяснения сильных и слабых сторон движения. Однако необходимо иметь в виду, что в них возможны и некоторые преувеличения в отношении размеров повинностей, степени разоренности крестьянства, хотя сопоставление фактического материала крестьянских челобитных с материалами государственного происхождения подтверждают достоверность абсолютного большинства сведений и жалоб крестьянских челобитных. Нужно иметь в виду и противоречие между униженной формой челобитных и содержащихся в них просьб и самой направленностью челобитных, проникнутых ненавистью к крепостникам-помещикам, к крепостной администрации и суду. Составители подобных челобитных, особенно в тех случаях, когда они предшествовали восстанию или составлялись в ходе восстания, рассматривались правительством как «заводчики бунта» и наказывались особенно жестоко. Поэтому за составление их мог браться только тот, кто был уверен в их справедливости и именно поэтому облакал их в привычную, законную форму.

Вышей формой антифеодальной борьбы крестьян являлись, как известно, крестьянские войны. Но и они оставались проявлением стихийного протеста против роста крепостной эксплуатации, помещичьего произвола, наиболее грубых и тяжелых форм крепостничества. В процессе работы с источниками, относящимися к крестьянским войнам, очень важно уяснить, почему эти мощные взрывы антифеодальной борьбы нельзя рассматривать как одну из форм революционной борьбы против самодержавно-крепостнического строя.

Именно документы крестьянских войн, вышедшие из среды восставших, показывают, что и в ходе своей героической борьбы крестьянство не обладало и не могло обладать революционной идеологией, что восстание было актом ненависти, гнева и мести доведенного до отчаяния крестьянства. Оно не противопоставляло и не могло противопоставлять крепостническому строю новый общественно-экономический строй. Оно не выдвигало и не могло выдвинуть цельной политической программы. Поэтому важно уяснить значение того обстоятельства, что не только отдельные волнения и восстания крестьян и посадского люда, но и крестьянские войны проходили под царистскими лозунгами, под знаком веры «в хорошего царя», что в значительной степени определяло как форму, так и содержание документов движения. А это в свою очередь позволит понять, что о «программном» характере «прелестных писем», манифестов, указов, распоряжений Пугачева и его «Военной коллегии» можно говорить лишь в том плане, насколько полно и последовательно они отражали и выражали нужды, чаяния, мечты и требования восставших и различных сословных и социальных категорий в его составе.

Работая с документами и материалами антифеодальной стихийной борьбы, необходимо помнить, что большинство архивов восставших не сохранилось. «Прелестные письма», указы, распоряжения, решения и другие документы восставших изымались и уничтожались карательными и следственными органами самодержавия. Единственным исключением является архив Астраханского восстания 1705—1706 гг. Материалы этого крупного городского восстания, когда восставшие создали свое правительство и целый год удерживали власть на значительной территории, позволяют раскрыть не только социальный состав восставших, позицию отдельных сословных групп, но и особенности восстаний этого времени, их сильные и слабые стороны, рассмотреть основные черты идеологии восставших. Наиболее важны решения восставших о наказании царской администрации в Астрахани, ответы на указы Петра I, наказы руководителям отрядов, направленных для взятия Царицына, письма донским казакам, решения о действиях отдельных выборных лиц и другие документы. Материалы Астраханского восстания показывают, что восставшие не противопоставили самодержавию, крепостным отношениям и существующим органам власти и управления, сослов-

ному строю ничего принципиально нового, выводившего их за рамки феодальных отношений.

Исключительно важный и своеобразный комплекс источников составляют материалы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Помимо донесений местных властей, протоколов допроса ее участников, приговоров, сведений о карательных экспедициях и других материалов до нас дошли отдельные документы пугачевской «Военной коллегии», а главное — указы и манифесты Пугачева. Именно они наиболее ярко показывают как сильные, так и слабые стороны идеологии восставших. Именно в них отчетливо выражены нужды, чаяния и требования различных сословных и социальных категорий, различных народов, участвовавших в Крестьянской войне. Источниковедческий анализ этих документов позволяет проследить, как нарастала их антикрепостническая, антидворянская направленность, как в зависимости от района, являвшегося в данный момент основным центром восстания, и от состава его участников менялись «пожалования» указов и манифестов Пугачева, как от удовлетворения требований отдельных сословных и социальных категорий они становятся выражением интересов всего закрепощенного народа.

Пожалования в первом указе Пугачева имели чисто сословный, казацкий характер, поскольку основную часть первого пугачевского отряда составляли яицкие казаки. Но восстание, начатое казаками, быстро перерастает в крестьянскую войну, что вызывает в указах весьма существенные изменения: они называют помещиков «сущими преступниками закона и общего покоя», «злодеями и противниками воли моей императорской» и приказывают крестьянам «казнить их смертью, а дома и имение брать себе в награждение». Летом 1774 г. наступает третий этап войны. Основные силы Е. И. Пугачева действуют на правобережье Волги, одном из главных центров крепостничества и помещичьего землевладения. Относящиеся к этому этапу пугачевские манифесты и указы показывают это совершенно отчетливо. Манифест 31 июля 1774 г. историк В. И. Семевский назвал «Жалованной грамотой крестьянам», и эта оценка вошла в литературу. «Манифестом» Пугачев жаловал «всех находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков... волностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и солеными озерами без покупки и без аброк». Дворян как «возмутителей империи и разорителей крестьян» он приказывает «ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами».

Пугачевские указы и манифесты показывают и другую важнейшую особенность крестьянской войны — ее стихийный царистский характер. Это выражается и в принятии Пугачевым имени Петра III, и в самой форме «императорских» указов и манифе-

стов Пугачева, и в их терминологии, и в том, что участники восстания, крестьяне, рабочие люди, нерусские народы, казаки и другие категории населения именуются в указах «верноподданными рабами», «рабами короны нашей» и призываются послужить «великому государю» так же, как «деды и отцы ваши прежним царям служили до капли своей до крови», и т. д.

Наконец, пугачевские указы и другие материалы Крестьянской войны позволяют выяснить, что нарождавшееся третье сословие и города не играли в ней сколько-нибудь видной роли, что многонациональный характер Российской империи наложил серьезный отпечаток на состав восставших, формы борьбы, на характер требований.

Массовое крестьянское антикрепостническое движение и деятельность первых революционных организаций в дореформенной России шли разными путями. Более того, большинство участников дворянского этапа революционного движения видело в крестьянских восстаниях лишь «кровавый и бессмысленный бунт», не понимало значения и боялось их. Но это не снимает вопроса об огромном их влиянии на формирование антикрепостнической, революционной идеологии в России, на программные документы и деятельность первых революционных организаций.

Таков основной круг документов, откладывавшихся в ходе следствия и суда над участниками стихийных народных и революционных выступлений.

Глава 13

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ И ПУБЛИЦИСТИКА. ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

§ 1. Политические сочинения XVIII в.

На различных этапах исторического процесса России роль и место политических сочинений и публицистики среди других источников были весьма различными. В древней и средневековой Руси число их было сравнительно невелико. В XVIII, а тем более в XIX в. их число значительно увеличивается, резко возрастает их значение в общественно-политической жизни и идейной борьбе. Одновременно с этим они постепенно теряют роль самостоятельного вида источников и превращаются в одну из разновидностей документов, связанных с деятельностью политических организаций, а затем и партий, с прессой того времени.

Не всегда возможно провести грань между публицистическими и политическими сочинениями, поскольку и в тех и в других рассматриваются актуальные вопросы социально-экономической, общественно-политической и идейной жизни страны, пути и направление ее развития, оцениваются внутренняя и внешняя политика и отдельные мероприятия правительства. Можно сказать,

что публицистические произведения отличаются большей злободневностью, что они рассчитаны на более широкий круг читателей. Политические сочинения ориентируются на специалистов в данной области, на подготовленного читателя и характеризуются солидной и развернутой аргументацией.

Особенностью источников этого вида является их политическая заостренность, направленность либо на обоснование существующего строя, либо на его критику.

На публицистических произведениях с особой силой сказались время, степень накала политической и идейной борьбы, аудитория, на которую они были рассчитаны, цели, которые ставил перед собой автор, позиции того класса, сословия, социальной или сословной категории, интересы которой он представлял. Так, политические сочинения первой четверти XVIII в. были порождены острой политической борьбой, которая развернулась вокруг реформ и проводимой Петром I внешней и внутренней политики. Новгородский архиепископ, один из руководителей Синода Феофан Прокопович был автором проповедей, в которых он доказывал, что успехи России на полях сражений, в развитии торговли и промышленности являются результатом укрепления самодержавной власти царя и проведенных им преобразований. Эти положения и утверждения Прокоповича и обоснование им права царя самому назначать себе наследника составляют содержание написанной им «Правды воли монаршей» и являются одним из выражений процесса завершения оформления абсолютизма, его теоретическим обоснованием. Показательно, что в изменившихся условиях Прокопович использует в качестве аргументов не только религиозные догмы, но и доводы рационалистов, теории естественного права, договорного происхождения государства, теории «общего блага». Однако эти прогрессивные теории в трактовке Прокоповича лишаются своей антифеодальной направленности и сочетаются со средневековой схоластикой.

В написанном с участием Петра I вице-канцлером П. П. Шафировым «Рассуждении, какие законные причины его величество Петр Великий... к началу войны против короля Карла XII шведского 1700 г. имел» не только раскрывается значение Северной войны и активной внешней политики России, но подчеркивается значение петровских преобразований, в том числе создание регулярных армии и флота.

С позиций другого сословия подходит к этим же вопросам И. Т. Посошков, автор наиболее серьезного и интересного произведения первой четверти XVIII в. — «Книги о скудости и богатстве». Выражая интересы купечества, Посошков видит главное средство обогащения страны в развитии ремесла и торговли, улучшении положения ремесленников и в создании мануфактур. В соответствии с этим он требует осуществления принципов меркантилизма и протекционистской политики, развития свободной торговли. «А торг дело великое! К печеству всякое государство

богатитца, а без купечества и малое государство быть не может, и того ради без великим охранением блюсти их надлежит и от обид их оберегати». В то же время Посошков предлагает сохранить и укрепить сословное монопольное право купечества и посадских ремесленников на торговлю, ремесло, на заведение промышленных предприятий, запретить в стране торговлю и ремесло не только иностранных купцов и ремесленников, но и всем русским не входящим в состав посада.

К этим идеям Посошкова примыкает и содержание его главы о крестьянстве. В ней ярко показано тяжелое положение крестьянства, неудовлетворительное состояние сельского хозяйства, резко критикуется «помещичье насилие» и отягощение крестьян «излишними работами». Вместе с тем главную причину отсталости сельского хозяйства и бедности крестьян он видит «токмо в их лености», выдвигает на первый план фискальные интересы казны, лишь упоминает о желательности какой-то регламентации крестьянских повинностей, но не помышляет не только о ликвидации, но и об ограничении крепостного права. Противоречивость содержания книги и предложений Посошкова отражала противоречивость положения русского купечества того времени, еще далекого от превращения в класс буржуазии.

Работая с политическими и публицистическими произведениями, необходимо помнить, что их содержание, форма, аргументация, формулировка выводов, направление критики во многом предопределялись назначением произведения. Одно дело, если автор писал его для себя или для узкого круга читателей. Другое, если это произведение должно было пройти цензуру или же предназначалось для бесцензурной печати. Возьмем, например, политические и публицистические произведения самого яркого представителя охранительного направления, идеолога старой дворянской аристократии князя М. М. Щербатова. В своих «рассуждениях» и «размышлениях» он требовал не только сохранения, но и значительного расширения сословных прав дворянства, распространения крепостничества на новые территории, категории населения. С этих позиций им резко критиковалась политика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. Поскольку свои «рассуждения» Щербатов не предназначал для печати, он и не стеснялся в резких выражениях по адресу Екатерины и ее политики. С особым раздражением он нарисовал екатерининский двор, самодержавный произвол, разгул казнокрадства в учреждениях, взяточничество, быт и нравы разврата и роскоши дворянства в блестящем сочинении «О повреждении нравов в России», где показал лицемерность политики Екатерины II.

«Строгий разбор дворцового разврата», как выразился А. И. Герцен, впервые опубликовавший это произведение в Вольной типографии в Лондоне, может при некритическом отношении к источнику, написанному без оглядки на цензуру, создать совершенно неправильное впечатление о позициях и целях автора. Один из историков объявил, например, Щербатова «русским

Мирабо». Однако, если не вырывать из всего комплекса политических и публицистических произведений и выступлений Щербатова его отдельные положения, то станет очевидно, что критика екатерининской политики ведется им с реакционных позиций во имя утверждения еще более крепостнических порядков и институтов, во имя своекорыстных интересов старой дворянской аристократии, недовольной тем, что ее оттеснили на второй план.

Много сложных вопросов, на часть из которых и до настоящего времени не дано исчерпывающего ответа, порождает интерпретация политических и публицистических произведений русских просветителей XVIII в. Так, например, большинство из них отличается самой острой критикой крепостного произвола помещиков, их паразитизма, невежества, пренебрежения национальными интересами, презрения к национальной культуре, показом того, что крепостное «рабство и нищета» крестьян ведут страну к гибели. В то же время их практические предложения отличаются крайней умеренностью, половинчатостью и осуществление их связывается с преобразованиями, которые должен сделать монарх, принявший концепции просветителей и ставший «мудрецом на троне». Показательны в этом отношении произведения А. Я. Поленова и С. Е. Десницкого.

Это обстоятельство необходимо учитывать и при использовании политических сочинений М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова и других просветителей XVIII в. Так, Ломоносов, с деятельностью и творчеством которого связано начало формирования русского просветительства, развитие русской передовой науки и культуры, почти ничего не говорит о крепостном праве, крепостнических порядках и учреждениях, превозносит личность и политику не только Петра I, но и его ничтожных преемников. Одновременно с этим он отстаивал материалистические идеи, противопоставлял научный принцип познания мира и его явлений религиозным догмам, требовал запрещения вмешательства церкви в дела науки и просвещения.

Идеализируя Петра I и его реформы, Ломоносов выдвигал программу продолжения преобразований, последовательного изучения и использования природных ресурсов, активного содействия развитию торговли и промышленности, распространению просвещения и «драгих наук в любезном отечестве». Он отстаивал буржуазный принцип бессловной средней и высшей школы и добился его практического осуществления в созданном по его инициативе Московском университете. Выступая сторонником просвещенного абсолютизма, Ломоносов исходил из общенародных, общенациональных интересов, считал, что главной задачей монарха является обеспечение экономического и культурного развития страны, забота о благосостоянии всех подданных, а не только дворянства.

Работая с политическими произведениями XVIII в., следует учитывать широко распространенное в то время использование чужого текста, положений, аргументов без ссылок на источник.

Так, например, большая и важная статья Н. И. Новикова «О торговле» является, в сущности, компилятивным переводом глав из книги французского просветителя Рейналя «История обеих Индий». Ряд положений почти дословно взял из этой книги и А. Н. Радищев.

Естественно, что вопрос о том, что данным автором взято у других, у кого и почему взято, в каких целях, имеет немало-важное значение при привлечении политического сочинения в качестве источника. Еще важнее установить, в каких целях используются заимствования и как они интерпретируются. Нередко те или иные положения, формулировки вырываются из контекста, им умышленно придается иной смысл и используются они в прямо противоположных целях.

Классическим примером подобного использования чужих текстов является известный екатерининский «Наказ Комиссии для сочинения Нового уложения». Более 80% его текста представляют заимствования из произведений Монтескье, Беккариа и других западноевропейских просветителей. Эта компиляция дополнена пышными декларациями относительно заботы о всеобщем благе, вольности, борьбе с невежеством, чрезмерным «отягощением» крестьян и т. д. Однако в екатерининской компиляции положения просветителей не только лишаются какой бы то ни было антифеодальной направленности, отрицания деспотизма и самодержавного произвола, но используются для обоснования того, что самодержавие является лучшей и единственно возможной в России формой правления, для доказательства необходимости сохранения и расширения прав дворян, которых крестьяне должны любить и почитать.

При работе с политическими и публицистическими сочинениями как историческими источниками важно уяснить, что нового вносит данный автор и его произведение в общественно-политическую мысль того времени, какое значение для последующего развития идейной и политической жизни и борьбы имеют выдвинутые им идеи, требования, практические предложения, выводы. Раскроем это положение на примере произведений А. Н. Радищева. Радищев дал наиболее яркое изображение жизни и обличение крепостных порядков в стране. Более того, в своих статьях «О самодержавстве», «Письмо другу, жительствовавшему в Тобольске», «Беседа о том, что есть сын отечества» он показал, что крепостное право и положение крепостных крестьян обусловлено существованием самодержавия. Радищев утверждал, что самодержавие является «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием», что не было и не будет монархов, которые добровольно откажутся от власти, что подлинным патриотом является лишь тот, кто борется за освобождение народа от крепостничества и самодержавного произвола. В каждой из глав своего «Путешествия из Петербурга в Москву» он показывает одну из страшных сторон крепостного строя. Как метко выразился Герцен, издавший запрещенную книгу в Лондонской типографии,

автор «едет по большой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, рекрутами и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию — громкий протест против крепостного состояния».

Радищев первым в России выдвинул требование полной ликвидации крепостного права. Он включил в «Путешествие» строфы из своей оды «Вольность», в которой славил грядущую революцию, день, когда восставший народ «на плаху возведет царя», когда восторжествует вольность и в стране будет установлен республиканский строй. Но учитывая реальное соотношение социальных сил в стране, Радищев не исключал и пути реформ и в одной из глав «Путешествия» поместил план постепенного осуществления мероприятий, которые должны были завершиться «совершенным уничтожением рабства». Однако он мало верил в то, что помещики, эти «звери алчные, пиявицы ненасытные», согласятся на такие реформы, что их осуществит монарх. Он грозил помещикам, что доведенные до отчаяния крестьяне «разобьют железом главы» ненавистных господ. Это прекрасно поняла Екатерина II, отметив, что он освобождения ждет «от тягости угнетения» и «надежду возлагает на бунт мужиков».

До сих пор остаются спорными вопросы, связанные с историей работы Радищева над «Путешествием»: все ли положения, выводы, предложения, проекты, имеющиеся в его книге, отражают позицию автора. Один из центральных пунктов спора — вопрос о том, являются ли проекты реформ одним из путей, которые допускал Радищев, или же они помещены в «Путешествии» для показа их несостоятельности. Нет однозначного ответа на вопрос о том, почему не были включены в печатное издание тексты, сохранившиеся в трех рукописных редакциях «Путешествия». Связано ли это с изменением позиций автора либо продиктовано условиями, цензурными причинами или тем, что отсутствующие в печатном издании тексты написаны уже после его возвращения из сибирской ссылки? Все эти вопросы имеют важное значение для определения великой исторической роли Радищева в процессе перехода от просветительской критики крепостного строя к разработке теоретической базы для сознательной революционной борьбы за уничтожение самодержавно-крепостнического строя.

Наконец, следует обратить внимание на вопрос распространения политических сочинений. Целый ряд политических сочинений (произведения Щербатова, Посошкова) был опубликован лишь во второй половине XIX в. Это резко ограничило их влияние на развитие общественно-политической мысли. В то же время распространявшиеся в списках радищевские «Путешествие из Петербурга в Москву», «Вольность» и некоторые другие политические произведения оказали огромное влияние на современников и последующее развитие идейно-политической и революционной борьбы.

Жесточайший цензурный режим, невозможность выступать непосредственно по политическим и социальным проблемам привели к тому, что большая часть публицистических произведений дореформенной России носила характер литературно-критических, философских, научных статей, в которых широко использовались приемы эзоповского языка. Авторы публицистических произведений ссылаются на примеры из далекого прошлого, из жизни других стран и народов, но имеют в виду осуждение «своих внутренних туток». Эти особенности характерны для большинства подцензурных статей В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова, для публичных лекций Т. Н. Грановского.

К публицистике первой половины XIX в. примыкали и отдельные научные и философские труды. К ним можно отнести «Опыт о просвещении» И. Пнина (1804 г.), в котором автор выступает с острой критикой крепостного права, помещичьего произвола, самодержавия, выдвигает требование служения каждого гражданина своей родине и народу; «Право естественное» профессора Царско-сельского лицея А. П. Куницына (1818—1820 г.), в котором осуждается самодержавие и крепостной строй; научные работы К. Ф. Рулье — профессора Московского университета и крупнейшего представителя эволюционной биологии до Дарвина, убежденного материалиста.

В условиях отсутствия бесцензурной печати и невозможности выступления в прессе по важнейшим вопросам общественной жизни широкое распространение получают в I половине XIX в. ходившие по рукам списки вольнолюбивых, антикрепостнических литературных и публицистических произведений. Наиболее ярким примером является знаменитое письмо Белинского к Гоголю, которое В. И. Ленин считал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати»¹. Хотя Белинский по вполне понятным соображениям не писал о революции и уничтожении самодержавия, но все его письмо звучало призывом к революционной борьбе против самодержавия и крепостничества, уничтожение которых он относил к числу «самых живых, современных национальных вопросов в России». Оно было проникнуто гневным протестом против попыток увести Россию на ложный путь решения жгучих социальных и политических проблем, на путь религии, мистицизма, нравственного самоусовершенствования.

Однако в условиях крепостничества, сурового цензурного режима и полицейского произвола передовое, освободительное и революционное направление в политических и публицистических сочинениях не было и не могло быть не только единственным, но и преобладающим. Многие произведения отчетливо показывают, каким сложным и мучительным был процесс становления револю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

ционной идеологии, поисков путей и методов борьбы против самодержавия и крепостничества.

Свидетельством этого является «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Оно было проникнуто страстной ненавистью к крепостничеству, к самодержавно-полицейскому произволу в стране, содержало уничтожающую критику официозных утверждений о всеобщем благополучии. В этом оно прямо сходилось с идеями декабристов и передовой публицистикой 30-х годов. Но Чаадаев писал «Философическое письмо» после поражения восстания декабристов, в условиях, когда он не видел реальных сил и возможностей для коренного изменения положения в стране. В результате оно оказалось проникнуто безысходным пессимизмом и отчаянием, крайне отрицательными и несправедливыми оценками прошлого, настоящего и будущего России. Это сочеталось с перенесением острых социальных и политических вопросов в религиозно-нравственную плоскость, с апологией идеализма и католичества.

Запрещение журнала, в котором было опубликовано «Письмо» Чаадаева, репрессии в отношении редактора журнала и автора сказались на том, что семь последующих «Писем» Чаадаева, его «Апология сумасшедшего» и прокламация, написанная в связи с революцией 1848 г., были обнаружены и изданы только в советское время. А в них имеется ряд существенных моментов, свидетельствующих о значительной близости Чаадаева по ряду вопросов с передовой публицистикой 30—40-х годов XIX в.

В политических сочинениях и публицистике славянофилов резко критиковались крепостничество и самодержавный произвол. В 30—40-х годах XIX в. славянофилы выступали как одно из оппозиционных направлений, имеющих ряд точек соприкосновения с формирующейся революционной демократией. В то же время залог спасения России и ее будущее они видели в сохранении ее «самобытности», в объединении всех славян под властью православного русского царя, в сохранении патриархальной крестьянской общины и господствующей роли дворянства. На первый план они выдвигали идеалистическую философию, пронизанную догмами православия. Уделяя большое внимание изучению быта, творчества народа и его «духа», славянофилы считали, что главной чертой русского народа является его «самобытность» и особое место среди других народов, его верность православию и самодержавию, неприятие им идей революции и революционной борьбы. Подобные представления пронизывали сочинения И. С. Аксакова, «Девятнадцатый век» И. В. Киреевского, «О старом и новом», «Записки о всемирной истории» А. С. Хомякова, «Об основных началах русской истории» К. С. Аксакова. В канун и в период революционной ситуации и крестьянской реформы славянофилы стремительно эволюционировали в направлении официально-монархического лагеря и вели яростную борьбу с революционно-демократическими идеями, изданиями, организациями.

Среди политических сочинений либералов первой половины XIX в. видное место занимают сочинения, авторы которых исходи-

ли из необходимости осуществления ряда изменений в социально-экономическом и сословном строе страны, в его приспособлении к условиям кризиса крепостничества.

Работая с подобными произведениями, необходимо иметь в виду, какие черты и стороны самодержавно-крепостнического строя критикуют авторы, с каких позиций и в каких целях ведется эта критика, какие позитивные предложения они предлагают, к каким результатам могло привести осуществление их предложений. Для этого полезно сравнивать произведения разных авторов.

Так, сопоставление «Записки о правах Сената» Н. С. Мордвинова с «Запиской об устройстве судебных и правительственных учреждений» М. М. Сперанского позволяет выявить общие черты, характерные для либеральных политических сочинений, и одновременно увидеть, в чем Сперанский идет дальше и в чем сохраняется типичная для либералов непоследовательность и ограниченность их позитивной программы. Критика существующего законодательства и системы органов власти управления и суда у Сперанского более глубока и практические предложения более радикальны. Произведения Мордвинова и Сперанского вызвали острое недовольство дворянства и особенно служилой аристократии, а с другой стороны, породили у деятелей первого этапа революционного движения иллюзии о том, что Мордвинов и Сперанский являются наиболее подходящими кандидатами в состав правительства.

Насколько иллюзорны были эти представления, свидетельствует тот факт, что Сперанский и Мордвинов оказались в числе тех, кто судил декабристов. Недаром от составления проектов государственного устройства и новых принципов законодательства Сперанский перешел к кодификации существующего самодержавно-крепостнического законодательства.

Эти черты и особенности произведений либерального направления особенно ярко выступают в сопоставлении с публицистикой сугубо охранительного направления, типичным образцом которой является «Записка о древней и новой России» писателя и историка Н. М. Карамзина, поданная им Александру I в 1811 г. и прямо противостоящая проекту Сперанского.

Главным условием развития будущего России и ее славы Карамзин объявлял незыблемость самодержавия. Он утверждал, что «излишняя любовь Алсександра I к государственным преобразованиям», потрясающим основу империи, является единственной причиной недовольства русского народа. Решительно выступая против всяких намерений ограничить как-то или тем более «отнять у господ всю власть над крестьянами», Карамзин уверял, что «для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу». Он прямо угрожал Александру I, что тот «будет ответственовать богу, совести и потомству» за все зло, которое произойдет, если будет ограничена власть дворян над крестьянами и изменено положение последних. Карамзин поднимал на щит роль дворянства на всех этапах истории и

жизни страны, утверждал, что и сейчас дворянство остается «главным необходимым орудием, двигающим состав государственный», поэтому важнейшей задачей является «возвышение сана дворянства, коего блеск можно назвать отливом царского сияния».

§ 3. Программные документы революционных организаций

К концу XVIII в. критика крепостничества перерастает в возникновение революционной идеологии. Это явилось важной предпосылкой начала первого, дворянского этапа революционного движения. Уходящее своими корнями в антикрепостническую борьбу народа, оно на этом этапе еще не сливается с ней. «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа»¹, — писал В. И. Ленин, характеризуя первый этап революционного движения в России.

Возникновение революционных организаций обусловило появление их программных документов, характер и специфика которых определялись формой революционных организаций и их тактикой. Основная особенность программных документов революционных организаций первого этапа русского освободительного движения состоит в том, что они еще окончательно не сложились в особую разновидность документации, с определенными, строго обязательными элементами содержания и структуры формуляра. Функции программных документов выполняли весьма разнообразные по своему характеру и типу документы. Среди них были проекты конституций («Конституция» Н. Муравьева, «Русская Правда» П. Пестеля), проекты манифестов восставших, прокламации («Православный Катехизис» С. И. Муравьева-Апостола), документы, формулировавшие основные нравственные принципы членов революционных сообществ («Правила» и «Присяга» Общества соединенных славян) и др. Все они находились в теснейшей связи с политическими, научными, литературно-художественными произведениями деятелей революционного движения и вне их не могут быть правильно поняты и использованы.

В процессе источниковедческого анализа программных документов революционных организаций возникает много сложных вопросов, обусловленных наличием нескольких редакций документов, отсутствием их датировки, а иногда и авторства, неопределенностью указаний о структуре документов, их завершенности и т. д. Эти трудности усугубляются тем, что значительная часть материалов дошла в переформированном, разрозненном виде в составе вещественных доказательств следственных дел. Направления анализа и методики критики программных документов рассмотрим на примере «Конституции» Никиты Муравьева и «Русской Правды» П. И. Пестеля.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

«Конституция» Н. Муравьева дошла до нас в трех редакциях. Это не только показывает наличие внутри декабристского движения различных по степени радикальности течений и направлений, но требует решения вопроса, в каком направлении эволюционировали его участники.

«Конституция» Н. Муравьева предусматривала немедленную отмену «крепостного права и рабства», военных поселений, всех сословий и их сословных прав, привилегий, повинностей и ограничений, отмену «Табеля о рангах», лишение всех придворных избирательных прав и устранение их от политической жизни. «Конституцией» устанавливались равенство всех граждан перед законом, свобода вероисповеданий, слова, печати, собраний, передвижения. Высшим органом власти в стране должно было стать двухпалатное «Народное вече», а за императором сохранялась лишь исполнительная власть. Все это показывает, что, несмотря на присущую ей ограниченность, «Конституция» Н. Муравьева является программным документом революционных организаций первого, дворянского этапа революционного движения в России.

Однако «Конституция» Н. Муравьева не являлась программой всего Северного общества. Значительная часть его членов, игравших видную роль в событиях 14 декабря, стояла на несравненно более радикальных позициях.

«Русская Правда» Пестеля, напротив, может рассматриваться как программа всего Южного общества. Первая редакция «Русской Правды» относится к 1822—1823 гг., вторая — к 1824 г. Пестель успел завершить окончательную переработку текста введения и двух первых глав. Третья доведена до середины, а остальные остались в первоначальном виде с отдельными набросками для переработки. Источниковедческий анализ «Русской Правды» связан с огромными трудностями, поскольку необходимо определить, как, в каком направлении подлежали пересмотру те ее части, которые дошли до нас не в окончательной редакции, как их согласовать с теми статьями и главами, которым Пестель успел придать окончательный вид. А направление переработки достаточно убедительно показывает следующее. В первой редакции, предусматривая ликвидацию самодержавия крепостного права и сословий, Пестель в то же время предполагал осуществить освобождение крестьян постепенно, растягивая этот процесс на ряд лет и сохраняя переходный период с выполнением определенных повинностей и выплатой оброка, с тем чтобы освобождение крестьян не привело к уменьшению доходов помещиков. Сохранялись и отдельные сословные привилегии за той частью помещиков, которые «оказали Отечеству большие услуги».

Во второй редакции предусматривалось немедленное и безоговорочное уничтожение крепостного права. Дворянин, пытавшийся помешать этому, объявлялся «извергом» и подлежал немедленно аресту и строжайшему наказанию. Крестьяне должны были получить половину всей помещичьей земли. Сословия, все сословные

права и привилегии уничтожались и все граждане становились равными перед законом. В соответствии с этим ликвидировалась система сословных судов и сословная система комплектования армии. Самодержавие не только уничтожалось и заменялось республикой, о нем запрещалось даже упоминать. Во избежание опасности реставрации уничтожению подлежала вся царская фамилия. Однопалатный парламент избирался всеми гражданами, достигшими 20 лет, без всякого имущественного ценза. Другими словами, вторую редакцию «Русской Правды» отличало стремление наиболее последовательно, революционным путем решить все коренные проблемы, стоявшие перед страной.

Но, выяснив основные вопросы и их решение в «Русской Правде», направление окончательной переработки ее текста, не следует забывать о необходимости определения того, в чем продолжали выступать черты ограниченности, которые были характерны для дворянского этапа русского революционного движения и его программных документов. Укажем, например, что при всей радикальности в решении вопроса о крепостном праве и земле для крестьян Пестель не предусматривал полной ликвидации дворянского землевладения, что, предоставляя всем гражданам России равные права, он отрицал право нерусских народов на самостоятельное решение ими вопроса о своей судьбе.

Программные документы декабристов наглядно показывают, какой огромный шаг вперед сделали русская революционная общественно-политическая мысль и русское революционное движение по сравнению не только с просветителями XVIII в., со стихийными крестьянскими восстаниями, в том числе и с Крестьянской войной под предводительством Пугачева, но и с предтечей революционного движения — А. Н. Радищевым. Они свидетельствуют о все увеличивающемся водоразделе не только между революционными организациями, с одной стороны, и официальной Россией и идеологами откровенных крепостников — с другой, но и с представителями «дворянского либерализма».

Ознаменовавшиеся господством безудержной реакции и полицейского террора десятилетия после поражения восстания декабристов были временем, когда в стране не существовало устойчивых революционных организаций. Небольшие революционные кружки, возникавшие в это время, быстро выслеживались и раскрывались III Отделением. Не успел превратиться в тайное революционное общество с четкой программой и разгромленный царизмом кружок петрашевцев. Поэтому для характеристики позиций петрашевцев и их программы историки пользуются «Моими афоризмами», «Запасом общепользнего», «Проектом об освобождении крестьян» и другими произведениями М. В. Петрашевского, речами, статьями, набросками Н. А. Спешнева, Н. А. Момбели, «Карманным словарем иностранных слов», в создании которого участвовали петрашевцы и который отразил идеологию и позицию складывающегося нового революционного общества в России.

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ

Комплекс экономико-географических материалов XVIII — первой половины XIX в. представляет довольно пеструю по характеру и структуре группу исторических источников. Их объединяют не столько общность происхождения и единые принципы построения, сколько общность тематики.

Новые условия социально-экономического развития России, наиболее четко отразившиеся в формировании с середины XVIII столетия капиталистического уклада, в росте торговли и промышленности, определили внимание правительственных кругов и общественности к изучению хозяйственной жизни страны и ее природно-экономических ресурсов. Возникают ростки так называемого государственоведения — одной из ранних форм статистики. Указанное обстоятельство лежит в основе появления ряда обширных групп исторических источников, донесших до нас важные сведения о географии России XVIII — начала XIX в., ее климатических условиях, о развитии ремесел, торговли, промышленности, сельского хозяйства и т. п.

Обширная документация, сохранившая эти сведения, создавалась путем проведения в жизнь различных мероприятий, обусловивших разнообразие как структуры документации этого рода, так и ее конкретного содержания. Неравнозначность качества экономико-географических описаний, различия в принципах и масштабах описаний, в хронологии делают проблему классификации и группировки такого рода материалов чрезвычайно трудновыполнимой.

Анкетные обследования. В первую группу источников названной тематики могут быть условно включены материалы анкетных обследований, предпринимавшихся в 60—80-х годах XVIII в. По степени детализации опроса, по охвату территории они ни в коей мере не могут быть сравниваемы со статистическими обследованиями XIX в. И все-таки они заслуживают внимания как материал, дающий возможность судить о наиболее существенных штрихах экономико-географического развития многих районов Европейской России.

Анкетные обследования в России ввел М. В. Ломоносов. В 1759 г. он составил примерный вопросник по городам России. В нем были выделены такие моменты, как местонахождение города, система его укреплений, численность населения округа, количество домов, периодичность ярмарок и размер их оборота, степень развития судоходства, торговые связи, ассортимент культивируемых сельскохозяйственных растений, характер развития промыслов, перечень «фабрик», «заводов» и т. д.

На основе ломоносовского вопросника в 1760 г. Академией наук была разослана по городам России новая анкета. В том же году

Шляхетский корпус разослал анкету, разработанную Г. Ф. Миллером. Вопросы этой анкеты требовали более подробных и обстоятельных ответов.

Анкеты получили частичный отклик: академическая анкета получила 122 ответа, а шляхетская — 129. Более чем 100 городов на них не ответило. Материалы этих ответов носят пестрый характер. В одних случаях воеводские канцелярии поручали ответы какому-либо регистратору, в других они собирали сведения от местных жителей. Кроме того, одни из них давали общую сводную характеристику, скажем, земледелия в уезде, а другие сообщали эти сведения на примере одной-двух деревень. Подобная разница в характере ответов сильно затрудняет возможности создания обобщенной картины. В анкетах почти отсутствует конкретный цифровой материал, так как стиль ответов носил описательный характер. Правда, встречаются отдельные ответы, насыщенные точными цифровыми данными.

Более интересна и квалифицированная программа анкеты Вольного экономического общества, разосланная в 1765 г. В ней 65 вопросов, посвященных главным образом сельскому хозяйству и отчасти развитию промыслов и промышленности. Анкета требовала точных фактических справок, чем обеспечивала минимум единообразия ответов. Таким образом, была создана важная предпосылка для обобщения этих материалов. К сожалению, сохранность ответов по этой анкете незначительна (всего по 30 провинциям).

Широкую известность приобрела в литературе так называемая сенатская анкета о причинах повышения цен на хлеб, разосланная в 1767 г. Анкета имела 14 пунктов, касающихся как общеэкономических, так и конкретных причин вздорожания хлеба.

Среди материалов анкетных обследований необходимо выделить особую группу анкет, специфику которой составляет довольно узкая направленность опроса. Такой материал часто сливается с ведомственной отчетностью, поскольку фактические данные ответов на эти анкеты обобщались в виде ведомостей. К ним можно отнести, в частности, обобщенные сведения по купечеству в ведомости Главного магистрата от 1761 г., отчетные ведомости Мануфактур-коллегии за 1761—1763 гг., составленные на основе ответов на анкету «Комиссии о коммерции», а также ведомости о заводах Берг-коллегии, составленные по запросу «Комиссии о коммерции» в 1769 г. Наконец, ведомость 1769 г. по 212 городам России также обязана своим происхождением анкетному запросу «Комиссии о коммерции». Богатый материал был собран в 1780—1781 гг. в ответ на запрос Сената о ярмарках, а в 1786—1787 гг. — в ответ на запросы «Комиссии о хлебе» и т. д. В основном это были данные, прошедшие сквозь «сито» бюрократических инстанций, вследствие чего целесообразно их сопоставление со сведениями, собранными нижними земскими судами, исправниками, городничими. Особенно осторожно следует обращаться с данными о посеве и урожае, ибо методика сбора этих сведений была совсем не разработана. При всей важности анкетные обследования и запросы

60—80-х годов XVIII в. были отражением работы слишком слабо отлаженного «механизма» программирования и сбора сведений. Резким контрастом по отношению к ним являются материалы, связанные с так называемым Генеральным межеванием.

«Экономические примечания» XVIII—XIX вв. Размежевание земель, предпринятое правительством Екатерины II, помимо главной задачи упорядочения границ земельных владений имело своей целью создание обширного «камерального» экономико-финансового описания страны. Это описание имело единую программу, включавшую в себя обширную группу вопросов, дать ответ на которые землемеры могли не только на основе проведенных землемерных работ, но и в итоге анкетного обследования того или иного селения или группы селений (так называемых «дач»). Впервые круг вопросов, подлежащих освещению в ходе создания экономико-географического описания (получившего название «Экономические примечания» к планам Генерального межевания), был определен в 1765 г. в «Наставлении землемерам». Это были сведения: о реках, их судоходстве, перевозимых товарах; о почвах того или иного селения; фауне и флоре; о форме эксплуатации крестьян того или иного селения; о крестьянских промыслах; о существующих в данной местности «фабриках», «заводах», мельницах; наконец, о торгах или ярмарках. В специальных графах давались цифры о населении каждой из «дач» (по последней ревизии и на момент межевания), количестве пашни, сенокоса, леса, усадебных угодий и т. п. Краткая характеристика давалась и на каждый уездный город. «Экономические примечания» излагали эти сведения в сжатых и однотипных формулировках, следуемых в определенном порядке. Такая «стандартизация» служит благоприятной основой для различного рода статистических обобщений.

В 1782 г. программа «Экономических примечаний» была расширена за счет детализации названных выше вопросов. С этого момента межевые землемеры стали выпускать два варианта «Экономических примечаний»: по старой программе («Краткие примечания») и по новой программе («Полные примечания»). Краткий вариант был составлен почти на всю европейскую часть России. Этот хорошо сохранившийся комплекс источников может служить основой для многих важных обобщающих наблюдений (обеспеченность пашней и другими угодьями, специфика в распространении форм феодальной эксплуатации и др.). «Полные экономические примечания» были приложением к генеральным планам. Несмотря на то что «Полные примечания» уцелели всего лишь по нескольким десяткам уездов, они сохранили ценнейший, а подчас уникальный материал по размерам барщины и оброка, по географии крестьянских промыслов и т. п. Причем эти сведения даются в едином комплексе важнейших статистических сведений о населении, количестве и качестве сельскохозяйственных угодий. Это обстоятельство делает «Полные экономические примечания» одним из важнейших источников по социально-экономической истории России второй половины XVIII в.

В 90-х годах XVIII в. было положено начало созданию новой большой группы «Экономических примечаний», именуемых иногда «павловскими». Их появление связано с изменениями в административном делении России. Эта группа примечаний является сложным компилятивным источником, дающим сведения за XVIII в., а также за всю первую треть XIX в.

Наконец, в конце 40-х — начале 60-х годов XIX в. была создана еще одна группа «Экономических примечаний». Своим появлением она обязана так называемому межеванию Менде. Межевание, руководимое генерал-майором Менде, должно было повторить весь комплекс работ Генерального межевания на более высоком техническом и научном уровне. Однако геодезические работы охватили лишь восемь центральных губерний. По ним были составлены губернские и уездные карты и приложения к ним в виде межевых ведомостей и «Экономических примечаний». Структура «Экономических примечаний» середины XIX в. целиком соответствует прежним, а по характеристике торгово-промышленных занятий они значительно полнее.

Топографические описания. Третья группа источников представлена топографическими описаниями. Этот источник свидетельствует о том, что был сделан следующий шаг правительства России по изучению народнохозяйственных ресурсов страны. Топографические описания характеризуют более глубокое порайонное изучение экономики и природных богатств России.

Организация программы топографических описаний не была столь четкой, как, скажем, при создании «Экономических примечаний», ввиду того что за подготовку их взялись в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII в. одновременно и Сенат, и Кабинет императрицы, и Академия наук. В ходу было, видимо, несколько программ, и это в значительной мере объясняет разноречивость в структуре и объеме сведений самих описаний.

Если «Экономические примечания» создавались в рамках единого ведомства межевыми землемерами с помощью анкетных опросов населения (составление так называемых сказок к «Экономическому примечанию»), то топографические описания составлялись «комбинированным» способом. Канцелярия губернатора посылала запросы в ряд местных учреждений, а затем терпеливо добивалась ответов. Пример процедуры составления описаний по Симбирску, Вятке и другим городам показывает, что в основу топографических описаний положены сведения местных губернских и уездных учреждений, добытые путем канцелярских запросов.

В массе топографических описаний второй половины XVIII в. может быть выделена группа описаний, характерной особенностью которой является наибольшее единообразие программы. Каждое топографическое описание этой группы состоит из трех частей.

В первой дается общее описание губернии (ее размеры, природные условия, население, города, уезды, реки, пути сообщения и т. п.).

Вторую часть составляет описание уездных городов. Много места уделено топографии города, характеристике рельефа окружающей местности, истории этих городов, описанию достопримечательностей города (здания, монастыри, церкви, городские укрепления, казенные присутственные места, училища, больницы). Наиболее важны те разделы описания, где освещается численность населения города и его занятия. Программа топографических описаний требовала точных ответов на циклы вопросов. Однозначно ответить на них было трудно, поэтому степень подробности ответов была разной. Вследствие этого в одних описаниях, например, предметы городской торговли составляют длинные перечни, а в других даются в самой общей форме.

В третьей части описания характеризовался уезд. Приводилось много общих сведений о природно-географических условиях. К числу важнейших относится цикл вопросов о земледелии: «...какой хлеб по большей части пашут, т. е. плугами или сохой, волами или лошадьми и как, чем землю удобряют, т. е. навозом или другим чем, по сколько раз пашут и боронят, в какое время начинают пахать и сеять». Даже минимальное выполнение требований такого комплекса вопросов давало материал для важных и широких обобщений. Столь же тщательно был подобран и цикл вопросов по торгово-промышленному развитию уезда.

Степень подробности освещения вопросов в различных описаниях была неодинаковой. В большинстве случаев господствовал описательный метод с употреблением неопределенных критериев типа «мало», «много» и т. п. Тем не менее топографическим описаниям в целом свойствен обстоятельный и всесторонний обзор важнейших черт экономического развития того или иного района.

Наряду с материалом, который отвечает задаче изучения экономики и ресурсов страны, топографические описания иногда носят и чисто научный характер. Видимо, под влиянием «запросных пунктов» Академии наук программа описаний обнаруживала интерес к местной истории, достопримечательностям, особенностям нравов, обычаев и быта населения (к специфичности его одежды, утвари, поверий и обрядов и т. д.).

Помимо большой группы описаний, в основе которых лежала единая программа, в архивах сохранились и другие типы топографических описаний. Следует упомянуть обстоятельнейшие описания, созданные знатоками-краеведами. Лучшие среди них — это описания Оренбургской губернии П. Рычкова (1762 г.), Черниговского наместничества Аф. Шафонского (1786 г.), Тульской губернии Вас. Левитина (1803 г.), Пермской губернии Н. Попова (1801 г.). Такого рода деятельность энтузиастов-краеведов (а среди них были люди разных положений) отражает усиленное внимание к проблемам изучения экономики и природных ресурсов страны.

Во второй половине XVIII в. топографические описания были довольно популярным методом изучения хозяйственных и финансовых проблем. На многие губернии Европейской России они составлялись неоднократно. Более или менее сложившийся тип то-

пографического описания в начале XIX столетия претерпевает известную эволюцию.

Военно-топографические описания разных типов составлялись на протяжении первой половины XIX в. В 1808 и 1818 гг. были созданы своего рода дорожники. Главным объектом в них было описание состояния дорог, рельефа и характера местности, по которой они проходят, фиксирование всех мостов с описанием их высоты и ширины, указанием на строительный материал, степень износа, на их состояние в момент весеннего разлива и т. п. В таких описаниях давалась характеристика всей сети почтовых и торговых дорог в каждой губернии и в каждом уезде с указанием расстояний между населенными пунктами. Некоторые описания сделаны настолько мастерски, что, читая их, можно мысленно проехать по многим дорогам Европейской России начала XIX в. Комплекс таких описаний может служить ценнейшим справочником при работе над различными проблемами, начиная с вопросов истории торговли и кончая исследованиями историко-биографического характера. Подобные описания — важнейший источник и по изучению изменений рельефа, лесистости и другим вопросам исторической географии.

В 1817—1823 гг. квартирмейстерами русской армии была предпринята попытка создания более обстоятельных военно-топографических описаний. В них помимо маршрутных описаний и схем квартирования армейских частей немалое внимание уделялось систематическому описанию экономики того или иного края (губернии). Такого рода описания назывались «Военно-топографо-статистическими описаниями». Каждое из них имело три раздела. В первом давалась общая географическая характеристика территории губернии. Второй раздел содержал статистические сведения о населении губернии, наличии у него тягловой рабочей силы (лошадей) и рогатого скота, поуездные ведомости о посеве и урожае за один-два года, цифровые сводки о «фабриках» и «заводах», о промыслах. Этот раздел заключался описанием ярмарок, еженедельных торгов и краткой характеристикой уездных городов и крупнейших сел той или иной губернии. В третьем, основном по объему разделе давалась характеристика маршрутов (дорожной сети) и гидросистемы губернии.

В основе сведений лежал материал, собранный в местных учреждениях губернии. Синхронность статистических материалов в таких описаниях варьируется в пределах четырех-пяти лет, и подобные материалы могут быть использованы далеко не во всех случаях.

В середине XIX в. создается наиболее крупная серия военно-топографических описаний. Речь идет о 18-томном издании «Военно-статистического описания губерний и областей Российской империи», подготовленном Генеральным штабом и выходившем в 1848—1863 гг. Это издание явилось фундаментальным как по охвату сюжетов, так и по глубине и подробности их описания. Структурно каждый том состоит из шести отделов: общие сведе-

ния о губернии; сведения о жителях губернии; характеристика промышленности, сельского хозяйства и торговли; очерк об образовании; военно-топографический раздел; характеристика уездных городов. Наибольшего объема достигают первые три раздела.

Характерной чертой этого труда было стремление дать не просто комплекс каких-то фактических сведений, а представление о сути описываемых явлений. Так, в описаниях крестьянских промыслов наряду с фактическими данными часто даются ценнейшие сведения о технологии того или иного промысла и экономические расчеты.

Первичный материал для такого рода описаний был очень большим. Достаточно отметить, что сведения о сборе хлебов и урожайности даются в военно-статистических описаниях по так называемой десятилетней сложности.

Техника заготовки первичного материала была традиционной, т. е. основные статистические данные шли из канцелярии гражданского губернатора. Наконец, важно отметить, что изданные экземпляры описаний этой серии значительно сокращены по сравнению с подлинниками, большей частью хранящимися в Центральном государственном военно-историческом архиве.

Хозяйственные и статистические описания. Топографические описания положили начало эволюции и другой группы описаний, в центре внимания которой находится экономика края, губернии или области.

В 1790 г. Вольное экономическое общество утвердило примерную программу описания, состоящую из шести разделов, где первые два посвящены географическому описанию, третий характеризует сельское население, четвертый — города, пятый — сельское хозяйство и промыслы, шестой — вопросы торговли.

Описания, в основу которых была положена программа Вольного экономического общества, были созданы по многим губерниям (Московской, Тульской, Ярославской, Саратовской, Воронежской, Астраханской, Пермской, Волынской, Кавказской и др.). Часть из них была опубликована. Однако как изданные, так и неизданные описания не отличаются тем единообразием программы, которое свойственно военно-топографическим описаниям.

С конца XVIII в. начинают предприниматься попытки описания страны в целом. Здесь мы сталкиваемся с так называемым государствоведением — одним из ранних направлений в развитии статистики. Представители этого направления считали предметом статистики само государство, точнее, «достопримечательности» государства, влияющие на его благосостояние. В их числе было население страны, ее природно-климатические условия, ресурсы, государственный строй и управление, экономика.

К представителям государствоведения можно отнести И. К. Кириллова, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и др. В 1790 г. появляется крупнейшая работа по русскому государствоведению «Статистическое описание России» И. Ф. Германа, а в 1797 — 1803 гг. — «Историко-статистическая картина Российского государства в

конце XVIII столетия» А. К. Шторха. Оба труда насыщены богатым цифровым материалом по экономике России конца XVIII в. В 1815 г. выходит еще одна важная работа государственведческого характера — «Статистические описания Российской империи... с обозрением Европы» Е. Зябловского. В 1818—1819 гг. появляются труды крупных теоретиков государственведения: К. Ф. Германа — «Статистические исследования относительно Российской империи» и К. И. Арсеньева — «Начертание статистики Российского государства».

Все эти работы продолжают и развивают комплексность описания, намеченного еще топографическими описаниями XVIII в., хотя сферы описания сильно расширяются. Вместе с тем эти труды не имели собственно статистического характера, ибо в основе их лежало описание, оснащенное цифровым материалом.

Производной этого направления служат многочисленные локальные «статистические описания». Создание такого рода описаний чаще всего обуславливалось личной инициативой какого-либо энтузиаста. Поэтому опубликованные в первой половине XIX в. статистические описания не имели в своей основе единой программы, хотя точек соприкосновения в них довольно много. Из ряда этих изданий следует упомянуть наиболее интересные. Прежде всего это «Опыт описания Вологодской губернии» известного статистика Н. П. Фортунатова (1833 г.), хотя официально этот труд подписан Н. Брусиловым. В 1839 г. вышло «Статистическое описание Саратовской губернии» А. Леопольдова. Выдающееся значение имеет обширное трехтомное «Статистическое описание Киевской губернии» Д. П. Журавского (1852 г.), а также трехтомное «Статистическое обозрение Сибири» Ю. А. Гагемейстера (1854 г.).

«Путешественные записки» российских ученых. Видное место среди экономико-географических описаний занимают записки российских путешественников. Автором наиболее ранних из них является Степан Петрович Крашенинников — участник второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.), составивший обширный труд «Описание Камчатки».

Основная группа записок была создана в конце 60-х — начале 70-х годов XVIII столетия. Авторами их были участники экспедиций, организованных Академией наук для изучения производительных сил страны. В частности, в 1768—1774 гг. были организованы крупнейшие из них: Оренбургская и Астраханская экспедиции. Последнюю возглавляли А. И. Гильденштедт и С. Г. Гмелин, а тремя отрядами Оренбургской экспедиции руководили П. С. Паллас, И. П. Фальк и И. И. Лепехин. Многолетние работы обеих экспедиций послужили обширным материалом для создания их участниками серии интереснейших «путешественных записок».

Среди них видное место занимают «Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъютанта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», «Путешествие по разным провинциям Российской империи» П. С. Пал-

ласа, «Записки путешествия академика Фалька», подготовленные И. Г. Георги, «Путешествие по России для исследования трех царств природы» С. Г. Гмелина, «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российской империи 1769 и 1770 гг.».

По объектам и характеру наблюдений записки путешественников отличаются большим разнообразием. В них можно найти беглые, но при этом очень ценные заметки о состоянии сельского хозяйства, качестве почв, приемах обработки пашни, описание некоторых сельскохозяйственных орудий. Вместе с тем в записках содержатся подробные описания технологий некоторых видов ремесленного производства. В записках Палласа, Фалька приводятся сведения об уральских металлургических заводах, о сибирских металлургических промыслах (например, о кузнецких руднях). Почти все путешественники подробно описывают знаменитые рыболовецкие промыслы астраханских жителей и яицких казаков.

Путешественники оставили свои впечатления о городах России, ее наиболее интересных селах, отдельных народностях.

Из более поздних путешествий важно отметить оригинальные маршруты 1785 г. Н. Я. Озерецковского по озерам северо-запада России (Ладожское, Онежское, Ильмень, Селигер), а также путешествия Василия Зуева по югу России и в Крым в начале 80-х годов XVIII в. В. Зуев был одним из первых вдумчивых наблюдателей вновь осваиваемых территорий Причерноморья и Крыма, поэтому его материалы особенно ценны как исторический источник.

Наконец, в 90-х годах XVIII в. было создано описание еще одного интереснейшего путешествия. Речь идет о «Дневнике путешествия по Северу России в 1791 г.» П. И. Челищева. Его записки отличаются от ученых «путешествий» большим вниманием к вопросам экономики. Несмотря на сухой, сжатый стиль изложения, дневник Челищева богат данными о быте и истории населения Олонецкой, Вологодской, Архангельской и Новгородской губерний России.

По более позднему периоду «путешественные записки» становятся отнюдь не редким источником. Наиболее интересны среди них описания Средней Азии, Кавказа, полярных районов Сибири и т. д. Подводя итог, следует подчеркнуть, что «путешественные записки» могут дать такие детали, штрихи и наблюдения, каких нет ни в ведомственной отчетности, ни в вотчинной переписке, ни во многих других разновидностях исторических источников.

Географические словари. К экономико-географическим описаниям относится и группа географических словарей второй половины XVIII в. Правда, собственно географическими их назвать еще трудно, так как это были типично государствоведческие обозрения России на тот или иной период.

Тематическая направленность таких сочинений видна из заглавия первого неоконченного словаря, созданного В. Н. Татищевым: «Лексикон Российской исторический, географический, политический и гражданский». В основе этого труда лежат краткие

описания губерний, провинций, уездов, городов, рек, озер и т. п. Значительное место занимает характеристика торговли, промышленности. В то же время точные цифровые характеристики у В. Н. Татищева редки. Наряду с разнообразным литературным материалом автор включил в «Лексикон» массу личных наблюдений.

Первым законченным изданием географического словаря явилась публикация в Москве в 1773 г. «Лексикона» верейского воеводы Ф. Полунина, подготовленная Г. Ф. Миллером. Основной его недостаток — случайность в подборе материала для словника. В связи с этим «Лексикон» Полунина довольно быстро устарел, а на смену ему в 1788—1789 гг. вышел словарь Л. М. Максимовича, изданный Н. И. Новиковым. Словник нового словаря значительно обширнее, а объем пятикратно превышает объем Полунинского. Максимович учел и использовал данные некоторых топографических описаний, материалы «ученых путешествий». В словарь Максимовича вошел почти весь материал Полунина, что сказалось на хронологическом разномое его фактических данных.

Немалая популярность изданий такого типа вызвала появление в 1796 г. нового словаря И. А. Гейма («Опыт полной географикотопографической энциклопедии Российского государства в алфавитном порядке»). Словарь Гейма самостоятельного значения не имел. По существу, это был улучшенный словарь Максимовича.

В 1801—1809 гг. в издании Московского университета в семи томах выходит фундаментальный словарь Афанасия Щекатова, озаглавленный «Словарь географический государства Российского». Этот труд аккумулировал гигантский по тому времени объем информационного материала и оставил далеко позади все то, что до тех пор было издано в России. Даже современный исследователь находит в нем немало интересных сведений. История, география, сельское хозяйство, промышленность, торговля, этнографические материалы — таков диапазон тематики тысяч статей и заметок словаря Щекатова. Основной костяк словника составляют статьи обо всех российских губерниях, уездах, их городах. Фактические данные статей опираются на топографические описания, хотя и не всегда самые новейшие. Щекатов привлек ряд неопубликованных описаний (например, по Тверской губернии), а самое важное заключается в том, что ряд материалов был собран специально для словаря.

В силу огромного объема фактического материала издателям не хватало ни сил, ни времени на его редактирование и обработку (многое почти дословно было списано из словарей Ф. Полунина, Л. Максимовича, из различных «Путешественных записок», из этнографического обзора России И. Георги и т. д.). При этом нередко искажения и опiski, существенно изменяющие содержание статей. Например, ряд цифровых материалов о количестве населения российских городов был взят Щекатовым у Максимовича с припиской «по последней ревизии». Но у Максимовича она означала третью ревизию, а в тексте Щекатова воспринимается как

четвертая и даже пятая ревизия. Ряд южноукраинских городов (Никополь, Крюков, Елисаветград и др.) охарактеризован материалами по одноименным уездам, взятым из путешествия В. Зуева. Слабо представлена Прибалтика, Украина и Белоруссия.

Таким образом, географические словари второй половины XVIII — начала XIX в. являются сложным и компилятивным источником.

В XVIII — первой половине XIX в. под сенью господствующего государственведческого направления в статистике стали появляться и источники собственно статистические. В первую очередь к ним следует отнести демографическую статистику.

Материалы ревизий. Основным источником для изучения динамики народонаселения являются материалы ревизий. С 1719 по 1857 г. в России было проведено 10 ревизских описаний, учитывающих податное население, подлежащее подушному обложению и воинской повинности. Ряд ревизий фиксировал и неподатное население. Поскольку ревизии растягивались на несколько лет, исследователи выделяют «основной год» каждой ревизии, т. е. год, когда была учтена наибольшая масса населения. Так, основным годом первой ревизии считается 1719 год, второй — 1744 год, третьей — 1762—1763 годы, четвертой — 1782 год, пятой — 1795 год, шестой — 1811 год, седьмой — 1815 год, восьмой — 1833 год, девятой — 1850 год и десятой — 1857 год. Точность ревизского учета была различной, так как в ходе ревизии немалый процент населения ускользал от учета. Поэтому ряд лет непосредственно после ревизии уходил на выявление неучтенных, так называемых «прописных» и беглых душ. Так, например, по окончании первой ревизии было учтено около 4800 тыс. душ мужского пола, а выявление «прописных» душ на 1727 г. дало цифру податного населения около 5700 тыс. душ мужского пола. Такое огромное количество «прописных» и беглых душ (около 19%) объясняется несовершенством техники проведения первой ревизии. Обычно процент «прописных» и утаенных душ колебался от 1,6 до 1,8%, хотя отдельные ревизии резко завышают этот процент (третья ревизия — до 7%, а седьмая ревизия — до 5%). Практика проведения ревизского учета сложилась так, что розыски беглых и «прописных» душ проводились вплоть до начала следующей ревизии. В связи с этим важно подчеркнуть, что наиболее точные данные по ревизии приходятся не на год окончания этой ревизии, а на год, предшествующий следующей, очередной ревизии. Например, седьмая ревизия окончилась в 1817 г., но проверка данных длилась вплоть до 1835 г. и наиболее точные данные по учету населения этой ревизии приходятся на 1835 г.

Первичным материалом ревизий служила ревизская сказка, составлявшаяся на отдельное лицо или семью. В ходе ревизии появлялись сводные ревизские сказки на отдельные селения, волости и т. п. Форма ревизских сказок по двум первым ревизиям была наиболее сложной, к тому же в процессе ревизии она обрасталала дополнениями. С третьей ревизии вводится более простая

форма сказки, просуществовавшая до седьмой ревизии, когда формуляр сказки подвергся дальнейшему упрощению. С этого момента сказка содержит название (год, месяц, число подачи, губерния, уезд, село, владелец крепостного населения, если сказка дана по помещицкому селу), графу с номером семьи, цифры состава семьи «по последней ревизии», число и состав «выбывших» и «прибывших» лиц, временно отсутствовавших, и итоговые данные «ныне налицо». В заключение стоят подписи ответственных лиц. Сказка содержит сведения о сословной принадлежности, национальности, размере податных платежей и т. п.

Сведения ревизских сказок обобщались в сводной документации ревизии, состоящей из перечневых ведомостей, генеральных табелей и окладных книг.

Перечневые ведомости — это первый этап обобщения данных ревизских сказок в масштабах уезда, провинции и губернии. На этом этапе сводные данные содержат материал и о мужском, и о женском населении (кроме первых двух и четвертой ревизий). Перечневые ведомости дают сопоставление данных текущей ревизии с окончательным проверенным итогом предыдущей ревизии. Можно выделить два типа ведомостей: составляемые в ходе ревизии и составляемые ежегодно (с 80-х годов XVIII в.). Перечневые ведомости за годы ревизии содержат сведения о численности, половом составе населения и его сословной принадлежности. С 1830 г. они включают не только податное, но и неподатное население уезда или губернии. В ведомостях этого типа систематически проводится сопоставление данных текущей ревизии с окончательными итогами предыдущей. В ведомостях второго типа, составляемых ежегодно казенными палатами, такого сопоставления нет. Вместе с тем они дают сведения об изменениях населения на каждый год, за счет его перемещений, и, наконец, о частичных переходах из сословия в сословие.

Второй тип сводных материалов — генеральные табели составлялись лишь в годы ревизий, сообщая данные на момент полного окончания ревизии. Сведений о прописных и утаенных душах в табелях нет. В остальном они сходны с перечневыми ведомостями.

Наконец, третий тип сводных материалов — общероссийские окладные книги — стал составляться, вероятно, с четвертой ревизии. В них нет сведений о женском населении, так как документация предназначалась для расчета податных сборов. Нет в них и сопоставлений с данными предыдущей ревизии. С 80-х годов XVIII в. окладные книги составлялись ежегодно на основе сведений перечневых ведомостей, фиксируя изменения численности населения по годам за счет переселений. С 1827 г. эти данные выделены в особые таблицы. В целом ежегодно окладные книги оперировали данными о населении по одной и той же ревизии. Уточнения вносились лишь за счет выявленных «прописных» или утаенных душ.

Наряду с обычными ежегодными окладными книгами (иногда их называют первичными) необходимо упомянуть о сводных окладных книгах, где объединены данные за ряд лет. Окладные книги — важный источник изучения демографических процессов.

Уточнение и проверку ревизских данных, особенно по неподатным сословиям, можно осуществлять используя материалы церковного и административно-полицейского учета населения. Речь идет, в частности, о текущих записях духовенства в метрических книгах и ежегодных клировых ведомостях, которые могут дополнить и уточнить данные ревизских сказок. Что касается форм административно-полицейского учета населения, то они напоминают основные типы ревизской документации.

Ведомости фабрик и заводов. Второй обширной группой источников статистического характера является комплекс документальных материалов, известный под названием «ведомости фабрик и заводов». Ведомости представляют собой форму отчетности владельцев предприятий и служат наиболее массовым, а часто и единственным источником по истории развития промышленности в России XVIII—XIX вв.

Правительство неоднократно меняло формуляр «ведомостей фабрик и заводов». Основной состав его утвердился примерно в 60—70-х годах XVIII в. В этот период ведомости приобретают табличную форму, в них расширяется характеристика производственной мощи предприятия, более стабильной становится форма показателей рабочей силы и ее характера (вольнонаемный и крепостной труд).

В первой половине XIX в. формуляр ведомостей подвергался частичным изменениям. Так, в 1804 г. были исключены данные о «капитале», в частности о стоимости готовых и проданных изделий. Этот показатель вновь появляется с 1834 г., когда формуляр был окончательно утвержден и приобрел наиболее жесткую стабильную однотипность, столь важную для последующей статистической обработки показателей.

Первичные материалы ведомостей с мест в 30—40-х годах XVIII в. посылались через экспедицию фабрик и мануфактур Коммерц-коллегии и Генерал-Берг-директориум, а впоследствии — через Мануфактур- и Берг-коллегию в Сенат. С 1766 г. ведомости сосредоточивались в Комиссии о коммерции. В 1775 г. вместо полугодовых ведомостей была предписана подача годовичных ведомостей, однако в связи с ликвидацией Мануфактур-коллегии этого сделать не удалось. Лишь с 1804 г. окончательно утверждается годовая ведомость.

В связи с организацией министерств с 1804 г. была упорядочена процедура сбора ведомостей. От владельцев предприятий через городскую или уездную полицию «ведомости фабрик и заводов» в двух экземплярах попадали в канцелярию губернатора. Отсюда один экземпляр передавался в Министерство внутренних дел (с 1819 г. в Министерство финансов).

«Ведомости фабрик и заводов», будучи основным источником по истории промышленности, были положены в основу многих разновидностей статистических сводок по промышленности как в XVIII, так и в XIX в. В частности, опубликованные материалы фабрично-заводской статистики первой половины XIX в. опираются исключительно на «ведомости фабрик и заводов». Вследствие этого проверка достоверности ведомостей дело трудное и часто невыполнимое, ибо отсутствуют какие-либо параллельные источники, сведения которых были столь же первичны, как сведения ведомостей. Частичные проверки материала ведомостей по обрабатывающей промышленности могут быть предприняты путем использования так называемых отчетов губернских механиков, а также по выставочным свидетельствам участников российских промышленных выставок за отдельные годы и по отдельным предприятиям.

В «ведомостях фабрик и заводов» содержатся данные не только по крупной мануфактурной промышленности, но и по мелкому кустарно-ремесленному производству. Отделить мелкую промышленность от крупной на основании ведомостей весьма сложно. Наконец, несколько слов о сохранности огромного комплекса материалов «ведомостей фабрик и заводов». Полного комплекта ведомостей (по всем предприятиям и за все годы) не существует. Причиной тому (помимо плохой сохранности документов) — нерегулярная подача ведомостей владельцами предприятий. Как правило, ведомости фабрик и заводов по любому району и за любой период времени сохранились фрагментарно.

Губернаторские отчеты. К числу важнейших типов статистических источников относятся губернаторские отчеты. В отличие от промышленной или демографической статистики губернаторские отчеты представляют многоплановый источник — это типичный образец административной статистики, еще не порвавшей с государствоведением. Поэтому в отчетах можно встретить разнообразнейшие сведения и по истории демографических процессов, и по истории промышленности, и по истории эпизоотий и эпидемий, и по истории сельского хозяйства, промыслов и т. д.

«Всеподданнейшие отчеты» губернаторов стали подаваться на имя императорской особы еще со времен Екатерины II. Однако в XVIII в. эта практика была нерегулярной, поэтому отчеты как источник особенно ценны для первой половины XIX в.

Губернаторские отчеты состоят из двух частей — собственно отчета (как разновидности делопроизводственной документации) и приложений к нему. Сам отчет является заурядным канцелярским сочинением, на характере которого иногда сказывается личность губернатора. Вступивший на пост губернатор был склонен подчеркивать темные стороны жизни вверенного ему края, губернаторы со стажем вносили в отчет больше оптимистических ноток.

Структура отчетов со временем менялась. С 1804 г. губернаторский отчет имел три раздела — административный, хозяйственный и общий. С 1828 г. сведения разносили по четырем разделам: по департаменту полиции исполнительной; по хозяйственному депар-

таменту; по департаменту государственного хозяйства; по медицинской части. В 1837 г. отчет вновь вернулся к трехчленному делению: судебно-полицейская часть и здравоохранение; хозяйственная часть; общие замечания. В 1853 г. форму отчета вновь перекроили.

Приложение к губернаторскому отчету представляет основной интерес. В приложении содержатся статистические таблицы по всем разделам отчета, включающие огромный цифровой материал, характеризующий развитие основных отраслей экономики губернии. Число таких таблиц довольно велико. Подобные данные имеются за каждый год — с 1802 по 1917 г. Тематика статистических таблиц была самой разнообразной. В 40—50-х годах XIX в. в губернаторском отчете насчитывалось по 20—27 ведомостей, среди которых важнейшими были ведомости о населении, посевах и урожае, численности скота, фабриках и заводах, судоходстве, ярмарочных оборотах, торговых ценах на важнейшие товары, числе войск, падеже скота, рекрутских наборах и т. д.

Губернаторские отчеты были частью административной статистики Министерства внутренних дел. Сбор данных шел через полицейские инстанции (исправник, становой пристав, волостное правление), казенные учреждения и через предводителей дворянства. Довольно примитивная обработка их производилась в канцелярии губернатора. С 1835 г. для более успешной обработки статистических данных были созданы губернские статистические комитеты. И тем не менее неточностей по-прежнему было много, ибо была не устранена основная причина — спешка в подготовке отчета (он сдавался к 1 марта каждого следующего года). Естественно, за столь короткий срок собрать исходный материал от 76 учреждений губернии и обработать его царским чиновникам было не под силу.

Тем не менее губернаторские отчеты являются ценнейшим источником, так как позволяют выявить основные черты и тенденции развития применительно к длительным периодам времени и крупным районам (нередко несколько губерний).

Таким образом, в своей совокупности экономико-географические и статистические описания XVIII — первой половины XIX в. представляют важный комплекс исторических источников.

Глава 15

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

§ 1. Общая характеристика периодической печати

Периодическая печать возникла в России с начала XVIII в. Она приобретала важное значение в общественно-культурной жизни. Журналы, газеты, повременные сборники, ученые труды и записки занимали всевозрастающее место в печатной продукции. Журналистика и происходившая в ней идейная борьба стали осознать-

ся как своеобразная политическая арена. В письме 1840 г. к В. П. Боткину Белинский писал: «Журналистика в наше время все: и Пушкин, и Гете, и сам Гегель были журналисты. Журнал стоит кафедры»¹.

Первенцем русской периодической печати были «Ведомости» — газета, начавшая выходить в Москве с декабря 1702 г. В 1728 г. стали выходить «Санкт-Петербургские ведомости». Как приложение к ним появились «Исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях» — первый русский литературный и научно-популярный журнал.

От петровских «Ведомостей» по 1800 г. включительно вышло 119 периодических изданий. С 1801 по 1861 г. отмечено издание новых 595 периодических органов. Большинство изданий были недолговечными. Немногие существовали подолгу. Это были главным образом официальные и справочные издания, устойчивость которых обеспечивали субсидии казны. Наиболее длительными изданиями из газет являлись: «Санкт-Петербургские ведомости» (1728—1917 гг.), «Московские ведомости» (1756—1917 гг.); из журналов — «Труды Вольного экономического общества» (1765—1915 гг.), «Отечественные записки» (1839—1884 гг.), «Вестник Европы» (1866—1918 гг.).

Первоначально русская периодика принадлежала казне. Журналистика в России, как и в Западной Европе, возникла из государственной потребности в международной информации. Составлявшиеся при дворе московских царей рукописные газеты «Вестовые письма» или «Куранты» (самые ранние дошли до нас от 1621 г.) состояли сплошь из международных известий. Предназначались они для внутреннего потребления — читали их царь и немногие государственные деятели.

Только с выпуском «Ведомостей» периодические издания стали органом общественного воздействия. Петр I старался сделать «Ведомости» пропагандистом своих преобразований. С появлением ежесемейника А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» начинается история частной периодики в России.

Вся русская периодика в первые восемь десятилетий своего развития сосредоточивалась в Москве и Петербурге. С 1786 г. в Ярославле стал издаваться первый провинциальный журнал «Уединенный пошехонец». В жизни провинциальной прессы важное значение имели правительственные решения 30-х годов XIX в. об издании местных газет под названием «Губернские ведомости» (такой-то губернии). Уже в 1851 г. «Ведомости» издавались в 44 губернских городах Европейской России; с 1857 г. такие издания появились в Сибири.

Среди периодических изданий основными являются газета и журнал. Газета — повременное издание, выходящее, как правило, ежедневно, имеющее главным образом задачу сообщения известий о текущих событиях и печатания разного злободневного

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 453.

информационного материала. Русские газеты XVIII в. выходили два раза в неделю в так называемые почтовые дни, к середине XIX в. — по 3—6 раз в неделю.

Журнал — временное издание, выходящее ежемесячно, в виде книг с разнообразным политическим, научным, литературным материалом. Весь печатный материал в журналах XVIII в. располагался свободно; с начала XIX в. стали формировать его в отделы (изыскания словесность; науки, искусства и ремесла; современная история или политика; критика; смесь; библиография; книжные известия).

Единой, общепринятой классификации органов периодики нет. Обычно их разделяют:

- по периодичности (ежедневные, еженедельные, ежемесячные, квартальники);

- по территориальному признаку (печать столичная, центральная, провинциальная, печать определенных регионов — Прибалтики, Кавказа, Сибири);

- по языку (русские газеты и журналы, иноязычные газеты и журналы);

- по издателям (печать официальная — правительственная, ведомственная; печать частная; печать общественных организаций);

- по отношению к цензуре (подцензурная, легальная печать; вольная русская зарубежная печать, например «Колокол»; нелегальной печатной периодики в России до 1861 г. не было);

- по содержанию и исторически сложившимся типам издания (литературно-общественные журналы и газеты; официально-ведомственные; научные и специальные; отраслевые; сатирические; иллюстрированные).

Число периодических изданий, группируемых по содержанию или назначению, велико. Такая группировка в ряде случаев обоснована определенными практическими соображениями. Понятно, что она не является научно целостной и единой систематизацией, тем более классификацией. Так, например, некоторые из перечисленных разновидностей органов периодики могут быть одновременно отнесены и к другим из названных разновидностей. Научные и специальные издания часто бывают иллюстрированными изданиями. Многие отраслевые периодические органы являются в то же время и весьма узкими специальными изданиями.

Полифонизм содержания большинства периодических изданий не позволяет дать единую нормативную их систематизацию.

Обращаясь к органу печати, к отдельным материалам этого органа, сначала следует определить общие признаки такого издания, попытаться отнести его к той или иной разновидности.

В работе с периодикой есть два главных подхода, каждому присущи свои источниковедческие особенности: 1) всестороннее изучение данного органа печати как целостного источника (как темы); 2) отыскание и изучение в данном органе (органах) печати отдельных текстов-источников по теме, которая сама по себе не является темой об этом органе. Эти два подхода не следует разры-

вать и противопоставлять. Они тесно связаны между собой. Историк-источниковед и при первом подходе должен выяснять группы всех отдельных источников, имеющих в данном органе. В свою очередь, при втором подходе, изучая и используя отдельный текст-источник, находящийся в том или другом периодическом издании, исследователь обязан четко представлять себе это издание в целом (его характер, время и обстоятельства публикации в нем каждого отдельного текста-источника).

При первом подходе прежде всего следует использовать методы и приемы, выработанные историками журналистики. При втором важно правильно определить жанровую принадлежность источника, находящегося в периодическом издании. В русской периодике уже до 1861 г. сложилось несколько устойчивых жанров: очерк, фельетон, обзор печати, критическая статья, критико-библиографический обзор, рецензия, письмо в редакцию, некролог, объявление. Источниковедческая ценность сведений, цифр, фактов, извлеченных из текстов разных жанров, весьма различна.

Существует обширная научная литература по истории отечественной периодики XVIII и первой половины XIX в. Литература по истории отечественной печати, как правило, касается журналов и почти не затрагивает газет. Конкретная источниковедческая методика разработана советскими учеными, всесторонне изучавшими отдельные журналы и газеты. Историк-источниковед в освоении методов и приемов, характерных для первого подхода, должен прежде всего обратиться к трудам Н. М. Дружинина о «Журнале землевладельцев» и В. Е. Евгеньева-Максимова о «Современнике». В четырехтомной научной биографии В. Г. Белинского, написанной В. С. Нечаевой, содержатся многообразные источниковедческие наблюдения над такими органами, как «Телескоп», «Молва», «Московский наблюдатель», «Отечественные записки».

Историк, разрабатывающий конкретную тему по социально-экономической, политической, общественно-идейной, историко-культурной проблематике, обязан знать научные справочники по печати России, научно-библиографическую литературу по периодике, особенно указатели содержания отдельных журналов и газет. На этой основе можно предварительно определить круг нужных периодических органов и материалов.

Историку-источниковеду полезно знать работы Н. В. Здобнова, особенно его «Историю русской библиографии до начала XX века». В поисках печатных известий о журналах и газетах приходится обращаться к справочно-библиографическим трудам А. В. Мезьер, в них учтена литература, изданная до середины 30-х годов XX в. Для исходных разысканий по журналам и газетам полезен справочник Н. Ф. Андреевой и М. В. Машковой «Русская периодическая печать. (Общие и отраслевые библиографические указатели 1703—1975 гг.)» (1977 г.).

Материалы для источниковедческого изучения истории отечественной печати. Главные материалы, необходимые для изучения памятников периодики и использования отдельных источников из

периодических органов, можно поделить на четыре группы: комплекты журналов и газет; архивы цензурных и других учреждений, ведавших печатью; архивные фонды редакций и издательств периодических органов, личные архивные фонды журналистов, издателей, писателей, ученых, деятельно участвовавших в периодике; мемуары, дневники, переписка, относящиеся к истории печати.

Первую группу составляют комплекты журналов и газет. Прежде всего следует отыскать полный экземпляр первоисточника — комплект органа печати за все время его издания или за нужный год. В периодических изданиях XVIII и особенно XIX в. применялась пагинация (порядковая нумерация страниц) по отделам, частям; иногда части или отделы журнала выходили самостоятельными книжками. Оглавления журналов часто печатались на обложке, при переплетании обложки утрачивались. Бывали случаи, когда в переплет вместе с основной книжкой журнала не попадали приложения, которые печатались на листах разного формата и вкладывались в номер журнала или газеты. Только совокупность всех этих элементов составляет полный комплект периодического издания.

В архивах учреждений, ведавших печатью, прежде всего в цензурных архивах, отложились документы, важные для изучения внутренней истории журналов и газет. Обязательная помета о цензурном разрешении, имеющаяся на изданиях дореформенного времени, содержит исходные данные (дата, указание места, где дано позволение, фамилия и звание цензора), нужные для обращения в архив. В названных архивах сохраняются программы периодических изданий, которые обязаны были представлять издатели; тексты, не допущенные цензурой к печатанию; различные обзоры периодики, время от времени секретно составляемые для нужд разных ведомств.

Личные архивные фонды издателей и типографщиков; литераторов, редакторов, журналистов, ученых; художников-иллюстраторов периодических изданий содержат много источников для истории периодики. Но в целом виде таких фондов сохранилось немного; бумаги большинства деятелей печати, особенно издателей, редакторов, типографщиков разрознены и находятся в разных коллекциях, музеях и хранилищах.

Мемуары, дневники, частная переписка лиц, связанных с периодикой, содержат разнообразные материалы, могущие быть полезными для историка.

Общественно-политические условия развития периодики в крепостной России. Органы периодики играли важную роль во всей общественно-политической жизни страны.

Историк, обращающийся к отдельным органам печати, должен отчетливо представить себе конкретную социально-политическую и культурно-бытовую обстановку того времени, когда они выходили в свет. Условия существования периодики определялись законодательством о печати, цензурными правилами и уставами, распоряжениями о типографиях, наконец, всей совокупностью мер практической реализации внутренней и внешней политики прави-

тельства. Притом личные царские указания подчас оказывались действенным цензурным уставом. Так, при Николае I твердо установилось мнение о периодике как главном рассаднике вольнолюбия, утвердилось представление о необязательности законодательных норм для самих властей. Начальник III Отделения личной канцелярии царя шеф жандармов А. Х. Бенкендорф вызвал для объяснения в 1830 г. барона А. А. Дельвига — издателя «Литературной газеты» — по поводу помещения в ней либеральной статьи. В своем объяснении Дельвиг заметил, что на основании закона издатель не отвечает за публикацию, когда статья разрешена цензурой к печатанию. Тогда шеф жандармов разъяснил издателю свое понимание законов: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться или ими оправдываться».

История цензуры, ее учреждений, уставов и постановлений, повседневной цензурной практики — область знания, необходимая при источниковедческой работе с периодикой.

По истории цензуры в России имеется богатая литература и опубликованы многие источники.

Первый в России общий «Устав о цензуре» был издан 9 июля 1804 г. Устав узаконил предварительную цензуру всех изданий. Заведование цензурой было поручено Министерству народного просвещения. В годы либеральных начинаний царствования Александра I положение печати стало несколько более свободным. В итоге с 1801 по 1811 г. возникло 84 новых периодических издания. Но уже в 1811 г. при Министерстве полиции учредили Особый комитет для «цензурной ревизии» выпускаемых периодических изданий и книг и строгого надзора за цензорами. Тем самым цензура Министерства народного просвещения была подчинена надзору Министерства полиции. Постепенно сложились следующие системы цензуры: общая, светская, гражданская, духовная, иностранная, военная, театральная.

При Николае I был издан новый «Устав о цензуре» (10 июня 1826 г.). Современники называли его «чугунным». Вскоре его заменил третий «Устав о цензуре» 22 апреля 1828 г. — более сжатый, устанавливавший упрощение цензурного аппарата и прохождение через него рукописей, но по духу столь же консервативно-охранительный. Устав 1828 г. без существенных изменений действовал почти до 1861 г.

Особыми постановлениями были запрещены частные периодические издания: «Литературная газета» (1830 г.), журналы «Европеец» (1832 г.), «Московский телеграф» (1834 г.), «Телескоп» (1836 г.), газета «Молва» (1835 г.). На представлении о разрешении издания нового журнала «Русский сборник» Николай I написал: «И без того много». Резолюция царя повлекла за собой следующее постановление 1 октября 1836 г.: «Представления о дозволении новых периодических изданий на некоторое время воспрещаются». Постановление оставалось в силе двадцать лет. Только с 1856 г. начали появляться новые органы периодики.

Из обзора истории цензуры видно, что при ее помощи самодержавие старалось управлять общественным мнением. По требованию цензоров в авторские и в переводные статьи, во все материалы, предназначенные к публикации в периодической печати, вносились многообразные изменения. По предложениям издателей и редакторов журналов и газет, заинтересованных в прохождении подготавливаемых текстов, авторы вносили в свои произведения соответствующие изменения. Необходимо учитывать разные способы и приемы, которые были выработаны и применялись авторами, редакторами, издателями периодических органов для усыпления бдительности цензоров. Мастерство эзоповского языка достигало в русской подцензурной печати XVIII—XIX вв. уровня высокого искусства. Намеки, иносказания, притчи, за которыми изощренный читатель улавливал скрытую мысль, помогали журналистам доводить до читателя то, о чем открыто в печати крепостной России судить воспрещалось.

§ 2. Общие приемы и правила источниковедческого анализа периодической печати

Следует выделить четыре группы общих вопросов источниковедческого анализа для историка, имеющего дело с русской периодической печатью: вопросы установления и изучения текста; вопросы происхождения и истории; вопросы истолкования, установления полноты и достоверности; вопросы соотношения и синтеза.

Филологи различают две взаимосвязанные отрасли ведения памятников литературы — текстологию и герменевтику. Первая устанавливает критически проверенный, подлинный текст памятника, подготавливает его к изданию. Вторая комментирует, истолковывает, объясняет текст памятника, раскрывает его подлинный, внутренний смысл, указывает соотношение этого памятника с другими. Первые две группы выделенных вопросов — историческая текстология; вопросы третьей и четвертой групп составляют историческую герменевтику.

Вопросы установления и изучения текста. Памятники русской периодики по природе своей — печатные источники. Рукописные периодические органы XVIII в. не известны; существует незначительное количество рукописных журналов и газет (главным образом первой половины XIX в., отчасти периода 1861—1917 гг.). Прочтение печатных источников в сравнении с чтением рукописей дело нетрудное. После прочтения любого произведения, находящегося в периодическом органе, следует установить, как оно обозначено в оглавлении этого органа и в указателях к нему. В оглавлениях нередко сообщались сведения, которых нет при тексте изучаемого произведения (например, указывались автор, его инициалы, звание, сословная принадлежность; определялся жанр произведения — письмо в редакцию, критика, антикритика; указывалось происхождение произведения — доставлено таким-то учреждением, извлечено из такого-то органа, найдено в бумагах такого-то лица

и т. п.). Сводные годичные оглавления обычно давались в последней книжке журнала, в последнем номере газеты за данный год. Полезными при поисках дополнительных сведений являются также сводные вспомогательные указатели содержания отдельных органов, издававшиеся отдельными книжками или прилагавшиеся при последней годовой книжке. Необходимым справочником для источниковеда является книга Ю. И. Масанова, Н. В. Ниткиной, З. Д. Титовой «Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий 1755—1970 гг.» (1975 г.).

После прочтения печатного текста и сбора о нем указанных сведений желательно установление первоначального (рукописного) текста его оригинала: 1) в том виде, как это было завершено автором, составителем и представлено в редакцию периодического органа; 2) в том виде, в каком оно поступило в цензуру и вышло из нее с дозволением к напечатанию. Здесь приходится иметь дело уже с рукописями (авторскими, редакторскими, цензорскими) или с цензурными рабочими экземплярами набранного текста — гранки, верстка.

Чтобы ни было обнаружено при установлении первоначального текста оригинала произведения или материалов, опубликованных в периодических органах, не следует забывать, что до читателя — современника изучаемого источника доходило только то, что было напечатано в этих органах. Именно опубликованный в журнале или газете текст являлся реальным фактом общественного сознания, социальной информации того времени. Источниковед обязан в первую очередь обращаться к этому тексту и при изучении соотносить его с другими нужными печатными текстами времени его первого появления перед читателями.

Вопросы происхождения и истории. При работе с материалами периодической печати нужно установить: обстоятельства возникновения, цели и назначение периодического органа и того произведения, которое в нем напечатано и является источником; номинальных и действительных редакторов, издателей периодического органа; автора (авторов, составителей, доставителей) изучаемого произведения или материалов (проблема псевдонимов и анонимов); время и место напечатания и написания произведения или материалов; главные этапы истории периодического органа.

Легальные периодические издания печатались с разрешения властей, по представленной и утвержденной программе. Появлению нового органа печати обычно предшествовала публикация объявления о нем, его программе, об условиях подписки и продажи, приложениях, а иногда и с перечнем авторов, обещавших свое сотрудничество. Разрешение на издания органов печати в первой половине XIX в. давало Министерство народного просвещения, куда издатели обращались с прошениями. Прошения издателей, приложенные к ним программы изданий, печатные тексты объявлений об издании — важнейшие исходные источники для изучения характера и идейной направленности данного издания. Программу, по которой властями разрешено было выпускать то или иное издание,

нужно сопоставить с реальной, действительной программой издания, как она была осуществлена, воплощена во всем ее содержании и духе. Не столь уж редко имели место случаи существенного расхождения между официально заявленной и разрешенной программой издания и действительной его идейной направленностью.

Существенно важны и вступительные статьи, предупреждения, разные обращения издателей к читателям, которые помещались в первых книжках периодических изданий начиная со второй половины XVIII в. Такие тексты дополняют, значительно полнее раскрывают намерения, установки издателя, редактора, нежели короткое прошение о разрешении издания и приложенная к нему деловая программа. Так, «Предупреждение» Г. Ф. Миллера к журналу «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» утверждало «пользу ученых журналов и подобных тому записок, издаваемых в почтовые дни понеделньо и помесячно», а затем сообщало, что в этом издании особое внимание будет уделяться публикациям по истории, географии, статистике России. В предисловии к читателям «Древней Российской вивлиофики» Н. И. Новиков декларировал просветительские и патриотическо-воспитательные задачи издания: «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов, но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных, но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными... К тебе обращаюсь я, любитель Российских древностей, для твоего удовольствия и познания предпринял я сей труд...»

Важно внимательно вчитываться в посвящения и эпитафьи, весьма обычные в периодических изданиях XVIII в. и во многих изданиях первых десятилетий XIX в. Идейная направленность органа выпукло, образно, кратко раскрыта в таких эпитафиях и посвящениях. Например, Н. И. Новиков избрал эпитафьей к «Трутеню» слова: «Они работают, а вы их труд ядите», — откровенно осуждавшие паразитизм крепостников. Журнал «Отечественные записки» П. П. Свиньин предварил двустушием: «Любить отечество велят: природа, бог; А знать его — вот честь, достоинство и долг». Стихи открыто призывали читателей к познанию родной страны, ее людей и богатств.

Разрешения на новые частные периодические издания давались неохотно. При таком положении издатели и редакторы путем покупки приобретали право на преемственное издание прежде разрешенного органа. Имя прежнего издателя при такой сделке иногда сохранялось, хотя носитель этого имени в издании не участвовал. Право на издание «Отечественных записок» перешло в 1839 г. по договору от П. П. Свиньина к А. А. Краевскому. Право на издание «Современника», которое было предоставлено в 1835 г. А. С. Пушкину, по соглашению 1846 г. было уступлено П. А. Плетневым И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову, а официальным редактором стал А. В. Никитенко. Поэтому необходимо выяснение номи-

нальных (официальных) и действительных (неофициальных) издателей и редакторов.

Установление авторства изучаемого произведения — кропотливая и трудная, во многих случаях безрезультатная работа. В периодической печати много произведений и материалов публиковалось анонимно или под псевдонимами, инициалами, порой просто под условными обозначениями. Особенно много анонимных и псевдонимных текстов в журналистике XVIII в. Анонимны были почти все тексты и материалы таких отделов периодических органов, как «Критика и библиография», «Летопись», «Хроника», «Смесь». Широкое распространение такой практики беспокоило цензурные учреждения. Неоднократные цензурные предписания требовали, чтобы все поступающие в журналы и газеты оригинальные и переводные статьи, за исключением объявлений, при представлении их в цензуру были снабжены полными подписями сочинителей и переводчиков, независимо от того, будут они печататься под псевдонимами или анонимно. Но предписания эти часто не выполнялись.

Пособием в поисках фамилий авторов служат труды и справочники по псевдонимам и анонимам. Это в первую очередь «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова (1956—1960 гг.), работы С. А. Рейсера «Палеография и текстология нового времени» (1970, раздел «Атрибуция»), «Основы текстологии» (1978 г.). Примером атрибуции псевдонимов может служить анализ десяти писем об артистах Каратыгиных, подписанных буквами П. Щ. и напечатанных в газете «Молва». Аргументация pro и contra, выдвигаемая разными исследователями в пользу признания авторами писем или Н. И. Надеждина, или С. Т. Аксакова, или П. С. Щепкина, критическое ее рассмотрение изложены в книге В. С. Дмитриева «Скрывшие свое имя. (Из истории анонимов и псевдонимов)» (1977 г.).

Определение времени и места печатания издания несложно. Цензурное разрешение к печати имеется на каждой единице издания. На самом издании указывались город и типография. После цензурного разрешения проходило немного времени до выхода издания в свет. Но некоторые издания сильно запаздывали. Издатели в таком случае сдвигали и даже страивали книжки. Поэтому необходимо сопоставлять даты цензурных разрешений и периодичность. Для установления даты появления отдельных номеров, книг, частей журналов и продолжающихся изданий во многих случаях могут послужить сообщения в газетах о дне начала раздачи подписчикам или выходе в свет соответствующей издательской единицы. Под рубрикой «О русских книгах», например, такие сообщения систематически печатались в «Московских ведомостях».

Определение времени написания произведений и материалов периодики несравненно труднее. За отсутствием оригиналов рукописей установление времени написания при работе с периодикой является невозможным или чрезвычайно сложным.

Выявление главных этапов истории периодического органа основывается на изучении полного комплекта этого издания, перемен

в составе его издателей, редакторов и основных авторов-сотрудников, эволюции его содержания. В случае закрытия, запрещения издания необходимо искать в архивах специальную документацию.

Вопросы истолкования, установления полноты и достоверности. Интерпретация содержания, определение объективной ценности сведений, анализ и установление общественно-идейной и политической направленности периодического издания ведется на основе всестороннего исследования полного комплекта издания. Понятно, что научным такое исследование может быть только при одновременном общем анализе политических и культурных условий, социальных и экономических процессов, классовых противоречий и общественно-идейной работы того времени, к которому относится исследуемый орган периодики. Полнота и достоверность проверяются при сравнении с данными других изданий, с материалами по тем же вопросам, имеющимися в иных видах источников. Выясняя достоверность различных фактических, конкретных данных, имеющих в разных отдельных текстах-источниках, опубликованных в периодических изданиях, следует учитывать особенности художественно-публицистического письма исследуемого текста-источника. В периодике постепенно складывалось несколько более или менее устойчивых жанров: путевые (часто «живописные» или «занимательные») записки; описательные и нравоучительные очерки; небольшие биографо-панегирические статьи и очень близкие к ним по хвalebному тону и манере подачи материала некрологи. С 20-х годов XIX в. начал формироваться в русской печати фельетон. Передовая статья стала превращаться в особый газетный жанр примерно с конца 50-х годов XIX в.

Вопросы соотношения и синтеза. Полный синтетический анализ периодического издания возможно осуществить только при соотношении данного издания с другими органами печати того же времени. Такое соотношение следует установить с органами, идейно и по содержанию близкими к исследуемому, а также с органами отличной от него общественно-идейной направленности. Тексты критического и полемического характера и особенно тексты, которые непосредственно касаются других органов печати, чрезвычайно важны в деле установления идейных и социально-политических позиций данного (изучаемого) издания. Богатые материалы по журнальной полемике имеются в научной литературе по истории критики и журналистики.

Художественная литература, публицистика, периодическая печать служили крепостной России главными сферами выявления общественного мнения. В спорах, критике и полемике органов периодики в конечном итоге проявлялись и выражались классовые, сословные и политические противоречия и борьба разных социальных сил.

В итоге аналитических разысканий по разным аспектам четырех групп рассмотренных главных вопросов складывается общий, единый историко-источниковедческий синтез отечественной периодики.

Журнальная печать. Журналы составляли большую часть периодических органов, издававшихся в России. Они содержат множество отдельных частных источников (литературно-художественные произведения; публицистические, критические, научные статьи; официально-документальные и законодательно-административные материалы; деловые сообщения информационного характера; объявления и рекламы) по разнообразной тематике. Естественно, что нужно применять и соответствующие каждому виду журнальных источников источниковедческие приемы.

Существуют три главных исторически сложившихся типа русских журналов: общие литературно-общественные журналы; официально-ведомственные; научные и специальные, отраслевые журналы. Первые имели наиболее разнообразное содержание, ориентировались на широкий круг читателей. Более узким, зачастую прямо ведомственным было содержание и общие установки вторых. Журналы третьего типа предназначались для более или менее точно установленных кругов читателей — для ученых и специалистов, духовно-религиозные и нравственные, педагогические, дамские и детские. Сюда же относились журналы сатирические и юмористические; журналы, предлагавшие читателям главным образом локальные материалы, — «Сибирский вестник», «Азиатский вестник», «Украинский вестник», «Харьковский Демократ».

Общие литературно-общественные журналы издавались обычно частными лицами. Издателями и редакторами выступали крупные деятели русской культуры: в «Трудолюбивой пчеле» — А. П. Сумароков, в «Грутне», «Кошельке» и «Живописце» — Н. И. Новиков, в «Почте духов» — И. А. Крылов, в «Московском журнале» и «Вестнике Европы» — Н. М. Карамзин (после него В. А. Жуковский и М. Т. Каченовский), в «Московском телеграфе» — Н. А. Полевой, в «Современнике» — А. С. Пушкин (позднее И. И. Панаев и Н. А. Некрасов), в «Московитянине» — М. П. Погодин.

Предшественником этих журналов были «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», издававшиеся Академией наук по инициативе М. В. Ломоносова. Многочисленные журналы Н. И. Новикова во многом помогли формированию типа русского общественно-литературного органа XVIII в. «Вестник Европы» открывает собой историю русской журналистики в XIX в. В нем впервые в русской печати появился отдел «Политика». В первые годы журнал имел либерально-монархическую окраску. Из политических изданий первых десятилетий XIX в. отметим журналы Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, особенно «Соревнователь просвещения и благотворения», «Дух журналов» Г. М. Яценкова, «Сын отечества» (до 1825 г.) Н. И. Греча. Видное место занимали декабристские журналы и альманахи («Соревнователь», «Невский зритель», «Полярная звезда»).

Наиболее влиятельными и богатыми по содержанию прогрессивными литературно-общественными журналами 30—50-х годов

XIX в. были «Московский телеграф» Н. А. Полевого — орган либерально-буржуазной идеологии; «Отечественные записки» в период сотрудничества в них В. Г. Белинского; «Современник» при руководстве им И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым и сотрудничестве В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. После Крымской войны стали издаваться новые журналы — западнический «Русский вестник», основанный М. Н. Катковым в 1856 г., и славянофильская «Русская беседа» А. И. Кошелева.

Консервативные и даже прямо реакционные позиции сильнее всего были выражены монархически-патриотическим «Русским вестником» С. Н. Глинки (1808—1824), а позднее — очень популярным журналом О. И. Сенковского «Библиотека для чтения» и «Московитянином» М. П. Погодина.

Официально-ведомственные журналы как особый, устойчивый тип начали формироваться с начала XIX в., но значительное распространение получили только с 30—50-х годов. Издавались они министерствами, департаментами, главными управлениями и комитетами разных центральных ведомств. Редакторами в них назначались высокопоставленные чиновники соответствующих ведомств из числа людей, имеющих отношение к науке, технике и литературе.

Как правило, такие журналы состояли из двух отделов — официального и неофициального. В первом печатались высочайшие указы, правительственные узаконения, ведомственные нормативно-распорядительные документы, текущие известия по данному ведомству о назначениях, производствах в чины, награждениях. Неофициальные отделы были гораздо разнообразнее, богаче по своему содержанию. В них печатались научные статьи, тематические обзоры печати, статистико-информационные материалы, описания отдельных местностей, обзоры выставок, указатели литературы по специальности данного журнала. Официальные журналы распространялись главным образом в обязательном порядке по учреждениям, подчиненным соответствующему ведомству. Тиражи некоторых из них были довольно значительными. Так, «Журнал Министерства внутренних дел» имел в 1829 г. 2500, а в 1860 г. — 5300 подписчиков; «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» имел тираж до 2000 экземпляров.

Наиболее богаты материалами и разнообразными источниками были издания Министерства внутренних дел — «Санкт-Петербургский журнал», «Журнал Министерства внутренних дел», органы Министерства просвещения — «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», «Журнал Департамента народного просвещения», «Журнал Министерства народного просвещения» (1834—1917 гг.). Ценными для экономической истории России являются: «Журнал мануфактур и торговли» Департамента мануфактур и внутренней торговли, Министерства финансов — «Журнал Министерства государственных имуществ», «Журнал Министерства путей сообщения» и его продолжение «Журнал главного управления путей сообщения и публичных зданий».

Близкими по типу и содержанию к официально-ведомственным органам были сельскохозяйственные журналы старейших русских агрономических обществ: «Труды Вольного экономического общества» в Петербурге и «Земледельческий журнал», «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», «Журнал сельского хозяйства», «Сельское хозяйство» в Москве.

Научные и специальные, отраслевые журналы также являлись изданиями общества или учреждений, но по содержанию были еще более специализированными. Издавались они и в частном порядке отдельными учеными, среди их редакторов-издателей были, например, профессора Московского университета И. А. Двигубский, М. Г. Павлов, К. Ф. Рулье.

Устойчивым типом такой периодики с 30-х годов XIX в. стали «Вестники», «Ученые записки», «Записки» высших учебных заведений. Наиболее ранним из этих изданий были «Ученые записки императорского Московского университета» (с 1833 г.). Среди этих изданий выделялся «Казанский вестник», который сменили «Ученые записки императорского Казанского университета», «Записки Горыгорецкого земледельческого института».

Из частных специальных журналов богаты разнообразными источниками по торговле, промышленности и ремеслам, по агротехнике «Сельский житель» и «Экономический магазин», которые редактировал А. Т. Болотов; «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических» И. А. Двигубского; «Записки для сельских хозяев заводчиков и фабрикантов» и «Русский земледелец» М. Г. Павлова; пользовался большим спросом «Эконом» Ф. В. Булгарина и В. П. Бурнашева.

Уже с последней четверти XVIII в. наряду с общими журналами широкого профиля получает развитие отраслевая журналистика: медицинская, театрально-музыкальная, педагогическая, адресованная женщинам и детям. Особый интерес среди отраслевой периодики представляет историческая журналистика. Если «Древняя Российская вивлиофика» Н. И. Новикова была скорее сборником исторических материалов, чем журналом, то «Российский магазин» Ф. И. Туманского — это первый русский исторический журнал. За ним последовали периодические издания старейшего Русского исторического общества, учрежденного в 1804 г. при Московском университете, — «Русские достопамятности», «Труды и Летописи», «Русский исторический сборник» и наиболее богатые источниками «Чтения общества истории и древностей Российских», созданные О. М. Бодянским, и «Временник» этого общества, редактируемый И. Д. Беляевым.

Подлинники многих рукописных, машинописных источников, напечатанных в дореволюционных исторических журналах, позднее были утрачены. Обращаясь к таким публикациям, нужно быть осторожным — публикации эти очень несовершенны.

Газетная печать. Большинство газет России являлось официальными изданиями. Выходили газеты один, два, три раза в неделю. Ежедневных газет было очень мало. Первая ежедневная

газета в Москве — «Московский городской листок» — появилась в 1847 г. Тиражи газет были невелики. Главный представитель дореформенной газетной прессы — «Губернские ведомости» печатались всего в нескольких сотнях экземпляров. Распространялись газеты по подписке; розничная продажа была крайне редкой. Издатели даже не обозначали цену номера.

По своему содержанию газеты являлись «ведомостями» — состояли из бытовой и политической (внутренней и зарубежной) информации. Сообщения (сначала внутренние, затем зарубежные) печатались с указанием в заглавии даты и места событий. Сколько-нибудь значительные статьи появлялись относительно редко; литературно-художественные произведения в газетах почти не публиковались. Почти полное отсутствие оперативной текущей информации в журналах привлекало внимание многих читателей к газетам. В связи с растущим интересом к газете со стороны бедных читателей, посетителей трактиров, обитателей лакейских, мещан, чиновников, купцов власти были особенно придирчивы к газетной прессе. Информация о текущей политике и общественной жизни допускалась по возможности в минимальных дозах, сильно урезанная и обесцвеченная.

Возникшие в XVIII в. «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» вплоть до 1861 г. продолжали оставаться наиболее устойчивыми и читаемыми официозами. С начала XIX в. число газет постепенно возрастает. По подсчетам Н. М. Лисовского (без «Губернских ведомостей»), в 1831 г. издавалось 12 газет, в 1859—1860 гг. — 15, в 1861 г. — 20. Число газет с конца 30-х годов заметно возрастает за счет издания «Губернских ведомостей». Для историков «Губернские ведомости» являются весьма ценным источником. В них публиковались богатые собрания материалов для региональной истории и краеведения. В официальной части этих изданий печатались распоряжения местной администрации, сведения о перемещениях чиновников, объявления о залогах имений, продажах, справочные цены, известия о приехавших и выехавших лицах. Неофициальные части этих изданий содержат этнографические, статистико-экономические статьи, исторические документы. Содержательный опыт выявления и использования материалов этих изданий представляет работа Н. Н. Улащика «Минские губернские ведомости как исторический источник» (1960 г.).

Русские газеты 20—40-х годов XIX в. классифицируются на пять типов: литературные; общественно-политические (например, «Санкт-Петербургские ведомости», столичные и провинциальные «Губернские ведомости», «Северная пчела»); специальные, посвященные промышленности, торговле, земледелию, домоводству, медицине; по различным видам искусства (например, «Художественная газета», «Театральная летопись»); справочные (например, «Санкт-Петербургский прейскурант», «Киевские объявления»).

Официальные газеты также состояли из двух частей: первой — официальной (распоряжения правительства и властей, объявляе-

ния о торгах, продажах, беглых, о производстве в чины и др.); второй — неофициальной (разные статьи, материалы, художественно-литературные произведения). В частных газетах сначала также публиковались правительственные распоряжения и другие официальные материалы. Из официальных газет приходится иметь дело кроме упомянутых «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей» с такими изданиями, как «Северная почта», «Сенатские ведомости», «Коммерческая газета». Много описательных и статистических источников содержит «Земледельческая газета».

Справочные газеты были также официальными органами. Они содержат чрезвычайно важный статистический материал по экономике и демографии и множество объявлений, рекламных публикаций.

Частные газеты политического содержания представлены в до-реформенной России немногими изданиями, например: «Гений времен», «Русский инвалид», который вскоре стал официальным органом. Инициатива опытных журналистов Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча положила основание газете «Северная пчела». При помощи послушных издателей III Отделение направляло «Северную пчелу», превратив ее в правительственный орган. Из частных экономических газет нужно выделить следующие: «Купец», «Северный муравей», «Посредник», «Акционер».

Исключительное значение имела единственная свободная русская газета — бессмертный «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Это был тот орган зародившейся в эпоху падения крепостного права вольной русской печати, который, по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»¹. Эта первая революционная газета открыла собой всю последующую славную историю нелегальной (зарубежной и подпольной) русской печати.

Иллюстрированные журналы. С начала XIX в. в журналах начинают появляться графические изобразительные источники: отдельные гравюры, литографии, рисунки, чаще одноцветные, черные, значительно реже красочные, подцветенные.

«Журнал карикатур на 1808-й год» художника А. Г. Венецианова, запрещенный цензурой на первом номере, был первым в России органом политической сатиры в графике. Специально иллюстрированные периодические издания появились только со второй половины 30-х годов («Живописное обозрение», «Художественная газета»). Такие издания заключают в себе множество рисунков разнообразного содержания — портреты, виды местностей и старинных памятников, типы населения России, изображения орудий и механизмов, зданий.

В последнее десятилетие перед 1861 г. возникло еще несколько богато иллюстрированных периодических изданий — «Русский художественный листок», «Живописный сборник», «Иллюстра-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 259.

ция». После Крымской войны, в условиях смягчения цензурного гнета, появилось несколько иллюстрированных сатирических и юмористических журналов. Лучшим из них была знаменитая «Искра» В. С. Курочкина и Н. А. Степанова.

Глава 16

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА

§ 1. Мемуары и дневники

Особенности мемуаров и дневников как источника. Мемуары являются весьма важным источником. Их появление относится к периоду позднего феодализма, а широкое развитие мемуаристики получает в XIX в.

Мемуары-воспоминания и рассказы очевидцев и современников о различных событиях личной и общественной жизни можно разделить на воспоминания или собственно мемуары, автобиографии и дневники. Мемуары содержат значительное число фактов и деталей событий, свидетелем и участником которых был их автор. Часто эти детали и факты не отражены в других источниках. Кроме того, мемуары дают возможность почувствовать дух исследуемого времени. Именно они показывают, как воспринимались и оценивались те или иные события и явления социально-экономической, идейно-политической и духовной жизни различными группами и категориями населения. В мемуарах содержатся незапамятные сведения об укладе повседневной жизни, быте, нравах прошлого. В этом, кстати, большая ценность мемуаров «рядовых людей», стоявших в стороне от важнейших событий и упоминающих о них лишь мельком. Все это обуславливает высокую ценность мемуаров как исторического источника. Но мемуары как источник имеют ряд существенных недостатков. Как правило, они пишутся много лет спустя после описываемых событий. В них нередко спутаны даты, смещены события, поступки, действия одного лица приписаны другому и т. д. Если автор мемуаров, не полагаясь на свою память, привлекает другие источники и литературу, то подчас трудно отделить то, что им взято из литературы, выяснить, что он пишет с чужих слов и свидетелем чего он был сам.

Мемуары больше, чем какой-либо из источников, отличаются крайней субъективностью. Для многих мемуаров характерно стремление автора преувеличить свою роль в событиях описываемого времени. Таковы, например, записки Екатерины II, в которых она ставит целью оправдать свои действия в период Семилетней войны, в период подготовки и осуществления переворота 1762 г., обосновать свои права на русский престол. Она рисует картину, далекую от действительности, и изображает себя в роли мечтательницы о всеобщем благе. В то же время она не скупится

на самые мрачные краски при описании своих противников и состояния страны накануне осуществленного ею дворцового переворота, чтобы подчеркнуть успехи, достигнутые в ее царствование.

Субъективность мемуаров позволяет вместе с тем наиболее четко выяснить позицию автора и соответствующей общественной и социальной группы в описываемых событиях.

Работая с мемуарами, следует помнить об их еще одной особенности. Кто бы ни был автор мемуаров и какие бы цели он перед собой ни ставил при их написании, он знает, как закончилось то или иное событие, какое место оно заняло в истории, как повлияло на последующие, как в дальнейшем действовали его участники и т. д. Это откладывает отпечаток и на отбор материала, и на оценку событий и действующих лиц. Поэтому для мемуаров в большинстве случаев характерны оценки не времени описываемых событий, а времени написания мемуаров. Время, отделяющее мемуары от описываемых событий, усиливает либо, наоборот, ослабляет симпатии и антипатии автора в отношении определенных учреждений, организаций, органов, лиц. Нередко автор мемуаров умалчивает о ряде крупных событий и своем участии в них. Особенно часто мы встречаемся с подобным явлением в мемуарах лиц, проделавших эволюцию от революционности, демократизма или либерализма к консервативности и реакции.

Не менее важно учитывать и то, что мемуары различаются по своим масштабам и хронологическому периоду, охватываемому ими. Одни из них могут представлять воспоминания о каком-либо конкретном событии, другие — о каком-то конкретном человеке. Совершенно ясно, что характер мемуаров определяется их автором. Он умышленно опускает, обходит все не имеющее непосредственного отношения к событию или человеку, о котором повествует. Таковы, например, мемуары декабриста Н. А. Бестужева, представляющие собой два небольших рассказа о К. Ф. Рылееве и о 14 декабря 1825 г. Другие мемуары охватывают какой-то определенный период, этап в жизни автора или истории страны. Таковы, например, записки генерала А. П. Ермолова об Отечественной войне 1812 г. или записки декабриста И. Д. Якушкина. Третьи охватывают весьма значительный хронологический период, иногда более полувека, и посвящены самым различным событиям, явлениям, людям, которые окружали автора мемуаров и с которыми он имел дело. Для подобных мемуаров характерен рассказ об огромном числе важных общественно-политических событий и фактов повседневной личной жизни автора. Классическим образцом подобных мемуаров для XVIII — первой половины XIX в. являются мемуары провинциального помещика А. Т. Болотова и профессора А. В. Никитенко.

Наконец, нужно иметь в виду, что различна и форма мемуаров. Одни из них, например, записки графа Беннигсена о войне со Швецией в 1806—1807 гг., носят полупротокольный характер, характеризуются обилием дат, цифр, имен, конкретных фактов,

даваемых им на основании документов, бывших в его распоряжении, и подтверждающих достоверность сообщаемого им. Но тем самым записки Беннигсена в определенной мере утрачивают черты мемуаров и сближаются с источниками типа отчетов, докладов и других документов делопроизводственной документации.

Другие имеют форму литературного произведения. Авторы их стремятся дать общую картину событий, образы их участников, передать атмосферу жизни, в которой разворачивалось событие. Нередко это приводит к смещению и вольной трактовке отдельных фактов, дат, к нарушению последовательности в развитии событий и т. д. В отдельных случаях стирается грань между мемуарами как историческим источником и литературным произведением. Выдающимся образцом мемуаров, носящих литературную форму, является «Былое и думы» А. И. Герцена.

Особой формой мемуарной литературы являются дневники. Они отличаются большей достоверностью и точностью в воспроизведении событий и фактов, так как пишутся одновременно с описываемыми событиями, под их впечатлением, хотя наряду с этим в дневниках нередко встречаются всякого рода неподтвердившиеся слухи, версии о событиях, в которых автор непосредственно не участвовал, и т. п.

Автор воспоминаний описывает события, ход и результаты которых он уже знает, а значение их осмыслил и оценил. Автор дневника нередко подробно пишет о второстепенных и третьестепенных событиях и лишь мимоходом упоминает о событиях и фактах, которые, как выясняется в дальнейшем, имеют огромное значение.

В литературном отношении дневники значительно уступают воспоминаниям и отличаются отрывочностью, сухостью, краткостью, наличием большого количества сокращений, намеков и полунамеков, а то и просто зашифрованностью. В ряде случаев дневники становятся основой мемуаров, за написание которых автор принимается много лет спустя. Дневникам также свойственна крайняя субъективность. Очень редко можно говорить о полной искренности и откровенности авторов дневников, поскольку большинство из них не рассчитывают, что они останутся единственными читателями написанного ими. В том случае, если автор занимается революционной деятельностью, откровенное ведение дневника просто невозможно и было бы нелепым риском не только для самого автора, но и для его единомышленников и организации, в которую он входил.

Мемуары XVIII в. Большинство мемуаров XVIII в. принадлежит представителям верхушки служилого дворянства, что в значительной степени определяет их характер, содержание, сосредоточение внимания на разных вопросах политической истории страны, на борьбе за власть аристократических группировок, на жизни двора, характеристике временщиков и фаворитов, царей и цариц, дворцовых интриг и дворцовых переворотов. Поскольку эти мемуары отличаются крайней тенденциозностью и имеют своей

целью либо оправдать свои действия в период борьбы за власть и нахождения у власти, либо обвинить противника, в борьбе с которыми автор потерпел поражение, пользоваться их сведениями и особенно оценками следует осторожно, учитывая позиции той группировки, к которой принадлежал автор, и цели, которые преследуют его мемуары. При этом мемуары XVIII в. содержат ряд важных и интересных сведений о стрелецких бунтах (мемуары И. Я. Желябужского), об обучении дворян кораблестроению и кораблевождению при Петре I, посылке их за границу, их службе (мемуары И. И. Неплюева), о дворцовых переворотах и «верховниках» (мемуары Н. Б. Долгорукой), о Екатерине II и ее дворе конца 80-х — начала 90-х годов (дневник А. В. Храповицкого), о порядках при дворе и в армии при Павле I и недовольстве им со стороны дворянства (мемуары Н. А. Саблукова) и много других. В конце века появляются первые мемуары чиновников и мелкого служилого дворянства, самыми яркими из которых являются мемуары «Моя жизнь» Г. А. Винского. В ходе работы над ними интересно проследить, как оказавшийся в положении разночинца дворянин начинает по-иному смотреть на свое сословие, дает убийственную характеристику его отношения к службе, его быта, нравов, морали.

Центральное место среди мемуаров XVIII в. занимают записки Андрея Тимофеевича Болотова. Он стоял далеко от двора, не участвовал в крупных политических событиях, но вместе с тем выступал как зачинатель русской агрономии, издатель первых агрономических и сельскохозяйственных журналов. Болотов — автор многочисленных работ по агротехнике, был тесно связан с Вольным экономическим обществом и Московским университетом. Детство и обучение в семье мелкопоместного провинциального дворянства, пребывание в пансионе, армия и Семилетняя война, переворот 1762 г., выход в отставку в связи с манифестом «О вольности дворянства» составляют содержание первой части записок Болотова. В ней есть первоклассный материал о быте и жизни провинциального дворянства середины XVIII в., его духовной жизни, о русской армии и др. Все остальные части записок, охватывающие более 70 лет, связаны с его жизнью в имении на границе Тульской и Московской губерний и с должностью управителя дворцовыми крестьянами.

Ценность этих частей записок как исторического источника особенно велика. Их содержание составляют жизнь провинциального дворянства во второй половине XVIII в., описание порядка и нравов в провинциальных административных и судебных учреждениях, сельского духовенства, крестьян, их положения, повинностей, взаимоотношений с помещиками, волнений, попыток рационализации помещичьего хозяйства и результатов этих попыток.

Скептически настроенный в отношении придворной аристократии и екатерининских фаворитов, весьма резко отзывавшийся о крайне низком культурном и нравственном уровне дворян, Болотов в то же время не допускал и малейшей возможности измене-

ния крепостного права и какого-либо ограничения сословных прав и привилегий дворян, занимал крайне враждебную позицию в отношении радикальной публицистики и тем более в отношении революционных событий в Европе в конце XVIII в.

Мемуары первой половины XIX в. Для этого времени характерно не только значительное увеличение числа мемуаров, но и не менее значительное изменение в их составе. Мемуары придворной аристократии и служилой дворянской знати уже не занимают главного места, а по своему значению в качестве исторического источника отходят на второй план. Одновременно возрастает число и значение мемуаров чиновников — дворян среднего ранга и дворянской интеллигенции, появляются мемуары разночинцев и первые мемуары крестьян. Принципиальным изменением в составе мемуаров является наличие целого комплекса мемуаров участников первого этапа революционного движения — декабристов и мемуаров первых представителей демократии. Такой состав мемуаров значительно повышает их значение как исторического источника по более широкому кругу вопросов истории страны по сравнению с мемуарами XVIII в.

Для характеристики значения и особенностей мемуаров знати очень много дает сопоставление мемуаров князя Адама Чарторыйского и А. С. Шишкова. Оба они занимали высокие посты в первый период царствования Александра I и играли видную роль в определении направления и в осуществлении внутренней и внешней политики. Но первый был активным деятелем Негласного комитета и «либеральных» проектов тех лет, а другой — воинствующим реакционером, требовавшим беспощадной борьбы против любого проявления какого-либо вольномыслия и даже либерализма. Характеристика и оценка ими событий, мероприятий, проектов, деятельности отдельных лиц помогает раскрыть действительное содержание и цели политики «дней Александровых прекрасного начала», расстановку сил в этот период. Пользуясь записками Чарторыйского, нужно помнить, что он писал их много лет спустя в Париже, будучи главой польской аристократической эмиграции.

Типичными мемуарами того времени, принадлежащими чиновникам-дворянам охранительного мировоззрения, являются записки Ф. В. Вигеля и С. П. Жихарева. В них содержится богатый материал о быте, нравах, настроениях, духовной жизни столичного дворянства, о культурной, особенно театральной жизни Москвы, о театральном репертуаре, о ряде интересных наблюдений и фактов, относящихся к политической и общественной жизни первой половины XIX в.

Большую группу самых различных по характеру и масштабам охвата событий составляют мемуары, относящиеся к войне 1812 г. Записки А. П. Ермолова содержат характеристику и оценку планов войны, важнейших операций, сражений, руководителей армий, настроений в армии и среди населения на разных этапах войны. Первостепенное значение имеют страницы его мемуаров, посвя-

щенные Бородинской битве и совету в Филях. Важный аспект войны 1812 г. раскрывают записки поэта-партизана Дениса Давыдова.

Мемуары разночинцев, купцов, крестьян в первой половине XIX в. представлены очень бледно. Большинство из них носит чисто бытовой, семейный характер. Крестьянские мемуары — это, как правило, небольшие рассказы о своей жизни, помещиках, «прославившихся» жестокостью и истязанием крепостных, о дворянском быте.

Но в этой группе есть источник первоклассного значения, стоящий как бы на рубеже между мемуарами крестьян, разночинцев и чиновников крупного масштаба. Это «Дневник» А. В. Никитенко. Сын крепостного крестьянина, затем учитель, студент университета и его профессор, он становится академиком, одним из руководителей цензурного ведомства. Весьма умеренный либерал по своим политическим взглядам и позициям, Никитенко отрицательно относился как к проявлениям реакции и обскурантизма, так и к революционным идеям, организациям и революционному движению.

В свой дневник он ежедневно пунктуально вносил записки обо всем, свидетелем или очевидцем чего он был: о деятельности учреждений, в которых служил и с которыми имел дело, о руководителях этих учреждений, о состоянии и условиях развития просвещения, науки, литературы и искусства, о цензуре, газетах и журналах, об их редакторах и сотрудниках, о студенческом и общественном движении, о культурной жизни 20—70-х годов. По страницам его дневника проходят Крылов, Пушкин, Гоголь, Белинский, Чернышевский, Герцен, Кольцов, Брюллов и многие другие писатели, художники, ученые. По богатству, разнообразию достоверности сведений, большому хронологическому охвату времени «Дневник» Никитенко имеет для первой половины и середины XIX в. такое же значение, как записки Болотова для XVIII в.

Мемуары декабристов. Большинство мемуаров декабристов было написано не только много лет спустя после описываемых событий, но и после разгрома восстания, после того, как их авторы более четверти века провели в казематах и на сибирской каторге. Они писались в условиях кануна крестьянской реформы, когда на арену революционной борьбы выступили новые силы, новые идеи и новые революционные организации. Духовная эволюция, которую проделали декабристы, принадлежавшие к различным организациям и направлениям движения, была различной, и это определяло цели, характер и содержание мемуаров, оценку событий, роли и позиций руководителей декабристских организаций и отдельных их членов.

Одни из них писались авторами, эволюционировавшими от революционного движения в сторону либерализма, стремившимися реабилитировать себя в глазах правительства и дворянства, показать «незаконность» своего осуждения, изобразить движение декабристов лишенным революционной направленности. Таковы

первая часть книги «Россия и русские» находившегося в эмиграции Н. И. Тургенева и «Записки» главы умеренного крыла «Северного общества» князя С. П. Трубецкого, в которых наблюдается тенденция отрицания существования тайных декабристских организаций, их революционных программ, изображения восстания 14 декабря как какой-то непредвиденной случайности. Наряду с этим в них содержится ряд ценных сведений о движении декабристов и его участниках, они важны и интересны для выяснения позиций и тактики умеренного крыла декабристов, для раскрытия духовной эволюции участников восстания, сломленных неудачей восстания и ссылкой.

Принципиально иной характер имеют записки И. Д. Якушкина и неизвестного члена «Общества соединенных славян», опубликованные как «Записки Горбачевского». Их авторы сохранили верность идеям и делу декабристов и стремились дать правдивую историю движения. Неизвестный автор из «Общества славян» опирается на свои воспоминания, рассказы других членов «Общества», сопоставляет и проверяет их. Отводя видное место переговорам и взаимоотношениям «Общества соединенных славян» и «Южного общества», автор подчеркивает расхождения между ними. Рассказывая о восстании Черниговского полка, он преуменьшает в нем роль «Южного общества».

Значение записок Якушкина определяется его стремлением как можно полнее, точнее и объективнее дать историю декабристских организаций, выяснить факторы, определившие их создание и деятельность, рассказать о съездах декабристов, спорах о программе и тактике, о том, как ставились и решались важнейшие вопросы политической жизни и будущего страны, о следствии по делу декабристов и ссылке. Важной особенностью мемуаров Якушкина является наличие в них яркой и убедительной картины крепостной деревни, помещичьего произвола и безуспешных попытках мемуариста освободить своих крестьян. Мемуары Трубецкого, с одной стороны, и мемуары Якушкина — с другой, являются крайними выражениями двух направлений мемуаров декабристов.

Мемуары революционных демократов. Мемуары революционных демократов являются важнейшими источниками по истории нового этапа русского революционного движения, но дневники А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова относятся к студенческому периоду их жизни и содержат материал лишь об условиях и путях формирования их мировоззрения, о самых первых шагах в революционной деятельности.

Дневник Т. Г. Шевченко занимает лишь один год (июль 1857 г. — июль 1858 г.) и не отличается богатством содержания. Нетрудно объяснить, почему возвращающийся из долгой и тяжелой ссылки Шевченко обходит молчанием почти все острые общественно-политические вопросы того времени, почти не упоминает деятелей революционного движения, крайне осторожен в своих оценках, записывает новости преимущественно о людях литера-

туры и искусства. Но и при этом истинные взгляды революционер-демократа прорываются в записях о крепостном праве и уже умершем Николае I, часто фигурирующем в дневнике под именем «Тормоза». Осторожность покидает Шевченко и тогда, когда речь идет об «апостоле нашем и изгнаннике» и его «Колоколе».

Вершиной не только мемуаристики революционной демократии, но и всей мемуаристики дореформенного периода являются «Былое и думы» А. И. Герцена. Это произведение необычайно многообразно по степени охвата важнейших вопросов. Крепостные порядки и быт дворянства, нравы в провинциальных учреждениях, жизнь университета и студенчества, революционные кружки и международная эмиграция в Европе, западники и славянофилы, проникновенные образы Огарева, Полежаева, Грановского, Белинского, Чаадаева, Бакунина, Гарибальди, Мадзини, Ворцеля, убийственные портреты и характеристики Николая I, петербургских и московских сановников, деятельность Вольной русской типографии в Лондоне, издание «Колокола», восстание 1863 г. и множество других событий, фактов, портретов, споров, мечтаний, надежд и планов доносит до нас эта удивительная книга. Создав неповторимый синтез мемуаров, страстной публицистики и литературного шедевра, Герцен нередко ради сочных, художественно убедительных картин и образов отступал от хронологической последовательности, делал философские, публицистические и лирические отступления.

Особенности «Былого и дум» требуют проверки дат, последовательности событий, отдельных фактов материалами и данными других источников. Следует также иметь в виду, что Герцен был вынужден умалчивать о позициях и деятельности ряда лиц, кружков, а тем более революционных организаций, так как это могло привести к их аресту, ссылке, к цензурным и иным репрессиям. Но подобное обстоятельство не снижает значения «Былого и дум» как первоклассного источника. Наконец, необходимо учитывать, что «Былое и думы» являются органической частью деятельности Герцена как революционера-демократа и занимают в ней место рядом с его «Колоколом».

§ 2. Частная переписка

Частная переписка как исторический источник соприкасается в одном случае с публицистикой, в другом — с мемуарами, но имеет и ряд специфических, только ей присущих черт. Не могут быть отнесены к переписке литературные, публицистические, научные произведения, написанные в эпистолярной форме: «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Письма русского офицера» С. Н. Глинки, «Письма об изучении природы» А. И. Герцена и другие аналогичные произведения.

Частную переписку как исторический источник можно разделить условно на две большие группы: на переписку, в центре которой стоят интимные вопросы, вопросы быта, личных и семейных

отношений, и на переписку, в центре которой стоят вопросы общественно-политической и культурной жизни. К первой группе можно отнести переписку Герцена и Пушкина с их женами, Белинского с родителями, а ко второй — переписку Герцена и Огарева, братьев Тургеневых, Ломоносова. Но и в первой группе, хотя и не так часто, встречаются материалы, относящиеся к крупным событиям общественно-политической жизни и дополняющие сведения других источников. Так, например, о своем посещении Московского университета и о спорах с Каченовским, отрицавшим подлинность «Слова о полку Игореве», Пушкин рассказал в двух письмах к жене. Письма Белинского к родителям ярко рисуют обстановку жизни московских студентов, их настроения, раскрывают обстоятельства его исключения из университета. С другой стороны, во второй группе немало бытовых, чисто личных, интимных сведений.

В XIX в. переписка выступает как важнейшее средство общения и информации. Этому способствует, с одной стороны, значительное развитие и усовершенствование почтовой службы, дороговизна и медленность средств сообщения, а с другой — жесточайший цензурный режим и отсутствие в прессе информации о событиях современной жизни. Поэтому переписка становилась важным средством информации о событиях и явлениях политической и идейной жизни, новинках литературы и искусства, действиях цензуры, настроениях общества.

Как источник переписка, подобно дневникам, отличается субъективностью, отрывочностью, передачей всякого рода слухов, непроверенных фактов, обилием личных и бытовых подробностей, намеков и полунанеков, значительная часть которых понятна лишь автору и адресату. В переписке много шуточных или специально зашифрованных имен, названий, городов, учреждений, журналов.

Все это крайне усложняет понимание и использование переписки как источника. Такие особенности частной переписки продиктованы различными причинами. В одних случаях это объясняется тем, что участники переписки не считали нужным разъяснять то, что им было понятно с полуслова, в других — постоянной перлюстрацией писем органами политического сыска.

Недаром значительная часть частной переписки участников революционного движения известна нам по копиям, снятым этими органами, или по задержанным ими оригиналам, которые фигурировали на суде как вещественные доказательства.

В условиях низкой грамотности непривилегированного населения, господства патриархальности в его быту переписка в этой среде не могла иметь широкого распространения. К тому же эти письма никто не собирал и не хранил. Поэтому до нас дошли случайные письма разночинцев, купцов, мещан XVIII — первой половины XIX в. Пострадал и фонд дворянской переписки этого времени. В пореформенное время большая часть усадеб приходит в упадок и разрушается или переходит в руки купцов, которые

не считают нужным хранить «старый хлам». Не заботятся об этом и потомки прежних владельцев усадеб.

Лучше сохранилась частная переписка лиц императорской фамилии и некоторых родов дворянской аристократии. Наиболее значительными комплексами этого рода переписки являются письма Петра I, переписка Екатерины II с Вольтером и ее зарубежным агентом бароном Гриммом. Черты публицистичности, служебной переписки дополняются чертами дипломатической, хозяйственной, интимной переписки в огромном комплексе переписки гр. Воронцовых между собой и рядом крупных государственных и политических деятелей, писателей, ученых, деятелей искусства. Большинство дошедших до нас писем Радищева сохранилось именно в этом комплексе.

Особенностью подобных комплексов переписки является наличие в них не только писем, получаемых адресатом, но и копий его ответов. Другой особенностью было то, что значительная часть переписки дворянской аристократии велась на французском языке.

Переписка передовых, революционных деятелей этого времени сохранилась гораздо хуже. Многое уничтожалось сразу же по получении, другое — в случае угрозы обыска и ареста, третье конфисковывалось.

Работая с дореволюционными изданиями и публикациями комплексов переписки и отдельных писем, относящихся к дореформенному периоду, необходимо учитывать ряд особенностей этих публикаций. В них нередко опущены не только отдельные части писем, целые письма, но и комплексы писем. В одних случаях это вызвано тем, что близкие автора, адресата или издатель считали несвоевременным или ненужным публикацию тех или иных писем из-за их интимного характера, или потому, что они показывают автора или адресата в невыгодном свете, а иногда потому, что содержание их казалось слишком мелким. Гораздо хуже, что другие пропуски были обусловлены цензурными препятствиями или опасением вызвать репрессии в отношении лиц, фигурирующих в письмах. С особой силой это сказывается на публикациях переписки представителей прогрессивного и революционного направлений.

Работая с перепиской при ее использовании в качестве одного из источников, очень важно располагать не только теми письмами, которые получал данный человек, но и его ответами. К сожалению, такая возможность представляется редко и в нашем распоряжении оказывается обычно одна часть переписки. Так, мы располагаем письмами Ломоносова, Пушкина, Белинского и почти не имеем писем к ним. Еще отчетливее этот недостаток выступает в изданиях писем видных деятелей науки, культуры, общественно-политической жизни и революционного движения.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

После 1861 г. начался капиталистический период русской истории. Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. отменила крепостное право. За ней последовали крупные внутренние реформы — земская, судебная, городская, военная. Совокупность всех этих перемен явилась первым шагом по пути превращения Российской империи из феодальной монархии в монархию буржуазную.

В процессе развития капитализма в 60—90-х годах XIX в. и в условиях монополистической стадии капитализма в начале XX в. претерпели значительные изменения социальная структура России и органы государственного управления: возникли нового типа общественно-политические, хозяйственные, культурные организации и институты. Как главные антагонистические классы в этот период противостояли друг другу российский пролетариат и российская буржуазия. Непримиимо острыми оставались взаимно противоположные интересы помещиков и крестьян.

Капиталистический период характеризовался ростом классовой борьбы, сильным обострением политических противоречий, неуклонно крепнущим натиском революционных сил. Не раз в стране возникали революционные ситуации — в 1859—1861 гг., 1879—1880 гг., 1904 г. Наконец, революционная обстановка начала XX в. переросла в первую буржуазно-демократическую революцию 1905—1907 гг.

В итоге ударов, нанесенных этой революцией самодержавию и эксплуататорским классам, царизм сделал новые уступки, совершил второй шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Принципы манифеста 17 октября 1905 г., аграрная реформа Столыпина, деятельность Государственных дум, легализация политических партий и профессиональных союзов, возникновение легальной большевистской печати и рабочих организаций были важными слагаемыми этого шага.

Вторая буржуазно-демократическая революция в России (февраль — март 1917 г.) была великой победой народа — самодержавие было низвергнуто. Победа послужила отправной базой для быстрого движения революционных сил к социалистической революции. Октябрь 1917 г. положил конец капиталистическому периоду истории России.

Особенности социально-экономического развития, перемены в государственном и общественном устройстве (выборные земские

и городские учреждения, Государственные думы, многочисленные общественные и профсоюзные объединения и пр.), острая политическая борьба — все это обусловило количественный рост разнообразных письменных источников, появление некоторых их новых видов.

Для капиталистического периода характерны такие в значительной мере новые, очень крупные группы источников, как: 1) документация политических организаций и партий; 2) богатейшая периодическая печать, центральная и местная; журналы и газеты разного общественно-политического направления, органы легальной, официально дозволенной прессы и издания вольной прессы, выходящей нелегально в глубоком подполье или же вне пределов Российской империи; листовки и прокламации; 3) статистические материалы — собрание, обработка, публикация различных статистических показателей получили широкое распространение. Данные статистики официально-правительственной, земской и общественной в 1861—1917 гг., подвергнутые взаимному сопоставлению и критической проверке, позволяют представить многие стороны истории капиталистической России. Существенно изменяются в содержании и формах, количественно вырастают и такие группы источников, как материалы законодательства, делопроизводственная документация, источники личного происхождения — воспоминания, дневники и личная переписка.

В дореволюционной России существовал сложный бюрократический аппарат. В результате деятельности органов управления в архивах отложился огромный комплекс документов официального делопроизводства. Государственный аппарат как средство насилия и угнетения оставил множество документальных источников, свидетельствующих о борьбе с революционным, общественным и массовым движением. Обострение международных противоречий в условиях империализма усложнило внешнеполитическую деятельность государства и сопровождалось созданием крупного комплекса источников по внешней политике России. Получила громадное развитие делопроизводственная документация банков, частных хозяйств и предприятий, монополистических объединений.

Заметно изменился социальный аспект источников личного происхождения — мемуаристика и личная переписка в значительной степени утратили свой преимущественно дворянский характер. Воспоминания и переписка писателей и общественных деятелей, выдающихся и рядовых участников революционного движения стали занимать видное место в источниках личного происхождения. В русской мемуаристике заметно выделяются воспоминания купцов, мещан, рабочих, крестьян, солдат. Публикация мемуаров, дневников, писем приобрела небывалый размах.

Многие группы и разновидности источников, особенно делопроизводственные и статистические, в эпоху капитализма приобретают черты массовых источников. Наиболее полный их источниковедческий обзор и изложение основных методических приемов

обработки и использования даны в коллективной монографии «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (М., 1979).

Главным видам источников и документов, наиболее характерным для исторического процесса 1861—1917 гг., посвящены главы третьей части.

Глава 17

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

§ 1. Общая характеристика законодательных актов

Законодательные акты составляют особый вид исторических источников, выражающих в юридических нормах интересы и волю господствующего класса. Они являются одними из основных источников в изучении внутренней и внешней политики.

В источниковедческом исследовании законодательных актов необходимо уделить особое внимание их происхождению. Изучение происхождения должно учитывать, во-первых, эволюцию политической надстройки, изменения государственного строя, во-вторых, конкретные факты, явления и процессы, которые обусловили принятие того или иного закона. При решении первой задачи законы, которые фиксировали эволюцию самодержавного строя, выступают в качестве основных источников. Появление законодательных актов обусловлено действием объективных и субъективных факторов. Так, рабочее законодательство, указывал В. И. Ленин, было вызвано к жизни самим процессом перехода от мелкой, кустарной промышленности к крупной, фабричной индустрии, что требовало правового регулирования отношений заводчиков и рабочих¹. Развитие аграрного капитализма обусловило дальнейшие шаги самодержавия в ломке крепостнических пережитков в деревне. При этом законодательство выступало как важнейшее средство, при помощи которого правящие круги стремились направить капиталистическую эволюцию в желательное русло.

Исследование происхождения законодательных актов связано с рассмотрением основных стадий формирования данного вида источника: законодательной инициативы (почина); разработки и обсуждения законопроектов; утверждения и обнародования (публикации) закона. Важнейшие изменения в самом процессе создания законов связаны с революцией 1905 г. Учреждение Государственной думы внесло определенные поправки в процедуру реализации законодательной инициативы, обсуждения и утверждения законодательных актов, но не изменило их принципиально. Характер и существо отдельных стадий формирования законодательных актов обуславливались сохранением в России самодер-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 58—59.

жавной власти на протяжении всего капиталистического периода. В проявлении законодательной инициативы определяющим было право царя на осуществление законодательного почина. Это право утверждалось Основными государственными законами. Попытки оппозиционных кругов выступать со всякого рода законопредложениями пресекались царем. В этом отношении характерен рескрипт от 29 апреля 1865 г., в котором подчеркивалось, что право почина по вопросам государственного устройства принадлежит исключительно царю и никому из подданных «не представлено предупреждать... заботы о благе России и предрешать вопросы о существенных основаниях ее общих государственных учреждений...». Этот вопрос не получил положительного разрешения и при создании Государственной думы, поскольку за царем сохранялось более полное и более значительное по содержанию право законодательной инициативы. Статья 8 Свода Основных государственных законов гласила: «Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по его почину Основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном совете и Государственной думе».

Существование самодержавной власти нашло отражение и в особенностях разработки законопроектов. Никакой строго определенной процедуры обсуждения законопроектов не было. Выработка новых законоположений могла осуществляться различными ведомствами. Довольно распространенным явлением было поручение как составления, так и обсуждения законопроектов специально учрежденным Особым совещаниям, комиссиям, комитетам. В отдельных случаях право составления проектов поручалось местным учреждениям, специально для этой цели созданным. Таким порядком осуществлялась разработка законодательных актов реформы 1861 г.

Как характерную черту необходимо отметить длительность рассмотрения предложений о каких-либо нововведениях. Однако из этого правила делались исключения для «боевых», реакционных законов. Характерен пример с новым Сводом Основных государственных законов. Стремясь изъять этот вопрос из повестки дня учрежденной Государственной думы, царизм в максимально короткий срок осуществил разработку новой редакции Свода и принял ее 23 апреля 1906 г., накануне открытия I Думы. Законы же о правах граждан, об отмене устаревших, порой диких правил были обречены на многолетнее обсуждение, в ходе которого претерпевали полное перерождение. Так, закон 29 марта 1893 г. об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин обсуждался с 1863 г. Закон о вознаграждении рабочих, пострадавших при несчастных случаях, разрабатывался 20 лет. Многократно поднимался вопрос об отмене концессионной системы акционерного учредительства, введенной еще в 1836 г. Положением о компаниях на акциях. В этой связи составлялись многочисленные проекты, однако их обсуждение шло настолько медленно, что авторы

предложениям успевали изменить свою позицию под влиянием меняющейся экономической конъюнктуры и прекращали разработку законопроектов.

Исследование разработки и обсуждения законопроектов помогает в раскрытии конкретных обстоятельств и подлинных причин принятия того или иного закона. Огромную помощь исследователю окажет изучение делопроизводственных материалов тех учреждений и органов, которые участвовали в разработке новых законоположений. Кроме этих источников необходимо обращение к материалам периодической печати, к дневникам и мемуарам современников, нередко раскрывающим обстоятельства закулисных воздействий на содержание законопроектов. Исследование подлинных мотивов принятия законодательных актов важно в связи с тем, что в преамбуле закона, как правило, содержалось преднамеренное искажение действительных обстоятельств. Так, в серии манифестов, провозглашенных накануне и в ходе революции 1905 г., в качестве причины их принятия отмечалась постоянная забота верховной власти об усовершенствовании государственного порядка. Но хорошо известно, что появление очередного манифеста было обусловлено новым натиском революционных сил.

На раскрытие подлинных причин разработки закона большое внимание обращал В. И. Ленин. Анализируя фабрично-заводское законодательство самодержавия, В. И. Ленин подчеркивал, что законы о штрафах, сокращении рабочего времени, вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев, приняты не благодаря заботам правительства об облегчении положения рабочих, а под давлением рабочего движения, роста сопротивления рабочего класса господствующим фабричным порядкам¹.

Обязательным этапом источниковедческого исследования законопроектов является рассмотрение их вариантов. Изучение этого вопроса помогает более точно интерпретировать классовую направленность закона, отраженную в нем расстановку классовых сил и позиции отдельных групп внутри классов. Сравнительный анализ законопроектов по подготовке отмены крепостного права помогает выявить интересы помещиков отдельных регионов России и предлагаемые ими в связи с этим формы и условия проведения реформы. Для определения позиций по аграрному вопросу буржуазных и мелкобуржуазных партий, а также дворянства важно сопоставление проектов, внесенных в I Государственную думу: «Проект основных положений» по аграрному вопросу трудовой группы (проект 104-х); «Проект основного земельного закона» (проект 33-х); предложения фракции кадетов (проект 42-х); основные положения по аграрному вопросу, принятые I съездом уполномоченных дворянских обществ.

При исследовании конкретных обстоятельств разработки и обсуждения законопроектов, которые определяли содержание за-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 25, 59, 270; т. 7, с. 327.

консультаций, законодательного акта, отражающие реальное соотношение классовых сил в стране, необходимо учитывать сложность социальной структуры российского общества. Так, бесспорно, что принятие актов фабричного законодательства обуславливалось прежде всего накалом борьбы между пролетариатом и буржуазией. Но характер закона, мера принятых правительством уступок в пользу рабочего класса зависели и от расхождений между отдельными группами российской буржуазии, между царизмом и буржуазией. Эти моменты имели место и в процессе разработки других направлений законодательства. В исследовании разработки аграрного законодательства следует учитывать особенности позиции по поводу методов политики в крестьянском вопросе Министерства внутренних дел и Министерства финансов.

При исследовании разработки законов следует различать собственно законопроекты и законопредложения. Первые составлялись и выдвигались теми учреждениями и организациями, которым поручалась разработка законодательных актов. Эти документы получают непосредственное отражение в законе. В условиях развития революционной ситуации возникал поток законопредложений по поводу различных реформ как в области экономических отношений, так и государственного устройства. Само появление подобных документов было отражением роста недовольства населения существующим положением. В то же время следует заметить, что этот процесс санкционировался правительством, в связи с чем он не может рассматриваться как проявление законодательной инициативы. Например, появление указа 18 февраля 1905 г. о возложении на Совет министров рассмотрения и обсуждения предложений об усовершенствовании государственного устройства и улучшении народного благосостояния породило появление огромного числа ходатайств, резолюций представительных организаций буржуазии, земских собраний, прошений и приговоров крестьянских обществ, выдвигавших мнение о необходимости различных социально-экономических и политических преобразований. В период деятельности Государственных дум своеобразной формой законопредложений стали «Наказы» избирателей и «Запросы» депутатов.

Право окончательного утверждения законодательных актов в течение всего рассматриваемого периода принадлежало только царю. Политические преобразования, вызванные революцией 1905 г., внесли некоторое изменение в эту процедуру, так как до утверждения нового закона царем требовалось его одобрение Государственной думой и Государственным советом. Но за провозглашавшей это весьма ограниченное право статьей 86 Свода Основных государственных законов следовала статья 87, допускавшая «в чрезвычайных обстоятельствах» принятие законов непосредственно царем и во время прекращения занятий Государственной думы.

Завершающая стадия формирования законодательного акта — его опубликование. Для того чтобы закон исполнялся, он должен

быть обнародован. В условиях самодержавной власти, правда, сохранялась особая группа законодательных актов, которая не подлежала широкой публикации и доводилась до сведения лишь узкого круга лиц. Это главным образом законоположения о борьбе с революционным движением. В качестве примера можно назвать закон от 19 мая 1871 г. об изъятии из ведения судебных следователей дознаний по политическим делам и передаче этих функций офицерам корпуса жандармов.

Напомним основные типы официальных публикаций законодательных актов и изменения, которые произошли в порядке издания законов. В 1862 г. была введена публикация законов в специальном периодическом издании «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате». Все утвержденные законодательные акты, предназначавшиеся к публикации, помещались на страницах «Собрания узаконений». В хронологии этого издания была особенность: законы публиковались не в порядке их утверждения царем, а по мере поступления в Сенат. «Собрание узаконений» выходило небольшими сборниками. Сроки издания не были строго определены. Первоначально издание выходило 2 раза в неделю, затем — чаще. К изданию составлялись хронологический и алфавитный указатель на каждое полугодие. «Собрание узаконений» издавалось вплоть до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. и было продолжено под названием «Собрание узаконений Временного правительства».

Продолжала осуществляться публикация законодательных актов и в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ). Вторую половину XIX — начало XX в. освещают акты, помещенные во II и III собраниях ПСЗ. II собрание (54 тома) включает законодательные акты с 1825 по 1881 г., III собрание (32 тома), оставшееся незавершенным, — законодательные акты с 1881 по 1913 г. В принципы публикации III собрания в 1885 г. были внесены некоторые изменения: из издания была исключена часть актов, признанных не столь важными. Так, в III собрании публиковались не все уставы акционерных обществ, городских, земских и частных кредитных учреждений, хотя и указывались наименования исключенных актов. Сохранялся хронологический принцип издания. Законодательные акты или дополнения к ним, утверждавшие штаты учреждений, табели, планы городов, таможенные тарифы, рисунки форменной одежды и пр., публиковались в приложениях к соответствующим томам.

Полного переиздания «Свода законов Российской империи» в XIX в. не осуществлялось, но продолжалась публикация соответствующих дополнений и переиздание отдельных частей. Получила распространение практика неофициальных переизданий «Свода законов». Это вызывалось потребностями юридической практики, так как «Свод законов» содержал действующее законодательство. Напомним, что предметно-тематический порядок печатания законодательных актов в «Своде законов» сопровож-

дался определенными элементами систематизации и кодификации законодательства, т. е. по отдельным вопросам суммарно, обобщенно, иногда в пересказе излагалась целая группа законов. Это требует сопоставления соответствующих частей «Свода» с текстами законодательных актов, лежащих в его основе¹.

Основные принципы, направления, содержание приемов источниковедческого анализа законодательных актов неразрывно связаны и обусловлены особенностями законодательства данного времени. В свою очередь, специфика законодательства определялась в значительной мере сохранением в России самодержавной власти.

Каковы же эти особенности? Прежде всего, необычайное многообразие законодательных актов. В основе этого факта лежит то, что любое «волеизъявление» царя имело или могло приобрести силу закона. Заметим, что в России так и не были выработаны строгие критерии отличия законодательного акта (или закона в широком смысле этого слова) от административного распоряжения. Такие формальные моменты, как царская подпись на акте (а не только косвенное утверждение), прохождение закона через Государственный совет, а впоследствии через Думу и Совет, помещение документа в «Полном собрании законов», имели множество отклонений, которые не позволяют разделить законодательные акты и административные распоряжения. Это приводило к тому, что законодательный характер мог придаваться тому или иному документу даже спустя какое-то время. Показателен пример с всеподданнейшим докладом С. Ю. Витте от 17 октября 1905 г., где кроме предложений о создании Государственной думы шла речь и о преобразовании Государственного совета. Резолюция царя к докладу гласила: «Принять к сведению». Если предложение об учреждении Думы нашло отражение в принятом в тот же день манифесте, то идея о Государственном совете была реализована лишь в манифесте 20 февраля 1906 г. Появление его вызвало недоумение юристов, поскольку высочайше одобренный доклад не публиковался. Встречаются факты, когда законодательная норма придавалась устным распоряжениям царя. Не было выработано четких критериев строгого соответствия определенной формы акта содержанию заключенной в нем правовой нормы. По поводу однозначных явлений и отношений принимались неоднотипные законодательные акты.

Манифесты являются одной из распространенных форм законодательства. Их появление было связано с такими чрезвычайными обстоятельствами, как восшествие на престол (манифест Александра III от 29 апреля 1881 г.); провозглашение важ-

---

¹ Подробнее об особенностях публикаций законодательных актов см.: *Корево Н. Н.* Собрание сведений об изданиях Свода законов и продолжений к нему, Полного собрания законов, Сводов военных и морских постановлений, а также об издании местных законов. СПб., 1917.

нейших социально-экономических или политических преобразований (манифест 19 февраля 1861 г., манифест 17 октября 1905 г.). В условиях роста революционного движения и усиления оппозиционных выступлений во второй половине XIX — начале XX в. распространение приобретают манифесты, содержащие всякого рода обещания реформ и служащие для успокоения нараставшего недовольства. В условиях же развития революции появляются манифесты, провозглашающие те или иные преобразования. Примерами подобных актов могут служить манифесты от 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», от 3 ноября 1905 г. «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения».

Положения являлись формой законодательного акта, определявшего деятельность государственных и частных учреждений, организаций, правовое состояние отдельных сословий, порядок управления некоторых регионов. Так, новое социально-экономическое положение крестьянства по реформе 1861 г. было определено в 19 законодательных актах, каждый из которых посвящался какой-либо одной группе крестьянства или вопросу: «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», «Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий», «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях великорусских, новороссийских и белорусских» и др. Примерами разновидности законодательных актов могут служить также «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» (1864 г.), «Положение о земских учреждениях» (1890 г.), «Положение о выборах в Государственную думу» (1906 г.).

Закон как особая разновидность законодательных актов встречается сравнительно редко. Особое значение этой категории было придано после учреждения Государственной думы. Свод Основных государственных законов не только определял процедуру утверждения новых законов, но и пытался дать толкование в разграничении их с указами и повелениями царя. Последние могли приниматься царем в порядке верховного управления, но в соответствии с законами. И в XIX в., и в начале XX в. имеют место случаи, когда в виде закона принимались административные распоряжения. Например, III Думой были приняты законы «Об отпуске из государственного казначейства дополнительных средств на освещение дома военного министерства», «О порядке отопления и освещения мест заключения и отпуска на эти надобности потребных материалов». Подобное законодательствование по мелочам отражало бессилие Думы, неспособность ее решать коренные вопросы.

Распространенной формой законодательных актов были указы, ставшие после 1906 г. основной формой так называемого

внедудского законодательства. Указы могли фиксировать новые правовые нормы по значительному кругу вопросов. Так, одним из основных документов, знаменовавших начало столыпинских аграрных преобразований, был указ 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Указом 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» под натиском революционной бури упразднялись некоторые остатки крепостничества в правовом положении крестьянства. Подобные акты могли в дальнейшем обсуждаться в Государственной думе и Государственном совете и быть принятыми, конечно с изменениями и дополнениями, в качестве законов. Именно такая связь существует между указом 9 ноября 1906 г. и законом 14 июня 1910 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении». Указы принимались и в случае распространения существующей правовой нормы на новые регионы или сословия. Указы могли выступать в качестве сопроводительных документов к другим законодательным актам, извещать об их санкционировании и введении. Указ был избран той формой законодательного акта, которая определяла сроки выборов и порядок работы Государственной думы.

Своеобразной формой актов были уставы. Можно выделить несколько их категорий. Существовали уставы, определявшие важнейшие изменения в политической надстройке. К ним относятся судебные уставы 1864 г. и Устав о воинской повинности, отражавшие и закреплявшие буржуазные преобразования 60-х годов XIX в. Но одновременно устав мог выступать как кодификационный акт, вбиравший целую группу законоположений. К их числу принадлежал Устав о промышленности. Устав являлся и формой частных законодательных актов. В условиях существования концессионной системы акционерного учредительства устав каждого акционерного общества утверждался царем и выступал как специальное законоположение.

Значительное распространение имели акты в виде высочайше одобренных мнений Государственного совета. Так, акты, положившие начало фабричному законодательству России, были приняты именно в такой форме: высочайше утвержденные мнения Государственного Совета от 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» и от 3 июня 1886 г. «По проекту Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции».

Существовала такая своеобразная форма законодательного акта, как высочайшее повеление. Документ подобного типа стал основой возобновления в октябре 1905 г. деятельности Совета министров. Высочайшим повелением от 12 августа 1906 г.

Крестьянскому банку для продажи крестьянам передавались удельные земли.

Рассмотренные формы не исчерпывают всего перечня разновидностей законодательных актов самодержавия, поскольку к ним также относились рескрипты, высочайше одобренные Особые журналы Совета министров, Временные правила и др.

Особую группу среди законодательных актов составляют внешнеполитические документы, т. е. разного рода международные пакты. При работе с ними следует помнить, что вся полнота власти во внешних сношениях России принадлежала царю. Им определялись направления международной политики, объявлялись война и мир, заключались договоры с другими странами. Сохраняются многие разновидности международных актов, которые были характерны и для предшествующей эпохи: договоры, конвенции, соглашения, декларации. Более общий характер, фиксирование значительного круга вопросов межгосударственных отношений присущи таким документам, как договоры и трактаты. В качестве примеров можно назвать Сан-Стефанский мирный договор 3 марта 1878 г., Берлинский трактат 13 июля 1878 г., Портсмутский мирный договор 1905 г. Соглашения, конвенции, протоколы, посвященные отдельным, специальным вопросам, имели более частный характер. Так, Лондонская конвенция 1871 г. отменяла статьи Парижского мира, ограничивавшие права России и Турции на Черном море. Нередко такого рода документы были секретными, но в то же время они предопределяли суть обнародованных документов. Например, вынужденное отступление царизма на Берлинском конгрессе 1878 г. было предпринято тайными соглашениями России с Австро-Венгрией и Англией.

В силу большой юридической значимости международные договоры имели строго определенный формуляр. Они вступали в силу после их ратификации (утверждения) царем.

Однако постепенно от строго определенной юридической формы международных актов делаются отступления. Некоторые важнейшие международные соглашения оказались зафиксированными в таких формах дипломатической переписки, как ноты, памятные записки, письма. Так, заключение франко-русского союза в 1891 г. было произведено путем обмена письмами между французским министром иностранных дел и русским послом во Франции.

Во второй половине XIX — начале XX в. происходит определенная эволюция содержания международных актов: все более значительное место в них занимают финансово-экономические проблемы, решение вопросов разграничения сфер влияния, как военно-политического, так и экономического. Появление подобных соглашений свидетельствует о перерастании капитализма в монополистическую стадию и активности участия России в борьбе за колонии и рынки сбыта. Примером могут служить русско-английские конвенции 1907 г. о Персии, Афганистане и Тибете. По по-

воду их заключения В. И. Ленин писал: «...делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)»¹.

§ 2. Основные методы и приемы анализа законодательства

Одним из основных методов источниковедческого анализа законодательных актов является литературно-юридический. Вместе с уже перечисленными приемами и направлениями критики царского законодательства он служит глубокому раскрытию классовой направленности законодательства, без чего не может быть правильной интерпретации данного источника.

Блестящие образцы литературно-юридического анализа законодательства самодержавия и его методологическое обоснование дал В. И. Ленин в ряде своих работ. К их числу относятся «Объяснение закона о штрафах», «Новый фабричный закон», «Самодержавие колеблется» и др. В. И. Ленин подчеркивал, что необходимость литературно-юридического анализа обусловлена рядом моментов. Прежде всего правительство преднамеренно вуалировало классовые цели своего законодательства. Это, в частности, достигалось неясностью, нечеткостью, прямым искажением основных понятий закона. Именно поэтому основные категории закона находятся в центре внимания и критического разбора В. И. Ленина. Так, им показана вся неправильность содержащихся в рабочем законодательстве определений «штрафа», «сверхурочного», «ночного времени» и т. д. В процессе литературно-юридического анализа законодательных актов В. И. Лениным была выявлена особенность формулировок, фиксировавших права трудящихся и представителей господствующего класса. В. И. Ленин писал: «Русские законы можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены какие-нибудь права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрящают что-либо и позволяют чиновникам запрящать. В первых законах все, самые мелкие права рабочих *перечислены с полной точностью...* и *ни малейших* отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар. В таких законах никогда уже вы не встретите ни одного «и т. п.» или «и пр.». В законах второго рода *всегда* даются только общие запрящения *без всякого точного перечисления*, так что администрация может запрятить *все, что ей угодно*; в этих законах всегда есть маленькие, но очень важные добавления: «и т. п.», «и пр.»².

Надо заметить, что сфера применения литературно-юридического анализа законодательных актов самодержавия значительна еще и в силу такой их специфики, как архаичность и казенно-канцелярский стиль языка законов. Царские законы, писал В. И. Ленин, надо переводить с казенного на русский язык. Многие формулировки статей отдельных законов восходили еще к

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 669.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 285.

XVIII в. Так, в «Уставе о промышленности» 900-х годов без всяких изменений воспроизводилась статья, сформулированная в законодательстве еще в 1723 г.: «По свойству материалов заведения разделяются на заводы, фабрики, мануфактуры: 1) царства животного, 2) царства прозябаемого, 3) царства ископаемого». И хотя в государственной практике действовали новейшие классификации отраслей промышленности, в законе оставались все те же малопонятные определения. Таковую же архаичность языка мы видим в манифестах, отличавшихся особо высокопарным стилем.

Одной из особенностей законодательства России является законодательное регулирование самых различных сторон экономической, политической и культурной жизни. Мелочная законодательная регламентация имеет свои корни и истоки в средневековой эпохе. Об этой специфике В. И. Ленин писал: «...пустяшное изменение устава какого-нибудь товарищества или продление срока для оплаты его акций составляют предмет особых узаконений, зависит просто от тяжеловесности нашей государственной машины; достаточно маленького «усовершенствования механизма», и все это отойдет в область ведения местных учреждений. Но, с другой стороны, тяжеловесность механизма, чрезмерная централизация, необходимость самому правительству сунуть во все свой нос — все это явления общие, распространяющиеся на всю нашу общественную жизнь, а вовсе не на одну только сферу торговли и промышленности»¹.

Ленинское наблюдение можно подтвердить множеством примеров. Только за 7 дней января 1900 г. было принято свыше 20 законодательных актов, вошедших затем в ПСЗ. Они поражают незначительностью содержания: именной высочайший указ «Об утверждении земельного участка для возведения воинских казарм близ г. Брест-Литовска», высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О расходах на устройство перевозки почт по железнодорожной линии Иркутск — Сретенск», высочайше утвержденное Положение Военного Совета «О предоставлении Военному министру и начальнику Генерального штаба права на получение фуражного довольствия по 1-му разряду не на три, а на 5 лошадей» и др.

Какие выводы необходимо сделать из этого? Во-первых, место законодательных актов в общем комплексе источников второй половины XIX — начала XX в. значительно и к ним приходится обращаться при исследовании различных аспектов истории России. Во-вторых, к некоторым категориям законодательных актов применим статистический метод изучения. Примером использования статистического анализа в исследовании законодательства самодержавия является работа В. И. Ленина «Случайные заметки. III. Объективная статистика». Следует, однако, предостеречь от расширительного толкования ряда положений этой работы и осо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 425.

бенно характеристики законодательных актов как массовых источников. Необходимо обратить внимание исследователей на три замечания В. И. Ленина. Во-первых, условность понятия статистического метода, что подчеркивается использованием кавычек к терминам «статистика», «статистическая» обработка. Во-вторых, анализируется так называемое «будничное» законодательство, т. е., по существу, рассматриваются лишь отдельные разновидности актов. В-третьих, В. И. Ленин прямо указывал, что подсчеты возможны именно потому, что в рассматриваемый период не было принято «никаких особенно выдающихся законов, ничего такого, что отодвигало бы совершенно на задний план все остальное и налагало особую печать на данный период внутреннего управления»¹. Таким образом, только отдельные разновидности законодательных актов, отражавшие массовые явления и процессы, могут быть отнесены к категории массовых источников и подвергнуты статистической обработке. В целом же по своей природе законодательные акты, являвшиеся результатом сложных классовых столкновений или компромиссов, представляют собой уникальные источники и требуют индивидуального подхода.

Распространенность законодательной регламентации, многообразие законодательных актов, их нерасчлененность с административными распоряжениями порождали противоречивость, параллельность законодательства, сохранение актов, которые практически перестали исполняться. Эти моменты требуют внимательного отношения к использованию источников. Например, «Устав о промышленности» и в начале XX в. воспроизводил законодательное требование о порядке и форме представления ежегодных ведомостей владельцами промышленных заведений. Однако в данном случае источник не отражал реальной действительности, поскольку после 1897 г. практика подачи ведомостей была прекращена. Или другой пример. Акционерное законодательство, существовавшее в виде Положения 1836 г. об акционерных компаниях, корректировалось не только системой принятых к нему поправок, но и частным (сепаратным) законодательством в виде высочайше утвержденных уставов отдельных обществ. В результате возникала определенная противоречивость общего и частного законодательства, поскольку последнее точнее отражало требования практики.

При использовании законодательных актов нельзя не учитывать различные циркуляры, инструкции, правила, которые принимались в порядке разъяснения практики применения закона. Эти документы использовались правительством как средство ограничить те правовые нормы, которые были приняты. Подобные сопутствующие документы служат важным источником в более точной интерпретации классовой направленности законодательства. О том, какое большое значение придавали господствующим классам подобной практике изъятий, оговорок, откровенно сказано в резолюции VIII съезда дворянских уполномоченных: «Почти всякий

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 423—424.

закон в его вредном действии можно, до известной степени, обезвредить путем циркуляров и сенатских разъяснений и дополнительных кратких законодательных новелл. Можно до известной степени ввести противоядие в отношении того или другого законопроекта». По поводу этой особенности российского законодательства В. И. Ленин писал: «Императорское правительство очень любит писать хорошие слова в законах, а затем позволять обходить эти законы, заменяя их *инструкциями*»¹.

Одной из характерных черт законодательства был большой разрыв между утверждением закона и сроком введения его в действие, при этом законы часто распространялись на ограниченную территорию. Показателен пример судебных уставов. При их утверждении в ноябре 1864 г. срок введения в действие не определялся. 19 октября 1865 г. было опубликовано Положение о введении уставов, причем только с 1866 г. и только в округах Петербургской и Московской судебных палат. В остальных 44 губерниях, управлявшихся согласно «Общему губернскому положению», лишь с 1870 г. На практике же новый суд к 1870 г. был введен только в 23 губерниях Европейской России. Отмечая подобную специфику царского законодательства, В. И. Ленин писал: «Редкий закон... вводится у нас сразу для всей России, без изъятий, без трусливых отсрочек...»²

Указанные направления источниковедческого анализа не исчерпывают всего комплекса методических приемов. Плодотворным, например, является метод сравнительного анализа российских законодательных актов однотипного содержания, принятых в разное время; сопоставление их с западноевропейскими. Изучение практики реализации законов также помогает истолкованию и оценке исторического значения законодательных памятников.

Глава 18

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

§ 1. Общие принципы изучения делопроизводственных материалов

Делопроизводственная документация составляет один из самых больших по количеству и разнообразных по типам видов исторических источников. Делопроизводство — деятельность аппарата управления учреждений, организаций и предприятий, связанная с процессом создания документов. Понятие делопроизводства включает перемещение документов в информационных целях и в связи с рассмотрением, утверждением, исполнением и также организацию их хранения.

Эволюция делопроизводственных документов в условиях капиталистической России имела свои особенности. Развитие и рас-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 302.

² Там же, с. 55.

ширение управленческих функций государственного аппарата повлекло повышение роли делопроизводства. В известном смысле оно становилось особой областью государственного управления. Усложнение социально-экономических отношений определило формирование наряду с документацией государственных учреждений делопроизводственных материалов частнокапиталистических предприятий и объединений.

Развитию делопроизводства содействовал рост общественных потребностей в информации и обмен ею. Успехи техники и культуры также ускоряли процесс возникновения делопроизводственных документов. Постепенно все больший удельный вес стали занимать документы, воспроизведенные механическим способом. Наряду с типографскими появляются документы, отпечатанные на множительных аппаратах: гектографе, мимеографе, стеклографе. В конце XIX в. появилась машинопись. Большое распространение в делопроизводстве получили различные типографские бланки со штампом учреждения и определенным текстом, в который следовало лишь вписывать отдельные слова, фразы.

Особенностью делопроизводства данного времени является строгое регламентирование документов по их внешним признакам и по содержанию. Документы должны были иметь соответствующие заголовки, индексы, состоять из установленных разделов, что определялось в законах и распоряжениях верховной власти. Появилось много изданий по ведению делопроизводства как государственных учреждений, так и частнокапиталистических предприятий и организаций.

Делопроизводственная документация периода капитализма по происхождению делится на три основных комплекса: документация государственных учреждений; документация частных хозяйств и предприятий, банков и монополистических объединений; документы общественных и политических организаций, партий.

Наметим общие принципы и направления в методике изучения делопроизводственных материалов.

Исследование должно начинаться с изучения истории учреждения, организации и предприятия. Выясняются функции, задачи фондообразователя, поскольку они обуславливали состав и содержание материалов. Обычно цели, структура учреждения, предприятия или организации определены в уставе, положении, программе или договоре. Строго говоря, эти виды документов не относятся к делопроизводственной документации и представляют акты или нормативные документы. Они возникали не в процессе деятельности данного учреждения, предприятия или организации, а предшествовали их созданию в иных инстанциях. Но именно такие документы определяют характер того или иного комплекса, группы, разновидности делопроизводственной документации; их нужно знать.

При анализе делопроизводственной документации важно уделить максимальное внимание внутренней структуре учреждения, предприятия, выявить основные его структурные единицы, которые

осуществляли решение вопросов, входящих в компетенцию данного учреждения или предприятия. Именно это поможет определить особенности делопроизводства, порядок прохождения дел, систему учета, комплектования бумаг, наконец, основные разновидности делопроизводственной документации. Изучение этих вопросов позволяет решать вопросы об авторстве, адресате, целях и обстоятельствах составления документов, их вариантов. Исследование внутренней организации делопроизводства, равно как и связей данного учреждения или предприятия с другими и между собой, оказывает неоценимую помощь в розыске документов, в установлении их места в общей системе делопроизводственного комплекса.

Необходимо комплексное изучение делопроизводственных материалов. Это связано прежде всего со спецификой источника. Делопроизводственные документы не существуют единично, это всегда система документов, связанных друг с другом. Движение документов осуществлялось определенным порядком и порождало соответствующее фиксирование и обобщение информации на каждой ступеньке управленческой лестницы.

Комплексный метод изучения в то же время не исключает определенной систематизации материалов, выделения основных, ключевых документов в том или ином фонде. Систематизация, группировка материалов позволяет не только оценить отдельные документы, но и показать их взаимодействие. В результате достигается раскрытие полноты, достоверности, информационной значимости как всей совокупности материалов, так и отдельных их частей. Это не столько сравнительное изучение документов, что тоже необходимо, сколько исследование документов в их органической взаимосвязи.

Комплексный метод исследования делопроизводственной документации должен учитывать взаимодействие, определенное взаимопроникновение документов частнокапиталистических предприятий, общественных и политических организаций и партий в систему материалов государственных учреждений. Этот факт чрезвычайно важен как в самом анализе, критике источников, так и в их поиске, выявлении.

В процессе источниковедческого исследования нельзя забывать и о существовании отдельных систем, разновидностей, вариантов (черновик, оригинал, копия, отпуск и т. д.) делопроизводственных документов, требующих учета особенностей их происхождения и соответствующей методики анализа и использования.

§ 2. Документация государственных учреждений

Делопроизводственная документация государственных учреждений включает материалы высших и центральных органов власти (Государственный совет, Государственная дума, Комитет министров, Совет министров, министерства, Сенат, Синод), чрезвычайных, временных учреждений (сенаторские ревизии, междуве-

домственные Особые совещания, Комитеты, Комиссии) и местных органов. Всем этим комплексам документов присущи как общие черты, так и особенности в формировании, составе и содержании информации.

Для изучения делопроизводственной документации всех государственных учреждений прежде всего необходимо ознакомиться с законодательными актами или административными распоряжениями, которые являлись основой создания и деятельности соответствующих учреждений. Такие акты (распоряжения) определяли компетенцию, структуру, штаты, организацию делопроизводства, в том числе порядок ведения и сами разновидности документации данного учреждения.

В исследовании формирования документальных комплексов некоторых длительно существовавших учреждений и институтов надо учитывать первоначальное законодательство, принятое еще в XVIII — первой половине XIX в. и выполнявшее роль общего законодательства, и акты и нормативы, принятые в более позднее время. В этом отношении характерны материалы сенаторских ревизий. Начало развития этого документального комплекса было положено указом Петра I от 4 апреля 1722 г. Но в XIX в. задачи, функции, порядок работы и, следовательно, порядок формирования материалов сенаторских ревизий определялся новыми актами. Часто такое специальное установление в отношении какой-то определенной ревизии выступало как общее законодательство при последующих ревизиях. Можно привести множество других примеров подобной практики.

В системе отдельных государственных учреждений складывались многообразные типы делопроизводственной документации. Остановимся на обзоре наиболее распространенных ее групп и разновидностей.

Одной из основных групп делопроизводства, формировавшейся как в постоянных, так и во временных учреждениях коллегиального характера, была **протокольная**, представленная такими разновидностями, как журнал и стенограмма. Журнал является более или менее подробной протокольной записью заседания. В журнале указывалось, какому учреждению он принадлежит, проставлялись номер, дата заседания, присутствовавшие. Далее излагались содержание рассматриваемого вопроса и мнения присутствующих. Однако обсуждение обычно записывалось безлично: указывалась точка зрения большинства и меньшинства или только резолюция по вопросу. Особенно краткими были журналы Комитета министров, присутствий департамента Сената и их общих собраний, различных временных комитетов и междведомственных особых совещаний, а также губернских и уездных учреждений.

Показательны журналы многочисленных комиссий и комитетов, занимавшихся разработкой и проведением реформы 1861 г. и связанных с ней преобразований. Например, из журналов Главного Комитета об устройстве сельского состояния можно узнать

только содержание обсуждавшихся документов и заключение по ним. Ход прений в журналах не отражен. Так же составлялись и журналы Комиссии о губернских и уездных учреждениях. Они нередко завершались фразой: «После происходивших рассуждений это последнее заключение было принято большинством членов комиссий».

Почти совсем не сохранились предварительные, черновые протокольные записи, которые служили основой для составления журналов, велись обычно на самом заседании и, очевидно, уничтожались после написания текста журнала, на что указывает их отсутствие. Между тем немногие уцелевшие черновики протоколов заседаний, например Совета министров, показывают, насколько приглашенным выходил официальный текст журнала. Общие и особые журналы Совета министров (октябрь 1905 — март 1917 гг.) составлялись по законопроектам ведомств и самого Совета, по законодательным предположениям или запросам членов Государственной думы, по донесениям, ходатайствам лиц, запискам, проектам отдельных учреждений и представляли главным образом изложение принятых текстов этих документов. Сохранившиеся черновые протокольные записи отражают острую борьбу внутри Совета, дают более точное изложение мотивов принятия решений, любопытные свидетельства демагогической тактики правительства по обману думской оппозиции.

В остальных случаях помочь восстановлению хода обсуждения могут сопутствующие журналам документы: особые мнения участников заседания, замечания на представленные к обсуждению документы, а также материалы личного происхождения: дневники, воспоминания, письма.

Более полными были журналы Государственного совета. В них подробно излагались поступившие на обсуждение документы, общались мнения отдельных лиц Совета с указанием их фамилий. Восстановлению всей картины прохождения в Государственном совете того или иного вопроса помогают сохранившиеся черновики протоколов наиболее важных заседаний, а также приложения к журналам, которые включают не только представленные проекты, доклады, но и замечания к ним, первоначальные и отредактированные записи речей.

Подробной записью заседания является стенограмма, но делопроизводство государственных учреждений XIX в. почти не знало стенограммы. В начале XX в. стенографические отчеты составлялись о заседаниях Государственного совета и Государственной думы. Они детальнее отражают прения в этих учреждениях. Например, в Государственной думе стенографические отчеты составлялись присяжными стенографами, затем текст просматривался членами Думы, которые могли вносить свои замечания, и одобрялся председателем Думы. Стенографические отчеты заседаний Думы позволяют раскрыть картину классовой и внутриклассовой борьбы в стране, столкновений отдельных партий и партийных группировок. По стенограммам видно, как прерывались

выступления рабочих депутатов, как правое большинство Думы не давало, прозвучать слову представителей российского пролетариата и крестьянства. Ясно, что стенографические отчеты Государственной думы не отражают в полной мере взгляды левых и должны быть дополнены сведениями из других источников (большевистские газеты, документы архивов социал-демократических фракций в Думе, воспоминания рабочих депутатов). Не следует преувеличивать значение стенографических отчетов Думы и в отношении выступлений правых депутатов. Гласность отчетов не способствовала откровенности в изложении этими депутатами своих взглядов. Подлинные цели вносимого ими законопроекта, действительное существо позиции нередко скрывались за демагогическими фразами.

Важны стенограммы, составлявшие для внутренних потребностей. Они обычно служили исходным материалом для составления гласных журналов учреждения. Примером подобных журналов и стенограмм являются документы эвакуационной комиссии, Металлургического комитета Особого совещания по обороне государства, образованного в условиях войны законом 17 августа 1915 г. Сравнение стенограмм и сокращенных, исправленных текстов журналов свидетельствует о том, что именно хотелось скрыть их составителям. Обычно это были факты из области промышленной и финансовой тайны, примеры беззастенчивой наживы промышленников на государственных заказах, безудержного повышения ими цен на важнейшие материалы, сведения о репрессиях против рабочего движения. Необходимо отметить, что в стенограммы заседаний и в черновики протоколов не заносилось содержание обсуждавшегося документа и не всегда было отчетливо сформулировано решение. Эти важнейшие элементы заседания более полно и четко отражены в окончательных текстах журналов.

Значительное место в делопроизводственном комплексе занимает **отчетная** документация: отчеты, доклады, докладные записки. Существовали годовые отчеты, отчеты-обзоры за несколько лет о деятельности центральных и высших государственных учреждений и отчеты местных учреждений.

Одной из важнейших разновидностей отчетов являлись **министерские отчеты**. Отчет был одним из основных обобщающих документов о деятельности этих учреждений. Необходимость представления отчетов министерствами определялась законодательными актами и специальными распоряжениями не раз. И все-таки отчеты представлялись не систематически. Бюрократические учреждения стремились избежать любых форм контроля и постоянно нарушали порядок представления отчетов.

Главными принципами составления отчетов министерств было освещение их деятельности по подразделениям (отделам, департаментам) или направлениям. Например, отчеты Министерства торговли и промышленности, Министерства финансов формировались по структурному признаку. Осуществлялись даже публика-

ции отчетов отдельных департаментов и отделов этих министерств. Отчеты отдела промышленности Министерства торговли и промышленности издавались с 1910 по 1914 г. ежегодно. Отчеты других министерств составлялись по тематическому принципу. Так строился отчет Министерства внутренних дел, который имел разделы: «Крестьянское дело», «Охранение внутренней государственной безопасности» и др.

Важнейшей составной частью отчетов министерств являются прилагаемые к ним статистические ведомости и таблицы. Систематичность данных этих ведомостей и таблиц, мало изменявшаяся форма представления позволяют изучать соответствующие сведения в динамике. Отсутствующие отчеты министерств частично могут быть восполнены сохранившимися подготовительными материалами к ним, а также изданными историческими обзорами о деятельности министерств, например: «Очерк 50-летия деятельности Министерства государственных имуществ. 1837—1887 гг.» (СПб., 1887), «Обзор деятельности Министерства путей сообщения за время царствования императора Александра III» (СПб., 1902). Насыщенность этих очерков фактическим материалом делает их интересным источником.

Одним из самых систематических источников по истории отдельных регионов России являются губернаторские отчеты. На протяжении второй половины XIX в. тематика и количество сведений, содержащихся в этих отчетах, все время расширялись. Губернаторы давали обзор природных условий; численности населения с указанием сословий, вероисповедания; освещали состояние сельского хозяйства, технику земледелия; развитие промышленности и промыслов; сообщали данные о рабочем и крестьянском движении. С 1870 по 1898 г. отчет делился на две части: собственно отчет, содержащий сведения, достойные внимания царя, и обзор, который давал полную характеристику положения губернии и имел в качестве приложения 8 ведомостей. В 1897 г. обзоры были отделены от отчетов, для последних отменялась строго определенная форма. Однако большинство отчетов продолжало составляться по старым образцам.

Сведения отчетов министерств и отчетов губернаторов должны проверяться. В критическом анализе нуждаются выводы, оценки, мотивы действий, которые изложены в этих отчетах с позиций господствующего класса и имеют к тому же часто ведомственный характер. Система сбора сведений, в том числе и статистических, к отчетам была далеко не совершенна, поэтому они не свободны от фактических неточностей.

По форме очень близки к отчетам доклады министров и губернаторов, которые представлялись царю (всеподданнейшие), в Совет министров, в министерства (от губернаторов) и в другие центральные и верховные учреждения. В отличие от отчетов доклад посвящался конкретному вопросу, проблеме или событию. Всеподданнейшие доклады представляют большой интерес с точки зрения изложения взглядов какого-то лица, государствен-

ного деятеля, руководителя ведомства. Для исследователей на этих документах имеют значение пометы царя, которые отразили отношение самодержавной власти ко многим важным вопросам.

Циркулировавшие в государственных учреждениях доклады обычно состояли из трех частей: введение с изложением дела, обоснование со ссылками на законодательство и заключение или «соображение», в которых формулировались выводы по докладу. Это могли быть распоряжения, предложения (в том числе законодательные), ходатайства и просьбы. Точное формулирование выводов было важным требованием к докладам, так как по ним должно было состояться какое-то решение.

Доклады и докладные записки могли быть первичным, инициативным документом в формировании дела. Кроме того, доклады, справки, докладные записки выступали как приложение, сопутствующий документ к другим материалам официального делопроизводства.

Важнейшей группой делопроизводственной документации является **переписка**. Она отличается многообразием разновидностей документов. Переписка государственных учреждений делится на три основные подгруппы: переписка вышестоящих органов с подчиненными им учреждениями; переписка равных учреждений или учреждений, не находящихся в подчинении друг у друга; переписка нижестоящих учреждений с вышестоящими. Для каждой подгруппы характерны определенные разновидности документов. В состав первой подгруппы входили предписания, распоряжения, приказы, циркуляры, запросы. Основной формой переписки равных учреждений были официальные письма, сношения, отношения, сообщения. Снизу вверх направлялись рапорты, донесения, представления, прошения, жалобы.

Следует знать, что все эти документы существовали обычно в двух экземплярах. Подлинник отправлялся адресату; в делах учреждения-отправителя оставался отпуск (копия данного письма). Наличие отпуска часто помогает восстановить утраченные документы. Как отправленный подлинник, так и отпуск должны иметь соответствующие удостоверения: подпись автора письма или делопроизводителя, дату, входящий или исходящий номер. Если этих указаний на документе нет, факт отправки письма, циркуляра может быть подвергнут сомнению. В делах нередко сохранялись различные варианты проектов писем, которые могли быть написаны или даже отпечатаны на бланке учреждения, но не были отправлены. Текст отправленного письма мог существенно измениться по сравнению с первоначальным вариантом.

При рассмотрении материалов переписки учитывают деление ее на входящую и исходящую. Особенности последней определяются характером и структурой учреждения-отправителя. Входящая документация бывает более разнообразной. Например, в делах государственных учреждений в разделе переписки представлены не только документы государственных органов и частнокапиталисти-

ческих предприятий, но и документы, принадлежащие трудящимся классам. В различных центральных и местных учреждениях отложились тысячи крестьянских документов: писем, прошений, жалоб, коллективных и индивидуальных ходатайств, приговоров волостных и сельских сходов.

Важным направлением делопроизводственной деятельности являлись учет и систематизация документов в виде журналов или реестров входящих и исходящих бумаг. В подобных учетных единицах составлялась краткая запись о содержании документа, проставлялись индекс, дата регистрации, указывалось дальнейшее движение документа. Это помогает как в розыске документов, так и в реконструкции утраченных материалов. Систематизация и хранение бумаг в делопроизводстве государственных учреждений осуществлялись в виде различных «дел» и «досье». Документы объединялись по хронологическому, тематическому или видовому принципам.

Документальные комплексы временных учреждений имеют специфику в информационной направленности и составе своих материалов, что обусловлено конкретикой задач и функций, которые они осуществляли. Так, в фондах многочисленных особых комиссий и совещаний по аграрному вопросу нередко откладывался анкетный материал. Примером могут служить сведения, собранные Валуевской комиссией 1872—1873 гг. Комиссия разослала специальные циркулярные запросы разным лицам и инстанциям. Получено было 958 ответов. Эти данные дополняются стенографическими отчетами заседаний комиссии, на которых специально приглашенные лица — преимущественно землевладельцы, предводители дворянства и председатели земских управ — высказывались по анкете, состоящей из 269 вопросов. Эти вопросы освещали состояние хозяйства, главным образом помещичьего, его положение относительно рабочих, налогов, повинностей, технической оснащенности, местных промыслов и т. д. В материалах Особого совещания по обороне в силу специфики его целей и функций большое место занимали документы, фиксировавшие условия выдачи военных заказов (договора, справки о представленных авансах и ссудах) и контроль за их выполнением (акты осмотров предприятий, ведомости исполненных заказов).

В системе местных учреждений откладывался огромный комплекс делопроизводственных материалов широкого информационного диапазона. Примером подобных материалов могут служить документы органов политического сыска, являющиеся существенным источником по истории революционного и массового движений. Донесения губернаторов, жандармских управлений, докладные записки приставов, городских обер-полицмейстеров, рапорты прокуроров окружных судов, горных инженеров и фабричных инспекторов, агентурные записки осведомителей и провокаторов «охранки» отражали и обобщали информацию о выступлениях против господствующих экономических и политических порядков. Так, почти все, даже небольшие, экономические стачки, забастов-

ки, волнения рабочих детально фиксировались в подобных документах. Хотя составители этих документов представляли действия рабочих в искаженном виде, само рассмотрение дел приводило к выявлению злоупотреблений владельцев и управляющих предприятиями, что получало отражение в источниках. Их сведения позволяют судить об уровне и характере борьбы рабочих.

Подобные материалы составлялись и о крестьянских волнениях. В своей совокупности они весьма детально отражают земельные отношения, споры между крестьянами и помещиками, бесчинства последних и одновременно рисуют формы крестьянского сопротивления. О противодействии крестьян проведению межевых работ, отказе платить оброчную недоимку, выкупные платежи, переселиться на другое место по указанию помещика, о запашке помещичьей земли и других фактах сообщалось в докладных записках помещиков, донесениях жандармских управлений, представлениях губернаторов. Отчеты жандармских управлений обобщали информацию о крестьянском движении в губернии за определенный период.

Специфическая документация отложилась в процессе деятельности органов местного самоуправления: земств и городских дум, а также функционирования «крестьянского мира». В качестве примеров материалов сельских и волостных сходов, волостных правлений и судов можно назвать семейные и владенные списки, книги выдачи паспортов, уплаты повинностей и платежей. Большой интерес для выявления информации как о борьбе крестьян против помещичьего землевладения, так и о борьбе внутри самой общины представляют приговоры сельских и волостных сходов, волостных судов.

Приведенные примеры показывают необычайное разнообразие документации, возникавшей в низовых звеньях управленческого аппарата. Это определяет сложности их поиска, необходимость разработки специальной методики их анализа и обработки.

Кроме общего делопроизводства в системе государственных учреждений существовали специальные системы документирования. Они представлены дипломатической, судебной-следственной, бухгалтерской и военной документацией.

Дипломатическая документация отражает сферу межгосударственных, в первую очередь политических, отношений. Основная особенность и сложность работы с дипломатическими документами проистекает от их теснейшей взаимосвязи и обусловленности с внешнеполитической документацией других стран, вступавших в определенные отношения с Россией. Формы дипломатической документации определяются не только делопроизводственной практикой данной страны, но и нормами международного права и протокола. Оригиналы многих внешнеполитических документов России составлялись на английском или французском языках.

Важнейшую группу в комплексе дипломатической документации составляет дипломатическая переписка. Такие ее разновидности, как ноты, меморандумы, памятные записки, использовались

государствами для взаимной информации, обмена мнениями по отдельным вопросам международной жизни, обращения внимания того или иного государства на конкретные факты и события. Каждая из форм дипломатической переписки в зависимости от юридической природы содержащейся в ней информации имела соответствующие заверительные подписи и формулы.

Одной из самых распространенных разновидностей дипломатической переписки являются ноты. Как правило, они содержат информацию по поводу отдельных обязательств государств, оценку отдельных фактов и связанных с ними действий, приглашения. Различаются личные ноты, которые имеют форму письма от первого лица. Они начинаются с обращения, заканчиваются традиционной фразой вежливости и подписываются. Вербальные ноты — наиболее распространенная форма дипломатической переписки по текущим вопросам — составляются в третьем лице и не подписываются. Начинаются и заканчиваются они также соответствующими формулами вежливости.

Памятная записка направляется с целью предупредить неправильное толкование фактов, бывших предметом бесед, переговоров, устных заявлений.

Меморандум нередко является самостоятельным документом и может затрагивать вопросы, предварительно не обсуждавшиеся. Его отличительная черта — особое внимание к юридической стороне какого-либо вопроса, изложение системы фактов.

Рассмотренные документы обычно фиксируют какой-то этап, определенный момент межгосударственных отношений. Но всегда важно проследить выработку той или иной линии, процесс ее формирования, факторы, под влиянием которых она складывалась.

Хотя внешняя политика оставалась прерогативой царя, для решения ряда важнейших вопросов созывались Особые совещания. В их заседаниях принимали участие заинтересованные ведомства. Журналы этих совещаний представляют исключительный интерес не только потому, что отражают изложение основных точек зрения, но и в силу своего директивного назначения. Их решениями должны были руководствоваться представители дипломатического аппарата. В начале XX в. на подобных совещаниях обсуждались, например, условия конвенции с Англией о разделе сфер влияния на Среднем Востоке, вопрос о черноморских проливах.

Последовательное освещение проблемы внешней политики получили в разнообразной документации министерства иностранных дел России. Всеподданнейшие доклады министра иностранных дел направлялись царю для принятия наиболее важных решений по вопросам внешней политики. Они содержали сформулированное предложение по затронутому вопросу с подробной его мотивировкой. Нередко всеподданнейшие доклады содержали проекты тех заявлений, которые предстояло сделать дипломатическим представителям. К докладам могли прилагаться отчет об особо важных политических беседах министра с руководителями внеш-

неполитических ведомств других стран. Итоговые, обобщающие сведения по многим аспектам внешней политики России представляются годовые отчеты министерства, составлявшиеся по отдельным странам.

Наиболее значительное место в комплексе внутриведомственной документации представляет переписка Министерства иностранных дел с его заграничными учреждениями. Она отличается разнообразием форм и содержит детальную информацию по внешнеполитическим проблемам. Министерство рассылало циркуляры, запросы в посольства, консульства, миссии, а в ответ получало письма, докладные записки, депеши, годовые обзоры, справки. Письма, как правило, составлялись главой аккредитованного за границей учреждения. Если сообщение носило конфиденциальный характер, то письмо направлялось лично министру. Депеши подробно освещали события в стране, реакцию ее правительства и общественного мнения на эти события. Консульские донесения посвящались главным образом экономическим вопросам. С конца XIX в. в переписке большое распространение получают телеграммы, передававшиеся в зашифрованном виде. Развитие телеграфных сообщений резко увеличивает объем фиксированной внешнеполитической информации. С начала XX в. документация, получаемая из посольств и миссий, литографировалась, поэтому многие письма, депеши, телеграммы сохранились в нескольких экземплярах.

Судебно-следственная документация занимает значительное место среди документов официального делопроизводства. Формирование этой группы документов в капиталистическую эпоху определяли судебные уставы 1864 г. Отличительными чертами пореформенного суда стали: принцип отделения суда от административной власти; независимость и самостоятельность судебных решений; гласность и состязательность судебного процесса; ведение следствия специальными судебными следователями; вынесение приговора присяжными заседателями. Позднее в порядок рассмотрения, особенно политических дел, вносились изменения. Они ограничивали гласность заседаний, вводили специальные формы судебного разбирательства: поручение рассмотрения дел Особому присутствию Правительствующего Сената или их решение в административном порядке. Результатом этого является сокращение состава документации и ее информационной насыщенности.

В исследовании судебно-следственных документов важно знание и законодательных норм, которые являлись основой возбуждения дела. К таковым относится «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», принятое в 1845 г. В 1904 г. были введены в действие отдельные главы нового Уголовного Уложения.

В процессе проведения следствия и суда формировались многочисленные разновидности документов: протоколы обысков и допросов, описи «вещественных доказательств», показания обвиняемых и свидетелей, докладные записки следователей, обвинитель-

ный акт, прокурорские обвинения, речи и заявления подсудимых, защиты, приговор суда. Особую категорию составляет стенографический отчет (если он велся) о судебном процессе, суммарно фиксирующий и вбирающий в себя ряд перечисленных документов. Отсутствие стенограммы частично заменяют судебные отчеты, представляющие краткую протокольную запись. Отчеты печатались в газетах. Официальными были публикации в «Правительственном вестнике».

Среди судебно-следственных документов можно условно выделить несколько проблемно-тематических комплексов, отличающихся информацией и составом документов. Наиболее изученными и активно введенными в научный оборот являются материалы политических процессов. Не менее важны многочисленные дела о всякого рода «нарушениях порядка», волнениях среди крестьян и рабочих. Они выступают как массовая документация, отражающая положение и борьбу эксплуатируемых классов.

В условиях господства частной собственности судебные дела о всякого рода подтверждении прав собственности занимают существенное место. Среди этой категории интерес представляют тяжбы крестьян с помещиками о земельных владениях. Судебно-следственные дела по вопросам торгово-промышленной практики рассматривались обычным порядком: через окружные суды и судебные палаты, и в коммерческих судах — дела о торговых спорах, торговой несостоятельности, взыскания по векселям и др. Большое значение имеют процессы между монополистическими объединениями и их участниками или аутсайдерами, приоткрывавшие завесу над деятельностью монополий.

В судебной практике выделяются процессы, сфабрикованные полицейскими властями для разжигания национальной розни (дело Бейлиса, мултанское дело). В основу этих процессов были положены ложные обвинения.

Следует назвать группу судебно-следственных материалов о должностных преступлениях лиц гражданской и военной администрации. Например, дела по привлечению к судебной ответственности генерал-лейтенанта Стесселя и адмирала Небогатова, явившиеся попыткой властей успокоить общественное мнение после поражения в русско-японской войне. Такую же роль выполняла в годы первой мировой войны организация процесса над бывшим военным министром Сухомлиновым. По своему характеру и назначению к ним близки материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, созданной «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших государственных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств». Подобные документы раскрывают картину разложения и кризиса верховной власти.

Некоторые особенности источниковедческого анализа и использования судебно-следственной документации можно показать на примере материалов политических процессов. Прежде всего не-

обходимо учитывать общие нормы судопроизводства и конкретные формы судебного разбирательства того или иного дела. Многое в содержании документов зависит от личных особенностей обвиняемых, их решимости, собранности, психологического состояния. Суд являлся ареной борьбы двух противостоящих сил, использующих различные методы для победы, пусть даже частной, над противником. Это требует внимательного и весьма критического отношения как к материалам, отражающим позицию обвинителей, так и обвиняемых.

Общей чертой, характерной для материалов обвинения, было стремление доказать наличие состава преступления. Отсюда их насыщенность данными о действиях лиц, организаций. Это помогает в исследовании истории революционного движения. Даже краткое делопроизводство военных и военно-полевых судов содержит, например, сведения о вооруженной борьбе рабочих, солдат, крестьян в годы первой русской революции.

Однако материалы обвинения далеко не полно и не всегда достоверно отражают историю революционной борьбы. Власти стремились соблюдать определенную грань в изображении размаха революционной деятельности и представить ее как нечто случайное, незначительное. Факты в материалах обвинения отражались главным образом через информацию провокаторов, через те сведения, которые удавалось узнать в процессе предварительной слежки или при захвате «вещественных доказательств». Если учесть, что основная линия поведения большинства революционеров — ничего не добавлять к этим сведениям, то очевидна ограниченность информации материалов обвинения.

Особого критического отношения заслуживают материалы тех процессов, когда правительство, не получив реальных и достоверных фактов о революционной деятельности отдельных лиц и организаций, прибегало к фальсификации документов, к прямому подлогу. В таком случае материалы обвинения не могут служить подлинным свидетельством революционной борьбы участников политических процессов, но на их основе нельзя и утверждать, что такая деятельность вообще отсутствовала.

Показательны в этом отношении материалы по делу Н. Г. Чернышевского. Стремясь расправиться с выдающимся революционером-демократом, правительство, не получив подлинных доказательств, пошло на фабрикацию подложных документов, которые играли роль основных улик.

Широко прибегали власти к подтасовке, инспирированию свидетельских показаний и вещественных доказательств в процессах над участниками рабочего движения (процессы по делу Обуховской обороны, над членами рабочей фракции II Государственной думы).

Для материалов обвинения характерно полнейшее искажение, когда речь идет о причинах возникновения организаций, мотивах политической борьбы привлекаемых по процессу лиц. Желая ввести общественное мнение в заблуждение, власти преднамеренно

фальсифицировали, чернили стремления и идеалы участников революционного движения. В подобных случаях на помощь исследователю должно прийти сопоставление этих материалов с документами самих революционных организаций, выступлениями обвиняемых на суде.

Документация обвиняемых представлена письменными показаниями, всякого рода обращениями к властям и к оставшимся на воле товарищам, речами, заявлениями на суде. К ним следует относиться с большой осторожностью как к источнику фактических сведений. Участники политических процессов стремились скрыть от следствия и суда подлинные факты своей деятельности, что диктовалось борьбой за снижение меры наказания, опасением причинить вред оставшимся на свободе товарищам, стремлением взять всю вину на себя. Это могло иногда привести к существенному искажению подлинных фактов. Так, на процессе по делу социал-демократической фракции IV Государственной думы депутаты-большевики, стремясь не дать властям выяснить состав руководящих органов партии в России и не допустить расправы с лидерами рабочего движения, отрицали руководство работой фракции со стороны Центрального Комитета РСДРП (6).

Материалы подсудимых выступают как бесценное свидетельство идей, взглядов представителей революционного движения. Участники политических процессов использовали трибуну суда для пропаганды своих идеалов, раскрытия причин и обстоятельств формирования революционного мировоззрения, объяснения избранных методов борьбы. Конечно, революционеры прибегали к выступлениям только при наличии хотя бы какой-то гласности суда.

В революционной среде подобным выступлениям придавалось большое значение. Тексты их обычно составлялись заранее, обсуждались с товарищами по процессу. При использовании данных документов следует учитывать форму и характер их записей. Речи, заявления подсудимых дошли в составе протоколов или стенограмм судебных процессов. Официальный характер этих записей порождал предельную краткость их изложения, неточности, пропуски в передаче текста. Так, знаменитой речи рабочего Петра Алексеева, названной В. И. Лениным «великим пророчеством», в официальном отчете посвящена одна фраза: «Позволил себе в конце своей речи дерзкие выражения».

Своеобразным дополнением к показаниям и речам подсудимых являются их письменные заявления на имя официальных властей, в которых предпринималась попытка дать стройное изложение революционных взглядов и отразить свой путь в революционное движение. Ярким примером подобного документа может служить заявление И. Н. Мышкина товарищу обер-прокурора Сената В. А. Желеховскому. Автор этого заявления подчеркивает, что считает себя нравственно обязанным объяснить, какие обстоятельства побудили его «вступить в ряды людей, действующих против нынешнего государственного порядка».

При решении задач источниковедческого анализа судебно-следственных материалов политических процессов (датировка, установление авторства, выявление подлинного и наиболее полного текста) следует обращаться к воспоминаниям, дневникам, к личной переписке как участников революционного движения, так и современников событий. Определенная информация отражалась и на страницах периодической печати.

§ 3. Документация частных хозяйств и предприятий, банков, монополистических объединений

Становление капиталистической системы ведения хозяйства обусловило развитие многообразной делопроизводственной документации аграрных хозяйств, банков, торгово-промышленных, транспортных предприятий, монополистических объединений. Сложные производственные, финансовые, торговые взаимоотношения отдельных элементов хозяйственной структуры российского капитализма, рост степени обобществления производства диктовали усиление процесса документирования различных сторон их деятельности.

Особенности капиталистической эволюции аграрного строя России и прежде всего сохранение помещичьего землевладения определили условия формирования делопроизводственной документации аграрных хозяйств. Мелкие крестьянские хозяйства практически не знали делопроизводства. Регулярное документирование хозяйственных процессов в помещичьих имениях было присуще наиболее крупным и значительным из них, в которых и сложился особый комплекс вотчинных архивов¹.

Вотчинное делопроизводство получает значительное развитие с начала XVIII в. Складывание основных типов материалов вотчинных фондов происходит как под влиянием экономических факторов, требовавших налаженных систем документирования, так и под воздействием процесса упорядочения делопроизводства государственных учреждений.

Важным нормативным документом, определившим состав, порядок ведения бумаг, их назначение и систематизацию, являлись в XVIII в. инструкции или наказы (наставления) помещиков своим управляющим, приказчикам. Сначала эти документы имели всеобъемлющий характер и регламентировали помимо делопроизводства организацию работ в помещичьем хозяйстве, жизнь крепостного крестьянства. В XIX в. инструкции составлялись реже и были связаны, как правило, с осуществлением конкретных мероприятий по реорганизации или совершенствованию управления вотчин, с назначением новых управляющих. В то же время многие

---

¹ Подробную характеристику вотчинной документации и ее эволюции см.: Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979, с. 10—122. Там же см. об актовых материалах (с. 206—266).

разновидности документов, определенные в первых наказах, существовали не только до отмены крепостного права, но до 1917 г.

Структура вотчинных фондов отражает сложную систему хозяйства крупных помещиков, которым нередко принадлежали владения в различных регионах. В составе вотчинных архивов отложились материалы главных (домовых) контор, правлений отдельными имениями или их группой, документация, исходящая непосредственно от владельца, а также документы, составившиеся крестьянами.

Текущая хозяйственная документация помещичьих хозяйств представлена группой распорядительно-исполнительной переписки. От владельца, домовых контор исходили приказы, распоряжения, предписания. Из отдельных имений, от управляющих поступали рапорты, донесения, доклады.

Среди вотчинных материалов дореформенного периода большой интерес представляют подворные описи крестьянских хозяйств, составлявшиеся вотчинной администрацией для оценки хозяйственной состоятельности крепостных. Они содержали сведения о составе крестьянских семей, возрасте ее членов, размере повинностей, рабочем и продуктивном скоте. Реже приводились данные о посевах, запасах хлеба, недоимках, купленных землях, инвентаре. При разделе имений или проведении владельцами ревизии составлялись описания имений.

Одной из значительных групп документации вотчинного делопроизводства являлись материалы текущего учета и отчетности — различные книги, журналы, тетради и ведомости. На их основе составлялись счета и отчеты. В формах, наименовании, содержании этих документов, относящихся к дореформенному и пореформенному времени, произошли изменения. До 1861 г. в крупных вотчинах велись расчетные, посевные, ужинные, умолотные, рекрутские, штрафные и приходно-расходные книги, книги сбора оброка, подушных и мирских повинностей, выдачи паспортов и билетов на отлучку. Указанные документы дают представление о социальном и имущественном положении крепостного крестьянства. Эта информация дополняется сведениями из специальных тетрадей о крестьянах, занимавшихся предпринимательской деятельностью. Для изучения истории крепостного крестьянства большое значение имеют мирские приговоры, индивидуальные и коллективные прошения и жалобы крестьян, посылавшиеся в вотчинные конторы и помещикам.

В пореформенный период значимость материалов вотчинных архивов снижается, ограничивается их информационный диапазон, поскольку они стали содержать сведения только о помещичьем хозяйстве. Материалы вотчинных архивов эпохи капитализма включают годовые отчеты, ведомости, книги ежедневных записей работ, книги доходов и расходов. Они содержат данные о земельных угодьях, посевах, стоимости рабочего скота, инвентаря, семян, построек, материалов, о землепользовании и

системах ведения хозяйства (условия аренды, способы обработки земли, сбора урожая), о расходах и доходах от имения (с росписью по статьям).

Документация вотчинных хозяйств включает сведения и о промышленности. Это было типично уже для материалов XVIII — первой половины XIX в., поскольку крупные помещики нередко занимались предпринимательской деятельностью, владея суконными и полотняными мануфактурами, рудниками и металлургическими заводами. В еще большей степени это характерно для пореформенного периода, когда дворяне выступают владельцами и совладельцами предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности, акционерами железнодорожных обществ, оказываются причастными к деятельности банков и монополистических объединений.

Характерная для вотчинных архивов стабильность состава и ведения документации требует тщательного анализа. Застывший формуляр документа скрывал значительные изменения в социально-экономическом строе помещичьего хозяйства. Использование материалов вотчинных архивов иногда затруднено из-за несопоставимости данных, что было следствием отсутствия общих правил ведения делопроизводственных документов, которые менялись не только у различных владельцев, но даже в отдельных имениях одного помещика.

Делопроизводственная документация капиталистических предприятий возникала в результате каждодневной деятельности промышленных, торговых, транспортных, страховых предприятий, коммерческих банков, монополистических союзов. Устойчивые, единообразные системы документирования складывались постепенно, по мере развития капитализма. Уже в единоличных капиталистических предприятиях предполагалось ведение отдельных форм производственной, учетной, распорядительной, отчетной документации, коммерческой переписки.

По мере развития в России капитализма индивидуальная форма предпринимательства вытеснялась акционерно-паевой, коллективной. На ее основе действовали промышленные и торговые предприятия, страховые и железнодорожные компании, газеты, театры, коммерческие банки. Следствием этого процесса было формирование в виде надстройки над документацией «производственных» подразделений — документации центрального, руководящего правления. В условиях концентрации и комбинирования производства промышленные акционерные общества владели несколькими заводами и фабриками, географически отдаленными друг от друга и от центрального правления. Каждому элементу такой структуры соответствовал свой делопроизводственный комплекс.

Сложный состав имело делопроизводство банков, что обусловлено наличием их многочисленных подразделений: операционные отделы (вексельный, фондовый, курсовой, товарный, вкладов и текущих счетов); вспомогательные (корреспонденция, справочный, архив, хозяйственный); кассы (денежная, вексельная, фондо-

вая, товарная) и бухгалтерия. Наряду с центральными правлениями, базировавшимися в столичных городах, коммерческие банки открывали отделения на местах в крупнейших губернских городах.

Своеобразную систему делопроизводства имели российские сбытовые монополии (синдикаты). Синдикаты состояли из центральных сбытовых контор, филиалов (местных губернских отделений) и в своей деятельности опирались на общества-участников, доверивших им сбыт своей продукции. Российской промышленности были известны и монополии высшего типа — тресты и концерны. Трест мог складываться на базе простой акционерной компании, подчинившей производство и сбыт достаточно большой доли продукции отрасли. Были распространены тресты и концерны, основанные на системе участия. В этом случае юридически независимые дочерние акционерные общества являлись составными частями трестов и концернов. Нередко среди них был лидер — центральное общество, концентрировавшее в своих руках контрольные пакеты акций других участников. В ряде случаев создавалась специальная компания (как правило, за границей) для сосредоточения контрольного пакета акций ряда простых акционерных обществ. Хотя основным элементом структуры трестов и концернов являлись акционерные компании, информативная значимость их документации, особенно лидирующих, качественно иная, чем у простых акционерных обществ.

Работа с делопроизводственными документами капиталистических предприятий и объединений прежде всего требует ознакомления с законодательными нормативами, определявшими организацию предприятий, ведение учетной и счетоводческой документации, формы коммерческой переписки, оформление сделок. Соответствующие акты были объединены в торговый, кредитный, консульский, промышленный, вексельный уставы, в устав торгового судопроизводства. Деятельность предприятий регулировалась положениями о товариществах (акционерно-паевых компаниях), о государственном промысловом налоге, фабричным законодательством и некоторыми гражданскими законами. Общая структура руководящих органов отдельной компании, порядок ведения дел и отчетности перед акционерами, размеры капитала регулировались уставом акционерного общества.

Отсутствие специального законодательства о монополистических союзах обуславливало приспособление монополий к допускаемым законодательством формам организации частнокапиталистических предприятий. Так, многие крупнейшие российские синдикаты («Продвагон», «Продуголь», «Продамет», «Кровля», «Гвоздь») легализовались в виде торговых акционерных обществ (контор по продаже) и подчинялись соответственно нормам акционерного законодательства.

Главным актом, выражавшим факт создания монополистического союза и регламентировавшим основные стороны деятельности монополий, был тайный монополистический договор. Практика выработала конкретные формы этих документов, их структуру.

Известны такие разновидности монополистических актов, как союзный и контрагентский. Союзный договор характерен для монополистических объединений картельного и переходного к синдикату типа. Этот договор подписывался одновременно всеми участниками нелегального соглашения и определял состав, функции и местонахождение его руководящих органов, цель и объект соглашения, механизм получения и распределения аппаратом союза заказов, взимание штрафов. Контрагентский договор был типичен для российских легальных синдикатов. Он заключался между двумя партнерами: торговой фирмой, под вывеской которой существовал синдикат, и каждым из участников соглашения. Содержание контрагентского договора касалось целей соглашения, объекта синдицирования, а также деловой, коммерческой части соглашения.

Для определения характера монополии первостепенное значение имеет тщательный анализ параграфов договора, фиксировавших права и обязанности обществ-участников, структуру аппарата объединения. Соглашения подписывались на определенный срок, и каждый последующий договор мог отличаться от предыдущего. Суммируя изменения, нетрудно проследить эволюцию монополии. В настоящее время хорошо исследованы и опубликованы контрагентские договоры «Продамета», «Продугля», «Кровли», цементного синдиката и др.

Делопроизводственные документы капиталистических предприятий состоят из управленческой документации руководящих органов и документов, фиксировавших производственные, кредитные, сбытовые и другие операции.

Типичные образцы управленческой документации руководящих органов акционерно-паевых предприятий — журналы и протоколы заседаний общих собраний акционеров, правлений, советов. К протоколам прилагались списки акционеров, представивших акции и присутствовавших на собрании, развернутые изложения особых мнений акционеров. Среди материалов, готовившихся к общему собранию, выделяются доклады правления об основных сторонах деятельности обществ за отчетный период и документация ревизионных комиссий. Представляют интерес протоколы годовых общих собраний акционеров. Они подводили итоги деятельности компаний.

Оперативное руководство делами акционерных обществ и банков осуществляли правления и советы. В протоколах их заседаний отражены все основные стороны деятельности компаний. Доклады директоров, различные приложения, в том числе справки, статистические сводки существенно обогащают информативные возможности кратких протоколов. В управленческой документации коммерческих банков особого внимания заслуживают материалы советов. Советы оказывали решающее воздействие на политику и операции банков. Сходные черты имеет управленческая документация российских синдикатов. Протоколы их советов и совещаний

обществ-участников посвящались рассмотрению запросов или заказов от покупателей, запросов контрагентов о ценах.

В связи с распространением акционерно-паевой формы организации капиталистических предприятий дальнейшее развитие получает их отчетная документация. Это, во-первых, внутренняя периодическая отчетность, отличавшаяся большой достоверностью; во-вторых, ежегодные отчеты к общему собранию акционеров. Тексты отчетов обычно размножались типографским способом в виде брошюр.

Ежегодные отчеты состояли из объяснительной записки, в которой давалась общая оценка дел компании, и комментария к приложенным к записке документам — балансу, подробному счету прибылей и убытков, ряду ведомостей. Для банков это были, например, перечни принадлежавших им ценных бумаг с оценкой курсовой стоимости. Поскольку акционерные компании были обязаны публичной отчетностью, одна из частей годового отчета, а именно баланс, публиковалась в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» в особом приложении — «Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью».

Отчеты отдельных групп частнокапиталистических предприятий были неодинаковы по внешней форме и по внутренней структуре, но имели общие элементы, отражавшие главные направления деятельности предприятий. Предпринималось несколько попыток выработать единую форму отчета и баланса акционерных банков. И все же балансы банков и промышленных компаний существовали в разных вариантах, отдельные их статьи группировались произвольно.

Для предпринимательской деятельности была характерна корреспондентская форма решения дел. Письма и телеграммы являются важнейшей составной частью делопроизводственных комплексов. Это могут быть подборки корреспонденции ведущих функционеров и руководителей компаний, правлений, советов. Такая переписка зачастую велась на основных европейских языках. Широко представлены в делопроизводстве такие разновидности коммерческой переписки, как уведомления о приобретении товаров, их прибытии, письма о переводе денег, о платежах, выписки из текущих счетов. Переписка синдикатов с обществами-участниками и заказчиками посвящена получению и распределению заказов, ценам, качеству изделий.

В архивах банков отложились аналогичные комплекты переписки с клиентами о ссудах.

Формы коммерческой переписки регламентировались и поэтому были достаточно четки. Широкое распространение получили циркулярные письма, предназначавшиеся сразу нескольким адресатам. Циркулярные письма содержали, как правило, особо важную информацию — об окончании операций, о корректировке цен. На циркулярных письмах монополий, адресованных обществам-участникам, довольно часто стояли пометы «совершенно секретно». Существовала такая форма коммерческого письма, как за-

прос о клиенте или партнере. В этом случае в конверт вкладывался чистый лист бумаги с названием интересующей фирмы. На листе ставилась помета «без моей ответственности», освобождавшая информатора от ответственности за сообщаемые им сведения.

В соответствии с общими правилами коммерческой переписки в ответной корреспонденции должна была содержаться ссылка на полученное ранее письмо. Это облегчает задачу выявления всего комплекта переписки по интересующему вопросу. Письмо могло выполнять функции документа, оформлявшего сделку. В таких случаях в ответной корреспонденции дословно воспроизводился текст полученного письма или телеграммы. Письмо поступало к адресату вместе с сопроводительными документами (прейскурантами, различными протоколами, удостоверениями, договорами). К сожалению, далеко не всегда вместе с письмами сохранились сопроводительные документы.

Коммерческая переписка велась на бланках обществ, содержащих краткую рекламную информацию. Обязательным являлось копирование всей исходящей корреспонденции коммерческих предприятий. До конца XIX в. это были просто книги копий, а затем пресс-копий корреспонденции (копия на тонкой папиросной бумаге, полностью воспроизводящая отправленный документ, за исключением типографских знаков). Заполнялись также и книги входящей корреспонденции.

Делопроизводственные материалы капиталистических предприятий включают разнообразные учетные документы, в том числе с определенными правовыми обязательствами: расписки, квитанции, обязательства, векселя, акции и облигации, доверенности и полномочия, прейскуранты, накладные, счета. Каждый отдельный такой документ мало что дает исследователю в изучении хозяйственных операций фирм. Их информацию надо суммировать.

Все хозяйственные операции компаний, связанные с движением материальных ценностей, фиксировались в бухгалтерских книгах. Такие книги назывались счетами. Счета отражали положительное и отрицательное воздействие конкретной операции на отдельные направления хозяйственной деятельности производственной, торговой компании, банка.

Неотъемлемой частью всей документации промышленных предприятий, банков, монополий была делопроизводственная статистика. Статистические сводки промышленных компаний включают данные об себестоимости заводских изделий, рыночных ценах, ценах продажи, закупках сырья и оборудования, производительности заводов и фабрик, о заработках постоянных и поденных рабочих.

Особый интерес представляет учетно-статистическая документация банков. Ее представительность и научная значимость определяется той ролью, которую стали играть банки в условиях развития капитализма и особенно при переходе капитализма в моно-

полистическую стадию. Подчеркивая эту роль, В. И. Ленин писал: «Банки, как известно, представляя из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства»¹. Статистика банков базировалась на сборе информации о клиентах и обобщений сведений по кредитным операциям.

Статистика монополий, отраслевая по своему характеру, возникала в процессе деятельности статистических бюро трестов и концернов и текущей статистики, отражающей контрольные и сбытовые операции синдикатов. Синдикаты систематически составляли статистические сводки о полученных заказах, ходе их исполнения, долях участия контрагентов, о комиссионных отчислениях в пользу монополий.

Статистические ведомости сохранились в виде черновиков и предварительных сводок данных; подлинных таблиц, определенным образом заверенных; многочисленных копий с них. Поэтому при работе с делопроизводственной статистикой необходимо выявить дублетные материалы, отделить окончательные ведомости от предварительных таблиц.

Среди материалов промышленных капиталистических предприятий выделяется техническая документация: планы заводов, схемы расположения оборудования, его перечни, чертежи и литографии изделий, альбомы чертежей типовых изделий (станков, паровозов, вагонов), сортаменты, схемы технологических процессов, перечни получаемого импортного оборудования, дела об усовершенствовании изделий, об оформлении патентов, исполнительные сметы на различного рода работы по переоборудованию фабрик и заводов. Такая документация важна для изучения производительных сил.

Делопроизводственная документация капиталистических предприятий включает разнообразие бумаги по личному составу рабочих и служащих: паспортные книги, именные списки рабочих, табели, лицевые счета рабочих, расчетные книги с рабочими, штрафные книги, книги заработка рабочих по отделам и по специальностям, ведомости жалованья служащих; больничные и амбулаторные журналы; книги регистрации несчастных случаев и связанные с ними протоколы полицейских урядников, свидетельства и извещения о несчастных случаях с рабочими; списки рабочих, участвовавших в забастовках и уволенных с завода, дела о выселении рабочих из заводских казарм.

Массовые материалы по личному составу предприятий служат важнейшими источниками для изучения формирования, состава и положения пролетариата.

Все обозначенные разновидности документов в рамках конкретных делопроизводственных комплексов оказываются тесно

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 161—162.

взаимосвязанными. Информация движется от документа к документу, подается под разными углами зрения, детализируется или суммируется, обобщается. Выбор необходимых источников определяется конкретной постановкой исследовательской задачи. Эффективность методики отбора документов определяется знанием законов, по которым живет конкретный делопроизводственный комплекс.

Среди материалов делопроизводственных комплексов следует выделять входящие документы. Так, в современных фондах коммерческих банков сохранилась большая группа бумаг клиентов: уставов, отчетов, протоколов руководящих органов акционерных обществ. Названные документы наряду с обзорами, справками об имуществе, техническом и финансовом положении клиентов составляют так называемые досье клиентов. Набор бумаг досье свидетельствует о роли банка в делах отдельных обществ. С увеличением заинтересованности банка в том или ином обществе чисто информационный материал отходит на второй план, уступая место документам, возникшим вследствие финансовых отношений между банком и клиентом.

Хотя для ряда разновидностей делопроизводственных документов (отчетов и балансов, синдикатских договоров, бухгалтерских книг и т. д.) капиталистических предприятий не была характерна полная унификация формуляра и содержания, можно говорить о решающей роли единого характера частнокапиталистического предпринимательства в возникновении тех или иных разновидностей делопроизводственных документов, в превращении этих документов в единообразные и обязательные для всех капиталистических предприятий. Поэтому, несмотря на большие документальные потери, исследователи располагают значительными фондами делопроизводственных документов для изучения важнейших проблем российского капитализма и империализма.

Научное использование сохранившихся материалов требует знания исторических судеб современных архивных фондов банков, предприятий и монополий. Необходима разработка методики реконструкции утраченных или плохо сохранившихся делопроизводственных комплексов, отдельных документов. На помощь исследователю приходит изучение закономерностей движений информации, ее хранения.

В России в условиях свободной конкуренции существовала делопроизводственная документация хозяйственного характера и в системе государственных учреждений. Это объясняется наличием громадного казенного хозяйства в виде государственных банков, промышленных предприятий, железных дорог, земельных и лесных угодий. Управление ими осуществлялось департаментами, отделами Министерств государственных имуществ, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, военного и морского, где сформировались соответствующие комплексы материалов. Система документации, отражавшая деятельность казенных предприятий и хозяйств, государственных банков, по содержанию принци-

пимально не отличалась от охарактеризованной документацией капиталистических предприятий и банков, а также вотчинных архивов. Так, для документации акционерных банков типичны материалы о клиентах. Подобные комплексы отложились и в фондах Государственных Крестьянского поземельного и Дворянского земельного банков.

Крестьянский банк имел своей целью содействовать выгодной продаже частновладельческой, дворянской земли, покупателями которой были прежде всего крестьяне. Для решения вопроса о выдаче ссуды банк собирал сведения о продаваемых землях и покупателях (количество населения и работников, земли наделенные, купчие, арендованные и приобретаемые, количество рабочего и продуктивного скота). К 1915 г. около 1 млн. дворов воспользовались ссудами банка. Данные подворных описаний крестьян-заемщиков в погубернском разрезе публиковались ежегодно в «Отчетах Крестьянского поземельного банка» (СПб., 1884—1917). В отчетах приводится группировка заемщиков по обеспеченности наделенной и купленной землей в расчете на душу населения, а также число безлошадных дворов. Статистические материалы отчетов содержат, кроме того, группировку заемщиков по обеспеченности рабочим скотом.

Деятельность Дворянского банка по выдаче ссуд под залог помещичьих имений привела к складыванию такой документации, как залоговые свидетельства, оценочные описи имений, составлявшиеся владельцами, поверочные описи оценщиков банка, планы имений, постановления Совета банка о выдаче ссуд. В отдельных разновидностях этих документов в зависимости от условий ссуды имелись сведения о местонахождении имения, количестве земли и ее распределении по угодьям, величине общего дохода и способах его получения, количестве и цене скота, числе построек, хозяйственном инвентаре, их стоимости. Сохранилось свыше 64 тыс. дел по имениям за период 1885—1917 гг. Многоплановость первичной документации отражена в разнообразных показателях систематически публиковавшихся отчетов банка и Особых приложений к ним. Отчеты содержат сведения о количестве залогов, их размерах по губерниям, о первоначальных и дополнительных ссудах, перезалогах, отсрочках, данные об имениях, оставшихся за банком. Таблицы Особых приложений насчитывают 49 показателей, характеризующих, в частности, количество и структуру земельных угодий, способ ведения хозяйства (аренда, испольное), стоимость скота, инвентаря, построек. Однако ряд важнейших показателей, например масштабы и условия применения рабочей силы в имениях, можно извлечь только из первичных оценочных описаний.

Ценность материалов земельных банков тем более значительна, что она в какой-то степени восполняет недостаток и ограниченность формирования делопроизводственной документации в аграрных хозяйствах и дает многообразные массовые сведения.

Одной из характерных черт рассматриваемых делопроизводственных комплексов хозяйственного назначения является органическое вхождение в их состав **актовых материалов**, отдельные разновидности которых (монополистические соглашения) уже отмечены выше.

По мере утверждения капиталистических отношений широкое распространение получают частноправовые акты. Рубежом в развитии актовых материалов стала реформа 1861 г., изменившая юридическое положение крестьянства. Уже сам факт отмены крепостного права был связан с возникновением уникального по своему информационному богатству комплекса уставных грамот и выкупных актов.

Уставная грамота определяла отношения помещика и крестьян в ходе реализации «Положения» 19 февраля 1861 г. Составлено было свыше 100 тыс. грамот. Они дают массовые сведения о населении, помещичьем и крестьянском землевладении накануне и после реформы, о крестьянских повинностях в дореформенный период и в условиях временнообязанного состояния. Сложность изучения этого документа обусловлена неточностью определения в отдельных грамотах ряда показателей. Например, размер земельных наделов крестьян мог быть записан приблизительно («около», «в пределах», «свыше»); отсутствовали сведения о распределении земли по угодьям. Это было отступлением от нормативных рекомендаций, выработанных властями о формуляре уставной грамоты. Для преодоления подобных недостатков источника разработана методика корректировки его сведений путем сопоставления отдельных показателей. Может помочь сравнительный анализ уставной грамоты и выкупного акта, на основе которого производились расчетно-финансовые операции, связанные с выкупом крестьянами земли у помещика, с получением ими ссуды от государства и соответствующих платежей по ней. Это обусловило юридическую значимость показателей выкупного акта и их достоверность.

Анализу уставных грамот помогают сопутствующие им документы: протоколы мировых посредников, приговоры сельских сходов, жалобы.

Широкое распространение получают договорные документы, фиксировавшие земельные сделки, отношения найма, торгово-промышленные (закупка сырья, оборудования, сбыт продукции), кредитные (получение ссуд, займов), транспортные («извоз», доставка грузов, фрахт) операции, наследование, раздел, приобретение имущества. Основными разновидностями этой документации были контракты, договоры, условия, духовные завещания.

В соответствии с различными законодательными нормами, определявшими порядок оформления и засвидетельствования подобных документов, с учетом традиций и правил хранения их оригиналов и копий, частноправовые акты откладывались в фондах различных учреждений и предприятий.

Обобщенные сведения о значительном числе договорных документов различного содержания и назначения дают книги контор публичных нотариусов. Записи в этих книгах фиксировали предмет и условия сделки, стороны, участвовавшие в ней. Они считались оригиналом документа. Их официальный характер удостоверялся и контролировался соответствующими государственными учреждениями.

По своему назначению к ним близки многочисленные книги волостных правлений, где отражена информация о большинстве крестьянских договоров. Своеобразной разновидностью актовых материалов можно считать ту часть приговоров сельских и волостных сходов, волостных правлений и судов, которая посвящена утверждению заключенных сделок или условий их заключения.

Огромное число актов сседало в фондах капиталистических предприятий, банков и в вотчинных архивах. Они являются важными источниками в изучении процессов комбинирования производства, распространения влияния монополистических объединений на новые производства, взаимоотношения монополистических союзов, существовавших в различных отраслях промышленности, складывания крупных концернов и финансово-промышленных групп. Так, система договоров между медеплавильными и прокатными заводами, которые регламентировали производство и продажу меди в России, отражает столкновения синдикатов плавильщиков и прокатчиков. Сохранившийся комплекс закупочных и фрахтовых договоров товарищества «Бр. Нобель» является интересным источником в изучении борьбы этого крупнейшего нефтяного треста с аутсайдерами, с другими монополистическими объединениями за захват ключевых позиций не только в добыче, но и в переработке, хранении, транспортировке и торговле нефтепродуктами. Такие документы, как договор 1912 г. концерна И. Стахеева с Русско-Азиатским и Петербургским международным банками об акциях нефтепромышленного общества «Эмба-Каспий», договор 1907 г. о приобретении Кыштымских горных заводов Пермской корпорацией, договор 1913 г. между Южно-Уральским обществом и Таналыкской корпорацией, соглашение Международного Российского синдиката (председатель — Г. Гувер) и Российского горнопромышленного коммиссионного общества 1911 г., отражают формирование финансово-промышленных групп, роль банков и иностранного капитала в этом процессе.

Своеобразную группу актов составляют договоры, заключенные отдельными предприятиями, обществами и лицами с казной. Их предметом была аренда казенных железных дорог, поставка промышленной продукции, постройка заводов на условиях получения государственных ссуд и авансов, приобретение казной частных владений. Они являются важными источниками при изучении вопросов государственной поддержки развития промышленности, форм государственного вмешательства в экономику, складывания государственно-монополистических тенденций.

ДОКУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Документы политических партий и организаций как система документирования и делопроизводства возникают в России со второй половины XIX в. Формирование их сопряжено с развитием революционного движения в стране и особенно с усилением структурной четкости политических партий и организаций. В эволюции этого комплекса источников прослеживаются два этапа, отражающих два периода русского освободительного движения. Первый представлен документами народнических организаций и первых рабочих союзов; второй — комплексом документов РСДРП, образованию которого предшествовали документы группы «Освобождение труда» и «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса». Ко второму периоду относится также документация буржуазных, мелкобуржуазных, монархических партий и организаций, сложившихся главным образом после 1905 г.

§ 1. Документы народнических организаций

Документы народнических организаций почти не представлены в самостоятельных архивных фондах. Большинство из них входит в состав материалов политических процессов или в личные фонды народников. До Великой Октябрьской социалистической революции были изданы отдельные документы этих организаций. В настоящее время наиболее систематизированно они представлены в двух публикациях: «Архив «Земли и воли» и «Народной воли» (М., 1932) и «Революционное народничество 70-х годов XIX в.» (М., 1964—1965).

Ограниченное количество народнических документов в значительной степени является результатом строгой конспирации. Условия нелегальной деятельности сдерживали процесс создания документов. Многие распоряжения, инструкции в организациях передавались устно. Часто документы уничтожались при арестах, обысках или из-за опасения захвата их царскими властями. Кроме того, характер многих ранних народнических кружков не требовал документирования своей деятельности. Только развитие движения, появление в 70-х годах таких крупнейших организаций, как «Земля и воля», «Народная воля», создали предпосылки для введения некоторых правил документирования и повлекли создание архивов этих организаций.

Документы народнических организаций включают в себя программные и уставные документы, переписку, инструктивные материалы, отчетную документацию, листовки и некоторые другие группы.

Программные и уставные документы. Программа как определенный документ существовала не во всех организациях. На первых этапах народнического движения программу заменяли политические сочинения, публицистика идеологов народничества. По-

добного рода документы не всегда официально принимались, хотя являлись предметом споров, обсуждений в организациях, на страницах народнических периодических изданий.

Программный характер был присущ таким публицистическим сочинениям, как статья П. Л. Лаврова «Вперед!» — наша программа» (передовая статья в журнале «Вперед»), «Прибавление «А» к книге М. А. Бакунина «Государственность и анархия», работа П. Н. Ткачева «В чем должна состоять ближайшая практически достижимая цель революции?» (программа журнала «Набат»). Программная роль этих документов обусловлена спецификой их содержания. Они включали анализ российской действительности, ратовали за определенный идеал будущего устройства общества, намечали основные методы борьбы за достижение этого идеала.

Многие приемы работы с политическими, публицистическими сочинениями охарактеризованы в предыдущих главах. При рассмотрении программных документов важно выяснить, насколько широко был распространен этот документ в революционной среде, признавался ли он полностью. Особое внимание следует уделить своеобразию терминологии русского народнического утопического социализма. Необходимо учитывать, что народники нередко использовали отдельные марксистские понятия, вкладывая в них свое содержание. Текстологический анализ программно-уставных документов народнических организаций должен вестись с учетом эволюции народнического движения. Так, к середине 70-х годов относится один из первых народнических уставов — Устав Всероссийской революционной организации. Статьи Устава о принципах организации: равенство, солидарность всех ее членов, полное доверие и откровенность, — очевидно, явились отрицанием нечаевских методов в деятельности революционных обществ. Разделы об администрации, обязательных собраниях общины, условиях межобщинных отношений отразили стремление к усилению организационного начала в движении.

Появление программ и уставов как особой разновидности документов с определенным формуляром связано с деятельностью обществ «Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел». Почти полное отсутствие материалов с обсуждением важнейших программных и уставных документов указанных организаций, а также отсутствие некоторых редакций документов затрудняет выяснение происхождения этих источников, установление авторства и точного времени составления. Частично эти моменты восстанавливаются путем привлечения других групп источников: воспоминаний и переписки народников, материалов судебных процессов, народнической периодической печати.

Например, известны две редакции проекта устава «Земли и воли», относящиеся к апрелю — маю 1878 г. Уточняет датировку этого проекта и помогает выяснить обстоятельства разработки нового устава письмо А. Д. Михайлова к основному кружку землевольцев. В письме выражено стремление к большей централизации общества и к созданию более четкой организационной структуры.

Эти идеи были оформлены в пунктах устава о «подчинении меньшинства большинству и члена кружку», об обязанности администрации основного кружка вести отчетность и т. д. Своеобразие программно-уставных документов народнических организаций в том, что они детально фиксировали весь сложный путь поисков народниками путей, методов революционной борьбы. Это обусловило существование многих программно-уставных документов даже в рамках одной организации за небольшой отрезок времени.

При работе с программно-уставными документами народнических организаций требуется установление соответствия названия и содержания документа, поскольку в ряде случаев документ большого программного значения мог иметь узкое наименование. Например, сохранились программа Исполнительного комитета «Народной воли» и так называемая инструкция Исполнительного комитета «Подготовительная работа партии». Каждый раздел инструкции посвящен определенной области работы партии или работе отдельных ее единиц. Изучение текста документа показывает, что он отражает обоснование задач партии в политической борьбе, в поиске методов для достижения ее конечной цели — «сломить ныне существующую правительственную систему». Это позволяет предположить, что перед нами важнейший программно-уставной документ «Народной воли», отразивший дальнейшее развитие идей народолюбия.

Кроме программы существовал Устав Исполнительного комитета, относящийся к 1879 г., т. е. к моменту образования «Народной воли». Многие пункты Устава тесно связаны с предшествующими уставными землепользовательскими документами и по терминологии, и по содержанию. Но в целом он явился совершенно новым документом, гораздо более разработанным и соответственно более четко определяющим принципы строения организации. Устав уделил много внимания правилам документирования деятельности Комитета. В нем было записано, что «постановления частного собрания заносятся в протокол для обязательного сообщения последующему общему собранию членов». И далее: «Администрация устанавливает пароли и шифры, обязательные для всех членов Исполнительного комитета. Только этими установленными способами члены Комитета могут вести деловую комитетскую переписку и записывать секретные сведения, адреса, фамилии и пр.».

В таких структурных подразделениях «Народной воли», как рабочая и военно-революционная организация, существовали специальные программы и уставы. Эти документы вместе с тем существенно дополняют документы Исполнительного комитета. В частности, в «Программе рабочих, членов партии «Народной воли» гораздо более ярко звучат мотивы общинного социализма, роли социально-революционной партии в движении, значения рабочей организации как составной части этой партии.

Существование ряда программных документов вызывалось и иными обстоятельствами. Так, организационная рыхлость общества «Черный передел» обусловила существование нескольких доку-

ментов чернопередельческих организаций. И здесь следует обратить внимание на название документов: в них часто употребляются наименования старых организаций или даются общерусские названия, тогда как речь идет об организации в одном городе. Например, устав чернопередельческого общества «Земля и воля» был озаглавлен «Устав федеративного общества «Земля и воля». Между тем это был только проект петербургско-московской организации, не получивший реального воплощения.

Анализ программ и уставов должен включать сопоставление их с теоретико-политическими сочинениями идеологов народничества. В одном и том же документе могли соединяться идеи нескольких теоретиков. Наконец, в самой программе организации или в выступлениях ее руководителей могли отрицаться какие-то теории, однако внимательное прочтение документов заставляет признать наличие этих теоретических положений в программе или уставе. При изучении программных и уставных документов необходимо также исходить из факта существования во многих организациях различных течений, что и отразилось в документах. Уточнению этих вопросов способствует сравнение положений программ и уставов народнических организаций с практикой их революционной деятельности.

В иных случаях программные документы политических организаций 70—80-х годов сохранились в составе судебно-следственных материалов. Так, в ходе процесса по делу 1 марта 1887 г. А. И. Ульяновым была написана по памяти программа террористической фракции партии «Народная воля», приобщенная к делу. Конечно, вряд ли этот документ дословно повторял подлинный текст программы, но их близость несомненна, поскольку оба текста составлял один человек. Цель написания подобного документа — наиболее полно и точно отразить задачи созданной организации. Составление программы служило опровержением фальсификаций обвинительных материалов. Подобные варианты программных документов порождают множество вопросов об источниках, структуре, времени их составления, целевом назначении, тем более что подсудимые не сообщали или излагали весьма неопределенно факты конкретной истории разработки и принятия программы.

Переписка. Сохранилась относительно богатая переписка народнических организаций. Можно выделить несколько групп корреспонденции: переписка центрального кружка (общества, Исполнительного комитета) с местными организациями; переписка народнических организаций с идеологами народничества; письма народников в организацию; переписка народников друг с другом; обвинительные письма народников деятелям царской администрации.

Существование документов первых четырех групп, их число и особенности были обусловлены соответствующими параграфами уставов. Например, в Уставе «Земли и воли» говорилось: «Наилучшей формой сношений кружков признаются личные свидания и сообщения; но так как подобного рода сношения не всегда возмож-

ны, то в таких случаях допускается шифрованная переписка через верные адреса. В случаях же особенной важности никакая переписка отнюдь не должна быть допускаема: все дело должно вестись через прямое посредство своих людей»¹. Эти принципы получили отражение и в Уставе «Народной воли». Такое ограничение письменных сношений, конечно, не способствовало широкому развитию корреспонденции.

Переписка отдельных деятелей и организаций с народническими идеологами отражает ожесточенные споры по различным вопросам революционной борьбы. Такими документами являются: письмо С. И. Бардиной П. Л. Лаврову от 26 сентября 1873 г.; проект адреса членов революционного кружка Лаврову по поводу его полемики с Ткачевым; письмо Исполнительного комитета «Народной воли» П. Л. Лаврову от 14 декабря 1881 г.; письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к заграничным товарищам от декабря 1881 г. При использовании подобных документов следует учесть наличие различных группировок в организациях и не отождествлять взгляды, изложенные в письме, с идеями всей организации. В этом отношении показателен пример последнего письма. Составленное Л. Тихомировым и его сторонниками, проповедовавшими идеи бланкизма, оно не соответствовало взглядам других народовольцев.

По содержанию близки к этой группе письма народников в центральные органы. С точки зрения характеристики настроений и отражения остроты борьбы в момент раскола «Земли и воли» интересно письмо М. К. Крыловой редакторам «Земли и воли». Автор письма протестовал против изменения направления газеты и отказывался от сотрудничества. Существенное значение имеет переписка народников между собой. По своему содержанию она нередко имела чисто деловой характер. Это одна из самых больших групп переписки. В работе с народнической корреспонденцией следует учитывать возможные случаи зашифрованности данных, наличие иносказательных выражений, тайнописи. Подобные тексты трудны для прочтения, интерпретация их должна проводиться с предельной осторожностью.

Прочая документация. Отчетная документация народнических организаций представлена главным образом записями о расходовании средств. Сохранилась «Кассовая книга общества «Земля и воля», в которую производились записи расходов организации на работу в деревне, среди рабочих, по «дезорганизации» (главным образом, террористические акты), на помощь заключенным, для организации побегов, наконец, расходы на одежду, квартиру. Такой источник дает интересную информацию о материальной помощи бастующим рабочим, о закупке книг для пропаганды в деревне. Расшифровка подобных документов бывает затруднена из-за сокращений слов в записях, использования кличек, условных обо-

---

¹ Революционное народничество..., т. 2, с. 41.

значений. Часто записи вел один человек, который сам разрабатывал шифр для них.

В комплексе народнических источников встречаются бумаги так называемой «небесной канцелярии», списки адресов и явок, шифры и инструкции к ним, описания техники изготовления подложных документов, описи поддельных подписей, печатей, бланков государственных учреждений, зашифрованные списки розданных документов. Сохранилась небольшая группа инструктивных документов о способах ведения пропаганды и агитации.

Практически полностью отсутствуют протоколы и резолюции съездов, собраний народнических организаций. Они единичны: это запись обсуждения поправок к проекту устава «Земли и воли» весной 1878 г., запись о Воронежском съезде в июле 1879 г. и резолюция этого съезда. Трудности интерпретации и использования этих документов заключаются в том, что они могли составляться лицами, не имевшими на то специальных полномочий, и в дальнейшем тексты записей никак не корректировались и не заверялись соответствующим собранием. Предельная краткость, иносказательный характер протоколов позволяют их прочесть и раскрыть содержание только в комплексе с другими документами.

Малочисленность протокольно-отчетных и инструктивно-циркулярных документов объясняется не только их плохой сохранностью, но и тем, что даже такая крупная организация, как «Народная воля», не сложились в партию. Это приводило к соответствующим правилам документирования. Например, Исполнительный комитет не был ни выборным, ни тем более подотчетным всей организации, поэтому составление таких форм документов, как отчет, протокол заседания, не было для него обязательным.

Итак, формирование документальных материалов народнических организаций было довольно ограничено. В этой связи решение таких основных вопросов, как происхождение документов, обстоятельства появления, составители, условия принятия, обсуждения, датировка, требует обязательного привлечения документов государственных учреждений (суда, политического сыска и др.), мемуарной литературы, личной переписки, периодической печати, листовок и прокламаций.

§ 2. Документы буржуазных партий

В связи с поздним образованием буржуазных партий в России их документальный комплекс хронологически узок (1905—1917 гг.). Деятельность некоторых из них в условиях контрреволюционного подполья и эмиграции не оставила большой документации.

Важнейшим методологическим источником при изучении документации буржуазных партий являются резолюции IV съезда РСДРП «Отношение к буржуазным партиям» и V съезда РСДРП «Об отношении к буржуазным партиям», а также работы В. И. Ленина «Опыт классификации русских политических партий» и «Кадеты и октябристы».

Методика работы с документами буржуазных партий в значительной степени определяется принадлежностью их к одной из двух групп: документы, предназначенные к публикации, и документы, не предназначавшиеся к публикации. Для документов первой группы характерны социальная демагогия, либеральная фраза, тонкая фальсификация событий, фактов, мотивов действий. Документам второй группы присуща большая откровенность. Однако она вовсе не исключает искажения фактов, подлинных причин событий.

В состав документов первой группы входят: программы и уставы партий, протоколы съездов и конференций, отчеты центральных комитетов. Программные и уставные документы буржуазных партий были не только опубликованы, но почти все зарегистрированы властями. Это обеспечивало партиям легальную деятельность. Не была лишь зарегистрирована программа конституционно-демократической партии (кадетской) из-за «неопределенности целей партии». Впоследствии правительство хотело зарегистрировать программу кадетов, но, надеясь завоевать влияние в массах, кадеты пожелали остаться «незаконной» партией.

Программа кадетов включала требования «конституционной и парламентарной монархии» с министерством, ответственным перед «народным представительством», предоставления буржуазных свобод, всеобщего избирательного права, наделения безземельных и малоземельных крестьян за счет государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель, требование упорядочения и расширения рабочего законодательства. Истинное содержание программы раскрывается при сопоставлении ее пунктов с практикой политической деятельности партии, с теми лозунгами и задачами, которые кадеты выдвигали на выборах, на заседаниях Государственной думы. Это сравнение показывает, что в действительности кадеты отстаивали узкоцензовое народное представительство, выступали с урезанными аграрными требованиями. Несмотря на то что после свержения самодержавия кадеты записали в программу пункт о необходимости демократической и парламентской республики, их деятельность в 1917 г. была далека от проведения этого требования в жизнь.

Программные документы ряда буржуазных партий очень близки друг другу, многие из них существовали недолго, так как процесс эволюции, появления и слияния отдельных партийных групп был очень интенсивным. Например, лидеры возникшей в Москве после 17 октября 1905 г. умеренно прогрессивной партии признавали близость своей программы и кадетской. В то же время их программа мало отличалась от торгово-промышленной партии. Это привело к постепенному исчезновению партии с политического горизонта. В марте 1906 г. сторонники умеренно прогрессивной партии вошли в состав партии демократических реформ, образованной отколовшимися деятелями кадетской партии. Новая партия именовалась «Союз народного благоденствия». В конце 1907 г. эта партия объединилась с партией мирного обновления. Последняя, в свою очередь, в 1912 г. влилась в партию «прогрессистов». По-

добные метаморфозы необходимо учитывать при анализе программ таких эфемерных партийно-политических группировок.

Среди документов второй группы выделяются протоколы центральных комитетов и частных совещаний партий, на закрытых заседаниях которых буржуазные лидеры были довольно откровенны. Протоколы дают более детальную картину позиций отдельных группировок и лиц внутри партии. В то же время в протоколах центральных комитетов немало демагогии, нечетких лозунгов, неверных оценок момента, поскольку это органически было присуще буржуазным политическим деятелям.

Известная аморфность политических организаций буржуазии, большая роль личных отношений в партийной практике сказались на некоторых особенностях документации: значительное отложение документации в личных фондах лидеров партий, нередко отсутствие четких письменных решений и резолюций по обсуждавшимся вопросам.

§ 3. Документы большевистской партии

Пролетарский этап в русском освободительном движении ознаменовался созданием РСДРП как партии нового типа. Одной из ее отличительных черт явилась четкая организационная структура. В процессе революционной деятельности партии возникает комплекс документов, который выделяется в самостоятельную группу источников. Это определяется особыми социальными функциями партийных документов, обусловленными прежде всего той выдающейся ролью, которую играет большевистская партия в жизни России с начала XX в. Многогранная деятельность партии получила отражение в разнообразии ее документов. Кроме традиционных, характерных и для предшествующих политических организаций программ и уставов, мы имеем протоколы съездов и конференций РСДРП, их резолюции, решения, отчетные доклады и протоколы центральных органов партии и ее местных организаций, разнообразную переписку. Партия с момента своего создания придавала большое значение составлению, хранению, собиранию своей документации. Конспиративные условия деятельности приводили к неравномерному формированию отдельных групп партийной документации. Так, большей систематичностью отличаются документы высших и центральных органов партии. Документация местных организаций более фрагментарна. В этой связи представляется целесообразной классификация документов с точки зрения их разновидностей.

Программа. Одним из важнейших партийных документов дооктябрьской эпохи является Программа РСДРП, принятая на II съезде партии. Принятие Программы РСДРП явилось громадным шагом вперед, знаменовало новый этап в развитии марксизма. Важно поэтому сравнить Программу РСДРП с программными документами первых марксистских организаций и проследить процесс ее выработки.

Выдающаяся роль в разработке Программы РСДРП сыграл В. И. Ленин. Первые к решению этого вопроса он приступил в декабре 1895 г., написав «Проект программы», а затем, в июне — июле 1896 г., — «Объяснение программы»¹. Первоначальный проект содержал конкретное и подробное изложение требований в области политических свобод, улучшения положения рабочего класса и крестьянства. В «Объяснении программы» давалось не только более развернутое изложение основных пунктов, но и обоснование их из анализа экономических и политических условий России. В 1899 г. В. И. Ленин написал статью «Проект программы нашей партии»². В ней отмечалась громадная важность программы для сплоченной последовательной деятельности политической партии и определялись принципы построения программы как общепартийного документа, основные разделы программы и их содержание.

Последующая работа по составлению программы относится к 1902 г. Утверждение основных теоретических и практических положений программы происходило в обстановке острой борьбы внутри редакции «Искры». Имеется немало документов, показывающих, как настойчиво В. И. Ленин добивался включения в программу принципиальных положений, предельной четкости и определенности формулировок.

В итоге длительной работы был составлен проект программы Российской социал-демократической рабочей партии. Несмотря на попытки оппортунистов изменить революционную сущность проекта, II съезд партии принял искровскую программу с небольшими редакционными поправками. Программа РСДРП последовательно излагала все основные принципы марксистской теории и была единственной программой социал-демократии, где содержалось требование диктатуры пролетариата. Принятая съездом Программа заложила основы идейного единства партии.

Устав. На II съезде партии был принят также Устав, проект которого составил В. И. Ленин. Обсуждение Устава происходило в обстановке ожесточенной борьбы двух линий: революционной и оппортунистической. Речь шла о выработке организационных основ партии нового типа. Хотя оппортунистам удалось добиться принятия первого параграфа (о членстве в партии) в своей формулировке, они не смогли изменить остальные ленинские положения Устава. Новый документ отличался четкостью содержания и построения. Ряд его положений оказал существенное влияние на формирование партийной документации: о роли партийных съездов, о постановлениях ЦК, об отчетности партийных организаций. Следует указать, что некоторые организационные вопросы (о месте «Бунда» в партии, о районных и местных организациях) были отражены в специальных резолюциях съезда. Такая практика решения организационно-уставных вопросов имела место и на последующих съездах партии.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 81—110.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 211—239.

Устав партии — документ, подвергающийся более частым изменениям, чем Программа. Программа партии, за исключением аграрной ее части, просуществовала без изменений до 1919 г. Устав изменялся и дополнялся на III, IV, V и VI съездах партии и принимался каждым съездом в новой редакции. Кроме того, дополнения к Уставу или изменения отдельных его параграфов делались на совещаниях большевистских организаций, на конференциях. Объясняется это тем, что партия чутко реагировала на изменения условий своей деятельности. Важным этапом в развитии Устава партии явился VI съезд РСДРП(б). Были по-новому сформулированы параграфы о приеме членов, о съездах партии, о строительстве всех организаций партии на началах демократического централизма. Документ стал именоваться Уставом Российской социал-демократической рабочей партии.

Протоколы. Одной из самых больших групп документов большевистской партии является протокольная документация. Она представлена протоколами съездов, конференций, пленумов ЦК, различных совещаний партийных организаций. Начало созданию этого комплекса было положено на II съезде партии, все заседания которого протоколировались и составленные записи утверждались на очередных заседаниях. Была выбрана специальная комиссия по изданию протоколов съезда. Этими актами партия заявила о том серьезном значении, которое она придавала партийной документации и особенно материалам съезда.

О значении протоколов съездов В. И. Ленин писал: «Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу»¹.

Результатом того значения, которое придавалось протоколам съездов как высших органов партии, явилась их публикация непосредственно после окончания работы съездов². По конспиративным соображениям в таких изданиях не обнародовались некоторые резолюции и указывались не настоящие фамилии делегатов, а их партийные псевдонимы.

При обращении к протоколам съездов необходимо установить технику их составления. Записи заседаний первых съездов поочередно велись избранными секретарями. В редких случаях, когда

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 189.

² См.: Второй очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Женева, 1904; Третий очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Женева, 1905; Протоколы Объединительного съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Москва, 1907; Лондонский съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Париж, 1909. Протоколы VI съезда РСДРП (большевиков) 26 июля — 3 августа 1917 г. М. — Пг. — Н. Новгород, 1919.

кто-то из секретарей знал стенографию, выступления делегатов стенографировались. В секретариат или протокольную комиссию обычно сдавались и собственноручные записи речей делегатов. На основе этих материалов составлялись тексты протоколов, которые утверждались на некоторых съездах. В тех случаях, когда протоколы не утверждались съездом, возможность искажения выступлений, пропусков в речах вполне допустима. На это обращал внимание В. И. Ленин после окончания работы IV съезда партии: «На Объединительном съезде впервые оказалась такая неисполнительность секретарей, такая спешка закончить съезд..., что на съезде *не были* утверждены все протоколы. Протокольная комиссия (2 меньшевика и 2 большевика) выходит с этого съезда с невиданно широкими и расплывчатыми полномочиями: утвердить незаконченные протоколы... Все это весьма печально. Боюсь, что таких хороших протоколов, как II и III съездов, мы не получим»¹. Появившиеся в 1907 г. протоколы IV съезда подтвердили эти опасения: многие выступления были переданы не полно, отсутствовали записи некоторых докладов, речей, в частности докладов В. И. Ленина по аграрному вопросу, о современном моменте и некоторых других его выступлений. Кроме таких причин, как меньшевистское большинство на IV съезде, полному воспроизведению всех прений на съездах мешал сам характер записей, поскольку они были не стенографическими, а протокольными.

Анализ текстов протоколов, сопоставление выступлений отдельных делегатов свидетельствуют о пропусках в протоколах или слишком кратком изложении речей. Например, во втором выступлении Аксельрода по поводу § 1 Устава говорится, что Ленин критиковал его аргументацию о доступе в партию профессора, который считает себя социал-демократом. Между тем в записи выступления Ленина ничего об этом примере не говорится. Несовершенство записей отмечалось делегатами съезда при утверждении протоколов.

В этой связи восстановлению более детальной картины съездов, развертывавшихся на них прений помогают воспоминания участников съезда, доклады делегатов о прошедших съездах, записи, которые самостоятельно велись отдельными его участниками. Например, протоколы II съезда партии дополняются ленинскими материалами, к которым относятся: «Дневник заседаний II съезда РСДРП», «Заметки о работе программной комиссии», «Заметки о прениях по § 1 Устава»² и работа «Шаг вперед, два шага назад». Значение этих ленинских материалов не только в дополнениях к официальным протоколам, но в раскрытии существа многих обсуждавшихся на съезде вопросов. Особую роль выполняют подобные материалы при анализе менее совершенных протоколов. Так, к изучению протоколов IV съезда необходимо привлечь доклад В. И. Ленина об Объединительном съезде.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 7—8.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 403—421, 422—424, 428—430.

При интерпретации содержания протоколов дооктябрьских съездов следует не только учитывать точность записи, но обратить особое внимание на состав делегатов. Кроме большевиков, на съездах выступали меньшевики, бундовцы, экономисты и представители других оппортунистических группировок. Само выявление партийной принадлежности представляет известные трудности и требует специальной исследовательской разработки.

Резолюции. Итогом обсуждавшихся на съездах вопросов были приняты по ним резолюции. При изучении резолюций необходимо исследовать различные проекты резолюций и внесенные в нее поправки, дополнения. Наличие разных проектов резолюций связано было прежде всего с борьбой революционного и оппортунистического крыла РСДРП, с деятельностью различных фракций и групп. Иногда эти проекты могли отражать и разногласия внутри большевиков, как это было на IV съезде партии по аграрному вопросу. Любая поправка могла существенно исказить смысл, дух документа. Особо следует обратить внимание на то, как выдержала проверку революционной практикой та или иная резолюция. Это, в частности, отмечал В. И. Ленин в «Докладе об Объединительном съезде»: «Проекты соответствующих резолюций большинства и меньшинства читатель найдет в приложении. Предлагаем интересующимся этим вопросом... сличать эти проекты от времени до времени с «уроками революции»¹.

Говоря о значении решений съездов, методах их изучения, в том числе IV съезда, В. И. Ленин писал: «Объединительный съезд дал массу делового, документального материала... Надо *изучать* этот документальный материал... Он сух, конечно, этот документальный материал. Не у всякого хватит внимания и терпения читать проекты резолюций, сличать их с принятыми резолюциями, обдумывать значение различных формулировок каждого пункта, каждой фразы. Но без такой серьезной работы сознательное отношение к решениям съезда невозможно»².

При работе с резолюциями дооктябрьских съездов следует учитывать, что при наличии оппортунистического большинства на некоторых съездах, при колебаниях центра по целому ряду вопросов принимались и ошибочные резолюции. Поэтому при использовании текста той или иной резолюции надо знать ее авторов, когда и кем она была принята.

Манифесты, обращения, извещения были особой формой документов высших органов партии. Обычно они были связаны с каким-то конкретным событием, имели характер декларации, формулировали лозунги, призывы к партии. Наиболее редко издавались манифесты, появлявшиеся в связи с чрезвычайными событиями. Наибольшее распространение получили извещения по поводу созыва съезда, пленума, конференции или о состоявшемся

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 58.

² Там же, с 61.

съезде партии, конференции, совещании. В извещениях по условиям конспирации не указывалось ни место, ни время заседания, но сообщалось количество делегатов, организации, которые они представляли. Довольно подробно излагались обсуждавшиеся вопросы и принятые по ним решения, формулировались лозунги, иногда указывались первые итоги проведения их в жизнь.

Отчеты. Создание строго централизованной и организационно четкой политической партии породило комплекс отчетной документации. Существовали отчеты центральных органов съезду и отчеты местных организаций, направлявшиеся ими в адрес ЦК или съезда. Именно новый тип партии, ее пролетарский характер придали постоянный характер этой форме документации.

Отчеты появились уже в самом начале деятельности партии. На II съезде РСДРП были представлены отчеты местных организаций партии, организации «Искры», Организационного комитета. Тогда же была сделана попытка унифицировать отчеты местных организаций, сделать их действительно коллективными отчетами организаций и добиться от них подробной информации по самым животрепещущим вопросам. Такие цели преследовал документ, составленный В. И. Лениным, «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду»¹. Это был вопросник, по которому следовало составлять отчет. При этом определялись не только разделы докладов, но и методика их составления. В. И. Ленин писал, что доклад должен быть полным по всем отраслям социал-демократической работы, что желательно привлечь к составлению докладов более широкий круг лиц и провести обсуждение докладов в группах и комитетах. В архиве II съезда партии сохранились доклады местных организаций: Бакинского, Тульского, Тверского комитетов, Социал-демократического союза горнозаводских рабочих Юга России, Северного рабочего союза. В структуре и содержании этих докладов прослеживается влияние ленинских указаний.

На съездах партии систематически слушались отчеты центральных комитетов, организационных комитетов, центральных органов. В политическом отчете ЦК обычно разбирались основные направления работы ЦК, выдвинутые политические лозунги, а в организационном рассматривались рост рядов партии, связи с местными парторганизациями.

Переписка. Среди партийных документов большое место занимает переписка. По своему происхождению она делится: на переписку центральных органов с местными организациями, переписку центральных органов партии и переписку местных организаций с центральными органами. Основной формой сношения было письмо, для первой группы также характерна инструкция.

Необходимо отметить, что этот комплекс документов складывался несмотря на преследования охранки, строгие условия кон-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 72—82.

спирации и подполья. Основной причиной такого процесса было стремление партии, ее центральных органов поддерживать постоянную связь с массами, с широкими кругами революционного движения. Уже в первые годы работы партии удалось наладить обмен корреспонденцией. Например, в докладе организации «Искры» II съезду партии указывалось, что «Искра» ведет непосредственную переписку с большинством комитетов партии, которые посвящают ее в их внутреннюю жизнь. Одним из трудных моментов работы с корреспонденцией является конспиративный стиль ее изложения: употребление псевдонимов, партийных кличек, различных иносказательных выражений.

Глава 20

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

§ 1. Общая характеристика статистических источников и принципов их критики

Как особый вид статистические источники складываются в России в капиталистическую эпоху. В этот период происходил качественный перелом в развитии статистики — переход от описательного характера экономико-географических и статистических материалов к цифровому освещению основных явлений исторической действительности.

Следует различать две основные группы статистических материалов. Первую составляют данные, собираемые для нужд правительства, для реализации функций учреждений, организаций, предприятий. Вторую группу составляют данные, собираемые специально в целях их статистической обработки¹. Они включают прежде всего материалы единовременных обследований, переписей, а также данные текущей статистики. Собираение и последующая обработка этих материалов организуются в том или ином соответствии с правилами статистической науки.

Новые производственные отношения порождали тесные экономические взаимоотношения различных элементов хозяйственной структуры страны, создавали сложную систему их управления, расширяли практику применения учета, увеличивали его масштабы. Учетно-статистические материалы возникали в самых различных системах документирования.

Усложнение управленческих функций государства требовало более полной и достоверной информации о различных областях

---

¹ См.: Яцунский В. К. О применении статистического метода в исторической науке. — Исследования по отечественному источниковедению. М. — Л., 1964, с. 26—27.

жизни страны в целях разработки мероприятий экономической и социальной политики. Одно обобщение данных статистических материалов первой группы не удовлетворяло этих потребностей. В силу этого происходил активный процесс развития текущей статистики, расширялась практика проведения переписей. Формирование постоянной статистической службы, развитие разнообразных форм статистических исследований позволяет говорить о статистической практике как особом направлении в деятельности государственного аппарата. Такие же тенденции характерны для органов местного самоуправления, предпринимательских организаций буржуазии, научных обществ. Расширение статистических занятий в системе всех учреждений и организаций происходило параллельно с развитием статистической науки, под ее воздействием, с распространением статистического метода в познании социальных явлений.

Развитие потребностей общества в разнообразной информации экономического, административного характера обусловило широкое распространение различных справочных изданий, которые по своему содержанию близки статистическим публикациям. Но их отличает по крайней мере два момента. Во-первых, они не дают и не ставят своей целью анализ явлений, информацию о которых представляют. В лучшем случае они могут содержать простейшие суммированные подсчеты опубликованных данных. Во-вторых, в справочных изданиях, как правило, используются в качестве источников учетные и иные разновидности делопроизводственных материалов, акты, объявления.

Для капиталистической России характерна разрозненность статистического учета. Несмотря на учреждение при Министерстве внутренних дел Центрального статистического комитета и Статистического совета, получивших окончательное оформление в 1863 г., в стране не было единой государственной статистики как системы взаимосвязанных и подчиненных органов в центре и на местах. Статистические работы осуществляли помимо Центрального статистического комитета отдельные департаменты, отделы различных министерств. Наряду с ними существовала статистика земств, городских органов самоуправления, предпринимательских союзов буржуазии, научных обществ. Статистические источники, сложившиеся в процессе деятельности различных учреждений и организаций, имели свои характерные черты, требующие учета в практике их источниковедческого анализа и использования.

Отметим общие принципы и направления источниковедческой критики статистических источников. Методологическая основа и методика их анализа и обработки последовательно сформулирована в трудах В. И. Ленина. В. И. Ленин обращался к статистическим данным при изучении различных сторон массовых общественных явлений и процессов, рассматривая статистику как «одно из самых могущественных орудий социального познания»¹. Им опре-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 334.

делены основные методологические принципы оценки научной значимости статистических сведений. В его работах можно найти не только многочисленные примеры критического анализа материалов аграрной, фабрично-заводской, демографической, социальной статистики дореволюционной России, но и конкретные образцы методики корректировки и обработки их данных.

В процессе источниковедческой критики устанавливается достоверность, полнота, представительность и сопоставимость статистических источников. При этом анализируются как первичные статистические материалы (анкеты, карточки, ведомости, вопросные листки), так и публикации, выполненные на основе их разработки. Выявление достоинств и недостатков статистических источников идет по нескольким направлениям и через ряд стадий. Прежде всего надлежит изучить характер и содержание программ статистических обследований. Методологические ошибки программ как текущей статистики, так и различных переписей нарушали достоверность, полноту и репрезентативность данных. Особенно важно оценить точность и правомерность определения единиц учета, объекта наблюдения и признаков, его характеризующих.

Необходимо уделить внимание исследованию методики и техники сбора сведений. Для российской статистики были характерны два основных способа получения данных: экспедиционный, при котором сбор сведений осуществлялся подготовленными лицами, и анкетный, когда информация представлялась непосредственно лицом, связанным с объектом наблюдения (например, хозяином промышленного заведения). К последнему примыкает получение сведений от добровольных корреспондентов, различных представителей администрации и чинов полиции. Исследованиями установлено, что большую достоверность и точность информации обеспечивает первый метод.

Переписи как форма организации статистического наблюдения в условиях господства частной собственности являлись наиболее совершенным методом получения обширной и достоверной информации. Именно переписи, проводимые по всей стране или хотя бы на большей ее части по детально разработанным программам, дают массовые сведения об основных явлениях и процессах действительности. О роли и значении таких сведений В. И. Ленин писал: «Социальная статистика вообще, экономическая статистика в частности, сделала громадные успехи в течение двух-трех последних десятилетий. Целый ряд вопросов и притом самых коренных вопросов, касающихся экономического строя современных государств и его развития, которые решались прежде на основании общих соображений и примерных данных, не может быть разрабатываем сколько-нибудь серьезно в настоящее время без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны по одной определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками»¹.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 323.

В процессе изучения статистических источников должно быть установлено соотношение действительных, реальных объектов и их признаков с информацией о них, отраженной в источнике. Этому помогает сравнительный анализ различных комплексов статистических материалов, выявление взаимосвязи, взаимообусловленности отдельных элементов информации внутри самого источника. Определяя представительность и полноту статистических сведений, необходимо выяснить, какую территорию и в какой степени характеризуют цифровые данные, насколько они позволяют судить о процессах, происходящих в стране. При этом не надо забывать, что при обилии сведений в источнике может отсутствовать информация, характеризующая основные черты данного явления или процесса. Оценки полноты и достоверности статистических источников относительно подвижны, поскольку могут меняться в зависимости от конкретной задачи, разрабатываемой исследователем.

Завершающим и закономерным этапом каждого статистического наблюдения является разработка, обобщение собранной первичной информации в соответствующих статистических публикациях. Отсутствие разработки собранных данных рассматривается как недостаток того или иного комплекса статистических материалов.

В процессе изучения и использования статистических источников по истории капиталистической России мы чаще всего имеем дело с публикациями, так как значительная часть первичных материалов статистических обследований не сохранилась. В этих публикациях проявлялись все методологические просчеты организаторов и исполнителей статистических работ. Имело место и желание скрыть, исказить факты, если они обличали существующие порядки или не укладывались в схемы господствующих теорий.

Для изучения динамики социальных и экономических явлений и процессов необходимо иметь сопоставимые, однородные данные. Однако само развитие явлений, рост потребностей общества в новой информации, совершенствование статистических работ обуславливают и порождают изменения в последующих статистических работах. Это нельзя рассматривать как недостаток источников, однако такое положение требует тщательной работы по вычленению сопоставимых данных.

§ 2. Статистика Центрального статистического комитета

Центральный статистический комитет, призванный выполнять роль органа общегосударственной статистики в России, в действительности ведал ограниченным кругом вопросов. В его материалах наиболее полно и последовательно представлена статистика населения, населенных мест, сельскохозяйственная статистика. Остальные направления статистики разрабатывались эпизодически и по довольно узким программам.

Комитет осуществлял текущий статистический учет, а также единовременные обследования. Местными его органами, производившими сбор информации, были губернские, областные и город-

ские статистические комитеты. Они располагали весьма ограниченным штатом и средствами. Это определило привлечение к проведению статистических работ, особенно текущих, полицейских чинов и служащих волостных правлений. Такой порядок формирования первичных данных обусловил неполноту, противоречивость многих материалов Комитета.

Систематическая публикация разнообразных сведений как текущей статистики, так и ряда единовременных обследований осуществлялась в двух основных изданиях — «Статистический Временник Российской империи», выходивший тремя сериями с 1866 по 1890 г., и «Статистика Российской империи», т. 1—110 (1887—1917). Оба издания содержали многоаспектную информацию об административном делении страны, ее населении, сельском хозяйстве и промышленности.

Демографическая статистика. Статистика населения в системе Центрального статистического комитета осуществлялась в форме обобщения данных текущей отчетности. Однако единых способов учета роста населения и его передвижения не существовало. Неудовлетворительность сведений демографического учета связана с сословными пережитками, которые влекли разрозненность учета дворянского, городского, крестьянского населения. В итоге численность населения и его состав определялись примерно на основе данных о естественном приросте и частичного учета переселений из одной губернии в другую.

Деятели Комитета и, в частности, возглавивший его с 1864 г. видный ученый П. П. Семенов-Тяньшанский сознавали недостатки текущей демографической статистики. Много сил было отдано в этой связи организации всеобщей переписи населения. Вопрос о необходимости и порядке проведения переписи обсуждался более 20 лет.

Первая всеобщая перепись населения России была проведена в январе 1897 г. По закону 5 июня 1895 г., переписи подлежали все жители империи, независимо от пола, возраста, состояния, вероисповедания, национальности, подданства. Перепись производилась по отдельным хозяйствам. На фабриках и заводах сведения в переписные листы вносились администрацией (заведующими) предприятий. Перепись ставила следующие вопросы: имя, отчество и фамилия (или прозвище), семейное состояние (холост, женат, вдов, разведен), отношение к главе хозяйства (родственник, свойственник, приемыш или жилец, прислуга, работник и т. п.), пол, возраст, состояние или сословие, вероисповедание, место рождения, место приписки, место постоянного жительства, родной язык, грамотность, занятие (основное и побочное).

Активную роль в сборе сведений играли податные инспекторы, помощники исправников, агенты земского страхования. Сам состав лиц, на которых было возложено проведение переписи, сказался на степени достоверности полученных результатов. По свидетельству счетчиков, «в населении городском, простонародном, господствующее настроение в течение всего времени переписи было — опасение

увеличения налогов и изобретения новых». Это приводило к стремлению скрыть побочные кромое земледелия занятия.

Данные переписи были опубликованы в виде общеимперской сводки, а также в 89 выпусках по отдельным губерниям, областям, четырем городам и острову Сахалин. Значительный интерес представляют разработки сведений переписи о распределении населения и специально рабочих и прислуги по занятиям и месту рождения.

Отметив, что статистика эта, по всей видимости, грешит весьма значительным преуменьшением числа рабочих, В. И. Ленин считал, однако, возможным использовать данные переписи населения 1897 г. для приблизительного определения того, на какие основные категории делится все население России по своему классовому положению, т. е. по своему положению в общественном строе производства¹. Такой подсчет был осуществлен им для второго издания книги «Развитие капитализма в России», вышедшего в 1908 г.

Известным дополнением и уточнением состава и численности населения являются материалы городских переписей. Они проводились вначале под эгидой Центрального или местных статистических комитетов. В дальнейшем инициатива и организация их проведения перешли к органам городского самоуправления.

Аграрная статистика в материалах Комитета представлена регулярно собираемыми данными о посевах и сборах хлебов и других культур.

В дореформенных условиях России посеы и сборы хлебов учитывались в натуральном выражении, т. е. в объеме высеваемого и собираемого зерна. Такой принцип не требовал учета посевных площадей, но и не давал возможности определить производительность земледелия на единицу площади. Этот минус обнаружился в условиях капиталистического развития и определил новые принципы сбора данных: прежде всего учет посевных площадей.

Воздействие капитализма на аграрный строй страны, характер и формы землевладения и землепользования вызвали и другие изменения в принципах сбора данных. Так, долгое время при сборе сведений о площадях посевов под различными культурами статистический комитет выделял две основные категории: посеы на землях наделных и владельческих, куда включались и купленные сельскими обществами, и арендованные крестьянами. В итоге земля как объект владения отождествлялась с землей как объектом хозяйства. С 1904 г. комитет ввел более дифференцированную систему учета посевных площадей — отдельно по землям наделным, прикупленным сельскими обществами, арендованным крестьянами и частными владельцами. Однако во всех публикациях сохранилось старое деление площадей на наделные и частновладельческие. Оно искажает картину соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве России.

Что касается методов сбора данных, то учет посевных площа-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 502, 505.

дей осуществлялся сплошной переписью на основе опроса дворохозяев и заполнения ведомостей сельскими старостами на сельском сходе. Волостные старшины сводили данные сельских обществ и направляли их в Комитет. Сведения же о высеве и урожайности собирались через сеть добровольных корреспондентов. Располагая данными о площадях посева различных культур и об их высеве и урожайности, Комитет мог определить общий высев и сбор.

В эпоху капитализма, наряду с сохранением губернаторских отчетов — единственного до 80-х годов XIX в. источника, содержащего данные о посевах и сборах хлебов по всем категориям землевладельцев, — появляются новые источники. Так, в результате рассылки опросных листов во все сельские общества и всем владельцам и арендаторам имений в 1881 и 1887 гг. были получены сведения о площадях посевов различных культур. С 1893 г. данные о численности сельского населения и размерах посевов стали собираться ежегодно и публиковаться в изданиях по урожайной статистике наряду со сведениями об урожайности и общих сборах различных культур. Большинство этих материалов опубликовано в отдельных томах и выпусках «Статистического Временника Российской империи» или «Статистики Российской империи». С 1883 г. ежегодно публиковались данные урожайной статистики в серии «Урожай... -го года» (первоначально только данные по Европейской России, с 1907 г. — по всей стране). Серия состоит из 50 томов и содержит наиболее полный набор сведений по урожайной статистике за 1883—1915 гг.

Общее развитие системы организации статистического учета, вызванного потребностями капиталистического способа производства, повлекло появление ряда земельных и сельскохозяйственных переписей. Было проведено три переписи землевладения — в 1877, 1887 и 1905 гг.

Итоги первой переписи опубликованы в 8 томах «Статистики поземельной собственности населенных мест Европейской России». Этим изданием положено начало статистике землевладения в России. Оно включает сведения о числе и размерах земельных владений по сословиям и категориям владельцев в 49 губерниях и уездах Европейской России.

Второе обследование землевладения происходило менее организовано. Разработка итогов осуществлялась по более узкому кругу вопросов. Издание 46 выпусков «Главнейших данных поземельной статистики по обследованию 1887 г.» по ряду вопросов является несопоставимым с данными первого обследования.

Публикация итогов третьей переписи — «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России» — перекликается с первым обследованием. Это издание использовал В. И. Ленин в своих работах «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» и «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции».

Центральный статистический комитет занимался также сбором данных о численности скота. В начале XIX в. сведения о количестве

скота собирались через местную полицию наряду с другими данными для губернаторских отчетов. Потребность в более точных сведениях вызвала к жизни новую систему учета. С 80-х годов XIX в. проводятся военно-конские переписи с целью полного учета поголовья лошадей. Были опубликованы данные переписей 1879, 1888, 1891, 1893—1894, 1896, 1899—1900, 1903—1904, 1905—1906, 1910, 1912 гг. Основным минусом этих переписей была длительность их проведения: как правило, в течение 2—3 и более лет; только военно-конская перепись 1912 г. была проведена в течение года. Поэтому сведения о числе лошадей на всей территории можно получить объединяя данные нескольких лет (например, 1888 и 1891, 1896 и 1899—1900 гг. и т. д.).

В 1910 г. через волостные правления и местную полицию были собраны сведения об обеспеченности крестьянского и частновладельческого хозяйства орудиями и машинами. Эти данные опубликованы в издании «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.» (СПб., 1910).

Изучение происхождения источника, организации обследований позволяет ~~выяснить~~ цели и задачи, определявшие в итоге программу, на основе которой велось статистическое наблюдение, а следовательно, информативную ценность статистического источника. Выяснение этих вопросов важно для понимания достоверности, сопоставимости, представительности данных.

Так, организация первой в России всеобщей сельскохозяйственной переписи в 1916 г. связана с деятельностью созданного в августе 1915 г. Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Цели и задачи, которые ставились перед переписью правительством (выяснение продовольственных возможностей страны для снабжения армии), необходимость быстрого проведения обследования, слабый интерес к положению сельского хозяйства и крестьянства обусловили узкую программу переписи. Даже фиксация состояния главных элементов сельского хозяйства (население, скот, посев) была решена не полностью. По программе предварительного подсчета Особым совещанием было опубликовано три статистических сборника.

Неполнота произведенного обследования обусловила в 1917 г. необходимость повторной сельскохозяйственной переписи. Вопросы, связанные с типом и программой переписи 1917 г., окончательно решились после Февральской революции. Сложившаяся в стране обстановка заставила расширить круг задач переписи. В ней впервые в истории русской статистики соединено обследование хозяйств с поземельным учетом в масштабе всей страны.

Отсутствие стабильности в принципах, программах и методах сбора данных в источниках этого периода особенно остро ставят проблему сопоставимости статистических данных. Даже соседние переписи 1916 и 1917 гг. несопоставимы по ряду показателей. Материалы переписи 1917 г. изданы уже после Великой Октябрьской социалистической революции.

Промышленная статистика. Статистика промышленности полу-

чила отражение в основных публикациях Центрального статистического комитета, включавших информацию как об обрабатывающей промышленности, в том числе и облагаемой акцизом, так и о горнозаводской. Основу этих публикаций составляли сводные ведомости о фабриках и заводах, доставлявшиеся ежегодно губернскими статистическими комитетами.

Трудно преодолимым недостатком этого комплекса является смешение сведений о собственно фабрично-заводских предприятиях со сведениями о мелких, кустарных предприятиях. В разные годы в отдельных губерниях учет таких мелких заведений осуществлялся неодинаково. Все это позволяет использовать указанные материалы для выявления только общей, приблизительной динамики развития промышленности России во второй половине XIX в.

§ 3. Ведомственная статистика

В системе ведомственной (казенно-административной) статистики по линии отдельных министерств сложились или формировались разнообразные направления статистики: аграрная, промышленная, статистика труда, внутренней и внешней торговли, финансов, транспорта и связи, народного образования, здравоохранения. В ведомственной статистике с особой силой сказывалась разобщенность статистического учета. Многие формы ведомственной статистики были связаны с политикой регламентации, опеки. Однако в целом они все больше обуславливались капиталистической эволюцией России.

Аграрная статистика. Изучение различных аспектов сельского хозяйства занимало значительное место в статистической деятельности нескольких министерств. Департамент земледелия и сельской промышленности (с 1894 г. преобразован в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики) Министерства земледелия и государственных имуществ рассылал анкеты добровольным корреспондентам по весьма обширной программе. Полученные данные издавались в серии «...год в сельскохозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев». Серия охватывает 1881—1915 гг. и содержит целый ряд систематических сведений о сельском хозяйстве: урожайность различных культур, цены на продукцию, скот, рабочие руки.

Интересна попытка выявления размаха применения наемного труда в частновладельческом хозяйстве. Она была предпринята в конце 80-х годов Департаментом земледелия через своих корреспондентов. Итоги ее опубликованы в серии «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев» (СПб., 1890—1903, вып. I—XI). Обобщенными данными этого опроса пользовался В. И. Ленин при выяснении соотношения капиталистической и отработочной систем в помещичьем хозяйстве.

Министерство земледелия и государственных имуществ публиковало детальные данные о помещичьих и вообще частновладельческих хозяйствах на основании материалов добровольных кор-

респондентов. Примером подобного издания могут служить «Описания отдельных русских хозяйств» (13 выпусков).

Обширные систематические данные для изучения движения землевладения представляет издание «Материалы по статистике движения землевладения в России» (СПб., 1896—1917, вып. I—XXV). Появление этой публикации было вызвано потребностями Министерства финансов в сведениях о мобилизации земельной собственности. В основу издания положены сведения о купле-продаже земли из объявлений нотариальных контор, публиковавшихся в приложениях к «Сенатским ведомостям». Если данные земельных переписей дают возможность воссоздать картину распределения земельной собственности в определенные отрезки времени, то сведения «Материалов» воспроизводят сам процесс ее перераспределения.

Промышленная статистика. Сведения о российской фабрично-заводской промышленности отложились в статистических материалах главным образом Министерства финансов, а затем Министерства торговли и промышленности.

Основным источником текущих сведений о предприятиях обрабатывающей промышленности в пореформенный период оставались ведомости фабрик и заводов, сбор и разработку которых осуществлял департамент торговли и мануфактур Министерства финансов. Недостатком ведомостного учета на всем протяжении его существования было крайне неудовлетворительное решение главного программно-методологического вопроса промышленной статистики — определение объекта наблюдения, т. е. промышленного заведения. Ни в законодательных актах, на основании которых собирались ведомости, ни в самих бланках ведомостей, ни в инструкциях министерства не устанавливалось отличительных признаков промышленного заведения. Все это обусловило регистрацию не только фабрично-заводских предприятий, но многих мелких, по существу кустарных. Не обеспечивала полноту и достаточную достоверность система сбора материалов. Ведомости заполнялись владельцами предприятий или с их слов чинами полиции. Никакой проверки сообщаемых данных не устанавливалось.

Потребности государства в более полной информации о промышленном производстве в России привели в середине 80-х годов к расширению формуляра ведомости. Владелец предприятия должен был сообщить о местонахождении заведения, дате его основания, количестве изготовленных изделий в натуральном и стоимостном выражении, паровых машинах и их мощности, составе рабочих по полу и возрасту, заработной плате и длине рабочего дня, используемых механизмах, сведения о топливе, сырье, сбыте изделий, о непрерывности производства в течение года. Кроме того, включались вопросы о фабричных зданиях, об образовании и подданстве лиц, заведующих производством, об имеющихся при фабрике училище, больнице, сберегательной кассе. Характер вопросов, требовавших известного уровня налаженного внутризаводского учета,

привел к дифференциации подачи сведений. Данные о мелких предприятиях стали представляться в виде сводных ведомостей.

Материалы ведомостей были разработаны в трех изданиях «Указателя фабрик и заводов». Основным достоинством «Указателя» является публикация поименного списка предприятий с соответствующей информацией о характере их производства. Такой принцип издания позволяет проводить более эффективную корректировку источника, т. е. отделять сравнительно годный материал (сведения о крупных заведениях) от недостоверного, на основе сопоставления с другими изданиями выявлять новые предприятия, а также открывает возможность для новой обработки материала, в частности для проведения группировок предприятий по ряду признаков.

Большим своеобразием в России отличалась статистика промышленности, облагаемой акцизом, и статистика горнозаводской промышленности. Сбор статистических данных о предприятиях отраслей, облагаемых акцизом, осуществлялся на основе ряда уставов и правил, которые определяли порядок подачи и форму ведомости. Сведения о подакцизных предприятиях публиковались до 1898 г. в «Отчетах департамента неокладных сборов», а в 1899—1916 гг. — в ежегодном издании министерства финансов «Статистика производств, облагаемых акцизом». Формуляр публикации имел свой набор показателей по каждому производству, (свеклосахарное, винокуренное, спичечное, нефтеперегонное и пр.), поэтому данные сопоставимы только в рамках одного производства.

Ежегодно на основании закона, изложенного в «Уставе о горных заводах», в Горный департамент поступали отчеты горных управлений, составленные по материалам соответствующих отчетов окружных горных инспекторов. Последние основывались на данных, представленных каждым казенным и частным заводом. С 1859 г. выходил «Сборник статистических сведений по горнозаводской промышленности России». Он включал сведения о производительности заводов, рудников, промыслов, каменоломен, о главнейших рудничных и заводских устройствах, количестве потребляемого топлива, числе рабочих.

Ведомостный учет как основная форма получения ежегодной статистической информации о деятельности обрабатывающей промышленности России исчезает после 1897 г. На смену ему приходит метод переписей.

Статистическая практика России постепенно накапливала опыт проведения единовременных обследований промышленности. Особое значение в этом плане имеет анкетирование промышленности, проведенное в 1895 г. В ходе этого обследования был сделан определенный шаг в разработке понятия фабрично-заводского предприятия. В вводной части ведомости (анкеты) указывалось: «Ведомости должны быть составлены обо всех промышленных заведениях, имеющих не менее пятнадцати рабочих, а также и о тех, которые при числе рабочих менее 15 имеют паровой котел, паро-

ую машину или другие механические двигатели и машины или заводские и фабричные устройства». В. И. Лениным в работе «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» критически анализируется это определение¹.

Более удачно в ходе обследования был решен вопрос о предприятии как единице счета, когда не допускалось смешение предприятия и цеха и велся отдельный учет нескольких предприятий акционерного общества, товарищества. Это позволило избежать как двойного счета, так и укрупнения промышленных единиц. По данным этого обследования, осуществлена публикация — «Перечень фабрик и заводов» (СПб., 1897). Издание содержало сведения о каждом отдельном предприятии, причем набор показателей в публикации был намного меньше собранных первичных данных.

В начале XX в. в России было проведено три промышленных переписи: 1900, 1908, 1910—1912 гг. Основной их задачей было изучение состояния фабрично-заводской промышленности для выработки некоторых аспектов экономической политики правительства.

Перепись 1900 г. охватила губернии Европейской России и частично Кавказа. Обследовались производства обрабатывающей промышленности, не обложенной акцизом, и заведения, подчиненные надзору фабричной инспекции. Не анкетировались заведения с годовой производительностью менее 1000 руб.

Переписью 1908 г. была охвачена вся территория России. Сведения по более краткой программе представлялись по всем отраслям и производствам независимо от их ведомственной принадлежности. Не вошли в обследование предприятия горно- и нефтедобывающие (за исключением бакинских).

Перепись 1910—1912 гг. обследовала предприятия, подчиненные надзору фабричной и горной инспекции, на территории Европейской России. Поскольку сбор данных осуществлялся в связи с готовящимся пересмотром таможенного тарифа, то анкетировались более крупные предприятия, продукция которых могла быть предметом международной торговли.

Какого-либо изменения и улучшения в вопросе определения промышленного заведения переписи не дали. В ходе их проведения руководствовались теми признаками фабрично-заводского предприятия, которые были разработаны в 1895 г. Переписи внесли ясность в определение важнейших показателей промышленного производства (стоимость производства и выручка по заказам, основное и побочное производство, учет энергетического оборудования, использованного сырья и топлива и т. д.), уточнили классификацию и группировку производств. Сбор сведений проводился путем рассылки опросных бланков для заполнения их владельцами предприятия. Корректировка и проверка данных осуществлялась только путем взаимосвязи вопросов программы.

Материалы переписи 1900 г., программа которой отличалась наибольшей детальностью, отражены в издании «Статистические

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 5—9.

сведения о фабриках и заводах по производству, не обложенным акцизом, за 1900 год» (СПб., 1903), содержащем итоговые показатели по 12 отраслям промышленности и распределенным по отдельным губерниям. Таблицы этой публикации включали большинство показателей анкеты: число предприятий, сумма производства, состав рабочих по полу и возрасту, их общее число в заведении и на стороне, число и мощность различных категорий двигателей, отдельно стоимость оборудования русского и заграничного происхождения, расходы на сырье, топливо, отдельные виды заработной платы, расходы на содержание зданий, администрации.

Материалы переписи 1908 г. явились основой издания «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год» (СПб., 1912). Сокращение программы обследования не могло не сказаться на содержании публикации. Таблицы переписи не были разработаны столь детально, как в издании по переписи 1900 г. При некоторых различиях изданий переписей 1900 и 1908 гг. сохраняется большая близость формуляров публикаций, что обеспечивает сопоставимость данных двух этих обследований.

По материалам переписей были изданы «Списки фабрик и заводов». Они содержат именной перечень фабрик и заводов соответственно по Европейской России и всей империи, их основные производственные характеристики, число рабочих, количество и стоимость производственной продукции, адресные сведения.

Материалы переписи 1910 — 1912 гг. опубликованы в 12 выпусках (по числу групп производств) и специальном выпуске «Общие итоги». Содержание выпусков должно было помочь, по мнению составителей, дать оценку «мощности русской промышленности в отношении конкуренции ее с привозом иностранных произведений». Сообщались данные о числе предприятий, рабочих и на какую сумму продано изделий в 1910, 1911 и 1912 гг.

В итоге проведения промышленных переписей был собран обширный материал, освещающий с достаточной степенью достоверности основные черты промышленного развития России в начале XX в.: отраслевую структуру промышленного производства, географическое размещение промышленности, уровень технического и энергетического вооружения производства, процессы концентрации производства.

Статистика труда не получила должного развития в дореволюционной России. Но как особое направление эта отрасль статистики формируется и в крупнейших капиталистических странах лишь с конца 20-х годов XX в.

Наиболее значительный круг вопросов численности, состава и положения фабрично-заводских рабочих отразили материалы фабричной инспекции, учрежденной в 1882 г. и просуществовавшей до 1918 г. В. И. Ленин отмечал факторы, определившие возникновение этого института: «Крупная машинная индустрия, концентрируя вместе массы рабочих, преобразуя способы производства, разрушая все традиционные, патриархальные прикрытия и облачения, затем-

навшие отношения между классами, ведет всегда к обращению общественного внимания на эти отношения, к попыткам общественного контроля и регулирования»¹. Первоначально инспекция действовала только на территории промышленно развитых губерний — Петербургской, Московской, Владимирской. К началу века она существовала во всех губерниях Европейской России и частично Кавказа.

В 80-е годы было опубликовано несколько отчетов отдельных инспекторов, содержавших как описательный материал о тяжелых условиях труда и быта российских рабочих, так и статистические таблицы. С 1902 по 1915 г. проводилась систематическая публикация «Сводов отчетов фабричных инспекторов» (данные за вторую половину 1900 — 1914 гг.). Издание содержало кроме общих сведений о числе предприятий и занятых на них рабочих данные о жалобах рабочих на заведующих и этих последних — на рабочих, о несчастных случаях, взимаемых штрафах, состоянии и движении штрафных капиталов, страховании рабочих. В большинстве «Сводов» имелись таблицы о забастовках, их причинах и масштабе. Сведения о заработной плате давались только в плане соотношения со штрафами. Надзору фабричной инспекции подчинялись не только фабрично-заводские, но и мелкие, кустарные предприятия, сведения о которых помещались в «Сводах».

Большинство данных «Сводов» публиковалось обобщенно по очень крупным единицам; фабричный округ, губерния, отрасль, — что в условиях указанного смещения материала снижает его достоверность. Сведения собирались путем заполнения анкетных карточек владельцами предприятий.

При всем обилии данных «Сводов» по ним удастся проследить лишь общие тенденции динамики условий труда и быта российского пролетариата, его борьбы за улучшение своего экономического и политического положения и итогов этой борьбы.

Самые общие вопросы численности, состава и положения пролетариата нашли отражение в материалах промышленной статистики. Однако в программах переписей 1900 и 1908 гг. даже вопросы заработной платы и другие характеристики положения рабочего класса были разработаны слабо. Вопрос о прибылях капиталистов вообще был обойден.

Статистика транспорта и торговли. Транспортной статистикой в России занималось как Министерство путей сообщения, так и Департамент железных дорог Министерства финансов. Последний издавал регулярно с 1890 г. «Общую статистику перевозок по русским железным дорогам». В основе ее лежала регистрация объема отправляемых и прибывающих грузов по станциям всех железных дорог. С 1876 г. Министерство путей сообщения опубликовало ежегодный статистический сборник. Представленные сведения характеризовали протяженность сети, наличие и стоимость подвижного состава, перевозки грузов и пассажиров, численность рабочих

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 241.

и служащих, содержали ряд эксплуатационных показателей. Нередко данные группировались по категориям железнодорожных обществ — казенные и частные.

Статистика внутренней торговли была развита слабо. Высокого уровня достигла **статистика внешней торговли**. Этому в немалой степени способствовали централизация, систематичность, хорошо разработанные формы таможенной отчетности, лежащей в ее основе. Департамент таможенных сборов Министерства финансов осуществлял ежегодную публикацию — «Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам».

Статистика просвещения. В материалах этого направления заслуживают внимания две школьные переписи. Первая из них (март 1880 г.) была проведена Центральным статистическим комитетом и охватила начальные, средние и высшие учебные заведения Европейской России. В ходе Всероссийской школьной переписи января 1911 г., организованной Министерством народного просвещения, были собраны данные о типах и состоянии школ в городах и селениях, составе учителей в них, их материальном положении и образовании. Как часто это случалось в дореволюционной статистике, полученные сведения были искажены и затушеваны неправильными методами их обработки. Анализируя публикацию переписи о материальном положении учителей, В. И. Ленин писал: «Сообщены публике только казенно-выхолощенные и казенно-прикрашенные цифры средних размеров жалованья по разрядам и по губерниям...»¹.

§ 4. Земская статистика

Среди статистических источников по истории России второй половины XIX — начала XX в. земская статистика занимает особое место. Она по праву считается высшим достижением русской дореволюционной статистической науки и практики. По объему, детальности и точности данных земские обследования могут быть поставлены наряду с самыми крупными мировыми образцами хозяйственной статистики того времени — германскими профессионально-промысловыми переписями и американскими цензами. По широте ставившихся в них социально-экономических проблем, оригинальности приемов наблюдения и обработки материалов земские, в частности подворные, переписи превосходят их. В. И. Ленин, которому принадлежит детальный анализ теории и методологии, методики сбора и обработки данных земской статистики, многократно отмечал ее достоинства: «...наша *земская* статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки. Русская земская статистика давно уже ввела и подворное обследование, и разнообразные групповые таблицы... Ближайшее ознакомление европейцев с

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 196.

нашей земской статистикой, вероятно, дало бы сильный толчок прогрессу социальной статистики вообще»¹.

Земская статистика возникла из прямых потребностей практической деятельности земств.

Но в развитии земской статистики больше всего сказалось воздействие такого мощного фактора, как изучение демократически настроенной интеллигенцией общих социально-экономических условий народного быта. Значительная часть земских статистиков находилась под влиянием народнических воззрений, а то и разделяла их. Это обусловило интерес к судьбам исторического развития России, стремление выявить процессы, которые происходили в российской деревне, в общине. Роль и место научно-исследовательских целей во многом определили совершенство и высокий уровень статистических материалов земств. В. И. Ленин, в частности, отмечал: «Русские земские статистики, особенно «доброе старое», дореволюционного времени, снискали себе право на уважение тем, что относились к предмету своих занятий не рутинно, не с одним фискальным или казенно-административным, а с известным научным интересом»².

Успехам земской статистики способствовало усвоение и претворение ею на практике достижений отечественной и мировой статистической науки. Имело место и некоторое влияние на земскую статистику с конца XIX в. марксистско-ленинской методологии.

Для земской статистики характерно разнообразие ее направлений. Земские обследования содержат сведения о развитии крестьянского и помещичьего хозяйств, кустарных промыслах, состоянии фабрично-заводской промышленности, труде и быте рабочего класса. Определяя значение данных земской статистики, В. И. Ленин писал: «Нельзя себе представить экономиста, изучающего экономическую действительность России, который бы мог обойтись без данных земской статистики...»³. Наиболее полно и всесторонне в материалах земств представлена аграрная статистика.

Внутри этой группы выделяется текущая и основная статистика. Основой их разделения является различие характера, содержания и метода сбора данных. Текущая статистика основывалась на показаниях добровольных корреспондентов, а также периодической отчетности земских учреждений, на данных волостных правлений и ветеринарных управлений. В материалах текущей статистики земств нашли отражение сведения о переходах недвижимого имущества из одних рук в другие, о размерах и структуре посевных площадей, валовых сборах сельскохозяйственной продукции, урожайности хлебов, общей численности поголовья скота, о ценах на рабочие руки. Эти данные земской статистики отличаются большой пестротой, несистематичностью сведений, локальным их характером, низким уровнем достоверности. Типичными изданиями текущей земской

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 213.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 181.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 632.

статистики были «Статистические ежегодники», «Бюллетени», «Статистические сборники».

Комплекс материалов основной земской статистики является ценнейшим источником для изучения прежде всего внутреннего социально-экономического строя крестьянского, а также частновладельческого хозяйств. При этом можно выделить несколько типов и направлений статистических исследований. В ходе поселенных обследований и подворных переписей изучалось общее экономическое состояние земледелия и крестьянского хозяйства, экономическое положение крестьянства. По своим задачам к ним были близки бюджетные обследования, учитывавшие довольно подробно доходы и расходы населения, оборот материальных ценностей в крестьянском хозяйстве, его связи с рынком. Для создания более полной картины экономического быта российской деревни земства проводили обследования частновладельческих хозяйств, как дворянских, так и принадлежащих лицам других сословий. Данные основной земской статистики собирались экспедиционным методом. Такая техника сбора материала обуславливала высокую степень его надежности. Экспедиционный метод сбора данных предполагал выезд на места членов статистических бюро, опрос дворохозяев на сходе, при котором обеспечивались взаимоконтроль и большая четкость ответов.

Итоги переписей и обследований крестьянского и частновладельческого хозяйств публиковались в различных изданиях. Для разыскания опубликованных материалов земской статистики большую помощь оказывает составленный В. Н. Григорьевым «Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х гг. по 1917 г.» (М., 1926 — 1927, вып. 1—2).

О полноте и представительности земской статистики говорит тот факт, что за период с 1880 по 1913 г. земские подворные переписи охватили 311 уездов 35 губерний Европейской России, причем в 236 уездах они проводились по одному разу, в 58 — по 2, в 17 — по 3 раза. Несколько более ограничены материалы частновладельческих обследований. По данным указателя В. Н. Григорьева, насчитывается около 200 наименований публикаций этих обследований по 23 губерниям России. Начиная с 80-х годов XIX в. земства перешли к бюджетным обследованиям.

Существенным недостатком всех типов земских обследований было то, что проводились они в разное время, не охватывали всей территории России, имели различия в программах обследования. Это весьма серьезно тормозит разработку и использование материалов земской статистики.

На программы переписей и обследований влияло изменение задач в связи с их проведением в различные периоды истории земской статистики. Таких периодов условно выделяют три. Они отличались своеобразием единиц учета и объектов наблюдения, формой и типом организаций обследований, а также изменением программ.

Для первого периода земской статистики (1870 — 1893 гг.) ха-

рактрно всестороннее изучение крестьянского хозяйства без особого вмешательства в деятельность земств правительства, что позволяло оставлять в тени задачи оценочного дела. В статистических исследованиях ряда земств сначала объектом наблюдения выступила община (село), о которой составлялись соответствующие поселенные (пообщинные) списки. Однако со временем они уступают место подворным переписям, где в центре внимания был отдельный крестьянский двор. В. И. Ленин высоко оценивал этот момент в развитии земской статистики. Он писал: «Первоначально земская статистика ограничивалась при переписях данными пообщинными, не собирая данных о каждом крестьянском дворе. Скоро, однако, заметили различия в имущественном положении этих дворов и предприняли подворные переписи — это было первым шагом на пути к более глубокому изучению экономического положения крестьян»¹. Для земской статистики этого периода характерны сплошные подворные переписи, проведенные в 178 уездах. В центре внимания были неимущие и малоимущие группы крестьянства, выяснение причин их упадка и обеднения. Программы подворных переписей отличались большой детальностью и разносторонностью. Они насчитывали около 100 показателей по группам сведений: население, землевладение, скотоводство.

Во второй период (1893 — 1905 гг.) наряду со сплошными получают распространение выборочные подворные обследования. Всего было обследовано 123 уезда. Земская статистика этого времени развивалась в более сложных условиях в связи с усилением контроля со стороны правительственных учреждений. На первый план в силу этого выдвинулось проведение оценочных работ. Однако благодаря широко понятым задачам земской оценочной статистики произошло значительное развитие программ и методов исследования общеэкономических условий жизни крестьянских хозяйств.

Выборочные земские подворные переписи имели определенное своеобразие. Они сочетали сплошное обследование хозяйств по сокращенной программе и выборочные по ряду более детальных. Как правило, собирались сведения о размерах, составе семьи, главных занятиях и уровне грамотности ее членов, наделном и внаделном землевладении, наличии скота. Под влиянием развития товарно-капиталистических отношений включались вопросы о размерах посевных площадей, о наемных рабочих в хозяйстве, наличии торгово-промышленных заведений, инвентаре, кредите, количестве покупаемого хлеба.

Третий период (1905 — 1914 гг.) характеризуется дальнейшим применением метода сочетания сплошных и выборочных обследований, особым вниманием к вопросам сельскохозяйственного производства. Бесспорное влияние на содержание программ переписей оказала столыпинская аграрная реформа, что проявилось в постановке вопросов об укреплении общинной собственности, купле-продаже земли, выходе на хутора и отруба.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 9.

Одной из самых выдающихся программ подворных переписей этого времени было обследование крестьянских хозяйств Пензенской губернии (1909 — 1913 гг.), которое обеспечило особую полноту и глубину собранных сведений. Наряду с составлением описания крестьянских хозяйств по поселенному бланку была предусмотрена целая система подворных карточек. По «сокращенной похозяйственной карточке» обследовались все хозяйства, по «краткой» — каждое третье хозяйство, по «подробной похозяйственной карточке» — каждое девятое, а по «специальной» — каждое 27-е хозяйство. Кроме того, 25 хозяйств на уезд подлежали бюджетному обследованию. Материалы Пензенской подворной переписи содержали сведения о размерах и составе семей по полу, возрасту, грамотности, о числе мужчин — работников, о промысловых занятиях, о найме прислуги и рабочих для сельского хозяйства и промысловых занятий, о поголовье скота по видам и группам, о размерах наделенной, купчей и арендованной земли, о сдаче и пересдаче земли в аренду, об урожае, о стоимости живого и мертвого инвентаря.

Меньше различий наблюдается в программах обследований частновладельческих хозяйств. Объектом наблюдения, как правило, были хозяйства размером свыше 100 десятин земельных угодий. О более крупных владениях сведения собирались по подробной программе, а о мелких — по сокращенной. Стабильным был набор сведений о размерах владений, посевах, сдаче земли в аренду, данных о рабочем скоте и инвентаре. Следует отметить и недостатки данного комплекса с точки зрения его полноты и достоверности. В программах обследования частновладельческих хозяйств нередко отсутствовали данные о численности вольнонаемных рабочих, расходах на администрацию и др. Сведения фиксировались со слов управляющих и крестьян и не проверялись хозяйственной документацией.

Бюджетные обследования крестьянских хозяйств заняли существенное место в материалах земской статистики. До 80-х годов XIX в. они имели единичный характер. Но постепенно земства перешли к массовым бюджетным обследованиям: до 1000 крестьянских хозяйств в губернии. Бюджетные обследования проводились главным образом экспедиционным методом, но в ряде случаев и анкетным. Бюджетные обследования осуществлялись выборочным путем — отбором типичных хозяйств различной экономической мощности. Программы бюджетных обследований были сходны с программами подворных переписей по глубине и детальности своих вопросов. Они включали данные о семейном составе, землевладении и землепользовании, имуществе и потреблении, приходах и расходах как в натуральном, так и в денежном выражении. Особой полнотой (около 1000 вопросов) отличались программы Воронежского земства, сыгравшего значительную роль в развитии бюджетной статистики. Его программа стала основой для бюджетных обследований других земств.

Материалы бюджетных обследований существенно дополняют данные земских подворных переписей. Последние служат в то же

времени основой для оценки репрезентативности выборочных сведений бюджетной статистики.

Итак, в итоге различных типов статистических обследований земскими статистиками собран огромный материал. Он характеризует весьма полно, достоверно и представительно основные процессы аграрного развития российской деревни. Буржуазно-капиталистическая тенденция этой эволюции при всех различиях программ отдельных земских переписей обусловила существенное единство основного состава сведений. В архивах сохранилась значительная часть массовой первичной документации земских обследований, до сих пор практически не введенной в научный оборот. Обращение к ней является важной исследовательской задачей, особенно в связи с характером земских статистических публикаций.

Использование публикаций земской статистики выдвигает ряд источниковедческо-методических проблем. Прежде всего следует отметить, что в целом публикации данных всего этого комплекса статистических источников страдают существенными недостатками, которые неоднократно подвергались критике в работах В. И. Ленина. Владимир Ильич отмечал, что вопросы обработки, сведения превосходных данных — главная трудность земской статистики. «Здесь — самый больной пункт нашей земской статистики, великопечной по тщательности работы и детальности ее»¹. Для первых земских публикаций было характерно отсутствие достаточных итоговых данных, что, по словам В. И. Ленина, приводило к потере громадного и детальнейшего материала.

Однако вскоре в публикациях земской статистики получает распространение группировка материала по отдельным признакам и системе признаков, построение групповых и комбинационных таблиц. В этой связи В. И. Ленин писал, что земские статистики «едва ли не раньше других статистиков заметили недостаточность одной группировки хозяйств по количеству земли и ввели другие приемы группировки: по посеву, по количеству рабочего скота, по употреблению наемного труда и т. п.»², т. е. группировки по хозяйственной состоятельности крестьян. Однако в целом теоретико-методологическая ограниченность, господство мелкобуржуазных, народнических представлений о крестьянстве как едином социальном слое не позволили земским статистикам найти правильное решение проблемы группировки и сводки первичного материала. В итоге, как отмечал В. И. Ленин, «за горами цифр исчезают *экономические типы* явлений, типы, которые могут выступить *только* при разносторонне и рационально составляемых групповых и комбинационных таблицах»³. Публикации земско-статистических описаний представлены в основном пообщинными и посемейными сводками (вместо группировки по хозяйственной состоятельности), без выделения слоев в среде крестьянства. В этой связи этот комплекс источников долго находился вне научного оборота.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 276.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 181.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 277.

Высокую оценку давал В. И. Ленин попыткам анализа пообщинных сводок. Им разработаны принципы, методы анализа социальной структуры крестьянства. Сводный характер данных, порочные принципы группировки не закрывают возможности использования материалов исследователем, а со всей остротой ставят проблему выработки методики переработки этих данных, которые «должны быть обработаны так, чтобы процесс разрушения старого крепостнического, барщинного, отработочного, натурального хозяйства и процесс замены его торговым, капиталистическим земледелием *мог быть* изучен по этим данным»¹.

Что касается публикаций обследований частновладельческих хозяйств, то в них, как правило, отсутствовала группировка материала и сведения сообщались по каждому отдельному имению, а итоги — по группам хозяйств (в зависимости от размеров), волостям, уездам и губернии.

Сведения о фабрично-заводской промышленности представлены в земской статистике довольно скупо. Они отличаются большой разнородностью программ, но представляют интерес при изучении промышленности в отдельных губерниях, поскольку содержат данные о рабочих, занятых на предприятиях, об оборудовании, количестве потребленного сырья, топлива, выпущенной продукции.

Широко представлены и имеют большое значение данные земской статистики о так называемой «кустарной» промышленности. Уже при проведении подворных переписей в программы обычно включались вопросы о внеземледельческих занятиях крестьян. Кроме того, земства проводили специальные обследования. Можно назвать подворные кустарные переписи в Пермской, Московской, Черниговской, Владимирской губерниях. В ходе этих обследований собирались данные о составе семей кустаря, использовании наемного труда, сведения о сырье, технике производства, распределении работы по месяцам года, сбыте продукции, времени возникновения заведения. Однако в сводке этого материала для публикаций обычно проявлялись основные недостатки земской статистики. Так, рассматривая публикацию кустарной переписи 1894/95 г. в Пермской губернии, В. И. Ленин отмечал неудовлетворительность обработки богатого и чрезвычайно интересного по своей новизне материала. Основной методологической ошибкой, характерной для этих материалов земской статистики, была неточность, неправильность, негодность, по словам В. И. Ленина, термина «кустарь». В результате в переписях «кустарной» промышленности происходило смешение товаропроизводителя, работающего на рынок, и ремесленника, работающего на потребителя, не всегда с должной четкостью выделялся и кустарь, работающий на скупщика².

Среди других комплексов земской статистики упомянем материалы санитарных обследований. Они проводились для изучения условий труда, быта промышленных, а иногда и сельскохозяйст-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 276—277.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 323—324.

венных рабочих (Херсонская губерния). Наиболее известные санитарные обследования фабрик и заводов, условий труда и быта занятых на них рабочих были проведены в 70 — 90-е годы XIX в. в Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Смоленской, Екатеринославской губерниях. Программы этих обследований предусматривали сбор сведений о составе рабочих по полу и возрасту, характере их работы, длительности рабочего дня, заработной плате, жилищных условиях; описание питания, одежды, заболеваний рабочих. Особый интерес имеют вопросы о связях рабочих с землей, о времени и длительности их работы на фабрике, откуда они прибыли.

§ 5. Статистика предпринимательских организаций буржуазии

Для конца XIX — начала XX в. характерно становление статистики предпринимательских организаций российских промышленников — Советов съездов представителей отраслей промышленности, обществ фабрикантов и заводчиков, биржевых комитетов. Основой ее являлся бухгалтерский и статистический учет в отдельных предприятиях, в особенности же в акционерных обществах и монополистических объединениях. Потребности оперативного учета различных факторов экономической конъюнктуры, более обоснованное выдвижение своих требований перед правительством, борьба с рабочим движением обусловили развитие, характер и направление статистики предпринимательских организаций.

Со времени возникновения предпринимательские организации придавали статистике большое значение, постоянно развивали ее формы, расширяли публикации статистических материалов. В самостоятельное направление статистика предпринимательских организаций окончательно сложилась после первой русской революции.

В основе публикаций предпринимательских организаций лежали разнородные материалы: текущий учет отдельных предприятий и статистических бюро съездов и обществ заводчиков, материалы специальных анкетных обследований, проводившихся этими организациями, а также заимствования из официальной статистики. Нередко менялся формуляр публикаций статистических сведений, что усиливает разнотипность, несопоставимость материалов данного комплекса. Основным методом сбора сведений при одновременных обследованиях была рассылка анкеты владельцам предприятий. Существовали и формы постоянной статистической отчетности предприятий, которые обеспечивали регулярное поступление сведений.

Особенности предпринимательских организаций, объединявших обычно капиталистов одной отрасли промышленности в отдельном регионе определили регионально-отраслевой характер их статистики.

Наиболее широко осуществляли статистические издания Советы съездов горнопромышленников Юга России и нефтепромышленников Баку. Последним начиная с 1891 г. публиковались «Обзоры

бакинской нефтяной промышленности», содержащие разнообразные сведения о технической стороне производства данной отрасли, о составе занятых в ней рабочих. Совет съездов горнопромышленников Юга России осуществлял серийные публикации о состоянии каменноугольной, железной, железорудной, марганцевой и соляной промышленности. Часть изданий содержала сведения в целом по стране. В публикациях горнопромышленников Юга также имелись характеристики и производства, и рабочего класса.

В развитии статистики предпринимательских организаций заметна тенденция расширения и углубления статистического учета, повышения его оперативности. Это отразилось в организации статистики потребления, перевозок, цен, в более детальном сборе сведений о рабочем классе, в развитии форм ежемесячной статистики. Новым важным моментом было стремление к проведению общероссийских обследований. Ярко выражено оно в деятельности Совета съездов представителей торговли и промышленности. Статистическое бюро этой организации осуществило два анкетирования промышленных предприятий — в 1909 и 1914 гг. Особенностью их было обследование предприятий всех отраслей промышленности и по всей Российской империи. Программа этих обследований своеобразно сочетала сбор данных как об отдельном промышленном предприятии (местонахождение, дата основания, число рабочих, стоимость производства, мощность двигателей, количество основных станков и механизмов), так и об акционерном обществе (акционерный капитал, состав правления). По материалам обследований осуществлены публикации справочников «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (СПб., 1909; Пг., 1914).

Представительные организации буржуазии широко публиковали справочные издания, особенно по акционерному делу. Выходили справочники о торгово-промышленных, страховых обществах, банках, торговых домах. Информация в них, как правило, представлялась в карточной форме. Источниками сведений были публикации утвержденных уставов акционерных обществ, их объявлений, отчетов и балансов. В подобных изданиях помещались данные о дате открытия общества, его местонахождении, отделениях, капиталах, стоимости акций, чистой прибыли, дивидендах, составе правления. По указанной программе дважды Советом съездов горнопромышленников Юга был издан справочник «Статистика акционерного дела в России». Статистическим бюро этого Совета издавались также специализированные по отраслям и производствам «Списки фирм с указанием адресов и справочных сведений». Комитет съезда представителей акционерных коммерческих банков в 1896 г. выпустил указатель «Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях».

В подготовке и публикации справочно-информационных изданий, наряду с представительными организациями буржуазии, принимали участие частные лица и государственные учреждения. Назовем, к примеру, справочник Н. Е. Пушкина «Статистика акцио-

черного дела в России», «Указатель действующих в империи акционерных предприятий» под редакцией В. А. Дмитриева-Мамонова, ежегодные издания «Акционерно-паевые предприятия России».

* * *

Рассмотрение вопросов происхождения статистических источников и определение в этой связи их полноты, достоверности, представительности, сопоставимости имеют конечной целью выработку методики обработки источника, т. е. раскрытие всего его информационного богатства для эффективного научного использования.

В обработке статистических данных следует руководствоваться ленинским указанием: «Статистика должна давать не произвольные столбцы цифр, а цифровое освещение тех различных социальных типов изучаемого явления, которые вполне наметились или намечаются жизнью»¹.

Выявить достаточно достоверный материал в обобщенных итоговых публикациях очень сложно. В этой связи актуальна задача поиска первичных материалов. Так, обращение к переписным бланкам сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., подворным карточкам земских обследований открывает широкие возможности для изучения аграрного строя России, позволяет преодолеть методологические искажения публикаций.

В установлении определенных типов явлений большая роль принадлежит методу группировок. На основе одного или ряда признаков выделяются соответствующие группы хозяйств, предприятий, обществ, губерний, уездов. Подобные группировки имеются иногда в статистических публикациях. Но выбор в них группировочных признаков далеко не всегда соответствует поставленной задаче. Хорошо известны критика В. И. Лениным группировки крестьянских хозяйств, которая содержалась в земских публикациях, и разработка им новых критериев, потребовавших радикальной переработки земско-статистических данных. В исследовании первичных материалов аграрной статистики, ее публикаций стоит задача более полного овладения ленинской методикой.

В. И. Ленин в своих работах, посвященных российской фабрично-заводской статистике, неоднократно говорил о необходимости группировки предприятий по числу рабочих, наличию парового двигателя, сумме производства, длине рабочего года. Им было показано значение подобных статистических работ для оценки данных и для историко-экономического анализа явлений: «Эта группировка особенно необходима и с чисто теоретической точки зрения, для изучения состояния и развития промышленности, и для выделения в наличном материале сравнительно годных и негодных данных»². Группировку данных следует сочетать с подсчетом средних значений показателей по группам, с установлением их долей в общем

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 32.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 33.

итоге. Все это помогает более глубокому анализу основных тенденций общественного развития.

Группировка статистических данных является основой типологии явлений и объектов. Составление групп с учетом большого числа признаков требует, как правило, привлечения многообразных источников, что усложняет процесс их обработки. На помощь исследователям приходит использование ЭВМ и количественных методов. Например, проведение типологии социально-экономического развития губерний России в начале XX в. основывается на данных о населении, развитии промышленности и сельского хозяйства. Задача решается методами многомерного анализа и автоматической классификации.

Применение количественных методов чрезвычайно перспективно для повышения информативной отдачи статистических источников, выявления их скрытой информации. Так, основные комплексы аграрно-статистических источников, как правило, не содержат прямых указаний на характер организации хозяйства, его социальный тип.

В этой связи вопрос о внутреннем строе крестьянского и помещичьего хозяйств может решаться выявлением взаимосвязи основных характеристик этих хозяйств (объем производственно-технической базы хозяйств, наличие рабочей силы, характер землевладения и землепользования). Полученные данные служат основой построения моделей различных типов крестьянского и помещичьего хозяйств, что является эффективным способом изучения сущности и особенностей аграрной эволюции.

Итак, методика обработки данных статистических источников определяется в тесной взаимосвязи как с характером, природой источника, так и с содержанием той исторической проблемы, которая исследуется на базе его материала. В процессе обработки данных необходимо стремиться к максимальному извлечению и использованию содержащейся в источниках информации, что позволяет раскрыть существенные черты и стороны исторических явлений.

Глава 21

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

§ 1. Общая характеристика периодики

Очень крупную целостную группу источников и материалов, организованных в определенные формы, имеющих общественное назначение и социально-культурное функционирование, представляет периодическая печать (пресса) — журналы и газеты. От нее почти неотделимы и по содержанию, и по организационно-издательским и литературно-жанровым формам многочисленные продолжающиеся издания. Так называются публикации трудов учреждений и ор-

газисаций, выходящие в свет в виде нумерованных томов, частей, выпусков, тетрадей под общим заглавием («Труды», «Ученые записки», «Записки», «Известия», «Доклады и сообщения»). В свете видовой классификации исторических источников близки к периодической печати и листовки (прокламации, воззвания).

Органы периодической печати и продолжающиеся издания по природе своей полифоничны. Вся полнота содержания журналов, газет, продолжающихся изданий в реальной ее конкретике неobservable. В журналах и газетах находятся разнообразные материалы, необходимые для историка при исследованиях решительно по любой тематике.

Историк-источниковед должен сознавать, что каждое из изданий, входящих в данную группу источников, является сложным комплексным единством, которое и само по себе может стать предметом конкретно-источниковедческого исследования как особый синтетический источник, сложившийся и функционировавший в то или иное время и в тех или иных исторических условиях. И одновременно нельзя забывать, что опубликованные в таком издании разные тексты-источники, а часто и изображения могут принадлежать к разным видам источников. В публикациях журналов, газет, продолжающихся изданий имеются законодательные акты, статистические источники, делопроизводственные документы, эпистолярные памятники, мемуары, дневники, научные, публицистические, литературные произведения. В исторических журналах печаталось множество источников, относящихся и к древним периодам отечественной истории. Понятно, что методика изучения, приемы анализа таких разнообразных текстов-источников должны быть соответствующими в каждом конкретном случае.

Периодическая печать приобрела в капиталистический период русской истории гораздо более видное и важное положение, чем до 1861 г.

Журналы и газеты — мощные средства информации, и в то же время они являются средствами организации общественного сознания, воздействия на мнения и настроения общества в целом, отдельных его классов, социальных слоев и групп. В обстановке роста массового движения в России, в условиях буржуазно-демократических революций 1905 — 1907 и 1917 гг. журналы и газеты играли чрезвычайно большую роль в общественной жизни. Периодическая печать стала одной из ведущих форм в классовой и политической борьбе. Историк, обращающийся к периодике, прежде всего обязан учитывать классово-политическую направленность органов печати.

Непреходящую ценность как методологически, так и в плане источниковедческой историографии печати дореволюционной России представляют работы В. И. Ленина. Мысли В. И. Ленина о печати капиталистической России, многочисленные его суждения об отдельных журналах и газетах, их материалах, издателях и авторах дают методологическую базу для работы с периодикой. Особенно существенны статьи В. И. Ленина «Капитализм и печать»,

«Карьера», «Народники о Н. К. Михайловском», «Из прошлого рабочей печати в России», «Рабочий класс и рабочая печать», «Партийная организация и партийная литература».

Труды В. И. Ленина являются основополагающими при определении классово-политической направленности органов периодики капиталистической России. Ленинские принципы подхода к периодической прессе были четко выдвинуты в статье «Партийная организация и партийная литература». В новых условиях, когда после манифеста 17 октября 1905 г. различия между нелегальной и легальной печатью начинали исчезать, В. И. Ленин призывал: «В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме»¹.

Принцип партийности в отношении печати означает наличие определенной общественно-исторической, классовой тенденции, сознательно или неосознанно присущей любому периодическому изданию. Изучение и определение объективного классового характера, общественно-политического направления органа печати — важнейшая задача исследователя. Первенствующее значение для решения этой задачи имеют программные заявления, статьи, объявления издателей и редакторов изучаемого органа; просьбы и ходатайства о разрешении на издание органа; установление партийной принадлежности и общественной ориентации издателей и редакторов, главных, ведущих сотрудников этого органа; наконец, общий анализ его содержания. Использование отдельных текстов-источников из прессы также обязательно предполагает предварительное определение направленности изданий, из которых эти тексты-источники взяты.

Издание и распространение органов печати в пореформенной России получило характерные черты капиталистического предпринимательства. Труд журналистов, их литературная продукция стали товаром. Среди интеллигенции сложился заметный слой людей, профессионально и постоянно связанных с журнальным и газетным делом.

Внешние социально-культурные и материально-организационные предпосылки для развития периодики в сравнении с дореформенными стали более благоприятными. Выросло число типографий (в 1864 г. их было 181, в 1894 г. — 1315) и издательств, увеличилось производство бумаги. Неуклонно возрастал удельный вес грамотного населения России. Вместе с тем рос массовый спрос на периодические издания — более доступные по цене в сравнении с книгами. В начале XX в. число газет уже составляло несколько менее половины всех изданий: из 2787 периодических органов, выходив-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 100.

ших в 1912 г., на долю газет приходилось 1131. Подавляющее большинство газет (827 из 1131) выходило на русском языке.

Заметное развитие получила газетная печать и на других языках, особенно после 1905 г. Центральные и местные газеты, издававшиеся на языках народов России, являются важными источниками для изучения истории этих народов и целых больших, исторически сложившихся регионов — Прибалтики, Кавказа, Сибири, Средней Азии.

Особенно быстро увеличился выпуск ежедневных газет. До 1861 г. ежедневные газеты были считанными изданиями. В 1894 г. издавалось уже 112 ежедневных газет. Увеличившийся поток информации, повышение общественной потребности в скорейшем получении новых известий обусловили довольно широкое распространение газетных органов, выходивших дважды в сутки (утренний, основной выпуск газеты и ее же вечерний выпуск). Для примера назовем «Вечерние известия газеты «Коммерсант», «Вечернее прибавление к «Правительственному вестнику»; газета «Новый голос» издавала в качестве вечернего выпуска отдельный орган «Вечерний Петербург». Вечерние газеты появились в Киеве, Казани, Тифлисе, Баку, Симферополе, Одессе и в других крупных городах.

Ведущее положение в предреформенной периодике середины XIX в. принадлежало «толстым» журналам-ежемесячникам. К концу века, а особенно в период империализма, позиции «толстых» органов были потеснены еженедельными журналами и особенно ежедневно издававшимися газетами.

В 1905—1907 гг. и в годы начавшейся первой мировой войны спрос на газеты особенно повысился. Читателями газет стали многие представители из «простого народа». «Теперь в деревне, — писала «Правда» в 1912 г., — как и среди рабочих, выросла своя деревенская интеллигенция». Рабочие и крестьяне не только читали газеты, но нередко посылали в них свои письма, заметки, корреспонденции. Большевицкая печать была сильна объективной, правдивой и яркой информацией, которую поставляли рабочие корреспонденты. Легальная демократическая печать, прежде всего большевицские газеты и журналы, стала большой общественно-политической силой. В то же время в стране действовало значительное число революционных подпольных типографий, выпускалось много нелегальной литературы, в том числе газет, листовок.

Демократической периодике противостояли официальная правительственная и официозная печать, многочисленные буржуазные журналы и газеты, весьма распространенные издания «бульварной прессы», рассчитанные на интересы и вкусы мелкобуржуазных обывательских масс. Создатели и сотрудники многих органов такой печати в погоне за прибылью, сенсацией, шумным успехом были не только неразборчивы в информации, но и почти открыто подкупны, продажны. Образцом таких органов стала одна из самых крупных русских газет «Новое время» А. С. Суворина, породившая устойчивое понятие «нововременство», равнозначное подхалимству, продажности и отступничеству. В этой и подобных ей газетах и жур-

налах сложился тип ловкого, хлесткого, беспринципного журналиста. «Суворинными детьми» обзывал их А. С. Серафимович. С легкой руки М. Е. Салтыкова-Щедрина крылатым стало выражение «разбойники пера и мошенники печати», заклеившее таких журналистов. Особенно неприглядными были дух и приемы буржуазной печати в годы первой мировой войны. В это время, по словам историка и публициста С. П. Мельгунова, «газета становится капиталистическим предприятием». «Как щупальца спрута, все теснее и теснее охватывают печать, а вместе с тем и писателя, различные промышленные и банковые синдикаты; все чаще и чаще писатель просто начинает котироваться по биржевой цене».

Краткие характеристики идейно-политической направленности главных журналов и центральных газет имеются в обзорных трудах и справочниках по периодике. Обращаясь к таким характеристикам, необходимо подходить к ним критически, а порой уточнять и исправлять.

Исходные, библиографически точные сведения о всех русских периодических изданиях до 1900 г. имеются в монументальной книге Н. М. Лисовского «Библиография русской периодической печати 1703 — 1900 гг.» (1915). Краткие, но точные сведения относительно периодических изданий 1901 — 1916 гг. имеются в справочнике, изданном библиотекой им. Салтыкова-Щедрина. Для установления синхронности периодических изданий на каждый год начиная с 1869 г. незаменимым источником служит газета «Правительственный вестник», где систематически печатались списки всех повременных изданий, выходивших в России. О литературных сборниках, альманахах с неустойчивой периодичностью или разовых (непериодических) изданиях исходные данные есть в книгах Н. П. Смирнова-Сокольского, О. Д. Голубевой, Н. П. Рогожина. Библиография периодики имеется в книгах Н. А. Вукотич, М. В. Шашковой и М. В. Сокуровой. При обращении к периодическим изданиям подпольных и зарубежных типографий следует воспользоваться специальной о них литературой. Образцовым научным справочником по разовым изданиям в форме листовок является «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Листовки» (1977).

Общие проблемы изучения периодики как исторического источника и богатую практику источниковедческого исследования отдельных изданий содержат работы советских историков М. К. Лемке о журналистике 50 — 60-х годов XIX в., Б. П. Козьмина о демократической журналистике 60-х годов, В. С. Нечаевой о «Времени» и «Эпохе» — журналах братьев Ф. М. и М. М. Достоевских. Методике установления авторства анонимных и псевдоанонимных текстов в периодике посвящены работы Ю. И. Масанова, С. А. Макашина, В. В. Горбунова, В. С. Дмитриева.

Важное значение при изучении общественно-политической направленности органов печати представляют конкретные суждения и наблюдения по поводу отдельных журналов и газет в публицистике М. С. Ольминского, В. В. Воровского, А. В. Луначарского.

Самые общие предпосылки возникновения, существования и характера, идейно-политической направленности периодических изданий определялись состоянием классовой, общественно-политической борьбы в стране, соотношением сил революции и реакции. В обстановке подъема революционного движения для передовой, демократической печати возникали более льготные возможности. Наоборот, в годы спада общественного и революционного нажима, в условиях реакции положение прогрессивной печати становилось крайне трудным. Нелегальные издания, выходившие, как правило, за рубежом, реже в глубоком подполье в России, менее зависели от указанных обстоятельств. Источниковед обязан учитывать условия существования периодики в каждый конкретный период истории дореволюционной России.

Для 1855 — 1861 гг. было характерно заметное смягчение гнета царизма в отношении печати. Когда же революционная ситуация осталась позади, усилились преследования печати. Начались временные прекращения издания журналов и газет, затем закрытия нежелательных для властей органов («Время», «Современник» и «Русское слово», газеты «Современное слово», «Москвич»). В годы новой революционной ситуации (1879 — 1881) наступило некоторое оживление на страницах печати. Но вскоре силы реакции перешли в наступление. Новые «Временные правила» о печати 27 августа 1882 г. поставили оппозиционную прессу в труднейшее положение. Введено было множество ограничительных циркуляров и запрещений, из обсуждения в печати были изъяты многие важные общественные явления, например голод, холерные эпидемии, крестьянские волнения, так называемые студенческие беспорядки и др.

Всеобщая октябрьская стачка, приведшая к первой победе революции — манифесту 17 октября 1905 г., изменила положение печати. В конце октября 1905 г. в Петербурге стала выходить первая легальная большевистская газета «Новая жизнь». Во главе борьбы за свободу для демократической печати стояли большевики, их пресса. Именно против нее прежде всего были направлены карательные меры царских властей.

Непосредственным регулятором печати, имевшимся в распоряжении правительства, была цензура. Знание цензурных учреждений, политики и практики необходимо историку. Ценный обзор библиографической литературы по истории русской цензуры принадлежит Л. М. Добровольскому (1961).

Предложенные в 1862 г. «Временные правила о печати» были утверждены 6 апреля 1865 г. Высшим органом для общего руководства цензурой стало Главное управление по делам печати, состоявшее в системе Министерства внутренних дел. Согласно «Временным правилам», различались предварительная цензура и особая система административных взысканий, налагаемых на те издания, которые были освобождены от предварительной цензуры.

«Временные правила» 1865 г. с некоторыми позднейшими дополнениями и изменениями определяли положение печати вплоть до конца 1905 г. Большинство этих правил было включено в текст

нового издания цензурного устава (1876). Все главные распоряжения и узако́нения по печати и по цензуре, появившиеся после 1876 г., были введены в издания цензурного устава, вышедшие в 1886 и 1890 гг. После 1890 г. и до 1905 г. сколько-либо значительных перемен в области цензуры не было.

§ 2. Журнальные издания, методика источниковедческой работы с ними

Общая журналистика. Журнально-газетные жанры. Объектом изучения в одних случаях является данный периодический орган, взятый в целом, в единстве всех его издательских единиц (книг, томов, частей, номеров, приложений к ним), в строгой хронологии выхода их в свет, в других — отдельный конкретный текст-источник, напечатанный в данном периодическом органе. В таких случаях нужно учитывать характер и направление органа печати, из которого взят отдельный источник; название и специфику того отдела органа, в котором напечатан источник; наконец, жанр источника.

При этом следует руководствоваться двумя главными общими методическими правилами: 1) при использовании отдельной издательской единицы периодического органа нельзя ограничиваться одной этой единицей, желательно брать соседние части, выпуски, номера, а то и годовой комплект такого органа; 2) при использовании отдельной издательской единицы данного периодического органа нужно ознакомиться с единицами других наиболее важных периодических изданий, вышедших одновременно с используемым или близких к нему по времени появления, а при определенной тематике — и по региону появления, т. е. издания. При соблюдении этих правил часто обнаруживаются новые материалы и источники, расширяющие, а то и радикально изменяющие представления исследователя о тексте-источнике, непосредственно его интересующем. Поиски в периодических изданиях конкретных источников по данной теме — дело очень трудоемкое. Отыскав важный по содержанию и местонахождению источник, необходимо отнести его к определенному виду источников, а затем сопоставить его с другими текстами-источниками того же вида и времени.

Исходные сведения о периодическом издании помещались на титульном листе журнала и обозначали: периодичность, главное содержание, издателя. В процессе издания нередко эти сведения менялись. Так, «Вестник Европы» в 1866—1869 гг. именовался «Журнал историко-политических наук», в 1870—1909 гг. — «Журнал истории, политики, литературы», а с 1910 г. — «Журнал науки, политики, литературы». Как правило, точное определение характера и назначения периодического издания, тем более его идейно-политической, партийной принадлежности, требует проведения тщательной исследовательской работы. Анализ общественного и идейного облика издателей и редакторов периодического издания существенно помогает в установлении места и значения данного органа в общественно-политической и культурной жизни своего времени.

Объявления о периодическом издании, оглавления таких изданий, указатели их содержания также имеют разные исходные сведения: перечни отделов, главных сотрудников, издателей, редакторов, указания места издания, условий подписки и пересылки, приложений. Нельзя пренебрегать и теми текстами-источниками, которые нередко печатались в журналах (и реже в газетах) и имели как бы формально-вспомогательное назначение для данного издания, — указатели собственных имен, географических терминов, перечни подписчиков, разные материалы журнальной статистики, сведения о тираже, ведомости о числе статей и материалов, поступивших в редакцию издания за такие-то годы.

Внутренняя структура журнала (деление на отделы по содержанию) могла меняться в процессе его издания. Наиболее крупными отделами в ежемесячниках были: 1) художественно-литературный (словесность, беллетристика); 2) науки и искусства; 3) внутреннее обозрение (хроника); 4) иностранное обозрение (хроника); 5) критика и библиография (иногда «Литературная критика», «Литературное обозрение»); 6) «Смесь». Отделы 1, 2, 5 и 6-й характерны для «толстых» журналов середины XIX в.; 3-й и 4-й сформировались позднее, они показательны для 70 — 90-х годов. Отдел «Смесь» (иногда «Известия», «Извещения», «Мелочи», «Слухи и вести», «Анекдоты») имел крайне пестрое, измельченное содержание, часто давал перепечатки из разных иностранных изданий. Содержание этого отдела, как правило, не было отражено в оглавлениях журналов.

Первые два отдела составляли первую часть книжки журнала, последующие входили во вторую часть, которая набиралась мелкими шрифтами. Две части журнала нередко имели раздельную пагинацию. Существовала традиция все или почти все материалы первых двух отделов печатать за подписями; материалы последующих четырех отделов, как правило, не подписывались. В начале XX в. традиция эта изживалась. Многие материалы 3-го и 4-го отделов также шли за подписями.

Существовало два типа общих журналов: «толстые» ежемесячные, например «Отечественные записки», «Современник», «Вестник Европы», «Просвещение», и «тонкие» еженедельники, например «Нива», «Огонек», «Родина». Первые считались органами солидными, серьезными, ориентировались на интеллигентного читателя, вторые — более легкими по содержанию, развлекательными, они адресовались к широким кругам буржуазной и мелкобуржуазной публики.

Наиболее значительные органы общей журналистики принадлежали к разным направлениям. По классовым, политическим позициям журналы периода капитализма и особенно империализма четко разделяются на несколько групп:

пролетарско-демократические, марксистские — «Просвещение», «Современная жизнь», «Наша заря», «Научное обозрение», «Жизнь», «Летопись»;

разночинно-демократические 60 — 70-х годов — «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки» (с 1868 г.), «Дело» (до 1884 г.); народнические — «Русское богатство», «Северный вестник», «Неделя» (с 1868 г.) и «Книжки недели», «Заветы» (журнал эсеров);

либерально-буржуазные — «Русский вестник» (до 1863 г.), «Вестник Европы», «Русская мысль», «Мир божий», «Северные записки»;

консервативные и реакционные — «Русский вестник» (после 1863 г.), «Гражданин», «Наблюдатель».

В прессе капиталистического периода сложилось несколько устойчивых, характерных журнально-газетных жанров. Каждый из них имел свои закономерности, приемы подачи и раскрытия того или иного реального содержания. Главнейшими жанрами журнально-газетного письма были: статья, передовая статья, очерк, обозрение, фельетон, библиография, корреспонденция, судебный отчет, театральная рецензия, некролог. Постоянная и очень значительная разновидность текстов — объявления — вряд ли может рассматриваться как особый жанр. Но важной группой источников объявления несомненно являются.

Статья в русской журналистике представлена тремя главными разновидностями — публицистическая, критическая, научная. Образцами публицистических и критических статей демократического направления служат многие произведения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. К. Михайловского. Классические примеры научных статей дали К. Ф. Рулье, К. А. Тимирязев, К. Д. Ушинский, А. Д. Градовский, В. О. Ключевский. Известны слова В. И. Ленина об огромном значении, которое имела «могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*»¹. Вспоминая в 1904 г. значение для самого себя чтения подобных статей, В. И. Ленин говорил В. В. Воровскому: «Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строчки и не один раз»².

Передовая статья была жанром почти исключительно газетным. Этот жанр получил развитие со второй половины 60-х годов XIX в. В больших влиятельных газетах передовые статьи в течение многих лет писались определенными авторами, специалистами этого жанра. Передовые статьи выявляли принадлежность газеты к тому или иному направлению. Таковы были статьи М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», Л. А. Полонского в «Стране» начала 80-х годов, А. Д. Градовского в «Голосе» 70 — 80-х годов. В боль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29.

² Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 133.

шевиетской печати 900-х годов годов замечательные передовые статьи принадлежат В. И. Ленину. Передовые за редчайшим исключением шли без подписей. Установление их автора дело трудное.

Очерк занимал видное место в журналах и газетах. Классические образцы русского очерка эпохи капитализма оставили Г. И. Ушинский, В. А. Слепцов («Владимирка», «Клязьма»), С. Н. Терпигорев («Оскудение», очерки, заметки и размышления тамбовского помещика), Н. В. Шелгунов («Очерки русской жизни»), А. П. Чехов («Остров Сахалин»), В. Г. Короленко («Павловские очерки», «В голодный год»), В. И. Немирович-Данченко («Соловки»), Н. М. Астырев («В волостных писарях»). В период империализма появились очерки В. В. Вересаева «На японской войне», М. М. Пришвина «В краю непуганных птиц», А. С. Серафимовича «Очерки Выговского края», М. Горького о Нижегородской выставке. Для историка перспективно сравнительное изучение очерковых источников разных авторов и разного времени, относящихся к одному экономико-географическому району, центру. Таковы, например, серии очерков, посвященных Поволжью, 60 — 90-х годов, Донецкому бассейну — 70 — 90-х годов; очерки о городе Павлове — «Русский Шеффилд» П. Д. Боборыкина, «Город рабочих» Н. К. Златовратского, «Павловские очерки» В. Г. Короленко, «Письма о Сахалине» А. Брылкина, «Остров Сахалин» А. П. Чехова, очерки «Сахалин (каторга)» В. М. Дорошевича, очерки «Из путевого дневника» В. К. Арсеньева.

✓Обозрение разных видов — обильный жанр в журналистике второй половины XIX — начала XX в. Основные виды этого жанра — внутреннее, иностранное, литературное обозрения и обозрение печати.

Мастерами внутренних обозрений в разночинно-демократических и либерально-буржуазных органах были Г. З. Елисеев, Н. В. Шелгунов, С. Н. Кривенко, Л. А. Полонский, Н. Ф. Анненский. Примером использования большевиками этой формы является «Внутреннее обозрение» В. И. Ленина в журнале «Заря» (1901), состоящее из четырех разделов: I. Голод. II. Отношение к кризису и голоду. III. Третий элемент. IV. Две предводительские речи. На материалах разбора правительственных циркуляров, всяких «временных правил», передовых статей, корреспонденций, репортерских сообщений из органов разных направлений В. И. Ленин вскрывал антинародную сущность внутренней политики царизма. Аналитическое использование В. И. Лениным разнообразных источников печати может служить образцом при работе с периодикой.

Из иностранных обозрений внимание общественности привлекали политические обзоры П. Н. Кудряцева, К. А. Скальковского. Богатейшее по содержанию литературное обозрение вел сорок лет подряд А. Н. Пыпин в «Вестнике Европы».

Обозрения печатались без подписи автора, иногда под разными псевдонимами, порой укрывавшими одного и то же их автора. Так, А. Н. Пыпин использовал 21 псевдоним, Л. А. Полонский — 19, Н. В. Шелгунов — 17, С. Н. Кривенко — 12, К. А. Скальковский —

12, Н. Ф. Анненский — 7. Авторы обзоров, в которых давались оценки злободневных и острых вопросов внутренней и внешней политики, международных отношений, предпочитали пользоваться в качестве псевдонимов одной-двумя наиболее часто встречающимися буквами русского алфавита (например, из псевдонимов А. Н. Пыпина — А; А. А.; А. Б.). Но нужно учитывать, что те же буквы могли быть использованы и другими авторами.

✓ **Фельетон** — жанр преимущественно газетный. Нередко фельетон был обязательным элементом газет в определенные дни, например «воскресный фельетон» в газете «Голос» в 70 — 80-х годах.

В пределах этого жанра сложилось несколько разновидностей: сатирические, стихотворные фельетоны В. П. Буренина в «Искре» и других журналах 60-х — первой половины 70-х годов. Демьяна Бедного в «Правде» 1912 — 1914 гг.; публицистические фельетоны А. П. Чебышева-Дмитриева (под вседонимом Экс) в «Биржевых ведомостях» 70 — 80-х годов; фельетоны-памфлеты А. В. Амфитеатрова и В. М. Дорошевича в «России» и других газетах. Ярчайшим примером последней разновидности был прогремевший на весь мир фельетон А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» (о царской семье Романовых), напечатанный в газете «Россия» (1902), за который автор был сослан в Минусинск, а газета закрыта.

✓ **Корреспонденция** в прошлом веке была характерна для газет. Постоянными собственными (иногородными, иностранными) корреспондентами часто выступали известные писатели, ученые, общественные деятели (И. С. Тургенев, П. Д. Боборыкин, Н. И. Кареев, Н. М. Гарин-Михайловский). Корреспонденции представляли собой небольшие, насыщенные датами, именами, фактами статьи, сообщавшие о текущих событиях и имевшие главным образом информационное значение. Особой разновидностью этого жанра были военные корреспонденции — сообщения из центра военных действий, например корреспонденции В. И. Немирович-Данченко о русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг., составившие два тома книги «Год войны (дневник русского корреспондента)». Позднее свои военные впечатления он отразил в романе «Гроза» (1879), вызвавшем большую полемику в печати.

✓ **Судебные отчеты** (судебная хроника; газетная рубрика «из зала суда») посвящались судебным процессам или официальным сообщениям о судебных делах. Многие выдающиеся юристы, такие, как А. Ф. Кони, Г. А. Джаншиев, В. Д. Спасович, П. Н. Обнинский, выступали в этом жанре.

Некролог представлен в печати многими разновидностями — от краткого объявления о дне, часе и месте выноса тела покойного и его погребении, помещаемого в траурной рамке, до больших некрологических статей, посвященных «Памяти...» (такого-то лица). Произведения этого жанра служат главнейшими, во многих случаях единственными, источниками историко-биографических данных об отдельных деятелях. Характерной особенностью этого жанра являлось правило: «De mortuis bene and nihil» (о мертвых или

хорошо, или ничего), поэтому особо подчеркивались достоинства личности покойного, его заслуги и деяния.

Отраслевая журналистика. Органы отраслевой журналистики посвящены отдельным отраслям экономической, культурной, административно-политической жизни, разным областям знания и деятельности, отдельным наукам. Они ориентировались на определенные читательские круги (журналы для женщин, детей, «народа», солдат, сельских хозяев, торговцев и промышленников, охотников, естествоиспытателей).

Издания отраслевой журналистики принадлежали официальным ведомствам, обществам, частным издателям.

Существующая по истории журналистики литература касается исключительно общественно-политических и литературных журналов широкого профиля. История отраслевой журналистики почти совсем не разработана. С точки зрения историко-источниковедческой изучение каждой ветви отраслевой журналистики следует признать доступным специалистам, работающим в области, к которой данная отрасль относится.

Историк-источниковед должен знать главные издания русской отраслевой журналистики. Заметно выделяются среди них экономические журналы — «Журнал для акционеров», «Торговый сборник», «Финансовое обозрение», «Журнал Министерства государственных имуществ», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Журнал Министерства путей сообщения», «Русское сельское хозяйство». Сжатые характеристики всех периодических изданий по сельскому хозяйству имеются в книге Н. М. Михеева «Библиографические указатели сельскохозяйственной литературы (1783 — 1954 годы)» (1956). Полных обзоров периодики по другим отраслям экономики (промышленность, торговля, транспорт, денежное хозяйство) капиталистической России нет.

Особую группу отраслевой журналистики составляли административно-политические и юридические органы — «Журнал гражданского и торгового права» (название этого издания несколько раз менялось), газета «Правительственный вестник» (1869 — 1917), «Журнал Министерства юстиции», «Судебный журнал», «Юридический вестник».

По вопросам просвещения и культуры выходили: «Журнал Министерства народного просвещения», «Русская школа», «Семья и школа», «Вестник воспитания», «Педагогический листок».

Особенно богаты разнообразнейшими материалами издания такого вида отраслевой журналистики, как исторические журналы. В 1861 — 1917 гг. в России их выходило более ста, в которых опубликовано множество документов, мемуаров, писем, научных статей, исследований, рецензий по отечественной истории. Среди этой категории журналов имелись общеисторические журналы — «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Голос минувшего», археологические, историко-этнографические, журналы по истории искусства и литературы. Специальные историко-революционные журналы стали появляться после 1905 г. («Былое»).

Обзор и сжатые характеристики исторической журналистики, рассмотрение ее историко-ведических проблем и анализ номенклатуры названий органов этой журналистики дал С. С. Дмитриев (1961, 1967, 1976).

Среди художественных, театральных, музыкальных журналов можно назвать: «Мир искусства», «Весы», «Аполлон», «Вестник иностранной литературы», «Золотое руно», «Ежегодник императорских театров», «Театр и искусство», «Музыкальный свет».

Издавались военные журналы — «Военный сборник», «Морской сборник».

Большое распространение с конца 50-х годов XIX в. получили сатирические и юмористические органы. Спросом пользовались такие сатирические журналы, как «Искра», в годы первой русской революции — «Зритель», «Пулемет», в период между двумя революциями — «Сатирикон» и «Новый сатирикон». Этой отрасли журналистики посвящены работы И. Ф. Масанова, И. Г. Ямпольского, Г. Ю. Стернина.

Специфическим видом отраслевой журналистики являлись церковные и религиозные издания. Для большинства этих изданий характерны идейно-политический консерватизм, откровенная реакционность. Однако издания эти печатали много разнообразных источников, относящихся не только к истории церкви в России, но и к истории быта, нравов, просвещения.

По мере развития полиграфии в России в периодических изданиях во всевозрастающем количестве стали появляться графические, изобразительные источники. Подавляющая масса таких источников находится в еженедельных журналах, которые выходили по воскресеньям. Иллюстраций в газетах до 1905 г. очень немного. Да и после революции, когда они стали чаще встречаться на полосах крупных, преимущественно столичных газет, качество их воспроизведения сильно уступало журнальным изображениям.

В последней трети XIX — начале XX в. в отечественной периодике сложился особый тип иллюстрированных журналов. Их графические источники представляют большой интерес для историков. Первым пореформенным богато иллюстрированным журналом, приобретшим популярность, была «Всемирная иллюстрация».

В истории русских иллюстрированных журналов заслуженно большое место заняла «Нива» — еженедельный журнал «для семейного чтения». Это был самый распространенный журнал дореволюционной России (в 1870 г. — 9 тыс. экз., в 1880 г. — 55 тыс., в 1891 г. — 115 тыс., в 1900 г. — 235 тыс., в 1917 г. — 275 тыс. экз.). В «Ниве» воспроизводились картины отечественных и иностранных художников, публиковалось множество тематических рисунков, сделанных видными мастерами по заказам редакции, было помещено несколько тысяч портретов разных лиц, фотографий и рисунков, относящихся к истории войн, в которых участвовала Россия в 1877 — 1878, 1904 — 1905, 1914 — 1917 гг., а также к политическим и общественным событиям.

Из журналов начала XX в., богатых документальными иллюстрациями, можно назвать «Лукоморье», «Солнце России», «Синий журнал», «Всемирная панорама», «Летописи» русско-японской 1904 — 1905 гг. и мировой 1914 — 1916 гг. войн.

§ 3. Газетные издания, методика источниковедческой работы с ними

Классовый характер газеты, ее политические и общественные позиции чаще всего можно проследить на материале передовых статей, больших обзоров, крупных статей известных авторов. Общий подход к текущим событиям внутренней общественно-политической жизни страны и международных отношений наиболее очевидно выражается в названных газетных жанрах.

Определение классового характера газеты крайне существенно для источниковеда: им определялся угол зрения, под которым рассматривались и подавались в материалах данной газеты текущие события, процессы, деятели.

После отмены крепостного права стали появляться газеты «для народа» («Мирское слово», «Народная газета», «Воскресный досуг») и мало отличные от таких газет полужурнальчики, полугазеты («Иллюстрированная неделя», «Иллюстрированный вестник», «Мирской вестник»). По своему духу они были глубоко консервативными, псевдонародными органами. На рубеже XIX — XX вв. количество таких изданий сильно увеличилось. К «уличным органам и шарманкам» отнес М. Горький в статье «Ванькина литература» «Новое время» А. С. Суворина. Назначение и призвание подобных газет состояло, по словам Горького, в том, чтобы плодить «Ванек» и угождать их дурным вкусам. В этих газетах подвизались бойкие, резвые и злобные фельетонисты, писаки, которые «ловко выдрессированы хозяином и все всегда травят кого-нибудь — финнов, марксистов, чувашей, народников, русскую литературу, крымских татар, евреев, поляков, глядя по тому, что больше Ваньке-публике нравится»¹.

Много черносотенных контрреволюционных газет, газеток и журнальчиков от имени народа и для «народа» печаталось в годы первой революции. Эти органы субсидировались крайне правыми монархическими союзами и партиями. В годы мировой войны в распоряжении министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати находился специальный секретный фонд для подкупа печати. Ложь, сознательный обман являлись излюбленным приемом буржуазной прессы. На это указывал В. И. Ленин в статье «Союз лжи»: «Один прием буржуазной печати всегда и во всех странах оказывается наиболее ходким и «безошибочно» действительным. Лги, шуми, кричи, повторяй ложь — «что-нибудь останется»². В статье «Капитализм и печать» В. И. Ленин писал по поводу

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23, с. 289.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 217.

скандальных разоблачений мерзостей буржуазной газетной прессы: «Когда два вора дерутся, от этого всегда будет известная польза для честных людей. Когда вконец перессорятся „деятели“ буржуазного газетного дела, они раскрывают перед публикой продажность и проделки „больших“ газет»¹. Используя материалы печати капиталистической России, следует проявлять чрезвычайную осторожность, критически оценивать этот материал.

В условиях первой революции возникла массовая легальная рабочая печать в России. Только в 1905 г. издавалось около 100 органов большевистской печати. С 1912 г. началась славная история первой массовой легальной ежедневной газеты «Правда». После 1905 г. легально издавалось довольно много газет меньшевистского направления. Особенностью рабочей партийной печати было не только то, что она являлась печатью для рабочих, но и то, что ее авторами были сами рабочие.

Рабочая, демократическая, прогрессивная газетная пресса имеет важное значение для изучения истории России в последние десятилетия перед Великой Октябрьской социалистической революцией. Материалы этих газет, сопоставляемые с известиями о тех же событиях и явлениях, имеющимися в буржуазной прессе, критически противопоставляемые проанализированным правительственным документам и известиям реакционных газет и журналов, надежно служат при воссоздании истории России в период империализма.

Труднейшая историковедческая проблема при работе с газетным материалом — систематизация газетных текстов-источников по содержанию, жанрам, источникам информации, авторам. Полезно при теоретической разработке принципов и методов для решения этой проблемы обратиться к издававшимся некоторыми крупными газетами «Предметным указателям» (например, предметные указатели к газете «Новое время» за ряд лет), а также к годовым указателям содержания, которые помещали некоторые газеты.

Изучение газетной прессы явно отстало от исследования истории журналов. Литература по отечественным газетам очень бедна. Только история рабочей и большевистской печати эпохи империализма усилиями советских ученых разрабатывается более интенсивно.

§ 4. Нелегальная периодическая печать

История русской свободной печати началась в середине XIX в. Нелегальные внецензурные издания печатались за рубежом или в подполье в пределах России.

«Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга», — писал В. И. Ленин². 22 июня 1853 г. в Лондоне Герценом была создана Вольная русская типография.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 5.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 253.

Усилиями А. И. Герцена и Н. П. Огарева в 50 — 60-х годах изданы: журнал «Полярная звезда», сборники «Голоса из России», журнал-газета «Колокол» (1857—1868), особое приложение к «Колоколу» — газета «Общее вече». Издания Вольной русской типографии имели глубоко революционный характер. В 60-е годы за рубежом появилось несколько периодических изданий оппозиционно-либерального направления («Будущность», «Весть», «Европеец», «Современность»). В конце 60-х годов печатался журнал «Народное дело» — орган Русской секции I Интернационала. Все это были зарубежные издания, конспиративно доставлявшиеся в Россию. В 1862 — 1863 гг. в Белостоке К. С. Калиновский вместе с польским революционером В. Врублевским подпольно издал несколько номеров «Мужицкой правды» — первой белорусской революционной газеты.

С середины 70-х годов и до середины 80-х годов получили распространение зарубежные органы революционно-народнической печати — журнал и газета П. Л. Лаврова «Вперед», газета П. Н. Ткачева «Набат», газеты последователей М. А. Бакунина «Работник» и «Община». Затем появились народнические революционные газеты, издававшиеся подпольно в самой России, — «Начало», «Земля и воля», «Народная воля», «Рабочая газета», «Черный передел».

15 февраля 1880 г. был отпечатан единственный номер газеты «Рабочая заря» — органа «Северного союза русских рабочих». Тем самым было положено начало рабочей печати в России, представляющей классовые интересы отечественного пролетариата.

В конце 80-х — в 90-е годы зарождается марксистская зарубежная и подпольная революционная пресса — сборник «Социал-демократ» группы «Освобождение труда», газета «Рабочее дело», которую издавал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Это была первая марксистская рабочая газета в России.

С начала XX в. усилиями В. И. Ленина начала выходить «Искра», бывшая в 1900 — 1903 гг. первой общерусской нелегальной марксистской газетой (печаталась последовательно в Мюнхене, Лондоне, Женеве; позднее «Искру» перепечатывали в двух подпольных типографиях — в Баку и Кишиневе). Это была большая политическая газета с устойчивыми отделами — «Из партии», «Из нашей общественной жизни», «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», «Из деревни», «Иностранное обозрение», «Почтовый ящик».

Историк должен считаться со специфическими особенностями изданий нелегальной периодики: резкое преобладание анонимных текстов; крайняя затруднительность, а часто невозможность установления авторства текстов; отсутствие на многих изданиях сведений о месте и времени их напечатания; нередко в целях конспирации давались заведомо неверные указания о месте печатания органа или места, откуда поступил тот или другой материал; чрезвычайно плохая сохранность органов нелегальной печати; отсутствие даже в крупных научных библиотеках, музеях и архивах полных комплектов таких изданий.

Такое положение обусловило довольно распространную практику переиздания важнейших памятников нелегальной печати. Переизданы и воспроизведены фототипически, например, «Колокол», «Полярная звезда», издания «Народной воли», «Черного передела», «Искры» (№ 1 — 52, декабрь 1900 г. — ноябрь 1903 г.), «Вперед» и «Пролетарий» — первые большевистские газеты 1905 г. При пользовании переизданиями следует обращаться к оригиналам нелегальной печати.

Теснейшим образом с нелегальной периодической печатью связаны листовки (прокламации, воззвания), являющиеся, как правило, внецензурными одноразовыми агитационно-пропагандистскими изданиями.

Листовки (прокламации) характерны для деятельности революционных организаций. По своему происхождению они тесно связаны с документами революционных организаций и партий. Они являются важной стороной их деятельности, средством выражения данной организации. Практиковался выпуск листовок также государственными учреждениями, буржуазными и монархическими партиями, но число таких изданий невелико.

С точки зрения видовой классификации, ближе всего листовки стоят к периодической печати. Лаконизм, стилистика, язык листовок близки к газетным передовицам и публицистическим статьям. Приемы источниковедческого анализа листовок и печати сходны.

Начало распространения листовок в пореформенной России связано с группой сочинений, появившихся в связи с реформой 1861 г. К ним относятся: прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», прокламация Н. В. Шелгунова и М. И. Михайлова «К молодому поколению», серия листовок «Великорусса», прокламация П. Г. Заичневского «Молодая Россия». Основной мотив этих листовок — разоблачение грабительского характера реформы, призыв бороться за подлинное освобождение крестьян. В то же время каждая из них имеет важные отличия. Они обращены к разным кругам общества, и это приводит к различиям в языке листовок и предлагаемых в них форм борьбы. Прокламация «Барским крестьянам», например, отличается революционным демократизмом. Она не только показывает крестьянам, что дело идет не к их воле, а к вечной кабале у помещика, но и содержит прямой призыв к общему крестьянскому восстанию по сигналу «доброжелателей». Иной характер имели листки «Великорусса». Обращенные к «образованным классам», они призывали их «взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы спасти народ от истязаний...».

Дальнейшее развитие революционного движения, деятельность народнических организаций породили большой комплекс листовок. Многие из них сохранили образный строй первых листовок революционеров-демократов, например прокламации кружка «чайковцев»: «Чтой-то, братцы...», «Братцы! Вам нечего говорить...», «С чего следует начать?» Народнические организации выпускали листовки: общепрограммные; с разоблачением действий правительства; с при-

зывами к рабочим, солдатам, студентам; по поводу отдельных террористических актов и суда над революционерами; с призывами к участию в демонстрациях. В начале XX в. выпуск листовок приобрел большой размах, но далеко не все листовки мелкобуржуазных (в частности, эсеровской) партий имели определенные указания на организации и группы, издававшие их.

В процессе деятельности большевистской партии возник крупный комплекс листовок и прокламаций. Начиная со времени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», В. И. Ленин уделял большое внимание выпуску листовок и сам участвовал в их написании.

Листовки большевиков затрагивали вопросы стратегии и тактики партии; пропагандировали лозунги партии и конкретные формы борьбы пролетариата. Выпускались листовки об отдельных забастовках, с призывами к ним, по поводу событий (1 Мая, 9 января); обращения к студенчеству; о важнейших событиях текущей политики (война, голод).

Открыто партийный характер таких изданий очевиден не только в изложении вопроса, в оценках, но и в самом оформлении изданий. На большевистских листовках почти всегда указывалась их принадлежность РСДРП. Нередко ставились штамп или печать организации. При анализе листовок важно определить организацию, их издававшую, в каких условиях осуществлено издание, какие цели оно преследовало, что характеризует содержание данной листовки, каково значение и смысл этого издания. Необходимо принимать при этом во внимание распространение издания.

Глава 22

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА

§ 1. Воспоминания, дневники, частная переписка, их общая характеристика; собрание, учет, изучение их

Воспоминания (мемуары), дневники, частная (личная) переписка (эпистолярные памятники) — письменные исторические источники, близкие по происхождению, характеру и значению для историка. Но в то же время они являются тремя различными видами источников. Для каждого существуют особые приемы их отыскания, изучения, использования.

Воспоминания, дневники, частная переписка относятся к источникам личного происхождения, возникающим в частном порядке. Дневники и частные письма по своей природе имеют преимущественно интимный, доверительный характер. Они нужны и доступны во время их создания для самого пишущего и кроме него еще для немногих лиц. В отличие от них воспоминания пишутся с прицелом на читателей, порой читателей узкого, заранее определенного круга — для своих детей, членов семьи, для своего рода

(в дворянских, купеческих семьях), но чаще для обширной читательской среды — для современников, потомства, историков. В таких случаях автор воспоминаний ставит перед собой определенную цель, подбирает и упорядочивает материалы, нужные для достижения поставленной цели, из всего того, что сохранила его память.

Воспоминания в широком смысле слова есть исторические сочинения (писания), однако для источниковеда они не являются документальными источниками. Обычно воспоминания и не притязают на полное, всестороннее, историко-аналитическое и историко-синтетическое освещение лиц, явлений и событий, о которых рассказывают. Назначение их другое — повествование, ведущееся по личной памяти мемуариста на основе собственных впечатлений о тех или иных событиях, которые ему представляются значительными, о событиях, в которых он сам участвовал или которые сам наблюдал.

Особенности воспоминаний, дневников, частной переписки в значительной степени определяются личностями их создателей, а также тех лиц, к которым они обращались (например, в эпистолярных текстах). Каждый такой источник имеет неперменные черты индивидуальности его создателя.

Но создатели таких источников, как и личности, к которым они обращались, существовали в реальных исторических условиях, принадлежали к определенным классам, социальным слоям и группам. Взятые в массе, используемые в больших количествах, такие источники имеют отчетливо выраженные, внутренне заложенные в них характерные черты тех классов, общественных слоев и групп, к которым не могли не принадлежать их создатели. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹ — эта мысль В. И. Ленина должна служить основополагающей для историка, имеющего дело с источниками личного происхождения.

Важнейшее значение для анализа источников этих трех видов имеют личности их авторов. Индивидуальные свойства автора воспоминаний, дневника, личных писем, так же как индивидуальные качества тех лиц, для которых непосредственно они предназначались, сказываются на содержании, точности, достоверности данных источников и тем самым в значительной мере определяют их объективное научно-историческое значение. Личностный характер отбора фактического материала, оценок, освещения этого материала, неперменная индивидуальность внутренне, органически присущи всем этим источникам. Личные особенности авторов сказываются на объективной познавательной ценности этих источников. Пол, возраст, характер, состояние памяти, мировоззрение, взгляды и чувства автора проявляются в этих материалах. Историк должен внимательно изучать и учитывать эти личные особенности. В этих особенностях — специфика таких источников.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

Отсюда возникает первая задача при обращении к такого рода источникам — установление личности их автора (имя, даты жизни, биографические сведения, социальное и профессиональное положение) и во многих случаях той личности (или личностей), к которой автор обращается. Нередко в распоряжении историка находятся воспоминания, дневники, письма, неизвестно кем написанные и кому адресованные. Без предварительного выяснения главных, исходных данных о личности их автора такие памятники не могу стать полноценными источниками.

Вторая задача — выяснение времени написания (или «напечатания» — в случае машинописи) основного текста (оригинала, подлинника) источника. Часто подлинник отсутствует, и источник доступен в виде отдельной книги или в периодическом органе. Тогда следует уяснить время и место первой публикации источника; оригиналом в таком случае будет являться первая публикация. Затем надо подвергнуть анализу редакторские принципы издания, где исследуемый источник был напечатан. При этом необходимо помнить, что редакторы периодических изданий часто весьма свободно распоряжались текстами при подготовке авторских рукописей к печати. К примеру, любопытный «Дневник В. И. Аскоченского», напечатанный в «Историческом вестнике» (1880—1882), является совсем не подлинным текстом поденных записей этого лица, а лишь текстом, который был «выжат» из семи обширных томов рукописи дневника постоянным сотрудником редакции Ф. И. Булгаковым.

Понятно, что общественно-идейное направление издания, в котором источник вышел в свет, крайне важно для исследователя. При существовании последующих изданий и переизданий данного источника каждое из них должно быть принято во внимание. Установление точного времени первой публикации позволяет приблизиться к решению вопроса о времени написания данного источника, обстоятельствах и условиях его написания и целевом назначении. Для выяснения времени написания источника, авторский оригинал которого дошел до нас, первостепенное значение имеют приемы палеографического и текстологического анализа.

При исследовательской работе с источником одной из трех групп (воспоминания, дневники, эпистолярные тексты) перспективным является методическое правило — обращение и к источникам двух других групп (конечно, в тех случаях, когда такие источники имеются), оставшимся от автора данного источника. В частности, весьма плодотворным по результатам являются критико-аналитические сопоставления, например автобиографий, написанных в определенное, точно указанное время, и мемуаров одного и того же деятеля (например, опубликованная в 1886 г. автобиография П. М. Медведева и изданные в 1929 г. его же воспоминания).

Близость рассматриваемых видов источников проявляется в том, что личные письма, дневники и воспоминания часто как бы взаимопроникают, преобразуются в практике их создания из одного вида в другой. Так, письма, которые одно лицо пишет другому ежедневно, а бывало, что и по два раза в день, по их содержанию и характеру ничем не отличны от поденных записей в дневнике. Историк и журналист М. М. Стасюлевич не вел дневника, но, находясь вне дома, ежедневно писал жене письма сообщая обо всем, что видел и слышал за день. Брак Стасюлевича длился 52 года (1859—1911). За этот долгий срок Стасюлевич не раз бывал в отъезде, и его письма к жене являются своеобразным дневником.

Переписка П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк длилась 14 лет (1876—1890). Почти вся переписка, особенно письма Чайковского, состояла из писем-дневников. О близости этих писем к дневниковым записям говорит их периодичность: в годы наиболее оживленной переписки в среднем одно письмо приходится на 2,5 дня.

Часто авторы писали воспоминания на основе ими же прежде веденных дневников. Таковы, например, «Записки неизвестной» (псевдоним Е. А. Карлгоф-Драшусовой), «Мои воспоминания» барона А. И. Дельвига, точность и достоверность известий в которых, видимо, была обеспечена тщательным использованием своих старых дневников. Готовя второй вариант своего дневника за 1861—1868 гг. для потомства (первый вариант он писал только для себя), П. А. Валуев сопровождал дневниковые записи многочисленными примечаниями мемуарного характера, сделанными в 1868 г.

Нередко отдельные лица, от которых до нас сохранились ценные источники всех трех видов, одновременно вели дневники, писали воспоминания и разные письма. Причем на страницы дневника они заносили копии своих писем, копии писем, полученных ими от третьих лиц, а в воспоминания вносили отрывки из дневниковых записей, включали полученные ими письма тех деятелей, о которых они повествовали в своих воспоминаниях. Так поступали М. П. Погодин, Е. А. Штакеншнейдер, Б. Ё. Глинский, А. В. Головин, Д. А. Милютин, П. В. Быков, В. Я. Брюсов, В. Г. Короленко.

Воспоминания, дневники, частная переписка лиц чем-либо примечательных, государственных, общественных, культурных деятелей эпохи капитализма являлись объектом собирательства, коллекционирования и хранения. Значительные коллекции такого вида источников образовались в Публичной библиотеке в Петербурге, в Публичной библиотеке Румянцевского музея и в Историческом музее в Москве, в городских публичных библиотеках и университетских библиотеках Казани, Киева, Харькова, Одессы. В настоящее время мемуары, дневники, частная переписка находятся в основной своей массе в составе личных архивных фондов. О видах и значении источников, характерных для таких фондов,

писал С. С. Дмитриев (1965). Хотя советскими учеными сделано немало в области источниковедческого исследования отдельных воспоминаний, дневников, частной переписки деятелей второй половины XIX — начала XX в., общего источниковедческого труда об исторических источниках этого вида в России еще не создано.

§ 2. Воспоминания. Приемы их изучения

Мемуарные произведения периода капитализма в России создавались в новых, отличных от дореформенных, условиях, которые определили их некоторые особенности. Наиболее существенны следующие из этих особенностей.

1. Происходило сближение мемуаров с живой современной им художественной прозой и со всей повседневной, меняющейся действительностью. Мемуаристы из пишущих «для себя» (про себя», «для немногих», для потомков) превратились в авторов, лично и непосредственно участвующих в текущем процессе общественно-литературной жизни, пишущих для своих современников, для печати.

2. Имели место заметная деформация прежних мемуарных форм, определенное измельчение, дробление этих форм. Мемуаристика нередко приобретала этюдный, отрывочный, незавершенный характер.

3. Количество произведений мемуарной литературы сильно увеличилось. Мемуары становятся в известной мере массовыми источниками.

4. Произошло существенное изменение социально-профессионального и национального состава мемуаристов. Число дворянских воспоминаний и мемуаров, записок представителей духовенства явно уменьшается в начале XX в. Появляются воспоминания рабочих и крестьян. Крупной группой становятся мемуары революционных деятелей, а также мемуары представителей интеллигенции. При заметном и естественном преобладании во всей отечественной мемуаристике мемуарных текстов русских деятелей появлялись воспоминания представителей разных народов многонациональной России.

5. В мемуарных источниках необходимо четко различать произведения, написанные и напечатанные до 1917 г. и после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Учет новых условий возникновения и характерных особенностей мемуаристики приближает историка к выработке и пониманию закономерно необходимых приемов и методов ее анализа.

В дореформенной России авторы воспоминаний не предполагали прямо их публикацию. Они лишь допускали возможность напечатания своих воспоминаний в будущем. Объективные возможности для скорой их публикации были ограниченными. Печатавшие воспоминаний при жизни их составителя, тем более публикация их им самим, т. е. выступление его в роли автора, участ-

вующего в текущей литературной жизни, не имели места в традициях русской культуры XVIII в., да и в начале XIX в. Тогдашние понятия писателя, автора, литератора еще не вмещали в себя людей, писавших воспоминания.

Подавляющее большинство воспоминаний, написанных в XVIII в., увидело свет только во второй половине XIX в. Воспоминания, созданные в первой половине XIX в., частично, а иногда и полностью печатались уже в середине этого века.

В пореформенное время для печатания мемуаров стало больше возможностей. Печатание мемуаристики было насущным делом для большинства исторических журналов. Охотно печатали мемуарные материалы и многочисленные литературно-политические журналы. Установилась практика заказывания редакторами и издателями мемуаров. Деятелей и лиц, которым было что вспомнить, начали привлекать к авторству. Так действовали, например, редакторы-издатели трех наиболее известных исторических журналов П. И. Бартенев («Русский архив»), М. И. Семевский («Русская старина»), С. Н. Шубинский («Исторический вестник»).

Время от написания автором его воспоминаний до их напечатания стало очень кратким. Авторы, работавшие в области мемуарной литературы в конце XIX — начале XX в., нередко писали мемуары прямо для передачи в редакции журналов и газет, в книгоиздательства. В русской журналистике 1907—1910 гг. опубликовано немало воспоминаний о событиях и людях первой русской революции, в прессе 1906—1914 гг. напечатано много мемуаров участников русско-японской войны. Желание привлечь побольше читателей приводило к тому, что иные издатели и редакторы при объявлении подписки обещали публикацию мемуаров о тех или иных текущих процессах и событиях.

Произведения мемуарной литературы в условиях капитализма, особенно в начале XX в., когда классовая борьба чрезвычайно обострилась, приобретали острое и прямое публицистическое назначение. Мемуарист-публицист, сознательно стремившийся не только вспомнить и закрепить прошлое, но посылить участвовать в изменении настоящего, выдвигался на передний план.

Преобладавшей формой воспоминаний крепостной эпохи было пространное, развешиваемое в строгой хронологической последовательности повествование. Такая форма, своего рода классическая для мемуаристики, имела место и после 1861 г. Но все же она деформировалась. Рядом с ней появились более мелкие мемуарные формы: мемуарные статьи, отрывки из мемуаров, «наброски и зарисовки из прожитого и передуманного», «кое-что из прошлого», «калейдоскоп воспоминаний». Заметно росла «тематическая» мемуаристика малых форм (преимущественно статьи) — воспоминания об отдельных событиях, эпизодах, происшествиях, встречах, случаях. Среди такой «тематической» мемуаристики нельзя не отметить особую, весьма значительную ее разновидность, так сказать, некрологические воспоминания

об известных деятелях, только что ушедших из жизни. Наскоро печатались попавшие в редакции органов печати письма, частные, порой интимные записки таких деятелей. Поспешность влекла за собой неразборчивость в отборе публикуемых материалов.

Этюдность, незавершенность, отрывочность, недостаточная литературная обработанность, а в начале XX в. и своеобразная «импрессионистичность» письма стали характерными для многих мемуарных источников.

Среди прочих видов письменных источников мемуары стали занимать гораздо более видное место. От этого времени сохранилось много мемуарных источников, как печатных, так и до сих пор сохраняющихся в рукописях в разных хранилищах. Ни один из периодов дореволюционной отечественной истории не обеспечен таким количеством мемуарной литературы, как капиталистический.

Накануне падения крепостного права в России Н. Г. Чернышевский в 1856 г. не без серьезных оснований объяснял «чрезвычайный успех» «Семейной хроники» С. Т. Аксакова между прочим и тем, что «книга эта удовлетворила слишком сильной потребности нашей в мемуарах — потребности, находящей себе слишком мало пищи в нашей литературе». Но через четверть века в 1879 г. Г. Е. Благодетель в критической статье (далеко не во всем справедливой) о мемуарной книге Т. П. Пассек «Из дальних лет» отмечал уже иное положение дел: «Никогда еще русская литература не отличалась таким богатством печатного исторического материала, как в настоящее время. У нас рядом издаются четыре исторических журнала, несколько исторических сборников и постоянно появляются то воспоминания, то мемуары. Всем и каждому, кто только умеет держать перо в руке и водить им по бумаге, непременно хочется передать потомству свое прошлое и свое имя»¹. Благодетель оговаривал, что вовсе не отрицает ни достоинства, ни пользы мемуарной литературы. Он только утверждал, что воспоминания должны иметь подлинно историческое, весомое, действительно правдивое содержание, чтобы приобрести «общественное значение» и «понадобиться нашему потомству».

Социальные сдвиги в русском обществе, характерные для эпохи развития, а потом и загнивания капитализма, сказались на изменении социально-профессионального состава отечественных мемуаристов. В эпоху падения крепостного права и в первые десятилетия после 1861 г. мемуары выходили главным образом из-под пера дворян, крупных государственных и военных деятелей, больших чиновников и лиц духовного сословия. С последней четверти XIX в. постепенно начали появляться воспоминания рабочих и крестьян (последних было еще, правда, очень мало). Основными «поставщиками» мемуаров становились представители интеллигенции — писатели и журналисты, адвокаты, педагоги, художники, артисты, музыканты, в меньшей мере ученые, предста-

---

¹ Дело, 1879, № 4, с. 89.

вители технической интеллигенции — инженеры, строители, агрономы, врачи.

С начала XX в. растет число мемуаров революционных деятелей. Воспоминания участников революционно-демократического движения, шестидесятников и революционных народников в большом количестве появлялись с 1905 г. в отдельных изданиях и в журналах «Былое», «Голос минувшего», а после 1917 г. — в «Каторге и ссылке». Выдающимися мемуарными источниками стали записки Л. Ф. Пантелеева, П. А. Кропоткина, О. В. Аптекмана, Н. А. Морозова, В. Н. Фигнер. Предисловия некоторых из этих авторов к отдельным изданиям их записок раскрывают обстоятельства их написания, цели, которые ставили перед собой мемуаристы, использованные ими литературно-повествовательные и документальные материалы. О первых рабочих революционерах 70-х годов оставил живые воспоминания Г. В. Плеханов. Его книга «Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям)» была написана в начале 90-х годов с публицистическо-пропагандистской целью.

Первые шаги социал-демократического движения отражены в богатых по содержанию мемуарах С. И. Мицкевича, написанных после 1917 г., в воспоминаниях рабочего, профессионального революционера, большевика И. В. Бабушкина. Воспоминания Бабушкина охватывают события 1893—1900 гг. В. И. Ленин проявлял постоянный интерес к собиранию мемуаров рабочих революционеров, их биографий. В некрологе Бабушкина, написанном и опубликованном в конце 1910 г., В. И. Ленин писал: «Прошла уже пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих»¹.

Воспоминания русских деятелей в эпоху капитализма существенно дополняли мемуары украинских, белорусских, отчасти татарских, молдавских и других авторов, писавших и печатавшихся нередко на русском языке. В журналах, сборниках и альманахах, в газетной печати Украины, Молдавии, Белоруссии, Среднего Поволжья, отчасти Сибири, Туркестана, Закавказья опубликовано много мемуарных источников на русском языке, относящихся к жизни и быту народов России.

Революционные преобразования октября 1917 г. — рубеж чрезвычайной основополагающей важности при анализе и использовании мемуарных источников. Время составления мемуаров — до февраля 1917 г., до октября 1917 г., после одной из этих дат.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 82—83.

в промежутке между ними — сказывалось на всем их содержании, характере, идейно-политической направленности. Одни мемуаристы только после Октябрьской революции именно благодаря ей приобрели возможность полно, правдиво и откровенно поведать о том, о чем в условиях конспирации, революционного подполья они обязаны были молчать. Другие же по совершенно иным соображениям старались более или менее ловко обойти молчанием или представить в возможно более извинительном виде свои действия и убеждения, которые были направлены отнюдь не на благо народа.

Мемуары, написанные и изданные в условиях советской действительности, принципиально отличаются от довольно богатой мемуарной литературы, которая издавалась за рубежом белой эмиграцией в 20—30-х годах. Политическая озлобленность и слепота, горечь от провала своих планов и замыслов, желание самооправдаться и оправдать себя в глазах определенной части читателей пронизывают воспоминания таких политических и общественных деятелей буржуазной России, как М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков, Б. В. Савинков, В. М. Чернов, не говоря уже о мемуарах таких деятелей, как председатель Совета министров накануне первой мировой войны В. Н. Коковцов, генерал А. И. Деникин, товарищ министра внутренних дел жандармский генерал П. Г. Курлов. Такие мемуарные источники игнорировать нельзя, в них имеются интересные и важные сведения, но следует понимать классовую и политическо-партийную тенденциозность авторов, редакторов и издателей мемуаров, впервые появившихся за пределами нашей страны.

Единой общепринятой классификации воспоминаний нет. Обычно их группируют по социально-профессиональному положению мемуаристов и по преобладающему тематико-хронологическому содержанию мемуаров. Отнесение отдельных мемуаров к той или иной группе во многих случаях условно. В массе мемуарные источники имеют черты, позволяющие, как правило, довольно точно устанавливать их классовую принадлежность, ориентацию.

По периоду 1861—1917 гг. в отечественной мемуаристике по социально-профессиональному и общественному положению мемуаристов могут быть выделены следующие группы: 1) мемуары государственных деятелей; 2) мемуары военных деятелей, лиц преимущественно командного состава, а также участников разных войн, повествующих главным образом о военной службе, армии и флоте, о событиях военной истории; 3) мемуары духовных лиц, представителей разных церквей и культов, существовавших в России; 4) мемуары буржуазных и мелкобуржуазных общественных деятелей; 5) мемуары представителей разных слоев интеллигенции (литературные воспоминания, театральные воспоминания, студенческие воспоминания, мемуары врачей, учителей, юристов, ученых, представителей технической интеллигенции); 6) купеческие мемуары, нередко имеющие характер родовых, семейных

хроник, охватывающих жизнь трех-четырех поколений; 7) воспоминания рабочих и крестьян (группа источников сравнительно небогатая); 8) мемуары революционеров и участников революционного движения (записки шестидесятников, воспоминания революционных народников; многочисленные и ценные богатством содержания, четкостью классово-политических позиций воспоминания большевиков; значительные комплексы разных мемуарных текстов участников событий первой и второй буржуазно-демократических революций в России).

По тематико-хронологическому принципу в мемуаристике можно выделить такие комплексы: общественное и революционное движение 50—60-х годов; крестьянская реформа 1861 г.; буржуазные реформы 60—70-х годов; революционное движение 70-х—начала 80-х годов; русско-турецкая война 1877—1878 гг.; политическая реакция 80-х—начала 90-х годов; рабочее и революционное движение 90-х—начала 1900-х годов; революция 1905—1907 гг.; революционное движение в период 1907—1917 гг.; Государственные думы; Россия в первой мировой войне; вторая буржуазно-демократическая революция в России.

При работе с любым мемуарным текстом важно возможно более полное уяснение задачи, которую автор текста ставил перед собой при его написании, уяснение авторской установки мемуариста. Нередко сами мемуаристы прямо сообщают о своей установке; часты такие сообщения в воспоминаниях профессиональных историков, писателей. Так, А. А. Кизеветтер указывал на характер своих воспоминаний: «Эта книга не содержит личных мемуаров в настоящем смысле этого слова. Элемент автобиографический вкраплен здесь лишь в самой малой дозе. Другая задача стояла в центре моего внимания. Я делаю попытку дать сжатый очерк тех настроений, через которые русское общество проходило на моих глазах, за время моей сознательной жизни. Конечно, этот очерк не полон. Я очерчиваю только те течения общественной жизни, с которыми мне самому доводилось ближе соприкасаться. И в этом смысле в предлагаемой книге читатель найдет не историю, а только мемуары». Как к этому, так и ко всем подобным сообщениям мемуаристов следует относиться внимательно и строго критически.

Общие приемы палеографического, текстологического, стилистического анализа мемуарных текстов, проверки и сравнительной критики сообщений мемуаристов при помощи сопоставления их с другими видами источников освещены в предшествующих главах, где рассмотрена мемуаристика более ранних периодов. Применительно к массовой печатной литературе эпохи капитализма историк должен быть особенно осторожен, помня о неустойчивости и неразработанности археографических и текстологических принципов в отношении напечатания текстов нового времени. Во всех случаях, когда сохранились оригиналы напечатанных мемуарных текстов, следует с ними сверять публикации.

Дневники принято считать более достоверными и непосредственными реальными свидетельствами тех или иных событий из жизни их авторов. В них точнее отражены переживания, настроения, мысли и чувства автора в то время, когда запись была сделана. Записи дневников обычно синхронны описываемым явлениям. Дневник имеет, как правило, точную дату при каждой в нем записи.

В то же время дневниковые записи дробны, не связаны между собой, отрывочны. Автор не стесняется в выражениях, в откровенностях, в сокращениях слов, фамилий, имен лиц, о которых он пишет, наконец, не заботится о разборчивости своего почерка. Все это превращает чтение рукописей дневников в нелегкое дело. Как все источники личного происхождения, дневники весьма различны между собой. В начале работы над отдельным, конкретным дневником нужно воссоздать своеобразие способа, манеру письма автора дневника при занесении им записей, при правке, а иногда обработке, исправлениях и дополнениях первоначальной записи.

Одни авторы сразу вносят свои записи в тетради или в заранее переплетенные книги, которые и являются их дневниками. Другие записывают текущие впечатления в записных книжках, в блокнотах, на отдельных листках бумаги, на папиросных коробках, а позднее в домашней обстановке систематизируют, упорядочивают эти заметки и вписывают их в обработанном виде в свой дневник. Так, государственный секретарь Е. А. Перетц делал текущие памятные записи на отдельных листах. В летнее время, когда было свободнее, он вносил эти записи в книжку своего дневника. Понятно, что его дневник за 1880—1883 гг. является итогом значительной редакционно-стилистической обработки первоначальных записей. При наличии такой предварительной обработки самими авторами в их дневники вносился материал, с их точки зрения более важный, имеющий историческую ценность.

Большое значение имеют регулярность, аккуратность, педантичность, с которой велся изучаемый дневник. Так, например, чрезвычайно тщательно и обстоятельно вели свои дневники: А. В. Никитенко в течение нескольких десятков лет (с 1826 по 1877 г.); П. А. Валуев за годы управления им Министерством внутренних дел в 1861—1868 гг.; А. А. Половцев при исполнении им должности государственного секретаря в 1883—1892 гг. Образцом предельной точности, документальной обстоятельности, наконец, четкости и ясности в понимании автором своих задач может служить дневник М. К. Лемке, который он вел за время службы в Главной Ставке царской армии в 1915—1916 гг. Получив ответственное назначение в Главную Ставку (для налаживания отношений между Ставкой и печатью), Лемке «дал себе слово во что бы то ни стало использовать свое положение прежде всего аккуратным и систематическим ведением детального лично-

го дневника при пристальном наблюдении всего происходящего вокруг»¹.

Обстоятельно и полно Лемке перечислил все источники для своих дневниковых записей: 1) «бесчисленные документы, проходившие через или около меня, чаще же (и в очень большом числе) попадавшие мне под без усталости искавшую их руку. Все они тщательно копировались, когда на месте, в Управлении же, когда дома, когда в театре, в ресторане, на дежурстве в аппаратной секретного телеграфа (больше всего) и т. п.»; 2) «вторым источником были ежедневные беседы с самыми различными по своему положению людьми, хорошо знавшими то, что ставилось предметом умышленно направлявшегося мною разговора, причем я видел и знал — знаю и теперь, — что говорившие со мною никогда не подозревали, с какой целью я затрагивал ту или другую тему. Каждая беседа (часто после все-таки необходимой проверки) записывалась мною по возможности немедленно по ее окончании; причем иногда сначала лишь наскоро, в наиболее существенной части, с различными пометками и особыми значками, развертывавшимися уже позже, вечером или ночью, когда преимущественно и писался «Дневник». «Все такие записи, — продолжает Лемке, — которыми иногда были буквально переполнены мои бесчисленные офицерские карманы, расшифровывались дома, на покое, за несколькими запорами входных дверей, и вместе с копиями документов вносились в очередную тетрадь»². В итоге такой продуманной, профессионально квалифицированной работы военный дневник М. К. Лемке стал одним из ценных источников по истории русской армии в годы первой мировой войны.

Дневник М. П. Погодина имеет краткие записи, со множеством условных сокращений, переполненный недописанными словами; почерк сильно неразборчивый. Записи делались не всегда регулярно, иногда вносились задним числом. Но в то же время погодинский дневник велся более или менее систематически свыше полу столетия подряд. Погодин вносил в дневник не только лично биографические факты, мечты и думы, но и множество ценных сведений по истории политической, литературной, научной жизни России от 20-х до середины 70-х годов XIX в.

Записи большинства сохранившихся дневников имели многочисленные пропуски во времени, часто вносились от случая к случаю, нередко на долгое время (на недели, месяцы, а то и годы) прерывались, затем возобновлялись. Такой отрывочный характер присущ дневниковым текстам В. О. Ключевского. Сплошных порядковых записей он не вел. Дневниковые заметки делались Ключевским более или менее часто в 1867—1877 гг. и в 1901—1910 гг. За остальное же время (умер Ключевский 12 мая 1911 г.) имеются краткие, разрозненные записи.

¹ Лемке Мих. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 г. — 2 июля 1916 г.). П., 1920, с. XIII.

² Там же, с. XIV—XVI.

Историческая значимость дневника, конечно, состоит не в факте длительности его ведения. Она определяется важностью явлений, событий, процессов, деятелей, которые нашли отражение в дневнике; весомостью, представительностью автора этого дневника; степенью его осведомленности и близости его к описываемому; наконец, правдивостью автора, искренностью его. Разумеется, значимость дневника определяется самой личностью человека — составителя данных дневниковых записей. В то же время следует признать, что добротнo веденные и хорошо сохранившиеся дневники любых лиц являются важными источниками.

Профессиональные революционеры по характеру своей деятельности не могли оставить длительных дневников, освещающих их подпольную, конспиративную работу. Совсем короткое время отражено в дневниковых текстах Ф. Э. Дзержинского (с 30 апреля 1908 г. и до 9 августа 1909 г.). Изданные отрывки из дневника А. М. Коллонтай относятся к одному 1914 году. Но дневники революционных деятелей имеют громадное познавательное и воспитательное значение для читателей. Сжатый дневник Дзержинского оставил непревзойденную картину порядков каторжной тюрьмы времен разгула столыпинской реакции. Историческое значение этого дневника источниковед уяснит из факта живого агитационно-пропагандистского использования его революционным социал-демократическим подпольем России в своих нелегальных изданиях уже в 1909—1910 гг.

Дошедшие до нас дневники царствовавших особ, в частности аккуратно и долгое время веденный дневник царя Николая II, как и дневники других членов дома Романовых, в целом малосодержательны. В то же время многие любопытные и важные для политической истории России (50—80-х годов XIX в.) сведения содержатся в дневниках великого князя Константина Николаевича, брата царя Александра II, в изданном частично за 1915—1917 гг. дневнике великого князя Андрея Владимировича, двоюродного брата последнего русского царя.

В дневниковых записях часто встречаются заверения со стороны авторов о том, что они ведутся исключительно для собственных нужд, навсегда будут сохраняться в совершенной ото всех тайне, никому, никогда не будут доступны. Такого рода заверения требуют критического к себе отношения. Люди, ведущие дневники в глубоком ото всех секрете, все же считаются с возможностью прочтения их записей посторонними, а то и прямо нежелательными лицами.

В отечественном источниковедении еще не сложилось ясного понимания различных форм дневников эпохи капитализма. Точно так же нет и единой, более или менее общепризнанной их классификации. Чрезвычайное многообразие содержания, отрывочность отдельных записей, разнокачественная их ценность, хронологическая широта дневниковых текстов — все это не позволяет признать удобным тематико-хронологический принцип для их классификации. Группировка массы дневников на основании

социально-профессионального и общественного положения их авторов историко-исследовательски более плодотворна. Для периода 1861—1917 гг. массу дневниковых текстов можно распределить примерно по тем же группам, что и в мемуаристике: дневники государственных деятелей; дневники военных деятелей, участников войн; дневники буржуазных и мелкобуржуазных общественных деятелей; дневники деятелей интеллигенции составляют крупную группу источников, весьма важных для исследователей истории культуры, общественной мысли и идейной борьбы периода капитализма; дневники революционеров и участников революционного движения; дневники церковных деятелей и духовных особ.

По характеру ведения записей близки к обычным личным дневникам так называемые записные книжки, памятные книжки. В них обычно без дат, без какого-либо порядка время от времени вносились записи разных случаев, дошедшие до автора слухи, слышанные анекдоты, деловые заметки, сюжеты для будущих произведений. Сохранились записные книжки П. А. Вяземского, Д. В. Григоровича, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, С. Я. Надсона, П. И. Бартенева. В таких записных книжках встречаются текущие поденные, датированные дневниковые записи. Для историка-источниковеда представляют интерес методические приемы Л. М. Розенблюма (1971) при изучении «письменных книг» (творческих дневников) Ф. М. Достоевского и З. С. Паперного при изучении записных книжек А. П. Чехова.

Кроме личных дневников, как и ранее, имело место ведение дневников официальных, служебных. Особой разновидностью таких деловых, практически прикладного и информативного назначения дневниковых записей являются записи изыскателей, путешественников, ученых — географов, геологов, этнографов, археологов, лиц, официально включенных в число сопровождающих различных высоких особ при их поездках и обязанных вести дневники таких поездок.

§ 4. Частная переписка. Приемы ее изучения

Частное письмо — это письменное личное обращение автора письма к отдельному лицу (или нескольким лицам), составленное с применением типичных эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и др.). Такое обращение предполагает ответ со стороны того лица (лиц), которому оно направлено. В содержании письма автор совершенно свободен — любые вопросы, личные или общественные, могут быть им затронуты. Как правило, письмо служит текущей, деловой, конкретной цели его автора или его адресата. Оно пишется не для печати, не для всеобщего сведения или хотя бы даже ознакомления с ним третьих лиц. Таковы главные признаки частного письма.

Устойчивыми формальными элементами частного письма являются: указание адресата, места написания, дата написания, обращение к адресату, подпись автора письма. Часто приходится иметь дело с письмами, в которых отсутствуют любой из этих

элементов, а порой и все они, вместе взятые. Между тем содержание таких писем может быть важным и представляет интерес для историка. Тогда возникает необходимость отыскания возможно более точных сведений об авторах этих писем.

В отношении писем перед исследователем стоят три первичные задачи: установление авторства письма (атрибуция), установление адресата, установление времени (датировка) написания, а во многих случаях — и получения адресатом данного письма.

Приемы, применяемые в разных конкретных случаях при отыскании ответов на эти вопросы, крайне многообразны. Укажем некоторые наиболее употребительные.

При обосновании авторства данного лица можно назвать три главных приема: 1) отыскание документальных доказательств написания этого письма данным автором (свидетельство автора; прямые указания на данного автора в других письмах); 2) идеологический анализ, проводимый при помощи «тематических параллелей», «текстовых сопоставлений»; 3) стилистический анализ, обращаемый к языковому материалу (лексика, характерные речевые обороты, выражения и пр.), в котором воплощены идеи письма. Пользуясь этими приемами следует быть крайне осторожным; сами по себе они не гарантируют прямых ошибок при атрибуции.

При установлении адресата письма первостепенную важность имеет анализ его имени, отчества, форм обращения, титулования, адреса на конверте (если конверт данного письма сохранился).

Установить время написания письма можно исходя из двух моментов: 1) письмо имеет точную дату; на конверте этого письма есть почтовый штемпель с точной датой его отправки; 2) письмо без даты или с неполной датой; конверта письма нет. В таком случае приходится прибегать к примерно точному датированию «от и до», т. е. устанавливать две возможные крайние даты.

Далее для датировки написания письма основанием служат само содержание, «внутренние признаки», реалии письма. Данные палеографического анализа (почерк, бумага, чернила, орудие письма — гусиное перо, металлическое перо, карандаш) могут иногда привести к существенным результатам при датировке. Лингвистические данные как подспорье при датировке представляются, по справедливому мнению С. А. Рейсера, пока еще при недостаточной разработке истории русского языка нового времени не вполне доказательными.

При работе с частной перепиской полезными могут быть знания по истории почты, ее учреждений, бытовой практики почтовой службы в России. Точные сведения о постепенном расширении сети почтово-телеграфной связи России, о видах корреспонденции и разных иных почтовых отправок, о системе оплаты таких отправок, сроках доставки их на разные расстояния и в разные края Российской империи помогают в решении многих вопросов, связанных с источниковедческим изучением эпистолярных памятников эпохи капитализма. Не следует пренебрегать и данными почтовой статистики.

Данные почтовой статистики содержат некоторый материал для ответа на вопрос о соотношении сохранившейся до нас частной переписки со всем объемом ведшейся тогда переписки. Устойчивая статистика почтовых отправлений велась в России с 1825 г.

С начала XX в. ширившееся распространение телефонной сети в столицах и крупных городах повлекло за собой некоторое сокращение эпистолярных текстов. Сократилась не только частная, но и служебная переписка — многие дела решались путем телефонных переговоров. В то же время развитие телефонной и телеграфной связи вызвало, особенно с начала XX в., появление новых видов источников, родственных письмам, в виде телеграмм и записей телефонных разговоров.

Необходимо разбираться в знаках (памятниках) почтового обращения Российской империи: 1) знаки почтовой оплаты — марки (они появились в России с 1858 г. и с той поры выпускались во всевозрастающем количестве, разной стоимости, разнообразных рисунков и расцветок); 2) почтовые штемпеля (датирующие, локализирующие, специальные, памятные, франкировочные). В отдельных случаях может быть необходимо обращение к почтовой документации, связанной с пересылкой корреспонденции.

Для изучения эпистолярных текстов существенны и все неавторские пометы и надписи, какие есть на самом письме и на конверте этого письма: отметки адресата или позднейшего владельца письма; пометы цензоров или чиновников, жандармов III Отделения; знаки и надписи архивариусов. Во многих случаях датировки и атрибуции писем крайне важен конверт изучаемого письма со всеми его элементами и признаками — форма, бумага, печатные типографские тексты и изображения на нем, все надписи на нем: адрес и имя адресата, иногда адрес, имя, звание отправителя.

В России существовала перлюстрация писем. Она была хорошо налажена и нередко давала в руки властей важные сведения. Опытные отправители писем, не говоря уже о профессиональных революционерах и конспираторах, знали о перлюстрации и принимали против нее контрмеры. Для этого они прибегали к условному языку, разным намекам, ко всяким ухищрениям.

Сохранившиеся сводки выписок из частных писем, составленные чиновниками, работавшими по перлюстрации, являются важными источниками для изучения эпистолярных текстов конца XIX — начала XX в. Таков, например «Обзор результатов перлюстрации писем по важнейшим событиям и явлениям государственной и общественной жизни России в 1903 году».

Далее необходимо знакомство с принятым у пишущих людей русского общества эпистолярным этикетом, с некоторыми довольно распространенными тогда навыками и формами в ведении частной переписки. Такие навыки и формы были постоянными в практике лиц, имевших обширную переписку. Эпистолярный этикет был строгим. Постоянные корреспонденты писем старались неукоснительно его выполнять. Титулатура адресов и обращений была разработана до тонкостей, ее старались не нарушать. Строго соблю-

давшиеся правила титулования соответствовали чинам «Табели о рангах». Эпистолярный этикет прочно держался и позднее. В одном из писем И. С. Тургенева, обращенном к его доброму знакомому Я. П. Полонскому в 1878 г., читаем: «Кстати — ты просто статский или действительный статский советник? Это я спрашиваю для адреса». Существовали устойчивые формулы подписи письма, проставления даты на нем.

Объем частной переписки некоторых деятелей был очень большим. До нас сохранились далеко не все письма даже самых известных и выдающихся деятелей. Из трех видов текстов — воспоминания, дневники, письма — наименьшее значение современники придавали письмам, их не хранили, уничтожали вскоре после прочтения. В глазах подавляющего большинства современников письма не являлись текстами для хранения. За всю свою жизнь М. Горький написал, видимо, около 20 000 писем, но выявлено только около 8000. Огромную переписку вел Л. Н. Толстой: в юбилейном Полном собрании его сочинений напечатано 8500 писем. Сохранилось около 12 000 писем М. М. Стасюлевича. Тщательно сберегавший свою корреспонденцию М. И. Семевский оставил потомству 22 тома переплетенных писем. Значительна частная переписка А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. И. Герцена, П. М. Третьякова, В. В. Стасова, Г. В. Плеханова.

Опубликование частных писем в дореволюционной России нередко встречало затруднения. После смерти того или другого деятеля его наследники (вдова, дети) часто противились публикации его писем. Бурные споры о желательности и неуместности печатания частной переписки шли в русской периодической печати в 80-х годах в связи с опубликованием писем И. С. Тургенева и И. Н. Крамского. В этих спорах участвовали Д. В. Аверкиев, Ф. И. Буслаев, С. А. Венгеров, А. Н. Пыпин. Решительно протестовал против печатания частных писем И. А. Гончаров.

Публикация частной переписки выдающихся исторических и культурных деятелей происходила в течение всего капиталистического периода истории России довольно оживленно, особенно начиная со второй половины 60-х—70-х годов XIX в. Письма в большом количестве печатались в «толстых» журналах, еще чаще в исторических журналах. В советское время эпистолярные памятники XIX — начала XX в. систематически печатались в журналах «Красный архив», «Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», «Былое», «Литературное наследство». Устойчивой традицией стало включение писательских писем во все значительные советские издания классиков отечественной литературы.

Специального выявления и учета опубликованных и находящихся в государственных хранилищах эпистолярных текстов не предпринималось. Сводных библиографических указателей опубликованных русских писем XIX — начала XX в. нет.

Часть четвертая

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась началом новой эпохи в жизни нашей страны. Строительство советского общества стало базироваться на знании и осознанном применении объективных закономерностей общественного развития. Создалась новая структура общества. Руководящей и направляющей силой в создании нового строя стала Коммунистическая партия, осуществляющая свое руководство строительством социализма и коммунизма на базе марксистско-ленинской теории через органы Советского государства и массовые организации трудящихся.

Советское общество складывалось и развивалось на подлинно демократической основе. Создание такого общества стало возможным благодаря привлечению к широкому историческому творчеству многомиллионных масс трудящихся всех наций и национальностей нашей страны.

Эти основные особенности общественного развития создали новые условия формирования письменных источников, обусловили специфику их появления, развития и содержания.

Коммунистическая партия стала правящей партией. Ее руководящая роль проявляется, в частности, в том, что решения ее высших органов (съездов, конференций пленумов ЦК) имеют директивный характер, лежат в основе законодательной и практической деятельности Советского государства, профсоюзов, комсомола и других массовых организаций трудящихся и их коллективов.

В советское время сохраняются почти все имевшиеся до этого основные виды источников. Однако в их содержании и направленности происходят серьезные изменения. Все они и прежде всего документы Коммунистической партии направлены на решение созидательных задач построения социализма и коммунизма. Усиление руководящей роли Коммунистической партии отмечено появлением совместных постановлений ЦК Коммунистической партии и Советского правительства.

Закономерности общественного развития вызвали зарождение новых групп и видов источников. Появился такой важный тип законодательных источников, как декрет, конституция. С хозяйственной и культурно-воспитательной функцией Советского государства связано появление материалов планирования (план ГОЭЛРО, пятилетние планы и т. п.) .

Повышение творческой активности советских людей в строительстве социализма и коммунизма вызвало к жизни такие невиданные до этого источники, как договоры о социалистическом соревновании, социалистические обязательства, дневники бригад коммунистического труда и др.

Значительно изменился и расширился круг творцов источников. В их создании стали принимать участие широкие массы трудящихся всех национальностей (материалы всенародных обсуждений важных законодательных актов и партийных документов, мемуары рабочих и крестьян, письма трудящихся, статьи рабселькоров).

В последние годы все более проявляется тенденция к расширению круга изучаемых историками источников советского периода. Начинают изучаться кинофотодокументы, вещественные памятники. Научно-техническая революция оказывает влияние и на источниковедение. Последнее теснее связывается как с родственными гуманитарными, так и с точными науками. Все чаще начинают применяться математические методы, используются ЭВМ, кибернетика.

Новые методы исследования несомненно плодотворно отразятся на расширении круга источников и их изучении. В то же время эти методы позволяют глубже и всесторонне использовать источники, особенно массового происхождения (например, различного рода переписи, анкетные материалы). Советские источниковеды начинают более глубоко разрабатывать методику изучения связи и взаимозависимости различных сторон и явлений в обществе. Появляется возможность говорить о научном изучении социальной структуры общества, социальной психологии и других проблем.

Глава 23

ДОКУМЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

§ 1. Значение документов КПСС как источника по истории советского общества и обзор их основных групп

Руководящая деятельность Коммунистической партии строится на все более полном и глубоком познании объективных социально-экономических закономерностей общественного развития, следовательно, в документах КПСС содержится осмысление этих закономерностей. Коммунистическая партия изучает общественную психологию, политические настроения, экономические, политические и духовные интересы классов и социальных групп советского общества, дает им научную характеристику и оценку с позиций передового класса, учитывает их в политике, стратегии и тактике. Историк, изучающий динамику социальной структуры и социаль-

ной психологии советского общества, не может обойтись без использования партийных документов в этой области исторического познания.

Велика и неопенима роль Коммунистической партии в идеологической жизни советского общества. Партия постепенно поднимает уровень повседневного сознания народных масс до уровня научного сознания авангарда. КПСС стоит во главе культурного строительства, научно-технической революции. Поэтому в партийных документах получают отражение все наиболее принципиальные вопросы развития культурно-исторического процесса.

Естественно, что ни один вопрос истории внутренней и внешней политики Советского правительства нельзя понять и изучить без серьезного анализа документов Коммунистической партии.

Увеличение роли, значимости документов КПСС в общем корпусе источников по истории советского общества обусловлено расширением нормативного, директивного характера партийных документов, усилением их воздействия на процесс формирования других видов и комплексов источников.

Особое место партийных документов среди материалов по истории советского общества определяется не только ролью и значением деятельности КПСС в строительстве социализма и коммунизма. Оно определяется также характером и степенью достоверности содержащихся в них сведений. Известно, что полнота информации источника, глубина анализа событий, о которых он повествует, достоверность содержащихся в нем сведений зависят от тех объективных и субъективных возможностей, которыми располагает автор, от степени его причастности к этим событиям, от его классовых, партийных позиций.

Документы Коммунистической партии в подавляющем большинстве являются результатом коллективного творчества: они разрабатываются, как правило, комиссиями, коллективами экспертов-специалистов, проходят стадии предварительных обсуждений и утверждаются одобрением большинства полномочного коллектива. Таким образом, уже в процессе создания этих документов осуществляется своеобразный анализ достоверности тех сведений, оценок и утверждений, которые в них содержатся. Партийные документы для историков советского общества служат важным критерием для проверки идейной направленности и достоверности других источников.

Партийные документы и материалы весьма многообразны по своему происхождению, назначению, содержанию, значимости и формам. Из существующих в литературе многочисленных их классификаций¹ наиболее рациональной, простой и логичной представляется следующая: 1) программы и уставы Коммунистической партии; 2) материалы партийных съездов и конференций; 3) доку-

¹ См.: *Черноморский М. Н.* О преподавании источниковедения истории КПСС. — Вопросы истории КПСС, 1962, № 6, с. 165—166; *Варшавчик М. А.* Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967, с. 36—58; *Смирнов И.* Большое и нужное дело. — Вопросы истории КПСС, 1962, № 5, с. 166.

менты центральных партийных органов; 4) документы местных партийных организаций; 5) документы партийных групп во внепартийных организациях и учреждениях.

Программы и уставы партии представляют собой определяющие документы всей партийно-политической и партийно-организационной деятельности союза единомышленников-коммунистов. В условиях социалистического общества программа правящей партии является программой созидательной деятельности всех трудящихся. Именно так была воспринята Программа построения социализма в нашей стране, принятая VIII съездом РКП(б), и Программа современного этапа коммунистического строительства, утвержденная XXII съездом КПСС. Отсюда следует, что программы нашей партии являются важнейшим источником для изучения истории советского общества, который свидетельствует о степени научного осознания целей и задач сознательной деятельности народных масс, о научном прогнозировании путей достижения этих целей, этапов и сроков их достижения. Изучение исторического опыта воплощения программных требований в жизнь дает возможность ретроспективных сопоставлений социально-экономических и культурных преобразований, намеченных в партийной программе, и своеобразия их конкретно-исторического претворения в практике коммунистического строительства.

Изучение программных документов Коммунистической партии важно и в том отношении, что они дают возможность сориентироваться в понимании принципиальной линии партийного и государственного руководства конкретными социально-экономическими и культурными процессами, развитием общественных организаций, государственного и хозяйственного аппарата управления. Так, например, в Программе, принятой VIII съездом РКП(б), были определены принципы отношения Советской власти к целому ряду социально-экономических явлений и институтов, унаследованных от старого общества: буржуазной кооперации, буржуазных специалистов, кулачества и т. д. Изучение истории переходного периода в жизни нашего общества, конкретных действий советских органов в отношении этих пережиточных явлений в области экономики и социальной структуры невозможно без знания исходных программных положений по этим вопросам. Незнание партийных источников и в первую очередь программных документов партии чаще всего приводит к методологическим ошибкам в работе с конкретно-историческим материалом.

Уставы партии являются документами, регулирующими внутреннюю жизнь партийных организаций; они составляют важнейший источник при изучении вопросов партийного строительства. Историк советского общества рассматривает уставы КПСС, принятые в них дополнения и изменения как документы, отражающие процесс демократизации общественных организаций в ходе социалистического строительства. При этом важно проследить, как коренные качественные изменения в экономике и социальной структуре советского общества влияли на совершенствование

политической надстройки. Уставы партии являются в этом отношении источником первостепенной важности.

Материалы партийных съездов и конференций — многообразная группа источников, дающая разностороннюю информацию по важнейшим вопросам жизни советского общества, подвергающимся глубокому анализу и обсуждению на широком партийном форуме. Основываясь на подсчетах М. А. Варшавчика по материалам VII—XXIII съездов партии¹, а также учитывая данные о XXIV—XXVI съездах КПСС, можно представить характер вопросов, обсуждаемых партийными съездами в условиях Советской власти, и сделать выводы об их значении для изучения истории СССР.

Всего на этих съездах было включено в повестки дня и рассмотрено 125 вопросов. Из них 47 были посвящены обсуждению отчетных докладов руководящих партийных центров, 22 — обсуждению различных вопросов хозяйственного строительства, 14 — отдельным вопросам внутренней и международной политики, 7 — вопросам руководства профессиональным и молодежным движением. Остальные 35 вопросов касались обсуждения различных сторон внутренней жизни партии, партийно-организационной, партийно-политической работы и прочих проблем, не вошедших в названные выше рубрики.

Заседания партийных съездов и конференций, начиная с VII съезда, стенографировались. Качество составления стенографических записей постоянно улучшалось. Сохранялась практика публикации стенографических отчетов после завершения работы съездов или конференций. Следует напомнить, что в ряде случаев эти первые публикации могли в связи со специальными указаниями съезда не полностью публиковать отдельные документы. Так, согласно решению X съезда, пункт 7 резолюции «О единстве партии» не публиковался. Решение о его публикации было принято в 1924 г. на XIII конференции РКП(б). В 1933—1935 гг. было предпринято переиздание протоколов съездов (включительно по XV съезду). С 1958 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) начал новое переиздание первоначальных публикаций, снабжая их хорошо разработанным научно-вспомогательным аппаратом и значительно расширяя состав публикуемых документов. Эти публикации включают полные тексты докладов, заслушанных на съездах, записи речей делегатов и приветствий гостей, резолюции, постановления, манифесты, обращения, заявления, а также протоколы комиссий, работавших на съезде по специальным вопросам, проекты резолюций и поправки к текстам проектов. Кроме того, в изданиях содержатся подготовительные документы съезда, списки делегатов и данные об их составе, а также материалы, поступившие в президиум съезда или конференции. Для исследователя современного этапа истории советского общества первостепен-

---

¹ См.: *Варшавчик М. А.* Предмет и задачи источниковедения истории КПСС, с. 62.

ный интерес представляют стенографические отчеты XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездов КПСС.

Особое значение имеют резолюции партийных съездов и конференций, как общие по отчетам Центрального Комитета, так и по отдельным вопросам повестки дня. В них содержатся партийная оценка исторической обстановки, в которой собрался очередной съезд, анализ имеющихся трудностей и противоречий в различных сферах жизни общества, итоги одержанных побед в реализации планов экономического и социального развития. Несомненный интерес для исследователя социально-экономической истории советского общества представляют директивы партийных съездов по составлению пятилетних планов развития народного хозяйства, в которых определяются основные направления и пропорции роста важнейших отраслей советской экономики, объем очередных социально-культурных задач, подлежащих решению в предстоящую пятилетку. Эта разновидность партийного документа представляет собой весьма важный и до некоторой степени уникальный источник наших знаний о том, как Коммунистическая партия направляет социалистическое планирование, исходя из научно обоснованной экономической стратегии и социальной политики.

Нередко изучение материалов съездов и конференций партии ограничивается изучением только основных докладов и резолюций, исходя из того, что остальные материалы и документы, входящие в стенографические отчеты или протоколы, представляют специфический интерес лишь для историков партии. Однако это далеко не так. Например, без изучения протоколов аграрной секции VIII съезда РКП(б) и кооперативной секции IX съезда РКП(б) нельзя понять всей сложности разрешения аграрно-крестьянского вопроса в нашей стране в переходный период, когда существовал целый ряд точек зрения по вопросам путей, форм, темпов и способов социалистического преобразования деревни, когда шел процесс поисков наиболее гибкой и принципиально правильной политики в отношении индивидуального крестьянского хозяйства, крестьянской кооперации, когда вся эта борьба идей и взглядов отражалась в практике социалистического строительства.

По анкетам делегатов съезда можно провести изучение социального состава партийного актива, определить показатели его политической и трудовой активности. Так, по спискам делегатов X съезда партии был точно установлен факт персонального участия делегатов в разгроме Кронштадтского мятежа: из 700 делегатов съезда около 300 были командированы на борьбу против мятежников.

Главная ценность такого вида источников, каким являются стенографические отчеты о заседаниях высших органов Коммунистической партии, состоит в том, что этот единый комплекс документов дает полную картину не только состояния и характера деятельности на данном историческом этапе самой партии, но и картину экономической и политической жизни того общества, в котором она действует, причем картину, нарисованную в большинст-

ве случаев наиболее активными и сознательными участниками движения, проанализированную и оцененную в коллективных решениях с тех классовых, партийных позиций, которые отвечают исходным методологическим и теоретическим позициям советских историков. В этом отношении к оценке значения материалов партийных съездов послеоктябрьской эпохи может быть отнесено высказывание В. И. Ленина: «Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения...»¹

Документы центральных партийных органов по своему содержанию и по характеру использования примыкают к материалам съездов и конференций. В периоды между съездами, являющимися верховными органами Коммунистической партии, все руководящие функции сосредоточиваются в Центральном Комитете КПСС — главном штабе политического и организационного руководства, центре коллективной мысли партии, главной руководящей коллегии в системе социалистического государства.

Наиболее полными публикациями материалов, отражающих деятельность Центрального Комитета партии, являются протоколы и стенографические отчеты пленумов. Публикаций такого рода пока еще немного. Неоценимое значение для изучения истории подготовки Великой Октябрьской социалистической революции, истории разработки плана и определения сроков вооруженного восстания имеет публикация протоколов заседаний ЦК партии большевиков в период после окончания двоевластия и до утверждения Советской власти на территории России.

Протоколы и стенографические отчеты пленумов ЦК партии хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма. После XX съезда КПСС опубликован ряд стенографических отчетов пленумов, что безусловно облегчает работу с этими документами. Как правило, публикуются информационные сообщения о пленумах ЦК. Более значительной является практика публикации докладов и резолюций, постановлений пленумов. Документы руководящих органов партии представлены также постановлениями Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК.

Большинство постановлений Центрального Комитета партии опубликовано как в специальной партийной периодике (см.: «Известия ЦК РКП(б)», «Партийное строительство», «Партийная жизнь»), так и в сводных официальных изданиях («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС». 8-е изд. М., 1970 — 1980), а также в «Справочниках партийного работника». В «Справочниках» публикуется почти весь директивный материал, исходящий из основных руководящих коллегий на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 189.

шей партии и Советского государства. При этом, открываясь постановлениями пленумов Центрального Комитета, происходившими в истекшем году, «Справочник» имеет такие стабильные разделы, по которым группируются постановления, обращения, заявления и другие виды документов центральных органов партии и Советского правительства: вопросы руководства народным хозяйством; вопросы повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся; вопросы пропаганды, агитации, культуры и науки; вопросы советского строительства и укрепления социалистической законности; вопросы работы профсоюзов и др.

Для историков советского общества большое значение имеют постановления и тезисы Центрального Комитета партии, посвященные юбилейным историческим датам, в которых историко-революционные события освещаются в тесной связи с современностью, советский исторический опыт получает актуальное политическое звучание. В последнее двадцатилетие источниковая база обогатилась такими партийными документами, как Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и Постановление ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», Тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» и постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

Помимо основных документов директивного характера существует большое количество материалов, отражающих повседневную деятельность Центрального Комитета, его Политического и Организационного бюро, Президиума, Секретариата. Так, например, при изучении истории Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет Советской власти неocenимое значение имеет издаваемая серия переписки Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, в которой получили отражение многочисленные особенности революционного кризиса, проявившегося на местах в своеобразных формах, и с позиций коммунистической партийности дается оценка политических настроений различных социальных слоев населения.

С точки зрения изучения сущности партийного критического анализа итогов проделанной работы, выяснения причин тех или иных недостатков, а также для изучения работы по совершенствованию советского государственного аппарата и укреплению государственной дисциплины особый интерес представляют документы высших органов партийно-государственного контроля — ЦКК—РКИ (1923—1934).

Большую помощь исследователю истории советского общества оказывают издания тематических сборников партийных документов, которые отбираются специалистами, публикуются с комментариями и позволяют проследить развитие партийной политики и практики, ее воздействие на процессы, происходящие в советском обществе (например: В. И. Ленин и КПСС о социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Сб. док. М., 1971; Ленинская

Можно было бы продолжить обзор многочисленных разнообразных партийных документов, отражающих работу центральных органов нашей партии. Но даже то, что уже сказано по этому вопросу, свидетельствует о необходимости самого тщательного их изучения и использования в разработке истории советского общества.

Этот вывод относится и к партийным документам, которые создаются местными партийными организациями, а также партийными группами во внепартийных организациях и учреждениях (партийными организациями в Советах, профсоюзах, кооперации и в других массовых общественных организациях). Но если документы центральных партийных органов носят преимущественно директивный характер, то источники, исходящие от местных организаций, исполнительские. Однако ни в том, ни в другом случае это деление не может быть признано абсолютным.

В настоящее время мы можем говорить о широко развернувшейся публикации документов и материалов местных партийных организаций, носящих главным образом тематический характер. Основные публикации этого плана относятся к таким темам, как подготовка и победа Октябрьской революции на местах, осуществление индустриализации, коллективизации, культурной революции.

Работающему с документами местных партийных организаций необходимо знать, что в аппарате ЦК партии с середины 20-х годов был создан информационный отдел, в который стекалась обширная информация с мест. Местные комитеты партии (начиная с ЦК компартий союзных республик до окружкомов включительно) направляли сюда протоколы конференций, пленумов и президиумов, а также специальные информационные отчеты. Центральный Комитет установил схему этой периодической отчетности, которая включала, в частности, такие важные для изучения истории советского общества вопросы, как освещение политического и хозяйственного состояния соответствующего административного района, состояние работы среди женщин и молодежи, профсоюзной работы, советского и кооперативного строительства.

Фонд информационного отдела ЦК КПСС в ЦПА ИМЛ (ф. 17) свидетельствует о том, что такой вид информации снизу, постоянно совершенствуясь, оставался регулярным. Это предоставляет уникальную возможность для изучения многочисленных и разнообразных документов о работе множества местных партийных организаций почти всех степеней (за исключением районных и первичных, фонды которых находятся в местных партийных архивах).

Первостепенная значимость и высокая степень достоверности партийных документов как источников по истории советского общества вовсе не исключают применения к ним в процессе исследовательской работы всех тех приемов научного анализа, которые рекомендуются источниковедением.

Источниковедческий анализ документа определенной эпохи предполагает во всех без исключения случаях метод познания, подчиняющийся законам материалистической диалектики. Плодотворность, научная результативность этого анализа может быть достигнута только тогда, когда источник изучается не изолированно, а как составная часть всей совокупности источников, отражающих данный период исторического развития общества во всех его проявлениях; когда источник рассматривается как отражение динамики развития определенного конкретно-исторического процесса или явления, так как он несет в себе частицу отраженного исторического динамизма; когда источник анализируется с позиций закона единства и борьбы противоположных тенденций исторического прогресса, как несущий в себе отражение объективно существующих противоречий развития общества.

Этот общий подход к познанию исторического источника порождает ряд конкретных методик работы с тем или иным типом документов. Однако все эти методики в той или иной степени направлены к наиболее полному раскрытию происхождения данного источника, классовой, партийной позиции его создателя, к определению его достоверности, фактической и научной ценности.

В работе с партийными документами, как и при изучении других источников, следует исходить прежде всего из принципа историзма. Необходимо не только знать, в каких исторических условиях создавался документ, но и выяснить, каковы были на данном этапе стратегия и тактика, экономическая, социальная и культурная политика Коммунистической партии. Недооценка такого подхода может привести к серьезным ошибкам в толковании смысла и значения определенных документов. Чрезвычайно осторожно следует проводить исторические аналогии на основе документов, сходных по внешней стороне содержания. Так, например, решение октябрьского Пленума ЦК РКП(б) 1925 г. об организации бедноты или постановление 1929 г. по этому же вопросу можно сравнивать путем выявления особенностей постановки этих задач в условиях, когда еще оставались непреодоленными некоторые пережитки «военного коммунизма» в отношении среднего крестьянства, и в условиях, когда готовилось решительное наступление на кулачество. Однако и в том, и в другом случае эти документы отражали третий стратегический лозунг партии по крестьянскому вопросу. Но отождествление в подходе к изучению этих документов по содержанию с известным декретом об организации комитетов бедноты от 11 июня 1918 г. явилось бы неверным, ибо в декрете задача организации бедноты трактуется в своеобразных условиях развертывания социалистической революции в деревне, когда середняк фактически еще не являлся союзником рабочего класса и беднейшего крестьянства, переживая период колебания в сторону деревенской буржуазии, а партия проводила политику нейтрализации

крестьянства, т. е. руководствовалась вторым стратегическим лозунгом¹.

Текстологический анализ проекта декрета «Об организации бедноты», над которым работал В. И. Ленин, и окончательного текста этого документа, отредактированного В. И. Лениным, убеждает, что ленинская редакция была направлена на проведение четкой грани между кулаками, ведущими эксплуататорское хозяйство, и середняками, прибегающими к наемному труду в хозяйствах, не превышающих потребительской нормы. На этой основе был отредактирован пункт декрета о тех, кто имел право избирать и быть избранным в комитет бедноты. Средняки, как трудящиеся крестьяне, это право получали, кулаки его лишались².

Таким образом, то, что в документах с 1925 по 1929 г. само собой разумелось (союз с середняком), в документах первой половины 1918 г. вводилось как принципиальная позиция, вопреки распространенной практике, отстраняющей середняка от комбедов в силу его политических колебаний. Однако Коммунистическая партия, исходя из анализа коренных интересов трудового крестьянства видела временный характер этих колебаний и ориентировала массы бедноты по отношению к среднему крестьянству как к потенциальному союзнику. Научная обоснованность и правота этой позиции, как известно, подтвердились уже осенью 1918 г.

Принцип историзма требует брать партийные документы не только во взаимосвязи с той обстановкой, потребностями которой они порождены, не только в зависимости от той принципиальной позиции, которую занимает партия на этом этапе в политике, но и в рассмотрении каждого анализируемого источника как одного из звеньев в едином процессе развития взглядов Коммунистической партии, ее теории, идеологии и политики на основе обобщения новой общественной практики, нового исторического опыта.

В этой связи можно рассмотреть серию партийных документов, трактующих вопрос об отношении пролетарского государства к крестьянской торговой кооперации, которая существовала как до Октябрьской революции, так и на всем протяжении переходного периода. Исходную методологическую позицию для изучения истории крестьянской кооперации в условиях Советской власти дает Программа партии, принятая VIII съездом РКП(б), в которой говорится о поддержке сельскохозяйственной кооперации Советским государством, о сохранении и дальнейшем развитии кооперативного аппарата. Однако практика развития крестьянской кооперации в условиях гражданской войны нередко приводила к национализации кооперативов, была связана со свертыванием ее снабженческо-сбытовых функций и товарно-денежных отношений. В марте 1921 г. В. И. Ленин отмечал, что в отношении к кооперации прог-

---

¹ Сопоставление партийных решений с законодательными актами (декретами) обусловлено некоторыми чрезвычайными особенностями первых декретов. В циркулярных письмах Секретариата ЦК местным организациям предлагалось рассматривать декреты как партийную директиву.

² См.: Ленинский сборник XVIII, с. 111.

граммные требования исполнились недостаточно, «частью по ошибке, частью по военной нужде»¹.

Эту историческую связь необходимо учитывать при анализе документов ряда местных партийных организаций, которые в практике своей работы имели тенденцию к «огосударствлению» кооперации. Эта тенденция получила отражение в материалах кооперативной комиссии IX съезда РКП(б), в частности в тезисах заведующего кооперативным отделом ВСНХ В. П. Милютина, в которых предлагалось «кооперацию включить в состав волисполкомов», а центральные органы ее подчинить ВСНХ и Наркомзему.

Партийный съезд признал эту точку зрения противоречащей Программе РКП(б). На пленарном заседании съезда В. И. Ленин дал развернутую критику подобных позиций². Однако в условиях «военного коммунизма» партийная тактика проведения в жизнь программных требований в отношении кооперации должна была учитывать особенность исторической обстановки. Отстаивая в принципе право кооперации на самостоятельное существование, разоблачая попытки ее ликвидации, партия признавала неизбежность в условиях продразверстки временное организационное подчинение аппарата кооперации государственным распределительным органам Наркомпрода. В связи с этим резолюция IX съезда РКП(б) о кооперации была построена целиком на признании принципа разверстки. Абстрагирование и абсолютизация этого партийного документа при изучении истории кооперативного строительства в условиях Советской власти могут привести к ошибочным выводам и обобщениям, тем более что X съезд партии, по предложению В. И. Ленина, в связи с переходом от продразверстки к продналогу счел необходимым отменить резолюцию IX съезда о кооперации.

В приведенном примере налицо логическая критика источника: партийное решение (резолюция IX съезда партии о кооперации), принятое весной 1920 г., не может характеризовать партийное руководство кооперативным строительством в 1921 г. Только рассмотрение резолюции IX съезда в комплексе с другими партийными решениями по кооперативному вопросу, сопоставление содержания данного источника с логикой развития исторических событий могут предотвратить ошибку, возможную в практической работе с этим документом.

Важнейшим требованием методологии познания общественных явлений и процессов, а также изучения источников, их отражающих, является позиция классового подхода, принцип коммунистической партийности. «...Ни один живой человек, — писал В. И. Ленин, — *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неуда-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 64.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 276.

чи...»¹ Понятно, что даже стихийная классовая интуиция находит отражение в письменных исторических источниках, что необходимо учитывать при их изучении. В документах Коммунистической партии классовая позиция находит свое концентрированное выражение. При работе с ними необходимо выявлять конкретные формы проявления этой партийности. Конечно, практическое осуществление научно-классового подхода в анализе партийных документов как исторических источников — дело сложное. Так, для установления соответствия классовых, партийных позиций авторов отдельных проектов тех или иных резолюций и постановлений генеральной линии партии необходимо изучить те дополнения и поправки, которые вносились в партийные решения. Особенно важен тщательный классовый анализ материалов тех съездов и конференций нашей партии, на которых шла острая внутрипартийная борьба, тех официальных отчетов и докладов, которые делались представителями оппозиции. Работая с этими материалами, следует четко ограничивать правильные классовые партийные позиции от оппортунистических.

Критический анализ содержания документов, вошедших в официальные партийные издания, особенно важен и вместе с тем труден, когда исследователь имеет дело не с открытой оппортунистической правой оппозицией, а с демагогическим прикрытием не-пролетарских, мелкобуржуазных взглядов. Таковы выступления лидеров троцкистов, «левых коммунистов», «рабочей оппозиции», «децистов», проекты резолюций, которые они выдвигали, поправки, вносимые ими к текстам партийных решений. Нередко оппортунизм рядится в тогу партийности, подчеркивает в своих платформах, рассчитанных на завоевание поддержки масс, свою классовую правоту. Такие документы надо брать в сопоставлении с более откровенными отражениями истинных классовых позиций; как говорил В. И. Ленин, надо доискиваться их классовой реальности², показывать, что классовая борьба признается ревизионистами «только губами, не проходя действительно ни в голову, ни в сердце...»³.

В интерпретации содержания источника рельефнее всего выявляется подход, партийная позиция историка. Эта та область источниковедения, которая непосредственно примыкает к историографии. Здесь речь идет еще не о концепции, а об определении главного содержательного смысла данного анализируемого источника. Именно в этой сфере, в этой форме, в конечном итоге проявляется классовая, партийная позиция исследователя-источниковеда. Известно немало фактов различного смыслового толкования одних и тех же источников, причем изучение причин этих явлений в конечном счете приводит к выводу о нарушении позиции классового подхода

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 547—548.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 110.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 436.

к их анализу. Гносеологические ошибки в таких случаях носят, как правило, подчиненный характер. Умолчание какой-то части документа, интерпретирование одной из его сторон, абстрагирование документа из исторической связи, в которой он только и может быть правильно понят, — эти и другие приемы широко используются для преднамеренной фальсификации документов Коммунистической партии нашими идейными противниками.

Из сказанного следует, что историк не может познать сложные процессы экономического, социального, политического и духовного развития советского народа без серьезного изучения документов Коммунистической партии. Эти источники имеют методологический характер, четко и научно обоснованно определяя теоретические, классовые позиции исследователя. В то же время они несут в себе большую фактическую информацию, давая в руки исследователя конкретно-исторический материал, отобранный самой жизнью, коллективным опытом, обобщенный коллективной мудростью авангарда советского народа — Коммунистической партией.

Глава 24

АКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Значение и особенности законодательных материалов

Материалы законодательства показывают основные этапы в развитии Советского государства, раскрывают его подлинно демократические принципы. Законы являются главным источником для изучения многогранной деятельности государственных органов. Законодательные акты составляют правовую основу советского общества и государства. В законах выражается воля господствующих классов, получает реальное воплощение их политический курс. Законы устанавливают те правила («нормы»), которым должны следовать органы и учреждения государства, общественные организации, а также отдельные лица.

Документы исполнительных органов Советской власти показывают, какими методами и средствами претворяется в жизнь политическая линия, сформулированная в законодательных актах. Значение и роль закона не могут быть поняты в отрыве от постановлений по его применению.

Эффективное использование законодательных актов в историческом исследовании возможно при учете специфики и особенностей отдельных их разновидностей.

Развитие демократии социалистического общества определяет изменения в характере, направленности, в содержании и форме законодательных актов. В переходный период при наличии остатков эксплуататорских классов Советская власть ставила своей зада-

чей ограничение роста капиталистических элементов, а затем и их решительное вытеснение и ликвидацию. В период завершения строительства социализма и особенно при переходе к коммунистическому строительству отсутствуют эксплуататорские классы, но сохраняются классовые различия внутри страны. Классовая направленность законодательства видоизменяется. Отпадает необходимость в ряде ограничений социалистической демократии, характерных для переходного периода. Государственное принуждение направлено уже не против классов или прослоек в обществе, а против отдельных лиц. Сферой законодательства становятся преимущественно хозяйственные и культурно-воспитательные проблемы, дальнейшее развитие социалистической демократии.

Демократический характер актов Советской власти проявляется и в форме изложения. Капиталистические государства стараются завуалировать классовую сущность законов и постановлений, направленных на укрепление господства эксплуататорских классов. Советское государство не скрывает классовой сущности своей деятельности, реализуемой соответствующими актами и решениями. Открыто заявленной классовой направленности соответствуют ясность изложения и стиль советских законов. Благодаря этому законодательные акты успешно выполняют свои воспитательные функции.

Важнейшие задачи общественного развития в нашей стране ставятся по инициативе Коммунистической партии и формулируются в решениях ее высших органов. Акты органов Советской власти воплощают в себе основные вопросы программы социалистического и коммунистического строительства, выработанные Коммунистической партией. Законодательство является, таким образом, средством претворения в жизнь решений КПСС. Разумеется, мероприятия Коммунистической партии не всегда нуждаются в законодательном оформлении. Директивы высших органов КПСС могут реализовываться исполнительными органами власти как в виде собственных постановлений, так и в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

§ 2. Основные разновидности законодательных актов и нормативных постановлений Советской власти

Развитие Советского государства тесно связано с общим ходом социалистического строительства. Выделяются три основных периода: первый — переходный от капитализма к социализму (до середины 30-х годов), второй — до полной и окончательной победы социализма и третий — период развитого социализма. Внутри этих периодов имеются этапы, отличающиеся качественными преобразованиями в государственном строе (например, образование СССР) или изменениями в методах государственной деятельности (например, в период гражданской и Великой Отечественной войн).

При исследовании законодательства различных периодов истории советского общества особое внимание следует обратить на изменения в структуре высших органов государственной власти, которые осуществляли законодательную деятельность. Напомним, что законодательные акты первых лет Советской власти принимались Всероссийскими съездами Советов, ВЦИК и СНК РСФСР. С победой Советской власти на территории бывших окраин Российской империи складывалось собственное законодательство в виде актов съездов Советов, ЦИК республик и их правительств. По Конституции 1924 г. законодательную деятельность осуществляли съезды Советов СССР, ЦИК и Президиум ЦИК СССР, СНК СССР и соответствующие высшие органы союзных и автономных республик. На основе Конституции 1936 г. законы принимались Верховным Советом СССР (соответственно — Верховными Советами союзных и автономных республик) или в результате референдума. Нормативные акты всех других органов власти носят так называемый подзаконный характер, т. е. они издаются на основе и во исполнение законов. Этот порядок законодательной деятельности сохраняется и по Конституции 1977 г.

Отмеченные периоды и особенно более узкие этапы истории развития советского законодательства характеризуются своеобразием в осуществлении законодательной инициативы, в порядке обсуждения и разработки законодательных актов, их опубликования. Так, в первые месяцы существования Советской власти законодательные акты принимались военно-революционными комитетами, Высшим Советом Народного Хозяйства и даже его отделами.

Основные разновидности законодательных актов (конституции, законы, кодексы) присущи каждому из периодов развития советского общества. Их назначение и форма остаются в основном прежними, а содержание подвергается значительным изменениям. Каждый из периодов в развитии советского законодательства имеет и известные отличия в составе актов. Декреты характерны главным образом для первых лет Советской власти. Постановления, резолюции и решения всесоюзных, всероссийских и других съездов Советов обусловлены существованием названных органов государственной власти.

До середины 30-х годов имела место множественность в наименовании законодательных актов — декрет, постановление, резолюция. С принятием Конституции СССР 1936 г. было введено единое наименование — «закон». Для документов исполнительной власти сохранены названия «постановление» и «распоряжение». Тем самым с момента построения социализма в СССР и его законодательного оформления происходит известная унификация в области законодательных актов и их терминологии.

Разновидности актов имеют свои отличительные признаки в структуре и форме, обусловленные во многом их назначением. Основные группы, разновидности актовых материалов характерны для законодательства всех союзных и автономных республик.

Декреты (от латин. *decretum* — постановление, решение) были первыми законодательными актами Советской власти. Строительство правовой надстройки опиралось на использование опыта народных масс в создании нового общества. Задача Советской власти заключалась в провозглашении принципов своей деятельности и в объединении усилий трудящихся на осуществление этих принципов.

Первые декреты — конкретная реализация, правовое воплощение программных требований большевистской партии, ряда партийных решений 1917 г., требований трудящихся масс, сформулированных в виде многочисленных наказов, резолюций, постановлений, заявлений съездов и собраний рабочих, крестьян и солдат. Ярким примером является Декрет о земле, в текст которого вошел «Примерный наказ», составленный на основе 242 крестьянских наказов, привезенных на I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов в мае 1917 г.

В. И. Ленин подчеркивал агитационное и организующее значение декретов Советской власти¹. Он называл декреты инструкциями, зовущими «к массовому практическому делу»².

Проведение декретов в жизнь возлагалось на народные массы, поэтому содержание их должно было быть изложено популярно. В. И. Ленин указывал на необходимость иметь в декрете «популярнейшее введение»³. Такая преамбула, обстоятельно объясняющая причину и характер мер в отношении контрреволюционной печати разных оттенков, содержалась, например, в декрете Совнаркома «О печати» (27 октября 1917 г.). В тех случаях, когда причины издания декрета были достаточно ясны трудящимся, вводная часть сокращалась до минимума.

Агитационно-пропагандистские функции первых декретов обусловили своеобразие практики их публикации. Они нередко издавались в виде листовок, прокламаций, специальных брошюр.

В первые месяцы Советской власти не было выработано четкой терминологии. Законодательные акты, являющиеся по их значению декретами, именовались постановлением. Например, декрет Совнаркома о национализации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры от 17 ноября 1917 г. был назван постановлением. В то же время в некоторых случаях акты о назначении на должность именовались декретами. Декреты первых лет Советской власти можно рассматривать как собирательное наименование всех важнейших законодательных актов высших органов Советского государства: резолюций, воззваний, постановлений, деклараций ВРК, съездов Советов, ВЦИК, СНК, Совета Труда и Обороны.

Конституция (от латинского *constitutio* — устройство) формулирует основные принципы общественного и государствен-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 111.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 199.

³ Ленинский сборник XVIII, с. 151; см. там же, с. 91.

ного устройства, характеризует социально-экономическую и политическую основу общества и государства.

Конституции дают наиболее обобщенную, концентрированную информацию об отдельных исторических этапах развития советского общества. При этом Конституции, с одной стороны, подводят итог предшествующего развития, в определенных правовых нормах формулируют достижения трудящихся, а с другой — выступают как орудие дальнейшего социального прогресса, как определенная программа действий. Эти черты конституций следует учитывать при использовании их как исторических источников.

Исторические условия разработки, цели принятия отдельных конституций обуславливают особенности содержания, структуры каждой конституции.

Первая советская конституция — Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов, законодательно закрепила завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Конституция 1918 г. обобщила опыт предшествующей законодательной деятельности Советского государства; в ее текст был включен важнейший законодательный акт «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Конституция подводила итоги борьбы трудящихся масс за революционное переустройство общества. Подчеркивая эти особенности, В. И. Ленин говорил: «Мы знаем, что эта Советская конституция, которая в июле утверждена, что она не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций, как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире»¹.

Конституция 1918 г. соответствовала особенностям переходного периода от капитализма к социализму и отразила эти особенности во многих своих статьях и положениях. Так, Конституция закрепила диктатуру пролетариата как полновластие трудящихся во главе с рабочим классом. Эксплуататоры были отстранены от участия в органах государственной власти и управления. Избирательное право предоставлялось только лицам, занятым производительным, общественно полезным трудом, не использующим наемный труд, и солдатам армии и флота. Конституция обеспечивала преимущественные права рабочих в ходе выборов в Советы путем неравных норм представительства от городского и сельского населения. Особенности эпохи нашли отражение в провозглашении таких принципов, как всеобщая трудовая повинность, признание труда обязанностью всех граждан, предоставление почетного права защищать революцию с оружием в руках только трудящимся и т. д.

Конституция РСФСР послужила основой разработки Конституций Украинской ССР, Белорусской ССР и ЗСФСР.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 147.

После окончания гражданской войны и завершения первых шагов государственного строительства в пределах национальных республик встал вопрос о принципах взаимоотношений и объединения советских республик. Первоначально создание союза предполагалось на основе «автономизации», т. е. включения советских республик в РСФСР на началах автономии. В. И. Ленин показал опасность претворения в жизнь принципов «автономизации» и выдвинул идею объединения всех советских республик на началах полного равноправия в новое государство — Союз Советских Социалистических Республик¹. В. И. Ленин выдвинул и другие важные предложения по гарантиям равноправия союзных республик: о праве выхода союзной республики, о создании двухпалатного ЦИК с несколькими председателями.

Ленинские идеи получили отражение в «Декларации об образовании СССР» и в «Договоре об образовании СССР», принятых на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г. Оба эти документа с изменениями и дополнениями легли в основу и составляют два основных раздела Конституции СССР 1924 г.

Конституция СССР 1924 г. законодательно закрепила принципы добровольности и равноправия объединения республик в новое союзное государство, гарантии суверенных прав союзных республик. Конституция определяла структуру высших органов общесоюзной власти и управления, их компетенцию. Конституция 1924 г. рассматривала только вопросы национально-государственного устройства нового союзного государства и не касалась вопросов определения основ политического и экономического строя, прав и обязанностей граждан. В этом ее основная особенность.

Успешное проведение индустриализации и коллективизации, ликвидация эксплуататорских классов потребовали принятия новой Конституции. В соответствии с решением февральского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП(б) VII Всесоюзный съезд Советов принял постановление о подготовке проекта новой Конституции. Предлагалось уточнить определение социально-экономической основы общества «в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР». 5 декабря 1936 г. VIII Всесоюзный съезд Советов утвердил новую Конституцию СССР, состоявшую из 146 статей, разделенных на 13 глав. Конституция 1936 г. законодательно закрепила построение основ социализма в СССР. Это нашло отражение в соответствующих характеристиках политической и экономической основы Советского государства, социальной структуры общества. Победа социализма обусловила дальнейшую демократизацию общественно-политической жизни страны. Были внесены существенные изменения в избирательную систему: провозглашалось и гарантировалось всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Впервые в Конституции была выделена глава «Основные права и обязанности граждан». Значительно расширив основные

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 211—213.

права, прежде всего право на труд, отдых, образование, Конституция устранила ограничения в правах и сформулировала материальные их гарантии.

Закрепленные в Конституции 1936 г. устои социализма законодательно обеспечивали последующую созидательную деятельность советских людей по построению развитого социалистического общества.

На основе Конституции 1936 г. были утверждены новые конституции союзных и автономных республик.

Конституция СССР 1936 г. подвергалась многим изменениям и дополнениям, особенно в главах, касающихся государственного устройства, высших органов государственной власти и управления. Все это требовало разработки, как указывалось в решениях XXIV и XXV съездов КПСС, новой Конституции.

7 октября 1977 г. внеочередная седьмая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва утвердила новую Конституцию СССР, которая состоит из преамбулы, 9 разделов, 21 главы и 174 статей.

Новая Конституция закрепила построение развитого социалистического общества. Многообразные изменения, происшедшие в нашей стране за последние 40 лет: создание высокоразвитых производительных сил, безраздельное господство социалистической собственности, увеличение социальной однородности советского общества, образование новой исторической общности — советского народа и т. д. — обусловили существенное изменение многих основных положений Конституции, появление новых разделов, глав и статей.

Важнейшей особенностью новой Конституции является законодательное оформление на уровне Основного Закона положений и принципов, которые до этого были предметом отдельных законодательных актов или осуществлялись в силу традиции. Это привело к значительному расширению текста Конституции и к изменению структуры. Во-первых, текст Конституции был разбит на разделы, что позволяет систематизировать конституционные положения. В заглавия разделов были введены новые понятия, до этого не рассматривавшиеся в Конституции: арбитраж, гимн. Во-вторых, появились новые главы. Включение в Конституцию таких глав, как «Внешняя политика», «Народный депутат», позволило не только в конституционном порядке обобщить важнейшие принципы советского законодательства сформулированные в ранее принятых актах («Декрет о мире», «Закон о защите мира», «Закон о статусе депутатов»), но и развить их с учетом директивных документов КПСС и современного исторического этапа. Наконец, в Конституцию вошло множество новых статей, законодательно фиксирующих те существенные социально-экономические и социально-политические сдвиги, которые произошли в нашем обществе. К их числу относятся статьи о КПСС как руководящей и направляющей силе советского общества, ядре его политической системы; о роли трудовых коллективов в обсужде-

нии и решении государственных и общественных дел; об охране окружающей среды и т. д. Существенно расширены статьи, раскрывающие права советских граждан. В настоящей Конституции они составляют раздел «Государство и личность», включающий главы «Гражданство СССР. Равноправие граждан» и «Основные права, свободы и обязанности граждан». В Конституции 1977 г. расширены права советских граждан и усилены их материальные гарантии.

Конституции как разновидность советских законодательных актов являются формой не только союзного, но и республиканского законодательства. Каждая союзная и автономная республика имеет свою Конституцию. Единство принципов общественного и государственного строя всех советских республик обуславливает большое сходство и даже текстуальное совпадение их основных законов. Вместе с тем конституции союзных и автономных республик имеют немало различий по сравнению с Конституцией СССР и друг с другом. Так, в конституциях ряда союзных и автономных республик, разработанных в 1937 г., подчеркивалось, что Советы депутатов трудящихся выросли и окрепли в результате свержения власти помещиков и капиталистов, завоевания диктатуры пролетариата, а также освобождения народов республики «от национального гнета царизма и русской империалистической буржуазии и разгрома националистической контрреволюции» (Конституции Азербайджанской, Армянской союзных республик; Башкирской, Татарской автономных республик). В ряде конституций отмечалось, что социалистическая система хозяйства утвердилась в процессе ликвидации капиталистической и феодальной систем (Конституции Таджикской, Казахской, Киргизской, Узбекской и Туркменской союзных республик).

Сохраняют известные особенности в содержании и структуре конституции союзных и автономных республик, принятые в 1978 г. В отличие от Конституции СССР основные Законы республик имеют специальные главы о бюджете. В этих конституциях они вместе с новой главой «Государственный план экономического и социального развития» выделены в самостоятельный раздел. В то же время вопросы внешней политики и защиты Отечества в конституциях союзных республик объединены в одну главу «Внешнеполитическая деятельность и защита социалистического Отечества». В конституциях ряда республик устанавливаются дополнительные гарантии равноправия женщин с мужчинами (Конституция Казахской ССР); имеются особые статьи о государственном языке (Конституции Азербайджанской ССР, Грузинской ССР). Конституции республик подробно раскрывают те вопросы, которые подлежат их ведению.

Основной и наиболее распространенной разновидностью законодательных актов в системе советского законодательства после принятия Конституции 1936 г. стали законы. В форме закона рассматриваются прежде всего вопросы, правовое регулирование которых Верховный Совет СССР принимает полностью к своей

компетенции и решает их с исчерпывающей полнотой. В качестве примеров можно назвать Закон СССР о всеобщей воинской обязанности (1967), Закон СССР о народном контроле в СССР (1979), Закон СССР об охране и использовании животного мира (1980).

Законы могут развивать отдельные положения соответствующих «Основ законодательства» и в силу этого сохраняются как самостоятельные акты. Например, кроме Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, принятых в 1970 г., действует Закон СССР 1956 г. «О государственных пенсиях». Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик дополняют и развивают Закон об уголовной ответственности за государственные преступления и Закон об уголовной ответственности за воинские преступления.

Наконец, закон является такой формой законодательного акта, которая вводит в действие другие нормативы. Так, Основы законодательства о здравоохранении были утверждены законом СССР от 19 декабря 1969 г. Был принят специальный закон «О порядке введения в действие Конституции (Основного Закона) СССР» 1977 г. Соответствующими законами Верховного Совета СССР и Верховных Советов республик утверждаются пятилетние и годовые планы развития народного хозяйства и бюджеты.

Законы, касающиеся вопросов развития и изменения Конституции, приняты именовать конституционными. В отличие от обыкновенного конституционный закон требует для своего принятия квалифицированного большинства, т. е. не менее $\frac{2}{3}$ голосов палат Верховного Совета СССР.

По мере развития правовой надстройки и накопления действующего законодательства появляется необходимость в систематизации законов в определенных сферах жизни общества. Систематизация законодательства может производиться в форме инкорпорации, т. е. объединения законодательных актов без их изменения по хронологическому, алфавитному, тематическому или другому признаку. В случае кодификации законодательные акты объединяются в единое, внутренне согласованное целое, охватывающее определенную область общественно-правовых отношений. При этом ликвидируются пробелы в законодательстве, устраняются противоречия, заменяются устаревшие положения. Появляется новый по существу и форме законодательный акт — кодекс (от латинского *codex* — книга). Как источник кодексы дают представление о действующем законодательстве. По мере развития общества состав кодексов изменялся, из них могли исключаться отдельные статьи, а последующее законодательство включалось в качестве приложений.

Первые советские кодексы были разработаны осенью 1918 г. ВЦИК принял Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Затем был создан Кодекс законов о труде — КЗоТ. В первые годы нэпа были пересмотрены существовавшие и приняты новые кодексы: уголов-

ный, земельный, гражданский. Эти кодексы послужили основой для разработки кодексов в союзных республиках.

С образованием СССР кодификация стала проводиться в общесоюзном масштабе. В 1926 г. было издано пять книг систематического Собрания действующих законов СССР, а в 1927 г. — еще одна дополнительная книга к этому Собранию. Систематизация законодательства проводилась и в союзных республиках. В СССР было подготовлено восьмитомное систематическое Собрание законов. Во многих республиках были приняты свои кодексы или же переизданы кодексы РСФСР.

Качественно новый этап в области систематизации и кодификации законодательства развернулся с конца 50-х годов. Кодификационные работы конца 50—70-х годов касались прежде всего устоявшихся отраслей права: гражданского, уголовного, процессуального, о браке и семье.

Вместе с тем были подготовлены законоположения о таких областях жизни, которые раньше оставались вне сферы правового регулирования (охрана окружающей среды) или не имели систематизированного правового регулирования (здравоохранение, народное образование). В связи с расширением прав союзных республик общесоюзное законодательство стало кодифицироваться преимущественно в форме «Основ» или «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик». В качестве примеров подобных актов можно назвать «Основы земельного законодательства» (1968), «Основы законодательства о здравоохранении» (1969), «Основы водного законодательства» (1970), «Основы гражданского судопроизводства» (1961), «Основы законодательства о недрах» (1958). Законодательные акты типа «Основ законодательства» содержат наиболее общие принципы и основные институты соответствующих отраслей законодательства, единые и обязательные для всех союзных республик. Эта форма законодательства позволяет всесторонне учитывать национальные особенности и отражать их в соответствующих правовых нормах. На базе «Основ законодательства» в союзных республиках были приняты кодексы и иные законы.

В системе современных законодательных актов кодексы являются преимущественно разновидностью актов республиканского законодательства. Однако и ряд общесоюзных актов, дающих исчерпывающее рассмотрение отдельных правовых вопросов, принят в форме кодексов. К ним относится «Воздушный кодекс СССР», «Кодекс торгового мореплавания Союза ССР».

Среди актовых документов высших органов государственной власти можно назвать ряд наименований: резолюции, постановления, положения, декларации, обращения, заявления. Они принимаются как союзными, так и республиканскими органами. Подобные акты, утверждавшиеся съездами Советов, имели силу закона. По конституциям 1936 и 1977 гг. они носят подзаконный характер.

В системе нормативных актов органов Советской власти большую роль играют указы Президиума Верховного Совета.

СССР, а также Президиумов Верховных Советов союзных и автономных республик. Их тематика и содержание ограничены компетенцией соответствующего Президиума. Указы могут касаться вопросов действующего законодательства, вносить в него некоторые изменения и дополнения. Указ не отменяет закона, а лишь приостанавливает его действие. Например, указы Президиума Верховного Совета СССР становятся законом при утверждении их сессией Верховного Совета СССР. Утверждению подлежат те указы, в которых затрагивается сфера деятельности Верховного Совета СССР. В особых случаях Президиум Верховного Совета СССР может издавать указы, имеющие законодательный характер. Так, 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил Указ «О военном положении».

Указы касаются значительного круга вопросов: о назначении и освобождении министров, высшего командования Вооруженных Сил СССР, о ратификации международных договоров и т. д.

Важной функцией Президиума Верховного Совета СССР является толкование законов. С этой целью Президиум Верховного Совета СССР издает постановления. Толкование действующего законодательства является важным источником для понимания характера, сферы и методов применения законов СССР. Официальное толкование обладает той же силой, что и решение (закон, указ) высших органов власти, подвергающееся толкованию.

Актовые документы, исходящие от местных органов власти и исполнительных и распорядительных органов Советского государства, обеспечивают реализацию и соблюдение советских законов. В пределах своей компетенции эти органы организуют хозяйственное, культурное и другое строительство. Отметим наиболее важные из них.

Совет Министров СССР, а также союзных и автономных республик издают постановления и распоряжения на основе и во исполнение законов. Под постановлениями подразумеваются предписания общего характера, которыми регулируются существенные вопросы государственного управления СССР, союзных и автономных республик. В отдельных случаях (например, о назначении или освобождении от должности) постановления касаются конкретных указаний определенным лицам. Постановления имеют силу до их отмены. Распоряжениями на практике называют менее важные акты как исполнительного, так и распорядительного характера. Распоряжения действуют до их исполнения. Постановления публикуются за подписью Председателя (или его заместителя) и управляющего делами Совета Министров СССР. Распоряжения печатаются только за одной первой подписью.

Особенности постановлений определяются в целом их назначением. В постановлениях имеется обширная констатирующая часть и указание на законы, во исполнение которых принимается данный акт. В ряде случаев констатирующая часть может излагать задачи, решаемые данным постановлением. Резолютивная

(постановляющая) часть детализирует порядок исполнения, ставит конкретные задания министерствам и ведомствам, устанавливает сроки выполнения заданий и порядок проверки исполнения. В распоряжениях констатирующая часть может отсутствовать.

Особое значение имеют совместные постановления высших органов законодательной власти и общественных организаций (например, постановление ЦИК СССР, СНК СССР и ВЦСПС от 23 июня 1933 г. «Об объединении Народного комиссариата труда СССР с Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов»). В этом случае в одном постановлении сочетаются черты законодательного акта и документа общественной организации. Новые особенности актов, характеризующиеся объединением усилий всех заинтересованных сторон, проявляются в совместных постановлениях высших органов Советской власти и Коммунистической партии (например, постановление Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г. «Об образовании Государственного Комитета Обороны»).

Совместные постановления принимаются по тем вопросам государственного и народнохозяйственного строительства, где необходимо координировать все усилия для дальнейшего развития советского общества. Эти постановления отражают возрастающее влияние Коммунистической партии в социалистическом и коммунистическом строительстве. Совместные постановления не являются законом. В тех случаях, когда в них затрагиваются вопросы законодательного характера, они должны получить утверждение верховного органа власти. Совместные постановления появились в середине 20-х годов и вначале имели форму обращений. Таково, в частности, обращение СНК СССР, ЦК и ЦКК ВКП(б) от 16 августа 1926 г. «Об успехах и недостатках кампании за режим экономии», адресованное «Ко всем партийным и советским организациям».

Наиболее частыми с середины 30-х годов стали совместные постановления высших органов партии и исполнительных органов государства. Ввиду роли Коммунистической партии в советском обществе эти постановления соединяют в себе силу партийной директивы, нуждающейся в немедленном претворении в жизнь и выраженной в конкретных пунктах постановления исполнительной власти.

Обращения 20-х годов и совместные постановления 30-х годов имели директивный характер. Но между ними есть и определенные различия. Так, обращение 16 августа 1926 г. являлось, по существу, общей программой деятельности, намечало направление работы и не содержало конкретных заданий организациям и ведомствам. В совместных постановлениях со временем все большее место занимает постановляющая часть. Поэтому в начале 30-х годов эти документы, сохраняя еще форму обращений, именовались совместными постановлениями. Это название более точно отражало их сущность.

Как правило, совместное постановление имеет значительную вводную констатирующую часть, разъясняющую необходимость принимаемых мер и содержащую указание на соответствующие решения высшего органа партии и существующее законодательство, во исполнение которого принимается совместное постановление. Констатирующая часть излагает общую характеристику обстановки, в силу которой стало необходимым данное постановление. Вводная часть может отсутствовать. Особенностью совместных постановлений является наличие соответствующих пунктов постановляющей части, в которых определяются задачи партийных органов и организаций по реализации намеченных мероприятий.

Особую группу нормативных актов Советского государства составляют международные договоры. Значение и особенности этих документов намечены основными принципами внешней политики Советского государства, начиная со II съезда Советов, принявшего Декрет о мире. На современном этапе они получили отражение в Программе партии, в решениях XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, в Конституции СССР 1977 г.

Международный договор — акт, в котором определены права и обязанности сторон в области политических, экономических и других отношений. Установлены правила составления, структуры и подписания этого документа.

Система международных договоров служит основой взаимоотношений между государствами. С социалистическими странами СССР заключает договоры о союзе, дружбе и взаимопомощи. С развивающимися государствами, как правило, подписываются договоры о дружбе и сотрудничестве. Имеются договоры и пакты, целью которых является обеспечение мира, договоры о нейтралитете и ненападении, о торговле, о мореплавании, о гарантиях и др.

В мирных договорах обязательным является пункт о прекращении состояния войны, о признании суверенности побежденной страны, намечаются новые границы по договору, рассматриваются вопросы политического и экономического положения (о репарациях, о реституциях, о военных преступниках). К мирным договорам разрабатывается целая система приложений.

Конвенции, являющиеся одной из разновидностей международного договора, регулируют основу взаимоотношений по отдельным вопросам права, экономики и администрирования. В специальных протоколах и соглашениях могут фиксироваться отдельные вопросы, поставленные в общей форме в договоре.

В международной практике, как правило, сложились три основные части международных договоров: преамбула, статьи-постановления и заключительные статьи. Преамбула, вступительная часть, содержит указание сторон, задач, целей и лиц, намеченных для подписания договора. Статьи-постановления содержат

обязательства сторон или определенные формы взаимоотношений государств. Заключительные статьи посвящены вопросам о сроке действия договора со дня обмена ратификационными грамотами.

§ 3. Публикации актов законодательных и исполнительных органов Советской власти

Опубликование является завершающим этапом формирования законодательного акта. Действующим считается текст закона, опубликованный в официальном издании.

В первые дни после Великой Октябрьской социалистической революции был принят декрет «О порядке утверждения и опубликования законов». Подлинным текстом считались утвержденный правительством оригинал декрета и его печатные воспроизведения в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства» и в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства СССР». С марта 1918 г. официальным изданием наряду с «Собранием узаконений» стала газета «Известия» (орган ВЦИК). Публикация в любом из этих изданий была идентична подлиннику. Закон считался вступившим в силу с момента его публикации, а на местах — с момента получения официального издания текста закона. Предусматривались и другие случаи введения в действие декретов и постановлений (по телеграфу и т. п.).

Издание «Собрания узаконений» было начато Наркомюстом с декабря 1917 г. В нем дается систематизированное в хронологическом порядке собрание законов и постановлений Советской власти; акты имеют порядковую нумерацию по каждому году. Это издание выходило по мере накопления материала. Из временных изданий «Собрание узаконений» — наиболее полная публикация законодательного материала. Аналогичными по характеру и типу издания были публикации «Собраний узаконений» в Украинской ССР, Азербайджанской ССР и других республиках. Все декреты и постановления ЦИК, его Президиума, СНК и СТО СССР публиковались с 1924 г. в «Собрании законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР», которое состояло из двух отделов. В первом помещались акты законодательного характера, а остальные (о назначениях и награждениях, об утверждении уставов акционерных обществ и др.) — во втором отделе. Первый отдел «Собрания законов» печатался на шести языках народов СССР (русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, тюрко-татарском).

С 7 апреля 1938 г. вместо «Собрания законов» начали публиковаться «Ведомости Верховного Совета СССР». Первые годы «Ведомости» выпускались в виде газеты, а с 1944 г. — в форме бюллетеней. Данное издание законодательных актов существует и в настоящее время.

Новые задачи упорядочения дела опубликования законов и постановлений получили разрешение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1958 г. «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР, постановлений Верховного Совета СССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР». По этому Указу законы СССР и другие акты Верховного Совета СССР и его Президиума публикуются в «Ведомостях» на языках союзных республик не позднее семидневного срока после их принятия. Важнейшие из актов подлежащие «широкому и немедленному обнародованию», публикуются также в газете «Известия». В необходимых случаях эти акты могут быть переданы по радио и телеграфу. Акты общенормативного характера вступают в силу одновременно на всей территории СССР «по истечении десяти дней после их опубликования» в «Ведомостях» или «Известиях», если в самом акте не указан другой срок введения его в действие.

С 1938 по 1949 г. включительно выпускалось специальное издание постановлений и распоряжений высшего органа исполнительной власти — «Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР». С 1951 г. это издание было возобновлено только для учреждений и ведомств, а с 1957 г. и по настоящее время оно издается под заглавием «Собрание постановлений Правительства СССР» для всеобщего ознакомления.

Международные договоры издаются в периодической печати, в правительственных и специальных изданиях МИД СССР. Большое значение имеет «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами» (вып. 1—5), а затем «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами» (вып. 1 — 9) за период с 1924 по 1938 г. С 1955 г. это издание возобновлено с выпуска 10 (1937 г. — 21 июня 1941 г.). Выпуск 11 включал документы периода Великой Отечественной войны. В последующие выпуски включены действовавшие международные акты, заключенные в послевоенный период. Издание это продолжается и в настоящее время.

Следует указать ряд фундаментальных научных публикаций законодательных и иных актов Советского государства. Среди них большое значение имеет публикация «Декреты Советской власти», в которую вошли и не публиковавшиеся ранее документы, варианты и разночтения. Материалы, связанные с разработкой конституций, широко представлены в изданиях: «История Советской Конституции (в документах)» (М., 1957), «Образование и развитие СССР как союзного государства» (М., 1972), «Конституция общенародного государства» (М., 1977). С 1957 г. осуществляется многотомное издание «Документы внешней политики СССР». Актовые материалы выборных органов Советской власти широко представлены в издании «Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик» (т. I—VII. М., 1959 — 1965). В него вошло большое количество ранее не пуб-

ликовавшихся документов (например, по республикам Кавказа и Средней Азии). Значительная часть материалов впервые издается на русском языке.

§ 4. Некоторые вопросы источниковедческого анализа актовых материалов

Законодательные и правительственные акты, как и всякий исторический источник, являются продуктом соответствующей исторической обстановки. Изучение происхождения документов Советской власти должно способствовать пониманию содержания источников, объяснить закономерность появления новых актовых материалов, раскрывать роль отдельных лиц в их создании и т. д. Исследование происхождения законодательных актов складывается из четырех основных этапов: законодательная инициатива — почин; процесс разработки и обсуждения законопроекта; обсуждение законопроекта законодательными органами и его утверждение; опубликование закона.

Возникновение законодательной инициативы свидетельствует о появлении новых задач, которые не могут быть решены в рамках существующих законодательных актов. В середине 30-х годов стало ясно, что Конституции 1918 и 1924 гг. не отражают тех изменений, которые произошли в обществе. Постановление VII Всесоюзного съезда Советов о разработке проекта новой Конституции СССР (в 1936 г.) можно рассматривать как стадию законодательной инициативы при изучении Конституции СССР.

В определенных исторических условиях этап законодательной инициативы может отсутствовать. Например, первые советские декреты («О земле», «О мире») такой стадии не проходили.

По Конституции РСФСР 1918 г. право законодательной инициативы предоставлялось Всероссийскому съезду Советов, ВЦИК, Совнаркому и наркоматам РСФСР. В Конституции СССР 1924 г. этот порядок был сохранен и даже расширен с учетом прав союзных республик. По Конституции 1936 г. право законодательной инициативы в равной мере принадлежало палатам Верховного Совета СССР — Совету Союза и Совету Национальностей. В последующей законодательной практике это право реализовывалось Советом Министров СССР, Верховным Судом, общественными организациями и т. д. По Конституции 1977 г. (ст. 113) таким правом пользуются палаты Верховного Совета СССР, его Президиум и постоянные комиссии, Совет Министров СССР, союзные республики в лице их высших органов государственной власти, центральные органы общесоюзных общественных организаций и др.

Стадия законодательной инициативы завершается принятием полномочным органом решения о необходимости разработки соответствующего законопроекта, составление которого часто поручается специальной комиссии.

Так, в соответствии с резолюцией III Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской Республики» (январь 1918 г.) ВЦИК образовал Комиссию по разработке Кон-

ститущий в составе 15 человек из представителей политических партий и наркоматов (Я. М. Свердлов — председатель, М. Н. Покровский — товарищ председателя и В. А. Аванесов — секретарь). В основу деятельности Комиссии легли решения VII съезда РКП(б), ленинские работы и законодательная практика первых месяцев Советской власти. На первых заседаниях была принята схема построения Конституции и выделены три подкомиссии.

В апреле — июне 1918 г. Комиссия ВЦИК и подкомиссии разрабатывали и обсуждали проекты. Основные проекты, принятые Комиссией ВЦИК, были опубликованы 22 июня 1918 г. в «Известиях ВЦИК» под заглавием «Проект Конституции Советской Республики». 26 и 28 июня 1918 г. ЦК РКП(б) обсуждал проект Конституции. Комиссия ВЦИК учла замечания и дополнения Комиссии ЦК РКП(б) и опубликовала новый вариант «Проекта Конституции».

Таким образом, второй этап происхождения законопроекта включает в себя образование комиссии для разработки проекта закона, составление проекта с его вариантами, публикацию проекта. По публикации проекта законодательного акта происходит широкое гласное его обсуждение.

В последние десятилетия сложилась практика всенародного обсуждения важнейших законодательных актов. Впервые она была осуществлена при разработке Конституции 1936 г. В настоящее время эта традиция получила законодательное закрепление в Конституции 1977 г.

Следующий этап прохождения закона связан с обсуждением его проекта высшим органом власти. На первом заседании 4 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов избрал по предложению Я. М. Свердлова Конституционную комиссию, которая внесла в проект Конституции ряд изменений и дополнений. В частности, «Декларация прав и обязанностей трудящихся» была заменена «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Комиссия пополнила проект Конституции новыми разделами: была составлена вводная резолюция и дополнительно разработаны два раздела. На основе опубликованного 22 июня 1918 г. проекта был составлен раздел «Бюджетное право», заново разработан раздел «О гербе и флаге РСФСР». Была упорядочена структура подраздела «Организация Советской власти на местах».

С этими изменениями и дополнениями проект Конституции был представлен 10 июля 1918 г. на заседание V Всероссийского съезда Советов, который единогласно принял предложенный проект и поручил новому составу ВЦИК окончательно отредактировать текст Конституции. 18 июля 1918 г. Президиум ВЦИК утвердил текст Конституции РСФСР, и на следующий день она была опубликована в «Известиях ВЦИК».

Изучение происхождения законодательного акта может дать весьма важные сведения для источниковедческого анализа (например, о роли конкретных лиц в составлении определенного акта). Так, из воспоминаний М. А. Андреева известно, что Надеж-

динский Совет уполномочил его и председателя Центрального Совета ФЗК Богословского горного округа А. Курлынина поставить в Петрограде вопрос о деятельности заводов округа и об их финансировании. Попытки договориться с правлением Акционерного общества остались безуспешными. Тогда они обратились в СНК и были приняты 5 декабря 1917 г. В. И. Лениным, которому и изложили требования рабочих округа. 6 декабря 1917 г. СНК принял декрет о конфискации имущества Акционерного общества Богословского горного округа. Архивные материалы позволяют установить роль В. И. Ленина, П. И. Стучки и А. Г. Шляпникова в подготовке текста декрета. Изучение вариантов проекта декрета, в том числе и по почерку, позволяет подробнее осветить происхождение и содержание этого документа.

Советский законодательный процесс на всех исторических этапах его развития характеризуется подлинным демократизмом, что находит отражение и требует всестороннего учета в исследовании происхождения законодательных актов.

Важное значение при изучении коллективного творчества масс в разработке законодательных актов имеют письма трудящихся, материалы совещаний, созываемых в связи с разработкой и принятием законов. В. И. Ленин придавал большое значение письмам крестьян в газету «Беднота». Он предлагал В. А. Карпинскому составлять раз в два месяца сводки этих писем и указывать при этом помимо количества писем также и выраженные в них «настроения» и «важнейшие злобы дня»¹.

В современных условиях изучение социальной потребности в правовом регулировании отдельных областей общественной и экономической жизни или изменений этого регулирования приобретает особое распространение. Это явление отражает возросшую политическую активность населения, глубокую заинтересованность советских людей в успешном решении задач коммунистического строительства. В этой связи нельзя не отметить проявление инициативы советских граждан, учреждений, в том числе научных, в выдвижении задачи разработки законодательства об охране памятников истории и культуры, животного мира нашей страны и т. д., что требует выявления и исследования источников, отражающих эти факты.

Демократизм советского строя в целом и законодательной практики в частности получает реальное воплощение и на стадии разработки и обсуждения законопроектов. Для обеспечения заинтересованного и компетентного обсуждения проектов законодательные органы привлекают множество учреждений, ведомств, организаций и отдельных лиц. Так, в разработке Основ законодательства о здравоохранении участвовали различные министерства, медицинские учреждения, в том числе научно-исследовательские, ВЦСПС, отдельные эксперты. При разработке Основ законодательства о труде осуществлялись специальные экономиче-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 144.

ческие эксперименты и проводились социологические обследования. Такая практика законодательной деятельности приводит к формированию в процессе создания законодательного акта громадных массивов документов, что усложняет источниковедческий анализ происхождения актового материала, выдвигает новые задачи в обработке источников.

Особенно значительные комплексы массовых источников складываются в ходе всенародного обсуждения законодательных актов. Их роль в разработке современных законов чрезвычайно велика. Десятки поправок были внесены в Закон о пенсиях, в Основы гражданского судопроизводства, в Основы законодательства о народном образовании, в Основы законодательства о браке и семье. В результате закон выступает как итог коллективной работы, выражение воли всего советского народа.

Эти явления современной законодательной практики с особой силой проявились в процессе разработки Конституции СССР 1977 г. В ходе всенародного обсуждения проекта Конституции, в котором участвовало свыше 140 млн. человек, было внесено свыше 400 тыс. предложений. Целый ряд из них был реализован как в виде редакционных поправок, так и в дополнениях по существу. Так, в главу «Политическая система» была включена специальная статья о роли трудовых коллективов, их задачах и функциях в обществе развитого социализма. Значительным изменениям была подвергнута статья 9, определяющая формы собственности в СССР. Статья 19 была дополнена положением о том, что «социальную основу СССР составляет нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции».

В процессе источниковедческого анализа законодательных актов следует сопоставить публикации законодательного акта и его архивный подлинник. Последнее необходимо, когда обнаруживаются какие-либо разночтения. Так, при подготовке к научной публикации декретов первых месяцев Советской власти С. Н. Валком было установлено, что многие декреты первоначально публиковались в сокращенном виде. К примеру, в декрете СНК от 15 (28) января 1918 г. «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии» при публикации в «Собрании узаконений» была опущена вступительная часть. В данном случае дело объяснялось характером издания. С точки зрения составителей «Собрания узаконений» основное значение имела вторая, резолютивная часть декрета. С характером издания связано было и редактирование, которое не ограничивалось только стилистической правкой текста декретов. Подобная правка стирала ряд важных черт актов, дающих возможность почувствовать особенности обстановки их создания.

Источниковедческий анализ первых декретов выдвигает целый ряд других вопросов, что вызывается отсутствием иногда точной датировки, подлинника документа и т. д. Например, ведется большая работа по текстологическому анализу Декрета о земле, поскольку этот документ дошел до нас в газетных публикациях, имеющих ряд разночтений.

При анализе законодательных актов исследователь устанавливает название и разновидность акта, оценивает так называемый заключительный протокол (наличие необходимых подписей, дата утверждения), сверяет в случае необходимости по протоколу заседания, когда было принято данное постановление.

Сведения, полученные при изучении происхождения законодательного акта, дают обширный материал для анализа содержания источника. В результате такого анализа могут быть получены данные, обосновывающие общеисторические выводы. Для этой стадии изучения можно наметить несколько основных вопросов: историческое место закона и его значение; что нового дает он в сравнении с предыдущими актами; какова роль изучаемого закона в социалистическом строительстве. Определение исторического места законодательного акта тесно связано с изучением его происхождения. Это изучение показывает процесс формирования новых норм, а также формы их выражения. Так, закон «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления» (2 октября 1965 г.) может быть правильно истолкован лишь в соотношении с той исторической обстановкой, в которой он возник. Это сопоставление должно учитывать сравнение со всей политикой партии в определенной области, с законодательными актами по аналогичному вопросу. Существовавшая до этого система руководства и управления промышленностью не создавала должных возможностей для эффективного использования достижений научно-технической революции, экономических методов руководства. Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, отметив некоторые положительные моменты системы управления промышленностью, вместе с тем подчеркнул, что «существующая организационная структура управления, методы планирования и экономического стимулирования в промышленности не отвечают условиям и уровню развития производительных сил». В связи с этим было решено организовать управление по отраслевому принципу, образовать союзно-республиканские и общесоюзные министерства по отраслям промышленности, устранить излишнюю регламентацию деятельности предприятий, сократить число плановых показателей, спускаемых сверху, улучшить использование экономических рычагов (прибыль, цена, премия, кредит), повысить заинтересованность работников промышленности в повышении рентабельности производства и улучшении качества промышленной продукции и т. д. Верховный Совет СССР, рассмотрев вопрос «Об улучшении управления промышленностью» и проект закона по данному вопросу, внесенный Советом Министров СССР 2 октября 1965 г., принял соответствующий закон.

Анализ законодательного акта должен включать в себя изучение его соответствия объективным закономерностям общественного развития. Подобное изучение необходимо вести в тесной связи с исторической обстановкой действия этого законодательного акта и с общим ходом развития советского общества. Важнейшие

методологические и конкретные указания по этим вопросам содержатся в решениях высших органов Коммунистической партии.

Законодательные акты создаются в ходе самого исторического действия, они являются «остатками» изучаемого события. Таковы, например, резолюции съездов Советов, законы Верховного Совета СССР и т. д. Эти решения и законы сами являются историческим фактом в той части, которая дает представление о политике Советского государства. С другой стороны, они содержат конкретные сведения о состоянии Советов, о развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры. В этом случае мы имеем дело с отражением исторических процессов и фактов в соответствующих решениях.

Законодательный акт должен рассматриваться и как памятник, отражающий состояние и развитие общественно-политической мысли. Новые нормы и установления являются источником двоякого рода. Во-первых, они характеризуют общественные отношения, политику Советского государства, во-вторых, свидетельствуют о развитии общественно-политической мысли.

В работе В. И. Ленина «Государство и революция» была дана характеристика социализма как первой стадии в развитии коммунистического общества. Жизнь полностью подтвердила правоту ленинской мысли. Однако, анализируя общественно-политические воззрения первых лет Советской власти, мы не вправе игнорировать наличие и других взглядов по данному вопросу, получивших отражение в Конституции 1918 г.

В общих положениях Конституции 1918 г. сформулировано распространенное в то время представление об этапах развития нового общества. «Основная задача, рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, — гласила статья 9 Конституции, — заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

В ходе социалистического строительства в 20-х — начале 30-х годов происходило постепенное уточнение второй точки зрения о социалистическом обществе. Во втором пятилетнем плане была отмечена необходимость сохранения государства и при социализме. В то же время авторы плана говорили об «окончательной ликвидации не только капиталистических элементов, но и классов вообще». Социалистическое общество представлялось авторам второй пятилетки бесклассовым. В этой части имелись тесная связь и совпадение со взглядами, изложенными в Конституции РСФСР 1918 г. Следующий этап в изменении и уточнении этих представлений наступил при разработке Конституции СССР 1936 г. Здесь уже имеется термин «трудящиеся», перерастающий по Конституции 1977 г. в категорию «народ».

Анализ законодательных актов можно подразделить на две взаимосвязанные части: историческая интерпретация и грамматическое толкование терминологии. Историческое истолкование предполагает выяснение соответствия закона объективным закономерностям развития общества, установление классовой направленности закона, причин его появления, результатов применения и т. п.

К интерпретации законов следует отнести и право их толкования органами власти. По Конституции СССР 1977 г. право толкования законов принадлежит Президиуму Верховного Совета СССР. В практике работы толкование носит характер «разъяснений». В них указывается причина издания постановления и обязательно подчеркивается право Президиума Верховного Совета СССР толковать законы.

Историческое толкование выявляет и соответствие Конституций союзных республик, законов и других актов Конституции СССР. Президиум Верховного Совета СССР имеет право отменять постановления и распоряжения Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик в случае их несоответствия закону.

Грамматическое истолкование, изучение терминологии законов должно происходить в тесной связи с историческим толкованием законов. Применение закона может порождать и различные толкования. При изучении терминологии закона нужно принимать за основу то значение слова, которое оно имело в момент принятия закона. Различные термины по мере общественного развития наполняются новым содержанием.

Глава 25

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ПРЕДПРИЯТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Наиболее обширную группу источников по истории Советского общества составляют комплексы делопроизводственных документов предприятий, учреждений, организаций. Управление есть не что иное, как процесс передачи, оценки, преобразования информации и осуществляется пока еще в значительной мере в форме бумажного документооборота. Документы свидетельствуют и удостоверяют факты, события, права, обязательства, компетенцию, полномочия, подтверждают и доказывают их. Значение документов как исторических источников определяется в зависимости от их роли в общественном развитии и от научно-исторической ценности заключенных в них сведений. Если в практике непосредственного управления надобность в определенных группах документов постепенно отпадает, их функция как исторических источников остается постоянной.

Комплексы взаимосвязанных документов составляют системы документации. В системах документации находят отражение уже

не отдельные факты, а последовательность фактов в их многочисленных связях во времени и пространстве. Ведение системы документации составляет основное содержание делопроизводства. Работа с документами предприятий, учреждений, организаций как источниками по истории советского общества требует знания основных закономерностей ведения делопроизводства и особенностей образования систем документации с момента революции до наших дней.

§ 1. Основные закономерности развития делопроизводственной документации в советское время

Победа Великой Октябрьской социалистической революции привела к существенным изменениям в характере делопроизводственной документации. Слом старого государственного аппарата, утверждение Советов как единой демократической основы государственной власти, национализация производства, внутренней и внешней торговли, транспорта, финансов и других отраслей народного хозяйства, легализация деятельности общественных организаций, неуклонное расширение их функций вызвали перестройку всей сферы управления и соответствующие изменения в системе документации и документооборота. Отошли в прошлое документы, связанные с ведением капиталистического хозяйства, с эксплуататорской сущностью старого строя и его сложной бюрократической иерархией. Выросли группы документов, связанных с функциями планирования, учета и контроля, лежащими в основе социалистического хозяйства. Становление единых принципов управления народнохозяйственными и другими общественными процессами способствовало унификации и стандартизации делопроизводства. Одновременно происходило сокращение излишней, несущественной документации, велась борьба с бумажной волокитой.

Единой организационной основой государственной власти являются Советы, образующие стройную систему государственного управления. В настоящее время существует более чем 50 тыс. Советов народных депутатов, которые различаются по масштабам своей управленческой деятельности, по своим полномочиям и внутренней организации. За годы, прошедшие со времени революции, менялись организационная структура, содержание деятельности Советов, но существо подхода к определению их полномочий оставалось неизменным. Постепенное превращение экономики нашей страны в единый народнохозяйственный комплекс усиливало влияние высших органов власти, но параллельно шел процесс расширения координационных и контрольных полномочий местных Советов. Это отразилось на развитии систем документации.

В документации Советов находила отражение их деятельность на основе коллективного, свободного, делового обсуждения и ре-

шения вопросов. Гласность, регулярная отчетность исполнительных и распорядительных органов, создаваемых Советами, перед избирателями, производственными коллективами и общественными организациями, привлечение к работе Советов все более широких слоев населения являются характерной чертой этой документации. Например, большую группу в документации Советов составляют указы избирателей и отчетность по их исполнению и претворению в жизнь. Тот факт, что в законодательном порядке была установлена обязанность всех Советов систематически информировать население о своей работе и принимаемых решениях, имеет большое значение для оценки документов. Процесс демократизации деятельности органов государственной власти получил свое дальнейшее развитие в новой Конституции СССР, закрепившей и усилившей роль Советов как органов народной власти.

Советы осуществляют государственную власть и непосредственно, и через создаваемые ими органы государственного управления (министерства, ведомства, объединения и т. д.). Управление промышленностью, строительством, транспортом, наукой, культурой строится по отраслевому принципу. Советы выполняют функцию территориальных органов управления. Они осуществляют постоянный контроль над деятельностью государственных учреждений и предприятий, борются против проявлений бюрократизма, способствуют тому, чтобы, говоря словами В. И. Ленина, поголовно население училось управлять и начинало управлять.

Советская организация покончила с полной бесконтрольностью, замкнутостью государственного аппарата, формализмом, волокитой и произволом чиновников. Демократизация общественной жизни процесса управления привела к изменению языка и стиля делопроизводства. В. И. Ленин, будучи председателем СНК и СТО, выдвинул задачи перестройки госаппарата с позиций научной организации труда, исключающей возможности проявления бюрократических излишеств и извращений. Для осуществления функций контроля в управлении был создан специальный Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). В его задачи входила рационализация делопроизводства, учета и отчетности. Для расширения функций контроля НР РКИ был объединен с Центральной контрольной комиссией (ЦКК) ВКП(б). При НК РКИ с 1926 по 1932 г. существовал Институт техники управления, сыгравший определенную положительную роль в рационализации управления, во внедрении стандартных первичных форм документов и в ускорении документооборота. В результате принятых институтом мер прохождение документов в управлении ускорилось вдвое, а количество операций сократилось примерно на 60%. Многие документы приобрели простые, естественные формы. Но постепенно в работе Института техники управления обнаружились серьезные недостатки. Институт исходил из того, что работа госаппарата должна строиться на основе

постоянной детализации функций управления. Построение органов управления по функциональному принципу вело к потере ответственности и обезличке, нарушало взаимосвязь и координацию различных звеньев управления. XVII съезд партии осудил функционализм как метод управления.

Процесс рационализации делопроизводства продолжался и в последующие годы. Быстрыми темпами шло обновление управленческой документации, внедрение новой техники управления. Большое влияние на это оказал технический прогресс. Тенденции к техническому усовершенствованию, которые ранее только наметились в делопроизводстве, получили быстрое развитие. Распространение средств связи и передачи информации ускорили оперативность документооборота. Телефон, радио, телеграф, телевидение снизили значение текущей переписки. На совершенствование делопроизводства огромное влияние оказали повышение уровня образования и культуры советских людей, рост числа подготовленных специалистов по документоведению и делопроизводству.

С середины 60-х годов стали разрабатываться проблемы унификации и стандартизации документов. В 1965—1975 гг. были разработаны и утверждены стандарты установленных сведений к отдельным системам документации. Госстандарт СССР утвердил единые требования к содержанию документов, изготовлению и конструированию их форм, к обработке сведений. В 1966 г. был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), который занимается рационализацией систем документации и их хранения. В настоящее время ведется интенсивная разработка и внедрение Единой системы государственного делопроизводства (ЕСГД).

К существенной перестройке делопроизводства ведет быстрое распространение в народном хозяйстве автоматизированных систем управления и их информационное обеспечение. Оно идет как бы в двух направлениях, неразрывно связанных между собой: во-первых, создание информационно-поисковых систем, позволяющих быстро найти нужный документ в массе других; во-вторых, создание автоматизированных систем обработки данных документов. Приспособление документов к поиску и обработке их на ЭВМ ускоряет процесс их унификации и стандартизации.

Многие тенденции, характерные для развития документации государственных предприятий и учреждений, можно наблюдать в документации колхозно-кооперативного сектора, в деятельности профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций. Постоянное расширение функций общественных организаций ведет к росту группы документов, в которых находит отражение их работа. Род деятельности, организационная структура общественных организаций определяется в их уставах. В документах общественных организаций значительную группу составляют материалы, свидетельствующие о творческой инициативе трудящихся. Среди них документы по социалистическому соревнованию трудовых коллективов и распространению передового опыта, дневники бригад ком-

мунистического труда и т. д. О повышении роли рабочего класса в управлении производством свидетельствуют материалы производственных совещаний, коллективные договоры, заключаемые между администрацией предприятий и профсоюзными организациями. Причем если в 20-х годах существование коллективных договоров сводилось к пунктам об охране труда, прав и здоровья рабочих, то начиная с 30-х годов в них все больше места стали занимать взаимные обязательства рабочих коллективов и администрации по выполнению плана, по организации социалистического соревнования, развертыванию процесса рационализации производства и изобретательства, внедрению передовых методов труда, жилищному строительству, по повышению уровня культуры и быта рабочих. Роль общественных организаций особенно возрастает в современных условиях, так как им передается целый ряд функций государственного управления. В настоящее время действуют более 2000 добровольных обществ и организаций, участвующих в различных аспектах общественной жизни.

Унификация делопроизводственной деятельности, упорядочение и регламентация хранения документов приводят к быстрому росту архивных фондов. По ориентировочным подсчетам, объем документов, возникающих ежегодно в деятельности предприятий, учреждений, организаций, составляет до 200 млн. дел. Даже если учесть, что только 2—3% от этого количества представляют архивную ценность и поступают на длительное хранение, очевидно, что объем единиц хранения в текущем делопроизводстве и архивах чрезвычайно велик и к тому же стремительно растет. В текущем делопроизводстве удвоение объема документов происходит за 12—16 лет, в архивах — за 20—30 лет. Растет и количество сведений, заключенных в документах, что объясняется увеличением числа предприятий, учреждений, организаций, усложнением связей между ними, возрастанием масштабов задач коммунистического и социалистического строительства. Комплексы делопроизводственных документов настолько обширны и труднообозримы, что простое перечисление групп и разновидностей документов заняло бы не один десяток страниц. Только перечень документов, подлежащих приему в государственные архивы, насчитывает более тысячи наименований. Практически в любой сфере управления и в общественной деятельности имеются специфические, только ей присущие документы. Это касается промышленности и сельского хозяйства, транспорта, сферы обслуживания, внутренней и внешней торговли, финансов, снабжения, внешней политики, здравоохранения, народного образования, науки и искусства, спорта, обороны и защиты государственных интересов, охраны общественного порядка, суда, следствия и т. д. Свои особенности имеет документация колхозно-кооперативного сектора, общественных организаций. Тем не менее в делопроизводстве предприятий, учреждений, организаций можно установить некоторые общие черты, которые имеют большое значение для поиска и анализа документов, использования заключенных в них сведений.

§ 2. Типология и классификация делопроизводственной документации

Типология и классификация документов является фундаментом документации, основой ее организации, хранения и поиска. Иначе документы просто теряются в массе других. Типология — установление существенных общих черт в развитии документации. Классификация — отнесение документов к определенному типу. В задачи классификации входит раскрытие внутренней, необходимой связи между типами документов. К числу наиболее распространенных относится классификация по содержанию документов, раскрывающая внутреннюю логику развития систем документации в связи с изменениями в жизни общества. Раскрыть содержание делопроизводственной документации — это значит установить, по каким отраслям деятельности и знаний, темам, проблемам, вопросам имеются документы. Классификация по содержанию является основой создания поисковых классификаций документов. Для облегчения поиска документов составляются и широко публикуются классификаторы-перечни типовых документальных материалов, образующихся в деятельности предприятий, учреждений, организаций с указанием сроков хранения материалов. Перечни дают классификационные схемы по вопросам (рубрикам) деятельности, начиная с наиболее крупных вопросов и кончая мелкими. Во многих учреждениях составляются номенклатуры дел, регистрационные карточки документов и описи. Для той же цели служат описи, каталоги, путеводители, составляемые в архивах. С 1959 г. в советских архивах разрабатывается и внедряется схема единой классификации документов. Разработка и анализ поисковых классификаций не является задачей собственно источниковедения. Но историк должен учитывать особенности классификации документов, принятой в том или ином архиве или учреждении, с материалами которых ему, возможно, придется иметь дело. Описание классификационных схем делопроизводственной документации, принятых в советских учреждениях и архивах, можно найти в работе К. И. Рудельсон «Современные документные классификации» (М., 1973).

В настоящее время система хранения и поиска документов в учреждениях и архивах в связи с распространением ЭВМ и расширением возможностей их применения стоит на пороге внедрения автоматизированных информационно-поисковых систем (ИПС), основанных на стандартизации и разработке единых принципов классификации делопроизводственных документов. Внедрение ИПС базируется на воспроизведении классификационных связей с помощью кодирования, т. е. представления различных элементов содержания документов в виде кодов-индексов, указывающих автора, действующее лицо или событие, тему, время и место создания документа. Учитывается максимальное количество признаков и характерных черт документов, по которым они могут быть найдены в обширных комплексах документации.

Для изучения документов большое значение имеют классификации в зависимости от тех функций, какие выполняют документы в управлении. По этому критерию можно выделить организационную (нормативную), распорядительную, плановую, учетную, контрольную и отчетную документацию.

Организационная документация определяет порядок какой-либо деятельности, в том числе порядок самого делопроизводства, структуру, компетенцию, задачи, формы и методы исполнения, взаимоотношения предприятий, учреждений, организаций. В организационных документах определены права и обязанности отдельных работников, должностных лиц, членов общественных организаций. К организационной документации относится множество разновидностей документов, включая положения, уставы, правила, статуты, нормативы, обязательства, договоры, контракты, трудовые соглашения. Организационные документы создаются на всех уровнях, начиная от высших органов государственной власти и кончая местными учреждениями. В зависимости от этого находятся сфера действия документа, его полномочия и сроки исполнения. Изучение организационной документации позволяет определить характер деятельности предприятий, учреждений, организаций, особенности их делопроизводства.

Распорядительная документация служит для реализации управленческой деятельности, основы которой заложены в документах организационного характера. Распорядительная документация представляет продолжение организационной. Различия между ними условны и относительны, поэтому чаще говорят о едином комплексе организационно-распорядительной документации (ОРД). К ней относятся решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, поручения, предписания, наказы. В распорядительной документации находят отражение не только исходные моменты в деятельности предприятий, учреждений, организаций, но и конкретные мероприятия по их реализации. Большую группу документации организационно-распорядительного характера образуют афиши, объявления, плакаты, бюллетени, имеющие информационно-справочное значение.

Особые разновидности организационно-распорядительной документации составляют протоколы и стенограммы заседаний коллегиальных и коллективных органов, представительных собраний трудящихся, конференций, съездов. Протоколы и стенограммы — это последовательная запись хода обсуждения вопросов и процесса выработки решений, которые обычно заносятся в протокол или имеются в приложении. Протоколы содержат также краткий конспект докладов и выступлений. Количество протокольной документации в советский период резко возрастает в связи с расширением функций коллективного руководства.

При работе с протокольной документацией следует учитывать, что требования к ее ведению заметно различаются в зави-

симости от характера учреждений и организаций, от времени и места составления протокола. Работая с протоколами первых лет Советской власти, исследователь нередко может столкнуться с так называемыми «глухими» протоколами, содержащими только указание о повестке дня и перечисление выступавших. И в дальнейшем в протоколах могут встречаться пропуски, непонятные места, искажения, особенно если протоколы не подвергались правке. Постепенно, однако, складывается довольно разработанная практика ведения протоколов в различных учреждениях и организациях. Растет число компетентных лиц, отвечающих за ведение документации. Прежде всего это распространяется на высшие и центральные органы, а затем и на местные учреждения и первичные организации. Большое значение имеет появление инструкций и правил ведения документации, накопление положительных образцов. При изучении протокольной документации важно учитывать те моменты, которые связаны с различными мнениями, поправками в обсуждении вопросов. Они позволяют войти в живую ткань событий. Вместе с тем отсутствие сведений по обсуждаемым вопросам заставляет привлекать другие источники для раскрытия содержания протоколов.

Как форма ведения протокольной документации в советское время более распространенным становится стенографирование. Стенограммы представляют полное и подробное изложение хода заседаний, собраний. Все чаще практикуется такая форма ведения протоколов, как магнитофонные записи. Работа органов власти и общественных организаций находит отражение в газетных отчетах об их заседаниях. Материалы периодики могут помочь ликвидировать пробелы в протокольной документации, выявить главное в содержании выступлений. Протокольная документация высших органов власти и общественных организаций широко публикуется в виде специальных изданий. Регулярно издаются стенографические отчеты съездов Советов, сессий ЦИК и Верховного Совета СССР, стенограммы съездов профсоюзов и ВЛКСМ.

К организационно-распорядительной документации относится обширная группа документов, которые передаются в форме **текущей переписки** предприятий, учреждений, организаций и их представителей. После революции в характере переписки произошли значительные изменения, связанные с ликвидацией целого ряда бюрократических процедур, с демократизацией общественных отношений. Данный комплекс документации остается пока весьма значительным и, по-видимому, будет играть свою роль в обозримом будущем. Среди материалов переписки большой удельный вес составляют телеграммы, телеграфные и телетайпные сообщения, радиogramмы, телефонограммы. Они свидетельствуют о возрастании оперативности переписки. Совершенствуются и ее традиционные формы. Они стали более простыми. Как правило, отдельный документ посвящен какому-либо одному вопросу. Обычными

становятся машинописный текст, штамп и печать предприятия, учреждения, организации, сохранение копий исходящих документов. На входящих документах довольно часто имеются отметки о дальнейшем их прохождении. Все это значительно облегчает источниковедческий анализ служебной переписки. Необходимо иметь в виду, что материалы переписки могут быть представлены в делах как отдельными документами, так и целыми их комплексами, в которых могут найти свое отражение различные стороны деятельности государственных и общественных органов за длительный период времени.

К данной группе документации принадлежит также переписка, характеризующая взаимоотношения предприятий, учреждений, организаций и отдельных граждан. В фондах учреждений ежегодно откладываются десятки тысяч писем. Следует различать внутреннюю и внешнюю переписку, которая тесно связана с характером деятельности учреждения и с его полномочиями. В данной категории документов в советский период также произошли существенные изменения. Были отменены формы обращения и изложения содержания документов, унижающие человеческое достоинство, а также связанные с этим некоторые разновидности документов, например прошения.

Письма трудящихся в государственные и общественные органы содержат предложения, заявления, рапорты, сообщения, запросы. Изменилось отношение к письмам трудящихся. Они внимательно изучаются и обсуждаются. Факты, свидетельствующие о недостатках в работе учреждений и отдельных лиц, тщательно проверяются. Особой формой контроля за деятельностью государственных органов являются депутатские запросы. Для изучения писем трудящихся в органах государственного управления создаются специальные комиссии. Материалы проверки и обсуждения писем часто фиксируются в протокольной документации, особенно когда решение вопроса и принятие мер зависит от коллегиальных органов.

Значение материалов переписки трудящихся и органов управления как исторических источников трудно переоценить. В них находит отражение обширный круг проблем, интересов, запросов, мнений, настроений людей, их реакция на различные народнохозяйственные и общественно-политические мероприятия и другие стороны жизни советского общества.

Специфические особенности имеет **дипломатическая переписка**. Во взаимоотношениях Советского государства с другими странами по вопросам внешней политики, экономическому, торговому и культурному сотрудничеству сохраняются сложившиеся формы этой переписки: личные и вербальные ноты, меморандумы, памятные записки. Они содержат наибольшее число общепринятых условностей в соответствии с нормами международного протокола. Однако коренное изменение принципов и методов дипломатии, обусловленное отменой «тайной дипломатии», установлением новых форм международного общения, основанных

на уважении суверенитета других народов и служащих интересам всех народов, повлекло существенное изменение как в разновидностях, так и в содержании, направленности дипломатической переписки. Следует подчеркнуть, что эти новые формы стали присущи в целом международной практике ведения дипломатической документации. Дипломатическая деятельность СССР вызвала к жизни такие разновидности переписки, как личные послания глав правительств, правительственные ноты, которые далеко переросли рамки и значение личных нот. Расширение авторства сказалось в появлении особых внешнеполитических заявлений, посланий, деклараций высших законодательных органов Советской власти (съездов Советов, Верховного Совета СССР) и Советского правительства. Изменились адресаты этих документов. Многие из них обращены к парламентам, народам других стран. Это обстоятельство существенно влияет на стиль дипломатических документов.

Новые принципы советской дипломатии повлекли регулярную и широкую публикацию материалов дипломатической переписки на страницах периодической печати, в специальных сборниках документов внешней политики. Как дипломатическая переписка, так и внутриведомственная документация широко представлены в издаваемой серии «Документы внешней политики СССР». Для истории Великой Отечественной войны неопределимое значение имеют вышедшая в 1957 г. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны» и издания протоколов союзнических конференций в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Плановая документация фактически возникает только в условиях социализма, отражая особый тип организационно-распорядительной деятельности. Материалам планирования народного хозяйства СССР посвящена специальная глава учебника. Но нужно помнить, что в деятельности государственных органов, предприятий и общественных организаций возникает множество делопроизводственных плановых документов в виде планов работы, проектов и проектных заданий, программ, смет, графиков и сетевых графиков.

Обширную группу делопроизводственной документации составляют **учетные документы**. На всех предприятиях ведется учет рабочей силы, оборудования, выпускаемой продукции, израсходованных сумм, сырья, материалов. Многие учреждения оценивают имеющиеся в их распоряжении кадры, средства, возможности. Общественные организации ведут непрерывный учет своих членов, их перемещений, уплаты членских взносов. В задачи учета входит регистрация мероприятий в процессе управленческой и общественной деятельности. К учетной документации относятся анкеты, листки, журналы и книги учета, реестры, кадастры, перечни, таблицы, тарифы, счета, балансы. Особенности учетных документов складываются в зави-

симости от характера учета: личного, производственного, технического, финансового, бухгалтерского.

С учетной документацией тесно связана **контрольная**. Нередко их не разделяют и определяют как учетно-контрольную документацию, поскольку вышестоящие органы свои контрольные функции осуществляют в форме учетных операций. Сюда входят материалы ревизий, проверок, заключений о работе, справок о деятельности, регистраций, единовременных обследований.

И, наконец, документацией, которая обобщает наиболее важные сведения других документов, является **отчетная**. Отчетная документация представляет собой не только обзор, но и анализ деятельности предприятий, учреждений, организаций и их структурных подразделений за определенный период времени. В советском обществе отчетность ведется не только перед вышестоящими органами, но и перед производственными коллективами, общественными организациями, представительными собраниями трудящихся. В число подобных документов входят отчеты о работе, обзоры, трудовые рапорты, сводки, донесения, доклады.

Делопроизводственная документация может иметь **разработанные (типовые, составленные по образцам)** и **неразработанные (индивидуальные)** формы. Преимущество неразработанных форм состоит в том, что они могут содержать большее количество сведений и добавочных указаний, способствующих источниковедческой оценке и классификации фактов. В типовых формах документов несущественные с точки зрения управления подробности и детали, как правило, опускаются. Документы, не имеющие разработанных форм, могут не содержать самых необходимых для анализа сведений. Типовые, составленные по образцам, предусматривающие минимальный необходимый объем сведений, документы получают все большее распространение. Индивидуальные формы документов в делопроизводстве пока еще преобладают, но, несмотря на разнообразие их форм, диапазон ситуаций, которые они отражают в сфере управления, ограничен. Процесс управления как бы запрограммирован и повторяется в определенной последовательности и по правилам, которые нередко задаются в организационно-распорядительной документации. Сходство формальных признаков управленческой деятельности и различие индивидуального содержания этих признаков является одной из предпосылок дальнейшей унификации и стандартизации документов. Как писал В. И. Ленин, «в ведении дела разными и разнородными предприятиями, учреждениями, ведомствами и пр. есть много сходного и сходного в основном¹».

Разработанные формы документов существуют в виде типовых бланков, образцов, трафаретов, формуляров, ведомостей, анкет, листов. Процесс перехода от

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 127.

неразработанных к разработанным формам осуществляется путем выделения и формализации признаков и показателей в документах, которые называются реквизитами. Реквизит — логически неделимый элемент в рамках явлений, отражаемых документом, например название учреждения, которое фигурирует в документе. Признаками документа обозначаются его качественные особенности, последовательность событий, свойств, к примеру мероприятия руководства завода по повышению уровня квалификации рабочих. Показатели — это, как правило, количественные оценки признаков или совокупностей взаимосвязанных признаков (рост рядов профсоюзной или комсомольской организации за отчетный период). Показатель может быть минимальным элементом документа, имеющим самостоятельное значение. Отдельный показатель может лечь в основу образования документа. Показатель может существовать изолированно от документа, являться объектом анализа, вывода, расчета. Таковы широко используемые в исторических исследованиях уровень национального дохода и его изменение, динамика выпуска продукции, развитие производительности труда и многие другие. Показатели — почти непременный атрибут плановой, учетной и отчетной документации. Но играя большую роль в практике управления, показатели нередко фигурируют и в организационно-распорядительной документации. Стандартизация и унификация документов, выделение признаков и показателей ведет к появлению и все большему распространению статистических форм документов.

Статистические документы служат для концентрированного и обобщенного описания свойств и признаков общественных явлений с помощью количественных значений и являются обязательным условием управления и планирования в области экономики, политики и культуры. С начала 30-х годов, когда в основу получения статистических сведений был положен текущий учет, наблюдается взаимное проникновение делопроизводства и статистики. Необходимо учитывать, что в настоящее время статистические документы составляют не менее четверти всей делопроизводственной документации. Их удельный вес в отдельных группах документации неодинаков. Наибольшее значение они имеют в учетно-контрольной документации, где многие формы подготовлены для статистической обработки. Статистические формы занимают в отчетной документации значительное место. Так, отчетность предприятий об их производственной деятельности ведется по установленным типовым статистическим формам. Они вводятся ЦСУ по согласованию с соответствующим ведомством. Издаются специальные альбомы форм с краткими указаниями по их заполнению, предназначенные для правильной организации делопроизводства. Историк, ознакомившись с этими формами, может получить представление об имеющихся сведениях, вести их целенаправленный поиск и отбор. С середины 50-х годов статистические формы делопроизводственных документов более или менее стабильны.

Разделение документов на **первичные** и **производные** связано с различным уровнем обобщения информации, в них заключенной. Первичные документы возникают на основе определенного числа исходных признаков и показателей, производные — представляют собой результат обобщения первичных документов. Несколько больше половины общего объема делопроизводственной документации составляют производные, или вторичные, документы. Было бы неправильно считать, что нет необходимости обращаться к первичным или производным документам промежуточного уровня на том основании, что документация вышележащего уровня все равно обобщает наиболее важные показатели и факты общественного развития. Практика управления действительно накопила большой опыт такого обобщения, и обобщенные показатели находят широкое применение в научных исследованиях. Но все же чаще всего задачи научного исследования отличаются от управленческих и требуют обращения к первичным документам и несколько иным принципам их анализа.

В делопроизводственной документации можно выделить комплексы **служебных официальных** и **неофициальных** документов. Официальные документы имеют служебное подтверждение их правильности со стороны государственных и общественных органов. Неофициальные документы такого подтверждения не имеют. Так, в личном деле работника могут находиться автобиография, имеющая только личную подпись, и характеристика, удостоверенная представителями администрации и общественных организаций. В делопроизводстве большая часть документов имеет официальный характер, но значительно число и неофициальных документов: писем, деловых записей, проектов решений, индивидуальных обязательств.

В делопроизводстве существует множество разновидностей документов по личному составу, отражающих прием, перемещения и увольнения работников, получение ими образования, материалы аттестаций и присвоения званий, по защите диссертаций и присуждению ученых степеней, по награждениям и назначениям на пенсии. Эти документы формируют личные дела. Среди обширных комплексов личных дел отбор на длительное хранение ведется исходя из характера заслуг и служебного положения человека. Большое значение придается наградным делам, личным делам персональных пенсионеров. Но на длительное хранение поступают не только дела лиц, имеющих какие-либо заслуги перед обществом. На основе представительной выборки идет передача на хранение личных дел работников управленческого аппарата и некоторых массовых профессий. Материалы личных дел важны как исторический источник. Они содержат обширный круг сведений историко-биографического характера и дают возможность проследить судьбы конкретных людей в связи с историческими изменениями.

Соотношение отдельных разновидностей документации зависит от уровня управления (высшего, центрального или местного). Так, на уровне вышестоящих органов (Совета Министров, минис-

стерств, ведомств и др.) чаще всего возникают документы организационно-распорядительного характера, обязательные для приема и исполнения в нижестоящих подразделениях. Учетно-контрольная, отчетная документация начинает создаваться на низших уровнях управления и сужается по пути вверх. Организационно-распорядительная, наоборот, разрабатывается, расширяется, порождает другие, более детальные и конкретные документы при движении вниз.

Удельный вес различных групп документации зависит также от времени возникновения документов. В первые годы Советской власти, когда происходило становление нового государственного аппарата, разрабатывались основы нового производственного и общественного управления, объемы организационно-распорядительных документов были весьма велики. Активизацию организационно-распорядительной деятельности, находящую отражение в документации, можно было наблюдать и в дальнейшем, в периоды организационных перестроек и нововведений в управлении. Порядок представления отчетной документации становится более или менее постоянным по мере налаживания управления.

Типология и классификация делопроизводственной документации имеет большое значение для поиска и отбора информации, которая лучше всего отвечает задачам исследования. Обнаруживается, что одна классификационная схема документации множеством нитей связана с другой. Между ними образуется генетическая и структурная связь. Это наглядно можно видеть на примере взаимодействия разновидностей документов на одном промышленном предприятии в условиях современного производства.

На предприятии в течение года может обращаться более миллиона управленческих документов. Почти половину из них — 46% составляет учетная документация, 28% — плановая, 15% — отчетная, 6% — организационно-распорядительная, прочие разновидности документов — 5%. Очевидно, что в сфере деятельности предприятия можно найти только те документы, которые определяются задачами, порядком деятельности, компетенцией данного предприятия, закрепленных в «Положении о социалистическом производственном предприятии». Функции производственной деятельности находят свое отражение в распорядительной, плановой, учетной документации. Основную массу учетных документов составляют бухгалтерские документы, сведения которых так или иначе находят отражение в других формах учета. Вследствие этого бухгалтерские документы не поступают даже на длительное хранение. Учетные и отчетные документы увязаны с плановыми, но значительно шире плановых, так как включают различную деятельность, не предусмотренную планом. Отчетные документы обобщают важные данные учета. Наибольший уровень обобщения имеют годовая статистическая отчетность предприятия и прилагаемая к ней объяснительная записка, содержащая анализ работы предприятия за год. Становится очевидным, что для изучения производства особое значение имеют годовые отчеты предприятий. Именно они пос-

тупают на длительное хранение и хранятся в фондах областных статистических управлений, а отчеты наиболее крупных предприятий имеются и в центральных архивах в фондах соответствующих министерств и ведомств. Но помимо производства историка интересует множество социальных и политических аспектов в развитии трудовых коллективов. В этой связи отчетность дает мало сведений, хотя в последние годы число социальных показателей в документации постоянно увеличивается. Исследователь может привлечь для изучения этих сторон материалы личного учета отделов кадров, отделов труда и заработной платы, социологических лабораторий, документацию общественных организаций на производстве.

§ 3. Некоторые вопросы источниковедческой обработки делопроизводственной документации

Для изучения делопроизводственной документации как источника по истории советского общества применимо большинство приемов и методов, выработанных по отношению к комплексам делопроизводственной документации предшествующих периодов. Но при этом необходимо учитывать и ряд особенностей, которые вытекают из общих закономерностей развития систем делопроизводственной документации и ее отдельных разновидностей в советский период.

Проблемы истории советского общества широки и многоплановы. Решение многих из них требует обобщения большого конкретно-исторического материала, использования комплексов делопроизводственной документации, сосредоточивающих огромную массу сведений по различным аспектам социально-экономического, политического и культурного развития страны. Источниковедческое изучение делопроизводственной документации предусматривает поиск и выявление круга необходимых документов, критический анализ содержащихся в них сведений, разработку обобщенных методов их использования, оценку, сопоставление, обработку, интерпретацию и формулирование выводов исследования.

В источниковедческом анализе важно учитывать обстоятельства возникновения документов, цели, для которых они составлялись. Это решающим образом влияет на определение степени их пригодности для исследования. В процессе анализа содержания нужен исторический подход. Необходимо составить общее представление, насколько документы полны, надежны, доступны, какова степень их сохранности, насколько они репрезентативны для целей исследования. В комплексах делопроизводственной документации могут быть существенные пробелы, обусловленные как объективными, так и субъективными причинами. Так, значительные объемы документов были утрачены в годы гражданской и Великой Отечественной войн, несмотря на меры, которые предпринимались для их спасения. В самом делопроизводстве документы могут поступать на хранение с перерывами, быть неполными, непредставитель-

ными. В процессе своей работы над документами историк должен предусматривать возможности дальнейшего поиска и обнаружения новых документов. Нужно также учитывать доступность документов. Наибольшие трудности связаны с получением личных документов, так как это может затрагивать интересы живущих ныне людей. К тому же личные документы хуже сохраняются. Официальные документы, получившие общественное признание, более доступны. Многие из них публикуются в периодической печати, в специальных сборниках.

Делопроизводственная документация как исторический источник не исчерпывает всего многообразия явлений действительности. Документы обычно меньше рассказывают о самом процессе деятельности. Они чаще указывают на ее необходимость или результаты, но меньше говорят о мотивах деятельности, о различных перипетиях, нюансах и других субъективных моментах. Поэтому изучение сведений документов нужно дополнять данными, извлеченными из других видов источников.

Спецификой делопроизводственной документации как вида источников является ее объективно-функциональный характер. Ее материалы нередко обеспечивают более высокую степень надежности и обоснованности исторических знаний, чем другие виды источников. Однако это еще не значит, что объективная истинность сама по себе вытекает исходя из официального служебного характера документов. Направленность, замысел и задача документа, отображенная в нем временная и пространственная ситуация, автор, заказчик, характер представления исходных данных как в смысле теоретических позиций, так и в смысле метода, стиля, объема, формы и точности изложения являются важными признаками в определении достоверности и пригодности всех, в том числе и официальных служебных документов.

Попавшие в поле зрения историка документы могут иметь лишь частичное значение для решения поставленной задачи. В процессе исследования необходимо стремиться к выявлению таких комплексов документов, которые доказательно отображали или предположительно могли бы отобразить соответствующие задачам исследования исторические обстоятельства. Но в силу закономерностей отложения и закрепления документации, в силу возможных пробелов в ней в исторической науке правомерно существование так называемого неполного знания. Анализ отдельных документов в ряду утраченных может представлять значительный интерес. При этом следует отчетливо представлять ограниченную роль данного документа в более широком историческом контексте. Отталкиваясь от сведений документов, историк прибегает к догадке, интуиции, опираясь на свой предшествующий опыт и знания.

При работе с документами по истории советского общества приходится сталкиваться с проблемой иного рода: документов, которые можно привлечь для работы, слишком много, а их содержание по формальным критериям одинаково. Необходимо решить, каким должен быть минимальный объем привлекаемых к исследо-

ванию документов. Разработка методики исследования обширных комплексов документации является весьма актуальной для источниковедения истории советского общества.

Важность и значимость документов при их отборе определяется в зависимости от целей и задач исследования. Если взять конкретный документ и попытаться проанализировать, сколько в нем содержится информации, важной для историка, то из этого ничего не получится. Так, простое перечисление вопросов, обсуждавшихся в протокольной документации того или иного органа, едва ли продвинет исследователя к решению поставленных задач. Историк должен попытаться сгруппировать материал вокруг определенной проблемы. Выделение исследовательских целей позволяет определить научную ценность сведений, их отбор, приемы анализа и обработки. В этом одна из важнейших задач работы с комплексами делопроизводственной документации.

Нужно принимать во внимание, что в документах содержатся сведения, предназначенные первоначально не для исследовательских целей, а для требований руководства и управления. Появившись на свет независимо от исследователя по другому поводу, документы анализируются историками в соответствии с задачами конкретных исследований. В зависимости от этого выделяются различные структуры сведений, разрабатываются оценочные критерии, приемы использования. Хорошо, если цели исследования и назначение документа совпадают, но чаще использование документов в исторических исследованиях обладает свойством вторичного сбора фактов. Для того чтобы обнаружить исторически значимые факты, объяснить причины исторических событий, историк как бы заново, с определенных теоретических позиций систематизирует данные документов, получает сведения, носящие более обобщенный характер. Предпосылкой строго научного решения этой задачи является знание особенностей отражения действительности в отдельных разновидностях документов.

В советском источниковедении, в практике исторических исследований разрабатываются и все более совершенствуются способы изучения документов. Имеется много работ, посвященных источниковедческому анализу комплексов документов или даже единичным документам. Иногда может создаться впечатление, что документы исследуются как бы сами по себе. Однако это далеко не так. Проблемы источниковедческого анализа даже единичных документов связаны с той ролью, которую сыграл тот или иной документ в истории советского общества. Чаще всего изучение таких документов находится в русле исследования поворотных моментов в истории нашего государства, начиная с изучения условий победы Великой Октябрьской социалистической революции. Привлечение каждого нового документа, дающего более полную картину этого события всемирно-исторического значения, представляет большую ценность. Поэтому в источниковедческих сборниках много внимания уделяется анализу документации этого периода: протоколам различных органов, решениям собраний рабочих и крестьян, анке-

там делегатов съездов Советов, переписке центральных и местных учреждений.

Хотя в источниковедческом плане может представлять интерес отдельный документ, в большинстве случаев он не дает полной картины событий. Необходимо изучать комплексы документов, связанных одной темой и взаимно дополняющих друг друга, поэтому документальные материалы исследуются обычно большими группами так, как они откладываются в процессе управления и хранятся в архиве. С помощью последовательной цепи умозаключений и выводов обобщается материал, воспроизводится ход событий, подчас уникальных и неповторимых в своем историческом своеобразии. Например, изучая директивы Главного командования в годы гражданской войны и командования армий и фронтов, приказы, доклады, боевые донесения и сводки, телеграммы, можно последовательно воспроизвести боевые операции Красной Армии.

Логика развития исторической науки такова, что требует решения все более сложных вопросов, касающихся взаимодействия большого числа факторов общественного развития самого различного свойства: экономического, политического, культурного. Отсюда необходимость расширения источниковедческой базы и привлечения все более широкого круга документов. Довольно часто документы содержат лишь отдельные фрагменты исторических событий, обладающих сложной структурой. К примеру, анализ изменений в области производственной деятельности общества всегда основывался на мобилизации большого числа фактических данных, отражающих положение дел на отдельных предприятиях и в отраслях производства и извлекаемых из первичных документов. Из данных обыденных, незначительных на первый взгляд могут складываться специфические черты крупных исторических явлений и процессов. Так, изучение социальных изменений в нашей стране за годы Советской власти складывается из миллионов индивидуальных биографий, семейных, генеалогических связей, из истории производственных коллективов, классов и других объединений людей. Изучение таких проблем требует подходить к комплексам делопроизводственной документации как к источникам массовым.

Действие различных факторов в историческом процессе реализуется через совокупность признаков и показателей, которые находят отражение в документах. Например, возрастающая роль фактора общественно-политической активности трудящихся в процессе коммунистического строительства находит широкое отражение в росте членов общественных организаций, в проведении ими массовых мероприятий, в расширении лекционно-пропагандистской, культурно-массовой, спортивной работы и во многих других конкретных направлениях в их деятельности. Все это имеет следствием рост документации.

В каждом отдельном случае значения признаков и показателей источников несут в себе небольшую, с точки зрения отражения

процесса в целом, информацию. Использование различных способов обобщения сведений, от элементарной сводки и простейших группировок до применения целой совокупности новых методов обработки данных, позволяет провратить разрозненные сведения документов в целостное знание о характере массовых исторических процессов. Обработка делопроизводственных документов как массовых источников начинается с их выявления, отбора по программе, исходящей из целей исследования и обеспечивающей единый подход при качественном и количественном анализе. Отбираются необходимые для раскрытия существа дела документы, содержащие сопоставимые между собой признаки во времени и пространстве.

В отличие от способов анализа документов, которые в настоящее время разрабатываются в экономических и социологических исследованиях, задачи историков в изучении массовой документации много сложнее, так как им приходится иметь дело с комплексами документов, откладывавшимися в течение длительного времени. Это значительно увеличивает объем материала, который нужно подвергнуть обработке, ставит проблему отбора документов по временным сериям, осложняет сопоставимость признаков и показателей. Необходимо учитывать характер изменения этих признаков в процессе исторического развития. Так, если взять признак «образование», находящий отражение практически во всех документах личного характера, то совершенно очевидно, что его значение не было одинаковым в отношении дореволюционного периода, когда получали образование наши отцы и деды, первых лет Советской власти и в настоящее время. Анализируя данные о выпуске продукции, содержащиеся во многих учетных и отчетных документах на предприятиях, нужно иметь в виду, что методы ее исчисления не были одинаковыми на всем протяжении развития нашего общества. Имеющиеся во многих документах стоимостные (в рублях) показатели должны изучаться с учетом изменения денежного курса и предполагают использование при их анализе так называемых цепных индексов. Пропуски, пробелы, отсутствие в силу каких-то причин сведений в документах также затрудняют проблему сопоставимости. Требуется кропотливая работа историка по подготовке документов к их сравнению и сопоставлению, и чем дальше по времени от нас отстоят эти документы, тем больше объем подготовительной работы. Она предполагает глубокое проникновение в историческую обстановку, знание многочисленных подробностей и деталей.

Это затрудняет использование документов как массовых источников, тем не менее в последние годы они вводятся в исследование. Большую роль в этом процессе играет все более широкое применение ЭВМ, позволяющее быстро и эффективно обрабатывать обширные комплексы документов. Наиболее разработана методика изучения документов, имеющих типовые и прежде всего статистические формы. В научный оборот введены сведения годовых отчетов предприятий, колхозов и совхозов, анкеты делегатов съездов, конференций, документы личного учета. Многие формы со-

временных документов подготовлены не только для статистической, но и для машинной их обработки.

Статистическая обработка документов предусматривает ряд последовательных операций по отбору нужных документов, анализу их содержания и выделению признаков и показателей, необходимых для исследования. Заключительная обработка сведений состоит в получении статистических распределений с вычислением процентов, средних, дисперсий (степени разброса значений признаков), в выяснении их взаимосвязей и зависимостей, в анализе таблиц сопряженности, т. е. конкретных соотношений между значениями признаков. Для осуществления подобных аналитических операций необходим большой объем вычислительных работ с применением ЭВМ. Обработка сведений документов на ЭВМ, предусматривает разработку системы кодирования признаков, т. е. снабжение их определенными шифрами или символами, понятными для языка ЭВМ, использование специальных программ обработки данных, подготовленных математиками-программистами.

Существование типовых форм документов уже само по себе указывает на наличие значительного количества документов, на их массовый характер. Когда имеются большие объемы документации, встает вопрос об их выборочной обработке. Например, известно, что во всех учреждениях существует личная документация работников, но ввести ее всю сразу в исследование невозможно, да и нецелесообразно. Даже при приеме делопроизводственной документации на длительное хранение архивы все чаще практикуют выборочный метод.

Необходимо учитывать, что выборочный метод — это не произвольный отбор каких-либо документов. Этот отбор должен быть научно обоснован. Целью выборочного метода является получение уменьшенной модели изучаемого явления или процесса с помощью отбора (случайного, типического и т. д.) комплекса документов, обеспечивающего представительность изучаемых признаков и показателей. На этой основе можно подвергнуть документы более тщательному, углубленному анализу. Применение выборочного метода разработано для тех случаев, когда объем затрат времени и средств, необходимых на обработку всего материала, не соответствует характеру решаемых задач. Выборка при соблюдении определенных правил и заранее запланированной возможной погрешности, позволяет получить достаточно надежные выводы и утверждения. Выборочный метод не применяется, когда в сфере исследования находится небольшой комплекс документов. Способы отбора в случае применения выборочного метода в обработке документов целиком определяются целью исследования и характером изучаемых признаков и показателей. Так, если большие группы документов имеют общие признаки, то для изучения последних можно применять различные способы случайного, механического отбора. Если признаки документов меняются в пределах определенных групп, лучше прибегать к так называемым серийным выборкам.

Для документации советского периода не исключен и другой вариант применения выборочного метода, когда на основании сведений небольшого сохранившегося комплекса документов нужно сделать более широкие обобщения относительно характера изучаемых процессов, т. е. произвести экстраполяцию. Например, в нашем распоряжении имеется только часть приказов о приеме, перемещении и увольнении служащих какого-либо учреждения и нужно решить, можно ли на этой основе проследить динамику кадрового состава. Очевидно, что необходимо установить представительность сохранившегося комплекса по отношению ко всему объему документации. К сожалению, пока еще в теории выборочного метода статистический анализ неполных данных — менее разработанная область исследования.

В настоящее время делаются попытки разработать подход и к индивидуальным текстовым документам как к источникам массовым. Одним из таких способов является статистический анализ содержания текстов документов, известный под названием контент-анализа. Главной задачей статистического анализа содержания документов является выделение ключевых понятий, которые принимаются за единицы содержания текста. Иногда выделение таких понятий идет от самого материала (например, вопросы, обсуждаемые в протоколах или переписке). Но нередко выделение понятий, смысловых узлов, их оценка и интерпретация требуют тщательного изучения текстов документов. В процессе статистического анализа смысловое содержание можно проанализировать путем количественного сопоставления и расчетом соотношения различных элементов текста друг к другу и ко всему содержанию комплекса документов. Анализ изменения содержания документов за длительный период времени заставляет обратить внимание на некоторые моменты, которые ускользают при обычном чтении текста. Определенные категории документов вообще невозможно изучать без предварительной классификации, оценки и анализа содержания. Это касается, например, писем, которые огромным потоком поступают в различные учреждения. Изучая многочисленные связи, которые существуют между различными понятиями, можно обнаружить их скрытый контекст. На этом основано широкое применение методов контент-анализа.

Количественный анализ содержания позволяет выявить устойчивые тенденции в деятельности предприятий, учреждений, организаций за длительный период времени, обнаружить новые явления, проследить изменение функций управления. Например, изучая протоколы заседания Президиума ВСНХ за длительный период времени, историки проследили, как менялось внимание этого высшего органа государственной власти к вопросам социалистического строительства в связи с выдвижением на повестку дня тех или иных задач. При анализе содержания документов необходимо выделять главные и второстепенные понятия, но нельзя полностью игнорировать незначительные на первый взгляд вопросы. В последующих комплексах документов они могут превратиться в весьма

существенные показатели общественного развития. Так, в документации промышленных предприятий все более значительный удельный вес получают показатели качества и эффективности общественного производства, тогда как раньше им уделялось меньше внимания.

Важнейшим условием при статистической обработке текстов документов является единство методов качественного и количественного анализов. Только такой подход позволяет обеспечить надежный уровень и обоснованность наших утверждений в историческом исследовании.

Глава 26

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

§ 1. Особенности статистических источников советского периода и основные приемы их анализа

С первых месяцев своего существования Советская власть приступила к созданию системы государственной статистики, которая должна была стать органической частью государственного управления и планирования народного хозяйства. Без такой статистики было невозможно осуществить контроль и учет, которые В. И. Ленин считал необходимым условием для организации социалистического производства и распределения, для ведения всей работы в рамках единого хозяйственного плана. Большое значение приобретало изучение социально-экономической структуры нового общественного строя и ее динамики. По инициативе В. И. Ленина летом 1918 г. было учреждено Центральное статистическое управление и определена программа его работ, создавалась система статистических учреждений по всей стране. На ЦСУ возлагалась обязанность проводить все виды статистических работ в Советской Республике и контролировать их проведение. В. И. Ленин писал, что ЦСУ должно быть «не «академическим» и не «независимым» органом... а органом социалистического строительства, проверки, контроля, учета того, что надо социалистическому государству знать теперь, сейчас, в первую голову»¹.

Таким образом, в принципах организации и в деятельности советской статистики были заложены те ее особенности, которые решительно отличали ее от дореволюционной статистики, а именно: централизация всей статистической работы и создание единой государственной системы статистической службы; единство методологии и организации государственной и ведомственной статистики; тесная зависимость всей деятельности статистических органов от задач социалистического строительства; тесный контакт с плановыми

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 156.

органами; высокая достоверность и объективность материалов учета и статистических данных.

В ходе социалистического строительства статистика представляет обширные и все более достоверные данные, которые создают статистическую основу для народнохозяйственного планирования, для контроля за ходом выполнения планов развития. Она дает необходимый материал для анализа социальной структуры советского общества на различных этапах, для выработки и обоснования политического курса КПСС. Обобщая передовой опыт и результаты хозяйственного и культурного строительства, статистика служит целям коммунистического воспитания советских людей.

Статистический учет охватывает многочисленные отрасли экономики и важнейшие общественные процессы в нашей стране (население, промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, торговля, финансы, жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, труд и заработная плата и т. д.). Из этого перечня в настоящей главе рассматривается статистика промышленности и сельского хозяйства, а также статистика рабочего класса и демографическая статистика. Характеристика этих материалов дает возможность ознакомиться с общими приемами анализа статистических источников советского времени.

Критический анализ статистического источника имеет целью установление степени его достоверности. Достоверность статистических данных зависит от нескольких причин: от цели и глубины исследования, его вида и организации, общего методологического уровня статистической науки, от способов разработки первичных материалов. Критический анализ статистического источника следует начать с изучения организации статистического наблюдения. Это нужно для того, чтобы установить территорию и объекты учета, приемы отбора исследуемых единиц для определения типичности объектов, узнать о способах сбора и проверки получаемых сведений. Информация об организации обследований содержится в архивных документах или материалах, опубликованных в статистических изданиях («Вестник статистики», «Бюллетень ЦСУ», «Статистическое обозрение» и др.). В 20-е годы статистические сборники, издаваемые ЦСУ, снабжались предисловиями, комментариями и таблицами, в которых давались сведения о методике и технике обследований, приемах разработки материалов.

При разработке и публикации статистических сведений чаще всего приводятся не все показатели, вошедшие в переписные бланки, а наиболее важные и обобщенные. Поэтому на основании инструкций и указаний следует установить порядок разработки первичных показателей и содержание разработочных таблиц. Такой подход позволит выяснить, какие из интересующих историка данных не вошли в разработку, и для получения и обобщения которых надлежит обратиться к самим бланкам.

В решении вопроса о достоверности статистических материалов необходимо учитывать более поздние исследования и публикации, в которых могут содержаться поправки к прежним показателям.

Опыт показывает, что некритический подход к статистическим материалам приводит к многочисленным ошибкам. Так, например, статистические данные о разворачивании социалистического соревнования в годы первой и второй пятилеток, особенно до стахановского движения, составлялись профсоюзными органами без достаточной проверки первичных материалов. Механическое, не основанное на строгом критическом анализе использование статистики профсоюзов может привести к искаженному представлению о размахе и динамике социалистического соревнования.

Профсоюзная перепись 1932/33 г. зарегистрировала 70—80% членов отраслевых профсоюзов. Это была самая массовая профсоюзная перепись из всех, которые проводились в годы Советской власти. На основе этой переписи нередко делаются попытки представить структуру и состав рабочего класса к концу первой пятилетки. При этом не учитывается, что перепись не охватила союз рабочих общего машиностроения, железнодорожников и работников общественного питания. Не представили материалов, хотя и провели перепись, республиканские объединения профсоюзов Узбекистана, Туркестана, Таджикистана, Закавказья. Программой переписи было предложено опросить и нечленов союза, но, как правило, их не опрашивали. Эти обстоятельства вызвали определенное смещение оценок состава рабочего класса СССР (оказались заниженными данные о численности национальных отрядов рабочего класса).

Безусловным требованием анализа статистического материала является комплексный характер использования имеющихся данных. Нередко исследователи ограничиваются изучением и обработкой некоторых показателей. Для всестороннего изучения общественного явления этого недостаточно. Нужно использовать все имеющиеся данные и различные статистические источники, сопоставляя и обобщая почерпнутые из них сведения и применяя при этом в определенном сочетании различные методы обработки материалов соответствующих статистических наблюдений. Нарушение этого правила приводит к серьезным ошибкам. Так, изолированный анализ одного из показателей состояния крестьянского хозяйства может дать искаженную картину степени социальной дифференциации крестьянства. «Чтобы осмысленно взглянуть на разложение крестьянства, — писал В. И. Ленин, — надо взять все в целом: и аренду, и покупку земель, и машины, и заработки, и рост торгового земледелия, и наемный труд»¹. Или другой пример. В работах советских историков нередко приводятся данные о связи рабочих с землей как одной из характерных черт социального облика рабочего класса страны. Но взятые изолированно, в отрыве от других сведений, эти материалы дают искаженное представление о сущности явления. Так, по переписи 1918 г. около 16% рабочих Петрограда отметили, что они имеют связь с землей. Но лишь 1,5% всех опрошенных рабочих заявили о том, что они при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 140.

нимают участие в полевых работах. Таким образом, реальные связи с землей оказались значительно меньшими, чем можно было предположить на основании учета первого из указанных показателей.

При анализе статистических данных часто прибегают к методу сравнения. На основе сопоставлений выявляются направления и определяются темпы развития явлений, показываются складывающиеся в нем характерные пропорции между различными частями изучаемого явления. При этом сопоставлять и сравнивать можно только то, что действительно сравнимо. Так, например, в одной из работ, посвященных истории рабочего класса Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания, приводятся сравнительные данные, полученные в ходе Всероссийской переписи 1897 г., городской переписи населения Петрограда 1910 г., и сведения по нескольким предприятиям Петрограда 1917 г. Причем предприятия эти не отражают отраслевой структуры индустрии Петрограда (взяты 3 машиностроительных завода и завод резиновых изделий «Треугольник»), а использованные списки рабочих не представительны даже для вошедших в подсчет предприятий. На основе таких несопоставимых данных делается попытка раскрыть характер изменений в составе рабочего класса столицы.

В отдельных случаях при анализе различных статистических сведений не учитываются территориальные изменения. Иногда приводятся сравнительные данные о размерах посевных площадей в дореволюционной России и накануне коллективизации сельского хозяйства. При этом делается вывод о сокращении посевных площадей. Это заключение не обосновано, так как территория СССР в 20-х годах была меньше территории дореволюционной России на 600 тыс. кв. км.

Непременным правилом сравнительного анализа статистических данных является выяснение методологии статистического изучения. В статистических публикациях отдельные данные за предшествующие периоды иногда изменяются вследствие введения новой методики их исчисления, в результате уточнения их величины или в целях достижения более полной их сопоставимости с другими аналогичными показателями.

Статистические материалы принадлежат к числу ярко выраженных массовых источников, так как статистика призвана отражать и изучать количественные закономерности массовых процессов. В советской статистической науке и практике были разработаны различные методы анализа статистических данных, включая и математико-статистические. Они находят все более широкое применение в исторических исследованиях. Особенно перспективно применение математико-статистических методов по отношению к первичным материалам статистики, которые хранятся в архивных фондах. В этом случае историк получает возможность применить целый спектр математико-статистических методов, начиная от различных способов группировки и классификации дан-

ных, анализа взаимосвязей статистических показателей и кончая построением сложных математических моделей. Можно также применить ряд приемов математической обработки и в отношении сгруппированных данных, содержащихся в статистических публикациях.

Применение математико-статистических методов в исследовании играет вспомогательную роль и не должно быть самоцелью. Главное — это качественный, содержательный анализ изучаемых явлений и процессов. Однако применение математико-статистических методов повышает возможности такого анализа, придавая историческим исследованиям точность количественного измерения.

В исследованиях по истории советского общества применяются такие математико-статистические приемы обработки данных, как выборочный метод, корреляционный и регрессионный анализ, факторный и компонентный анализ, методы анализа динамических рядов и другие способы. Их описание можно найти в различных учебниках и пособиях по статистике. Но нужно помнить, что историко-статистические материалы имеют ряд существенных особенностей, осложняющих применение математико-статистических методов¹.

Каждая из разновидностей статистических материалов кроме общих принципов требует специальных приемов критической оценки и анализа. О них будет идти речь при характеристике этих разновидностей.

§ 2. Статистика промышленности

Статистика промышленности позволяет проследить ход экономического развития СССР, создание материально-технической базы социализма и коммунизма. Статистические источники по промышленности можно разделить на две большие группы. К первой из них относятся материалы промышленных переписей, ко второй — данные текущей статистики.

Первая Всероссийская промышленная перепись выяснила состояние промышленности на 31 августа 1918 г. Были учтены предприятия обрабатывающей и добывающей промышленности, имеющие механический двигатель и не менее 16 рабочих, или не менее 30 рабочих при отсутствии механического двигателя.

Программа переписи состояла из 13 статистических бланков, предназначенных для заполнения. В ходе проведения переписи собирались сведения о предприятии, его владельце, организации и управлении, администрации и техническом персонале, о рабочих, финансовом состоянии, земельных угодьях и путях сообщения в пределах предприятия, о техническом оборудовании, годовом потреблении топлива, сырья, полуфабрикатов, выработке изделий.

---

¹ Подробно с основными итогами применения математико-статистических методов к анализу и обработке массовых, статистических данных можно ознакомиться в коллективной монографии «Массовые источники по социально-экономической истории советского общества» (М., 1979).

Программа переписи составлялась таким образом, чтобы выяснить динамику развития промышленности с 1913 г. по август 1918 г.

Переписью было охвачено 9750 ценовых предприятий 31 губернии европейской части страны. Полные итоги переписи были опубликованы в 1926 г. в двух выпусках «Трудов ЦСУ». В публикацию вошли таблицы, характеризующие распределение предприятий по губерниям и группам производств, их обеспеченность двигателями, состав и число рабочих, среднюю продолжительность рабочего дня, валовую годовую выработку, потребление топлива и т. д.

К сожалению, многие важные вопросы промышленной переписи не были обобщены. К их числу относится бланк «Б» — «Организация управления». Бланк включал такие важные вопросы, как динамика национализации промышленности, время возникновения и состав органов рабочего контроля, пути формирования заводоуправлений на национализированных предприятиях. Для изучения этих вопросов историкам необходимо обратиться к первичным материалам переписи.

В 1920 г. проводилась новая перепись промышленности. Переписной бланк состоял из 12 вопросов: полное наименование заведения; фамилия владельца; местонахождение; главнейшие вырабатываемые изделия; куда направлялась продукция для сбыта; сведения о помещении; число и состав работавших в заведении по полу, возрасту и состав работавших по положению в производстве; сведения о роде двигателей, их числе и мощности. При статистической обработке первичных материалов переписи ЦСУ сгруппировало данные по территориальному признаку и по группам производства. Впервые была сделана попытка выделить социальные секторы в промышленности. Однако кооперативная и частная промышленность были объединены вместе.

В декабре 1923 г. была проведена еще одна перепись промышленности. Программа этой переписи включала вопросы предшествующей переписи и, кроме того, сведения о налоговом обложении, мощности энергетического хозяйства и концентрации промышленности. В публикации итогов переписи основные показатели состояния промышленного производства давались в группировках по территориальному признаку, роду производства и по социальным секторам.

Проведение переписей 1920 и 1923 гг. нередко оценивается статистиками как методологически неправильное. В них крупная промышленность не была отделена от мелкой, поэтому публикации данных этих переписей несопоставимы с переписью 1918 г. даже в соответствующих территориальных единицах. Публикации данных переписей 1920 и 1923 гг. несопоставимы и между собой, так как перепись 1923 г. проводилась только в городах.

К середине 20-х годов среди статистиков стали раздаваться требования о необходимости проведения специальных переписей мелкой промышленности. Такие переписи были проведены в 1925, 1927 и 1929 гг. Впервые в масштабах всей страны были учтены мелкие промышленники, ремесленники, кустари.

С 1926 г. переписи промышленности были заменены ежегодными обследованиями фабрик и заводов по так называемому бланку «Б». В этот бланк включались сведения о движении сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, выработке изделий, работе машин и орудий, об изменениях в оборудовании, состоянии энергетической базы предприятия, его энергетическом и топливном балансе и т. д. Первое обследование цензовой промышленности по бланку «Б» было проведено в 1925/26 г. При публикации статистических данных о работе промышленности была впервые введена новая классификация отраслевой структуры промышленности. Старое деление по производству было заменено двумя основными экономическими группами: производство средств производства и производство средств потребления.

Начиная с 1930 г. статистика промышленности стала основываться на разработке годовых отчетов предприятий. Годовая отчетность включает в себя статистические и бухгалтерские формы. Наряду с обычными сведениями здесь содержатся данные о заключительном балансе по основной деятельности предприятия за год с приложениями, отчет о выполнении планов по выпуску валовой и товарной продукции, труду и заработной плате, о себестоимости и реализации продукции, о прибылях и убытках предприятий и т. д. Мелкая промышленность продолжала учитываться на основании специальных переписей, проведение которых с начала 30-х годов становится регулярным. Только в 1964 г. они были заменены текущим учетом и отчетностью. Этот факт необходимо учитывать при анализе публикаций статистических данных.

Данные о работе промышленности широко публиковались в статистических сборниках ВСНХ, ЦСУ. Статистические итоги развития промышленности в конце 20-х — начале 30-х годов наиболее полно отражены в справочнике «Социалистическое строительство СССР» (М., 1932, 1934, 1936).

С 1956 г. начал издаваться статистический справочник «Народное хозяйство СССР». Это издание стало ежегодным. Приводимые в справочнике данные подробно характеризуют развитие технического прогресса, степень автоматизации и механизации производства, структуру и размещение основных производственных фондов, развитие промышленности, рост капиталовложений в строительство новых предприятий, а также некоторые экономические показатели работы промышленности (себестоимость промышленного производства, производительность труда, использование рабочего времени, форма оплаты труда и т. д.). Создается новая более четкая классификация промышленных предприятий. Промышленность делится, с одной стороны, на добывающую и обрабатывающую, с другой — на тяжелую и легкую. В соответствии с этим производится классификация отраслей.

В 1957 и 1964 гг. ЦСУ были изданы специальные справочники «Промышленность СССР», в которых на основании материалов статистики было дано наиболее полное представление об основных направлениях и итогах развития советской индустрии.

Первым по времени источником, который давал статистическую характеристику рабочего класса Советской России, является Всероссийская профессиональная перепись, проводившаяся в рамках промышленной переписи 1918 г. Программа переписи была разнообразной и включала вопросы о занятии, профессии, грамотности, материальном положении, жилищных условиях рабочих, связи рабочих с землей, их участии в работе общественных организаций и т. д.

Перепись 1918 г. охватила те губернии, на которые в то время распространялась Советская власть. На Украине, в большинстве губерний Урала, Сибири перепись не проводилась. В итоге оказался завышенным процент текстильщиков в общей массе рабочих.

Разработка материалов переписи затянулась на ряд лет. Перепись не была обработана полностью. Ее итоги публиковались в следующих изданиях: Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Предварительная сводка данных. М., 1920; Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Фабрично-заводская промышленность в период 1913 — 1918 гг. — Труды ЦСУ. М., 1926, т. 26, вып. 2. К сожалению, в публикациях материалов переписи отсутствуют комбинационные таблицы, которые давали бы возможность проследить влияние различных факторов на социальную структуру и состав рабочего класса.

Для того чтобы устранить эти недостатки, необходимо было заново обработать первичные материалы переписи, что и осуществили советские историки с применением математико-статистических методов и ЭВМ¹.

В период социалистической индустриализации вопрос о составе рабочего класса выдвинулся в число важнейших политических проблем. В апреле — мае 1929 г. по решению ВЦСПС по очень широкой программе проводится профсоюзная перепись рабочего класса. Были собраны сведения о занятии рабочих до прихода в промышленность, об их участии в империалистической и гражданской войнах, о стаже работы, социальном происхождении, связях с деревней и прочности этих связей, о квалификации, уровне профессиональной подготовки, грамотности и образовании, партийности и общественной активности, об уровне культурно-политического развития. Итоги переписи были сведены в комбинационные таблицы. Публикация содержала группировки по производственному стажу в сочетании с показателями о наличии собственного деревенского хозяйства, социальном происхождении, партийности и т. д. Перепись 1929 г. охватила лишь некоторые профессиональные союзы — металлистов, горнорабочих и текстильщиков. Тем не

¹ См.: Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975.

менее публикация ее итогов имеет огромное значение для характеристики рабочего класса в годы первой пятилетки.

В 1930—1931 гг. была проведена перепись рабочих на ряде предприятий черной металлургии и машиностроения Москвы, Ленинграда, Украины и Урала. В 1930 г. состоялась выборочная перепись бумажников, кожевников, химиков, швейников, полиграфистов, деревообрабочиков, пищевиков, строителей, горнорабочих Донбасса, рабочих совхозов. Обследования 1930—1931 гг. дополнили материалы переписи 1929 г.

В 1931 г. данные о новых пополнениях рабочего класса были собраны ВЦСПС по заявлениям о вступлении в профсоюз. Заявления эти наряду с обычными анкетными вопросами содержали вопросы о занятиях отца, членстве в колхозе, об общеобразовательной подготовке, о возрасте, с которого рабочий начал работать по найму, о предыдущем месте работы и т. д. За 1931 г. ВЦСПС собрал от местных комитетов и обработал свыше миллиона таких заявлений.

В 1932/33 г. проводилась сплошная профсоюзная перепись, в ходе которой были получены сведения о почти полутора миллионах членов профессиональных союзов, дающие социально-политическую и производственную характеристику рабочего класса.

Одним из статистических источников по истории рабочего класса является единовременный учет промышленно-производственного персонала. Единовременный учет — более оперативная форма статистического обследования по сравнению с переписью. Программа таких обследований, как правило, гораздо уже программ переписи. Результаты их были опубликованы как в отдельных изданиях, так и в статистических справочниках, ежегодниках и т. д. Впервые учет персонала фабрично-заводской промышленности в масштабе всей страны был осуществлен 1 июля 1925 г. Он охватил промышленные заведения с числом работающих в них не менее 50. Программа была рассчитана на получение сведений о численности персонала по подразделениям и профессиям, о распределении работников отдельных профессий по полу, возрасту, тарифным разрядам. Обследование охватило предприятия, на которых было занято 90% рабочей силы ценовой промышленности.

Практически по той же программе было проведено обследование на 1 ноября 1927 г. В разработочных таблицах публикации его итогов приводились сведения о численности отдельных категорий промышленно-производственного персонала с распределением его по полу и возрасту на группы.

Начиная с 40-х годов систематически стал проводиться профессиональный учет рабочих и служащих (в 1941—1942 гг., в 1945 г., с 1947 по 1951 г. ежегодно, в 1953, 1954, 1955, 1959, 1962, 1965, 1969, 1972, 1975 гг.), а также учет раз в 3—4 года рабочих и служащих по полу, возрасту и стажу работы. Материалы этого учета публиковались в статистических справочниках «Народное хозяйство СССР», «Труд в СССР», в журнале «Вестник статистики». Приводимые сведения могут быть сопоставлены с данными

20-х годов, но сравнительно узкая программа ограничивает возможность их использования в исторических исследованиях.

Наряду со сплошным учетом проводились систематические выборочные обследования, характеризующие уровень материального благосостояния рабочего класса. Уже в мае 1918 г. было проведено обследование бюджетов населения Петрограда, а с мая 1918 г. по осень 1922 г. в различных районах страны — 15 единовременных обследований бюджетов рабочих и служащих. С 1922 г. ЦСУ, Наркомат труда и ВЦСПС проводили регулярное обследование бюджетов рабочих и служащих на территории РСФСР и Украины в районах и городах с различным уровнем развития промышленности. С 1928 г. на всей территории СССР были организованы круглогодичные обследования бюджетов рабочих. С этого времени они стали проводиться регулярно. Постоянно совершенствовались способы выборочного отбора. Постепенно количество бюджетов рабочих было доведено до 35 тыс. С 1969 г. данные бюджетов обрабатываются на ЭВМ.

С середины 20-х годов систематически публиковались материалы учета заработной платы. Они включались в региональные и центральные издания по статистике труда.

В послевоенные годы выборочный учет заработной платы фабрично-заводского персонала был проведен по состоянию на март 1956 г. Он охватил предприятия 35 отраслей промышленности. Следующее выборочное обследование было проведено в марте 1959 г. В ходе его были получены результаты и о работниках строительных организаций. Учет охватил 27 отраслей промышленности и 165 тыс. рабочих и служащих строительства. Программой обследования 1963 г. предусматривалось получение данных о размерах среднемесячной заработной платы, окладах и других выплатах работникам 37 отраслей промышленности и строительных организаций. Еще более широкий охват рабочих промышленности и строительства был характерен для учета 1971 г.

Более подробно с выборочными обследованиями можно познакомиться в сборнике «Выборочное наблюдение в статистике СССР» (М., 1966).

Наиболее полно статистика рабочего класса представлена в сборниках «Труд в СССР», издававшихся в 1930, 1932, 1934, 1936, и 1968 гг. Различные аспекты социальной статистики представлены также в сборнике «Народное хозяйство СССР».

Особый интерес представляют подробные данные о развитии стахановского движения, которые приводились в статистических справочниках, издаваемых ВЦСПС в 1935 — 1940 гг.

С начала 60-х годов социальную статистику дополняют данные конкретно-социологических исследований. Материалы социологических исследований представляют своеобразный исторический источник, который составлен исследователем по заранее намеченной им программе и характеризует различные стороны социального развития рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Конкретно-социологические исследования, как правило, носят

выборочный характер, и их значимость для историка во многом определяется их представительностью. Первичные материалы этих обследований, а также комбинационные таблицы, полученные в ходе их обработки, могут быть предметом исторического изучения.

За годы Советской власти было осуществлено большое число переписей служащих и отдельных профессиональных отрядов советской интеллигенции. Уже в первые годы Советской власти органами ЦСУ были проведены переписи служащих центрального аппарата управления государством. Они являются уникальным источником для изучения процесса слома старой государственной машины, путей формирования органов государственной власти, а также дают возможность воссоздать облик соответствующих отрядов интеллигенции в первые послеоктябрьские годы. В 1918 г. была осуществлена перепись служащих советских учреждений Москвы, которая охватила 231 тыс. человек. Перепись служащих 1922 г. охватила все государственные учреждения и общественные организации Москвы, Петрограда, Харькова и ряда других городов страны. В ходе проведения переписи выяснялись образовательный ценз служащих, их должность, стаж, главное занятие до Октябрьской революции, партийность, материальное положение.

В 1920 г. ЦСУ РСФСР осуществило обследование органов народного образования. Этой переписью были охвачены школы, детские дома, техникумы, профессиональные школы, учебные мастерские, курсы и т. д. Наряду с переписью учреждений народного образования было осуществлено обследование учащихся и преподавателей. При этом выяснились образование, педагогический стаж, материальное и семейное положение, общественная деятельность преподавателей различных педагогических учреждений. В 1927 г. была проведена всесоюзная школьная перепись, в ходе которой все учителя заполняли специальную анкету. Переписью обследовано 315 тыс. учителей школ.

В середине 30-х годов была осуществлена первая специальная перепись работников здравоохранения, библиотек, учреждений торговли и т. д. В 1963 г. была проведена еще одна перепись работников здравоохранения. Обследованию подлежали больничные учреждения, родильные дома, амбулатории, поликлиники, диспансеры, санэпидемстанции, станции «скорой помощи», санатории и т. д.

Первым обследованием научной интеллигенции явилась перепись научных учреждений и вузов, проведенная в 1928 г. Обследование охватило 1227 научно-исследовательских учреждений и 151 вуз.

К числу важнейших обследований нужно отнести учет руководящего состава и специалистов СССР. Впервые он был проведен по состоянию на 1 ноября 1933 г. В послевоенный период единовременные обследования численности и состава специалистов с высшим и средним образованием осуществлялись систематически. Вплоть до 1968 г. они были ежегодными, а затем проводились раз в два года. В своей совокупности статистические источники, харак-

теризующие численность и состав отдельных отрядов советской интеллигенции, дают представление о путях развития этого социального слоя.

§ 4. Статистика сельского хозяйства

Статистика сельского хозяйства была призвана занять важнейшее место в организации учета продовольственных ресурсов страны, в налаживании планирования, в анализе социально-классовой динамики крестьянства. В истории советской сельскохозяйственной статистики отчетливо выделяются два периода: один — до 1930 г., другой — с начала сплошной коллективизации деревни. В первом периоде происходило формирование системы статистических учреждений, постепенно усваивалась ленинская методология и разрабатывалась методика изучения села. Главной задачей стало изучение производительных сил, хозяйственного строя различных экономических групп крестьянства, темпа восстановления основных элементов полеводства и животноводства. Наиболее распространенным способом изучения сельского хозяйства в тех условиях, когда оно представляло собой миллионы мелких хозяйств, являлись различные виды выборочных обследований. Требуя меньших средств, времени и меньшего числа подготовленных переписчиков, при соблюдении правильной методики они позволяли получить необходимые сведения обо всем хозяйстве. В. И. Ленин широко использовал материалы выборочных обследований в своих трудах, специально занимался анализом типичности выборочных данных и рекомендовал руководителям ЦСУ проводить такие обследования.

В 1920 г. ЦСУ РСФСР провело первую в стране сельскохозяйственную перепись, которой В. И. Ленин придавал большое значение.

В задачу переписи в первую очередь входил учет производительных сил сельского хозяйства страны. Учитывались размер семьи, пол и возраст ее членов, полевые и приусадебные посевы, численность скота, сельскохозяйственный инвентарь, промыслы, хозяйства с наймом срочных рабочих (только в натуральных показателях). Доля обследованных дворов в выбранных селениях колебалась по различным губерниям от 20 до 70%. Перепись, проведенная в неблагоприятных условиях, отразила перемены в деревне, вызванные аграрной революцией, дала материал для характеристики экономического уровня деревни в конце гражданской войны и социальной структуры деревни. Итоги переписи 1920 г. стали исходным материалом для последующей статистической работы.

Основные публикации переписи 1920 г. содержат сведения по 25 губерниям европейской части РСФСР (без Украины, Северного Кавказа и Закавказья). Сводные данные печатались в «Трудах ЦСУ».

В 20-х годах наиболее распространенными были два вида выбо-

рочных обследований: динамические (или гнездовые) переписи и весенние выборочные обследования («весенние опросы»). Динамические переписи проводились ежегодно с 1921 по 1929 г. (исключая 1928 г.) в основном в одних и тех же типичных для данной природно-хозяйственной зоны группах селений («гнездах»). В большинстве губерний «гнезда» включали 3—5% общего числа крестьянских хозяйств. В целом по СССР в 1920—1926 гг. обследовалось более 600 тыс. хозяйств, представляющих около 40 территориальных единиц. В задачу динамических переписей входило систематическое наблюдение за одной и той же группой хозяйств с целью обнаружения происходящих в них «социально-органических» изменений. Обследования велись по широкой программе, куда входил учет факторов сельскохозяйственного производства (рабочая сила, посевная площадь, поголовье скота, наличие машин и орудий и т. д.) и экономических отношений (аренда земли, скота, инвентаря, наем рабочей силы, долговые обязательства и т. д.). Материалы динамических переписей содержали сведения для выяснения движения численности хозяйств в деревне, изменений в крестьянской семье, а также данные для характеристики хозяйственного развития и социально-классовой структуры села. При разработке «гнездовых» переписей первоначальное деление на сохранившиеся, разделившиеся и слившиеся хозяйства было ошибочным, поскольку «социально-органические» процессы являлись отражением глубоких социально-экономических процессов. Только внутри этих групп хозяйства объединялись по экономическому признаку — размерам посева, а также величине семьи. В последние годы выявилось стремление учесть весь комплекс факторов, характеризующий различные классы советской деревни, и разработка стала проводиться по посеву в сочетании с другими признаками (наличие рабочего и продуктивного скота, аренда, уровень денежных доходов и т. п.).

Самым первым опытом упомянутого исследования явилась выборочная районно-гнездовая перепись 1919 г., материалы которой были разработаны в сопоставлении с данными дореволюционной сельскохозяйственной переписи 1917 г. под названием «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.». Несмотря на огромные трудности в проведении и на ряд недостатков (известный недоучет посевных площадей и др.), перепись 1919 г. давала важные сведения для изучения социальных сдвигов в послереволюционной деревне, позволяла подтвердить тенденцию к осереднячиванию, к сокращению кулацкого слоя и беспосевных хозяйств.

Детальность учета экономических факторов являлась положительной стороной динамических переписей и позволила этому виду обследований лечь в основу статистического изучения социальных процессов в советской деревне 20-х годов. Однако из-за недостаточности доли изучаемых хозяйств и трудностей распространения полученных данных на более обширную территорию итоги динамических обследований не были достаточно представительными, особенно для крайних социальных слоев.

Материалы динамических исследований нашли отражение в сборниках по сельскому хозяйству, а также в специальных изданиях местных статистических бюро и ЦСУ СССР.

Проведение «весенних опросов» имело целью получение статистических сведений о состоянии важнейших факторов хозяйства к моменту окончания весеннего сева, прежде всего земледелия и животноводства. Эти данные были необходимы для определения размеров сельскохозяйственного производства в текущем году и в первую очередь валового сбора хлебов. Перепись учитывала население и такие хозяйственные элементы, как скот, инвентарь, и особенно подробно, посевы различных культур. Собирались также некоторые показатели об экономических отношениях исследуемых хозяйств (наем-сдача инвентаря и скота и наем-продажа рабочей силы). Доля обследуемых хозяйств постепенно росла — с 3% в 1922 г. она увеличилась до 10% в 1926 — 1929 гг., что обеспечивало представительность основных материалов и позволяло делать выводы в масштабах губерний и областей. Отбор обследуемых дворов производился механическим способом из поселенных списков.

Разработка первичных материалов велась по численности крестьянских хозяйств, их составу, числу работников; далее шли сведения о землепользовании с выделением размера посевной площади и ее распределении под виды культур и насаждений. Сельскохозяйственный инвентарь делился по видам и стоимости. Детально разрабатывались также данные о рабочем и продуктивном скоте и птице.

Сведения об урожайности продукции земледелия и продуктивности скота, необходимые для исчисления валовых сборов и продукции животноводства, получались путем так называемых «осенних опросов», и в особенности из сообщений сети добровольных корреспондентов (по РСФСР — около 80 тыс. человек). Объем полученной продукции определялся не посредством прямого учета, а расчетным путем.

Вопрос о достоверности материалов весеннего обследования, как и других выборочных обследований того времени, проводимых с помощью устного опроса, был весьма острым. Обычно крестьяне занижали величину засеянной площади, численность скота, урожайность. Поэтому в первоначальные показатели посевных площадей специально созданным Экспертным советом по балансу сельскохозяйственной продукции вносились поправки, достигавшие для 1925 г. 23%, для 1927 г. — 19% и исчисленные на основе всего комплекса статистических материалов.

Сводки первичных данных весенних 10%-ных переписей широко использовались в статистических сборниках ЦСУ СССР и в более подробном составе издавались в специальных публикациях местных статистических бюро. Итоговая публикация материалов 10%-ных «весенних опросов» за 1923 — 1927 гг. по сравнению с 1916 г. в разрезе республик, районов и подрайонов РСФСР была

издана в 1930 г. Здесь помещены показатели посевных площадей без поправок и с поправками на недоучет.

Наиболее массовым обследованием, близким к сплошному, был ежегодно проводимый финансовыми учреждениями страны налоговый учет. В публикуемых за каждый год сводных материалах содержались в территориальном разрезе главные показатели по элементам сельскохозяйственного производства. Однако само назначение налогового учета в наибольшей степени влияло на занижение полученных данных.

Бюджетные обследования крестьянских хозяйств ставили целью изучить производственное состояние, социальное и экономическое положение крестьян-единоличников. Они проводились по детальной программе, предполагавшей составление общего баланса доходов и расходов каждого хозяйства. Крестьянские бюджеты давали наиболее полный материал для изучения доходности отдельной семьи и в среднем по группам. Программа обследования содержала изучение элементов самого хозяйства — землепользования, посевов, скотоводства, построек, сельскохозяйственного инвентаря и т. д. В нее входил годовой баланс рабочего времени, включая постоянных и временных работников, рыночный оборот в натуре и в денежной сумме, денежные доходы и расходы на хозяйство и личное потребление. Вся работа велась силами квалифицированных статистиков. Недостатком бюджетных обследований было ограниченное число обследуемых крестьянских хозяйств (от 42 в Киргизии до 1814 в Степной Украине), что сильно сказывалось на их репрезентативности. В конце 20-х годов наряду с общепринятой группировкой хозяйств по посеву был проделан опыт группировки по величине их дохода. Чтобы избежать случайностей, для выбора объектов изучения в соответствии с имущественной группировкой волости или района, проводилось сопоставление с материалами налогового учета, а при разработке данных — с выборными обследованиями. В связи с повышенным уровнем исследованных хозяйств и с недоучетом батрацкой группы, которая, как правило, не включалась в обследование, средние показатели по посевным группам, полученные по бюджетному обследованию, отличаются от выборочного в сторону увеличения. По этой причине бюджетные данные, давая подробный и ценный материал для определения хозяйственного состояния деревни и в целом правильно определяя тенденцию экономической и социальной динамики, были мало пригодны для заключения о социальной структуре села в целом, о соотношении классовых групп. В то же время работа над бюджетными данными, в том числе с использованием методов математической статистики и ЭВМ, может быть незаменимой для качественной характеристики хозяйственного строя деревни в целом и ее отдельных социальных групп, уровня доходов и потребления крестьян, для выяснения состояния сельскохозяйственного производства, уровня товарности и других проблем, тесно связанных с переходом к социалистическому переустройству сельского хозяйства в нашей стране.

Учет валовых сборов хлебов во многом опирался на статистику урожайности. Для изучения урожайности использовались волостные статистики и широкая сеть добровольных корреспондентов (около 60 тыс.) в сочетании с деятельностью уездных и волостных экспертных комиссий.

Описанные обследования в сочетании с другими видами изучения села и ведомственной статистикой служили основанием для статистики посевных площадей, животноводства и сельскохозяйственного производства в 20-е годы. Соответствующие цифровые показатели помещены в общих статистических сборниках и справочниках. Уточненные показатели основных элементов сельскохозяйственного производства даются в сборниках «Социалистическое строительство СССР» (М., 1935), «Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г.» (М., 1936) и частично в современных изданиях ЦСУ.

При пользовании материалами переписей 20-х годов необходимо иметь в виду, что группировка по размеру посевных площадей или по численности скота, принятая при их разработке, не тождественна классовому делению деревни. В. И. Ленин при анализе социальной структуры считал наиболее правильной группировку хозяйств по совокупности основных признаков и добавлял, что единственно научная группировка — по хозяйственной состоятельности дворов¹. Одним из решающих признаков капиталистического земледелия он называл применение наемного труда. Но считая группировку по земле «явно недостаточной», он в то же время делал общий вывод, что ее «нельзя считать совершенно непригодной. Не надо лишь никогда забывать, что она преуменьшает вытеснение мелкого производства крупным и преуменьшает тем сильнее, чем шире и быстрее развивается интенсификация земледелия...»². Надо учитывать и то, что уравнительное землепользование после Октябрьской революции еще больше сглаживало различия по размеру землепользования. Размеры посевов у различных социальных групп существенно расходились по разным зонам страны.

В 1926—1927 гг. при осуществлении и разработке динамических переписей и бюджетных обследований была использована схема социально-экономических группировок крестьянских хозяйств. В основе этой группировки лежали признаки экономической мощности хозяйств (стоимость средств производства, размеры дохода и пр.) в сочетании с признаками, характеризующими экономическую зависимость и эксплуатацию (наем-продажа рабочей силы, аренда земли и других средств производства, наличие промышленного предприятия, торгового заведения). Все крестьянство разделялось на четыре классовые группы: пролетарии (батраки), полупролетарии (бедняки), мелкие товаропроизводители (середняки) и мелкие капиталисты (кулаки). Статистика колхозов в 20-е годы основывалась на ведомственном учете сельскохозяйственной коопе-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 82—91.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 207.

рации и обследований колхозов, организованных ЦСУ в 1928 и 1929 гг. Сведения публиковались в общих статистических сборниках и специальных изданиях.

В 1930 г. произошла реорганизация статистических учреждений страны. ЦСУ было преобразовано в Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана СССР. С переходом к сплошной коллективизации условия и методы сельскохозяйственной статистики существенно изменились. В основу статистики легли не выборочные обследования, а хозяйственный учет в социалистических сельскохозяйственных предприятиях и их периодическая отчетность в сочетании с периодическими переписями и учетами. Среди многочисленных видов документации наибольшее значение приобрели годовые отчеты колхозов, совхозов и МТС, содержавшие многочисленные итоговые показатели хозяйственной деятельности предприятий в течение годового цикла. Так, колхозные отчеты содержали сведения о составе коллектива, земельных и посевных площадях, сборе урожая, наличии скота и птицы, распределении продукции, доходах, выполнении плана производства, количестве выработанных трудодней, о расчетах по трудодням, финансовых показателях, о балансе колхоза и т. д. Учет в единоличных хозяйствах и в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих осуществлялся путем переписей, выборочных обследований. Большое значение приобрели также ежегодные переписи (позднее учеты) в животноводстве.

По мере развертывания социалистического строительства в сельском хозяйстве наблюдение за процессом коллективизации, организационно-хозяйственного укрепления колхозов, за механизацией производства и совхозным строительством стало первоочередной задачей. Динамика коллективизации в 30-х годах устанавливалась на основе ведомственного учета Наркомзема и Колхозцентра. Для анализа развития колхозного движения с лета 1929 г. до середины 1930 г. важное значение имеют материалы сплошного учета колхозов на 1 мая 1930 г., опубликованные в виде статистического сборника «Колхозы в 1930 году. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б)» (М. — Л., 1931), а также использованные в издании «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами» (М., 1931).

По более узкой, чем в 1930 г., программе были обработаны рапорты-отчеты колхозов в 1931 г. («Колхозы весной 1931 года. Статистическая разработка отчетов колхозов об итогах весеннего сева 1931 г.». М. — Л., 1932). Динамика колхозного строительства в стране показана в статистических сборниках по народному хозяйству, выходивших в 30-х годах.

После 1931 г. ЦУНХУ и Наркомзем должны были отказаться от проведения сплошных обследований и переписи колхозов. Сведения об экономическом состоянии и хозяйственной деятельности колхозов получали посредством изучения их годовых отчетов, которые, будучи сначала несовершенными, к середине 30-х годов приобрели необходимые качества надежности. Для сравнительного

анализа развития колхозной экономики в 1932 — 1933 гг. проводилась выборочная связная динамическая разработка годовых отчетов 7,5% колхозов РСФСР, УССР и БССР, а в 1933—1934 гг. — более 6% колхозов страны. Разработка отчетов сопровождалась обследованием отобранных колхозов. В итоге удалось внести существенные коррективы в данные о состоянии материально-технической базы, о размерах валовых (амбарных) сборов зерновых в колхозах, о численности скота в подсобном хозяйстве и получении хлеба из колхозов.

Материалы последующих статистических сборников и архивных фондов ЦСУ (ЦУНХУ), Наркомата земледелия (затем Министерства сельского хозяйства), Наркомата совхозов отражают победу колхозного строя в советской деревне, последовательное развитие материально-технической базы, организационно-хозяйственное укрепление колхозного строя, рост кадров работников сельского хозяйства, содержат данные об изменениях земельного фонда и посевных площадей. По ним прослеживаются динамика общественного скотоводства и животноводства в целом, валовые сборы и выход продукции сельского хозяйства, государственные заготовки, доходы колхозников, основные элементы подсобного хозяйства. Публикация статистических сведений, прекращенная с конца 30-х годов, была возобновлена в 1956 г. с выходом статистического сборника «Народное хозяйство СССР». С 1957 г. стали выходить ежегодники «Народное хозяйство в... году», а в 1960 и 1971 гг. были изданы сборники «Сельское хозяйство СССР». Важным недостатком этих публикаций является отсутствие в них комбинационных таблиц, затрудняющих исследовательский анализ.

В связи с остротой зерновой проблемы большое внимание уделялось определению урожайности зерновых. С 1933 г. прежнее определение собранного урожая уступило место его исчислению на корню и так называемому нормально-хозяйственному урожаю, а с 1947 г. — видовой, или биологической, урожайности. На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС была осуждена практика оценки производства зерна и другой продукции по видовой урожайности, которая значительно завышала валовые сборы.

С 1954 г. органы ЦСУ вновь перешли к учету амбарного урожая. С 1958 г. в статистических сборниках стали публиковаться пересчитанные размеры валовых сборов хлебов в предвоенные и первые послевоенные годы.

С началом коллективизации статистика животноводства стала строиться на сплошных переписях при помощи учета скота во всех категориях хозяйств в сопоставлении с данными летнего налогового учета. Первая перепись скота была проведена по состоянию скота на 1 февраля 1932 г., и с 1935 г. переписи повторялись ежегодно, по состоянию на 1 января (в 1953 — 1956 гг. — на 1 октября).

Крупнейшие перемены в экономике и во всем укладе жизни села в связи с утверждением колхозного строя вызвали новый под-

ход к анализу крестьянских бюджетов. Бюджетным обследованиям стали подвергать только хозяйства колхозников. Для обследования отбирались наиболее типичные хозяйства. В 1932 г. ЦУНХУ изучало 6,5 тыс. хозяйств колхозников, а в 1952 г. — около 26 тыс. бюджетов колхозников. Результаты бюджетных обследований зафиксировали громадные изменения во всем образе жизни колхозного крестьянства: в способах получения дохода, в распределении рабочего времени, в культуре и в укладе быта. Бюджеты колхозников можно использовать для детального изучения благосостояния сельских жителей, распределения трудовых затрат членов семьи, изучения продуктивности подсобного хозяйства, доходов колхозников от общественного и личного хозяйства, реализации продукции, структуры расходов на хозяйственное и личное потребление, натуральных продаж и покупок и т. д. Они незаменимы для историка, изучающего социальный облик колхозного крестьянства.

В истории преобразования и развития сельского хозяйства особое место занимает его механизация. Создание новой энергетической и технической базы сельскохозяйственного производства является главным направлением повышения производительности труда, интенсификации производственных процессов, увеличения продукции и оказывает сильнейшее влияние на социальное развитие советской деревни.

В 20-е годы учет сельскохозяйственных машин и крупного инвентаря производился в ходе динамических и выборочных обследований. С переходом к коллективизации и в последующие годы уровень механизации устанавливался в основном по данным МТС, обобщенным в ведомственной отчетности, и путем учета тракторов, дополняемого несистематическими переписями машин и орудий. Сведения о количестве машин, их мощности, распределении их по территориям и видам сельскохозяйственных предприятий, объеме произведенной работы заключены в общих статистических изданиях. После реорганизации МТС учет сельскохозяйственной техники ведется по данным отчетов колхозов и совхозов.

§ 5. Общая демографическая статистика

К источникам по общей статистике населения относятся материалы всеобщих переписей населения, текущей демографической статистики и выборочных обследований.

Переписи населения характеризуются рядом специфических черт. В отличие от выборочных обследований они охватывают все население. Переписи преследуют цель не только установить численность населения, но также получить сведения о его составе. Переписи проводятся поименно. Единицей обследования служит каждый человек. Иногда в переписи учитываются семьи или домохозяйство. Собираемые при проведении переписи сведения получают не из документов, а из непосредственного обращения к самому населению. Переписи дают представление о населении на

какой-либо точно установленный момент, который называется критическим моментом переписи.

В годы Советской власти было проведено несколько переписей населения — в 1920, 1923 (городская), 1926, 1939, 1959, 1970 и в 1979 гг. Нетрудно заметить, что даты проведения переписей населения совпадают с определенными рубежами в истории Советского государства: окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике; завершение восстановительных процессов и переход к социалистической реконструкции народного хозяйства; построение в основном социалистического общества в СССР; полная и окончательная победа социализма в СССР и т. д. Следует заметить, что в отличие от других направлений статистики метод сбора сведений при помощи переписей остается основным в статистике народонаселения.

Каждая из переписей имела свою программу. Первая советская перепись была проведена по состоянию на 28 августа 1920 г. Инструментарий переписи для города и села был различен. В городах заполнялись подворная ведомость, квартирная карта и личный листок. Содержание подворной ведомости было значительно шире переписного бланка. Подворная ведомость была составлена таким образом, чтобы с ее помощью дать предварительный подсчет численности населения, выяснить рекомендации по благоустройству городов.

Личный листок — основной формуляр переписи 1920 г. — содержал 18 вопросов, позволяющих охарактеризовать население по полу, возрасту, национальности, родному языку, месту рождения, продолжительности проживания, семейному состоянию, грамотности, образованию, занятиям, положению в промысле, профессии, по наличию физических недостатков и психических заболеваний. Кроме того, в переписной бланк включались вопросы об участии в войнах 1914 — 1917 и 1918 — 1920 гг., о влиянии войны на связь с сельским хозяйством и изменение занятий, о способности к труду по своей профессии. Перепись 1920 г. не могла охватить всех районов Советской России, но материалы ее, разработанные по широкой программе, дают достаточно полное представление о составе населения. Итоги этой переписи публиковались в 1920 — 1925 гг. в «Трудах ЦСУ».

В 1923 г. в связи с проведением новой экономической политики и перераспределением населения по отраслям труда потребовалась новая перепись населения, с тем чтобы получить характеристику населения СССР по ряду социально-производственных признаков. Перепись охватила только городское население по состоянию на 15 марта 1923 г. Инструментарий переписи состоял из подворной ведомости, семейной карты, квартирной карты и личного листка. Подворная ведомость характеризовала занимаемую земельную площадь, число строений, принадлежность их. Семейная карта содержала список членов семьи с указанием отношения к главе семьи, пола, возраста и характеризовала состав населения по занятиям. В квартирной карте содержались вопросы о числе

комнат, о числе жителей, о площади квартиры. Программа личного листка переписи 1923 г. была значительно уже программы личного листка в 1920 г. Она содержала следующие вопросы: пол, возраст, национальность, семейное положение, занятие, социальное положение.

В декабре 1926 г. была проведена первая всесоюзная перепись населения, которая характеризовала численность и состав населения СССР на 17 декабря 1926 г. В ходе этой переписи заполнялись личный листок, семейная карта и владенная ведомость. Личный листок содержал следующие вопросы: пол, возраст, народность, родной язык, место рождения, продолжительность постоянного проживания, семейное состояние, грамотность, физические недостатки, психические заболевания, занятия, положение в занятии и отрасли труда, а для не имеющих занятий — два вопроса об источнике и средствах существования. Ряд вопросов был предназначен для безработных. В городских поселениях на каждую семью составлялась семейная карта, с помощью которой изучались состав семьи и жилищные условия. Владенная ведомость заменяла применявшуюся при прежних переписях подворную ведомость и квартирные карты.

Материалы переписи 1926 г. тщательно разрабатывались. Только в 1933 г. была завершена публикация полных итогов переписи. Всего было опубликовано 56 томов. Издание было разбито на 7 отделов: народность, родной язык, возраст, грамотность; занятие; семейное состояние, место рождения, продолжительность проживания, физическое состояние; безработность; владение, строение, помещения в городах или городских поселениях; жилищные условия городского населения СССР; структура городской семьи. Первый отдел дает детальную характеристику населения, он охватывает 17 томов, 17-й том — итоговый по СССР. Второй отдел также состоит из 17 томов (с 18-го по 34-й). Составители стремились представить классовую структуру населения как по основным отраслям хозяйства, так и по профессионально-демографическому признаку.

Переписной лист всеобщей переписи населения 1939 г. включал 16 вопросов, характеризующих отношение переписываемых лиц к главе семьи, пол, возраст, национальность, родной язык, состояние в браке, гражданство, грамотность, образование, род занятий, место работы, принадлежности к той или иной общественной группе и др.

При проведении переписи 1939 г. в программу был включен вопрос об образовании, более четко фиксировались признаки, определяющие постоянное население, уточнены вопросы, характеризующие принадлежность к общественным группам. Впервые в истории проведения переписей населения был осуществлен сплошной контрольный обход всех жилых помещений для проверки правильности регистрации населения и выявления пропусков и двойных записей. Краткие итоги переписи были опубликованы в 1940 г.

Нававшаяся Великая Отечественная война помешала полной разработкой материалов переписи.

Перепись населения 1959 г. зарегистрировала состояние населения на 15 января. По организационным и методологическим основам перепись 1959 г. была близка к переписи населения 1939 г., но имела и некоторые отличия. Был установлен единый срок длительности проведения переписи в сельских и городских поселениях — 8 дней. Уточнено распределение населения по общественным группам, значительно подробнее характеризовался уровень образования населения СССР. Переписной лист переписи 1959 г. включал вопросы об отношении к главе семьи, о временном проживании или временном отсутствии в момент переписи, о поле, возрасте, состоянии в браке, национальности, родном языке, гражданстве, образовании, названии учебного заведения (для учащихся), о месте работы, занятии, о другом источнике средств существования (для лиц, не имеющих занятий) и об общественной группе.

Материалы переписи 1959 г. опубликованы в 17 томах. Один том — сводный по СССР, в остальных материал сгруппирован по союзным республикам. В публикации материалов переписи представлены такие вопросы, как численность, национальный состав, соотношение городского и сельского населения, уровень образования, принадлежность к той или иной социальной группе, распределение населения по отраслям народного хозяйства.

Программа переписи населения 1970 г. включала вопросы об отношении к главе семьи, о времени постоянного проживания, о поле, возрасте, пребывании в браке, национальности, родном языке, образовании, типе учебного заведения (для учащихся), источнике средств существования, месте работы, занятиях по месту работы (для пенсионеров прежнее основное занятие), для работавших в 1969 г. неполный год — о продолжительности работы в месяцах, о длительности проживания в данном населенном пункте, для живущих здесь менее 2 лет — место предыдущего постоянного жительства и причины перемены места жительства.

Перепись 1970 г. проводилась по значительно более широкой программе, чем в 1959 г. Подробнее даны группировки и по уровню образования, отдельно был выделен вопрос об источнике средств существования, включены новые вопросы, характеризующие миграцию населения. Ряд вопросов программы выяснялся на основании не сплошной, а выборочной переписи, рассчитанной на каждого четвертого жителя страны. Наряду с всеобщей переписью населения 1970 г. и одновременно с ней выборочным способом было проведено обследование маятниковой миграции населения на основе бланка учета передвижения населения от места жительства до места работы или обучения.

Обработка материалов переписи 1970 г. содержала большое число группировочных признаков и комбинационных таблиц. Дан-

ные обработки опубликованы в издании: Всесоюзная перепись населения 1970 года. М., 1971 — 1975, т. I — VII.

В 1979 г. была проведена новая перепись населения СССР. В основном эта перепись повторяла программу переписи 1970 г. Был изменен вопрос о продолжительности проживания в данном населенном пункте. Дополнительно был включен вопрос о рождаемости для женщин.

Перепись населения — достаточно точный источник, характеризующий численность и состав населения на определенную дату. Однако историк не может ограничиться только материалами переписи. Это вызвано как длительностью промежутков между переписями, так и их сравнительно узкой программой. Вот почему неизбежно обращение к материалам текущей демографической статистики и выборочных обследований населения.

Текущая демографическая статистика регулярно регистрирует все данные о рождаемости и смертности. Регистрация родившихся производится по месту рождения ребенка или по месту жительства родителей не позднее месяца со дня рождения. Регистрация умершего производится в бюро загса поселковым или сельским Советом по месту жительства или по месту смерти. Случай смерти должен быть зарегистрирован в течение трех дней. Разработка данных о родившихся и умерших осуществляется ежемесячно и по программе годового отчета. Ежегодно осуществляется выборочная проверка правильности представленных данных о рождаемости и смертности. В сельских местностях отбирается около 10% сельских Советов. В некоторых республиках проверяется 20% сельских Советов. Выборочные проверки данных текущей статистики о рождаемости и смертности показывают сравнительно большую точность этого вида источника.

Большое внимание текущая демографическая статистика уделяет миграции населения. Паспортная система в СССР с обязательной пропиской прибывающих на жительство и выпиской выбывающих является источником статистических сведений о миграции населения. Прибывающий на новое место жительства должен быть зарегистрирован на адресном листке с отрывным талоном, а затем прописан. Отрывной талон предназначен специально для статистической разработки. Регулярно проводятся выборочные обследования правильности осуществления учета вновь прибывающего или выезжающего населения.

Таким образом, историки располагают многочисленными источниками, позволяющими судить о численности и движении населения как на даты проведения переписей, так и в период между ними.

Статистические источники содержат важные сведения о всех сторонах жизни советского общества — развитии производительных сил, социально-классовой динамике, населении и т. д. Количество статистических показателей, в которых они находят отражение, постоянно увеличивается.

**МАТЕРИАЛЫ ПЛАНИРОВАНИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР****§ 1. Особенности и этапы развития плановой документации**

Плановое руководство процессами социально-экономического развития — важнейшая функция управления в социалистическом государстве. Плановая система управления основана на социалистической собственности на основные средства производства.

Материалы планирования народного хозяйства СССР — это синтетический источник, обобщающий разнообразные данные статистики, управленческой документации, результаты многочисленных научных исследований итогов экономического и социального развития страны. В планах находят конкретное выражение программные положения Коммунистической партии о путях строительства коммунизма. Основные плановые документы оформляются в виде соответствующих законодательных актов.

Источниковедческий анализ предполагает определение принадлежности документа к тому или иному типу плановой документации, анализ источников, легших в основу данного плана или отчета о его выполнении, исторических условий появления плана. В 20-х годах планирование являлось полем острой идеологической борьбы. Буржуазные и мелкобуржуазные экономисты, лидеры различных оппозиционных групп внутри партии пытались свои идейные установки выразить в планах развития народного хозяйства. Ни один из составленных ими планов не был принят Советским правительством. Но их исторический анализ может помочь более глубоко раскрыть истинные намерения тех, кто боролся против выработанных партией планов социалистического строительства.

Особенностью советских планов является единство технико-экономического и социального планирования. Все планы развития народного хозяйства включают в себя социальный аспект. Уже первый перспективный план — план ГОЭЛРО предусматривал не только строительство новых электростанций и крупных предприятий ведущих отраслей промышленности, но и важные сдвиги в географии населения, размещении трудовых ресурсов, профессионально-квалификационной структуре рабочего класса.

XVI Всесоюзная конференция ВКП(б), на которой обсуждался первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР, подчеркнула, что план должен обеспечивать: максимальное развитие производства средств производства как основы индустриализации страны; решительное усиление социалистического сектора в городе и деревне за счет капиталистических элементов в народном хозяйстве; вовлечение миллионных масс крестьянства в социалистическое строительство на базе кооперативной собственности и коллективного труда и всемерной помощи бедняцко-середняцким хозяйствам в их борьбе против кулацкой эксплуатации; изживание

чрезмерной отсталости сельского хозяйства от промышленности и разрешение в основном зерновой проблемы; значительный подъем материального и культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс деревни; укрепление руководящей роли рабочего класса на базе развития новых форм смычки с основными массами крестьянства; укрепление экономических и политических позиций пролетарской диктатуры в ее борьбе с классовыми врагами как внутри страны, так и вне ее; хозяйственный и культурный подъем национальных республик и отсталых районов и областей; значительное укрепление обороноспособности страны; крупный шаг в деле осуществления лозунга партии — догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

Важной особенностью советских планов является то, что они выражают коллективный опыт партии и народа. Все перспективные и текущие планы развития народного хозяйства СССР широко обсуждаются на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, на различных конференциях, на съездах партии, сессиях Верховного Совета.

Так, проект десятого пятилетнего плана широко обсуждался в партийных организациях, на собраниях трудящихся, в печати. Это было подлинно всенародное обсуждение, в ходе которого трудящиеся высказывали свое мнение по широкому кругу сложных и жизненно важных вопросов коммунистического строительства. Обсуждение проекта плана повсюду проходило в живой связи с делами предприятий,строек, колхозов и совхозов. В докладе на XXV съезде КПСС А. Н. Косыгин, подводя итоги всенародного обсуждения «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», говорил: «Это яркий и убедительный пример действенности социалистического демократизма, одно из его коренных преимуществ перед буржуазной демократией»¹.

Планы развития народного хозяйства отличает глубокая научность и реалистичность. Одним из важнейших показателей научности социалистического планирования является тот факт, что все без исключения планы успешно претворены в жизнь.

История планирования отражает изменения в социально-экономической структуре общества. Можно выделить три основных этапа в развитии плановой документации. Первый из них приходится на переходный период от капитализма к социализму. В это время вырабатывалась методика долгосрочного и текущего планирования. В условиях существования многоукладной экономики планы охватывали главным образом социалистический сектор развития народного хозяйства. Что касается других секторов, то здесь планы давали лишь общую перспективу развития.

Второй период планирования приходится на этап завершения строительства социализма. Этот этап характеризуется серьезным

---

¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1976, т. 2, с. 5.

развитием методологии планирования, усилением внимания к социальным сторонам планового развития народного хозяйства. В этом периоде особо выделяется время Великой Отечественной войны, когда составлялись краткосрочные планы и планирование строилось на строгой регламентации всей хозяйственной жизни.

Третий период в развитии планирования приходится на время зрелого социализма и характеризуется усилением внимания к экономической стороне составления плана. В планах развития народного хозяйства особое развитие получили вопросы социальной динамики общества. Начали составляться специальные планы социального развития отдельных предприятий, колхозов и совхозов, городов и районов страны.

Наряду с текущими и перспективными планами развития народного хозяйства СССР в 60—70-е годы получили распространение программы, определяющие комплексное социально-экономическое развитие отдельных регионов. К числу таких программ следует отнести план преобразования сельского хозяйства нечерноземной зоны России, развитие Курской магнитной аномалии, строительство Байкало-Амурской магистрали, освоение богатств Западной и Восточной Сибири, создание промышленных и лесопромышленных комплексов на Дальнем Востоке, крупнейших территориально-производственных комплексов типа Усть-Илимского, Саянского. При этом важно отметить, что комплексные программы ориентированы не только на решение текущих задач, но и на более отдаленные перспективы.

Широкая программа мер по дальнейшему совершенствованию планового руководства экономикой была определена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества продукции» (июль 1979 г.). В планах усиливается внимание к таким важным показателям, как эффективность и качество, конечные результаты производства, удовлетворение потребностей трудящихся.

Одной из особенностей современного этапа планирования народного хозяйства является то, что перспективные планы разрабатываются с учетом международного социалистического разделения труда. Социально-экономическая и политическая общность социалистических стран создала объективные предпосылки для установления новых, невиданных в истории экономических отношений между странами. Еще на VI сессии СЭВ в мае 1956 г. были обсуждены вопросы, связанные с координацией развития основных отраслей народного хозяйства стран — участниц Совета Экономической Взаимопомощи на 1956 — 1960 гг. Тогда же была достигнута договоренность о необходимости специализации производства основных групп машин и оборудования. Координация планов развития народного хозяйства социалистических стран стала главным средством обеспечения планомерного углубления международного социалистического разделения труда, важным фактором повышения эф-

фективности общественного производства и ускорения темпов экономического строительства стран.

На современном этапе коммунистического строительства вопросы управления социальными процессами решаются на качественно новой основе с использованием комплексного, системного подхода к выработке ответственных решений при самом активном и демократическом участии трудящихся масс в планировании. Уже в годы девятой пятилетки планирование социальных процессов, направленное на гармоничное развитие личности советского человека, охватило подавляющее большинство трудовых коллективов в промышленности, в строительстве, на транспорте, распространилось на колхозы, совхозы, научные учреждения, учебные заведения, целые отрасли народного хозяйства. В Татарии, на Урале, в Донбассе, Белоруссии, Башкирии была внедрена практика составления планов комплексного, социально-экономического развития городов и рабочих поселков. В Молдавии, на Украине и Северном Кавказе получили развитие планы социального развития сел и сельских районов. Особый план социально-экономического развития был составлен для Москвы. Этот план рассчитан на перспективу социального и экономического развития столицы до 1990 г. В комплексном плане развития Ленинграда и Ленинградской области намечены не только основные направления развития отраслей народного хозяйства, но также социально-культурное, бытовое строительство.

Наряду с планами социального развития составляются социальные прогнозы, базирующиеся на познании объективных законов развития общества. Прогнозы призваны заблаговременно определять характер и масштабы стоящих перед обществом задач, яснее видеть возможные проблемы и трудности, облегчать разработку и выполнение программ и проектов, выходящих за рамки пятилетия.

Плановая документация — необычайно емкий исторический источник, который содержит сведения по ряду вопросов. В плановой документации раскрываются методы руководства экономикой и социальными процессами, содержатся данные о социально-экономическом развитии страны за определенный период.

Вся плановая документация может быть разбита на несколько типов: директивные документы планирования; текущие и перспективные планы и материалы, складывающиеся в процессе их разработки; итоговые документы о выполнении планов за квартал, за год, за ряд лет.

§ 2. Директивные документы планирования

В комплексе материалов планирования большая роль принадлежит инициативным, директивным документам по составлению народнохозяйственных планов. Подобные директивные документы, как правило, первоначально принимались и принимаются партийными органами (съездами, конференциями, пленумами ЦК). На их основе вырабатываются соответствующие директивные указания советскими органами (постановления и резолюции ВЦИК, СНК

СССР, совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР). Так, первичным директивным документом по разработке первого пятилетнего плана на 1928/29 — 1932/33 гг. явилась резолюция XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства» (декабрь 1927 г.). В развитие этого решения в январе 1928 г. Совнарком СССР принял постановление о порядках и сроках составления плана с соответствующими поручениями к Госплану. Начало разработки плана девятой пятилетки связано с постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 29 декабря 1967 г. Следует заметить, что для первого этапа планирования была характерна длительная разработка директивных документов. Например, кроме упомянутых директивных документов по первому пятилетнему плану следует назвать резолюцию XVI партконференции «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» (апрель 1929 г.).

Директивные документы содержат анализ итогов социально-экономического развития страны за предшествующий период. В них приводятся обобщенные сведения об экономике страны, о динамике социально-классовой структуры общества. Так, XV съезд ВКП(б), принимая директивы по составлению первого пятилетнего плана, подвел итоги развития страны со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции. Съезд отметил, что диктатура пролетариата, национализация средств производства, транспорта, кредита, внешней торговли, земли — все это создало предпосылки, обусловившие развитие экономики СССР на социалистических началах. Иным стало соотношение между городом и деревней. Промышленность превратилась в могучий фактор социалистического преобразования сельского хозяйства и стала играть решающую, ведущую роль во всем народном хозяйстве.

XXV съезд КПСС, обсуждая директивы десятой пятилетки, также подробно проанализировал итоги выполнения заданий девятого пятилетнего плана. В решении XXV съезда КПСС отмечалось, что в результате выполнения девятого пятилетнего плана «значительно возросла экономическая мощь страны, повысилась эффективность общественного производства. Развивались социалистические производственные отношения. Совершенствовалась социальная структура советского общества. Продолжался процесс постепенного преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней»¹. Затем приводится многообразный цифровой материал, иллюстрирующий эти основные выводы.

Важные сведения, характеризующие итоги социально-экономического развития страны за небольшие периоды времени, содержатся и в директивах к составлению годовых текущих планов. Особенно часто подобные директивы принимались в конце 20-х — начале 30-х годов, когда опыта перспективного планирования было еще мало. Так, например, ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК

¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 2, с. 226.

ВКП(б) утвердил контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1928/29 г. Резолюция Пленума содержала важные сведения об итогах развития экономики страны за предшествующий 1927/28 хозяйственный год.

Директивные материалы по планированию являются важным источником для характеристики экономической и социальной политики КПСС и Советского государства. Они содержат определение самых главных, коренных задач общества на определенный период. Например, XVIII съезд ВКП(б), отмечая построение в нашей стране основ социалистического общества, определял новые перспективы развития советского общества и выдвигал в качестве важнейшей экономической задачи — догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны. Важным этапом в создании материально-технической базы коммунизма, в совершенствовании общественных отношений и формировании нового человека является десятая пятилетка. Главную задачу одиннадцатой пятилетки XXVI съезд КПСС определил следующим образом: обеспечение дальнейшего роста благосостояния советских людей на основе устойчивого, поступательного развития народного хозяйства, ускорение научно-технического прогресса и перевод экономики на интенсивный путь развития, более рациональное использование производственного потенциала страны, всемерной экономии всех видов ресурсов и улучшения качества работы.

Значение директивных документов планирования состоит также в том, что они содержат важные сведения о планах социально-экономического развития страны в территориальном (республиканском и районном) и отраслевом разрезах.

§ 3. Текущие и перспективные планы

После утверждения директив составляются текущие и перспективные планы развития народного хозяйства. Свое окончательное оформление они имеют в виде специальных законодательных актов — постановлений съездов Советов и ЦИК СССР, законов Верховного Совета СССР. Их отличие от директив заключается в большей детализации и четкой регламентации плановых заданий. Если в директивах возможно примерное определение темпов развития экономики с некоторыми допусками в большую или меньшую сторону, то план содержит строго определенные задания. Планы составляются общесоюзные, республиканские, областные, а также по отдельным отраслям, предприятиям и учреждениям. Подобная структура планов определяет характер документооборота в процессе их разработки.

Опираясь на директивы высших партийных и государственных органов, Госплан СССР разрабатывает планы в отраслевом и районном разрезах. Отдельные министерства и ведомства, а также правительства союзных республик представляют в Госплан свои проекты перспективных планов развития народного хозяйства, которые уточняются и сводятся воедино Государственной плановой

комиссией. Госплан анализирует представленные документы, вносит в них иногда существенные изменения. В результате всей этой работы создаются документы, отражающие три этапа и вместе с тем три подхода к составлению планов: планы развития отраслей; планы по отдельным районам и республикам страны; сводный, общегосударственный план.

Текущие (годовые) планы строятся на основе перспективных и призваны обеспечить последовательное осуществление задач перспективных планов. Вместе с тем годовые планы могут предусматривать решение проблем, возникающих в ходе выполнения пятилетнего плана и не получивших отражения в нем. Так, годовой план развития народного хозяйства на 1931 г. включал в себя форсированное строительство ряда предприятий черной металлургии. По годовому плану на 1950 г. началось строительство ряда крупнейших строек, которое не было запланировано в четвертом пятилетнем плане. Возможность осуществления этих строек возникла в связи с досрочным перевыполнением заданий по производству металла, оборудования, ряда строительных материалов.

Основной разновидностью перспективного плана является пятилетний план развития народного хозяйства. Из этой практики имеется одно исключение — составление семилетнего плана развития народного хозяйства на 1959 — 1965 гг. В последнее время усложнение проблем социально-экономического развития общества в условиях научно-технической революции, потребность в прогнозировании основных процессов развития обусловили появление перспективных планов, составленных на более значительные отрезки времени (10, 15, 20 лет). В отличие от пятилетних планов они менее регламентированы.

Перспективные планы развития народного хозяйства включают в себя целую систему показателей. Как правило, планы открываются сводными таблицами основных показателей, которые характеризуют масштабы и темпы предполагаемого роста материального производства: национальный доход страны, валовая продукция промышленности, производство наиболее важных видов промышленной продукции и продукции сельского хозяйства, объем перевозок, размер капитального строительства. Здесь содержатся важнейшие обобщенные показатели, отражающие рост материального благосостояния, культурного уровня советского народа, развитие здравоохранения.

К отраслевым разделам плана прежде всего относятся задания по промышленному производству, которые в конечном итоге определяют размеры капитального строительства и объем перевозок. Исключительно важное место в государственных планах развития СССР занимает производственная программа сельского хозяйства. Сюда включаются разделы о развитии земледелия, животноводства, механизации и электрификации сельскохозяйственного производства. Специальные разделы перспективных планов посвящены работе транспорта и связи. При этом планируется работа железнодорожного, водного, автомобильного, воздушного, трубопроводного

транспорта, развитие дорожного хозяйства. Одно из центральных мест в перспективных планах занимает раздел капитальных строительно-технических работ. При помощи плана капитальных работ осуществляется планирование развития материально-технической базы социалистического народного хозяйства, обеспечивается решение важнейших задач роста и развития народного хозяйства СССР.

Наконец, в планы включаются разделы: труд и кадры; культурное строительство, здравоохранение и коммунальное хозяйство. Заключительные разделы планов, как правило, посвящены внешней торговле СССР, экономическому и социальному сотрудничеству СССР с социалистическими странами. Перспективные планы социально-экономического развития включают в себя также специальные разделы, характеризующие основные направления научных поисков на предстоящий период. Наряду с заданиями по стране в целом и отдельным отраслям экономики пятилетние планы включают также основные контрольные цифры развития отдельных районов и республик страны, что позволяет осуществлять совершенствование в размещении производительных сил.

На некоторых этапах экономического развития в систему планирования вносились существенные изменения, что находило отражение в документах плановых органов. Так, в 1957 — 1964 гг. действовала территориальная система управления промышленностью и планированием. В этих условиях ведущим документом в период подготовки к составлению перспективных планов развития народного хозяйства стали планы развития экономики отдельных областей, районов и республик страны. На Госплан СССР возлагалась обязанность стыковки планов союзных республик а также ряда высших экономических органов — Госстроя СССР, Совета народного хозяйства СССР и др. Однако подобный подход к перспективному планированию скоро выявил свои недостатки. Ослабление планирования в отраслевом разрезе наносило ущерб техническому прогрессу. Административные организационные новшества усложнили процесс разработки планов, ухудшили их качество. Планы утверждались и доводились до исполнителей с большим опозданием.

Решения октябрьского (1964 г.) и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС явились важным этапом в совершенствовании методов планирования. Наряду с усилением отраслевого принципа планирования была поставлена задача создания стабильных пятилетних планов на предприятиях в условиях предоставленной им большой хозяйственной самостоятельности. Эти изменения нашли отражение и в системе плановой документации. Наряду с перспективными пятилетними планами развития страны в целом, отдельных отраслей, районов и республик страны создаются перспективные и текущие годовые планы на предприятиях, в колхозах и совхозах. Углубилось технико-экономическое обоснование плановых заданий.

Использованию планов в исторических исследованиях должно предшествовать сопоставление различных их типов — перспектив-

ных и годовых. Только в этом случае можно определить, как шло выполнение планов, как уточнялись, конкретизировались, а иногда и изменялись плановые задания. Анализ документов, послуживших основой для составления планов, в совокупности с самими планами позволяет конкретно раскрыть механизм выработки экономической и социальной политики Советского государства.

§ 4. Итоги выполнения народнохозяйственных планов

Важное значение имеют документы, характеризующие итоги выполнения планов развития народного хозяйства СССР. Общие итоги выполнения первой и второй пятилеток были подведены в специальных изданиях: Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М. 1933; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1938. Начиная с четвертой пятилетки характер публикаций итогов выполнения планов меняется. ЦСУ систематически публикует квартальные, полугодовые и годовые отчеты о выполнении планов. После завершения пятилетки издаются сообщения Госплана СССР и ЦСУ СССР об итогах выполнения пятилетнего плана. Итоги выполнения годовых планов систематически подводятся на пленумах ЦК КПСС и сессиях Верховного Совета.

Материалы о выполнении планов развития народного хозяйства представляют собой важный источник, который позволяет охарактеризовать основные итоги и направления борьбы советского народа за развитие экономики и социальный прогресс. Так, например, в итогах выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР содержалась подробная характеристика работы промышленности и ее отдельных отраслей, хода строительных работ, развития сельского хозяйства, транспорта и связи. Необычайно ценный материал по истории рабочего класса, крестьянства, интеллигенции содержался в разделах итогового обзора «Труд и быт», «Кадры и просвещение». Реальные успехи в ликвидации фактической отсталости народов советского Востока получили отражение в специальном разделе «Сдвиги в размещении отраслей народного хозяйства. Хозяйственные и культурные проблемы национальных республик и областей СССР».

Сопоставление итоговых данных с плановыми заданиями позволяет выявить эффективность плана, степень его выполнения.

Таким образом, плановые документы являются одним из важнейших источников по истории Советского государства, развития экономики, динамики социальной структуры, культуры и быта населения СССР. Трудно найти такую проблему в советской истории, которую можно было бы изучить не обращаясь к плановой документации. Материалы планирования не только дают основные отправные положения научного анализа исторического процесса, но и предоставляют в распоряжение исследователя итоговые показатели, характеризующие результаты борьбы советского народа за выполнение поставленных в планах задач. Плановые документы

следует использовать в комплексе с другими источниками об экономическом и социально-политическом развитии страны — с документами партии, законодательством, статистическими материалами, с периодической печатью и др.

Глава 28

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

§ 1. Общая характеристика советской периодической печати и принципов ее источниковедческого анализа

Развитие периодики обуславливается практическими потребностями общества. Особенно отчетливо это видно на примере современной печати. Если до Великой Октябрьской социалистической революции пресса была основным и практически единственным каналом для широкой информации, то в настоящее время существует целая система институтов информирования, включающая наряду с прессой радио, телевидение, информационные агентства. С учетом их социальных функций они именуются средствами массовой информации и пропаганды. Ведущее место среди них занимает периодика.

Мы выделяем прессу не только в связи с тем, что в настоящем учебнике анализируются лишь письменные источники. Периодика может служить самостоятельным объектом изучения в силу ее своеобразия и с учетом того, что специфика радио и телевидения требует особого источниковедческого исследования их материалов. Следует добавить, что радио получило широкое распространение с конца 20-х — начала 30-х, а телевидение — с 50-х годов, так что именно периодика отражает жизнь нашей страны за весь период существования Советского государства. По мере развития средств массовой информации печать рассматривается в комплексе с ними как важный общественный организм, который успешно справляется со своими социальными обязанностями.

Учитывая, что задача советской прессы — содействовать удовлетворению всего спектра общественных потребностей и соответственно давать информацию о различных сферах жизни и деятельности людей: производственной, социальной, семейно-бытовой, духовной и т. д., — ее можно считать источником, практически неисчерпаемым по тематике, широте охвата действительности. Подтверждением больших информационных возможностей прессы служит и тот факт, что издание газет в нашей стране достигло 7936 названий годовым тиражом 38 642 201 тыс. экземпляров, а журналов и изданий журнального типа — 4838 названий годовым тиражом 3 119 553 тыс. экземпляров. Стремление периодики к многостороннему отражению развития общества, порожденное ее социальным назначением, обуславливает значимость прессы среди других видов исторических источников, использование

ее материалов при изучении многих проблем истории советского общества.

В силу того что кроме фактов в периодике дается их оценка, печать используется как средство воспитания, идеологического воздействия, социальной ориентации. Воспитательная функция диктует строгий отбор информации в определенных идеологических целях. Советская пресса является средством пропаганды пролетарской, коммунистической идеологии, она открыто служит интересам трудовых классов.

Функциональное назначение прессы определяет ее положение в нашем обществе. Она входит в систему органов пропаганды, которые используются Коммунистической партией и Советским государством в интересах развития страны. Пресса является не только средством управления, воспитания, но источником сведений о результатах этой деятельности, о новых общественных потребностях, средством выражения мыслей, настроений, мнений широких масс трудящихся.

Направление пропагандистской и управленческой деятельности прессы определяется на основе директив КПСС и Советского государства о перспективных и ближайших задачах развития нашего общества. Партийные и государственные органы постоянно уделяют внимание содержанию, тематике, формам подачи материала в целях повышения качества печати, ликвидации идейных ошибок, художественных просчетов в работе отдельных органов. Примером может служить постановление ЦК КПСС 1959 г. о журнале «Советская печать», указавшее на недостаточное внимание этого издания к главной теме — к проблемам коммунистического строительства.

Директивные документы о печати сосредоточены в различных публикациях. Исследователь найдет их в общих изданиях: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК»; Полное собрание сочинений В. И. Ленина; Ленинские сборники; «Декреты Советской власти». Есть ряд специальных сборников: Ленин о печати. М., 1959; Советская печать в документах. М., 1961; О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М., 1972; В. И. Ленин, КПСС о печати. М., 1974. Партийные, советские, ведомственные документы — источник для анализа целей и задач, направленности прессы, содержания ее на том или ином историческом этапе.

Характер прессы как исторического источника нельзя понять без учета влияния читательской аудитории. Прессу не даром относят к средствам информации для широких масс. Она ориентируется на классовую, партийную принадлежность, возрастные, образовательные особенности аудитории, социально-профессиональную ее структуру. Определяющими факторами являются образовательный уровень населения, степень его осведомленности, развитие его информационных потребностей и интересов и экономические возможности потребления населением массовой информации. Они должны учитываться при изучении периодики как источника,

так как влияют на характер, форму подачи, отбор информации, систему аргументации в периодике.

Осуществление задач периодики имеет известные отличия в зависимости от ее основных форм — газет и журналов. Газета — наиболее оперативное средство информации. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали «...ее повседневное вмешательство в движение и возможность быть непосредственным рупором этого движения, отражение текущей истории во всей ее полноте...»¹. Преимущество журнала они видели в том, что «... он позволяет рассматривать события в более широком плане и останавливаться только на наиболее важном»². Развивая эту мысль, В. И. Ленин сформулировал целевое назначение основных форм большевистской печати: «Журнал должен служить преимущественно пропаганде, газета преимущественно агитации»³. Хотя каждая из названных форм отличается периодичностью и отсюда — оперативностью, степенью аналитичности, эти особенности нельзя абсолютизировать. В. И. Ленин предупреждал: «Но и в журнале и в газете необходимо отражение всех сторон движения... необходимо освещение теорией каждого частного факта, необходима пропаганда вопросов политики и партийной организации среди самых широких масс рабочего класса...»⁴. Примером может служить газета «Правда». В ней кроме оперативной информации печатаются теоретические, пропагандистские статьи и корреспонденции, где дается анализ событий с позиций марксистско-ленинской теории, раскрывается их закономерный характер.

Чтобы эффективно выполнять свое назначение, пресса должна доходить до каждого члена общества. Этим определяется разветвленность и сложность ее структуры, основной принцип которой был определен в решениях XII съезда РКП(б): «Для каждого основного слоя читателей необходимо создать особый тип газеты...» Широкий спектр периодических изданий отражает общественный организм с учетом партийной, классовой структуры, административно-территориального деления, профессионального, возрастного состава населения и т. д. Различные типы периодических изданий предназначены для определенных читательских групп. Назовем некоторые из них: 1) общеполитические издания для всех слоев общества; 2) издания для определенных социальных групп (рабочих, крестьян, интеллигенции) и общественных организаций (ВЛКСМ, профсоюзы), 3) профессиональные производственно-отраслевые издания для специалистов разных областей; 4) административно-территориальные издания с учетом административного деления для определенных регионов; 5) издания с учетом возрастных особенностей населения — для детей и юношества.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 1.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 328.

⁴ Там же, с. 328—329.

Сложность системы периодических изданий обуславливает разнообразную классификацию прессы. В зависимости от конкретных задач исследования она может проводиться по таким признакам, как административно-территориальный, периодичность, язык, издатель, содержание, читательское и целевое назначение.

Несмотря на разнотипность составляющих элементов системы, пресса является целостным комплексом в силу того, что все группы изданий находятся в тесной взаимосвязи. Советская периодика строго организована по принципу демократического централизма. Коммунистическая партия руководит своими центральными изданиями, одновременно используя их для руководства местной, профсоюзной, комсомольской и другими группами печати. Среди центральных изданий ведущее место занимает газета «Правда» — орган ЦК КПСС. Она сосредоточивает внимание на актуальных вопросах политики КПСС, публикует постановления ЦК КПСС и другие директивные материалы. Собственные выступления газеты «Правда» также воспринимаются как директивные, конкретизирующие то или иное направление политики Коммунистической партии. Иногда передовая или редакционная статья в «Правде» предваряет появление в ней важного партийного документа, подготавливая тем самым общественное мнение. Главные направления в освещении проблем в «Правде» являются руководящими для всей массово-политической периодики, хотя каждое издание в соответствии со своей спецификой выделяет разные аспекты. В центральных изданиях даются критические, оценочные суждения о работе отдельных органов печати на местах. Поэтому центральная руководящая пресса должна широко привлекаться при изучении любой источниковедческой темы по периодике.

Выполняя свои социальные функции, прежде всего информационную, печать обязана хранить и передавать самые различные виды источников. В ней печатаются законодательные, делопроизводственные, статистические документы, мемуары и пр. Эта видовая особенность определяет сложность структуры заключенной в прессе информации, одну группу которой составляет публикуемый материал, а другая создается самой периодикой за счет собственных источников и в своих характерных формах. Методика работы с ними различна: в первом случае используются источниковедческие приемы анализа указанных видов документов, во втором — приемы, применяемые историками журналистики.

В первой группе материалов прессы можно выделить типичные для нее и особенно важные как исторический источник официальные документы (тексты законов, правительственные сообщения, указы о награждениях, стенографические отчеты и протоколы съездов, конференций) и документы, созданные общественными организациями, коллективами, отдельными представителями трудящихся (приветствия, отклики на события, письма, обращения, воззвания, резолюции собраний, договоры о соцсоревновании и т. п.). Особенность советской периодики в том, что указанные

материалы печатаются в ней очень широко начиная с первых дней Советской власти. Материалы общественных организаций, коллективов, представителей трудящихся в отличие от официальных документов слабее, а иногда и совсем не представлены в архивах, что свидетельствует о большом значении периодики для исторических исследований. В ряде случаев печать восполняет пробелы и в официальной документации.

Соединение этих двух групп материалов периодики далеко не механическое. Между ними существует тесная взаимосвязь. С учетом формы, типа издания производится тщательный отбор к публикации тех документов, которые необходимы в данный момент для пропаганды, определенной ориентации общественного сознания, в организационных целях. В свою очередь, публикуемые официальные материалы становятся отправной точкой для работы с ними на страницах прессы. Собственными материалами периодика разъясняет, пропагандирует обнародованные директивы, помещает отклики на них. Степень важности, актуальность официальных публикаций подчеркивается их местоположением на страницах издания, рубрикацией, объемом комментирования. Введение директивных документов в систему всех материалов прессы позволяет организовывать более действенную агитацию и более глубокую пропаганду первых, а исследователь, работающий с периодикой, получает возможность не только познакомиться с официальными материалами, но и понять их роль, общественное значение, отношение к ним различных социальных групп. Таким образом, в периодике происходит процесс интеграции источников других видов с учетом воспитательных, идеологических и организационных задач. На основе такого органического объединения пресса формируется как качественно новый, самостоятельный вид исторического источника.

Своеобразие прессы как источника заключается не только в особой информационной функции, в сложной структуре, но и в разнообразии ее специфических жанров. По степени близости к изображаемому событию информация в периодике может быть условно разделена на непосредственно и опосредствованно отображающую действительность, а по соотношению фактического материала и авторского комментария, по степени обобщения фактов — на фактографическую и аналитическую.

В этой связи жанры периодики можно условно разделить на три группы: информационные, аналитические, художественно-публицистические.

Для первой группы, при всем многообразии вариантов (записка, отчет, репортаж, интервью), общей чертой является стремление наиболее точно передать знание о событии, факте. Специфика определяется степенью комментирования последних. Записка — это констатация факта, лаконичная передача некоторой суммы сведений без оценочных моментов. Отчет отличается описанием подробностей события, деталей объекта (количество и фамилии участников события, содержание выступлений и т. д.).

Этот жанр информации используется для описания дипломатических переговоров, встреч, важнейших государственных событий, где требуется передача самых существенных моментов в минимальном объеме. Субъективный план, оценочные моменты сведены здесь до минимума, в связи с чем от историка требуется проверка достоверности только самого факта. В репортаже авторское отношение к событию выражено очень четко. Призванный передать соучастие автора в описываемом событии, репортаж сочетает документальную неопровержимость с наглядностью, прочувзованностью. Поэтому при использовании его в качестве источника историк-источниковед должен уделить особое внимание личности автора. Интервью отображает отношение к событиям сразу двух лиц — журналиста и его собеседника. Этот жанр часто дает возможность получить дополнительные сведения о событии, яркие детали от интервьюируемого. Но для анализа текст интервью сложен, так как необходимо проследить точность передачи фактов, понять отношение к ним журналиста, которое находит свое выражение в формулировании вопросов, и выяснить отношение издания к ним через отношение интервьюируемых лиц.

К аналитическим жанрам относятся корреспонденции, рецензии, обозрения, статьи. Основная цель этих материалов — передача не столько событий, фактов, сколько авторских размышлений по поводу их. В связи с этим авторская интерпретация выдвигается на первый план по сравнению с описанием факта. Особенно характерно это для жанра статьи. Она предполагает глубокое понимание существа излагаемой проблемы, отличается высокой степенью обобщения фактов и событий. Факт выступает как иллюстрация или аргумент в рассуждениях автора. Статья требует сложной источниковедческой работы, сосредоточенной в основном вокруг личности автора, так как осмысление представленных в статье фактов основано на жизненном опыте, эрудиции, его идейных воззрениях. В корреспонденции факты изображаются во всех деталях, в конкретных проявлениях, но одновременно происходит осмысление их.

Художественно-публицистические жанры (очерк, фельетон, памфлет) сочетают документализм с литературным вымыслом, дают эмоциональную оценку событий.

О ценности отдельных жанров как источника можно судить лишь применительно к конкретному исследованию. В одних случаях необходим фактический материал, например для восстановления хода событий. В других, в частности при анализе истории общественной мысли, воззрений того или иного периода, особенно велика роль исследования авторского комментария. Знание особенностей жанров дает основу для квалифицированного использования периодики в качестве исторического источника.

Так как главным фактором развития прессы является эволюция советского общества, то пресса не может рассматриваться в отрыве от основных этапов истории нашей страны. В развитии печати выделяются два основных периода: 1) переходный от ка-

питализму (1917 г. — середина 30-х годов); 2) полной и окончательной победы социализма, развитого социализма и строительства коммунизма (середина 30-х годов — 70-е годы). Внутри каждого из них можно выделить более мелкие. Сохраняя ведущие направления, классификационные группы, периодика каждого периода отлична по степени развитости, дифференциации, проблематике, материально-техническим и экономическим условиям существования.

§ 2. Периодическая печать переходной от капитализма к социализму эпохи

Основой советской прессы явились созданные еще до Великой Октябрьской социалистической революции легальные и нелегальные большевистские периодические издания. Всего накануне Октября большевистская партия располагала 75 газетами и журналами. Они выходили во всех важнейших районах и крупных промышленных центрах страны тиражом 3,5 млн. экземпляров в неделю, около 600 тыс. в день.

Общественное назначение прессы впервые четко сформулировал В. И. Ленин: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»¹. Основное целевое назначение советской периодики В. И. Ленин определил так: «Печать должна служить орудием социалистического строительства...»² В этом же русле функции советской прессы были намечены на VIII съезде РКП(б): печать называлась «могучим орудием пропаганды, агитации и организации, незаменимым средством воздействия на самые широкие массы».

Определяющее влияние на развитие прессы оказал целый ряд факторов. Прежде всего введение демократических свобод, в том числе свободы печати, рост политической активности масс, вызванный революцией. Формированию советского читателя способствовали успехи культурной революции. По мере роста грамотности в стране увеличилось число читателей. Эти факторы наряду с ростом населения СССР обуславливали все больший спрос на газеты и журналы, диктовали необходимость интенсивного расширения прессы.

На протяжении первых лет Советской власти выделились основные структурные группы прессы. К началу 20-х годов сложились две главные из них: партийная и советская. Строго спланированную сеть этих органов возглавляла газета «Правда», выходившая в Петрограде, а с 16 марта 1918 г. — в Москве как орган ЦК и МК РКП(б). Большое участие в работе «Правды» принимал В. И. Ленин. Он был автором сотен статей, обзоров, публицистических выступлений на ее страницах. Три центральные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 11.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 192.

газеты: «Правда», «Известия ВЦИК» и «Беднота» (орган ЦК РКП(б)), — судя по анкетным опросам читательской аудитории, уже в 1918—1920 гг. стали наиболее популярными периодическими изданиями.

Складываются группы профсоюзных и комсомольских изданий. С 1921 г. стала выходить газета «Труд» — орган ВЦСПС, с 1920 г. — газета железнодорожников «Гудок». Комсомольско-молодежная печать была представлена газетой «Комсомольская правда» (с 1925 г.), журналом «Молодая гвардия» (с 1922 г.), «Смена» (с 1924 г.), «Журналом крестьянской молодежи» и др.

Важное место в советской печати во время гражданской войны и иностранной интервенции занимала красноармейская и партизанская периодика. Около 100 массовых красноармейских газет, в том числе «Солдат революции», «Красный кавалерист» (издавалась в конном корпусе С. М. Буденного), «Красный воин», редактировавшийся в 1920 г. Д. А. Фурмановым (9-я армия), дают большой материал по истории гражданской войны.

Структурному усложнению прессы способствовала ликвидация национального неравенства, правового и фактического: появился комплекс изданий на языках народов СССР, в том числе и тех, которые до революции не имели письменности.

По мере развития экономики, науки и техники в стране расширялось издание профессиональной периодики. К 1941 г. каждая отрасль хозяйства, науки и культуры имела свой специальный журнал. Только историческая наука начиная с 1921 г. получила несколько периодических изданий: «Пролетарская революция» (1921—1941), «Красная летопись» (1922—1934, 1936—1937), «Каторга и ссылка» (1921—1935), «Красный архив» (1922—1941), «Историк-марксист» (1926—1941).

Большую группу в структуре советской печати составляли массовые издания. Массовая рабочая и крестьянская печать появилась в восстановительный период, но начало ей было положено еще в годы гражданской войны, когда газеты изобиловали разного рода приложениями, страничками и листками с определенным адресом: страничка работницы, крестьянина, молодого пахаря, рабочей молодежи. Неоднородность различных групп населения по политическому и культурному уровню порождала необходимость политического просвещения, повышения грамотности всех социальных слоев, стремление дойти в агитации, пропаганде идей социализма до каждого рабочего, крестьянина, жителя той или иной национальной республики. Ярким примером массовых изданий были «Крестьянская газета», «Рабочая газета», «Журнал крестьянской молодежи». При этом две первые были органами ЦК РКП(б).

От остальной периодики массовую печать отличали даже формы подачи материалов: краткие статьи и заметки, построенные по ясному плану, набранные крупным шрифтом. Чтобы знать интересы своих читателей, отражать их, массовая печать опиралась на институт рабочих и сельских корреспондентов, поя-

вившийся в первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Для массовой печати характерно сочетание черт руководящего и массового органа. Чтобынастоящему быть орудием классовой борьбы, проводником влияния партии на массы, массовая печать должна быть доступной широкому читателю. Выполнялся завет В. И. Ленина: газета «должна быть популярной, в смысле доступности миллионам, но отнюдь не впадать в популярничанье. Не опускаться до неразвитого читателя, а неуклонно — с очень осторожной постепенностью — поднимать его развитие»¹. Даже простое перечисление постоянных отделов, к примеру, «Крестьянской газеты» показывает, что массовые издания ставили целью разностороннее, политическое и культурное воспитание трудящихся: «Декреты и разъяснения», «Партия и ее работа в деревне», «По Союзу Советских республик», «В других странах», «Письма из деревни», «Город — деревня», литературный отдел.

На протяжении 1917 г. — середины 30-х годов сложились основные типы газетной периодики в территориальном разрезе: всесоюзная, республиканская, краевая и областная, автономных республик и областей, городская, низовая. Возникали новые типы газет. В 1928 г. появилась районная газета, ставившая целью обслуживание многомиллионного сельского населения страны.

Журнальная периодика дифференцировалась на массовую, научную, научно-популярную, научно-практическую и производственную, инструктивно-методическую, официально-документальную, справочную.

Некоторые виды периодики были характерны только для данного периода. В годы гражданской войны и иностранной интервенции и последующего восстановления народного хозяйства были широко распространены печатные стенные газеты РОСТА, «АгитРОСТА», «Окна РОСТА», издания агитпоездов и пароходов. Специфическим типом был журнал-учебник, возникший в период ликвидации массовой неграмотности в связи с нехваткой учебной литературы. Зарождались новые типы периодической печати: появилась фабрично-заводская газета (многотиражка).

Содержащаяся в прессе информация отличалась широтой тематики. Уже на протяжении первого периода развития в советской журналистике сложились традиционные темы, которые являются ведущими до настоящего времени: руководящая роль КПСС коммунистическим строительством, коренные изменения в экономике, политике и культуре нашей страны после Великой Октябрьской социалистической революции, миролюбивая внешняя политика СССР, информация о внешнеполитических событиях, творческая деятельность трудящихся.

В период гражданской войны большое место на страницах газет и журналов отводилось военным событиям. Но уже тогда В. И. Ленин в статье «О характере наших газет» поставил перед

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 15.

советской прессой задачу всестороннего показа социалистического строительства, требовал *«воспитания масс на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни...»*¹. Особенно важным В. И. Ленин считал участие печати в реорганизации социалистической экономики и поэтому настойчиво предлагал: *«Побольше экономики... в смысле собирания, тщательной проверки и изучения фактов действительного строительства новой жизни. Есть ли на деле успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они?»*² Чуть позже в статье «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин вновь ставит вопрос о превращении прессы «из органа сенсаций, из простого аппарата для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи — в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому»³.

Выполняя указания В. И. Ленина, печать рассказывала о восстановлении фабрик и заводов, укреплении смычки города и деревни, об открытии первых коммун. В годы индустриализации на страницах газет и журналов освещались вопросы борьбы за режим экономии, строительства новых предприятий и первых крупных гидроэлектростанций, экономические преобразования в союзных и автономных республиках, краях и областях. Много места печать отводила освещению процесса перестройки сельского хозяйства на социалистических началах — созданию колхозов, совхозов, ликвидации кулачества как класса. Периодика активно участвовала во всенародной борьбе за выполнение народнохозяйственных планов. В годы первых пятилеток почти во всех центральных и местных газетах давались оперативные сводки о достижениях и недостатках в работе фабрик, заводов, трестов, железных дорог.

В. И. Ленин рассматривал советскую печать как важнейший инструмент, способный обеспечить гласность итогов, форм и методов социалистического соревнования, «сравнимость результатов движения к социализму...»⁴, способный сделать передовой опыт достоянием масс. Статьи, заметки, репортажи в периодике 1919 г. стали важными документами о коммунистических субботниках. В 30-е годы пресса подробно освещала стахановское движение. Значение этой темы усиливалось по мере роста масштабов движения за коммунистический труд.

Непреходящий интерес к деятельности масс, который является важной особенностью советской прессы, проявился в проблематике газет и журналов с первых лет Советской власти. В ней нашли отражение трудовая деятельность рабочего класса, его уча-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 91.

² Там же, с. 90.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 149.

⁴ Там же, с. 153.

стие в общественно-политической жизни, вклад в преодоление отсталости национальных районов, в создание тесного союза с крестьянством и интеллигенцией. Пресса широко освещала жизнь крестьян: процесс коллективизации, различие в характере труда в единоличных хозяйствах и колхозах и совхозах, возрастание политической активности советского крестьянства, изменения в психологии, культуре, быте деревни. Постоянным вниманием пользовалась тема о глубоких качественных сдвигах в облике советской интеллигенции: участие ее в социалистическом строительстве, изменения в численности и т. д.

На протяжении первого периода в истории советской прессы была создана и постепенно совершенствовалась служба информации. Организованное по постановлению ВЦИК в 1918 г. Российское телеграфное агентство (РОСТА) снабжало прессу сведениями о внутренних и международных событиях, для провинциальных газет оно было единственным источником информации. С созданием ТАСС в 1925 г. РОСТА стало агентством РСФСР, а в 1935 г. было ликвидировано.

В период организации РОСТА, первых шагов ТАСС в их работе были недостатки, порожденные слабостью технических средств связи, неподготовленностью кадров, сложностью международного положения Советской страны. Это надо иметь в виду при оценке достоверности, точности информации, питавшей прессу.

Однако если по принципам организации материально-технической базы служба информации не сразу смогла стать выше дореволюционной, то по содержанию своей работы она коренным образом была иной с момента возникновения. К сотрудникам РОСТА предъявлялись важные требования: вся информация, передаваемая корреспондентами, должна быть основана на строго проверенных фактах, информация должна быть объективной. Ряд центральных газет имел собственных корреспондентов. Выяснение вопросов, связанных с методами получения информации, существенно важно для определения достоверности, полноты, структуры материалов прессы. Исследователь должен учитывать степень надежности источников информации, особенно при изучении прессы первых лет Советской власти, когда служба информации только налаживалась, а связь с местами была недостаточной. В результате советская печать пользовалась иногда случайными сообщениями, информацией буржуазных газет, что приводило к ошибкам в географических названиях, фамилиях, к искажению фактов.

Печать не смогла бы выполнять свои функции без систематического, постоянного воздействия на массы. В. И. Ленин отмечал, что без «часто выходящей и правильно распространяемой газеты» невозможна живая политическая агитация. Поэтому уделялось большое внимание распространению периодики. К началу 30-х годов окончательно сложилась система распространения печати через аппарат связи. Подписка на газеты и журналы играла ведущую роль, через нее распространялось до 80% изданий. Это

обеспечивало постоянство и оперативность воздействия печати на массы, свидетельствовало о возрастающем влиянии периодики.

Основная особенность периодики переходного периода как источника обусловлена спецификой социальной структуры общества — существованием слоя эксплуататоров, собственников. Сложная расстановка классовых сил в стране, особенно в первые годы после Октября, породила разнообразие политических направлений отдельных органов печати, их идейную неоднородность. Эта особенность постепенно, по мере развития и укрепления системы партийно-советской печати, к концу 20-х годов исчезала. Классовое происхождение и политическая направленность периодических изданий являются в этих условиях важным ориентиром для классификации и изучения по различным параметрам прессы переходного периода.

С октября 1917 г. ведущей силой в периодике Советской Республики стала пролетарская печать. Однако наряду с ней какое-то время функционировала пресса контрреволюционного, буржуазно-помещичьего лагеря и мелкобуржуазных партий и организаций.

К органам печати контрреволюционного, буржуазно-помещичьего лагеря относились монархические, черносотенные, многие аполитичные частные издания. Советское государство в первые месяцы после победы революции допускало существование буржуазных газет и журналов, если они не печатали явно антисоветских материалов. Но контрреволюционная печать постоянно нарушала этот запрет, в результате с ней шла непрекращающаяся острая борьба. К концу 1918 г. печать буржуазно-помещичьего лагеря была ликвидирована полностью.

Особую группу изданий составляла печать меньшевиков, эсеров, анархистов и других мелкобуржуазных партий и объединений. Эсеры имели в 1918 г. 44 печатных органа, меньшевики — 32, анархисты — 15. Периодические издания некоторых соглашательских партий просуществовали до лета 1919 г. В первые годы Советской власти в эту группу входила часть изданий профсоюзов и некоторых других общественных организаций. В 1918 г. одна треть всех профсоюзных периодических органов занимала мелкобуржуазные позиции. Этот пример ярко иллюстрирует необходимость учета направленности изданий при работе с периодикой переходного периода.

Деятельность мелкобуржуазной печати оживилась в связи с переходом к нэпу. В первой половине 20-х годов возникает ряд изданий, которые стояли на буржуазных позициях и вели антисоветскую пропаганду. К ним относился ряд частных журналов, издания сменовеховских организаций. Эти органы критиковали экономические преобразования, восхваляли капиталистические способы хозяйства. Из журналов буржуазного толка можно назвать «Мысль», «Мысль и слово», «Голос минувшего», «Вопросы философии и психологии», «Вестник литературы». Сменовеховские издания (газета «Россия», журналы «Летопись дома литерато-

ров», «Современный мир») в идейном отношении были неоднородны. Это объяснялось сложностью сменовеховского движения, где были и искренне стремившиеся понять Советскую Россию люди, и затаившиеся ее враги. Анализ материалов сменовеховской печати надо вести с учетом данной особенности.

Буржуазные издания в период нэпа выходили под строгим контролем со стороны партийных и государственных органов. Основными типами буржуазной печати были литературно-художественные, профессионально-отраслевые издания. Им были присущи гибкость, умение возрождать закрытые органы печати под иным названием, но с прежним направлением. Например, журнал «Экономист» — издание инженерного общества, которое В. И. Ленин назвал «органом современных крепостников», — после закрытия стал вновь издаваться под названием «Экономическое возрождение». Умение вести критику мероприятий Советской власти «эзоповским» языком даже в непривычных для политических выступлений жанрах (лирических стихотворений, рецензий и т. п.), привлечение в число авторов молодых советских писателей и журналистов (Вс. Иванова, К. Федина, Н. Асеева, Н. Тихонова) обуславливают необходимость строгого критического подхода к этому источнику.

Обострение классовой борьбы с введением нэпа, усиление в связи с этим идейной борьбы в партии сказались и на партийно-советской печати 20-х годов. Хотя в целом это было время, когда печать сформировалась в своих основных чертах в том виде, как она дошла до сегодняшнего дня, указанные факторы в ряде случаев порождали снижение идейной требовательности к материалам прессы. В резолюции XII съезда РКП(б) о печати и пропаганде отмечались «слабая связь с массами, недостаточно полное отражение текущих нужд и запросов трудящихся... недостаточная выдержанность газет в партийно-политическом отношении». Правда, речь шла о временных колебаниях, отклонениях, а не о постоянной позиции изданий. Тем не менее этот момент следует учитывать при изучении прессы переходного периода. Примером может служить такой факт. Журнал «Вестник труда» (орган ВЦСПС) в 1924—1925 гг. своевременно не помещал материалы о таких ценнейших начинаниях рабочего класса, как производственные совещания, проведение производственных конкурсов, не уделял должного внимания вопросам борьбы за режим экономии. Все это выясняется при сравнении данного журнала с другими профсоюзными изданиями, например с материалами «Ленинградского металлиста». Здесь сказалось влияние правооппортунистических взглядов руководства ВЦСПС на редакцию «Вестника труда». С учетом этого обстоятельства надо подходить к публикациям журнала 1924—1925 гг. и по другим темам.

Основу для понимания классовой и политической направленности периодического органа дает анализ происхождения, целей и задач его. Источником такого анализа служат программа данного органа печати и состав его материалов. Последний не может

быть понят без учета политических и социальных тенденций авторов. Вплоть до начала 30-х годов наряду с ветеранами большевистской прессы, крупнейшими деятелями Коммунистической партии и Советского государства, на страницах периодики могли печататься люди, настроенные враждебно к Советской власти. С выяснения классовых позиций следует подходить к оценке работы определенных редколлегий, редакций. В их составе были иногда представлены члены антипартийных групп и фракций. На эти моменты обращалось внимание в ряде партийных решений. Например, в резолюции XIV съезда ВКП(б) «О «Ленинградской правде» была вскрыта позиция этой газеты, превратившейся под влиянием «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым во фракционное издание. XIV съезд поручил ЦК ВКП(б) принять меры по изменению и улучшению состава редакции. С 30 декабря 1925 г. газета стала выпускаться новой редакцией под руководством видного деятеля нашей партии И. И. Скворцова-Степанова.

Важной особенностью прессы рассматриваемого периода является зарождение и широкое развитие рабселькорства. Привлечение к сотрудничеству большой армии добровольных помощников — рабочих и сельских корреспондентов, военкоров, общественных сотрудников — многократно увеличивало информационные возможности прессы, облегчало всесторонний показ жизни и деятельности трудящихся. Эта особенность способствовала обеспечению достоверности периодики. В то же время она осложняет решение одной из важнейших источниковедческих задач: поиски авторов, знакомство с их взглядами, профессией, отношением к описываемым событиям.

Источником первичных представлений о печати как социальном явлении, ее становлении и развитии служат прежде всего справочные издания. Наиболее полный из них — «Периодическая печать СССР» в 10 томах (М., 1955—1963) — учел около 20 000 наименований журналов, издававшихся в 1917—1949 гг. Подробный перечень журналов и газет дает «Летопись периодических изданий СССР в ...году» (выходит с 1934 г.). Некоторые сведения о газетах 1917—1933 гг. можно найти в издании «Весь СССР на...год», в каталогах периодики, публиковавшихся Наркомпочтелем для почтовых отделений. Началось издание сводного указателя советских газет (Газеты СССР. 1917—1960. Библиографический справочник. М., 1970—1976, т. 1—2). Статистические сведения о советской прессе даны в ряде сборников.

Большой и интересный материал могут дать архивы редакций и специальных учреждений, созданных для обслуживания прессы (РОСТА, ТАСС, Центропечать и др.): протоколы заседаний редколлегий, анкеты читателей, переписка, личные дела сотрудников, сведения об авторах, документы, послужившие поводом для появления тех или иных публикаций. К сожалению, архивные комплексы сохранились далеко не полностью, а в ряде случаев совсем утрачены. Например, отсутствуют фонды редакций газет

«Правда», «Беднота» за 1917--1920 гг. Дошедшие до нас фонды «Известий ВЦИК» и «Петроградской правды» за эти годы состоят из немногочисленных второстепенных материалов. Однако сохранились архивы редакций «Экономической жизни» (ЦГАОР СССР), «Московской газеты Красной Армии» (в фонде Моссовета), фонд РОСТА (ЦГАОР СССР). За период первой пятилетки историки имеют в своем распоряжении материалы редакций журналов «Наши достижения», «Пролетарский авангард», «Знамя», «Земля советская», «Пролетарская революция», сосредоточенные в ЦПА ИМЛ, ЦГАЛИ, в Институте Русской литературы АН СССР в Ленинграде.

§ 3. Периодическая печать эпохи победившего и развитого социализма

Пресса на втором этапе своего развития также имеет ряд особенностей. Прежде всего, отражая единство современного советского общества, она идеологически однородна. Завершен процесс создания внутреннего единства. Марксистско-ленинская идеология лежит в основе всех советских периодических изданий эпохи победившего социализма. Вся периодика СССР неуклонно проводит в жизнь политическую линию партии, целеустремленно пропагандирует марксизм-ленинизм. Единые принципы лежат в основе ее работы — коммунистическая идейность, объективность, правдивость, принципиальность, — что и обуславливает доверие к советской прессе как источнику. Однако каждый раз эта оценка должна быть конкретно раскрыта применительно к изучаемому изданию и аргументирована исследователем. Основная задача такого анализа заключается в выявлении, насколько последовательно соблюдаются в этих органах печати принципы партийности, верности коммунистическому мировоззрению, открыто заявленные советской прессой.

Правильный отбор, анализ и оценка фактов — основа для достоверной передачи действительности. Буржуазному объективизму, сосредоточившему основное внимание на точном воспроизведении отдельных фактов, советская журналистика противопоставляет коммунистическую объективность. В этой связи важно, чтобы при достоверности отдельных фактов точно передавались явление, процесс в целом. Отбор фактов не означает искажения общей картины. Это направление анализа периодики четко прослеживается в циркулярном письме управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О недостатках газет в освещении практики предприятий» (1943). В нем обращалось внимание на работу ряда местных органов печати, поверхностно освещавших деятельность промышленных предприятий, отбравших для печати информацию лишь о лучших из них, результатом чего явилось неправильное представление о положении в экономике этих районов в целом.

Но достоверное отражение крупных процессов и явлений безусловно зависит от правильности, точности отдельных фактов. Советская журналистика придает большое значение их проверке перед публикацией. Тем не менее это не снимает с исследователя обязанности оценить и проверить достоверность фактического материала. Источниковедение накопило немалый опыт в проверке сообщаемых прессой сведений. Оправдали себя сопоставление сообщений различных периодических органов по одной теме, выявление откликов читателей, часто равнозначных опровержению на тот или иной материал (по самой периодике или редакционным архивам), сверка публикаций с рукописями на всех стадиях их подготовки, сопоставление с выявленными в архиве документами по той же теме, с воспоминаниями и другими источниками. Один из возможных приемов — поиск в архивах различных ведомств, центральных и местных, откликов на выступления газет и журналов, которые обычно обсуждаются в различных инстанциях.

В связи с ликвидацией классовых противоречий в обществе и созданием внутреннего единства прессы принципиально изменяется вопрос о классовом происхождении и политической направленности периодических изданий. Периодика функционирует с учетом тех социальных и возрастных групп, которые есть в нашем обществе. Специфика периодического органа на современном этапе заключается в ориентации на определенную читательскую аудиторию, в его конкретных в связи с этим целях и задачах. Этим определяется структура информации. Материалы всех периодических изданий делятся на универсальные, которые приводятся в каждой группе (органе) печати, и специфические, отражающие интересы определенных общественных категорий: интеллигенции, рабочих, колхозников, молодежи и т. д. Газета «Правда» адресует часть своих публикаций коммунистам, партийным работникам, «Известия» — депутатам Советов, работникам государственного аппарата.

На современном этапе характерное для советской периодики рабселькоровское движение эволюционировало и практически превратилось в массовое участие трудящихся в работе прессы, в постоянную связь населения с прессой, в первую очередь через письма трудящихся. Этот момент важен для оценки достоверности прессы, поскольку отклики читателей — один из основных ориентиров для проверки сообщаемой в прессе информации.

Существенной особенностью периодики стало обилие информации, порождаемой развитием общественного организма. В этих условиях большую важность приобретает отбор этой информации. Его основной принцип — сосредоточение внимания читателей на наиболее актуальных проблемах — позволяет при использовании прессы как источника выделить наиболее важные проблемы, решаемые обществом.

В рамках второго этапа развития периодической печати СССР особое место занимает период Великой Отечественной войны,

когда вся сеть газет и журналов была подчинена интересам защиты нашей страны от врага. Структурные изменения периодики в основном сводились к сокращению гражданской печати и к широкому развертыванию военной. Только в 1943 г. выходило 128 военных газет ежедневно и 600 — три раза в неделю. Возникла подпольная и партизанская печать. Этот своеобразный источник включал около 300 газет. Главной темой прессы в эти годы были события на фронтах, работа в тылу, патриотическое воспитание.

С 1945 г. началось восстановление сети периодических органов. Несмотря на огромные трудности, издание газет уже в 1951 г. превысило довоенный разовый тираж, а в 1952 г. был превзойден довоенный годовой уровень выпуска журналов. Содержание прессы изменилось: она переключилась на освещение мирного строительства в стране. Укрупнением административных районов в 50-х годах были вызваны структурные изменения: сокращение сети районных, укрепление республиканских газет. Появились новые типы изданий: с 1956 г. стали выходить колхозные газеты.

Возрастание функциональной роли в обществе сказалось в постановке перед советской журналистикой новых важных задач. «В большом и сложном деле формирования нового человека, в идеологической борьбе с миром капитализма мощным инструментом партии являются средства массовой информации и пропаганды...», — говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС. Все более активная пропагандистская и агитационная работа прессы, оперативное освещение внутренних и внешнеполитических проблем, распространение передового опыта коммунистического строительства потребовали расширения сферы влияния, численного роста периодики. В 1978 г. в сравнении с 1940 г. журнальная сеть выросла по числу названий на 3016 единиц, а годовой тираж ее увеличился на 874 145 тыс. экземпляров. Число названий газет за эти годы стало несколько меньше, но годовой тираж их возрос более чем на 31 млрд. экземпляров, а средний разовый тираж — почти в 5 раз.

Структурные изменения в прессе связаны с ведущими социальными процессами: с возрастанием руководящей роли КПСС, крепнущим единством всех классов, преодолением существенных различий между городом и деревней, с ростом образовательного и культурного уровня трудящихся. Повышается удельный вес изданий общезначимого характера: в 1940 г. годовой тираж всесоюзных газет составлял 29% от общего тиража всех газетных изданий, а в 1978 г. — 51%. Изменился характер этих изданий. Полностью исчезли те из них, которые обслуживали малограмотных читателей. Даже профессиональные, ориентированные органы печати все больше места на своих страницах отводят материалам, рассчитанным на широкую аудиторию. Например, «Советская индустрия» (газета ЦК КПСС) наряду с вопросами промышленного развития часто обращается к темам морали,

поднимаемая задачи воспитания всесторонне развитого человека. «Литературная газета» (орган Союза писателей СССР) ставит проблемы, занимающие все слои общества.

Успехи научно-технической революции вызвали бурный рост специальной периодики. НТР потребовала более углубленного освещения профессиональных проблем, в первую очередь за счет специализации в различных областях экономики, техники, науки и культуры. Показательно в этом отношении появление таких специализированных исторических журналов, как «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», «Советские архивы», «Военно-исторический журнал» и множества исторических ежегодников.

Пресса на данном этапе развития сохранила традиционные ведущие темы. Но в условиях перехода к коммунистическому строительству в содержании периодики появились новые моменты. Усилилась ее роль в развитии законодательства: инициативная постановка прессой задач создания закона об охране памятников культуры, пересмотра законодательства о семье и браке и т. д.

По-прежнему выступая как орудие в пропаганде экономических преобразований, пресса все более активно выдвигает экономические проблемы, так как создание материально-технической базы — важнейшая задача коммунистического строительства. Около 30 специальных экономических журналов, промышленные, строительные и другие отделы экономического характера, которые есть во всех центральных и местных газетах, дают информацию о совершенствовании управления экономикой, системе и методах планирования, ускорении ввода и освоения производственных мощностей, о внедрении новой техники, освещают выполнение выработанной партией комплексной программы развития сельского хозяйства. Социалистическое соревнование остается центральной темой советской прессы. В журналах и газетах введены постоянные рубрики «Обязательства под контролем», «Проверяем выполнение социалистических обязательств», «Обещали — сделали». Широко используются для освещения социалистического соревнования страницы и листки, редакционные поздравления передовикам, доска Почета и т. п. Особенностью печати на современном этапе стал отход от чисто информационного изложения материала и стремление глубоко проанализировать причины успеха передовиков, выявить новое в формах и методах соревнования, в принципах его организации, показать влияние соревнования на нравственный рост его участников.

Задача участия прессы в формировании нового человека диктует широкую разработку на ее страницах проблем коммунистического воспитания, пропаганды советского образа жизни.

Для второго этапа эволюции печати характерно расширение источников информации. В 1961 г. возникло Агентство печати новости (АПН), являющееся органом советских общественных орга-

низаций: Союза журналистов СССР, Союза писателей СССР, Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Всесоюзного общества «Знание». В отличие от ТАСС АПН делает акцент не на оперативные новости, а на их широкое комментирование, поэтому основной состав его материалов — статьи, комментарии, репортажи. Это способствует усилению аналитичности информации в тех изданиях, которые используют материалы АПН. Новым каналом информации стала зарубежная пресса. На ее материалах полностью базируется еженедельная газета «За рубежом».

Все увеличивающееся число корреспондентов агентств, соборов газет и журналов, использование сообщений зарубежных агентств обуславливают постоянный рост объема получаемой прессой информации. Только ТАСС ежедневно передает 2,5 млн. слов, т. е. 12 тыс. страниц машинописного текста.

Оперативности в работе периодики способствует развитие технических средств связи, которыми пользуются агентства печати и пресса: почта, телеграф, телетайп, телефон, радио. Технические средства значительно ускорили продвижение прессы к читателю. Для доставки газет и журналов применяются все виды транспорта, в том числе авиация. 14 центральных газет печатаются на местах (в 35 городах), с матриц, доставляемых самолетами. Текст некоторых центральных изданий передается в ряд городов фото-телеграфом. Все перечисленные моменты свидетельствуют об усилении общественного значения прессы, оперативности, достоверности, возрастании объема информации в ней.

Выяснение эволюции советской прессы дает возможность поставить вопрос о печати как массовом источнике. Общность проблематики, жанров периодики на всех этапах ее развития — серьезное тому основание. Почти во всех газетах и журналах за разные годы печатались, например, договоры о социалистическом соревновании, очерки об ударниках, героях труда, о героях гражданской и Великой Отечественной войн, корреспонденции о трудовых победах, о работе депутатов, выступления передовиков сельского хозяйства и промышленности, очерки о колхозной деревне, статистика избирательных компаний, конкурсные материалы (общественных и производственных смотров) и т. п., которые и составляют большие группы типизированных публикаций. Примером массового источника могут служить отдельные жанры. Например корреспонденции о трудовых победах, о работе депутатов, о крупнейших стройках печатались на протяжении всего советского периода. Точно так же могут быть использованы как массовый источник передовые статьи. Наряду с отдельными жанрами, группами материалов некоторые органы печати, которые особенно широко отражают жизнь, являются сами по себе массовым источником. Это, к примеру, многотиражки, газеты областного масштаба. При обработке прессы в связи с этим могут использоваться статистические методы изучения массовых источников.

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА

§ 1. Особенности происхождения мемуарной и эпистолярной литературы

Главная особенность мемуаров и переписки — их субъективность. В описании фактов проявляются индивидуальные качества автора, его мировоззрение и политические взгляды. В мемуарах, дневниках, переписке информация подается через призму личных взглядов автора, его жизненного опыта, различной степени и форм участия в описываемых событиях. Субъективность внутренне присуща документам указанных видов, это их неотъемлемая особенность и специфика.

Различия в индивидуальных впечатлениях дают возможность расширить и обогатить представления об историческом событии, об известном деятеле. Так, Н. К. Крупская писала по поводу многочисленных воспоминаний о Ленине: «Каждый вспоминает по-своему, но в общем получается нечто цельное»¹.

Многообразие впечатлений имеет место и в переписке. Содержание ее, как и воспоминаний, обуславливается ролью, непосредственным участием автора в событиях, его отношением к ним.

А. М. Горький, прочитав первую часть воспоминаний Н. К. Крупской о Ленине, отметил прежде всего общую тональность ее мемуаров: «Такая простая, милая и грустная книга»². Далее он излагал свои впечатления о некоторых встречах и беседах с Владимиром Ильичем.

В изложении фактов автором мемуаров и переписки сказывается фрагментарность, а в ряде случаев и однородность наблюдений.

Авторы мемуаров и переписки зачастую открыто заявляют о своих пристрастиях. В письме к О. Д. Форш от 5 сентября 1926 г. А. М. Горький писал: «Меня, слышал, упрекают, что неразборчиво хвалю. Возможно, что это и так, ибо частенько я хвалю для того, чтоб «поддержать», раздуть огонек, может быть, вспыхнет пламя? Живу надеждой, вот-вот появится гений, столь необходимый нам сейчас. А художник особенно нуждается в друге»³.

Мемуаристы, авторы писем не могут избавиться от субъективного описания событий, даже если они к этому стремятся. Пристрастность может проявляться в разнообразных формах: умолчание об известных событиях, «припоминание» несуществовавших фактов, нежелание высказать новое мнение о прошлом или, наоборот, модернизация прошлых фактов.

Для мемуаров советского времени, так же как и для дореволюционной мемуаристики, характерны острая полемичность

¹ Рассказы рабочих о Ленине. Сборник. М., 1934, с. 5.

² Горький А. М. Собрания сочинений. М., 1956, т. 30, с. 167.

³ Литературное наследство, 1963, т. 70, с. 584.

и публицистичность изложения. Нередко произведения мемуарной литературы создаются в ответ на неверные, ошибочные представления о тех или иных событиях. Такая целенаправленность, например, отмечена в авторском предисловии мемуаров С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны»: «... в литературе Генштабу не повезло. О нем, как и о Ставке Верховного Главнокомандования, почти ничего не написано. А если в каких-то книгах и заходит о них речь, то преимущественно в смысле отрицательном... К счастью, на самом деле все было не так... Как жил и работал в годы войны коллектив Генерального штаба... я и хочу рассказать в своей книге».

В мемуарах воссоздается прошлое, могущее служить ориентиром в деятельности советских людей. Ярким примером той роли, которую выполняет мемуарная литература в решении задач коммунистического воспитания, в идеологической работе на современном этапе, являются книги Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина», воссоздающие картину боевых и трудовых подвигов советских людей под руководством Коммунистической партии.

Задача передачи традиций, способствующих успешному коммунистическому строительству, формулируется прямо и четко в воспоминаниях многих авторов. Ученые и рабочие, авиаконструкторы и деятели искусства, министры и военачальники, люди, судьбы которых неотделимы от истории нашей страны, благодаря героическому труду которых создавалось и крепло могущество Советской Родины, обращаются к новым поколениям советских людей с рассказом о прожитой жизни. Через судьбу каждого из них раскрывается история становления первого социалистического государства, история величайших завоеваний революции. Особое значение в деле коммунистического воспитания приобретает мемуарная литература о Великой Отечественной войне. Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов в предисловии к своим мемуарам писал: «Никакие годы не должны стереть в сознании советских людей память о героях Великой Отечественной войны, особенно о тех из них, кто отдал жизнь, защищая Родину. Мне выпало на долю быть очевидцем и непосредственным участником многих событий на различных фронтах. И вот я решил взяться за перо, чтобы поведать о виденном и пережитом новому поколению советских людей (военных и невоенных), рассказать им о том, как сражались с гитлеровскими полчищами бойцы и командиры Красной Армии. В этом я вижу свою обязанность перед лицом моих товарищей по оружию»¹.

Воссоздание исторической действительности помогает разоблачать буржуазных фальсификаторов истории. И. М. Майский, являвшийся в 30-х годах послом в Англии, поставил задачей разобла-

---

¹ Бирюзов С. С. Когда гремели пушки. М., 1961, с. 3.

читать «фальшивую легенду о поведении Советского правительства в самый канун второй мировой войны»¹.

Когда автор пишет о прошедших событиях, то с течением времени оценка их может изменяться. В дневниках и в большинстве писем выражаются главным образом взгляды автора, имевшие место в момент описываемых событий. Знакомство с новыми фактами позволяет автору в ряде случаев изменить или уточнить старую точку зрения.

Иногда и в переписке автор отмечает эволюцию своих взглядов. Об этом свидетельствует, в частности, переписка А. А. Фадеева по поводу его незавершенного романа «Черная металлургия». В 1953 г. он констатировал: «Теперь мне кажется, что я действительно пишу лучший мой роман»². Возвращаясь к той же теме в 1955 г., он отмечал в одном из писем, что «роман задумывался, сочинялся и начинал писаться в 1951—1952 годах, когда многие, многие вещи мы видели не так, как они выглядят сегодня»³.

В еще большей степени сказывается изменение взглядов автора в воспоминаниях. Поэтому мемуары характеризуют не только период, о котором повествует автор, но и время их написания и публикации.

Историческая обстановка всегда оказывает воздействие на автора. Историк должен определить формы и конкретные проявления влияния исторической обстановки на мемуариста и автора писем. В дневниках и письмах это воздействие проявляется в сюжете повествования, в отборе фактов и соответственно в их интерпретации. Дневники не предназначены (во всяком случае в момент написания) для постороннего чтения, и поэтому в них можно встретить более откровенное описание событий. Письма рассчитаны на конкретного читателя. Их содержание определяется не только автором, но и запросами адресата письма, их взаимоотношениями и т. п.

Воспоминания чаще всего сразу же в момент написания адресованы к широкой читательской аудитории. Целевое назначение воспоминаний сказывается и при уточнении и изменении первоначальной точки зрения мемуариста на прошедшие события. Результатом такой переоценки может явиться появление нового варианта воспоминаний, в которых прошлое осмысливается по-новому. Имеющиеся различные варианты воспоминаний автора на одну и ту же тему можно назвать их редакциями.

Так, имеются два варианта воспоминаний А. И. Верховского (1886—1941). Верховский — кадровый офицер царской армии, после Февральской буржуазно-демократической революции занимал крупные военные посты, был командующим Московским военным округом, а в сентябре—октябре 1917 г. — военным

¹ Майский И. М. Кто помогал Гитлеру. (Из воспоминаний советского посла). М., 1962, с. 5.

² Фадеев А. Собр. соч., т. 7, с. 367.

³ Фадеев А. Материалы и исследования. М., 1977, с. 229.

министром во Временном правительстве. После Великой Октябрьской социалистической революции он вступил на путь борьбы с Советской властью. В это время им был опубликован дневник «Россия на Голгофе». Впоследствии А. И. Верховский перешел на службу Советской власти в качестве военспеца. В 1937 г. он закончил переработку мемуаров, вышедших в свет в 1959 г. под названием «На трудном перевале».

В новом варианте воспоминаний А. И. Верховский рассматривал свой жизненный путь под другим углом зрения. Воспоминания свидетельствуют о глубоких изменениях во взглядах автора. Он видит положительное значение Октябрьской революции и целого ряда других событий. Разумеется, и в данной редакции его мемуаров имеются определенные ошибки в оценке людей и исторических явлений.

Наличие различных редакций воспоминаний может быть связано также с местом и целью публикации: отдельное издание, журнал, газета. В последнем случае имеется меньше возможностей для освещения событий, поэтому наряду с подробным вариантом появляется сокращенная редакция. Сюжет воспоминаний Г. К. Орджоникидзе «Ильич в июльские дни», опубликованный в «Правде», и «Из воспоминаний о Владимире Ильиче», помещенный в журнале «Молодая гвардия», один и тот же. Однако газетная публикация является сокращенным вариантом журнального издания.

Основным источником переписки и мемуаров является память. Она аккумулирует человеческий опыт, сохраняет традиции — в этом ее достоинство. Однако запоминается подчас не все существенное. На первый план могут выступать разрозненные или даже случайные факты. Этот недостаток памяти может стать источником ошибок. Ошибочность фактов, воспроизведенных по памяти, или оценок событий может быть установлена не априорно, а только в результате критического анализа.

Стремясь избежать возможных ошибок и показать значение своих воспоминаний, автор подчас использует сведения из других источников и литературы. Положение автора в описываемых событиях во многом определяет сюжет его повествования. Разумеется, мемуарист и автор писем может касаться и других событий, по отношению к которым он был современником. Характер воспроизведения событий прошлого при этом несколько отличается от предыдущего.

В дневниках и письмах необходимость в подобных источниках почти не наблюдается. В каждом отдельном случае подобное использование разнообразных материалов заставляет задуматься над причиной и целью данного приема. Мемуаристы очень часто обращаются к другим источникам.

Часто мемуаристы пишут воспоминания по имеющимся у них дневникам. Таковы, например, воспоминания Клары Цеткин о В. И. Ленине, воспоминания генерала армии А. Т. Стученко о Великой Отечественной войне. Материалом при написании

воспоминаний может служить переписка, однако ее роль меньше роли дневниковых записей.

Авторы воспоминаний могут использовать также данные периодической печати, воспоминания других лиц, различные документы и даже научные исследования. В мемуарах видных советских военачальников о Великой Отечественной войне широко используется неопубликованная военная документация. В подобных случаях важно то, как автор использует различные сведения.

Таким образом, в дневниках, переписке и особенно в воспоминаниях можно выделить условно впечатления очевидца — участника событий и их современника в узком смысле этого слова. Современник, не наблюдавший лично описываемых явлений, вынужден восполнять свои наблюдения данными из письменных и других источников. Образуется исторический фон, который может включать в себя как изложения конкретных фактов и их обобщение, так и образное восприятие действительности. В дневниках и переписке эта часть источника выражается преимущественно в эмоциональной форме. Для воспоминаний более характерно воспроизведение самих фактов. Исторический фон не является всесторонним исследованием событий.

Мемуаристы могут обращаться к целому ряду источников. Однако их повествования не являются исследованием (научным или научно-популярным). В использовании источников, как и в воспроизведении личных впечатлений, нетрудно усмотреть проявление субъективности, тенденциозности автора. Поэтому не правы некоторые современные историки, добивающиеся превращения мемуаров в документированные повествования во избежание ошибок и неправильных оценок.

Различия в назначении мемуаров и переписки, неодинаковые условия образования и происхождения объясняют появление разновидностей и жанров мемуарной и эпистолярной литературы.

§ 2. Разновидности и жанры мемуарных и эпистолярных источников

В мемуарных произведениях можно выделить дневники и собственно воспоминания.

Дневники — повседневные записи мыслей и наблюдений автора в ходе событий. Круг впечатлений обычно ограничен тем, что автор видел, пережил. Дневники пишутся для личного употребления, но, разумеется, эти записи не бесцельны. В. Вишневский следующим образом охарактеризовал назначение своих дневников: «Наша задача: сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения — участников. Ведь через год, через десять лет с дистанции времени все будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения, оценка. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ. Наши ошибки и победы будут уроками для завтрашнего дня»¹.

¹ Вишневский В. Собр. соч. М., 1956, т. 3, с. 5.

В дневниковых записях чаще можно встретить живые и яркие характеристики современников, в них менее вероятны ошибки и провалы памяти, личный взгляд выражен без последующих наслоений.

Автор, повествуя о событиях, не может еще знать, чем они закончатся. Если же ему удалось наблюдать завершение определенного процесса, то можно сравнить его первоначальную точку зрения с теми взглядами, которые у него сложились в результате завершения определенных событий. Читатель и историк благодаря этому могут проникнуть в лабораторию человеческой мысли, составить представление об общественных настроениях и их особенностях у того или иного автора.

Дневник военного корреспондента А. Полякова освещал события первого месяца войны и был опубликован в конце 1941 г. Автор ни минуты не сомневался в конечной победе над фашистской Германией. В боях, пробиваясь с частями Красной Армии на восток из окружения, он не успевал глубоко осмыслить события тех дней. Мы не встретим в его записях обстоятельного анализа и раздумий о ходе войны.

Любопытно сравнить записи А. Полякова с дневником того же времени комсомолки-студентки Н. Костериной. Не находясь на фронте, она выступает как современник-наблюдатель. В ее дневнике мы не найдем описания военных действий, наоборот, основной сюжет ее записок — рассуждения о характере и общем ходе войны, как он представлялся думающему современнику.

Специфика переживаемых событий накладывает серьезный отпечаток на содержание дневника. «В записях, которые я вел с первых дней Великой Отечественной войны, — отмечал адмирал А. Г. Головкин, — нет многого, с чем связано распространенное представление о дневнике. Нет потому, что я считал ненужным углубляться в область личного, интимного, в душевные переживания. Да и не хватало времени для таких записей»¹.

В дневниковых записях автор воспроизводит те события, которые с его точки зрения целесообразно запечатлеть. Определенный отбор фактов имеет место и в данном случае. Перегруженный текущей работой мемуарист не всегда может выбрать время для изложения своих впечатлений. Зачастую записи отрывочны, ведутся не каждый день.

Подневные записи могут называться по-разному: дневник, записки, записные книжки. В некоторых случаях автор записывает только наблюдения и мысли, касающиеся своей профессии, творчества. Это уже не дневник в полном смысле слова, но и подобные записи помогают составить известное представление об их авторе.

Дневники редко охватывают весь жизненный путь автора, чаще они посвящены отдельным периодам. Но и в таком виде этот

---

¹ Головкин А. Г. Вместе с флотом. М., 1960, с. 5.

источник позволяет приоткрыть внутренний мир человека, сделать изучение событий прошлого живым, эмоциональным.

Дневники известны в большей части по их публикации. При этом неизбежны всякого рода изменения, сокращения текста. Примечания об этом встречаются почти во всех публикациях дневниковой литературы.

В процессе подготовки дневника к печати могут быть произведены изменения и дополнения в первоначальном тексте. Появляются название, разбивка на главы и разделы, которая обычно отсутствует в рукописном варианте. Основное внимание уделяется главному замыслу дневника, опускаются некоторые детали, побочные эпизоды, могут использоваться и сведения из других источников, дополняющих и развивающих мысли автора дневника.

Содержание дневниковых записей при публикации может испытывать влияние целого комплекса обстоятельств (личность автора, историческая обстановка, цель публикации и т. п.). При подготовке к публикации дневники в той или иной степени начинают превращаться, по существу, в воспоминания. Важным отличием остается форма подневной записи.

Переписка. Много общего с дневниками у эпистолярной литературы. В большей части письма пишутся в ходе самих событий. Вместе с тем, являясь средством общения людей, переписка выполняет более широкие функции. Адресатом может быть как отдельное лицо, так и более широкий круг лиц.

Личная переписка заменяет устное общение. Сюжет писем определяется интересами корреспондентов, степенью их близости, целью переписки. По содержанию письма могут касаться многих вопросов общественной, государственной, научной и других видов деятельности авторов. Большой интерес представляют письма, содержащие обмен мнениями по определенным вопросам. В этой разновидности переписки вырисовываются облик автора, его мировоззрение в целом и мнения по частным вопросам, отражаются его мысли о текущих событиях. Например, письма А. А. Фадеева дают представление о человеке, беспредельно преданном идее коммунизма. Они вскрывают также сложности и конфликты в жизни и деятельности этого известного советского писателя и общественного деятеля. В одном из писем к старейшей коммунистке Р. С. Землячке (декабрь 1929 г.) Фадеев, объясняя свое напряженное, болезненное состояние, писал: «Все возраставшим и все более мучившим меня противоречием между желанием, органической потребностью писать, сознанием, что в этом состоит мой долг, и той литературно-общественной нагрузкой, которая не дает возможности писать и от которой никак нельзя избавиться»¹.

Переписка свидетельствует об общественных интересах и взглядах ее автора. Так, А. А. Фадеев обращался к своему другу кинорежиссеру Э. И. Шуб с настойчивым пожеланием как можно скорее закончить написание ею воспоминаний. В одном из писем

¹ Александр Фадеев. Письма. 1916—1956. М., 1967, с. 52.

к ней он писал: «Много раз мысленно возвращался к работе твоей, думая, как она сейчас нужна, нужна новым поколениям в искусстве, которые всего этого не знают...» Фадеев отмечал далее, что эта книга будет важна в борьбе с догматизмом и другими извращениями в искусстве, а также в воспитании новых поколений, которые «душу имеют добрую, тоже ищут, и надо им рассказать о людях, для которых искусство было и есть любовь и подвижничество»¹.

Многие письма обычно связаны с профессиональным занятием их автора. Переписка А. А. Фадеева с родителями молодогвардейцев и читателями его замечательного романа посвящена объяснению ряда обстоятельств написания, а затем и переработки «Молодой гвардии». В частности, А. А. Фадеев настойчиво отвергал попытки приравнять его роман к историческому исследованию, где не может быть места художественному обобщению.

Переписка может служить источником и для выяснения биографии их автора. Касаясь прошлого, письма могут приобретать характер воспоминаний. Большое число писем А. А. Фадеева к товарищам по партизанской борьбе на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг., к другу юности А. Ф. Колесниковой имеет характер автобиографических воспоминаний. Появляется жанр писем-воспоминаний.

Иногда письма становятся своеобразными завещаниями. Таково по форме большинство писем подпольщиков, замученных в гитлеровских застенках. Некоторые такие письма дошли до нас в виде надписей, нацарапанных на стенах тюремных камер.

Личная переписка исполняет в ряде случаев информативные функции. Значимость этой информации зависит от сюжета и умения автора описать определенное событие. Например, письмо делегата II Всероссийского съезда Советов М. Жакова к одному из руководителей ростовских большевиков С. Васильченко (25 октября 1917 г.) повествует о событиях в Петрограде 24—25 октября. Автор приводит запись некоторых важных заседаний, и в частности большевистской фракции II съезда Советов, характеризует позицию ряда руководителей большевиков того времени. Ценность подобного письма-информации возрастает в связи с тем, что сохранилось весьма мало материалов тех дней, а протоколы большевистской фракции II съезда Советов вообще не найдены.

Переписка по своим разновидностям и жанрам, по различным напластованиям — источник более сложный и разнообразный, нежели дневники. Эпистолярная литература соприкасается и граничит со многими видами источников, заимствуя целый ряд особенностей в связи с многообразием выполняемых ею функций.

Воспоминания — воспроизведение событий прошлого в том виде, как они запомнились их участнику, современнику. Они пишутся по истечении определенного срока. Автор имеет возмож-

¹ Шуб Эсфирь. Жизнь моя — кинематограф. М., 1972, с. 415.

ность оценивать прошлое, зная уже, чем завершились события. С течением времени взгляды участника-современника могут изменяться. Благодаря этому в воспоминаниях совмещаются подчас как первоначальные впечатления, так и последующие взгляды.

Важное значение для понимания специфики воспоминаний имеет определение их цели, назначения. Они рассчитаны на широкую читательскую аудиторию. Поэтому воспоминания выполняют общественно-воспитательную функцию. В воспоминаниях эта специфика выражается в отборе фактов, в интерпретации прошлого, в стремлении осмыслить прошлое со своей личной точки зрения.

В советскую эпоху возникли новые возможности для написания и публикации воспоминаний, значительно расширился круг мемуаристов, в который вошло огромное количество рядовых работников, воинов и тружеников. Громадный рост мемуарной литературы в советскую эпоху, превращение мемуаров в массовый исторический источник является отражением той закономерности, о которой писал В. И. Ленин: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»¹.

В зависимости от сюжета воспоминаний могут возникать различные жанры. Наиболее распространены воспоминания, посвященные отдельным конкретным событиям. Эти воспоминания появляются преимущественно в связи с памятными датами (например, годовщины Октябрьской революции, разгрома гитлеровской Германии, рождения В. И. Ленина). При создании таких воспоминаний автор пользуется главным образом своими личными наблюдениями. Подобные мемуары выступают иногда в виде воспоминания-очерка, написанного участником или современником событий прошлого.

Особую разновидность в этом жанре событийных воспоминаний составляют коллективные воспоминания. В качестве примеров можно назвать сборник «Были горы Высокой», составленный при непосредственном участии А. М. Горького из воспоминаний рабочих и инженеров Высокогорского рудника (Нижний Тагил); книгу «Рассказы строителей метро», посвященную истории создания первой очереди Московского метрополитена.

Когда человек пишет о своей жизни, о своих товарищах, появляется автобиографический жанр. В этом жанре в большей степени преобладают личные наблюдения участника — очевидца событий. В жанре автобиографических записок создано большинство мемуаров, отражающих основные этапы социалистического и коммунистического строительства. Круг авторов этих воспоминаний необычайно широк. Среди них деятели партии и Советского государства (Е. Д. Стасова — «Страницы жизни и борьбы», К. Е. Ворошилов — «Рассказы о жизни», А. Г. Зверев — «Записки минист-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 539—540.

ра», Н. С. Патоличев — «Испытание на зрелость»), рабочие (И. Гудов — «Судьба рабочего», В. В. Ермилов — «Счастье трудных дорог»), ученые (В. С. Емельянов — «О времени, о товарищах, о себе», Н. М. Дружинин — «Размышления о труде и опыте историка»).

Автор автобиографических воспоминаний может расширить исторический фон своих мемуаров. Сюжет заставляет мемуариста обращаться к некоторым историческим источникам, чтобы воссоздать общую характеристику времени, изложить некоторые общие вопросы. Крупный советский ученый, академик А. М. Терпигорев (1873 — 1959) в заключении к своим мемуарам отмечал: «Прочитав эти записки, я призадумался. Что это такое — воспоминания или основанный на личных впечатлениях очерк развития русского советского горного дела, преимущественно Донбасса? Думаю, что это нечто среднее, сочетание того и другого»¹. Как видно, когда автор старается расширить рамки повествования, появляется более или менее значительный исторический фон. Автобиографическое повествование дополняется элементами очерка, в котором мемуарист не претендует на всестороннее исследование событий.

Биографические жизнеописания характеризуются, наоборот, широким историческим фоном. Пишут их родные, близкие или соратники. Не имея возможности видеть все непосредственно, они наряду с личными наблюдениями используют разнообразные источники и даже литературу, чтобы воссоздать более или менее полную картину жизни и деятельности человека, о котором они повествуют. Таковы воспоминания Н. К. Крупской о В. И. Ленине, К. Т. Свердловой (Новгородцевой) о Я. М. Свердлове и многие другие.

Одним из важных приемов в воссоздании личных впечатлений является отбор фактов, в которых как бы фокусируются основные жизненные процессы. Концентрируя внимание на важных проблемах, мемуарист отбирает свои личные наблюдения. Например, Н. К. Крупская приводит разговор с Я. М. Свердловым после ее возвращения в Кремль в день покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. «Около вешалки, — сообщала Надежда Константиновна, — стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все кончено. «Как же теперь будет?», — обронила я. «У нас с Ильичем все сговорено», — ответил он»². Этот факт свидетельствует о тесном деловом содружестве, о подлинных взаимоотношениях между руководителями Коммунистической партии и Советского государства.

Очень часто Н. К. Крупская излагает мысли В. И. Ленина путем цитирования и комментирования его работ. Подобное документирование служит в большинстве случаев способом изложения их разговоров. «Иногда теперь, много лет спустя, — писала Н. К.

¹ Терпигорев А. М. Воспоминания горного инженера. М., 1956, с. 271.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1968, с. 408.

Крупская, — перечитывая статьи Владимира Ильича, слышишь интонацию, с которой он сказал в разговоре ту или иную фразу, которая потом вошла в его статью, но об этом как напишешь — не выйдет»¹.

Способ цитирования и комментирования давал в определенной мере возможность показать «интонацию», особенность мыслей В. И. Ленина. Документированная часть воспоминаний является лишь формой, способом изложения впечатлений Н. К. Крупской как очевидца событий. В этой части наблюдения очевидца тесно смыкаются с историческим фоном ее мемуаров.

В историческом фоне мемуаров Н. К. Крупской использованы различные источники, биографические исследования и т. п. Она не ставила задачу исследования всех этих материалов. Благодаря этому в воспоминаниях Н. К. Крупской в отдельных случаях встречаются известные неточности и ошибки. В этих вопросах следует учитывать также и влияние времени написания и публикации ее воспоминаний.

К биографическому жанру можно отнести такую своеобразную форму мемуаров, как воспоминания в форме некролога. В этом жанре воспоминаний читатель познакомится с характеристикой скончавшегося деятеля, с отдельными фактами его биографии.

Перечисленные жанры воспоминаний создаются в большинстве случаев самим мемуаристом. Но иногда автор привлекает к записи своих воспоминаний или к их обработке литературного помощника. Так появляются мемуары в форме литературной записи. Участие постороннего человека может в ряде случаев влиять не только на стиль, но и на содержание воспоминаний. Помощник-литератор, естественно, стремится создать широкое, законченное произведение. А личных впечатлений участника событий бывает подчас недостаточно для реализации подобного замысла. Поэтому литератор-помощник расширяет исторический фон воспоминаний и в отдельных случаях может опускать или модернизировать воспоминания участника событий, противоречащие его собственным представлениям. Эти обстоятельства следует учитывать при источниковедческом анализе мемуаров.

§ 3. Значение мемуаров и переписки как источников по истории советского общества

Значение мемуаров и переписки определяется их местом среди других письменных источников. В конкретных исследованиях ценность источников личного происхождения не может быть одинаковой. Она зависит от темы и характера исследования, обеспеченности другими видами источников.

По целому ряду вопросов мемуарные и эпистолярные источники могут служить единственным свидетельством. Особенно велико их значение в той части, которая обрисовывает духовный мир

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, с. 326.

людей, что позволяет представить события как результат человеческой деятельности, уяснить, почему историческое событие произошло именно тот или иной поворот. Известный советский историк М. Н. Покровский писал по этому поводу: «В особенности ценным являются всякого рода воспоминания, дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет с настроениями и представлениями, которых не было ни у кого в ту минуту, когда документ возник»¹.

Мемуары стахановцев 30-х годов (А. Стаханова, М. Виноградовой, М. Изотова), участников движения за коммунистический труд в 60 — 70-х годах (В. Гагановой, В. Затворницкого) позволяют восстановить не только фактическую сторону событий, но и побудительные мотивы их деятельности. Письма советских людей с фронтов Великой Отечественной войны ярко характеризуют истоки героизма воинов Советской Армии.

Важное значение имеют источники личного происхождения при изучении жизни и деятельности исторических личностей. Создание полноценной научной биографии В. И. Ленина невозможно без исследования воспоминаний и переписки Н. К. Крупской, других его соратников и близких.

Даже в тех случаях, когда в мемуарах и переписке встречаются факты, в целом известные из других источников, они не теряют самостоятельного значения. В них могут иметь место детали, подробности, не встречающиеся, как правило, в официальных документах. Мемуарная и эпистолярная литература позволяет проверять сведения документальных материалов, а в ряде случаев уточнять их. Так, воспоминания М. В. Фофановой, хозяйки конспиративной квартиры последнего подполья В. И. Ленина, И. Х. Бодякина, делегата II съезда Советов, помогают в исследовании истории текста ленинского Декрета о земле.

Значение и ценность мемуарной и эпистолярной литературы определяется также сохранностью и степенью опубликованности других исторических источников. До их издания мемуары и переписка могут являться единственным свидетельством о прошедших событиях. Названные в воспоминаниях и письмах источники могут быть иногда утрачены. Тогда мемуары и переписка становятся незаменимым материалом для исследователя.

Упоминание автором того или иного ценного исторического источника может привести к находке важных материалов. В воспоминаниях Л. А. Фотиевой был впервые введен в научный оборот и впоследствии опубликован уникальный источник — «Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина (21 ноября 1922 г. — 6 марта 1923 г.)».

---

¹ Покровский М. Н. Избранные произведения. М., 1967, кн. 1, с. 559.

Значение и ценность мемуарной литературы непосредственно связаны с темой повествования, с осведомленностью автора, с особенностями его видения и воспроизведения текущих и прошлых событий.

Роль мемуаров в решении задач социалистического строительства, а также их значение как исторических источников обусловили целенаправленный сбор и публикацию документов личного происхождения в послеоктябрьский период. Планомерность и размах данная работа получила после образования Комиссии по истории РКП и Октябрьской революции (Истпарт).

К началу 30-х годов было собрано и опубликовано значительное число воспоминаний о В. И. Ленине, выдающихся деятелях Коммунистической партии и Советского государства (Ф. Э. Дзержинском, Я. М. Свердлове), о Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. Важное место в публикаторской деятельности занимали истпартовские журналы и сборники. Много материалов о мирном, созидательном труде советских людей было собрано в связи с подготовкой «Истории фабрик и заводов».

В следующий период (до середины 50-х годов) издание мемуаров и переписки несколько сократилось. Основным сюжетом постепенно становились события Великой Отечественной войны. Публиковались воспоминания стахановцев, деятелей науки и культуры и т. д.

С середины 50-х годов публикация мемуаров и эпистолярных источников, особенно общественно-политической тематики, значительно расширяется. Из последних изданий выделяется пятитомная публикация «Воспоминания о В. И. Ленине». Появились новые и были переизданы мемуары по Октябрьской революции и гражданской войне, воспоминания о Н. К. Крупской, М. И. Калинин, С. М. Кирове, Г. К. Орджоникидзе.

Значительно увеличился выход изданий о мирном, созидательном труде советского народа как в довоенные, так и в послевоенные годы. Серии таких мемуаров издают Политиздат («О жизни и о себе»), республиканские и местные издательства. Широкое распространение приобретают публикации мемуаров и переписки деятелей литературы и науки, театра и кино.

Огромный размах получили сбор и публикация воспоминаний о Великой Отечественной войне. Значительно расширились круг авторов и проблематика этих воспоминаний. Важное значение имеют серия «Военные мемуары» и публикации о второй мировой войне. В этих сериях представлены воспоминания многих видных советских военачальников. Больше публикуется дневников и переписки. В результате создана яркая, детальная и одновременно очень многоплановая картина величайшего периода в истории нашей страны. Документы личного происхождения раскрывают морально-психологические источники массового героизма советских людей в годы Отечественной войны.

Представление о чрезвычайном богатстве мемуарной литера-

туры дают имеющиеся библиографические указатели (см.: История советского общества в воспоминаниях современников 1917—1957 гг. М., 1958; М., 1961, вып. II, ч. I. Журнальные публикации 1917—1927 гг.; М., 1967, ч. II. Журнальные публикации 1928—1957 гг.). В этих указателях учтено более 4500 наименований (отдельные книги, неперiodические сборники, журналы) воспоминаний по истории советского общества. Отсутствуют, к сожалению, аналогичные библиографии публикаций эпистолярного наследия. Между тем уже накоплено определенное число изданий этих источников. Значительное количество писем выдающихся деятелей партии и Советского государства, писателей, ученых опубликовано в собраниях сочинений и исторических и литературно-художественных журналах и газетах. Однако большинство мемуаров, дневниковых записей и писем хранится в различных фондах партийных и советских архивов (ЦПА, ЦГАОР, ЦГАНХ, ЦГАЛИ и др.), в государственных и народных музеях, в личных коллекциях советских людей.

§ 4. Вопросы источниковедческого анализа источников личного происхождения

Источниковедческий анализ мемуарной и эпистолярной литературы должен учитывать общее отношение к памятникам письменности и своеобразие данных источников. Исследователь должен установить степень субъективности автора мемуаров или писем, выяснить, насколько полно воспроизводит он действительное событие, не превращается ли его субъективность в субъективистское описание прошлого. Речь идет не только о том, что написано, но о том, и как изложено.

В феврале 1921 г. на прием к В. И. Ленину с предложением об изменении налогового обложения крестьянства приехал крестьянин О. И. Чернов. За принадлежность к партии эсеров он был осужден царским правительством на каторжные работы. После отбытия каторги О. И. Чернов остался в Сибири на поселении и обзавелся хозяйством.

Чернов в своих воспоминаниях отмечал, что и до него были ходяки с предложением о переходе от продразверстки к продналогу. Однако он считал, что именно его посещение повлияло на решение В. И. Ленина о введении продналога. Это мнение он сформулировал в заглавии воспоминаний: «Как я, беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича и что из этого получилось».

Добросовестное изложение фактов не спасает мемуариста от неправильной интерпретации событий. Здесь сказываются личные взгляды и мировоззрение автора. В воспоминаниях О. И. Чернова его старые эсеровские представления отразились и в описании беседы с В. И. Лениным. «Я видел, — сообщал О. И. Чернов, — что в этой голове (т. е. В. И. Ленина — В. Г.) решается вопрос величайшей важности, решается в несколько минут; я видел, как много

было охвачено в эти минуты Владимиром Ильичем и отрезано недожаренной рукой»¹. Субъективность мемуариста обусловлена его упрощенным пониманием роли вождя.

Документы позволяют доказать ошибочность выводов О. И. Чернова. Известно, что он был на приеме у В. И. Ленина 9 февраля 1921 г., но уже накануне, 8 февраля 1921 г., В. И. Ленин написал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», в котором прямо указывалось «о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом»².

При анализе мемуарной и эпистолярной литературы необходимо выяснить, какая публикация наиболее полно воспроизводит оригинал. Особенно это важно при использовании посмертных переизданий мемуаров и переписки. Необходимо тщательно исследовать всякие изменения и исправления в переизданиях, установить характер и причину подобных изменений в текстах. Например, письмо Н. К. Крупской к М. С. Шагинян (апрель 1927 г.) полностью опубликовано в книге М. С. Шагинян и в сокращенном виде — в педагогических сочинениях Н. К. Крупской. При использовании воспоминаний целесообразно сравнить различные их редакции, выявить, какая из них наиболее полно воспроизводит события прошлого.

В ходе исследования мемуарной и эпистолярной литературы бывает необходимо установить подлинность изучаемых источников. Иногда могут встречаться и случаи подделок. В этом историкам могут помочь графологическая экспертиза и другие приемы. Таким путем была установлена, например, подложность приписываемых одно время генералу А. А. Брусилову воспоминаний о его работе после Октябрьской революции.

При изучении дневников, писем и воспоминаний важно расшифровать те сокращения и условные обозначения, наименования, к которым прибегал автор. В условиях конспирации (например, при подпольной работе в тылу немецко-фашистских захватчиков) автор мог знать ряд действующих лиц только по кличкам или псевдонимам. В личной переписке часто встречаются сокращения, известные только авторам-корреспондентам.

Для эпистолярной литературы особенно важно выяснение цели, причины и повода написания письма. Для этого целесообразно обратить внимание на точный адрес письма, дату написания, ознакомиться с жизнью и деятельностью авторов переписки за определенный период. Исследование письма можно успешно проводить только в тесной связи с учетом его внешних признаков.

Особенно важно учитывать внешние признаки источника, его форму, стиль изложения при изучении воспоминаний в форме литературной записи. При этом можно установить степень влияния литературного источника на форму и содержание мемуарного произведения.

¹ Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, ч. 2, с. 604—605.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 333.

При анализе мемуарной и эпистолярной литературы следует иметь в виду и некоторые различия при изучении впечатлений участника — очевидца событий и их современника в узком смысле этого слова, т. е. исторического фона. Историк должен установить, когда, в каких случаях, с какой целью и как обращается мемуарист к воссозданию исторического фона, проследить, насколько достоверны и полны приводимые им сведения других источников. Воссоздавая общую картину событий, мемуаристы обращаются к другим источникам и исторической литературе. Причиной этого могут являться забывчивость, отсутствие четких личных наблюдений, характер работы мемуариста и другие обстоятельства. Девятая глава воспоминаний Маршала Советского Союза Г. К. Жукова содержит интересный, в основном документальный материал о первом полугодии 1941 г. Некоторые источники (например, доклады разведывательного управления Генштаба в марте — июне 1941 г.) использованы автором впервые. Значительно меньше в этой главе личных впечатлений мемуариста.

Новые источники осведомленности могут подчас явиться и причиной неточностей в воспоминаниях. Так может случиться, если автор обращается к неопубликованным источникам, данные которых не всегда являются достаточно полными и проверенными. В этом случае речь должна идти не только об анализе сведений мемуариста и его подходе к истолкованию источников, но и о проверке используемых мемуаристом материалов. Всестороннее изучение последних позволяет также судить, насколько субъективен мемуарист в интерпретации источника.

Мемуарист может основывать свое изложение и на опубликованных источниках. Использование таких материалов не отрицает известной ценности подобных воспоминаний. Вместе с тем очевидно, что, установив первооснову таких мемуаров, предпочтительно обратиться именно к этим первоисточникам и лишь после этого — к созданным на их базе воспоминаниям.

При изучении воспоминаний очевидца кроме перечисленных приемов необходим анализ их доказательности. При этом данные мемуариста или автора писем сопоставляются со сведениями всей совокупности источника по исследуемому вопросу.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков высказал мнение, что в феврале 1945 г. советские войска уже могли овладеть Берлином. В то время В. И. Чуйков командовал 8-й гвардейской армией и, естественно, исходил из своего личного опыта. Другие участники событий показали, что в это время советские войска еще не имели такой возможности. С тыла советским войскам угрожала мощная фашистская группировка в Померании. Тылы значительно отставали от передовых частей.

Исследование доказательности является наиболее важным приемом, особенно в тех случаях, когда воспоминания или письма служат одним из немногих свидетельств о происшедших событиях. Этот же прием применим и тогда, когда в источниках имеются противоречивые данные.

Общие проблемы источниковедения

- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4.
- Маркс К. К критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13.
- Энгельс Ф. Эмигрантская литература. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 18.
- Маркс К. Критика Готской программы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19.
- Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». — Соч. 2-е изд. т. 19.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
- Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22.
- Архив Маркса и Энгельса. М., 1948, т. XI; Л., 1952, т. XII; Л., 1955, т. XIII.
- Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1952.
- К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
- Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1.
- Ленин В. И. Новый фабричный закон. — Полн. собр. соч., т. 2.
- Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. — Полн. собр. соч., т. 2.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.
- Ленин В. И. К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. — Полн. собр. соч., т. 4.
- Ленин В. И. Случайные заметки. — Полн. собр. соч., т. 4.
- Ленин В. И. К деревенской бедноте. — Полн. собр. соч., т. 7.
- Ленин В. И. Материалы к брошюре «К деревенской бедноте». — Полн. собр. соч., т. 7.
- Ленин В. И. К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду. — Полн. собр. соч., т. 7.
- Ленин В. И. Рассказ о II съезде. — Полн. собр. соч., т. 8.
- Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад. — Полн. собр. соч., т. 8.
- Ленин В. И. Материалы к книге «Шаг вперед, два шага назад». — Полн. собр. соч., т. 8.
- Ленин В. И. Первая победа революции. — Полн. собр. соч., т. 12.
- Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература. — Полн. собр. соч., т. 12.
- Ленин В. И. Доклад об Объединительном съезде РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 13.
- Ленин В. И. О статистике стачек в России. — Полн. собр. соч., т. 19.
- Ленин В. И. Иван Васильевич Бабушкин. — Полн. собр. соч., т. 20.
- Ленин В. И. Карьера. — Полн. собр. соч., т. 22.
- Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении. — Полн. собр. соч., т. 23.
- Ленин В. И. К вопросу о задачах земской статистики. — Полн. собр. соч., т. 24.
- Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати. — Полн. собр. соч., т. 25.
- Ленин В. И. Рабочий класс и рабочая печать. — Полн. собр. соч., т. 25.
- Ленин В. И. Капитализм и печать. — Полн. собр. соч., т. 25.

- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. собр. соч., т. 27.
- Ленин В. И. Тетради по империализму. — Полн. собр. соч., т. 28.
- Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29.
- Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И. Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33.
- Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? — Полн. собр. соч., т. 34.
- Ленин В. И. Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. — Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И. Набросок плана научно-технических работ. — Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И. О характере наших газет. — Полн. собр. соч., т. 37.
- Ленин В. И. Успехи и трудности советской власти. Послесловие. — Полн. собр. соч., т. 38.
- Ленин В. И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. — Полн. собр. соч., т. 39.
- Ленин В. И. Черновые наброски и план брошюры о диктатуре пролетариата. — Полн. собр. соч., т. 39.
- Ленин В. И. Об едином хозяйственном плане. — Полн. собр. соч., т. 42.
- Ленин В. И. Письмо в редакцию газеты «Экономическая жизнь». — Полн. собр. соч., т. 44.
- Ленин В. И. Предисловие к брошюре «К вопросу о новой экономической политике (две старые статьи и одно еще более старое послесловие)». — Полн. собр. соч., т. 44.
- Ленин В. И. Об образовании СССР. — Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Несколько слов о Н. Е. Федосееве. — Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации». — Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Письмо В. А. Карпинскому. — Полн. собр. соч., т. 54.
- Ленин В. И. Об организации советской статистики. М., 1968.
- Ленин В. И. Тетради по аграрному вопросу. 1900—1916 гг. М., 1969.
- Ленин В. И. Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России». М., 1970.
- Ленинские сборники. М., 1924—1956, т. 1—36; М., 1970, т. 37; М., 1978, т. 38; М., 1980, т. 39.
- Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970—1980, т. 1—11.

Алфавитный указатель произведений, вошедших во второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1967.

Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина, ч. 1. Предметный указатель. М., 1969, ч. 2. Алфавитный указатель. М., 1970.

Хронологический указатель произведений В. И. Ленина. 1886—1923. М., 1959, ч. I; М., 1961, ч. II. Вспомогательные указатели к хронологическому указателю. М., 1963.

Лениниана. Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о нем. 1956—1967. М., 1971, т. I; М., 1974, т. II; М., 1976, т. III.

Проблемы истории в трудах В. И. Ленина. М., 1973.

Левин Л. Библиография библиографии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. М., 1961; Левин Л. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Указатель библиографических работ. 1961—1972. М., 1973.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970—1978, т. 1—12.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970.

О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление ЦК КПСС. М., 1980.

Вопросы идеологической работы КПСС. 1965—1973. М., 1973.

О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС. М., 1979.

Брежнев Л. И. Лениным курсом. М., 1970—1981, т. 1—8.

Брежнев Л. И. О Конституции СССР. М., 1977.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1962.

Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. — 1917 г. М., 1962.

Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М., 1970.

Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973.

Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д, 1976.

Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977.

Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР (советский период). М., 1976.

Батаева Т. В. Вопросы классовой борьбы пролетариата в рукописи В. И. Ленина «О диктатуре пролетариата». — Вопросы истории, 1975, № 10.

Великое наследие. М., 1968.

Горбунов В. В. О методике установления ленинского авторства. — История СССР, 1962, № 2.

Ждановская З. В. Вопросы методики изучения ленинского наследия. М., 1979.

Издание и распространение произведений В. И. Ленина. М., 1960.

Кузьмин С. И. Бесценное ленинское наследие. Поиски и находки. М., 1976.

Как Ленин готовил свои труды. М., 1969.

Красникова А. В. Брошюра В. И. Ленина «Успехи и трудности Советской власти». — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974, т. VI.

Крупская Н. К. Методы работы Ленина. Изучение ленинизма. — В кн.: О Ленине. М., 1979.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1968.

Конюшая Р. П. К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России. — История СССР, 1958, № 3.

Ленин В. И. и проблемы истории. Л., 1970.

Ленин В. И. и историческая наука. М., 1970.

Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикаций и изучения в СССР. М., 1969.

Литвак Б. Г. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина. — Источниковедение истории советского общества. М., 1964.

Луцкий Е. А. История аграрного законодательства в трудах В. И. Ленина. — В кн.: Ленин В. И. и историческая наука. М., 1968.

Маркс-историк. М., 1968.

Мрачковская И. М. О содержании второго выпуска работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». М., 1965.

Никифоров Е. А. Текстология статьи В. И. Ленина «Новые задачи и новые силы». — Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977.

Обичкин Г. Д., Панкратова М. Я. Письма В. И. Ленина. М., 1968.

Сокровищница великих идей ленинизма. М., 1968.

Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970.

Черепнин Л. В. К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения. — Источниковедение. М., 1969.

Черепнин Л. В. Некоторые проблемы исторического источниковедения в трудах В. И. Ленина. — Исторические записки, 1969, т. 84.

Энгельс и проблемы истории. М., 1970.

Яцунский В. К. Приемы научного исследования в работах В. И. Ленина по социально-экономической истории. — История СССР, 1960, № 2.

Антипов Г. А. Исторический источник и его функции в историческом исследовании. — Научные труды Новосибирского государственного университета. Философская серия, 1970, вып. 3.

Воронкова С. В. Некоторые итоги и задачи источниковедческого изучения исторических источников по истории СССР второй половины XIX—начала XX в. — История СССР, 1975, № 5.

Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества. — Вопросы истории, 1961, № 5.

Журавлев В. В. Некоторые вопросы конкретного источниковедения истории советского общества в литературе 50—70-х годов (историографический обзор). — Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.

Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание. (методологические аспекты). Томск, 1973.

Ковальченко И. Д., Кахк Ю. Ю. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях. — История СССР, 1974, № 5.

Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке. — История СССР, 1976, № 5.

Курносоев А. А. К вопросу о природе видов источников. — Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977.

О критике исторических источников. — Исторический архив, 1957, № 5.

Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

Рудельсон К. И. Современные документные классификации. М., 1973.

Стрельский В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968.

Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении. — История СССР, 1973, № 6.

Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1.

Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

Часть первая

Источники по истории СССР с древнейших времен до XVIII в.

Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1920.

Акты писцового дела. М., 1913, т. 1; М., 1917, т. 2, вып. 2; М., 1977, продолжение.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952—1964, т. 1—3.

Аммиан Марцеллин. История. Киев, 1906—1908, вып. 1—3.

Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн-Ахмед. Избранные произведения. Ташкент, 1957, т. 1.

- Соединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1953, т. 1—3.
- Восстание 1662 г. в Москве. Сборник документов. М., 1964.
- Временник Ивана Тимофеева. М. — Л., 1951.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М. — Л., 1938.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., 1949.
- Джанашвили М. Г. «Картлис-Цховреба». — Жизнь Грузии. — В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1905, вып. 35.
- Документы псковского восстания и Земского собора 1650 г. — В кн.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М. — Л., 1950.
- Западнорусские летописи. СПб., 1907. Полное Собрание Русских Летописей, т. 17.
- «Изборник» (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969.
- Карпини Дж. История монголов. — Гольом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1957.
- Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах». — Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1899, кн. I.
- Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1962.
- Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
- Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878.
- Московский летописный свод конца XV в. Полное Собрание Русских Летописей. М. — Л., 1949, т. 25.
- Мхитар Гош. Армянский Судебник. Ереван, 1954.
- Наршахи Мухаммед. История Бухары. Пер. Н. Лыкошин. Ташкент, 1897.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950.
- Новый летописец. Полное Собрание Русских Летописей. М., 1965, т. 14.
- Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.
- Памятники русского права. М., 1952—1963, вып. 1—8.
- Пересветов И. С. Сочинения. М. — Л., 1956.
- Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. — В кн.: Русская историческая библиотека. СПб., 1896, т. 17.
- Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872—1877, ч. 1, отд. 1—2.
- Повесть временных лет. М. — Л., 1950, ч. 1—2.
- Повести о Куликовской битве. М., 1959.
- Послания Ивана Грозного. М. — Л., 1951.
- Послания Иосифа Волоцкого. М. — Л., 1959.
- Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. — Л., 1950.
- Псковские летописи. М. — Л., 1941—1955, вып. 1—2.
- Пташицкий С. Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887.
- Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М. — Л., 1954.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М. — Л., 1946—1960, т. 1—3.
- Софийская первая летопись. Полное Собрание Русских Летописей. Л., 1925, т. 5, вып. 1.
- Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960.
- Судебники XV—XVI веков. М. — Л., 1952.
- Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. Учебное пособие для высшей школы. М., 1961.
- Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Торопецкая книга 1540 г. — В кн.: Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964.
- Хрестоматия по истории СССР. С древнейших времен до конца XV в. М., 1960.

Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. М., 1962.
Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1969.

Литература

- Абемян М. Х. История древнеармянской литературы. Ереван, 1948, т. 1.
Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980.
Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915—1916, т. 1—2.
Горская Н. А. Жилые записи (к истории найма в XVII в.). — История СССР, 1963, № 5.
Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. 2-е изд. М., 1937.
Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966.
Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М. — Л., 1955.
Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.
Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.
Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
Кочин Г. А. Писцовые книги в буржуазной историографии. — В кн.: Проблемы источниковедения. М. — Л., 1936, сб. 2.
Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947.
Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М. — Л., 1960.
Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
Любимов В. П. Списки Русской Правды. — В кн.: Правда Русская. М. — Л., 1940, т. 1.
Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980.
Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.
Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР (под ред. В. Т. Пашуто). М., 1978.
Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
Ржигла В. Ф. Литературная деятельность Ермолая Еразма. — В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1926, вып. 33.
Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Елифания. Исследования и тексты. М., 1963.
Рожков Н. А. К вопросу о степени достоверности писцовых книг. — Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1898, т. 1, вып. 2.
Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968.
Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. — Вопросы истории, 1960, № 5.
Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М. — Л., 1948, 1951, ч. 1, 2.
Черепнин Л. В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — Исторические записки. М., 1948, т. 25.
Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. — Л., 1938.
Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972.

- Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб., 1848.
- Белинский В. Г. Избранные произведения. М., 1947.
- Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871—1873, т. I—IV.
- Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962.
- Булавинское восстание. Сборник документов. М., 1936.
- Вигель Ф. А. Записки. М., 1891—1893, ч. I—II.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. 1801—1815 гг. М., 1960—1972, т. 1—8; серия 2. 1815—1830 гг. М., 1974—1980, т. 1—4.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи, изданное при первом отделении Департамента Генерального штаба. СПб., 1848—1853, т. 1—17.
- Военные уставы Петра I. М., 1946.
- Восстание декабристов. Документы и материалы. М.—Л., 1925—1979, т. I—XV; 1980, т. XVII.
- Герцен А. И. Собр. соч., М., 1954—1964; Былое и думы (т. 8—11); Москва и Петербург. Публичные чтения г. Грановского (т. 2); Публичные чтения г. Рулье. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы (т. 3); О развитии революционных идей в России (т. 7).
- Горбачевский И. И. Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. М., 1951.
- Государственные учреждения России в XVIII в. М., 1960.
- Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940.
- Дворянская империя XVIII в. (основные законодательные акты). М., 1960.
- Дело петрашевцев. М.—Л., 1937—1951, т. I—III.
- Екатерина II. Наказ Комиссии о сочинении нового Уложения. СПб., 1907.
- Зябловский Е. Статистические описания Российской империи в нынешнем ее состоянии. 2-е изд. СПб., 1815, ч. 1—5.
- Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952, т. 1—2.
- Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. I—III.
- Карамзин Н. М. Записка о новой и древней России. СПб., 1914.
- Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Л., 1976, т. 1—3.
- Крестьянское движение в России. Сборник документов. 1796—1825 гг. М., 1961; 1857—1861 гг. М., 1963.
- Лепехин Ив. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771—1780, ч. 1—3.
- Ломоносов М. В. Сочинения, М.—Л., 1952—1959, т. 6, 8, 10.
- Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.—Л., 1951.
- Паллас П. С. Петра Симона Палласа путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773—1786, т. I—II.
- Пестель П. И. Русская Правда.—В кн.: Восстание декабристов. М.—Л., 1958, т. 7.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.—М., 1887—1977, т. 1—12.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (1649—1825 гг.). СПб., 1830, т. 1—45; Собрание второе (1825—1881). СПб. 1830—1884, т. 1—55; Собрание третье (1882—1913). СПб., 1885—1916, т. 1—33; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской империи. СПб., 1885, т. 1—4.
- Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
- Прокопович Ф. Сочинения. М.—Л., 1961.

- Пугачевщина. М. — Л., 1926—1931, т. I—III.
Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975.
Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М. — Л., 1938—1952, т. I—III.
Свод законов Российской империи. СПб., 1833.
Сперанский М. М. Проекты и записки. М. — Л., 1961.
Тенгоборский Л. В. О производительных силах России. СПб., 1854—1858, т. I—II.
Тургенев Н. И. Дневники и письма. СПб. — Пг., 1911—1921, т. I—III.
Тургенев Н. И. Россия и русские. 1915, т. 1.
Фундуклей Н. И. Статистическое описание Киевской губернии. СПб., 1852—1856.
Хрестоматия по истории СССР XVIII в. М., 1963.
Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. М., 1913—1914, т. I—II.
Чаадаев П. Я. Неизданные «философские» письма. — Литературное наследство. М., 1935, т. 22—24.
Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. М., 1939—1953.
Шевченко Т. Г. Дневник. Собрание сочинений. М., 1956, т. 5.
Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951.

Литература

- Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М. — Л., 1966.
Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.
Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.
Ковальченко И. Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. — История СССР, 1959, № 1.
Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
Нечкина М. В. Кто автор «Записок» И. И. Горбачевского? — Исторические записки, М., 1955, т. 54.
Нифонтов А. С. Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов). — Исторические записки. М., 1968, т. 81.
Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничества и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России. — Вопросы географии. М., 1953, сб. 31.
Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в. Источниковедческое исследование. М., 1976.
Сивков К. В. Источники по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII в. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1959, т. VIII.
Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.
Тихонов Б. В. Официальные журналы второй половины 20—50-х годов XIX в. («Журнал мануфактур и торговли», «Горный журнал», «Журнал Министерства государственных имуществ», «Журнал Министерства внутренних дел») как источник для изучения истории русской промышленности. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1959, т. VII.
Тихонов Б. В. Обзор «Записок» местных сельскохозяйственных обществ 30—50-х годов XIX в. — Проблемы источниковедения. М., 1961, т. 9.
Улащик Н. Н. Минские губернские ведомости как исторический источник. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1959, т. VII.
Улащик Н. Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804—1861). — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1961, т. IX.

Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932.

Бабушкин И. В. Воспоминания. 1893—1900. М., 1955.

Блок А. А. Автобиография. 1915 г. Дневники. 1901—1921. — Собр. соч.

М. — Л., 1963, т. 7.

Боборыкин П. Д. Воспоминания. М., 1965, т. 1—2.

✓ Варадинов Н. Д. Делопроизводство как теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и единоличному письмоводству и составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел. 2-е изд. СПб., 1881.

Велецкий С. Н. Земская статистика. Справочная книга по земской статистике. Программы земских обследований. М., 1899, т. 1—2.

Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 1—3.

Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903. Протоколы. М., 1959.

Горький М. Письма. — Горький М. Собр. соч., т. 29—30.

Государственная дума. Стенографические отчеты. СПб., 1906—1917.

Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968.

Дзержинский Ф. Э. Дневник. Письма к родным. 2-е изд., испр. и доп. М., 1958.

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В двух томах (1861—1876). М., 1961.

Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 год. М., 1975; То же 1916 год. М., 1977, вып. I—IV; 1917 год. М., 1978—1979, вып. I—V.

Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. — Красный архив, 1928, № 2, 3.

Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в. (Сборники документов). М., 1959—1968.

Крестьянская реформа в России 1861 г. Сборник законодательных актов. М., 1954.

Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907. М., 1956, ч. 1—3.

Материалы, собранные особой комиссией для пересмотра законов о цензуре и печати. СПб., 1870.

Максимов В. Руководство для составления деловых бумаг. Образцы и формы; справочные сведения. 3-е изд. М., 1913.

Морозов Н. А. Повести моей жизни. Мемуары. М., 1965, т. 1—2.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874—1909, т. 1—15.

Материалы по истории СССР. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959, т. VI.

Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб., 1896—1917, вып. I—XXV.

Международные отношения в эпоху империализма. 1878—1917. Серия 2. М., 1938—1940, т. 18—20; серия 3. М. — Л., 1931—1938, т. 1—10.

Монополии в металлургической промышленности России. 1900—1917. М. — Л., 1963.

Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862. М. — Л., 1950.

Никитенко А. В. Дневник. М., 1955—1956, т. 1—3.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1924—1927, т. 1—7.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. 1958.

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1916—1917, вып. I—III.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. М., 1969—1970, т. 1—3.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всероссийской переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1906.

К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М. — Пг., 1923, т. 1, полутома 1, 2.

Рабочее движение в России в XIX в. Сборник документов и материалов. М., 1950—1963, т. 2—4.

Революционное народничество 70-х годов XIX в. М., 1964—1965, т. 1—2.

Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. М. — Л., 1955—1965. Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания, ноябрь — декабрь 1905 г. М., 1955—1957, ч. 1—4.

Статистический временник Российской империи. СПб., 1866, серия I, вып. 1.

Сборник программ политических партий в России. СПб., 1905—1906.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Издание Московского губернского земства. 1877—1913.

Свод отчетов фабричных инспекторов (за 1901—1914 гг.). СПб. — Пг., 1902—1915.

Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880—1885, вып. 1—8.

Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенных акцизом/Под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1903.

Солдатские письма в годы мировой войны (1915—1917). — Красный архив, 1934, № 4—5.

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911—1913, т. 1—5.

Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 1929—1934 (Москва 40-х годов). М., 1929; Московский университет. М., 1929; Путешествие за границу. М., 1932; Земство и Московская дума. М., 1934.

Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель 1906 г. Протоколы. М., 1959.

Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. и Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967, т. 1—2.

Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март — октябрь 1917 г. М. — Л., 1957—1967, ч. 1—3.

Юбилейный сборник Центрального статистического комитета МВД. Обзор деятельности ЦСК по разным отраслям статистики за период 1863—1912 гг. СПб., 1913.

Литература

Ананьич В. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте. — Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М. — Л., 1963.

Базилевич К. Почта в России в XIX в. М., 1927.

Бережной А. Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895—1914). Л., 1967.

Боханов А. Н. Русские газеты и крупный капитал. — Вопросы истории, 1977, № 3.

Волк С. С. Программные документы «Народной воли». — Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М. — Л., 1963.

Виноградова Л. В. Некоторые виды документов Сената и организация его делопроизводства. — Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX вв. Л., 1967.

Воронкова С. В. Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование. М., 1975.

Горфейн Г. М. Основные источники по истории высших и центральных учреждений XIX — начала XX в. — Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в. Л., 1967.

Гозулов А. И. Очерки по истории отечественной статистики. М., 1972.

Городецкий Е. Н. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б). Март — октябрь 1917. — Источниковедение истории Великого Октября. М., 1977.

- Дмитриев С. С. Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников. — Вопросы архивоведения, 1965, № 3.
- Дмитриев С. С. Именословие русских исторических журналов. — Русская литература, 1967, № 1.
- Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика). — Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.
- Есин В. Н. Русская дореволюционная газета. 1702—1917 гг. Краткий очерк. М., 1971.
- Итенберг Б. С. Четыре уставных документа «Народной воли». — Исторический архив, 1962, № 3.
- Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979.
- Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма (под ред. И. Д. Ковальченко). М., 1979.
- Мацкина Р. Ю. Министерские отчеты и их особенности как исторического источника. — Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964.
- Михайлова С. Б. Воспоминания Н. А. Морозова как исторический источник. — Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966.
- Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975.
- Нечаева В. С. Принципы издания эпистолярных текстов. — В кн.: Вопросы текстологии. М., 1964.
- Паперный З. С. Записные книжки Чехова. М., 1976.
- Петропавловский Е. С. Листовки как источник при изучении истории КПСС (большевистские листовки в дооктябрьский период). М., 1966.
- Петропавловский Е. С. Некоторые аспекты источниковедения материалов общероссийских съездов, конференций и совещаний РСДРП. — Вопросы истории, 1978, № 2.
- Паина Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX — начала XX вв.). — Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в. Л., 1967.
- Свавицкий Э. М. и Н. А. Земские подворные переписи 1880—1913 гг. Поуездные итоги. М., 1926.
- Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи. М., 1961.
- Сидоров А. Л. Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. — Исследования по отечественному источниковедению. М. — Л., 1964.
- Сидоров А. Л. К вопросу о характере текста и источников «Воспоминаний» С. Ю. Витте. — В кн.: А. Л. Сидоров. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970.
- Шепелев Л. Е. Законодательные акты акционерного учредительства. — Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1.
- Шепелев Л. Е. Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX — начала XX в. — Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.

-
- Андреева Н. Ф., Машкова М. В. Русская периодическая печать (общие и отраслевые библиографические указатели 1703—1975). М., 1977.
- Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России. 1901—1916. Л., 1958—1961, т. 1—4.
- Большевистская периодическая печать (декабрь 1900 г. — октябрь 1917 г.). Библиографический указатель. М., 1964.
- Григорьев В. Н. Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. М., 1926.
- История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Указатель (под ред. П. А. Зайончковского). М., 1976—1980, т. 1—3.
- Краваев В. Ф. Библиографический обзор земской статистической и оценочной литературы (1864—1903). Спб., 1906.
- Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1700—1900 гг. Пг., 1915.

- Масанов Ю. И., Ниткина Н. В., Титова З. Д. Указатель содержания русских журналов и продолжающихся изданий. 1755—1970 гг. М., 1975.
- Машкова М. В., Сокурова М. В. Общие библиографии русских периодических изданий 1703—1954 и материалы по статистике русской периодической печати. Аннотированный указатель. Л., 1956.
- Машихин Е. А., Симчера В. М. Библиографический указатель статистических ежегодников СССР. — В кн.: Очерки по истории статистики СССР. М., 1972, сб. 5.
- Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. М., 1959.
- Русская периодическая печать (1895 — окт. 1917 гг.). Справочник. М., 1957.
- Справочники по истории дореволюционной России (под ред. П. А. Зайончковского). 2-е изд. М., 1978.

Часть четвертая

Источники по истории СССР советского периода

- VIII съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959.
- XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1962.
- XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1966.
- XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1971.
- XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1976.
- XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1981, т. 1—3.
- Внеочередная VII сессия Верховного Совета СССР (девятый созыв). Стенографический отчет. М., 1977.
- Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.). М., 1934, т. I—II.
- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. 2-е изд. М., 1980, т. 1—5.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928—1935, т. 1—34.
- Всесоюзная перепись населения 1970 года. М., 1971—1975, т. I—V.
- Директивы XXV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. М., 1976.
- Декреты Советской власти. М., 1957—1980, т. I—X.
- Документы внешней политики СССР. М., 1957—1977, т. I—XXI.
- Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. М., 1980.
- История Советской Конституции (в документах). 1917—1956. М., 1957.
- Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1938.
- Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927. М., 1927.
- Конституция общенародного государства. М., 1977.
- Культурное строительство в СССР. М., 1967.
- Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М., 1968.
- Народное хозяйство СССР в . . . году. Статистический ежегодник. М. Издается с 1957 г.
- Народное хозяйство СССР. 1917—1977. М., 1977.
- Неизвестными путями. Воспоминания участников социалистического строительства. Л., 1967.
- Наш Миронич. Воспоминания о жизни и деятельности С. М. Кирова в Ленинграде. Л., 1970.
- О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов. М., 1972.
- Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. М., 1981.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и

- премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1976, т. 1—2.
- Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958.
- Промышленность СССР. М., 1957; М., 1964.
- Профсоюзная перепись 1932—1933 гг. М., 1934.
- План электрификации России. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии электрификации России. 1920. М.; 1955.
- Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929, т. I—III.
- Социалистическое строительство СССР. М., 1934, 1935, 1936.
- Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник ЦСУ. М., 1971.
- Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936.
- Сидоров А. Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка. — В кн.: А. Л. Сидоров. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970.
- Сообщения Совинформбюро. М., 1944—1945, т. I—VIII.
- Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. М., 1957—1965, т. I—VII.
- Сборник законов СССР. 1938—1975. М., 1975—1976, т. 1—4.
- Тегеран — Ялта — Потсдам. 3-е изд. М., 1971.
- Труд в СССР. М., 1930, 1932, 1934, 1936; М., 1968.
- Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. — Труды ЦСУ, т. 26, вып. 1—3.
- Фадеев Александр. Письма. 1917—1956. М., 1967.

Литература

- Валк С. О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания. — Архивное дело, 1939, № 5 (51).
- Вылдан М. А., Ивницкий Н. А. Типовые договоры МТС с колхозами (1929—1954). — Актовое источниковедение. М., 1979.
- Выборочные наблюдения в статистике СССР. Сборник статей ЦСУ СССР. М., 1966.
- Гимпельсон Е. Г., Давидович А. М. Документы съездов Советов как источник для изучения истории союзных и автономных советских республик. — История СССР, 1961, № 1.
- Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970.
- Генкина Э. Б. Протоколы совнаркома РСФСР за 1917—1922 гг. и их значение как исторических источников. — Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977.
- Гуревич С. М. В. И. Ленин и статистика социалистического государства. М., 1963.
- Журавлев В. В. Декреты Советской власти 1917—1920 гг. как исторический источник. М., 1979.
- Жанры советской газеты. М., 1959.
- Жучков Б. И., Кондратьев В. А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник. — История СССР, 1961, № 4.
- Иоффе А. Е. Мемуары советских дипломатов — ценный исторический источник. — История СССР, 1965, № 5.
- Ирошиников М. П. К начальной истории советского законодательства. — Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971.
- История советской государственной статистики. Сборник статей. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1969.
- Ксенофонтов П., Самошенко В. Битва под Сталинградом и мемуарная литература. — Военно-исторический журнал, 1967, № 11.
- Кабанов В. В. Из истории создания Конституции 1936 г. — История СССР, 1976, № 6.

- Курносоев А. А. Приемы внутренней критики мемуаров. — Источниковедение. М., 1969.
- Курносоев А. А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне. — Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976.
- Крупская Н. К. Отзывы на воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине. — Исторический архив, 1957, № 2.
- Ковалев Ан. Алфавит дипломатии. М., 1968.
- Луцкий Е. А. Подготовка проекта Декрета о земле. — В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966.
- Массовые источники по социально-экономической истории советского общества (под ред. И. Д. Ковальченко). М., 1979.
- Мишуриис А. Л. Печать, рожденная Октябрем. М., 1968.
- Окунева Р. Я. Как создавались «Были горы Высокой» (источники и приемы работы). — В кн. Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М., 1964.
- Ронин С. Л. Конституция СССР 1936 года. М., 1957.
- Степанов И. М. Советская Конституция — конституция социалистического типа. — История СССР, 1977, № 6.
- Филимонов В. Г. Первая советская Конституция. М., 1960.
- Черноморский М. Н. Мемуары как источник по истории советского общества. — Вопросы истории, 1960, № 12.
- Чистяков М. Н., Морозов П. Т. Планирование в СССР (организация и методы). М., 1971.
- Якубовская С. И. Из истории разработки первой конституции СССР. — Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.

* * *

- Беленький И. Л., Моргайло В. М., Покровский А. С. Библиография источниковедческих работ (1964—1967 гг.). — Источниковедение истории советского общества. М., 1968, вып. 2.
- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Аннотированный указатель книг и журнальных статей. 1954—1961. М., 1963.
- Газеты СССР. 1917—1960. Библиографический справочник. Газеты Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик. М., 1970, т. 1.
- История советского общества в воспоминаниях современников. Аннотированный указатель мемуарной литературы. М., 1958, ч. 1 (1917—1957 гг.); ч. 2, вып. 1. Журнальные публикации 1917—1927. М., 1961; вып. 2. Журнальные публикации 1928—1957. М., 1967.
- Кузнецов И. В., Фингерит Е. М. Газетный мир Советского Союза. Аннотированный указатель. М., 1972, т. 1; М., 1976, т. 2.
- Кочетова И. И. Библиография работ по источниковедению истории. (1968—1973 гг.). — Источниковедение истории советского общества. М., 1978, вып. 3.
- Машихин Е. А., Симчера В. М. Статистические публикации в СССР. Библиографический указатель. М., 1975.

Введение

Предисловие	3
Глава 1. Предмет и задачи источниковедения (И. Д. Ковальченко, С. В. Воронкова, А. В. Муравьев)	4
Глава 2. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина (С. В. Воронкова)	23

Часть первая

Источники по истории СССР с древнейших времен до XVIII в.

Глава 3. Источники по истории народов СССР древнейшего периода (А. В. Муравьев)	49
Глава 4. Летописи (В. А. Плугин)	62
Глава 5. Законодательные акты (А. В. Муравьев)	79
Глава 6. Актовые материалы (А. В. Муравьев)	93
Глава 7. Делопроизводственные материалы XVI—XVII вв. (Л. В. Милов)	106
Глава 8. Писцовое делопроизводство (XV—XVII вв.) (Л. В. Милов)	120
Глава 9. Литературные и публицистические памятники (XI—XVII вв.) (Л. М. Костюхина)	135
Глава 10. Источники по истории народов СССР (X—XVII вв.) (А. В. Муравьев)	151

Часть вторая

Источники по истории СССР XVIII — первой половины XIX в.

Глава 11. Законодательные акты (М. Т. Белявский)	170
Глава 12. Делопроизводственная документация (М. Т. Белявский)	181
Глава 13. Политические сочинения и публицистика. Программные документы революционных организаций (М. Т. Белявский)	195
Глава 14. Экономико-географические и статистические описания (Л. В. Милов)	207
Глава 15. Периодическая печать (С. С. Дмитриев)	221
Глава 16. Воспоминания, дневники, частная переписка (М. Т. Белявский)	237

Часть третья

Источники по истории СССР эпохи капитализма

Глава 17. Законодательные акты (С. В. Воронкова)	249
Глава 18. Делопроизводственная документация (С. В. Воронкова, Г. Р. Наумова)	261
Глава 19. Документы политических партий и организаций (С. В. Воронкова)	288
Глава 20. Статистические источники (С. В. Воронкова, Н. Б. Селунская)	301
Глава 21. Периодическая печать (С. С. Дмитриев)	325
Глава 22. Воспоминания, дневники, частная переписка (С. С. Дмитриев)	342

Часть четвертая

Источники по истории СССР советского периода

Глава 23. Документы Коммунистической партии Советского Союза (В. М. Селунская)	360
--	-----

Глава 24. Акты законодательных и исполнительных органов Советского государства (В. С. Голубцов, В. З. Дробизhev)	372
Глава 25. Делопроизводственная документация государственных учреждений, предприятий и общественных организаций (А. К. Соколов)	393
Глава 26. Статистические источники (В. З. Дробизhev, Ю. А. Мошков)	414
Глава 27. Материалы планирования народного хозяйства СССР (В. З. Дробизhev)	437
Глава 28. Периодическая печать (Л. Д. Дергачева)	446
Глава 29. Воспоминания, дневники, частная переписка (В. С. Голубцов)	465
Краткая библиография	481

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР

Под редакцией
Ивана Дмитриевича Ковальченко

Редактор А. С. Янкова
Художник А. Е. Коленков
Художественный редактор Т. А. Коленкова
Технический редактор Е. И. Герасимова
Корректор М. М. Сапожникова

ИБ № 2702

Изд. № Ист — 271. Сдано в набор 08.04.81. Подп. в печать 18.11.81. А—12914. Формат 60×90
Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 31 усл. печ.
Усл. кр.-отт. 31. Уч.-изд. л. 36,91, Тираж 30 000 экз. Зак. № 1751. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Высшая школа», Москва, К 51, Неглинная ул., д. 29/14

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Хохловский пер., 7.